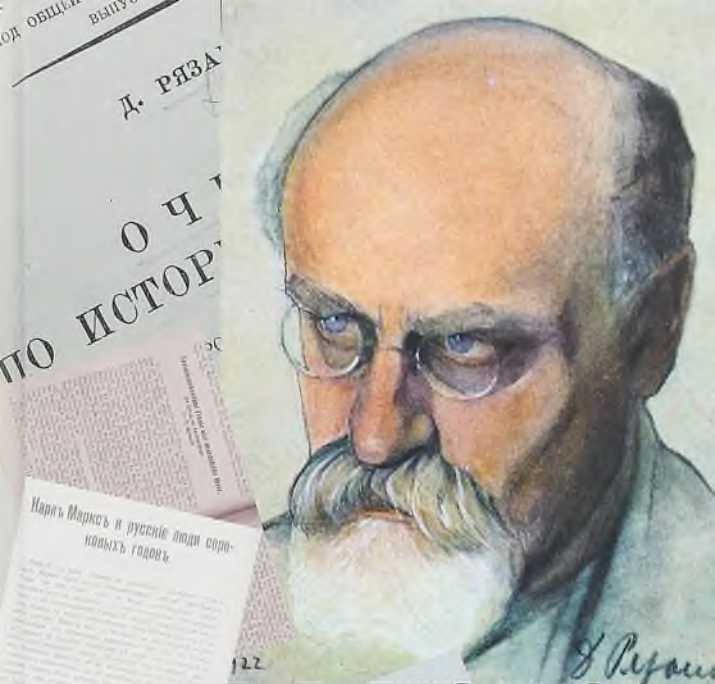


Д. Б. РЯЗАНОВ

ВЧИТЫВАЯСЬ В МАРКСА...

Избранные работы по марксоведению

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Карл Маркс и современность:
уроки истории

Д. Б. Рязанов

Вчитываясь в Маркса…

Избранные работы по марксоведению

К 200-летию Карла Маркса

Памяти Д. Б. Рязанова

РОССПЭН
Москва
2018

ББК 63.3
Р99

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-19-30003, не подлежит продаже

Рекомендовано к печати
Научным советом РГАСПИ 26 сентября 2018 г.

Рязанов Д. Б.

Р99 Вчитываясь в Маркса... Избранные работы по марксоведению / Д. Б. Рязанов ; [сост. Л. Л. Васина, С. А. Гаврильченко, Т. Т. Гиоева]. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 487 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2259-0

Выдающуюся роль в собирании и публикации наследия Карла Маркса, 200-летие со дня рождения которого отмечается в 2018 году, сыграл Д. Б. Рязанов – первый директор основанного в январе 1921 г. в Москве Института К. Маркса и Ф. Энгельса, создатель одного из самых значительных в мире архивов по социально-политической истории, уникальной библиотеки и первого в мире Музея К. Маркса и Ф. Энгельса.

Рязанов впервые опубликовал как на языке оригинала, так и на русском языке многие работы Маркса и Энгельса, исследовал важнейшие страницы их научной и политической биографии. Тексты Рязанова привлекают внимание не только фундаментальной документальной базой, но и независимостью выводов, отсутствием оглядки на авторитеты.

В 2018 г. исполнилось также 80 лет со дня трагической гибели Д. Б. Рязанова. Предлагаемый вниманию читателей сборник его избранных работ приурочен и к этой дате. Издание включает одиннадцать наиболее значимых работ Рязанова, посвященных изучению важных страниц биографии Маркса и истории марксизма.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-8243-2259-0

© Васина Л. Л., Гаврильченко С. А., Гиоева Т. Т., составление, комментарии, 2018
© Политическая энциклопедия, 2018

Маркс, Карл. Фотопортрет в полный рост.
[Конец июля – начало августа 1863 г.] Лондон

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей 6
Трудная судьба академика Д.Б. Рязанова 11

Работы разных лет (1909–1928) 41
К вопросу об отношениях между Марксом и Бланки 42
К. Маркс и «Нью-йоркская трибуна» 47
Возникновение Первого Интернационала 78
Внешняя политика старого Интернационала и его отношение к войне 153
Восьмичасовой рабочий день и старый Интернационал 191

Маркс и Россия 201
Англо-русские отношения в оценке К. Маркса 202
К. Маркс и Ф. Энгельс о восточном вопросе 279
Карл Маркс и русские люди сороковых годов 315
По поводу одной легенды (Герцен против Маркса) 378
Анархистский товар под флагом марксизма (Маркс и Бакунин в шестидесятых годах) 390
Маркс и Чернышевский 456
Указатель имен 465
Список сокращений 486
Список иллюстраций 487

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

5 мая 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Карла Маркса – великого мыслителя и революционера, создателя теории научного коммунизма, автора «Капитала». На следующий день после кончины Маркса, 15 марта 1883 г., Энгельс написал: «Человечество стало ниже на одну голову, причем самую значительную из всех, какими оно обладало»[1]. Подтверждением этой оценки стали результаты голосования, проведенного осенью 1999 г. британской корпорацией «BBC», когда именно Карл Маркс был признан «величайшим мыслителем тысячелетия», обойдя Альберта Эйнштейна, Исаака Ньютона, Чарлза Дарвина, Иммануила Канта и др.

По данным Библиотеки Конгресса США, Марксу посвящено больше научных трудов, чем какому-либо другому человеку на планете. В том, что научное наследие Маркса было со знанием дела выявлено, собрано, сохранено и была начата его научная публикация, огромная заслуга Давида Борисовича Рязанова (Гольдендаха) (1870–1938) – первого директора основанного в январе 1921 г. в Москве Института К. Маркса и Ф. Энгельса, создателя уникальной библиотеки, первого в мире Музея К. Маркса и Ф. Энгельса и одного из самых значительных в мире архивов по социально-политической истории. Рязанов принадлежит к числу наиболее крупных специалистов в области истории марксизма, он заложил основы особого раздела обществоведения – *марксоведения* как самостоятельной, комплексной научной дисциплины и на долгие годы вперед определил характер и направления развития этой области общественной науки. Рязанов впервые опубликовал как на языке оригинала, так и на русском языке многие работы Маркса и Энгельса, исследовал многие страницы их научной и политической биографии. Его перу принадлежат фундаментальные исследования по истории I Интернационала, критический анализ ряда работ Маркса по внешней политике России, изучение взаимоотношений Маркса с русскими революционерами.

Тексты Рязанова привлекают внимание не только фундаментальной источниковой базой, но и внутренней свободой ученого, независимостью его суждений, отсутствием оглядки на авторитеты.

В 1930-е гг. Рязанов был репрессирован и, несмотря на то, что еще в 1958 г. он был посмертно реабилитирован, вплоть до конца 1980-х гг. имя Рязанова пребывало в забвении. Только в 1989 г. состоялась его полная реабилитация по партийной линии. В 1990 г. Рязанов был восстановлен в звании академика. С этого

[1] Энгельс – Ф.А. Зорге, 15 марта 1883 г. // МЭС. Т. 35. С. 386.

времени вышло немало публикаций, посвященных Д.Б. Рязанову. С особенной признательностью хотелось бы отметить усилия старшего научного сотрудника Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС канд. ист. наук В.А. Смирновой по возвращению имени Рязанова в историю отечественной науки[2].

Важной вехой в изучении жизни и деятельности Рязанова стала приуроченная к 125-летию со дня его рождения (1995) международная научная конференция, организованная рядом научных институтов, в том числе Российским независимым институтом социальных и национальных проблем и Российским государственным архивом социально-политической истории[3]. Значительный вклад в изучение роли Рязанова в издании наследия Маркса и Энгельса внесли зарубежные исследователи Ю. Роян и Р. Хеккер (оба из ФРГ). Фундаментальная статья Рояна «Из раннего периода марксоведения: исследования Рязанова в 1907–1917 гг. в свете его переписки в МИСИ», написанная на базе хранящихся в Международном институте социальных исследований в Амстердаме писем Д.Б. Рязанова[4], познакомила с малоизвестным, но чрезвычайно важным периодом жизни Рязанова в эмиграции, когда он делал первые шаги в изучении и публикации наследия Маркса и Энгельса, исследовании их жизни и творчества. Изданные Хеккером сборники «Давид Борисович Рязанов и первая МЭГА»[5], «Успешная кооперация», «Сталинизм и конец первого издания полного собрания сочинений Маркса и Энгельса»[6], в которых были впервые опубликованы многие документы (некоторые в переводе на немецкий язык), хранящиеся ныне в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), позволили восстановить многие страницы истории одного из главных издательских проектов Рязанова – первого издания международного Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала (МЭГА), в том числе рассказать о плодотворном сотрудничестве в 1920-е гг. франкфуртского Института социальных исследований и московского Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Эти издания получили широкую известность во многих странах.

Следующим шагом в исследовании личности Рязанова и его многообразной деятельности стала международная научная конференция «Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870–1938): К 140-летию со дня рождения»,

---

[2] *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9. С. 71–84.

[3] Материалы конференции см.: Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель / Российский независимый институт социальных и национальных проблем; Российский государственный архив социально-политической истории. М., 2000.

[4] *Rojahn J.* Aus der Frühzeit der Marx-Engels-Forschung: Rjazanovs Studien in den Jahren 1907–1917 im Licht seiner Briefwechsel im IISG // MEGA-Studien. Hrsg. von der Internationalen Marx-Engels-Forschung. Amsterdam. 1996/1. S. 3–65.

[5] David Borisovič Rjazanov und die erste MEGA. (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge. Sonderband 1.) Hamburg, 1997.

[6] Erfolgreiche Kooperation: Das Frankfurter Institut für Sozialforschung und das Moskauer Marx-Engels-Institut (1924–1928). (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge. Sonderband 2.) Berlin, Hamburg, 2000; Stalinismus und das Ende der ersten Marx-Engels-Gesamtausgabe (1931–1941). (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Neue Folge. Sonderband 3.) Berlin, Hamburg, 2001.

состоявшаяся в апреле 2011 г. Она прошла в рамках Первых «Рязановских чтений» в Государственной общественно-политической библиотеке (ныне Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России)[7]. «Рязановские чтения», регулярно организуемые с этого времени в ГПИБ России, неизменно привлекают внимание исследователей и являются площадкой для презентации новых исследований о жизни и деятельности Д.Б. Рязанова.

Особенно большой вклад в изучение биографии Рязанова внес своими исследованиями и многочисленными публикациями, воплотившимися в обширную книгу, канд. ист. наук Я.Г. Рокитянский[8].

Однако современный читатель не знаком с работами самого Рязанова в области марксоведения, наиболее значимые из которых были опубликованы в последний раз в 1928 г. в сборнике «Очерки по истории марксизма», ставшем к настоящему времени тоже раритетом[9]. Этот факт подтверждает достаточно фундированная работа К.С. Десятскова на тему «Англо-русские отношения в конце XVII – начале XVIII вв., 1697–1716 гг.», в которой не упоминаются ни работа Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII в.», ни статья Рязанова «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса»[10]. К сожалению, не удалось в свое время опубликовать подготовленный в 1990 г. под руководством В.А. Смирновой двухтомник избранных трудов Д.Б. Рязанова, приуроченный к 120-летней годовщине со дня его рождения.

В некоторой степени восполнить этот пробел поможет переиздание в предлагаемом сборнике, посвященном 200-летию со дня рождения К. Маркса, наиболее крупных работ Рязанова, посвященных изучению важных страниц биографии Маркса и истории марксизма. К их числу относятся фундаментальные исследования публицистики Маркса 1850-х гг. и истории Первого Интернационала, статьи по теме «Маркс и Россия» – «Карл Маркс и русские люди сороковых годов», «По поводу одной легенды (Герцен против Маркса)», «Анархистский товар под флагом марксизма (Маркс и Бакунин в шестидесятых годах)», а также такие публикации по истории международных отношений и внешней политики, как статьи «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» и «К. Маркс и Ф. Энгельс о восточном вопросе». В рамках темы «Карл Маркс и Фридрих Энгельс в эпоху первого Интернационала» в настоящем издании впервые на русском языке публикуется работа Рязанова «Внешняя политика старого Интернационала и его отношение к войне».

Отобранные для публикации работы относятся к разному времени и располагаются в сборнике не по хронологическому принципу. Структура книги вытекает

---

[7] Материалы конференции см.: Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870–1938): К 140-летию со дня рождения. Материалы научной конференции. М., 2011.

[8] *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б. Рязанов – социал-демократ, правозащитник, ученый. М., 2009.

[9] *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма / с предисл. авт. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. 2-е изд., доп. Т. 1–2. М.; Л., 1928. (Исследования по истории и теории марксизма / под общей ред. Д. Рязанова. Вып. 2.)

[10] *Десятсков К.С.* Англо-русские отношения в конце XVII – начале XVIII вв., 1697–1716 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Великий Новгород, 2000.

из того, с каким периодом биографии Маркса связана тематика той или иной работы Рязанова. Сборник открывается напечатанной в 1926 г. статьей «К вопросу об отношении между Марксом и Бланки», освещающей одну из страниц биографии Маркса 1840-х годов. Далее идут работы, в которых исследована деятельность Маркса в 1850–1860-х гг. В рамках темы «Маркс и Россия» представлены сначала статьи Рязанова, посвященные анализу понимания Марксом определенных аспектов внешней политики и дипломатической истории Западной Европы и России с конца XVII до середины XIX в. Далее идет цикл работ, в которых Рязанов исследовал взаимоотношения Маркса с общественными и революционными деятелями России XIX в. Центральное место занимает в них тема отношений Маркса с А.И. Герценом и М.А. Бакуниным. Работы Рязанова проясняют именно те моменты взаимоотношений Маркса и Бакунина, которые по сей день муссируются в литературе о Бакунине.

Несмотря на некоторые недостатки, обусловленные влиянием эпохи и отсутствием должной документальной базы, работы Рязанова по данной тематике имеют не только исторический интерес. Многие вопросы, рассматриваемые в работах Маркса, которые анализировал Рязанов, в частности история русско-английских и русско-турецких взаимоотношений, имеющих глубокие исторические корни, как и внешняя политика России в контексте этих отношений, не только не утратили свою актуальность, но обретают новый смысл ввиду зачастую превратно толкуемых сегодня взглядов Маркса на Россию. Статьи Рязанова, затрагивающие эту весьма чувствительную для нас тему, возможно, помогут сегодняшнему читателю хотя бы отчасти понять истоки некоторых высказываний Маркса о России.

В январе 2018 г. исполнилось 80 лет со дня трагической гибели Д.Б. Рязанова. Предлагаемый вниманию читателей сборник избранных работ Рязанова приурочен и к этой дате.

Особенностью данного издания является впервые даваемый комментарий к публикуемым текстам Рязанова. При работе над сборником были использованы материалы упомянутого двухтомника избранных работ Рязанова, подготовленного к печати под руководством В.А. Смирновой, но так и не вышедшего в свет. При подготовке настоящего издания публикуемые тексты работ Рязановы были заново выверены по публикациям, положенным в основу данного издания, при необходимости сверены с первыми немецкими изданиями работ Рязанова, проверены ссылки на многие источники, использованные Рязановым. Часть выявленных ошибок устранена непосредственно в тексте публикации, некоторые – поясняются в редакционных примечаниях. Особенности стиля Рязанова сохранены; орфография и пунктуация в ряде случаев даны в соответствии с современными требованиями. Комментарии, сделанные в свое время сотрудниками Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС при подготовке двухтомной публикации работ Рязанова, в данном издании уточнены, актуализированы и существенно расширены с учетом новейших публикаций наследия Маркса, Энгельса и их современников в издании Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА)[11], а также документов той эпохи, опубликованных с начала 1990-х гг. как в России, так и за рубежом.

[11] Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (немецком, английском, французском и др., всего более 12 языков и диалектов) – Marx-Engels-Gesamtausgabe (аббревиатура (*нем.*) MEGA / МЭГА). См. с. 27, 39–40.

Письма и другие документы Маркса и Энгельса, еще не опубликованные в то время, которые Рязанов впервые приводит в русских переводах, воспроизводятся без изменения. Соответствующие ссылки на современные издания и необходимые пояснения приводятся в редакционных примечаниях. Транскрипция иностранных имен дается, как правило, в соответствии с их современным написанием, принятым прежде всего во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса в 50-ти томах. Ввиду редкости использованных Рязановым литературных и документальных источников собственные библиографические сноски Рязанова сохраняются в данном издании в основном в том виде, в каком они были даны в оригинале публикуемых текстов. Отдельные исправления явных ошибок, допущенных Рязановым, оговариваются в редакционных примечаниях. Установленные неточности в примечаниях Рязанова корректируются в соответствующих редакционных примечаниях в конце каждого текста. Некоторые уточнения и дополнения, переводы отдельных иностранных слов или пояснения устаревших слов и выражений показаны непосредственно в тексте в редакционных квадратных скобках. Все курсивы в текстах статей принадлежат Рязанову.

Примечания Рязанова воспроизводятся, как правило, в подстрочных сносках. Примечания подготовителей данного издания даются в конце каждой статьи. Исключение составляет статья «Возникновение Первого Интернационала», где обширные примечания Рязанова, как и в первой публикации данной статьи, приводятся в конце этой работы; редакционные примечания даются в квадратных скобках. Историческая справка о ней дана, в виде исключения, в первом подстрочном редакционном примечании к тексту (см. с. 78–79).

Настоящее издание подготовлено главными специалистами РГАСПИ канд. эк. наук Л.Л. Васиной (руководитель проекта), С.А. Гаврильченко и Т.Т. Гиоевой.

Вводная статья «Трудная судьба академика Д.Б. Рязанова» написана Васиной Л.Л. с использованием сохранившихся материалов В.А. Смирновой.

ТРУДНАЯ СУДЬБА АКАДЕМИКА Д.Б. РЯЗАНОВА

Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) родился 10 марта 1870 г. в Одессе в многодетной семье состоятельного коммерсанта. Начальное образование получил в частных пансионах, в 1881–1886 гг. учился в Одесской гимназии, из которой был исключен за «неуспеваемость в греческом языке»[1]. Глубокие разносторонние знания и широкая эрудиция в области истории, философии, политической экономии, юриспруденции, истории рабочего движения и социализма, которые отличали в дальнейшем Рязанова, были результатом упорного самообразования. С 1886 г. Рязанов, в то время народник, стал вести пропаганду среди рабочих в революционных кружках Одессы. Осенью 1887 г. он впервые подвергся обыску и из-за угрозы ареста 1889–1890 гг. провел за границей. В Париже Рязанов посещал лекции в Сорбонне и Коллеж де Франс, работал в Парижской Национальной библиотеке. Он посещал собрания русских эмигрантов, присутствовал на заседаниях Учредительного конгресса II Интернационала, проходившего в Париже в июле 1889 г., в Швейцарии познакомился с П.Л. Лавровым, Г.В. Плехановым и В.И. Засулич – членами марксистской группы «Освобождение труда». Уехав за границу народником, Рязанов, по его собственным словам, вернулся в Россию марксистом[2].

После возвращения в Одессу в апреле 1890 г. Рязанов занимался просветительской пропагандистской работой среди учащихся и рабочих, но из-за угрозы ареста вновь уехал за границу и до осени 1891 г. жил в Швейцарии и во Франции. При возвращении в Россию в октябре 1891 г. он был арестован на границе и до конца 1896 г., в общей сложности около шести лет, находился в тюрьмах Одессы, Петербурга и Москвы. По истечении срока заключения Рязанова отправили в трехлетнюю ссылку в г. Оргеев Бессарабской губернии, в 46 км от Кишинева, где он, несмотря на гласный надзор полиции, сумел создать молодежный социал-демократический кружок, среди участников которого были будущие известные советские ученые В.П. Волгин и Ю.М. Стеклов. В тюрьмах и ссылке Рязанов продолжал самообразование. Сразу после кишиневской ссылки, срок которой истек 30 декабря 1899 г., Рязанов вместе с женой Анной Львовной – дочерью покойного к тому времени купца Брановера, в доме которого он жил в период ссылки, уехал за границу, поселившись сначала в Париже, а затем в Берлине[3].

---

[1] *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 44–47.

[2] Там же. С. 51–56.

[3] Подробнее см.: Там же. С. 66–87.

В Париже Рязанов возглавил небольшую группу единомышленников (помимо Рязанова, в нее входили Ю.М. Стеклов и близкий друг Рязанова, бывший народоволец Е. Смирнов)[4], оформившуюся впоследствии в группу «Борьба», которая ставила своей задачей объединение российских социал-демократов по типу западноевропейских социал-демократических партий, прежде всего СДПГ, на позициях революционного марксизма[5]. В этот период организационного оформления Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) Рязанов поддержал борьбу В.И. Ленина и Г.В. Плеханова против «экономизма», сторонники которого видели задачи социал-демократии в пропаганде среди рабочих только экономической борьбы. Рязанов активно занимался публицистической деятельностью. С этого времени он использовал литературный псевдоним «Н. Рязанов» по имени героя романа В.А. Слепцова «Трудное время» (1865)[6]. В 1901 г. Рязанов переехал в Берлин, руководил группой «Борьба», которую представлял на II съезде РСДРП в 1903 г., работал в газетах «Искра» и «Заря». В 1901 г. произошло его личное знакомство с В.И. Лениным, о котором он впервые услышал, еще находясь в «Крестах»[7].

Д.Б. Рязанов не принадлежал к числу ближайших соратников Ленина, и ленинские оценки в адрес Рязанова носили порой резкий характер. Это определялось главным образом расхождениями в их взглядах, особенно по вопросам партийной тактики. В то же время в письмах и выступлениях Ленина можно найти немало и положительных характеристик Рязанова. Ленин ценил его широкий кругозор, образованность, прекрасное знание литературного наследства Маркса и Энгельса. В эмиграции, особенно в годы Первой мировой войны, пути Ленина и Рязанова часто пересекались: они обменивались письмами или просто работали бок о бок, как это было в 1916 г. в Цюрихе, где Рязанов проживал с мая 1915 г. Ленин и в дальнейшем часто обращался к Рязанову за справками по специальным вопросам.

После начала революции в России в 1905 г. Рязанов вернулся в Россию. Первое время он работал в Одессе, а после опубликования «Манифеста 17 октября», даровавшего гражданам России гражданские свободы, перебрался в Петербург, где стал одним из организаторов первых в России профсоюзов. В качестве представителя профсоюзов Рязанов вел работу в социал-демократической фракции II Государственной Думы. В мае 1907 г. он был арестован и вышел на свободу в октябре 1907 г., некоторое время работал в думской фракции социал-демократов в III Государственной Думе, после чего был выслан за границу. С конца ноября 1907 до апреля 1917 г. Рязанов находился в эмиграции[8].

В течение этого десятилетия изучение литературного и эпистолярного наследия Маркса и Энгельса стало основной областью научных интересов и профессиональных занятий Рязанова.

Дебютом Рязанова в марксоведении, по-видимому, стало участие в редактировании русского перевода первых двух томов работ Маркса и Энгельса, изданных

---

[4] *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 88–91.

[5] *Стеклов Ю.М.* В ссылке и эмиграции // Пролетарская революция. 1923. № 5 (11). С. 222.

[6] *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 93.

[7] *Рязанов Д.Б.* Ленин как теоретик пролетарского государства. 2 марта 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 78. С. 107.

[8] Подробнее см.: *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 178–200.

Die Neue Zeit

Wochenschrift der Deutschen Sozialdemokratie

Herausgegeben von Karl Kautsky

Dreiundzwanzigster Jahrgang · Zweiter Band

Stuttgart 1905

Verlag: J. H. W. Dietz Nachf. G. m. b. H.

Обложка журнала "Die Neue Zeit" (Штутгарт), в котором Д.Б. Рязанов публиковался в 1904–1916-е гг.

Д.Б. Рязанов в Вене. 1910-е гг.

Францем Мерингом в четырехтомном издании «Из литературного наследия Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Фердинанда Лассаля»[9]. Русское издание, в подготовке которого, помимо Рязанова, участвовали Л.И. Аксельрод и Б.А. Гинзбург (псевдоним Д. Кольцов), включало работы Маркса и Энгельса за 1841–1844 гг. и вышло в Одессе в 1908 г. объемом в 650 страниц[10].

В своей автобиографии точкой отсчета в занятиях публикаторской деятельностью в области марксоведения Рязанов, однако, называл 1909 г., когда он получил предложение библиотеки Антона Менгера в Вене[11] собрать и издать документы по истории Первого Интернационала[12]. 24 июня 1909 г. Карл Каутский в письме Рязанову предложил взять на себя подготовку документов Интернационала[13] и в

[9] Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Bd. I–IV. Stuttgart, 1902.

[10] Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля. Издано Фр. Мерингом. Т. 1. Собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса от марта 1841 г. до марта 1844 г. Полный пер. под ред. Л. Аксельрод, Д. Кольцова и Д. Рязанова. Одесса: Освобождение труда, 1908.

[11] Библиотека социалистической литературы, собиравшаяся с 1870-х гг. австрийским юристом А. Менгером и перешедшая после его смерти (1906) в собственность Венского университета. (См.: *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов... С. 73.)

[12] *Рязанов Д.Б.* Автобиография (РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 159. Л. 3–4).

[13] К. Каутский – Д.Б. Рязанову, 24 июня 1909 г. (РГАСПИ. Ф. 213. Д. 166.)

конце того же года одобрил план Рязанова данного издания[14]. «Для этого большого труда, – писал Рязанов, – пришлось много работать в лондонских, парижских, итальянских (Рим/Флоренция), швейцарских, австрийских и немецких библиотеках. К 1914 г. был уже сдан в печать и набран первый том, оставшийся, однако, в корректуре»[15]. Сохранились гранки этих документов, известные под названием «Книга документов I Интернационала» («Urkundenbuch der I. Internationale»).

В процессе этой работы Рязанову удалось собрать ряд печатных и рукописных материалов, относящихся к периоду основания I Интернационала, протоколы его Генерального Совета, Лондонской конференции 1865 г., Женевского (1866) и Лозаннского (1867) конгрессов и некоторые другие документы.

Как отметил впоследствии заместитель Рязанова Э.О. Цобель, «Рязанов стал лучшим знатоком истории Первого Интернационала и рабочего движения 60-х – 70-х годов... и заложил фундамент для действительно научной марксистской истории Первого Интернационала»[16]. На основе собранных материалов Рязанов намеревался написать многотомное исследование, раскрывающее все этапы деятельности I Интернационала. До 1917 г. ему удалось опубликовать лишь несколько работ из этого цикла. В октябре 1919 г. в журнале «Коммунистический Интернационал» была напечатана небольшая работа Рязанова «Основание Первого Интернационала»[17], а спустя пять лет в первом томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» была опубликована фундаментальная работа на эту тему «Возникновение Первого Интернационала»[18], которая и сегодня поражает своей основательностью, интересом автора даже к мелким событиям и отдельным фактам, которые в своей совокупности позволяют проследить всю цепь событий, приведших к образованию I Интернационала. Исследование Рязанова по сей день сохраняет свою научную ценность.

Наряду с изучением истории I Интернационала Рязанов продолжал заниматься историей и теорией марксизма. В 1909 г. он был лектором в пропагандистской школе группы «Вперед» на Капри, в 1911 г. прочел цикл лекций о профсоюзном движении в России и на Западе в школе Лонжюмо под Парижем.

---

[14] К. Каутский – Д.Б. Рязанову, 22 декабря 1909 г. (РГАСПИ. Ф. 213. Д. 174). Многие письма Рязанова Каутскому находятся в Международном институте социальной истории (Амстердам, далее МИСИ). См.: *Роян Ю.* О переписке Рязанова в фондах Международного института социальной истории (Амстердам) // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000. С. 31–38.

[15] *Рязанов Д.Б.* Автобиография... Л. 4.

[16] *Цобель Э.* Д.Б. Рязанов как марксовед // На боевом посту. Сборник к 60-летию Д.Б. Рязанова. М., 1930. С. 76. Переиздание этой статьи см.: Воспоминания современников о Давиде Борисовиче Рязанове (извлечение из сборника «На боевом посту») / Государственная общественно-политическая библиотека. М., 2011. С. 69.

[17] *Рязанов Д.Б.* Основание Первого Интернационала // Коммунистический Интернационал. 1919. № 6. С. 829–838.

[18] *Рязанов Д.Б.* Возникновение Первого Интернационала // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. I. М., [1924]. С. 105–188; *Rjazanov D.* Zur Geschichte der ersten Internationale. I. Die Entstehung der Internationalen Arbeiterassoziation // Marx-Engels-Archiv. Frankfurt am Main. Bd. I. [1926.] S. 119–202.

На профессиональной основе – участие в обработке архива СДПГ и публикация работ Маркса и Энгельса – у Рязанова установились тесные контакты с той частью руководства германской социал-демократии, которая имела отношение к наследию Маркса и Энгельса. В то время это были председатель СДПГ А. Бебель и Э. Бернштейн (оба наследники архива Энгельса)[19], ведущий теоретик II Интернационала и редактор его теоретического органа «Die Neue Zeit» К. Каутский, редактор газеты «Vorwärts» Р. Гильфердинг, руководитель партийного издательства Г. Дитц, а также один из наиболее компетентных специалистов в области истории рабочего движения Ф. Меринг, которому Правление СДПГ поручило в 1898 г. публикацию литературного наследия Маркса и Энгельса[20]. К работе по изданию литературного наследия Маркса и Энгельса было решено привлечь и Рязанова. Правление Социал-демократической рабочей партии Германии поручило Рязанову подготовить и издать работы Маркса и Энгельса 1850-х – начала 1860-х гг.[21] Намерение Рязанова заняться подготовкой к печати произведений Маркса и Энгельса этого периода было не в последнюю очередь продиктовано тем, что именно в статьях этого времени были наиболее четко представлены взгляды Маркса на роль России в Европе – тема, имевшая несомненно важное значение для российских социал-демократов. Специализация Рязанова на работах Маркса и Энгельса этого периода была связана и с тем, что издание наследия Маркса и Энгельса до 1848 г. считалось исключительно делом Ф. Меринга[22].

Получив по рекомендации А. Бебеля доступ к Архиву германской социал-демократии, Рязанов был поражен, в каком небрежении находится его самая ценная часть – документы Маркса и Энгельса. Осенью 1909 г. Правление СДПГ поручило Рязанову обработку «двух ящиков» архива Маркса и Энгельса, которые с 1901 г., после их перемещения в Берлин после смерти Энгельса, оставались не разобранными. По предложению Каутского и О. Брауна эти материалы были пересланы в Вену, где над ними в Фонде Менгера на протяжении нескольких месяцев интенсивно работал Рязанов[23]. Он первым осуществил разбор, обработку и систематизацию архива Маркса и Энгельса, настоял на приведении в порядок наследия Маркса и Энгельса, распыленного в то время между разными лицами. Часть рукописей (вплоть до 1920-х гг.) находилась у Эдуарда Бернштейна. Ряд документов, выданных Мерингу и Каутскому для подготовки издания отдельных работ, осел в их домашних библиотеках. Рязанов начал распутывать переплетения тех сложных дорог, по которым расходились рукописи Маркса и Энгельса. Летом 1910 г. он получил приглашение Лауры и Поля Лафаргов приехать к ним в Дравей под Парижем и поработать над той частью архива Маркса, которая хра-

[19] В соответствии с английским законодательством Энгельс мог завещать свой архив только частному лицу, поэтому официальными наследниками его рукописного наследства и библиотеки, а также авторских прав им были выбраны А. Бебель, Э. Бернштейн и П. Зингер (см.: Завещание Фридриха Энгельса и дополнения к нему // МЭС. Т. 39. С. 429–430).

[20] Подробнее об этом см., например: *Роян Ю.* О переписке Рязанова в фондах Международного института социальной истории (Амстердам) // Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель... С. 31–38).

[21] РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 159. Л. 5.

[22] *Rojahn J.* Aus der Frühzeit der Marx-Engels-Forschung... S. 13, Anm. 51.

[23] Ebenda. S. 18–23.

Gesammelte Schriften
von
Karl Marx und Friedrich Engels
1852 bis 1862
Herausgegeben von N. Rjasanoff
Erster Band
Stuttgart 1917

Обложка первого тома изданного Д.Б. Рязановым «Собрания сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса за 1852–1862 гг.» («Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862». Bd. 1. Stuttgart, 1917)

нилась в их доме. В декабре 1912 г., уже после смерти дочери и зятя Маркса, Рязанов разбирал их семейный архив, откладывая те документы, которые подлежали передаче в архив СДПГ. В 1913–1914 гг. с помощью Бебеля он получил наконец возможность ознакомиться с частью оригиналов писем Маркса и Энгельса, относящихся к периоду деятельности I Интернационала и находящихся у Бернштейна[24].

Результаты своих исследований Рязанову удалось реализовать уже в то время, печатая тексты Маркса и Энгельса и свои комментарии к ним, главным образом по-немецки, в теоретическом органе германских социал-демократов журнале «Die Neue Zeit», в издании австрийских социал-демократов «Der Kampf», а также в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» («Архиве по истории социализма и рабочего движения») под редакцией теоретика австромарксизма, профессора Венского университета Карла Грюнберга. Как только в 1911 г. в связи с ослаблением цензурных ограничений появилась возможность для публикации в России, Рязанов стал печатать свои работы и переводы прежних публикаций из «Die Neue Zeit» и «Der Kampf» в теоретическом органе большевиков журнале «Просвещение», а также в прогрессивном журнале «Современный мир» и других органах. До Октября 1917 г. Рязанов опубликовал более 130 работ[25].

[24] *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов.. С. 72–73.

[25] *Васина Л.Л.* Д.Б. Рязанов и издание наследия Маркса и Энгельса // Известный и неизвестный Давид Борисович Рязанов (1870–1938): К 140-летию со дня рождения. Материалы научной конференции. М., 2011. С. 174.

Фундаментальным изданием, подготовленным Рязановым в эмиграции были два тома «Собрания сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса с 1852 г. по 1862 г.»[26], содержащие статьи Маркса и Энгельса, связанные с их публицистикой периода Крымской войны 1853–1856 гг. и подготовкой создания I Интернационала. В то время это была едва исследованная область. В 1909 г. в журнале «Die Neue Zeit» была опубликована статья Рязанова «Карл Маркс о зарождении господства России в Европе. Критические исследования»[27] (в русском переводе «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса», впервые опубликована на русском языке в 1918 г.). В этой статье Рязанов сообщил о намерении более обстоятельно рассмотреть статьи Маркса периода Крымской войны, о переводе которых на немецкий язык он договорился с Луизой Каутской. Здесь же Рязанов высказал намерение исследовать позицию Маркса по отношению к политике Пальмерстона, восточному вопросу в связи с обострением в 1853 г. противоречий между Россией и западноевропейскими странами на Ближнем Востоке и Балканах и начавшейся затем Крымской войной[28].

Часть статей этого периода была известна с 1897 г. по крайне неполному изданию Элеоноры и Эдуарда Эвелингов «К. Маркс. Восточный вопрос»[29]. Рязанов начал с исследования текстов Маркса и Энгельса из издания Эвелингов. В доме Лафаргов он изучил использованную Эвелингами коллекцию вырезок из газеты «New-York Tribune», находившуюся среди бумаг Энгельса и систематизированную Густавом Майером, а затем отправился в Лондон, чтобы в библиотеке Британского музея сравнить тексты издания Эвелингов с подлинниками.

В результате фундаментального исследования газет «The People's Paper», «New-York Tribune» и «Neue Oder-Zeitung» Рязанову удалось выявить 250 ранее неизвестных статей и корреспонденций Маркса и Энгельса. «Позор, – написал Рязанов в середине мая 1909 г. Каутскому, – что эти статьи из "Нью-йоркской трибуны" до сих пор не напечатаны»[30]. Предисловие Рязанова к этой публикации, написанное в 1916 г. и опубликованное как первая часть введения к «Собранию сочинений...», а также комментарий Рязанова открыли новую страницу не только в биографии Маркса и Энгельса, но и в истории газеты «New-York Tribune» (с. 47–77)[31]. Следует отметить, что исследования в этой области не завершены по сей день. При подготовке английского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (Karl Marx, Frederick Engels. Collected Works) и т. I/14 МЭГА были выявлены 20 новых статей (одна Маркса, 19 – Энгельса), опубликованных в амери-

[26] Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852–1862. Hrsg. von D. Rjazanov. Bd. I–II. Stuttgart, 1917.

[27] *Rjazanoff N.* Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. Kritische Untersuchungen // Die Neue Zeit. (Ergänzungshefte zur Neuen Zeit.) Stuttgart. 1909. Nr. 5, 5. März 1909. S. 1–64.

[28] Ebenda. S. 8, Anm. 2.

[29] *Marx K.* The Eastern Question. Ld., 1897.

[30] Д. Рязанов – К. Каутскому, до 16 мая 1909 г. (IISG. Kautsky-Nachlaß, Sign. D XIX 282.) Цит. по: *Rojahn J.* Aus der Frühzeit der Marx-Engels-Forschung... S. 14.

[31] На русском языке предисловие было опубликовано как отдельная статья в первом и во втором изданиях книги: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма.

канской газете «New-York Tribune»[32]. Кроме того, в приложении напечатаны еще 10 статей из этой газеты, которые, как предполагается, также могли быть написаны Марксом или Энгельсом[33].

К моменту своего возвращения в Россию Рязанов являлся одним из наиболее компетентных специалистов в области изучения и публикации наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Исследования и публикации Рязанова создали предпосылки для организации в России после Октябрьской революции 1917 г. исследовательского археографического марксоведческого центра, каким стал московский Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

С мая 1915 г. Рязанов находился в Швейцарии. С самого начала Первой мировой войны он занял антиоборонческую позицию, участвовал в Циммервальдской конференции европейских социалистов, в апреле 1917 г. через Германию вернулся в Петроград вместе с В.И. Лениным и другими русскими революционерами в знаменитом «пломбированном вагоне».

* * *

По возвращении из эмиграции Рязанов активно участвовал в политической деятельности. Он вошел в организацию «межрайонцев», которая на VI съезде РСДРП (б) в апреле 1917 г. объединилась с большевиками, и с тех пор вплоть до 1930 г. Рязанов являлся делегатом всех съездов партии. Был делегатом I и II Всероссийских съездов Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Осенью 1917 г. был избран депутатом Учредительного собрания от Херсонского округа, являлся членом бюро фракции большевиков. При этом Рязанов был в числе тех, кто возражал против ленинского плана вооруженного восстания в Петрограде, «опасаясь его неудачи»[34], а после прихода большевиков к власти выступал за создание коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. Он был посредником на переговорах между Советским правительством и Всероссийским исполнительным комитетом железнодорожного профсоюза (ВИКЖЕЛЬ), который попытался стать платформой для достижения соглашения различных социалистических партий о принципах организации новой власти[35]. Будучи назначенным первым комиссаром путей сообщения, Рязанов подписал совместное заявление ряда членов правительства, настаивавших на «необходимости образо-

---

[32] Karl Marx/Friedrich Engels Gesamtausgabe (MEGA). Abt. 1. Bd. 14: Werke Artikel, Entwürfe Januar bis Dezember 1855. Bearb. von H.-J. Bochinski und M. Hundt. Unter Mitwirkung v. U. Emmrich und M. Neuhaus. Hrsg. v. Internationalen Marx-Engels-Stiftung Amsterdam. Berlin: Akademie Verlag, 2001.

[33] Ebenda. S. 799–831. См. также: *Васина Л.Л.* Д.Б. Рязанов и издание наследия Маркса и Энгельса... С. 173–174.

[34] *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 272. О позиции Рязанова в отношении намечаемого вооруженного выступления, высказанной на заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, писал В. Базаров (литературный псевдоним В.А. Руднева) в статье «Марксистское отношение к восстанию», опубликованной в газете «Новая Жизнь» 17 (30) октября 1917 г. См.: Революция 1917 г. глазами современников. В 3 томах. Т. 3: октябрь 1917 – январь 1918 г. Редактор-составитель В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2017. С. 185–189.

[35] См.: Переговоры о соглашении («Новая Жизнь»). 2 [15] ноября 1917 г. // Там же. С. 328–333.

вания социалистического правительства из всех советских партий»[36]. В начале 1918 г. он на короткое время выходил из партии в знак протеста против подписания Брестского мира.

Однако главной сферой деятельности Рязанова после революции стали спасение архивов как национального достояния страны и организация научных исследований в Советской России. В марте 1918 г. он был назначен «главноуполномоченным» Совнаркома Петроградской трудовой Коммуны «по реорганизации и ликвидации архивов», а в начале апреля возглавил общественный Центральный комитет по управлению архивами (ЦКУА). С июня 1918 по сентябрь 1920 г. Рязанов являлся заведующим Главным управлением архивным делом (ГУАД) при Народном комиссариате просвещения и приступил к организации единого государственного архивного фонда страны. 18 июня 1918 г. Ленин подписал удостоверение о назначении Рязанова членом Коллегии Наркомпроса, где он возглавил Главное управление по делам науки.

В апреле–мае 1918 г. были разработаны планы организации Социалистической академии, которая конституировалась как высший научно-исследовательский центр марксистской мысли в стране. Академия собрала наиболее крупных ученых-марксистов того времени (М.Н. Покровский, И.И. Скворцов-Степанов, А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, М.А. Рейснер, Д.Б. Рязанов, Ю.М. Стеклов и др.). Рязанов сыграл большую роль в определении задач и структуры Академии, он входил в состав Государственного ученого совета и президиума Социалистической академии. При создании Социалистической академии Рязанов выдвинул новый принцип организации научных исследований по проблемным кабинетам, которые с течением времени, став исследовательскими центрами, могли бы превратиться в сеть научно-исследовательских институтов[37]. В рамках Социалистической академии Рязанов создал Кабинет марксизма и начал комплектовать специализированную библиотеку из фондов национализированных книжных коллекций. Кабинет марксизма стал основой Музея К. Маркса и Ф. Энгельса, а затем Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

* * *

Необходимость создания единого издательского и научного центра марксоведения диктовалась самой жизнью. В послеоктябрьский период интерес к работам Маркса и Энгельса был громадным. Их произведения, помимо Москвы и Петрограда, издавались во многих других городах. Однако распыленность и бесконтрольность издательств привели к тому, что книжный рынок оказался заполнен переизданиями работ Маркса и Энгельса, нередко исковерканных ножницами царских цензоров.

7 декабря 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) принял решение об организации Музея по марксизму и поручило выполнение этой задачи Рязанову, освободив его от руководства архивным делом. Спустя месяц решением Оргбюро ЦК РКП(б) от

---

[36] См.: Редакционная статья «Распад Советского правительства» («Новая Жизнь») // Там же. С. 339.

[37] РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 83. Л. 59–64. Именно кабинеты Социалистической академии положили начало таким институтам, как Институт советского строительства, Институт мирового хозяйства и мировой политики и т. д.

11 января 1921 г. музей был по предложению Д. Рязанова переименован в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса[38]. Институт существовал сначала как автономное учреждение при Социалистической академии и только с 1 июня 1922 г. стал самостоятельным научно-исследовательским учреждением при ВЦИК РСФСР (позднее при ЦИК СССР)[39].

К этому времени в ходе дискуссии о профсоюзах в 1921 г. Рязанов разошелся с большинством ЦК по вопросу о роли партии в профсоюзном движении, был отстранен от работы в ВЦСПС и с этого времени целиком сосредоточился на научной деятельности.

Основные задачи Института К. Маркса и Ф. Энгельса заключались в изучении и содействии изучению марксизма, истории международного рабочего и коммунистического движения, а также в пропаганде марксизма среди широких трудящихся масс[40]. Для осуществления этих целей на Институт возлагались задачи марксоведения в широком смысле этого слова: собирание, систематизация, хранение и изучение рукописей, документов, книг и др. материалов, имеющих отношение к жизни и деятельности Маркса и Энгельса, а также истории пролетариата в различных странах; организация читального зала с соответствующей справочной литературой для изучения марксизма; издание как полного академического собрания сочинений Маркса и Энгельса, так и собрания избранных произведений на русском и иностранных языках; издание серий библиотек из книг по научному социализму, марксизму, материализму, классиков-экономистов, по истории рабочего класса и его классовой борьбы и т. д. Таким образом, изначально исследовательские задачи и издательские планы ИМЭ были весьма обширными, что предопределило невероятное разнообразие научной и издательской деятельности Института и его директора Рязанова.

С созданием Института К. Маркса и Ф. Энгельса уровень издания произведений Маркса и Энгельса заметно вырос. В эти годы стали появляться, главным образом в журнале «Под знаменем марксизма», переводы работ Маркса и Энгельса, ранее не известные русскому читателю. В общей сложности Рязанов опубликовал до 1924 г. свыше десяти печатных листов таких статей и писем Маркса и Энгельса.

Основной задачей ИМЭ являлось «скорейшее издание сочинений Маркса и Энгельса»[41], а именно Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса «как на русском языке, так и на тех языках, на которых они были написаны авторами», то есть на языках оригинала. В Институте развернулась подготовка 32-томного Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке, работа над которым была, однако, вскоре приостановлена. Результаты зарубежных исследований Ря-

[38] Постановление Оргбюро ЦК РКП от 11 января 1921 г. о создании Института К. Маркса и Ф. Энгельса при Социалистической академии. (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.)

[39] См.: Известия ЦК РКП(б). 1921. 27 января. № 27. С. 16; *Рязанов Д.* Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи // Летописи марксизма. Т. 5. М.; Л., 1928. С. 1.

[40] См.: Положение об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР. (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.)

[41] Протокол № 3 заседания Совета Института К. Маркса и Ф. Энгельса 30 мая 1925 г. (РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.)

занова в 1920–1923 гг. показали, что сколь ни полезна была деятельность Института по публикации работ Маркса и Энгельса в эти годы, куда более важным и необходимым было создание материальной базы для подлинно научной разработки идейного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. В первую очередь Рязанов поставил своей целью собрать в Институте все сохранившееся литературное и эпистолярное наследие Маркса и Энгельса.

Используя свои уникальные знания о зарубежных архивах, прежде всего об архиве германской СДПГ, европейских библиотеках и частных собраниях по истории рабочего движения, социализма, истории, философии, политической экономии, а также личные связи с деятелями социал-демократии Германии, Австрии и др. стран, Рязанов менее чем за десять лет сконцентрировал в Институте (прежде всего в архиве) значительную часть всего сохранившегося литературного наследия Маркса и Энгельса (в подлинниках или фотокопиях) и укомплектовал одну из богатейших библиотек по собранию книг данной тематики.

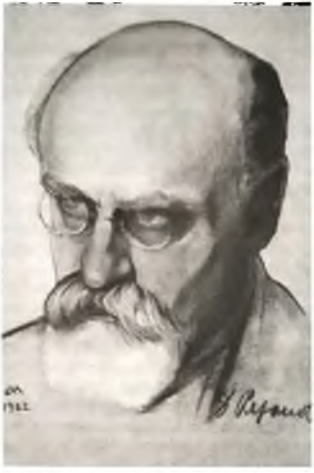
В структуре Института библиотека, наряду с Архивом, рассматривалась Рязановым, во-первых, как важнейший элемент создания обширной документальной базы исследований и публикаторской деятельности ИМЭ. Во-вторых, работа библиотеки считалась одним из направлений научно-исследовательской деятельности Института в целом. Поэтому она занималась собиранием материалов, относящихся к марксоведению в самом широком смысле этого слова. Собирались и приобретались не только книги, брошюры, статьи, посвященные жизни и деятельности Маркса и Энгельса, но и работы по тем научным дисциплинам и вопросам, которыми классики занимались. В книжный фонд ИМЭ частично была передана библиотека русского демократа В.И. Танеева по истории социализма, а из фондов Народного комиссариата просвещения – собрание работ французских материалистов и просветителей XVIII в. и пр. При первой же возможности Рязанов стал приобретать специализированные библиотечные коллекции за границей[42]. Одной из ценнейших была уникальная библиотека венских коллекционеров Теодора Маутнера и Вильгельма Паппенгейма, приобретенная Рязановым в начале 1920-х гг. и включавшая более 20 тыс. томов литературы по раннему английскому, французскому и в особенности немецкому социализму: книги, журналы, собрание автографов, гравюр и революционных медалей[43]. Чуть позже в ИМЭ поступила библиотека австрийского социал-демократа Карла Грюнберга, содержавшая более 10 тыс. томов по политической истории, политэкономии, рабочему движению. Приобретение этих уникальных коллекций спасло их от неминуемой гибели в годы Второй мировой войны, как показала трагическая судьба австрийского коллекционера Паппенгейма, все имущество которого было конфисковано нацистами, а семья стала жертвой холокоста[44].

---

[42] По Москве в те годы ходила легенда о том, что первое книжное собрание из-за границы Рязанов привез на английском эсминце. «Во всяком случае, – писал М. Покровский, – это было раньше, чем у нас наладилось с заграницей правильное пароходное и железнодорожное сообщение» (Правда. 1930 г. № 69(4514), 11 марта. С. 2).

[43] См.: *Рязанов Д.* Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при В.Ц.И.К. [М.,] 1923. С. 4–6; Бюллетень Института К. Маркса и Ф. Энгельса. № 1. М.; Л., 1926. С. 18.

[44] См.: *Oberkofler G.* Über sozialistische Privatbibliotheken in Wien und ihr Schicksal. Notizen insbesondere zu den Bibliotheken von Anton Menger, Theodor Mauthner, Wilhelm Pappenheim und Bruno Schönfeld // Alfred Klahr Gesellschaft Mitteilungen. Jg. 11. Nr. 2, Mai 2004. S. 2–7.



Открытка художника
Н. Андреева «Д. Рязанов». 1922 г.

Особое внимание уделялось поиску книг, которые изучали и цитировали в своих произведениях Маркс и Энгельс, а также текущей современной литературе по тем отраслям знаний, которые интересовали Маркса и Энгельса. Несмотря на широкое понимание своих задач, книжное собрание ИМЭ изначально сохраняло строго специализированный характер. Это собрание уже к концу 1920-х гг. стало крупнейшей в мире коллекцией ценнейшей литературы по истории социальных движений начиная с XVI в. и социальной и экономической истории человечества в целом. К 1930 г. библиотечные фонды Института насчитывали более 450 тыс. названий, включая уникальную коллекцию рабочей и демократической печати, в которой сотрудничали Маркс и Энгельс. Многие издания были абсолютными раритетами. Огромную ценность представляли первоисточники (пресса, памфлеты, листовки, первые издания работ Маркса и Энгельса), справочная литература (словари, энциклопедии, в особенности XIX в., биографические и библиографические справочники и каталоги). Широта охвата собираемой литературы определялась широтой знаний и интересов Маркса и Энгельса, Плеханова, чьи сочинения также издавал Рязанов. Очень гордился Рязанов, например, приобретенной подшивкой полного комплекта ежедневной лондонской газеты «Times» (в мире в тот момент имелось всего четыре комплекта этой газеты, которую регулярно читал Маркс)[45].

[45] См.: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Отчет за 1924–1925 гг. М.; Л., 1925. С. 55.

В ноябре 1924 г. Рязанову удалось добиться разрешения на фотокопирование всех рукописей и писем Маркса и Энгельса и прав на их публикацию. В каждый свой приезд в Германию он выявлял все новые и новые материалы как в самом Архиве, так и у Бернштейна. Рязанов поставил перед руководством Архива СДПГ задачу описания всех рукописей Маркса и Энгельса, а также материалов деятелей рабочего движения, их современников. И благодаря его усилиям в Архив СДПГ наконец начали возвращаться документы, находившиеся в руках Э. Бернштейна, Г. Майера, Ф. Адлера и др. Целую корзину переписки Маркса и Энгельса с деятелями германского рабочего движения вынужден был вернуть бывший социал-демократ Э. Дран, уже начавший продавать письма Маркса через немецких антикваров[46].

В 1924–1927 гг., после сложных переговоров, проведенных Рязановым при посредничестве Р. Гильфердинга и А. Брауна с руководством германской СДПГ, в специально созданной лаборатории при Институте социальных исследований (ИСИ) во Франкфурте-на-Майне было организовано в беспрецедентных для 1920-х гг. масштабах фотокопирование всего литературного и эпистолярного наследия Маркса и Энгельса, хранившегося в архиве СДПГ. Успех Рязанова в этой деятельности во многом был обеспечен благодаря поддержке директора Института социальных исследований Карла Грюнберга, занявшего этот пост в середине 1924 г. и хорошо известного Рязанову еще со времени его работы в Вене[47]. По-видимому, в сентябре 1922 г. Рязанов возобновил эти контакты, но по-настоящему плодотворными они стали лишь после избрания Грюнберга директором ИСИ и его переезда во Франкфурт. Значение этой работы смогло оценить лишь следующее поколение; известна драматическая судьба Архива германской социал-демократии после прихода Гитлера к власти. Некоторые рукописи Маркса и Энгельса были утрачены и сохранились лишь в фотокопиях 1920-х гг.

Одновременно был организован систематический поиск в различных государственных и частных архивах. В поиске и приобретении для Института многих документальных источников огромную роль сыграли иностранные корреспонденты Института. Так, например, только в Германии действовали пятеро научных корреспондентов Института: Борис Николаевский, М.И. Лурье (псевд. Александр Эмель) и Эдуард Фукс[48] в Берлине (впоследствии к ним добавился Йозеф (Иосиф) Розенвассер), Ганс Штейн в Кельне и Альфред Шульц в Гамбурге. Во Франции у ИМЭ было три корреспондента – Борис Суварин, Леон Бернштейн, сотрудница

[46] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 18. Подробнее см.: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М., 1969. С. 137–139.

[47] Насколько сложным был процесс приобретения и копирования архивных материалов, библиотечных собраний и отдельных документов красноречиво свидетельствуют документы фонда «Переписка дирекции ИМЭ – ИМЛ с зарубежными корреспондентами», хранящиеся в РГАСПИ. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 50).

[48] Эта страница деятельности известного немецкого культуролога, журналиста, коллекционера и писателя Э. Фукса мало известна. Фукс должен был быть хорошо известен Рязанову. В 1917 г. он вел переговоры с большевиками в Стокгольме, имея при себе письмо Розы Люксембург, обсуждал с Лениным проблемы создания Третьего (Коммунистического) Интернационала, в 1919 году стал учредителем Коммунистической партии Германии. Вместе с А. Тальгеймером Фукс являлся распорядителем литературного наследия Ф. Меринга. Широкую известность получил трехтомный труд Фукса «Иллюстрированная история нравов» (1909–1913).

«Юманите» и редактор ряда коммунистических изданий Аликс Гийен (Гиллен), в Бельгии работал Люк Зоммерхаузен, в Голландии – Давид Вайнкоп, в Австрии – Роман Роздольский, в США – Александр Трахтенберг и Селиг Перлман[49]. Научными корреспондентами Института в Англии являлись Гарри Стивенс (с 1928 по 1937 г.)[50] и А.А. Майская (с 1937 по 1943 г.), отдельные его задания в период своих зарубежных научных командировок выполняли будущие академики Е.В. Тарле, Е.А. Косминский, Ф.В. Потемкин, а также В.М. Далин и др. В государственных и муниципальных архивах и библиотеках Австрии, Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии, США и др. стран копировались или приобретались интересующие ИМЭ документальные комплексы: подшивки газет, в которых публиковались работы Маркса и Энгельса, литературные источники и любые другие материалы, связанные с их деятельностью и творчеством. Одновременно в соответствии с тщательно разработанными планами осуществлялись поиск и приобретение подлинных документов, книжных собраний в зарубежных антикварных фирмах и магазинах. На аукционах фотокопировались или покупались рукописи Маркса и Энгельса. Часть оригиналов была приобретена у еще живых в то время корреспондентов Маркса и Энгельса или их потомков, а часть получена в дар.

В результате были приобретены в фотокопиях или куплены оригиналы документов из исторического архива Кёльна, Йенского университета, документы из архивов Ф.Г. Шлютера и Ф.А. Зорге, у частных лиц – письма А. Бебеля, Ф. Меринга, Г. Гервега, Р. Даниельса, К. Зибеля и др. Из Британского музея были получены фотокопии переписки Маркса и Энгельса с переводчиком «Капитала» на русский язык Н.Ф. Даниельсоном, сданной последним на хранение в Музей в 1911 г. Были приобретены большие коллекции документов по истории Великой французской революции (в том числе рукописное наследство Г. Бабёфа), о революции 1848–1849 гг., документы Союза коммунистов и I Интернационала.

Усилиями корреспондентов ИМЭ собирался обширный материал для подготовки собраний сочинений Маркса и Энгельса, выявлялись их публикации в газетах и журналах, разного рода материалы, касающиеся их жизни и деятельности, собирался материал о периодических изданиях XIX в., делались выписки из газет

---

[49] *Golovina G.* Quellen zur Geschichte europäischer Oppositions- und Arbeiterbewegungen in Moskau. Unbekannte Seiten der jahrzehntelangen Sammeltätigkeit des Rußländischen Staatlichen Archivs für Sozial- und Politikgeschichte (RGA) // Politische Netzwerke durch Briefkommunikation. Briefkultur der politischen Oppositionsbewegungen und frühen Arbeiterbewegungen im 19. Jahrhundert. Hrsg. V. J. Herres und M. Neuhaus. Berlin, 2002. S. 352–358. См. также: *Hecker R.* Hans Stein – wissenschaftlicher Mitarbeiter und Korrespondent des Moskauer Marx-Engels-Instituts (1925–1929). Tl. I: Zur Mitarbeit an der MEGA[1] // Marx-Engels-Forschung im historischen Spannungsfeld. (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. N.F. 1993.) Hamburg, 1993. S. 17–40; Tl. II: Die Entdeckung von unbekannten Marx-Dokumenten // Quellen und Grenzen von Marx' Wissenschaftsverständnis. (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. N.F. 1994.) Hamburg, 1994. S. 150–173; *он же.* Fortsetzung und Ende der ersten MEGA... // Stalinismus und das Ende der ersten Marx-Engels-Gesamtausgabe (1931–1941). (Beiträge zur Marx-Engels-Forschung. Sonderband 3.) Berlin, Hamburg, 2001. S. 241–252, 406, 410, 420, 424–425.

[50] Специальное исследование о Гарри Стивенсе см.: *Новиченко И.Ю.* Д.Б. Рязанов и его «корреспонденты»: к истории комплектования Института К. Маркса и Ф. Энгельса (1921–1931) // Книжные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства. Материалы научной конференции «Вторые Рязановские чтения», 18–19 марта 2015 г. / Государственная публичная историческая библиотека России, Российский государственный социальный университет. М., 2016. С. 18–27.

и журналов о событиях и фактах, конкретных лицах, упоминавшихся в наследии Маркса и Энгельса, по заданию Института копировались периодические издания, необходимые для комментирования работ Маркса и Энгельса и их переписки. В результате была сформирована коллекция фотокопий редких газет, которая насчитывает около 1500 названий и сохранила свою ценность до настоящего времени. Некоторые издания, представленные в фотокопиях 1930-х гг., были утрачены во время Второй мировой войны.

О широте поиска и глубине научных изысканий корреспондентов ИМЭ свидетельствует сохранившаяся корреспонденция и присланные в Институт материалы Б.И. Николаевского, из которых следует, что Николаевский работал не только в Прусской государственной библиотеке, но и в архивах, городских и университетских библиотеках многих городов Германии и др. стран – Гамбурга, Дармштадта, Дрездена, Карлсруэ, Киля, Майцена, Мангейма, Мюнстера, Мюнхена, Франкфурта-на-Майне, Штутгарта, Белграда, Базеля, Цюриха и т. д.

Среди уникальных, не публиковавшихся ранее и вообще не известных даже специалистам рукописей Маркса и Энгельса Рязанову после 1922 г., уже после того, была начата работа над русским изданием собрания сочинений Маркса и Энгельса и вышли в свет первые два тома, удалось получить фотокопии рукописей «Немецкой идеологии», «Критики философии права Гегеля» и «Подготовительных работ к "Святому семейству"», а также совокупность рукописей Энгельса, известных под названием «Диалектика природы». Это, естественно, притормозило выход последующих томов русского издания, так как подготовка этих рукописей к публикации[51] потребовала прежде всего их расшифровки, что, как замечал Рязанов, несравненно труднее, чем расшифрованную рукопись перевести на русский язык. «Если рукописи Энгельса сравнительно легко разобрать, хотя и они представляют значительные трудности благодаря своеобразной стенографии, к которой любил прибегать Энгельс, то рукописи Маркса, как это уже доказал опыт Энгельса, представляют зачастую непреоборимые трудности», – объяснял Рязанов своим критикам[52].

К 1931 г. в Институте было собрано более 15 тысяч документов в подлинниках и 175 тысяч в фотокопиях. Успех этой поисковой работы был обеспечен высоким профессионализмом ее организатора. Рязанов знал, что и где искать, и созданная им в Европе и США сеть научных корреспондентов эффективно выполняла конкретные задания Института.

Деятельность Рязанова по собиранию в Москве литературного и эпистолярного наследия Маркса, Энгельса и их соратников с первых же шагов встретила полное понимание и поддержку со стороны руководства советского государства. Рязанов информировал о результатах своих поисков непосредственно Ленина, и его просьбы о финансировании закупок за рубежом необходимых для ИМЭ книг и документов, как правило, удовлетворялись. И после смерти Ленина, до конца 1920-х гг., собирание материалов о жизни и деятельности Маркса и Энгельса, истории создания и развития марксизма оставалось государственной программой, а ИМЭ стал единственным в Союзе хранилищем оригинальных документов Маркса и Энгельса. Деятельность Института протекала в обстановке широкой

[51] Частично или полностью эти рукописи были сначала опубликованы на языке оригинала (немецком) и на русском языке в первых трех томах «Архива Маркса и Энгельса».

[52] *Рязанов Д.* Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшие задачи // Летописи марксизма. Вып. 5. М.; Л., 1928. С. 11.

гласности. О работе Института Рязанов отчитывался перед съездами и пленумами РКП(б), съездами Советов и V конгрессом Коминтерна. К XIII съезду РКП(б) для его делегатов он написал брошюру о деятельности и планах Института, в 1925 г. такая же брошюра была написана для делегатов III съезда Советов СССР[52].

К середине 1920-х гг. определилась организационная структура Института. Его ядром, в соответствии с замыслом директора, стал кабинет К. Маркса и Ф. Энгельса, в котором собирались все их произведения в оригиналах или фотокопиях, все издания их сочинений, материалы к биографиям и литература, посвященная марксизму. Затем шел ряд кабинетов, целью которых являлось изучение теоретических источников марксизма, – это кабинеты философии, политической экономии, права, политики, социологии и социализма. Исследованием исторических корней марксизма занимались кабинеты истории рабочего движения в Германии, Франции, Англии и англо-саксонских странах, специальные кабинеты по истории I и II Интернационалов, по вопросам войны и внешней политики[53]. Каждый кабинет комплектовал литературу и другие материалы по своей тематике и курировался научными ассистентами при дирекции. В структуру Института далее входили редакционный отдел по изданию произведений Маркса и Энгельса, который подразделялся на немецкую (на начало 1931 г. 11 человек) и русскую (2 человека) группы, научно-справочный отдел, или кабинет по марксоведению (WISSA / ВИССА, 9 человек), Архив, библиотека, Музей К. Маркса и Ф. Энгельса (44 человека), наконец, редакции «Летописей марксизма» и «Архива Маркса и Энгельса», а также хозяйственные службы[54].

В самом Институте и вокруг него консолидировались крупные научные силы. Рязанову удалось наладить сотрудничество с учеными самых разных взглядов и убеждений. Вокруг ИМЭ группировались или непосредственно работали в нем крупные специалисты того времени: И.К. Луппол, В.П. Волгин, И.И. Рубин, Ц. Фридлянд, Е.А. Косминский, А.М. Деборин, Ф.В. Потемкин, А.М. Водеи, Я.Э. Стэн, Ф.А. Ротштейн, Д.И. Розенберг, Е. Преображенский, М.О. Косвеи, Ю.М. Стеклов, А.Д. Удальцов, Н.А. Карев и др. В работе над первой МЭГА сложился интернациональный коллектив специалистов. Среди них были представители Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Великобритании и др. стран. Некоторые из сотрудников, преимущественно коммунисты, имевшие соответствующее образование, направлялись в Институт компартиями своих стран и попадали в ИМЭ через их представительства в Коминтерне. Одним из каналов привлечения к работе над МЭГА являлся также франкфуртский Институт[55]. Так, во время своего пребывания во Франкфурте осенью 1923 г. Рязанов познакомился с Рихардом Зорге (в тот момент членом Общества социальных исследований), пожелавшим передать в ИМЭ несколько писем своего деда, соратника Маркса и Энгельса, Фридриха Адольфа Зорге, и пригласил его в Институт Маркса и Энгельса для работы над МЭГА. Зорге в тот момент не отпустило руководство компартии Германии, и он попал в Москву лишь спустя год, по линии Комин-

[53] Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. Отчет за 1924–1925 гг. М.; Л., 1925.

[54] *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов... С. 77.

[55] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 9. Л. 18–22, 32–43.

[56] См.: *Migdal U.* Die Frühgeschichte des Frankfurter Instituts für Sozialforschung. Frankfurt/Main, New York, 1981. S. 106–107; *Hecker R.* Erfolgreiche Kooperation ... S. 51–57 (см. настоящее издание, с. 7, сноска 6).

терна[57]. В институте также работали Георг Лукач (кабинет Маркса и Энгельса), Август Тальгеймер, Ирина Кун (жена Бела Куна), супруги Гертруд и Вальтер Бихан, Гертруд Александер, Анна Бернфельд (жена К. Шмюкле), Олив Балден, Фрида Дювель, Ральф Фокс, Курт Никсдорф, Эдмунд Пелузо (руководитель отдела южнороманских стран), Фриц Зауер и др.[58] Среди сотрудников ИМЭ были также немцы Поволжья, выходцы из Польши и др.[59] Всего в начале 1931 г. в ИМЭ работали 110 научных сотрудников[60], а весь штат Института насчитывал 257 человек[61].

Масштабы собирательской, поисковой работы Института в 1920-х гг. намного превышали потребности узко практических задач издания того или иного произведения Маркса и Энгельса и даже их сочинений. Понимание того, что развитие марксизма следует изучать в широком социально-историческом контексте, в тесной связи с развитием мировой общественной мысли, предопределяло характер и научный уровень складывавшегося марксоведения.

Этот научный подход вступал в определенное противоречие с желанием широких кругов партийной и научной общественности, требовавшей немедленно издать «всего Маркса». Рязанов пытался объяснить, насколько сложна научная подготовка к печати работ основоположников марксизма, говорил о том, что еще «долго придется ждать», пока мы сможем «издать настоящее полное собрание сочинений Маркса и Энгельса и на русском языке, и на иностранных языках в пользу и поучение международному пролетариату». Он добивается принятия XIII съездом РКП(б) в 1924 г. (а затем и V конгрессом Коминтерна) специального решения об издании Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке и на языках оригинала (Marx-Engels-Gesamtausgabe, или MEGA/МЭГА)[62]. Документальная база и организационные предпосылки для практической реализации проекта издания МЭГА были созданы в Институте Маркса и Энгельса только к концу 1920-х – началу 1930-х гг.

Приоритетное в стратегическом отношении значение придавалось именно изданию МЭГА, поскольку в значительной степени от наличия текстов на языках

---

[57] Ebenda. S. 51, 93–94.

[58] В установление имен сотрудников, работавших в ИМЭ и ИМЭЛ в 1920-е – 1930-е гг., большой вклад внесли Г.Д. Головина, Я.Г. Рокитянский, Р. Хеккер, В. Хеделер, Р. Мюллер. (См.: *Müller R.* [Hrsg.] Die Säuberung. Moskau 1936. Stenogramm einer geschlossenen Parteiversammlung. Rembek, 1991; Stalinismus und Ende der ersten Marx-Engels-Gesamtausgabe... S. 23–105, 347–354; 140–145, 398–434.)

[59] Подробнее см.: *Васина Л.Л.* Д.Б. Рязанов и издание наследия Маркса и Энгельса... С. 185–190.

[60] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 9. Л. 28–31.

[61] Там же. Л. 13.

[62] См.: Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 535; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. I. М.; Л., 1925. С. 911–918. Под этим же названием «Marx-Engels-Gesamtausgabe» в 1975 г. на паритетных началах ИМЛ при ЦК КПСС (Москва) и ИМЛ при ЦК СЕПГ (Берлин) начали выпускать аналогичное издание (MEGA²), продолжившее и развившее традиции рязановского первого издания MEGA¹. Подробнее см.: *Васина Л.Л.* Публикация литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса в международном издании МЭГА (история, современное состояние, значение) // Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 4. Волгоград, 2002. С. 119–152.

оригинала зависела подготовка всех других изданий сочинений Маркса и Энгельса. Институт должен был подготовить также для отдельных стран собрания избранных сочинений Маркса и Энгельса. Так, например, для Германии в 1930 г. была начата работа над так называемым народным изданием сочинений Маркса и Энгельса на немецком языке, которое должно было состоять из 18–20 томов[63].

По первоначальным планам издание МЭГА должно было составлять 40 томов, к которым планировались еще два тома с указателями. Намечался, согласно планам 1925 г., ежегодно выход 4–6 томов, однако до конца 1927 г. появился только полутом первого тома. Причинами невыполнения планов были прежде всего ставшая вскоре очевидной огромная сложность издательской работы, недостаток квалифицированных кадров, перегруженность многими проектами самого Рязанова[64]. В своем докладе о деятельности и ближайших задачах ИМЭ, прочитанном в Институте 25 октября 1927 г., Рязанов пробовал объяснить медленный темп издания сочинений Маркса и Энгельса.

Создание документальной базы было лишь первым этапом на пути к изданию полного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Основная подготовительная работа была развернута в архиве Института, где сама организация материала подчинялась задаче издания сочинений. Все поступающие в архив Института рукописи Маркса и Энгельса обрабатывались и каталогизировались. Была разработана подробная инструкция для составления каталога документов Маркса и Энгельса[65]. Письма Маркса и Энгельса и их корреспондентов были выделены в особую коллекцию, началась расшифровка и перевод многих из них на русский язык с целью обеспечить материал для комментирования переписки Маркса и Энгельса, в письмах которых упоминаются сообщения их корреспондентов. В специальный раздел вошли выписки, записные книжки. В архиве с середины 1920-х гг. шла расшифровка рукописей, составление картотек, указателей к ним[66]. Расшифровка рукописных текстов Маркса и Энгельса представляла собой уникальную работу, требовавшую большой эрудиции, знания европейских языков, умения прочитать чрезвычайно сложный почерк Маркса, который порой умещал на листе бумаги до 10 обычных страниц текста. В 1925–1927 гг. была осуществлена расшифровка всех экономических рукописей Маркса. В результате в архиве Института возникла уникальная школа расшифровщиков, традиции которой в московском Институте марксизма-ленинизма поддерживались вплоть до 1991 г. В ходе этой работы сложился интернациональный коллектив уникальных специалистов-марксоведов, в который входили А. Арсеньева, П. Веллер, И. Кун, Н. Непомнящая, Р. Богдань, К. Шмюкле, Вильдхабер и др. Первые тома русского издания стали выходить с 1928 г., а первые тома МЭГА – с 1927 г. Всего при Рязанове до 1931 г. вышли в свет 10 томов русского издания и 5 томов МЭГА[67].

В этих изданиях была разработана методика публикаций сочинений Маркса и Энгельса: организация их по тематическим и жанровым признакам (работы и

---

[63] *Рязанов Д.Б.* О плане работ Института Маркса и Энгельса на особый квартал 1930 г. и на 1931 год. (РГАСПИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.)

[64] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–6.

[65] РГАСПИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 и след.

[66] Эта работа была отражена в «Бюллетенях Архива Института Маркса и Энгельса». С октября 1928 до 1931 г. вышли 13 номеров.

[67] *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов... С. 77.

статьи, экономические произведения, письма), подход к подготовке текста, тип научного комментария, система работы и т. д. Эти принципы были положены в основу всех последующих изданий сочинений Маркса и Энгельса, осуществленных в СССР – 2-го русского, немецкого (Marx-Engels Werke), MEGA², английского (Marx/Engels Collected Works), разумеется, с учетом особенностей каждого издания, его полноты, а также развития самого марксоведения и издательской культуры.

Однако Рязанов не сводил деятельность Института только к изданию сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Наряду с МЭГА Рязанов запланировал еще одно академическое издание – «Памятники истории социализма» («Monumenta socialismi historica»). Рассматривая марксизм как учение, аккумулировавшее лучшие достижения человеческой мысли, Институт публиковал на русском языке в сериях «Библиотека материализма» и «Классики политической экономии» собрания сочинений и отдельные произведения виднейших мыслителей, философов, историков и экономистов[68]. В серии «Библиотека научного социализма» вышло 24-томное Собрание сочинений Г.В. Плеханова. В серии «Памятники истории классовой борьбы пролетариата» предполагалось издать 40–50 томов. Институт выпускал также рассчитанную на массового читателя серию «Библиотека марксиста». Работы этой серии выходили также в Германии, Америке, Англии и др. странах и способствовали распространению идей Маркса и Энгельса за рубежом.

Размах исследовательской работы Института потребовал и создания собственных печатных органов. С 1924 по 1930 г. выходил на русском и немецком языках «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», задачи которого заключались в освещении вопросов развития и распространения научного социализма, истории теории и практики марксизма, публикации новых документов. С 1926 г. Институт выпускал также «Летописи марксизма (Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)». В них, помимо авторских статей и первых публикаций небольших работ Маркса и Энгельса, был прекрасно поставлен отдел рецензий и библиографии; печатались тематические обзоры журнальных публикаций, сообщения о коллекциях отдельных кабинетов и об исследованиях, выполненных сотрудниками, материалы дискуссий, информация об изданиях Института. Особая заслуга этого издания в том, что здесь были введены в научный оборот многие документальные материалы о русском революционном движении, о Бакунине, Герцене, Чернышевском, Лаврове, Плеханове. К 1930 г. Институтом в общей сложности были выпущены 150 книг, почти все они вышли под редакцией Рязанова[69].

Благодаря деятельности Рязанова и руководимого им Института марксоведение уже в 1920-е гг. завоевало в общественном сознании признание как новая научная дисциплина, специальный раздел гуманитарного знания. Но само новое направление в науке складывалось в обстановке острой политической борьбы внутри страны и на международной арене как в области теории, так и в области практической деятельности РКП(б). Советское марксоведение отразило особенности той политической ситуации. Самого Рязанова это привело в определенной мере к излишней и не всегда оправданной конфронтации со «старой», «буржуазной» университетской наукой, к огульной критике буржуазной демократии. От-

[68] Подробнее см.: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса... С. 155–156; см. также: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. Проспект изданий. [М.:] Госиздат, 1927.

[69] *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов... С. 78.

давая дань времени, Рязанов внес свою лепту в определенную догматизацию проблемы взаимоотношений основоположников марксизма с представителями иных идейных и политических течений (в частности, с Герценом, Бакуниным). Вместе с тем только в работах Рязанова на документальной основе была обстоятельно изложена позиция Маркса в отношении Бакунина и история их взаимоотношений, включая столь же обстоятельное рассмотрение поступков и поведения Бакунина по отношению к Марксу. Эта сторона их взаимоотношений, как правило, остается в тени в работах современных приверженцев Бакунина.

Встречались в работах Рязанова и фактические ошибки, связанные с отсутствием должной документальной базы. Однако марксоведение с самого его основания стремилось опираться на строго документальную основу, исходить из принципа историзма в подходе к изучению формирования взглядов Маркса и Энгельса, а также в рассмотрении генезиса их идей в контексте развития мировой науки и культуры, как результата всего предшествующего человеческого обществознания и взаимодействия с современными им течениями общественной мысли.

Рязанов принадлежал к старшему поколению русских марксистов, которые уже в 1920-е гг. с тревогой отмечали снижение общеобразовательного уровня и теоретической подготовки членов партии, пренебрежительное отношение к интеллектуальному труду, начетничество и догматизм в партийной пропаганде, проявления карьеризма и угодничества. Он открыто выступал против этих тенденций, отстаивая право на свободную мысль, открытую дискуссию.

Для марксоведения Рязанова было характерно единство теоретической и публикаторской работы. Но исторически сложилось так, что в 1920-е гг. (да и позднее, вплоть до 1991 г.) на первый план выдвинулась работа по публикации научного наследия Маркса и Энгельса. Это диктовалось не только необходимостью создать документальную базу для исследований, но и задачами партийной пропаганды. Наряду с издательской работой Рязанов разрабатывал программу теоретических и исторических исследований.

Он придавал решающее значение философии марксизма, его диалектическому методу, считая эту дисциплину «необходимым предметом преподавания»[70]. Публикация Институтом в 1920-х гг. первой главы «Немецкой идеологии» («Фейербах») и «Тезисов о Фейербахе» на основе подлинника этого текста в Записной книжке Маркса 1844–1847 гг., «Диалектики природы» Энгельса и других работ явилась значительным этапом в развитии теоретической мысли того времени. На основе этих и других произведений Маркса и Энгельса во второй половине 1920-х гг. состоялись философская дискуссия между «диалектиками» и «механистами», экономическая дискуссия, затрагивающая важнейшие методологические вопросы политической экономии, дискуссия об общественно-экономических формациях (в том числе по проблеме азиатского способа производства) и др. Не вина участников этих споров, для многих из которых они закончились трагически, что их результатом стало не творческое развитие, а догматизация науки.

Рязанов бескомпромиссно боролся за строгое соблюдение принципа историзма в подходе к литературному наследию Маркса и Энгельса как источнику для изучения поставленных проблем, в оценке той или иной их позиции, того или иного суждения. «Ибо и по отношению к творцам материалистического понимания истории, – писал он, – необходимо отличать между действительным движе-

[70] РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 76. Л. 82.

нием, как оно фактически происходило, и между идейными формами, в которых оно отражалось в их сознании, спустя 30 или 20 лет»[71].

Рязанов требовал рассматривать идеи Маркса и Энгельса не как догму, а изучать их в развитии. Отсюда проистекало и осознание им необходимости издания не только «Капитала», но и основных черновых вариантов – экономических рукописей 1857–1858 и 1861–1863 гг. Первый черновой вариант «Капитала» – «Экономическую рукопись 1857–1858 гг. («Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie») – удалось опубликовать на языке оригинала в 1939–1941 гг. Публикация других черновых рукописей «Капитала» осуществилась впервые на русском языке во 2-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса уже в 1960-х – начале 1980-х гг.

Рязанов был ожесточенным противником верхоглядства, вульгаризации марксистских идей и использования цитатного арсенала в полемике, когда не обращают «ни малейшего внимания "на обстоятельства времени и места", в которых данное мнение было высказано». Первостепенное внимание в любом исследовании Рязанов уделял документу, требуя точного воспроизведения оригинала и конкретного фактологического комментария. Он считал, что ни один документ, ни одна строчка из наследия Маркса и Энгельса не должны пропасть; все они важны для изучения формирования мировоззрения основоположников марксизма, воссоздания их биографии. От своих сотрудников и коллег Рязанов требовал овладевать тем, что он называл научно-исследовательской культурой[72]. Блестящий пример его собственной текстологической работы дают включенные в данное издание работы.

* * *

Работы Рязанова способствовали выявлению центральных моментов в развитии теории Маркса и Энгельса и их практической политической деятельности. Важным импульсом к развитию марксоведения в СССР стали труды Рязанова, вышедшие в свет в 1923 г. в связи с 40-летием со дня смерти Маркса: отдельной книгой были изданы лекции Рязанова, прочитанные им на курсах в Социалистической академии[73], и книга «Очерки по истории марксизма», где были собраны его прежние работы.

В работе «Возникновение Первого Интернационала» (см. с. 78–152) Рязанов собрал и издал частично забытые, частично никогда не публиковавшиеся документальные источники и свидетельства современников и на основании их анализа воссоздал максимально полную картину событий, предшествовавших митингу в лондонском Сент-Мартинс-холле 28 сентября 1864 г. (дата создания Международного Товарищества Рабочих).

Фундаментальное знание истории I Интернационала позволило Рязанову в статье «Социал-демократический флаг и анархистский товар», опубликованной в журнале «Die Neue Zeit» в 1913 г.[74], обстоятельно рассмотреть суть принципиаль-

---

[71] *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. М., 1923. С. 23.

[72] *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов... С. 79.

[73] См.: *Рязанов Д.* Маркс и Энгельс: Лекции, читанные на курсах по марксизму при Социалистической академии. М., 1923.

[74] *Rjasanoff N.* Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware // Die Neue Zeit. Jg. 32. Stuttgart. 1913. Bd. 1. S. 150–161, 226–239, 265–272, 320–333, 360–376.

ных разногласий между Марксом и Михаилом Бакуниным в 1860-х гг., которые превратно толковались анархистскими историками I Интернационала, в частности наиболее известным биографом Бакунина Максом Неттлау[75]. На русском языке работа Рязанова известна под названием «Анархистский товар под флагом марксизма (Маркс и Бакунин в шестидесятых годах)», под которым она была опубликована в «Очерках по истории марксизма»[76]. Полемический тон его работ, опиравшихся на серьезные исследования документального наследства Международного Товарищества Рабочих, резкость некоторых оценок были вызваны тем обстоятельством, что анархистские историки I Интернационала (Неттлау, Дж. Гийом[77]) изображали принципиальную борьбу Маркса и Энгельса с раскольнической деятельностью бакунистов как столкновение либо идей централизма и автономии в рабочем движении, либо «пангерманизма» Маркса с «панславизмом» Бакунина или даже просто как «интриги» Маркса. Эта точка зрения в той или иной мере нашла отражение и во взглядах некоторых немецких социал-демократов (см. с. 390–392).

Рязанов исследовал причины острой идейной борьбы в I Интернационале между марксистским крылом и бакунистами. Он показал на документальной основе картину реальных взаимоотношений Маркса и Бакунина во время революции 1848 г. и в период деятельности I Интернационала. Разногласия Маркса и Бакунина отражали столкновение массового международного рабочего движения, организационной формой которого в это время был I Интернационал, с попытками Бакунина втиснуть это новое движение «в узкое одеяние конспиративной тайной кружковщины»[78].

Для Рязанова эта полемика была также поводом к защите этических принципов марксизма. Ничто не может быть, писал он, нравственнее деятельности, «направленной на уничтожение самой основы всего безнравственного – господства одного человека над другим»[79]. Отсюда вытекала и безоговорочная поддержка Рязановым непримиримого отношения Маркса к нечаевщине, тактике заговоров и терроризму, представлению о том, что «цель оправдывает средства»[80].

Острая идейная борьба в международной социал-демократии, расколотой в годы Первой мировой войны на два враждебных лагеря, нашла отражение и в историографических спорах о позиции Маркса и Энгельса в Интернационале во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. На основе анализа документов Генерального Совета и писем Рязанов отверг все попытки обвинить Маркса и Энгельса в пангерманизме, показал, что они считали виновниками войны в равной степени и бонапартистское правительство Франции, и правительство Бисмарка, выступали в защиту французской республики, против аннексии Эльзаса и Лотарингии и занимали подлинно интернационалистскую позицию. Отношению рабочего класса к проблемам войны и мира была посвящена и впервые публикуемая в данном сборнике на русском языке работа Рязанова «Внешняя политика

[75] *Nettlau M.* Michael Bakunin. Eine Biographie. Berlin, 1901.

[76] См.: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. 2-е доп. изд. С предисловием автора. М.; Л., 1928. С. 199–279.

[77] *Guillaume J.* L'Internationale. Documents et Souvenirs. (1864–1878). Т. 1–4. Paris, 1905–1910.

[78] *Рязанов Д.* Очерки по теории марксизма. С. 202.

[79] Там же. С. 465.

[80] Там же. С. 202–203.

старого Интернационала и его отношение к войне» (с. 153–190), помимо прочего, демонстрирующая блестящую технику его работы над источниками.

Исследование литературного наследства Маркса и Энгельса 1850-х гг., анализ статей периода революции 1848–1849 гг. и периода Крымской войны, незавершенного произведения Маркса, известного под названием «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»[81], о которой он написал специальное исследование «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» (см. с. 202–278), вывели Рязанова на проблему роли России во внешнеполитических делах Европы и в судьбах европейской революции. Рязанов опроверг принятое в тогдашней социал-демократической литературе утверждение, будто Маркс и Энгельс в вопросах внешней политики находились под влиянием английского консерватора, туркофила Давида Урката. «Это было, – писал Рязанов, – невозможно уже просто в силу того, что оба они исходили из совершенно различных принципов, что задачи их совершенно расходились» (см. с. 209). Работа Рязанова «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» до сих пор остается в российской историографии единственной попыткой комплексного анализа этой одной из наиболее спорных работ Маркса, широко используемой сегодня в отечественной публицистике для обвинений Маркса в русофобии. Именно такое превратное представление об отношении Маркса к России стало доминирующим в общественном сознании современной России.

Проблема англо-русских отношений интересовала Маркса в связи с анализом им в памфлете «Лорд Пальмерстон» (1853) и ряде статей периода Крымской войны 1853–1856 гг. внешней политики правящих кругов Великобритании в отношении России, которая, по мнению Маркса, продолжала русофильскую английскую политику в этом вопросе начиная с XVIII в. Когда в начале 1856 г. Маркс познакомился в Британском музее с принадлежавшей английскому историку У. Коксу коллекцией неопубликованных дипломатических документов и памфлетов XVIII в., главным образом времен Северной войны 1700–1721 гг., и эти документы свидетельствовали о постоянном тайном сотрудничестве «лондонского и петербургского кабинетов», причем начальный момент этих отношений относился к эпохе Петра I, у него возникла идея написать специальную работу по данному вопросу. Первоначально Маркс намеревался опубликовать некоторые из обнаруженных им документов со своими комментариями, однако затем, по мере изучения материалов по данному вопросу, он решил написать большую работу по истории англо-русских отношений в XVIII в.

Вводные главы этой так и не написанной работы, получившей впоследствии название «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», печатались в лондонской газетах «Sheffield Free Press» и «Free Press» с конца июня 1856 по апрель 1857 г.[82] Публикация представляла собой извлечения из дипломатиче-

[81] Отдельной книгой эта работа была издана в 1899 г. Элеонорой Маркс-Эвелинг под названием «Secret diplomatic history of the XVIII century». Данная работа была хорошо известна за рубежом под названием «Секретная история дипломатии XVIII века» (в том числе в переводах на французский, немецкий, итальянский, польский и даже китайский языки).

[82] Подробнее см. предисловие Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС к публикации работы: Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 3–11.

ских донесений, перепечатку памфлетов и некоторых других документов, отражающих взгляды и мнения относительно России, имевшие хождение в Европе в XVIII веке. Замысел и особенность данной работы Маркс пояснял следующим образом: «В противоположность обычной манере писателей-историков, я начну эту работу не с общих рассуждений, а с фактов. Первая глава будет составлена из депеш, относящихся к различным периодам XVIII века, для того, чтобы изобличить русский дух английской дипломатии в течение этого века»[83].

Данная работа была лишь малой частью обширных материалов наследия Маркса, связанных с изучением истории международной дипломатии, внешней политики и международных отношений. Маркс изучил около 60 разнородных источников (дипломатические документы, политические памфлеты, мемуары, исторические сочинения). Выписки Маркса к «Разоблачениям», сделанные в 1856 - начале 1857 г. в четырех тетрадях, в несколько раз превышали опубликованный текст статей, которые сам Маркс назвал введением к планировавшейся работе.

Основным препятствием для публикации «Разоблачений» в СССР было наличие в ней весьма резких характеристик Московского государства и русской дипломатии, а также суждений, не соответствовавших оценкам советской исторической науки. К числу последних относился, к примеру, тот факт, что Маркс вслед за источниками, которыми он пользовался, исходил в основном из норманнской теории, что соответствовало уровню развития исторической науки того времени.

Работа Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» на русском языке была впервые полностью напечатана только 1989 г. в журнале «Вопросы истории»[84].

Таким образом, опубликованные Рязановым в статье «Англо-русские отношения в оценке Карла Маркса», напечатанной в марте 1909 г. на немецком языке в приложении к журналу «Die Neue Zeit»[85] и несколько раз затем издававшейся на русском языке, обширные выдержки из этой работы были для отечественного читателя на протяжении многих лет одним из источников сведений о взглядах Маркса на данную проблему. Критически осмысливая эту работу, Рязанов показал, что Марксу в силу ограниченного круга источников, а главное изолированного рассмотрения проблемы вне контекста всей исторической обстановки не удалось «осветить тайны англо-русской дипломатии с точки зрения материалистического понимания истории» (см. с. 213).

В публикуемой в сборнике статье «Карл Маркс и русские люди сороковых годов», опубликованной сначала по-русски в журнале «Современный мир» в 1912 г.[86], а затем под заголовком «Карл Маркс и его русские знакомые 40-х гг.» в

---

[83] Маркс – Айзеку Айронсайду [21 июня 1856 г.] // МЭС. Т. 29. С. 438.

[84] *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 3–23; № 2. С. 3–16; № 3. С. 3–17; № 4. С. 3–19. Публикация была подготовлена сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС В.А. Смирновой и Б.Г. Тартаковским при участии А.Ю. Зубкова.

[85] *Rjasanoff N.* Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Rußlands in Europa. Kritische Untersuchungen // Die Neue Zeit. (Ergänzungshefte zur Neuen Zeit.) Stuttgart. 1909. Nr. 5, 5. März 1909. S. 1–64.

[86] *Рязанов Д.* Карл Маркс и русские люди сороковых годов // Современный мир. 1912. № 8, 9, 11, 12; *он же.* Очерки по истории марксизма. 2-е изд., доп. С предисл. автора. М.; Л., 1928. С. 343–430.

«Die Neue Zeit»[87] Рязанов начал разрабатывать фундаментальную тему «Маркс, Энгельс и русское революционное движение». Этой публикации предшествовал очерк Рязанова «Маркс как клеветник (М. Неттлау и М. Бакунин)» (в русском переводе «По поводу одной легенды (Герцен против Маркса)») – первая попытка анализа взаимоотношений Маркса, М.А. Бакунина и А.И. Герцена[88].

В очерке «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» впервые была сделана попытка установить личные контакты Маркса с представителями русской интеллигенции 1840–1850-х гг. В работе впервые использовались письма русских деятелей П.В. Анненкова и Н.И. Сазонова Марксу. Рязанов ввел в литературу ряд ранее неизвестных источников эпистолярного и публицистического жанров, используя зарубежные исследования и западноевропейскую прессу. Многие данные, выводы и наблюдения Рязанова использовались во всех последующих публикациях переписки Маркса с русскими общественными деятелями[89], хотя и без упоминания его имени. Фундаментальность этой работы делает ее интересной и сегодняшнему читателю, хотя некоторые выводы и данные были впоследствии скорректированы и уточнены[90].

Широким фронтом исследования по теме «Маркс и Россия» были развернуты в Институте еще в 1920-х гг. В «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» и «Летописях марксизма» были впервые введены в научный оборот наброски писем Маркса В. Засулич, Марксов конспект книги М. Бакунина «Государственность и анархия», письма Маркса и Энгельса П. Лаврову, письма Г. Лопатина Энгельсу, Н. Флеровского Марксу и многие другие материалы. Акцент в значительной мере был перенесен с проблем внешней политики и роли царской России в судьбах Европы на взаимоотношения Маркса и Энгельса с русскими революционерами и прогрессивными деятелями, в частности Маркса, Герцена и Бакунина (см. с. 315–455), Маркса и Чернышевского (см. с. 456–464) и др. Тема «Маркс, Энгельс и русские революционеры» теснейшим образом смыкалась с вопросами изучения ими социально-экономического развития России и распространения марксизма в нашей стране[91].

Работы Рязанова, затрагивающие отечественную историю, сегодня требуют, безусловно, нового прочтения и оценки. Однако в силу их фундаментального характера, документальной основы, базирующейся на использовании многих утраченных ныне коллекций документов, фондов зарубежных архивов и ведущих библиотек Европы, эти работы сохраняют научную значимость и помогают глубже понять позицию Маркса по отношению к России и его порой непростые отношения с представителями русской революционно-демократической эмиграции.

Авторитет Рязанова как ученого был непререкаем и в стране, и за рубежом. Деятельность ИМЭ и его издания находили отклик в зарубежной прессе. Так, про-

---

[87] *Rjazanoff N.* Marx und seine russische Bekannten in den vierzigen Jahren // Die Neue Zeit. Jg. 31. Stuttgart. 1913. Bd. 1. S. 715–721, 754–766.

[88] *Rjazanoff N.* Marx als Verleumder (M. Nettlau und M. Bakunin) // Die Neue Zeit. Jg. 29. Stuttgart. 1910. Bd. 1. S. 278–286.

[89] См.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947; 2-е изд. М., 1951; К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.

[90] *Васина Л.Л.* Д.Б. Рязанов и издание наследия Маркса и Энгельса... С. 175.

[91] *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов... С. 81.

Д.Б. Рязанов (в центре) с сотрудниками Института К. Маркса и Ф. Энгельса на фоне здания Института на Знаменке. [1925 г.]

фессор Стефан Бауэр писал в базельской «National-Zeitung»: «Одним из прекраснейших институтов является тот, во главе которого стоит Д. Рязанов, издатель сочинений Маркса и Энгельса, а именно Институт Маркса и Энгельса, обширное здание, таящее в себе выдающиеся книжные сокровища по национальной экономии, к которому стекаются ученые всех стран»[92].

Деятельность Рязанова и работы руководимого им Института имели широкое признание и внутри страны. В решении ЦК ВКП(б) от июня 1929 г. отмечалась необходимость расширить рамки исследовательских задач, стоящих перед Институтом, и обеспечить его дальнейшее развитие «в мировую научную лабораторию по истории классовой борьбы пролетариата и истории научного социализма»[93]. К концу 1920-х гг. Рязановым в сущности была завершена разработка широкой целостной программы комплексных исследований в области марксоведения. Она включала в себя полное академическое издание литературного и эпистолярного наследства Маркса и Энгельса, создание биохроники и их научных биографий на широком историко-культурном фоне их эпохи. Рязанов ставил задачу изучения истории общественной мысли и рабочего движения как двуединого источника идей Маркса и Энгельса. Он подчеркивал необходимость разработки

[92] Цит. по кн.: Летописи марксизма. Т. IX–X. М.; Л., 1929. С. 232.

[93] Летописи марксизма. Т. I (XI). М.; Л., 1930. С. 269.

истории взаимоотношений между русским революционным движением и западноевропейским.

Рязанов был в числе первых коммунистов, выдвинутых в 1928 г. в действительные члены Академии наук СССР. В 1929 г. он был избран действительным членом Академии. В марте 1930 г. был торжественно отмечен 60-летний юбилей ученого: издан специальный сборник «На боевом посту. Сборник к 60-летию Д.Б. Рязанова», а сам он награжден орденом Трудового Красного Знамени. На юбилейном вечере от имени Коминтерна Клара Цеткин сказала: «На цоколе великолепного памятника созидательной научной работы советского государства неизгладимыми чертами вырезано имя "Рязанов"»[94].

Однако менее чем через год, в ночь на 16 февраля 1931 г., Рязанов был арестован. Наряду с рядом других видных сотрудников Института К. Маркса и Ф. Энгельса его обвинили в меньшевизме и недооценке вклада В.И. Ленина в развитие марксизма[95]. В качестве предлога для ареста Рязанова были использованы показания подсудимых по процессу так называемого меньшевистского центра, прежде всего сотрудника ИМЭ, бывшего меньшевика И.И. Рубина о якобы хранении Рязановым в его сейфе в рабочем кабинете партийных документов меньшевиков и др. документов[96]. Среди них находились оригиналы некоторых писем Маркса и документов из Архива СДПГ и других источников, полученные Рязановым во время его эмиграции и уже после 1917 г.[97] Материалы следствия по делу Рязанова докладывались лично Сталину[98]. На следующий день после ареста Рязанов был исключен из партии, снят со всех постов, исключен из Академии наук СССР и в апреле 1931 г. выслан в административную ссылку в Саратов.

Через шесть лет уже в Саратове, где Рязанов работал консультантом библиотеки Саратовского государственного университета, он был снова арестован и обвинен в связях с мифической правооппортунистической троцкистской организацией. 21 января 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Рязанов был приговорен по статье 58-8 и 51-11 УК РСФСР к расстрелу, в тот же день приговор был приведен в исполнение. Старый революционер, коммунист ни в 1931 г.,

---

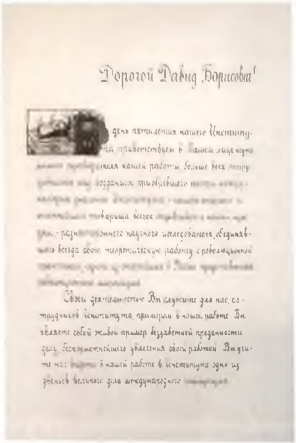
[94] Там же. С. 23.

[95] См.: *Смирнова В.А.* Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов... С. 83–84.

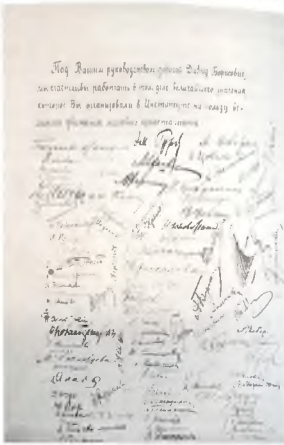
[96] Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта – 9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса. Обвинительное заключение и приговор. М., 1931. С. 143–149. Подробнее см.: *Васина Л.Л.* И.И. Рубин и его рукопись «Очерки по теории денег Маркса» // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 488–489.

[97] В своих письмах в редакцию журнала «Большевик» от 11 апреля и в Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1931 г. Рязанов подробно объяснял происхождение этих документов, полученных им на время для использования при публикации наследия Маркса и Энгельса, но не возвращенных в силу разных причин владельцам (главным образом Архив СДПГ) и находившихся поэтому в его служебном сейфе. См.: *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 464–465. Публикацию этих писем и других связанных с этой историей документов см.: *Зеленое М.* «Следовало бы быстрее опубликовать все эти письма, как ввиду их огромной ценности...»: Д.Б. Рязанов и публикация Маркса. 1931 год // Россия XXI. 2018. № 2. С. 162–179.

[98] Подробнее см.: *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 448–472.



Дорогой Давид Борисович!



Приветственный адрес сотрудников Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанову в связи с 5-летием Института

ни на предварительном следствии, ни на суде в 1938 г. не признал себя виновным. Д.Б. Рязанов реабилитирован посмертно в 1958 г., но только в 1989 г. состоялась его окончательная реабилитация по партийной линии[99].

* * *

Со времени гибели Рязанова прошло более 80 лет – время, достаточное для определения вклада Рязанова в развитие отечественной науки. Все последующие десятилетия развитие марксоведения во многом шло именно по направлениям, заложенным Д.Б. Рязановым. В СССР были изданы первое (28-томное) и второе (в 50 томах) издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, опубликованы научные биографии Маркса и Энгельса, документы Союза коммунистов и Первого Интернационала, осуществлен ряд других публикаций (например, наследия Г. Бабефа, писем русских корреспондентов Маркса и Энгельса и др.). Марксоведение пополнилось большим количеством исследований частных проблем и обобщающих работ. В особенности многое сделано в области изучения и публикации экономических эксцерптов (от *англ.* «excerpt» – отрывок, выдержка) Маркса, на важность

[99] О последнем периоде жизни Рязанова см.: *Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи... С. 473–546.

Академик Д.Б. Рязанов. Фотография, сделанная к 60-летнему юбилею Рязанова в марте 1930 г.

которых для понимания становления экономической мысли Маркса впервые обратил внимание именно Рязанов.

В 1975 г. вышли первые тома академического Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала (МЭГА), начатого в конце 1960-х гг. Институтами марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве и при ЦК СЕПГ в Берлине. Работа над изданием МЭГА продолжается в настоящее время в рамках международного проекта МЭГА под эгидой созданного осенью 1990 г. Международного фонда К. Маркса и Ф. Энгельса, одним из учредителей которого является Российский государственный архив социально-политической истории. К началу 2018 г. опубликованы 67 томов (большинство в двух частях – текст и научный аппарат) из запланированных 114 томов издания. В 2012 г. в издании МЭГА была завершена публикация всего экономического наследия Маркса, связанного с «Капиталом» (II отдел МЭГА). На протяжении 37 лет (1975–2012) изданы 15 томов, или 23 книги с текстами всех относящихся к «Капиталу» экономических рукописей Маркса и Энгельса, а также четырех прижизненных немецких изданий, первых французского и английского изданий I тома и 17 книг научно-справочного аппарата, всего 40 книг.

В ближайшие годы планируется завершить I отдел издания, в котором публикуются философские, экономические, исторические и политические сочинения, статьи и наброски Маркса и Энгельса, исключая «Капитал» и непосредственно примыкающие к нему работы. Опубликованы 14 томов переписки К. Маркса и Ф. Энгельса с 1837 по декабрь 1865 г. и Ф. Энгельса с октября 1889 по ноябрь

ИНСТИТУТ К. МАРКСА • Ф. ЭНГЕЛЬСА

Д. РЯЗАНОВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ МАРКСИЗМА

ТОМ ПЕРВЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1928 — ЛЕНИНГРАД

Титульный лист первого тома второго издания работы Д. Рязанова «Очерки по истории марксизма» (М.; Л., 1928).

1890 г. С 2017 г. начиная с переписки К. Маркса и Ф. Энгельса за 1866 г. эпистолярное наследие Маркса и Энгельса издается не виде томов-книг, а в электронном формате в режиме on-line[100]. Таким же образом будет продолжено издание томов IV отдела МЭГА (выписки, заметки и пометки на книгах), в котором опубликованы 14 томов.

Работы Рязанова выдержали испытание временем. Интерес к его личности и к его творческому наследию растет начиная с 1990-х гг. Не ослабевает интерес и к фигуре Карла Маркса. Более того, он значительно усилился в последнее десятилетие. Думается, предлагаемое новое издание наиболее крупных и значимых работ Рязанова, давно ставших библиографической редкостью, даст возможность современному читателю познакомиться не только с творчеством основателя отечественного марксоведения Д.Б. Рязанова, но и обратиться к некоторым важным страницам биографии Маркса и его научному наследию.

Л.Л. Васина
04.07.2018

[100] megadigital.bbaw.de

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ
(1909–1928)

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ МАРКСОМ И БЛАНКИ[1]

I

Маркса и Энгельса уже давно обвиняют в бланкизме. Бернштейн идет еще дальше. Уже в 1898 г. он утверждал, что «в Германии Маркс и Энгельс на основе радикальной гегелевской диалектики пришли к учению, находящемуся с бланкизмом в самом тесном родстве». Если исключить постоянно подчеркиваемое ими отвержение бунта, то «все заявления их, относящиеся ко времени Союза коммунистов, дышат всегда бланкистским или бабувистским духом»[2].

Лучшим доказательством служит, по мнению Бернштейна, отношение Маркса к событиям февральской революции. В то время как Бернштейн «собственно пролетарской партией» считает партию Луи Блана и Люксембургской комиссии[3], Маркс, наоборот, считает таковой только бланкистов.

Бернштейн ссылается на циркуляр Союза коммунистов (июнь 1850 г.)[4], но он мог бы с еще большим правом сослаться на следующее место из «Классовой борьбы во Франции», место, которое он просто проморгал, как проглядел его и Каутский, считающий теперь «диктатуру пролетариата» простым «словечком», которым Маркс случайно обмолвился, а не сущностью революционной стратегии марксизма.

В то время как «доктринерский социализм (т. е. социализм Луи Блана и ему подобных. – *Д. Р.*) подчиняет все историческое движение одному из его факторов, заменяет весь общественный процесс, творящий историю, измышлениями отдельного педанта, а главное – устраняет своей фантазией революционную борьбу классов со всеми ее необходимыми проявлениями посредством мелких кунштюков или крупных сентиментальностей, пролетариат, наоборот, все больше группируется вокруг *революционного социализма*, *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем Бланки»[5].

В чем же заключается этот социализм? «Этот социализм есть не что иное, как перманентная революция, классовая диктатура пролетариата, как необходимая переходная ступень к отмене всяких классовых различий, отмене всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений»[6].

Но у Бернштейна в руках было еще более убийственное доказательство, которое он, однако, так же мало использовал, как имевшиеся у него рукописи Энгельса о «Диалектике природы», чтобы ни у кого не осталось сомнения насчет «губи-

тельного» влияния гегелевской диалектики на Маркса и Энгельса. Оказывается, что среди бумаг, полученных им в наследство от старого учителя, тридцать лет благополучно пролежал не больше, не меньше, как подписанный собственноручно Марксом и Энгельсом договор с бланкистами, в силу которого немецкие, французские и английские коммунисты организуют «Всемирное общество коммунистов-революционеров». Мы приводим текст его полностью[7]:

Всемирное общество коммунистов-революционеров

Ст. 1. Целью общества является низложение привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой организации (constitution) человеческого рода (famille humaine).

Ст. 2. Для содействия осуществлению этой цели общество образует узы солидарности между всеми фракциями партии коммунистов-революционеров, уничтожая согласно принципу республиканского братства национальные разделения.

Ст. 3. Учредительный комитет общества образует собою центральный комитет; всюду, где для проведения дела встретится в том надобность, он учредит комитеты, стоящие в связи с центральным комитетом.

Ст. 4. Число членов общества не ограничено, но ни один член не может быть принят иначе, как единогласно. Выборы ни в коем случае не могут состояться путем тайной подачи голосов.

Ст. 5. Все члены общества клятвенно обязуются поддерживать статью первую настоящего регламента в точности так, как она в нем выражена. Изменение, могущее иметь последствием ослабление выраженных в статье первой заданий, освобождает членов общества от их обязательств.

Ст. 6. Все постановления общества принимаются большинством двух третей голосов.

Подписи:

Ж. Видиль. *Адан.*
Август Виллих. *К. Маркс.*
Дж. Джулиан Гарни. *Ф. Энгельс.*

Напомним теперь текст первой статьи устава Союза коммунистов:

«Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности»[8].

Разница бросается в глаза. «Господство пролетариата» заменено «диктатурой пролетариата». Революция объявляется перманентной – Revolution in Permanenz – La révolution en permanence.

Если первая поправка может быть названа редакционной, хотя и она принята под влиянием опыта революции 1848 г., в особенности парижских событий от 24 февраля до июньских дней, то вторая поправка является дополнением, которое, как я уже говорил в другом месте, внесено только после 1848–1849 гг., хотя эта «перманентная революция» намечается уже в ранних произведениях Маркса под влиянием опыта Великой французской революции, в особенности опыта якобинцев.

Опубликованный нами теперь договор составлен в духе известных циркуляров Союза коммунистов. Он, правда, оказался недолговечен. Уже в сентябре 1850 г. произошел раскол в Союзе коммунистов на фракцию Маркса и фракцию Виллиха – Шаппера. Из подписавших договор бланкистов Видиль стал на сторону Виллиха. Адан – на сторону Маркса. Расколу в Союзе коммунистов соответствовал раскол в среде французских «демократов-социалистов», из которых значительная часть присоединилась к Луи Блану, искавшему тогда соглашения с буржуазными радикалами. Примкнувшие к нему бланкисты были вынуждены во время банкета равных, устроенного в 1851 г. в день третьей годовщины, 24 февраля, скрыть полученный ими от сидевшего в тюрьме Бланки манифест, в котором он подвергал уничтожающей критике поведение Ледрю-Роллена и в особенности Луи Блана[9]. В другом месте мы остановимся подробнее на этом интересном эпизоде из истории эмиграции. А пока мы обращаем внимание читателей на многочисленные черты сходства между критикой, которой подвергает Маркс временное правительство, – Ламартина, Ледрю-Роллена, Луи Блана – и критикой Бланки.

II

После неудачной попытки побега в 1853 г. из тюрьмы на «Прекрасном острове»[10] Бланки провел в заключении еще шесть лет. Только осенью 1859 г. он был наконец освобожден и вернулся в Париж. К этому времени относится его поездка в Лондон.

Встретился ли Бланки с Марксом? Мы не знаем. Многие бланкисты после 1854 г. уехали из Лондона в Америку или Австралию. Мы теряем после 1853 г. всякий след Адана. Видиль попал в тюрьму. Из наиболее известных бланкистов в Лондоне в 1859 г. оставался врач Лакамбр, у которого часто бывал Бланки. К сожалению, мы не знаем, был ли этот врач знаком с Марксом. Это весьма вероятно, и, во всяком случае, как мы сейчас увидим, Лакамбр имел общих знакомых с Марксом.

В письме Маркса (от 9 июня 1861 г.) к Энгельсу мы читаем следующие строки: «По делу Бланки я послал тебе письмо из Брюсселя (от Денонвиля). В первую очередь речь идет о напечатании памфлета Денонвиля о гнусном процессе против Бланки (прения и т. п. и комментарий). Что касается Бланки, то он через Денонвиля просил горячо благодарить меня и немецкую пролетарскую партию (in partibus) за наше сочувствие. Я считаю очень важным, что мы опять завязали сношения с самой революционной партией во Франции»[11].

Дело в том, что Бланки был вновь арестован в Париже 10 марта 1861 г. После трехмесячного заключения в Мазасе он был 14 июня осужден на четыре года. Из тюрьмы Консьержери, в которую он был переведен после приговора, он написал уже известному нам Лакамбру письмо о своем процессе[12]. Каким образом это письмо попало к Денонвилю, а от него к Марксу, мы пока не знаем. Но это то самое письмо, о котором Маркс пишет Энгельсу. Оно написано мельчайшим почерком на папиросной бумаге – типичное тюремное письмо*.

Весьма вероятно, что Маркс хотел помочь бланкистам издать брошюру о процессе. С этой целью он обратился к графине Гацфельдт и Лассалю.

* Мы печатаем полный перевод его в приложении к этому тому «Очерков»[13].

«Кстати. Бланки все еще находится, – пишет Маркс Лассалю 8 мая 1861 г., – в Мазасе, где по приказанию следователя жандармы подвергают его физическим истязаниям. Без всяких заговорщических планов Бланки, как агент одного делового человека, использовал всеобщую амнистию и направился отсюда в Париж. Собачья пресса в Англии, как и в остальной Европе, старается замолчать это дело. Я условился в следующую субботу встретиться с Симоном Бернаром*, посвященным в детали дела, чтобы сговориться с ним[14]. Мы предполагаем вместе с Эрнестом Джонсом организовать публичный митинг по поводу этой мерзости. После того как я побеседую с Бернаром и ближе познакомлюсь с делом, я напишу графине отчет. А пока прошу тебя сейчас же тем или иным путем пустить об этом заметку в бреславльских газетах»[15].

К сожалению, письмо, в котором Маркс подробно написал графине Гацфельдт о деле Бланки, – он упоминает об этом в другом письме к Лассалю, 29 мая 1861 г., – не нашлось в архиве Гацфельдтов[16].

Кассация Бланки была отвергнута. Приговор – «один из самых позорных, когда-либо вынесенных», как пишет Маркс Лассалю 22 июля 1861 г.[17], – был «утвержден во второй инстанции», и Бланки переведен был в тюрьму Сент-Пелажи, где он и отсидел свой новый четырехлетний срок. Произвольное удлинение срока и опасение, что он опять будет сослан по окончании тюремного заключения, побудили Бланки бежать, не дожидаясь окончания срока. После недолгого пребывания в Швейцарии он переезжает в Бельгию. В нашей работе об Интернационале мы подробнее остановимся на отношениях Бланки к этой новой форме международного объединения пролетариата[18].

Примечания

[1] Данная статья была напечатана Д.Б. Рязановым в «Бюллетене Института К. Маркса и Ф. Энгельса» (№ 1. М.; Л., 1926. С. 5–9) с большим документальным приложением, ряд документов был опубликован впервые. Во время написания Рязановым данной статьи не был еще обнаружен и собран весь комплекс документов об этом эпизоде выступления Маркса в защиту Бланки. Новые данные по этой проблеме введены в научный оборот в статьях Л.Б. Бибиковой по истории переписки Маркса с Луи Ватто (см.: Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса ИМЛ при ЦК КПСС. № 8. М., 1962. С. 30–40) и В.Э. Куниной (История письма Огюста Бланки Карлу Марксу от 22 января 1862 года // Французский ежегодник. 1983. М., 1985. С. 33–39). Печатается по изданию: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. 2-е изд. Т. 1. М. 1928. С. 104–109.

[2] Рязанов имеет в виду публикацию: *Bernstein Ed.* Vom Zweiten Kaiserreich bis zur Dritten Republik // *Heritier L.* Geschichte der französischen Revolution von 1848 und der Zweiten Republik. Hrsg. und erw. von W. Eichoff und Ed. Bernstein. Mit einem Nachtrag... von Ed. Bernstein. Stu tgart, [1897–1898]. S. 699–714.

[3] Люксембургская комиссия («Правительственная комиссия для рабочих») была учреждена во Франции после Февральской революции 1848 г. Временным правительством. Она должна была разработать меры по улучшению положения рабочего класса. Заседала в Париже в Люксембургском дворце (отсюда ее название) в марте–мае 1848 г., не приняв никаких решений (ее называли «говорильня»). Возглавлял люксембургскую комиссию Луи Блан.

* Французский эмигрант, который был замешан в деле о покушении на Наполеона III.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Июнь 1850 г. // МЭС. Т. 7. С. 322–328.
Союз коммунистов (1847–1852) – первая в истории международная коммунистическая организация. Ее создателями и руководителями стали К. Маркс и Ф. Энгельс. Был создан на базе коренным образом реорганизованного Союза справедливых, который под влиянием Маркса и Энгельса воспринял марксистскую теорию. В период революции 1848–1849 гг. центром его деятельности стала Германия. После поражения революции и раскола внутри Союза попытки активизировать его работу в Германии не привели к успеху. Прекратил своё существование в 1852 году (формально распущен после судебного процесса над 11 его членами в Кёльне). Деятельность Союза коммунистов положила начало соединению марксистской теории с рабочим движением.

[5] *Маркс К.* Классовая борьба во Франции. III. Последствия 3 июня 1848 г. // МЭС. Т. 7. С. 91.

[6] Там же.

[7] Всемирное общество коммунистов-революционеров // Там же. С. 551–552. Этот договор, заключенный Марксом и Энгельсом от имени Союза коммунистов в середине апреля 1850 г. с проживавшими в Лондоне французскими эмигрантами-бланкистами и представителями революционного крыла чартистов, впервые был опубликован Рязановым факсимиле (между с. 8 и 9) на французском языке и в русском переводе (с. 11) в «Бюллетене...» (см. примеч. 1).

[8] Устав Союза коммунистов // МЭС. Т. 4. С. 524–529.

[9] «Предостережение народу» – приветственный адрес, написанный Бланки по просьбе устроителей «банкета равных», опубликован в газете «La Patrie. Journal du commerce» (Paris. № 58, 27 février 1851). Адрес был переведен Марксом и Энгельсом 3–6 марта 1851 г. на английский (текст не сохранился) и немецкий языки, последний с предисловием Маркса и Энгельса был опубликован тиражом в 30 000 экз. весной 1851 г. в Кёльне (см.: Предисловие к немецкому переводу тоста О. Бланки // МЭС. Т. 7. С. 569–570).

[10] Речь идет о тюрьме на острове Бель-Иль (Belle Île), в которой содержались политические узники, в частности участники Июньского восстания 1848 г. в Париже.

[11] Рязанов приводит дату и текст письма в соответствии с изданием: Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Hrsg.von A. Bebel und Ed. Bernstein. Bd. I–IV. Bd. III. Stuttgart, 1913. S. 22. Уточненные дату (19 июня 1861 г.) и текст: «По делу Бланки я переслал ей [графине Гацфельдт. – *Ред.*] письмо из Брюсселя (от Денонвиля)» см.: МЭС. Т. 30. С. 141. Дата и текст письма были исправлены самим Рязановым при публикации письма в 1930 г. в т. XXIII первого издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке (с. 25–26). Письмо Луи Ватто (Денонвиля) Марксу с выражением благодарности за поддержку Бланки было написано 8 июня 1861 г. (MEGA² Bd. III/11. S. 488.8–11).

[12] Огюст Бланки – Сирилю Лакамбру, 16 июля 1861 г.; опубликовано Рязановым в «Бюллетене ...» (см. примеч. 1). С. 14–16.

[13] В данное издание это письмо не вошло. По-видимому, Рязанов ошибается, связывая письмо от 16 июля 1861 г. с упомянутым выше письмом Маркса от 19 июня 1861 г.

[14] Маркс через Симона Бернара установил связи с Луи Ватто (псевдоним Денонвиль), о чем свидетельствуют сделанные им пометки в записной книжке (РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5578) о встрече с Бернаром 11 мая и копия письма от него от 13 мая 1861 г. (там же), в котором Бернар указывает на конкретные меры для установления связей с Ватто по делу о Бланки. Сохранившаяся копия этого письма опубликована в: MEGA² Bd. III/11. S. 472–475.

[15] Маркс – Фердинанду Лассалю, 8 мая 1861 г. // МЭС. Т. 30. С. 496.

[16] Теперь это письмо обнаружено и опубликовано. См.: Маркс – Фердинанду Лассалю, 29 мая 1861 г. // Там же. С. 498.

[17] Там же. С. 505.

[18] Это намерение Рязановым не было осуществлено.

К. МАРКС И «НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ТРИБУНА»[1]

I

С прекращением «Политико-экономического обозрения», которое Маркс и Энгельс, поселившись после долгих странствий осенью 1849 г. в Лондоне, основали под старым названием: «Новая Рейнская газета», для обоих друзей надолго исчезла возможность развивать свои взгляды в собственном органе. Невозможной оказалась и всякая другая литературная деятельность для Германии. Все попытки побудить немецких издателей издать более крупные работы Маркса и Энгельса остались безуспешными. Не было также ни одной газеты, для которой Маркс и Энгельс могли бы работать в качестве корреспондентов. Даже немецкая пресса в Америке была для них закрыта.

При таких обстоятельствах Энгельс уже в конце 1850 г. был вынужден вернуться к «собачьей коммерции» и вступить в качестве доверенного в филиальное отделение фабрики отца в Манчестере.

Маркс остался в Лондоне. А так как в первое время Энгельс мог оказывать ему лишь очень незначительную поддержку, то ему пришлось испытать все муки эмигрантской нищеты, влезая в неоплатные долги и голодая вместе со своей семьей.

Но даже величайшая личная нужда не могла отвлечь его от научных работ. Много времени отнимала у него еще партийная работа, ложившаяся всей своей тяжестью на него одного.

В Союзе коммунистов[2] произошел раскол, и борьба фракций между собой, как и борьба со всеми другими направлениями эмиграции, приняла крайне резкие формы.

Вскоре, в мае и июне 1851 г., произошли аресты коммунистов в Германии, и старания Маркса спасти по возможности остатки организации и прийти на помощь своим партийным друзьям ухудшили еще больше его материальное положение. Как раз в это время, летом 1851 г., он совершенно неожиданно получил приглашение написать несколько статей для одной англо-американской газеты.

«"Нью-йоркская трибуна", – писал Маркс Энгельсу 8 августа 1851 г., – пригласила меня и Фрейлигрmaта сотрудничать за определенный гонорар. Это самая распространенная газета в Северной Америке. Если бы ты мог доставить мне к пятнице утром, 15 августа, написанную по-английски статью о положении дел в Германии – это было бы отличное начало»[3].

Как состоялось это приглашение? Элеонора Маркс-Эвелинг высказала предположение, что это произошло через посредство Фрейлигрaта[4], но неправильность этого предположения обнаружилась уже после опубликования писем Маркса к

Вейдемейеру[3]. Из них стало ясно, что Маркс еще в Германии познакомился с одним из редакторов «Нью-Йоркской трибуны» – Чарлзом Андерсоном Дана.

Газета была основана в апреле 1841 г. Хорасом Грили, наборщиком, который поднялся до ранга журналиста и политика, очень известного в Северной Америке. Начало газеты было весьма скромным. В политическом отношении она поддержала левое крыло американских вигов, боролась против дальнейшего распространения рабства и выступала в защиту таможенных пошлин как единственного средства развить в Северной Америке промышленность.

«Трибуна» завоевала себе среди американских газет своеобразное положение после того, как Грили примкнул к Альберту Брисбейну, апостолу фурьеризма в Соединенных Штатах, и с марта 1842 г. предоставил свою газету в распоряжение фурьеристов. «Трибуна» сделалась любимой газетой буржуазной интеллигенции, которая сочувствовала страданиям трудящихся масс и видела в устройстве коммунистических колоний, по планам Фурье, панацею для устранения нужды на земле. В газете принял участие целый ряд талантливейших писателей, увлеченных новым движением.

Вскоре газета приобрела известность также в Европе, особенно в социалистических кругах, как наиболее прогрессивный орган в Америке. Известные представители фурьеристской школы были привлечены в качестве корреспондентов.

Но настоящим центром теоретической и практической пропаганды фурьеризма была колония Брук-Фарм, недалеко от Бостона.

Она была основана в 1841 г. группой идеалистически настроенных интеллигентов; все они были сторонниками так называемого трансцендентализма, видевшего свою цель в освобождении индивидуума от всех оков традиции. Многие из них принадлежали к талантливейшим представителям американской литературы (Чаннинг, Эмерсон, Маргарита Фуллер, Натаниал Хоуторн); под влиянием Джорджа Рипли они с 1844 г. объявили себя сторонниками фурьеризма. Члены колонии, по большей части – тоже сотрудники «Нью-йоркской трибуны», издавали журнал «Harbinger» и организовали в различных городах фурьеристские курсы. Одним из наиболее ревностных и знающих пропагандистов общины был Чарлз А. Дана, подвизавшийся одинаково усердно как в качестве писателя, так и в качестве странствующего проповедника. В этой колонии он подружился с Д. Рипли и познакомился с А. Брисбейном и Х. Грили, которые часто посещали Брук-Фарм в качестве гостей. Вероятно, уже там пробудился в нем постоянно отличавший его интерес к немецкой культуре; тут, несомненно, сказалось влияние Маргариты Фуллер и Д. Рипли, которые более всех других американских писателей содействовали ознакомлению янки с сокровищами немецкой литературы.

После большого пожара, который в 1846 г. почти совершенно разрушил колонию и повлек за собой финансовые затруднения, с которыми она не могла справиться, некоторые ее члены переселились в Нью-Йорк и вступили в редакционный штаб «Трибуны», в том числе Д. Рипли в качестве критика и Чарлз А. Дана, получивший должность редактора местного отдела с еженедельным жалованьем в 10 долларов.

Хотя Грили вступил в компанию с Томасом Мак-Элратом, настоящим купцом, обладавшим всеми качествами, недоставшими основателю газеты, тем не менее «Трибуна» еще долгое время являлась не особенно доходным предприятием. Конкуренция была велика, а фурьеристские традиции еще очень сильны, и издателям,

для того чтобы продержаться, приходилось нагонять величайшую экономию. Так, Грили, главный редактор и вдохновитель газеты, получал не более 15 долларов в неделю.

Когда революция 1848 г., мощно воздействовав на умы и в Америке, вызвала сильную потребность в подробной информации о революционных событиях, увеличился и тираж «Трибуны», которая еще до революции больше всех других американских газет заботилась о хороших корреспонденциях из Европы. Как раз в это время Дана решил предпринять путешествие в Европу. Но «Трибуна» не была в состоянии гарантировать ему более 10 долларов в неделю. Договор с другими газетами дал ему еще 25 долларов. Обеспеченный этой суммой, он отправился в Европу. Как Дана сам сообщает с гордостью истого янки, он не только провел там около восьми месяцев, повидав множество революций, не только покрыл свои собственные расходы и расходы своей семьи в Нью-Йорке, но сверх того привез еще обратно домой 63 доллара в качестве чистого дохода от всего этого путешествия*.

Свое первое письмо из Парижа он послал 29 июня 1848 г., то есть сейчас же после июньского поражения парижского пролетариата.

Он пробыл в Париже три месяца и в октябре поехал дальше, в Берлин. Здесь ему оказал содействие его старый учитель – А. Брисбейн, который раньше изучал в Берлине философию, был хорошо знаком с младогегельянцами и еще летом 1848 г. совершил путешествие по Германии. Возможно, что это он посоветовал Дана съездить в Кёльн, где Брисбейн в свое время тоже познакомился с Марксом.

Из Берлина Дана поехал во Франкфурт, оттуда в Кёльн, где посетил Маркса. Это было, вероятно, в ноябре 1848 г. Энгельс незадолго до этого был вынужден оставить Кёльн и тосковал в Швейцарии; Фрейлигрaт, с которым Дана познакомился в доме Маркса, переселился в Кёльн лишь 21 октября 1848 г., немедленно после своего вступления в редакцию «Новой Рейнской газеты».

В начале декабря мы находим Дана опять в Париже, а в марте 1849 г. он возвратился обратно в Нью-Йорк.

О самом визите его к Марксу мы имеем только сообщение Дана. Летом 1850 г. он написал Марксу, прося его переслать письмо Фрейлигрaту. Этим случаем он пользуется для того, чтобы напомнить Марксу о своем визите**:

«С тех пор как мы встретились в Кёльне, свет во многом переменился, в результате этого процесса многие из наших друзей унесены с поверхности мира. Но, слава богу, игра еще не окончена, и тем, которые сегодня вынуждены выжидать сложа руки, завтра, быть может, придется еще выполнить большую работу. Хотя в продолжение этого времени я не имел счастья получать известия непосредственно от вас, но, тем не менее, я все время был хорошо информирован о вашей жизни и, поскольку то было возможно, также о перспективах революции, как вы их предвидели еще раньше при помощи вашего метода, но я лично ожидал другого конца для более радикальных из моих друзей. Побеждать всегда лучше, чем быть побеж-

* *Wilson J.H.* The life of Charles A. Dana. New-York, 1907. P. 62–63. До сих пор нет ни одной истории «Нью-йоркской трибуны». Источником нам служила сама газета и биографии Дана, Грили и Рипли, а также история колонии Брук-Фарм, написанная Линдсеем Свифтом[6].

** Письма Дана Марксу мы нашли среди бумаг Лафарга. К сожалению, некоторые из них пропали.

денным – voilà mon opinion (таково мое мнение). Правда, я не думаю, что взрыв вулкана произойдет в близком будущем. Предварительно должна быть проделана изрядная агитационная работа, и лишь тогда из хаоса возникнет новый мир. Нельзя ли надеяться приветствовать вас здесь, в Америке? Я охотно повторил бы восхитительный вечер, который мы провели вместе в Дейтце»[7] (в окрестностях Кёльна).

Хотя для Дана Франция была воплощением революционной демократии, а Россия – абсолютизма, и хотя вся современная история казалась ему, как и европейской буржуазной демократии, борьбой между революцией и абсолютизмом, тем не менее, он ожидал – и развивал этот взгляд в своих письмах, – что главнейший вопрос девятнадцатого века, вопрос социальный, найдет свое разрешение в Германии. (The Question of this age, I begin to think, must be decided in Germany. – Письмо из Берлина, 10 октября 1848 г.)

Когда он вернулся в Нью-Йорк, в Соединенных Штатах, несмотря на усиление реакции, еще не улегся интерес к революционным движениям в Европе. Попытки американского правительства вмешаться в европейские дела в пользу Венгрии, боровшейся за свою независимость, вызванный этим резкий дипломатический конфликт с Австрией, поддержка, которая оказывалась венгерским и польским эмигрантам в Турции, – все это еще долго волновало умы в Северной Америке. И в продолжение этого периода самую выдающуюся роль играла «Нью-йоркская трибуна» как газета, наиболее осведомленная во всех этих злободневных вопросах, находившаяся в постоянных сношениях с европейской эмиграцией и горячо отстаивавшая независимость Венгрии. Но что сильно отличало «Трибуну» от всех других газет и сообщало ей особый характер, так это то место, которое она отводила на своих столбцах Германии. Инициатива этого принадлежала Дана, который по своем возвращении принял на себя иностранный отдел. Это принесло газете и материальный успех, обеспечив «Трибуне» большой круг читателей из рядов немецкой эмиграции, усилившейся после революции 1848 г. (за 1851–1860 годы эмигрировали 951 667 человек, из них за годы 1852–1854 – более 500 000). И, наоборот, этот успех среди немецкой эмиграции побуждал уделять еще большее внимание запросам этого круга читателей*.

Но, как ни влиятельно было положение Дана в «Трибуне» после 1849 г., он, во всяком случае, не был главным редактором. Роль последнего исполнял попрежнему Грили, почти диктаторски определявший позицию газеты во всех вопросах внутренней политики, в которой он принимал и практическое участие в качестве агитатора и политика. Не меньше должен был Дана считаться с влиянием второго владельца газеты – Мак-Элрата. Правда, последний очень мало беспокоился о политике и литературе, но тем более заботился он о том, чтобы Дана и его коллеги не обременяли газету «бесполезным балластом», увеличивающим издержки, и не сделали ее слишком серьезной; он заботился, чтобы «Трибуна» не уступала другим газетам также в удовлетворении запросов тех читателей, которые ищут «сенсаций». Не только такие события, как выборы президента и другие происшествия внутренней политики, но даже всякий скандал в мире верхних десяти тысяч или всякий сенсационный судебный процесс автоматически урезывали именно тот отдел газеты, который посвящен был иностранным делам и литера-

* *Faust A.B.* The german element in the United States. [In 2 vols.] New-York, 1909.

туре; вследствие этого он подчас сокращался до минимума. Так, «Нью-йоркская трибуна» еще в лучшее свое время указывала с гордостью на то, что однажды она посвятила какому-то сенсационному убийству в Нью-Йорке не менее 150 столбцов, больше всех своих конкурентов. И в конце 1855 г. контора газеты могла заявить, что во всем мире нет такой газеты, которая имела бы больший тираж. По числу объявлений «Трибуна» заняла тогда первое место.

Грили и Мак-Элрат оставались собственниками газеты. Правда, была сделана попытка – слабая дань фурьеристскому прошлому – внести в предприятие принцип товарищества. Грили и Мак-Элрат, в качестве капиталистов, добровольно передали некоторое количество паев представителям труда и таланта, но подавляющее большинство их они оставили в своих руках; благодаря этому они и после «реформы» сохранили за собой решающий голос в вопросах хозяйственного характера...

Но не только в вопросах хозяйственного характера, – даже в редакционных делах Дана ничего не мог предпринять на свой страх и риск без разрешения обоих владельцев газеты. Его положение отличалось от положения других редакторов только тем, что во время частых путешествий Грили Дана постоянно замещал его в должности главного редактора. Будучи столь же убежденным протекционистом, как и Грили, он был гораздо радикальнее его в борьбе против рабства. Но ему никогда не удавалось преодолеть поссибилистскую тактику своего главного редактора, который, подобно его прообразу[8] – Генри Клею, герою компромисса, – из страха перед отделением рабовладельческих штатов гораздо энергичнее выступал против расширения рабства, чем за его отмену. Внести свою собственную ноту Дана удалось только в борьбу, которую «Трибуна» действительно очень энергично вела против истинно американской партии, так называемой партии «незнаек»[9], ратовавшей против иностранцев.

Вообще же «Трибуна» в продолжение 50-х гг. по-прежнему оставалась органом левого крыла американских вигов, а с 1856 г. стала органом новообразовавшейся республиканской партии, программа которой включала протекционизм, развитие торгового оборота и запрещение рабства на новых территориях.

Гораздо самостоятельнее был Дана в отделе иностранной политики, который находился в его исключительном ведении. Но и в нем он был сильно связан изменениями, наступившими в отношениях между Соединенными Штатами и европейскими державами. Со времени Крымской войны в Америке самым радикальным образом изменились принципы иностранной политики, поскольку они отстаивались различными партиями – преимущественно демократической, которая защищала рабство, и республиканской, которая боролась против рабства.

Ни Грили, ни Мак-Элрат не позволили бы «Трибуне» занять в этих вопросах позицию, которая могла бы повредить их положению в партии и оттолкнуть главный контингент их американских читателей.

Вообще Дана никогда не был «хозяином» в «Трибуне». В продолжение всего периода его участия в газете (1847–1862) он, хотя и получал к концу более высокое жалованье, но всегда оставался только служащим, не имеющим никаких прав. Его собственное жалованье – а по всем известным нам данным он был наиболее прилежным работником в редакции – лишь постепенно повышалось до 25, 40 и, наконец, 50 долларов в неделю. Необходимо также иметь в виду очень умеренное в то время в Соединенных Штатах вознаграждение «квалифицированного» лите-

ратурного труда. Его коллега и друг Д. Рипли получал еще в 1861 г., когда «Трибуна» была уже богатой газетой, только 25 долларов в неделю. В своих письмах к Марксу Дана мог подчас разыгрывать из себя «хозяина в доме». Но на самом деле он, несмотря на оказанные им газете услуги, был только наемным сотрудником, которого Грили и Мак-Элрат, в результате конфликта по вопросу о борьбе против рабства, буквально выбросили из редакции в марте 1862 г.

Обстоятельства, при которых Дана оставил редакцию, роль одного из наиболее верных и энергичных сотрудников Линкольна, которую он играл во время американской Гражданской войны*, показывают, что он еще не был тогда тем ловким купцом и циничным скептиком, каким изображает его историк колонии Брук-Фарм Линдсей Свифт. Лишь позднее он становится издателем самой обыкновенной капиталистической газеты[11], без всяких литературных претензий, и в своих лекциях об «Искусстве издавать газету» провозглашает высшим заветом редактора: «Давать сведения, все сведения, ничего, кроме сведений».

«В Нью-йоркской трибуне» он еще боролся против этого принципа, защищавшегося Мак-Элратом. Дана настаивал на том, что газета должна не только сообщать одни сведения, но обязана действовать в качестве органа пропагандирующего и поучающего. Если, благодаря его коллеге Джорджу Рипли, «Трибуна» пользовалась в Америке репутацией первой газеты в области литературы и критики, то самому Дана газета была обязана тем, что, вопреки Мак-Элрату, она все-таки стояла на гораздо более высоком интеллектуальном уровне, чем другие американские газеты, и вопреки Грили посвящала так много места иностранным событиям. В качестве образца ему служили тогда лучшие немецкие газеты, которые Дана впоследствии находил слишком «серьезными»; многочисленные немецкие сотрудники, которых мы встречаем на столбцах «Трибуны» в продолжение пятидесятых годов, были все приглашены им. При этом Дана не руководился определенными политическими симпатиями к одному из направлений немецкой революционной эмиграции; это видно уже из того, что он старался привлечь к газете все известные имена немецкой левой партии: Руге, Людвига фон Симона, Фрёбеля, Бруно Бауэра, Фрейлиграта.

К Марксу Дана обратился лишь позднее. Поэтому в письме, уже цитированном нами, нет еще ни одного слова о сотрудничестве в «Трибуне». Возможно, что он вообще сомневался, будет ли его предложение принято Марксом, радикальные взгляды которого были ему известны. Возможно, что Дана решился пригласить Маркса в сотрудники только после того, как в 1851 г. узнал от его друзей, что бывший главный редактор «Новой Рейнской газеты», – которого он, по выражению г-жи Маркс в письме к Вейдемейеру, знал в Кёльне «в совершенно другом положении»[12], – не откажется даже от такого мизерного источника доходов, каким являлась «Трибуна» для своих заграничных сотрудников. Открытым остается вопрос, играло ли при этом какую-либо роль его желание оказать гостеприимство Марксу, отвергнутому всеми немецкими издателями и газетами. Во всяком случае, своим приглашением сотрудничать в «Трибуне» Маркс был обязан доброжелательной инициативе одного только Дана, и опять-таки только последний в

* В своих «Recollections of the civil war» (New York, 1898) он рассказывает о причинах своего конфликта с Грили, который стоял за мир с Южными штатами. Дана же, в качестве младшего секретаря военного министра[10], был решительным сторонником войны.

продолжение десяти лет защищал интересы Маркса, хотя и не всегда так, как последнему хотелось бы, против Грили и Мак-Элрата.

Но вначале никто из них не предполагал, что они будут связаны друг с другом так долго и, в конце концов, оставят «Трибуну» одновременно. Приглашая Маркса написать несколько статей, Дана преследовал определенную цель. Он хотел лишь, чтобы сам Маркс подробно изложил читателям «Трибуны» свои взгляды на германские события, которые он развивал ему в Кёльне и которые произвели на него сильное впечатление. Эта тема имела для Америки злободневный интерес уже благодаря тому шуму, который был поднят вокруг Кошута. Отпущенный Турцией на свободу, вождь венгерской революции 11 ноября 1851 г. приехал в Америку как триумфатор и оставался там до июля 1852 г. Тогда очень горячо обсуждались шансы нового революционного взрыва в Европе, и не только Кошут, но и представители немецкой эмиграции, как Гейнцен и Кинкель, делали попытки привлечь великую республику на свою сторону и даже заключить в Соединенных Штатах заем на счет будущей революции. Правда, государственный переворот 2 декабря 1851 г., ознаменовавший окончательное поражение революции в Европе, нанес и в Америке смертельный удар энтузиазму, который вызывали там Кошут и европейская революция. Но еще в продолжение многих месяцев общественное мнение Соединенных Штатов занималось вопросами, связанными с этой революцией.

II

Этим можно объяснить, почему Дана предложил Марксу избрать в качестве первой темы революцию и контрреволюцию. «Что же касается "Нью-йоркской трибуны", – писал Маркс Энгельсу 14 августа 1851 г., – то теперь, когда я по горло занят политической экономией, ты должен прийти мне на помощь. Напиши ряд статей о Германии 1848 г. Живо и непринужденно. В иностранном отделе эти господа очень либеральны»[13].

Мы теперь знаем, что Энгельс блестящим образом справился с этой задачей. Все статьи, хотя и подписаны Марксом, написаны Энгельсом. Но в основном они представляют их совместный труд. Единственным источником Энгельсу служила «Новая Рейнская газета». Кроме того, Маркс доставлял ему заметки, которые Энгельс использовал для своих статей. Поэтому он сам говорит о «наших статьях»; поэтому же все их друзья в Северной Америке были убеждены, что статьи написаны самим Марксом*.

21 августа Энгельс доставил первое письмо, которое Маркс отослал в неизменном виде. В «Трибуне» оно появилось через два месяца, в номере от 25 октября 1851 г., в виде первой статьи серии под общим заглавием: «Germany, Revolution

* То обстоятельство, что Энгельс при изображении австрийской революции воспользовался венскими корреспонденциями «Новой Рейнской газеты», вызвало в американской прессе оживленную полемику. Теллериг, который посылал корреспонденции из Вены в Кёльн, утверждал, что напечатанные в «Трибуне» статьи, поскольку они касаются Австрии, представляют плагиат из его писем. В предисловии к первому изданию «18-го брюмера» Вейдемейер отвечает ему: «Даже противники Карла Маркса не отрицали того, что он далеко превосходил подавляющее большинство политических писателей как оригинальностью своих взглядов – результатом глубоких и обширных знаний, – так и своим классическим стилем»[14].

and Counter-revolution» («Германия, революция и контрреволюция»). Последняя статья, девятнадцатая, была напечатана 23 октября 1852 г., т. е. через год*. Один раз печатание статей было прервано из-за президентских выборов, а несколько раз оно прерывалось потому, что Энгельс не всегда находил время писать**.

Сам Маркс до августа 1852 г. не написал для «Трибуны» ни одной строчки. Поскольку он не работал над своим большим сочинением, которое он хотел издать в виде критической истории политико-экономических теорий, он очень много времени посвящал партийной деятельности. Когда Вейдемейер переселился в Нью-Йорк, для Маркса и его друзей снова блеснула надежда основать на этот раз в Америке свой партийный орган. Большую часть работы для этого проектировавшегося журнала выполнил Маркс.

Но в свет вышел всего-навсего один номер журнала, и статьи Маркса о государственном перевороте 2 декабря 1851 г.[15] появились в мае 1852 г. в виде первой книжки «непериодического журнала» «Революция». За эту работу Маркс не получил ни гроша.

Как раз в это время материальная нужда Маркса достигла наибольшей остроты. Потерпели крушение и в Германии последние надежды найти издателя для его политико-экономического сочинения. Только тогда ему стало ясно, что у него нет никаких других литературных возможностей, кроме «Трибуны». Но сотрудничество в газете, предложенное ему Дана, не могло служить достаточным источником заработка, так как для этого ему недоставало двух существенных условий: постоянства и достаточного размера гонорара. Когда Маркс, по прошествии семи месяцев, получил деньги за напечатанные статьи, оказалось, что «Трибуна» платила за каждую статью только 1 фунт стерлингов. На запрос Маркса по этому поводу Дана ответил, что это обычный гонорар за корреспонденции подобного рода и что владельцами газеты ему разрешено платить двойной гонорар, т. е. 2 фунта, или десять долларов, лишь за корреспонденции о «текущих событиях, имеющих характер интересного революционного кризиса»[16]. Такой двойной гонорар получал сам Дана за свои корреспонденции о европейской революции.

При этом не было никакой речи о приглашении Маркса в качестве постоянного корреспондента, не говоря уже – в качестве «европейского редактора». Ему было предоставлено писать на свой страх и риск, и все зависело от того, сумеет ли он сделать себя незаменимым для газеты.

Маркс имел очень много конкурентов как в своих корреспонденциях о Германии, в том числе такого плодовитого писателя, как Бруно Бауэр, так и в своих корреспонденциях об Англии.

Во-первых, для «Трибуны» писал Дохерти, старый английский фурьерист, который редко касался чистой политики, но посылал корреспонденции очень часто; во-вторых, об Англии и Франции корреспондировал и французский фурье-

---

* По-английски изданы отдельной книгой Элеонорой Маркс-Эвелинг в 1896 г. В том же году появились по-немецки в переводе Карла Каутского. Существует несколько русских переводов.

** До первого перерыва редакция, т. е. Дана, очень часто обращала внимание читателей на «очень интересные» статьи; например, в номере от 6 ноября 1851 г. четвертая глава рекомендовалась как «в высшей степени интересная», так как «в ней идет речь об Австрии, этом центре разложения и подлости в Германии». О пятой главе в номере от 12 ноября 1851 г. Дана замечает, что она написана с необычайным остроумием.

рист Жюль Лешевалье. Но наиболее опасным конкурентом был некто «А.П.К.»*. Маркс называет его однажды янки[17] и, действительно, в сфере собственно корреспонденции он наиболее подходил к американским условиям. Своей задачей он считал доставлять сведения как можно больше и как можно быстрее, и для этой цели широко пользовался своим положением корреспондента известной американской газеты. Он находился в дружеских отношениях не только с английскими радикалами, но и с представителями европейской эмиграции, особенно французской, итальянской, венгерской. Не вникая в текущие вопросы слишком глубоко, он прилежно списывал радикальную прессу и немедленно пересылал в Нью-Йорк все, что узнавал от своих друзей из эмигрантских кругов.

Маркс ни в малейшей степени не обладал этими качествами настоящего корреспондента. Далеко не человек общества, где обращают внимание на внешность, к тому же часто испытывая «недостаток в некоторых необходимых принадлежностях костюма и обуви», он, даже по прошествии нескольких лет жизни в Лондоне, избегал показываться где-нибудь, кроме тесного круга своих политических единомышленников. А этот круг суживался с каждым годом по мере обострения борьбы в среде эмиграции. Что может быть характернее для Маркса того обстоятельства, что он никогда не делал попыток познакомиться со своими коллегами из «Трибуны» и вообще не завязывал никаких сношений с миром журналистов?

На пути Маркса стояли и другие затруднения. Так, в первое время он был вынужден писать свои статьи по-немецки и сначала отсылать их в Манчестер, где Энгельс переводил их на английский язык. Понятно, что этим вызывалось значительное опоздание, особенно еще благодаря тому, что в то время почта из Лондона в Нью-Йорк уходила только два раза в неделю**. Но уже через несколько месяцев Маркс справился с этим затруднением. С февраля 1853 г. он писал свои статьи прямо по-английски. Гораздо сильнее было другое затруднение. Если Маркс хотел писать о «текущих событиях», ему необходимо было в известном отношении приспособиться к читателям «Трибуны». У такого человека, как Маркс, не могло быть и речи об изменении или даже смягчении его точки зрения. Но, с другой стороны, «Трибуна» занимала во многих вопросах такую принципиальную позицию, с которой Маркс никак не мог согласиться. Ввиду этого ему приходилось выбирать такие темы, которые давали ему возможность свободно развивать свою собственную точку зрения, не вступая в конфликт с редакцией. Мы скоро увидим, что это ему не всегда удавалось.

Когда Маркс принял предложение Дана, «Трибуна» представляла для него «неведомую страну». Разумеется, он знал, что имеет дело с демократической газетой в европейском смысле этого слова, но он никогда не получал «Трибуну» аккуратно, а вначале и плохо следил за нею. Только из самой газеты узнал он, что в «Трибуне» фигурируют в качестве его коллег те же демократы, с которыми он в политическом отношении давно порвал. Прошел почти целый год после появления первой подписанной им статьи, когда он сделал не слишком приятное для него открытие, что «Трибуна» «к великому несчастью, защищает протекционизм». Энгельс старался рассеять его сомнения, указывая на специфически аме-

* Теперь мы знаем, что это был известный венгерский эмигрант, близко стоявший к Кошуту, граф Пульский. (Примечание ко второму изданию [«Очерков»].)

** По вторникам и пятницам; поэтому все статьи Маркса датированы этими двумя днями.

риканский характер этого протекционизма[18]. Но тем не менее Маркс был связан различными соображениями, не существовавшими для его конкурентов. Как ни своеобразна была форма, в которой «Трибуна» защищала протекционистскую буржуазию, – сам Маркс впоследствии очень правильно определил ее как форму сисмондистски-филаитропическо-социалистического антииндустриализма[19], – редакция никогда не допустила бы прямой критики протекционизма.

Таким образом, Маркс подвергался опасности, которая действительно постоянно существовала, что его критика экономического состояния Англии будет понята американскими читателями только как критика свободной торговли. При этом он долгое время не имел ни малейшего представления о действительной роли Дана в газете и поэтому был склонен считать «Трибуну» политическим органом Дана; из его переписки видно, что Дана и «Трибуна» были для него одно и то же. Благодаря этому он довольно долго пребывал в уверенности, что в своих письмах может совершенно свободно выбирать, по крайней мере, все политические темы, в отличие от вопросов экономических. Только опыт научил его, что и здесь дело обстоит не так, что и в этом отношении приходится считаться с местными условиями.

III

Еще прежде, чем была закончена серия статей о Германии, Маркс сделал попытку написать на злободневную тему. Повод к этому дали ему английские выборы, происходившие в июле 1852 г. Хотя его статьи получены были с большим запозданием – его конкурент А.П.К. послал свой отчет несколькими неделями раньше, так как Маркс дожидался общего результата выборов, – редакция приняла их немедленно[20]. Блестящая характеристика английских партий, меткая картина избирательной борьбы, интересные исторические отступления – все это сообщало его статьям своеобразную и непреходящую ценность. Они цитировались не только в американской, но и в английской прессе.

Начало было очень хорошим. Но вскоре кёльнский процесс коммунистов снова оторвал Маркса от этой работы. Судебные заседания продолжались шесть недель, с 7 октября до 12 ноября 1852 г. Дни и ночи «партия Маркса» работала, чтобы оказать обвиняемым помощь в их борьбе против *махинаций* штиберовской полиции и прокуратуры. Немедленно после окончания процесса, 17 ноября, Союз коммунистов был, по предложению Маркса, распущен[21]. Но Маркс должен был выполнить для партии еще одну ответственную работу. Он написал «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов»[22] с целью публично реабилитировать осужденных членов Союза и заклеймить позором прусскую полицейскую систему. Роль, которую он играл во время процесса и после него, по его собственному выражению, «окончательно отпугнула от него немецких издателей, с которыми он надеялся прийти к соглашению насчет своей экономии».

Начиная с января 1853 г. Маркс мог уже гораздо интенсивнее посвящать себя работе для «Трибуны». Он сосредоточился главным образом на изображении социального состояния Англии и в своих письмах бичевал лицемерие господствовавшей олигархии. Особенную сенсацию, как в Америке, так и в Англии, вызвало его письмо о герцогине Сатерлендской и рабстве[23].

Политика коалиционного министерства представляла очень мало «интересного» материала, и Маркс старался отмечать все симптомы приближавшегося кризиса. Наступления его он ожидал в 1853 г., ибо исходил из предположения, что промышленный цикл проходит свой кругооборот в период времени от пяти до семи лет. Его ожидание оказалось ошибочным, и, как он сам впоследствии признал, 1853 год, несмотря на многочисленные банкротства в отдельных отраслях промышленности, был годом «конвульсивного оживления».

С марта 1853 г. наступили события, которые снова взволновали Европу, казалось, совсем успокоенную. Сильно ослабевший в Америке интерес к европейской политике пробудился с новой силой. Особенно значительное место «Трибуна» стала уделять иностранной политике после того, как выяснилось, что новое осложнение в восточном вопросе может повести к европейской войне.

И среди всех ее европейских сотрудников не было ни одного, который был бы таким мастером во всех вопросах «высокой политики», как Маркс и Энгельс. Впрочем, ни редакция в целом, ни Дана никогда не узнали, что под именем Маркса для газеты писали оба друга.

Уже в журнале «Новая Рейнская газета» мы находим, наряду с историческими работами, серию обзоров международной политики; в них Маркс и Энгельс рассматривали внутреннюю связь текущих событий с точки зрения материалистического понимания истории. В них они указывали, что контрреволюция, превратившая Россию в третейского судью Европы, неизбежно приведет также к новому кризису в иностранной политике.

«Вследствие движений 1848–1849 гг., – читаем мы в политическом обзоре второго номера*, – Россия так глубоко вовлечена в европейскую политику, что она должна теперь возможно скорее осуществить свои старые планы относительно Турции и Константинополя, этого "ключа к своему дому", если этим планам не суждено остаться навсегда несбыточными. Успехи контрреволюции и усиление с каждым днем революционной партии в Западной Европе, внутреннее положение самой России и плохое состояние ее финансов толкают ее к быстрым действиям. Недавно мы видели дипломатическую прелюдию к этому новому восточному *действию*, через несколько месяцев мы переживем и саму драму.

Война против Турции необходимо превратится в европейскую войну. Тем лучше для "святой Руси", которая благодаря этому получит возможность прочно водвориться в Германии, довести там до конца контрреволюцию, помочь Пруссии завоевать Невшатель и, в конце концов, пойти походом на центр революции – на Париж.

В такой европейской войне Англия не может остаться нейтральной. Она должна выступить против России. И для России Англия – наиболее опасный противник. Если сухопутные армии континентальных государств по мере своего продвижения и прони новения вглубь России будут все больше и больше ослабевать, если их продвижение должно будет почти совершенно приостановиться у восточных границ старой Польши под страхом повторения 1812 г., то Англия имеет средство воздействовать на Россию с самой слабой ее стороны. Не говоря уже о том, что она может принудить Швецию к обратному завоеванию Финляндии, для ее

* Neue Rheinische Zeitung. Zweites Heft. 1850. Februar. P. 71–72. Этот отрывок в мерингов-ском издании «Литературного наследства» выпущен[24].

флота открыты Петербург и Одесса. Как известно, русский флот – самый плохой в мире, и Кронштадт, и Шлиссельбург так же легко могут быть взяты, как Сен-Жан-д'Акр и Сан-Хуан-де-Улуа. Но без Петербурга и Одессы Россия – великан с отрубленными руками. Кроме того, Россия не может обходиться, хотя бы всего полгода, без сбыта своего сырья и без покупки продуктов английской промышленности; это ясно обнаружилось уже во время наполеоновской континентальной блокады, а теперь это имеет силу еще в большей степени. Отрезанная от английского рынка, Россия через несколько месяцев переживет величайшее напряжение; напротив того, Англия не только может некоторое время обходиться без русского рынка, но она сможет также получить на других рынках все русское сырье. Итак, страшная Россия совсем не так опасна. Но немецкому бюргеру она должна казаться очень страшной, ибо она непосредственно господствует над его государством, над его государями и уверена, что ее варварские орды в скором времени наводнят Германию и там сыграют в некотором роде мессианскую роль».

Но под влиянием событий, разыгравшихся в 1850–1852 гг., Маркс изменил свой взгляд. Все споры между Англией и Россией по поводу Ближнего Востока, как и вопрос о выдаче польских и венгерских эмигрантов или так называемый вопрос о *«Пасифико»**, в котором Пальмерстон бросил на весы всю мощь Англии против маленькой Греции, привели только к борьбе при помощи дипломатических нот. Точно так же и вопрос о «святых местах», неожиданно выдвинутый Наполеоном в мае 1850 г. с целью привлечь на свою сторону клерикалов, долго оставался в неопределенном положении, и еще в начале 1853 г. можно было думать, что и он будет разрешен дипломатическим путем. И когда «отвратительный» восточный вопрос вновь приобрел остроту, Маркс и на этот раз предполагал, что он не приведет к войне. Вынужденный писать об этом вопросе, он обратился к Энгельсу, так как «это прежде всего вопрос военный и географический, то есть не по его специальности»[25]. Но вместе с тем он послал небольшую заметку с изложением своей основной точки зрения.

Редакция «Трибуны» предпослала этой статье о восточном вопросе, написанной им и Энгельсом[26], следующие строки («Нью-йоркская трибуна», 7 апреля 1853 г.): «Господин Маркс имеет свои собственные определенные взгляды, которые мы далеко не во всем склонны разделять, но те, кто не прочтут его писем, лишат себя одного из наиболее поучительных источников осведомления о великих вопросах современной европейской политики»[27].

Если статьи о восточном вопросе представляли общий труд Маркса и Энгельса, то обратившие на себя не меньшее внимание статьи о бюджете Гладстона, о господстве англичан в Индии, о политической карьере Пальмерстона принадлежали исключительно перу Маркса.

Можно сказать, что в 1853 г. он был одним из наиболее известных в Соединенных Штатах сотрудников «Трибуны». Всецело предоставив теперь область «собственно газетной корреспонденции» своему конкуренту А.П.К., он в своих письмах освещал все важнейшие вопросы – экономические, финансовые, политические, дипломатические – и, не довольствуясь одним только регистрированием их или сопоставлением материала, часто давал мастерски написанные этюды.

* Пасифико – еврей, британский подданный, пострадавший от погрома. Пальмерстон требовал немедленной уплаты вознаграждения, которое было вычислено с большим запросом.

Таким образом, его статьи почти совершенно потеряли характер корреспонденций, и естественно, что Дана пришла в голову мысль использовать письма Маркса в качестве передовых статей. Эта практика, хотя и весьма «лестная» для Маркса, имела одну неприятную сторону. Без некоторых «манипуляций», необходимых для приспособления статей Маркса ко вкусам американской публики, без указаний на «местные условия» эта метаморфоза была невозможна; Дана часто вставлял фразы – не говоря уже о нескольких вступительных или заключительных словах – с целью затереть все следы, которые могли бы возбудить в читателе подозрение, что статьи написаны не в самой редакции. Еще неприятнее было для Маркса то, что оставшуюся после этой операции часть статьи Дана нередко печатал за его подписью в виде корреспонденции.

Таким образом, лучшая и наиболее интересная часть статьи появлялась в виде редакционной передовицы, а подпись Маркса, как он жаловался, оказывалась только под «совершенно незначительными» вещами. Эта «аннексионистская политика»[28], которая началась со статей о восточном вопросе и вначале представляла исключение, уже через несколько месяцев превратилась в постоянное правило.

Когда в октябре 1853 г. началась русско-турецкая война, Маркс послал несколько писем на военные темы, написанных Энгельсом, которые редакция использовала в качестве передовых статей. При этом случилось то же, что повторилось и впоследствии, при появлении брошюры «По и Рейн»[29] и анонимных статей Энгельса о прусско-французской войне в «Pall Mall Gazette»[30]. Живо написанные статьи привлекли общее внимание не только своим тоном, но и основательностью изложенных в них военных суждений. Публика решила, что автором является какой-либо генерал, который держится в тени; высказывали предположение – для Америки тогда наиболее вероятное, – что этот генерал не кто иной, как Уинфилд Скотт, знаменитейший американский генерал, кандидат в президенты от левых вигов в 1853 г. и заведомый друг Хораса Грили. Лондонская пресса тоже часто приводила отрывки из этих статей.

Для редакции это послужило лишь новым поводом для того, чтобы печатать дальнейшие военные письма в виде передовых статей. На протесты Маркса против этих аннексий Дана ответил, что теперь они уже не могут отказаться от этой практики, ибо в противном случае они вынуждены были бы открыть, что эти статьи присылались из-за границы, а это сильно уронило бы престиж газеты[31]. Этим объясняется, что за время с 1853 до 1855 г. почти все письма, обсуждавшие вопросы войны с военной точки зрения, появлялись в «Трибуне» в виде передовых статей. Насколько газета гордилась этими статьями, лучше всего показывает редакционная заметка «"Трибуна" и война» («Нью-йоркская трибуна», 3 февраля 1855 г.). С гордостью редакция пишет, что, насколько ей известно, «Трибуна» единственная газета в Америке и Европе, которая регулярно дает критическое освещение военных событий с точки зрения принципов военной науки и дает читателю возможность осмыслить все эти события как с военной, так и с политической точки зрения.

В результате этого зимой 1853–1854 гг., по шутливому выражению Маркса в письме к Энгельсу[32], все редакционные статьи, обсуждавшие европейскую политику, на протяжении целых недель доставлялись обоими друзьями. Энгельс заведывал «военным министерством», Маркс – «министерством иностранных дел и финансов». Но чем интенсивнее становилось участие Маркса (и Энгельса) в

«Трибуне», тем реже появлялось в ней его имя. Маркс дважды потребовал, чтобы его статьи печатались либо все за его подписью, либо все без подписи[33]; редакция избрала последнее, и с апреля 1855 г. его имя вообще исчезает со столбцов «Трибуны».

Таким образом, Маркс был фактически европейским редактором «Трибуны», который «лишь в виде исключения занимался собственно газетной корреспонденцией», но зато писал о важнейших вопросах международной политики и мирового хозяйства.

Однако это не означало, что Маркс был членом редакции на определенном жалованье. Наоборот, что касается материальной стороны, то он имел лишь все невыгоды этого положения. Правда, как писал Дана в известном письме, напечатанном в «Господине Фогте» и относившемся к тому времени, когда Маркс работал для «Трибуны» столь же интенсивно, как в 1853–1854 гг., он был «не только одним из наиболее уважаемых, но и одним из наилучше оплачиваемых сотрудников»[34], но он никогда не получал точно определенного содержания. К нему относились так, как ко всякому другому обыкновенному корреспонденту. Никогда не удавалось ему добиться договора, по которому оплачивались бы обязательно все присылаемые им статьи. Владельцы «Трибуны» платили только за напечатанные статьи, в лучшем случае они брали на себя временное обязательство оплачивать не менее одной статьи в неделю. Так Маркс в продолжение многих лет выполнял в высшей степени интенсивную сдельную работу, не получая за нее «справедливого» сдельного вознаграждения. Сравнивая его статьи, в которые всегда было вложено так много труда, – не только потому, что этот труд был высококвалифицированным, но и потому, что Маркс выполнял большую подготовительную работу для своих писем, – с корреспонденциями его коллег, нельзя не удивляться тому, что почтенные владельцы «Трибуны» ни разу не почувствовали всего неприличия такого вознаграждения, которым не удовлетворился бы даже неквалифицированный рабочий.

Поскольку речь идет о вознаграждении, его многолетнее сотрудничество в «Трибуне» уподоблялось циклу, который периодически проходил все фазы от высокого давления – впрочем, весьма умеренного – до полного затишья. Когда в Америке усиливался интерес к европейской политике, – а только войны, политический или экономический кризис в Англии или на континенте, восстание в Индии или мятеж в Италии, конфликт Соединенных Штатов с каким-нибудь европейским государством делали для американцев «интересными» европейские события, – увеличивалось и число напечатанных писем. Нужно отдать Марксу справедливость: с течением времени он приспособился к этим условиям и, не отказываясь от своей привычки сопровождать изложение событий комментарием в форме небольших исторических или социально-экономических очерков, он часто давал именно то, что редакции было нужно. Кроме того, ни один из европейских сотрудников «Трибуны» не поддерживал с таким знанием дела и страстью ту борьбу, которую она вела – хотя не очень последовательно и подчас весьма вяло – против рабства. При всем том эти борцы против эксплуатации несвободного труда были столь наивно-циничны, что при всякой перемене конъюнктуры, отражавшейся на тираже «Трибуны», они немедленно переводили своих заграничных сотрудников на «пониженный рацион». Как ни горьки следующие строки, написанные Марксом, когда почтенные владельцы «Трибуны»

дали ему на некоторое время «отставку» ввиду наступивших финансовых затруднений, но они представляют лишь верное изображение его положения в «Трибуне»:

«Воистину гнусно быть осужденным на то, чтобы считать счастьем, если подобные писаки берут тебя в свою ладью. Толочь кости, перемалывать их и варить из них суп, как то делают пауперы в работном доме, – такова та политическая работа, на которую я осужден в этой компании. Вместе с тем я чувствую себя ослом за то, что – правда, не в последнее время, но в продолжение многих лет – давал этим молодцам слишком много за их деньги»[35].

Хотя вскоре наступила перемена к лучшему, но она ничего не изменила в действительном положении вещей. При ближайшей перемене конъюнктуры Маркс снова получил в грубой форме отставку, и на этот раз – навсегда.

IV

Мы уже упомянули о том, что в известном отношении и самому Дана жилось не лучше. Маркс часто сердился на него, но иногда несправедливо, ибо без Дана, который отстаивал перед владельцами газеты его интересы, его сотрудничество в «Трибуне» не продлилось бы так долго. Его сношения с газетой постоянно происходили через посредство Дана, и можно с уверенностью сказать, что, несмотря на все, Дана относился к Марксу корректно. Насколько то было в его власти, он старался смягчить для Маркса горечь его положения. Он ушел из «Трибуны» одновременно с Марксом, который лишь впоследствии узнал, что для Грили и Мак-Элрата Дана был только литературным «чернорабочим».

Но в одном отношении Маркс был вполне прав в своих жалобах на Дана. Последний, будучи редактором «иностранного отдела» в «Трибуне», с течением времени пережил процесс линяния и очень радикально изменил свою позицию в некоторых вопросах иностранной политики. Так, например, по отношению к России.

Решающее влияние оказало положение дел в самих Соединенных Штатах. Ободренные своим большим успехом на президентских выборах 1852 г., рабовладельцы сделали в 1853 г. новую попытку уничтожить еще существовавшие стеснения для распространения рабства и увеличить число рабовладельческих штатов. С помощью демократов Севера, вождем которых был сенатор Стивен Дуглас, им удалось провести так называемый билль Канзас-Небраска (30 мая 1854 г.), отменивший все географические и установленные законом ограничения для рабства. Этой внутренней политике демократов вполне соответствовала их иностранная политика, ближайшей целью которой была аннексия Кубы. Для этой завоевательной политики они, естественно, решили воспользоваться осложнениями в Европе.

Послы Соединенных Штатов в Мадриде, Париже и Лондоне (Суле, Мезон и Бьюкенен – все трое убежденные сторонники рабства) формулировали эту программу в так называемом Остендском манифесте 13 октября 1854 г. Для достижения этой цели они заигрывали как с итальянской, французской и венгерской эмиграцией, по своему обыкновению не слишком строго относившейся к тем кругам, из которых исходили «освободительные» проекты, так и с русским правительством, которое охотно готово было пойти навстречу аннексионистским

стремлениям демократов, лишь бы иметь Соединенные Штаты на своей стороне в войне против Англии. Суле, наиболее неразборчивого в средствах из всех трех послов, обвиняли даже в том, что он хотел втянуть республику в войну с Англией и Францией и ослабить западные державы, уже и без того находившиеся в затруднительном положении, еще внутренними потрясениями, чтобы после этого без всякой помехи справиться с сопротивлением Испании. Сенатор Дуглас, с своей стороны, выступил с апологией абсолютистской России и предсказывал блестящую будущность этой стране рабов. А американское правительство, чтобы сохранить свой нейтралитет в войне западных держав с Россией, не отступало ни перед какими дипломатическими конфликтами с Англией.

Принятие билля Канзас-Небраска означало уничтожение того компромисса, который был состряпан в 1850 г. Генри Клеем и отстаивался Грили как лучший барьер против дальнейшего распространения рабства; после этого «Трибуна» заявила, что теперь, когда демократы нарушили даже присягу[36], начинается борьба на жизнь и на смерть между рабством и свободой, между деспотизмом и демократией. Этим она высказалась также против иностранной политики, которую защищали Дуглас и его единомышленники. Она горячо ратовала против величайшего рабовладельца и деспота Николая, она разоблачала сделанные Россией Соединенным Штатам предложения территориальных уступок, она саркастически хвалила Николая и Дугласа за то, что они одновременно открыли борьбу между абсолютизмом и революцией в Европе и Америках. Однако даже в такое время «Трибуна» не могла удержаться от того, чтобы не подчеркнуть, что российское правительство – «правительство отвратительнейшего абсолютизма, правительство в высшей степени враждебное всякой форме политической свободы», – тем не менее является застрельщиком самой прогрессивной тарифной политики.

Смерть Николая изменила положение дел. Выдвинутое в «Трибуне» утверждение, что наследник русского престола – явный враг рабства и друг либеральных реформ, как будто стало оправдываться. «Трибуна» немедленно использовала это оружие против рабовладельцев в Америке. Если столь деспотическая страна, как Россия, ставит на очередь дня отмену крепостного права, то тем более должны это сделать Соединенные Штаты Америки, эта страна революции. Из врага России «Трибуна» превратилась в ее апологета, который при всяком удобном и неудобном случае ставил Россию возрождавшуюся и – что еще важнее – протекционистскую в пример американским демократам, сторонникам рабства и свободной торговли. Ни малейшего следа не осталось от старых идей, которые Дана развивал еще в своих прежних статьях: на одной стороне – Россия, на другой – Западная Европа; на одной стороне – абсолютизм, на другой – демократия. С весны 1855 г. «Трибуна» становится с каждым годом все более «русофильской».

Маркс был бессилен что-либо сделать против этого нового направления, тем более что «Трибуна» приобрела нового сотрудника, отличнейшего знатока России, который по всему своему мировоззрению стоял гораздо ближе не только к Дана, но – что имело решающее значение – также к Грили. По сравнению с Дана этот сотрудник имел то преимущество, что был личным другом Грили, а по сравнению с Марксом – то, что жил в Нью-Йорке и начиная с 1854 г. состоял постоянным членом редакционного штаба.

V

То был «пресловутый», как однажды назвал его в своих «Парижских письмах» Г. Гейне[37], граф Адам Гуровский, в свое время действительно очень известный публицист, первый глашатай русского панславизма в Европе*.

Видный представитель польской аристократии, он с ранней молодости принимал участие в революционном движении. От 1820 до 1825 г. он учился в берлинском и других германских университетах и был одним из наиболее активных участников восстания 1830–1831 гг.; посланный революционным правительством в Париж для переговоров с республиканцами, он остался там, когда смертный приговор сделал для него невозможным возвращение в Польшу.

Через несколько лет он порвал с польской эмиграцией. Вначале он находился в близких сношениях с сенсимонистами, потом был сторонником Фурье, с которым был также лично хорошо знаком. Но уже в 1833 г. в его голове зарождается новый план, и он делает попытку вступить в сношения с Паскевичем, наместником русской Польши. Он приглашает его последовать примеру Мехмета-Али, освободившего Египет от турецкого ига, и стать во главе польского народа. Само собой разумеется, что из этого плана ничего не вышло. Но Паскевич продолжал сношения со своим парижским поклонником. В 1835 г. Гуровский опубликовал книгу «La verité sur la Russie» («Правда о России»). Основные ее мысли: полный отказ от всяких революционных планов; признание того, что вся вина за последнее восстание ложится на самих поляков, и убеждение, что Польше нечего ожидать от западных держав и что для нее гораздо выгоднее полное примирение с Россией; далее – апология русского племени как единственного славянского народа, достаточно великого и сильного, чтобы союз с ним обеспечил не только полякам, но и всем другим славянским племенам спасение от гибели, которая в противном случае неотвратима. Эта книга побудила Николая отменить смертный приговор. Еще некоторое время Гуровский остается за границей, занимаясь составлением различных записок для русского правительства. Затем он возвращается в Россию, где поступает на государственную службу, сперва в собственную его величества канцелярию, впоследствии – в министерство народного просвещения. Сделавшись горячим почитателем русского языка и православной веры, он принял деятельное участие во всех мероприятиях, направленных к расширению преподавания на русском языке в Польше, как и во всех мероприятиях против католического духовенства**. В 1841 г. он опубликовал новую книгу «La civilisation et la Russie», первый манифест официального панславизма, появившийся в Западной Европе; в своих «Pensées sur l'avenir des Polonais» («Мысли о будущем поляков») он дока-

---

* Ныне совершенно забытый, он в политической литературе мимоходом упоминается в связи с восстанием 1831 г. О судьбе его после его ренегатства, т. е. начиная с тридцатых годов, мы ничего не находим даже в польских сочинениях, специально посвященных польской эмиграции. А между тем никто не сделал больше этого польского ренегата для пропаганды в Западной Европе истинно русского, царистского панславизма, в противоположность демократическому панславизму Бакунина или Герцена.

** «Таким образом, революционный демагог превратился в аристократа, гордого своим происхождением, и ненавистника буржуазии; республиканец – в автократа; католик – в защитника православной церкви; поляк – в русского, европеец – в панслависта». Этот отзыв о Гуровском мы находим в немецком энциклопедическом словаре Брокгауза (десятое издание)[38].

зывает необходимость уничтожить обособленное положение Польши, отделенной от всей остальной России внутренней русско-польской таможенной линией.

Несмотря на то что Гуровский поддерживал хорошие отношения с вождями так называемой «русской» партии, он был вынужден в 1844 г. опять скрыться за границу; о причинах этого он умалчивает. Судя по его ненависти к «немецкой» бюрократии, можно думать, что он слишком сильно вмешался в борьбу и интриги придворных клик и уже не чувствовал себя в Петербурге в полной безопасности. После нового пребывания в Берлине, Гейдельберге и Мюнхене он отправился в Швейцарию, где в течение двух лет занимал в Бернском университете кафедру политической экономии. Страшные погромы, инсценированные австрийским правительством в 1846 г. в Галиции с целью подавить краковское восстание, укрепили его веру в то, что только в более тесном союзе с Россией Польша может надеяться на лучшее будущее*. Незадолго до взрыва февральской революции (в январе 1848 г.) он опубликовал во Флоренции на французском языке первый том большого труда о панславизме; в нем он излагает его историю, как и его составные элементы: религиозные, социальные, философские и политические**. В философской и религиозной части Гуровский находится под сильным влиянием русских славянофилов, особенно Хомякова; но в обоснование панславизма он вносит свою собственную ноту. В его книге мы впервые находим ясное выражение экономических тенденций панславизма, которые в конце концов сделали из него политическую программу молодой российской промышленной буржуазии.

В отличие от первых славянофилов, настроенных еще крайне идеалистически, и еще более от Бакунина и Герцена, открывших в русской общине всеисцеляющее средство против западноевропейского капитала, Гуровский вполне сознательно видит главную цель в развитии промышленности в России и Польше. Основой нации он считает ее промышленные классы. При этом его декламации против «аргирократии», власти денег, против «финансового феодализма», против паразитической торговли являются лишь отрыжкой его прежних сенсимонистских и фурьеристских увлечений. Единственным здоровым элементом, созидающим новые ценности, являются, по его мнению, представители труда. Россию он так сильно превозносит только потому, что она больше всех других славянских стран способна развить сильную промышленность. Нужно только, чтобы она последовательно применяла систему протекционизма. Свободная торговля годится только в качестве крайнего средства для тех стран, которые, подобно Англии, нуждаются в дешевом хлебе; но внешняя торговля никогда не может заменить внутреннего рынка, который играет решающую роль. Россия, подобно Америке, имеет все необходимые условия – многочисленное население и громадную территорию – для осуществления своей промышленной самостоятельности. Кроме того, у нее неограниченные возможности дальнейшего распространения в Азии. Миссия России – нести цивилизацию на Восток. Но предварительно она должна отменить крепостное право и предоставить буржуазным классам право приобретать землю. Дворянство же будет вознаграждено ростом торговли и развитием капиталистического сельского хозяйства. А для Польши, упадок которой Гуровский объясняет

* Die letzten Ereignisse in den drei Teilen des alten Polen. München, 1846.

** Le Panslavisme, son histoire, ses véritables éléments: religieux, sociaux, philosophiques et politiques. T. I. Florence, 1848.

недостаточным промышленным развитием и которая не получает никаких выгод от своего присоединения к России, откроются блестящие перспективы, как только отмена таможенной линии обеспечит польским фабрикам сбыт их продуктов на их «естественном рынке»*.

Но если Россия хочет спокойно развиваться, она должна отказаться от всякой агрессивной политики по отношению к Западу и порвать с Священным союзом. Пусть она предоставит своей участи шатающиеся европейские троны, спокойно взирая на революционный пожар в Западной Европе и заботясь только о самой себе. Книга заканчивается резким выпадом против «антирусской» дипломатии многочисленных немецких «фонов», угнетающих славянский гений.

О деятельности Гуровского в годы революции мы не имеем более подробных сведений. Политическая программа России в продолжение этого периода представляла прямую противоположность той, которую он рекомендовал в своей книге. В ноябре 1849 г. он навсегда покидает Европу и переселяется в Северную Америку, где вскоре натурализуется в качестве гражданина трансатлантической республики.

Его связи с фурьеристами могут объяснить нам, каким образом он сделался сотрудником «Трибуны». В номере от 13 мая 1852 г. редакция называет его одним из «наиболее философских и просвещенных умов, которых подарила нам славянская раса». Под псевдонимом «Панславист» и без подписи он печатает в газете большую серию статей «Russia as it is» («Россия какова она есть»); впоследствии они вышли отдельной книгой под его именем и выдержали несколько изданий.

При усиливавшемся интересе к России Гуровский был для «Трибуны» незаменим. С его помощью она, благодаря русским «разоблачениям» и прекрасной информации из Петербурга, могла побить конкуренцию всех других газет. И действительно, польский граф и «бывший камергер его величества» был превосходно знаком с лицами и скандальной хроникой петербургского высшего света. Он был также достаточно умен для того, чтобы не шокировать республиканских чувств новых сограждан слишком розовым изображением русского деспотизма.

Но Гуровский был для «Трибуны» не только специалистом по части России и Польши. Бывший профессор политической экономии, он писал много и по вопросам историческим, политическим и в особенности экономическим. Его неутомимая пропаганда протекционизма, в которой Россия постоянно служила ему в качестве иллюстрации, доставляла Грили и Дана новое оружие в их борьбе против фритредеров, сторонников рабства. Его влияние в газете еще усилилось после обострения политического положения, вызванного новым натиском рабовладельцев. Так ему удалось радикально изменить позицию «Трибуны» в восточном вопросе.

Если годом раньше редакция печатала в качестве передовых статей письма Маркса, антирусские, но отнюдь не туркофильские, то сама редакция гораздо более склонялась к мнению другого своего лондонского корреспондента, А.П.К., который во всех своих корреспонденциях отражает туркофильские взгляды Уркарта. Еще в октябре 1853 г. «Трибуна» заявляет, что в войне, которую Турция

* Известно, что эта отмена, последовавшая только через два года (в 1850 г.), действительно явилась одним из главных стимулов развития промышленности в русской Польше.

объявила России, все симпатии культурного человечества находятся не на стороне христиан, а на стороне турок. И только в марте 1854 г., когда Англия стала на сторону Турции и объявила России войну, «Трибуна» делает неожиданное открытие, что Турция – рабовладельческое государство, положение которого безнадежно; главную вину за это несет не Россия, действующая открыто, хотя и насильственно, но лицемерная Англия, разоряющая Турцию при помощи свободной торговли. В статье «Наше отношение к войне» (5 января 1855 г.), представляющей ответ на корреспонденцию долголетнего сотрудника «Трибуны», фурьериста Хьюго Дохерти, редакция резюмирует свои взгляды в следующих словах: «Мы уже давно объяснили нашим читателям, почему мы считаем сомнительным, чтобы оккупация Турции укрепила могущество России в Европе... Благодаря свободной торговле Турция приведена на край гибели, и, несмотря на это, Франция и Англия посылают свои армии, чтобы сохранить и впредь эту свободную торговлю. Включение Турции в состав Российской империи имело бы своим первым следствием установление истинно цивилизаторской торговой и промышленной политики». Так как редакции приходится полемизировать с фурьеристами, которым Англия и Франция в их войне против России казались защитниками цивилизации, она прибегает к старой фурьеристской терминологии. «Ничто не представляет более яркой иллюстрации порочного круга (circulus vitiosus) и дисгармонии, характеризующих современное состояние цивилизации, чем то обстоятельство, что правительство отвратительнейшего деспотизма, враждебное всякой форме политической свободы, выступает в роли единственного защитника прогресса». Еще яснее выражается редакция через несколько недель («The regeneration of Turkey», 29 января 1855 г.): «Протекционизм может спасти страну и развить ее производительные силы независимо от ее формы правления; английская свободная торговля будет всегда держать народ в состоянии приниженности и слабости, несмотря на все политические и религиозные реформы».

В номере от 26 мая 1855 г. «Трибуна» защищается от обвинений в русофильстве. Она забыла все, что сама раньше писала и печатала. Оказывается, что Россия в своей внешней политике гораздо более гуманна, чем Британия. Английская свободная торговля приносит гибель всем, с кем приходит в соприкосновение; Россия же, с тех пор как она восприняла протекционизм, удивительно развила свои промышленные силы, и теперь прогресс ее цивилизации виден всему миру. Самое лучшее для Турции – это быть аннексированной Россией. С развитием промышленности Турция станет цветущей страной. «Что касается опасности, якобы угрожающей Европе от расширения России, то мы уже дважды доказывали, что эта опасность химерична. Более того. Поскольку Соединенные Штаты вообще имеют во всем этом споре свой собственный интерес, для них важно, чтобы Франция и Англия не получили такой позиции, которая даст им возможность диктовать свою волю всему миру. Нам нужна Россия как противовес этим державам».

5 июня 1855 г. в статье «European imbroglio» редакция утверждает, что упрочение России в Константинополе скорее, чем что-либо другое, положит конец системе «дешевого труда» в Англии.

В статье «Раздел Турции» (22 июня 1855 г.) редакция, иначе говоря – Гуровский, доказывает, что оккупация Турции Россией желательна в интересах всего

человечества. «Это не значит, что русская политическая система непредосудительна. Нет, Россия – деспотическая держава, но в промышленном и торговом отношении она создает единственную прочную основу для свободы»*.

Нападки против Англии и Франции становятся с каждым днем все яростнее, а симпатии к России все сильнее**. «Трибуну» обвиняли в том, что она служит деспотизму. В статье «Война и свобода» (11 августа 1855 г.) она доказывает, что, напротив, победа Наполеона была бы победой реакции. «Что касается тех органов, которые порицают наши «русские симпатии», «защиту России» и т. д. и сплетничают о том, будто в нашей газете пишут или пользуются влиянием русские или агенты России, то мы считаем излишним отвечать им».

И действительно, позиция «Трибуны» объясняется не только влиянием Гуровского, хотя нет сомнения, что он вместе с Грили и Кэри создал для нее главную аргументацию***. Развитие внутренних партийных отношений в Соединенных Штатах сделало «демократов», защитников рабства и свободной торговли, врагами новой «либеральной» России. Кроме того, официальная Франция и фритредерская Англия не скрывали своих симпатий к Южным штатам. Эти противоречия определили внешнюю политику новообразовавшейся в 1854 г. республиканской партии. Грядущая Гражданская война уже бросила наперед свою тень, и «Трибуна» могла впоследствии лишь поздравить себя с тем, что она так рано выступила против будущих врагов. И в своей программе – отмена рабства как конечная цель, а протекционизм – движение к этой цели – она сохранила в своем роде «принципиальность» и «последовательность».

Несмотря на все старания редакции держать в секрете сотрудничество Гуровского, в литературных кругах Нью-Йорка уже в 1855 г. было известно, что он один из руководящих редакторов «Трибуны». Известный русский эмигрант И. Головин, посетивший тогда Северную Америку и тоже сотрудничавший в «Трибуне», пишет в своих путевых очерках об Америке следующее: «"Трибуна" Грили – утопическая газета, но Дана один из наиболее ученых и любезных американцев, а

---

* Читатель, знакомый с «Капиталом», легко узнает в этом ходе мыслей цитированные Марксом идеи американского экономиста Кэри, также сотрудника «Трибуны». «Но вот является Кэри и обвиняет Англию, конечно, не без основания, в том, что она стремится превратить все другие страны в простые земледельческие народы, для которых фабрикантом будет Англия. Он утверждает, что Турция была таким образом разорена, ибо земледельцам и землевладельцам не дано было (Англией) возможности укрепить свое собственное положение при помощи естественного союза между плугом и ткацким станком, между молотом и бороной» (The slave trade. P. 125). По его мнению, даже «Уркарт является одним из главных агентов разорения Турции, ибо вел там в английских интересах пропаганду свободной торговли. Интереснее всего то, что Кэри, усердный холоп России, хочет при помощи протекционизма остановить тот процесс разделения, который он на самом деле ускоряет» («Капитал». Т. I. С. 678)[39]. Пример Кэри показывает, что холопское отношение «Трибуны» к России было тесно связано с ее пристрастием к протекционизму.

** Летом 1855 г. «Трибуна» беспрестанно конфискуется в Париже, а Грили, посетивший тогда Англию и Францию, был немедленно в Париже арестован и выслан.

*** Его статьи о Крымской войне были изданы также и отдельно под заглавием «The Turkish question» и «A year of the war» (New York, 1855). Об Австрии он пишет: «Габсбурги – это несчастный случай в истории, а Австрия – вампир, тяготеющий над нею. Она не представляет никакого великого идеала, принципа или элемента, ни определенной расы, ни гармонического единства различных национальностей. Все в ней есть аномалия» (с. 106). Напротив, «Россия не может погибнуть. На ее стороне гений истории, будущность расы» (с. 102).

граф Гуровский венчает триумвират» (Stars and Stripes, or American impressions. London, 1856. P. 28).

Все это было Марксу не известно, но, как ни плохо следил он за «Трибуной», статьи о России немедленно обратили на себя его внимание. Они сейчас же возбудили в нем подозрение, что их автор – русский. Так, 7 сентября 1853 г. он пишет Энгельсу:

«Эти жалкие русские как в "Трибуне", так и в лондонском "Адвертайзер" (хотя различные лица и в различной форме) осе лали теперь своего любимого конька, что русский народ глубоко демократичен, а официальная Россия (царь и бюрократия) и дворянство – это только немцы. Поэтому надо бороться с Германией в России, а не с Россией в Германии. Ты знаешь Россию лучше, чем я, и, если найдешь время, чтобы выступить против этой нелепости (они точь-в-точь похожи на наших тевтонских ослов, которые сваливают вину за деспотизм со своей головы на голову французов, как будто отставшие рабы не нуждаются в более цивилизованных рабах для того, чтобы самим стать цивилизованными), ты меня очень обяжешь. Разумеется, в "Трибуне"»[40].

Энгельс, напротив, полагал, что автор – «немец из Восточной Пруссии или наполовину поляк, у этого молодчика, видимо, много материала, поэтому надо быть осторожным, но у него достаточно слабых мест»*. Он обещал написать статью, но от этого намерения его отвлекла необходимость продолжать статьи о военных событиях. Он и Маркс удовольствовались тем, что в своих статьях продолжали свои нападки на Россию. Только в конце 1854 г. Энгельс возвращается к своему прежнему намерению и собирается написать брошюру о «Германстве и славянстве», которая должна появиться в Германии как ответ на памфлет Бруно Бауэра «Россия и германство»[42]. Но еще прежде, чем он выполнил этот план, – трудно было найти издателя – «Трибуна» выступила в столь русофильском духе, что Маркс счел безусловно необходимым ответить подробной критикой панславизма в самой газете.

18 мая 1855 г. он пишет об этом Энгельсу: «Чёрт побери эту "Трибуну". Разумеется, теперь совершенно необходимо, чтобы она выступила также в *антипанславистском* духе. В противном случае придется, пожалуй, порвать с этой газеткой, что было бы фатально»[43].

Энгельс принял это предложение и немедленно принялся за серию статей о панславизме.

Но первую статью из серии «Трибуна» напечатала с такими «исправлениями», что она совершенно не достигла своей цели. Возможно, что Маркс никогда не видел в глаза этого номера**.

В противном случае он лишь с величайшим изумлением и досадой прочел бы следующую вставку в статью Энгельса:

---

* Именно то обстоятельство, что Гуровский был не русским, а «наполовину поляком», дало «Трибуне» возможность на первое разоблачение в одной нью-йоркской газете («Daily Times») дать уклончивый ответ, что ни один русский не написал для редакционного отдела газеты ни одной строчки, а равно не состоял и не состоит членом ее редакционного штаба («New-York Tribune», 23 апреля 1854 г.[41]).

** Даже еще в 1855 г. Маркс получал «Трибуну», выходившую ежедневно, нерегулярно и не непосредственно от редакции. 16 мая 1855 г. Маркс пишет: «Получил наконец от Клусса несколько (номеров) «Трибуны» и пару строчек, в которых он сообщает, что напишет»[44].

«Панславизм как политическая теория нашел себе наиболее ясное и философское выражение в сочинениях графа Гуровского. Этот ученый и выдающийся публицист видит в России естественный центр тяжести, вокруг которого может развиваться история этой многочисленной и крепкой ветви рода человеческого; но он никогда не рассматривал панславизм как союз против Европы и европейской цивилизации. По его мнению, законным полем развития для стремящихся к экспансии сил славянской энергии является именно Азия. В сравнении с безнадежностью старого континента, этого стоячего болота, Россия является цивилизаторской силой, соприкосновение с которой может быть только благодетельным. Но маленькие умы, воспринявшие его основную идею, не могли понять эту смелую и заслуживающую внимания формулировку. Панславизм выступает в различных формах, и теперь мы встречаем его в новой форме, которая кажется очень эффектной: в форме угрозы войной. В этой форме он, конечно, делает честь смелости и решительности нового царя Александра II».

Если эти строки вставлены не самим Гуровским, они показывают, как сильно было его влияние на Дана и Грили.

Легко представить себе, какой вид приняли бы дальнейшие статьи Энгельса, если бы редакция «исправляла» их таким образом.

Пока, однако, продолжения статей по различным причинам не появлялось. Мы имеем основание предполагать, что перерыв продолжался много месяцев.

Новый оборот дел на театре военных действий снова оживил «интерес» к войне, которая становилась уже «скучной»[45], и Энгельс был вынужден писать только о военных делах. Кроме писем для «Трибуны», он должен был вскоре принять на себя и другую работу для своего друга.

В начале июня 1855 г. Маркс получил из Америки предложение написать для одного большого американского ежемесячника «Putnam Review» («Патнемское обозрение»)[46] статью о европейских армиях. Он получил его не прямо из редакции, а опять-таки через посредство Дана.

Следующее место из письма последнего бросает яркий свет на своеобразное положение Маркса в «Трибуне» и на необычайную развязность почтенной редакции: «Издатель "Патнемского обозрения" просит меня заказать у вас для него тщательно обработанный очерк обо всех европейских армиях. Разумеется, он не знает, кто вы такой, и я не вижу необходимости в том, чтобы он знал это. Я ответил ему, что могу получить требуемый очерк *от автора наших военных статей... Не пишите только на тонкой бумаге*", так как я не хочу возбудить в нем подозрение, что статья присылается из Европы»[47].

Это предложение поставило Маркса в величайшее затруднение. Подобно тому, как Дана тщательно хранил тайны редакции, так и Маркс скрывал от редакции, кто был настоящим «автором наших военных статей». Отклонить предложение он не мог, но столь же мало он был в состоянии выполнить эту работу. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как передать это предложение Энгельсу. «Если отсутствие времени не позволит тебе написать ее (статью), ты должен прислать мне материал, и я напишу сам. Конечно, в последнем случае, при моем незнакомстве с предметом, статья выйдет весьма жалкой»[48]. Не желая компрометировать «фир-

му», Энгельс взялся за это дело и поэтому был вынужден прервать свою работу о панславизме*.

VI

Приглядевшись ближе к участию Маркса в «Трибуне» в течение 1855 г., мы находим, что в отличие от 1853 и 1854 гг. оно менее интенсивно и ограничивается небольшим числом корреспонденций.

В продолжение этих лет между ним и его лондонским конкурентом само собою создалось разделение труда, налагавшее на него известные ограничения. Информация в точном смысле этого слова лежала на обязанности А.П.К. Помимо военных событий, 1855 год не представлял почти никаких тем, которые Маркс мог бы разработать, не вступая в конфликт с А.П.К. Только в области военных вопросов ему принадлежала монополия. Вследствие этого большая часть работы для «Трибуны» и, как мы видели выше, для «Патнемского обозрения» была сделана Энгельсом.

Но это не значит, что в продолжение этого года Маркс занимался только своим экономическим сочинением. Не говоря уже о многонедельном перерыве в работе в марте и апреле – время болезни и смерти его маленького сына, сильно потрясших его и его жену, – он начиная с января 1855 г. очень много работал для «Новой одерской газеты» («Neue Oder-Zeitung»). Здесь он имел возможность писать также в качестве настоящего корреспондента, не будучи ограничен в выборе тем, как в «Трибуне». За мизерную плату в 30 талеров в месяц он долгое время доставлял ежемесячно три корреспонденции, в том числе немало наспех набросанных заметок, но наряду с ними и серьезные экономические, политические и исторические статьи. Для своих военных корреспонденций он пользовался письмами Энгельса. Начиная с октября 1855 г. он пишет значительно меньше, а с декабря его работа для «Новой одерской газеты» совсем прекращается.

Подробное сравнение его немецких корреспонденций со статьями, появившимися в то же время в «Трибуне», приводит к весьма поучительным выводам. Мы видим, что большое число статей, в том числе даже не относящихся к области собственно корреспонденции, было напечатано только в «Новой одерской газете»; другие работы, более значительного размера, как, например, подробная биография Рассела[50], были в «Трибуне» значительно сокращены, а некоторые искажены до неузнаваемости. Примером последнего рода является статья о панславизме. Одновременно посланная в обе газеты, она появилась в «Новой одерской газете», конечно, гораздо раньше, 21 и 24 апреля (а в «Трибуне» – 5 и 7 мая 1855 г.), но в какой различной форме! Из статьи о «Германии и панславизме» редакция «Трибуны» сделала две передовые статьи: в одной – «Борьба в Европе» – половина была написана самим Дана или Гуровским, другая – «Слабость Австрии» – содер-

* Вместо одного печатного листа Энгельс прислал два с половиной. Его статья под заглавием «The Armies of Europe»[49] появилась без подписи в «Putnam's Monthly Magazine of American Literature, Science and Art» (август, сентябрь и декабрь 1855 г.). Она излагает организацию и вооружение всех европейских армий. Местами она носит характер крайне сжатой статьи из энциклопедического словаря.

жит, между прочим, цитированное выше место о Гуровском*. То обстоятельство, что и в «Новой одерской газете» продолжения не появлялось, подтверждает наше предположение, что сам Энгельс прервал начатую им серию статей по причинам, изложенным нами выше.

Только после падения Севастополя, в сентябре, и Карса, в ноябре 1855 г., когда военные события уже не давали более интересных тем, Энгельс мог снова приняться за прерванную работу.

«Трибуна» к этому времени сделалась еще более русофильской. В обзоре событий за год, напечатанном в номере от 1 января 1856 г., она указывает на огромные выгоды протекционизма, особенно ярко обнаружившиеся на примере России; в номере от 10 января мы находим передовую статью об отмене крепостного права, в которой подчеркиваются различные преимущества деспотизма.

Если Маркс намерен был еще раз сделать попытку выступить против этой «панславистской» позиции «Трибуны» и привлечь редакцию на свою сторону, то на этот раз это было более необходимо, чем когда бы то ни было раньше.

Ввиду этого он сосредоточил свои занятия на изучении истории Швеции и придунайских княжеств. Сами события влекли его в эту новую область.

Национальные надежды, возлагавшиеся шведами на мнимую освободительную войну западных держав с русским деспотизмом, особенно усилились осенью и зимой 1855 года. Но едва только был окончательно заключен оборонительный союз между западными державами и Швецией в ноябре 1855 г., как уже стало ясно, что бедные шведы так же обмануты, как поляки, которых заставили пожертвовать своей кровью и своим гениальнейшим поэтом[52], чтобы вознаградить несколькими пустыми обещаниями. На очереди стояло также создание единого румынского государства путем объединения обоих придунайских княжеств. Все эти вопросы, тогда очень злободневные, горячо дебатировались в русофильском и антирусском духе. Необходимо было поэтому путем тщательного изучения конкретных отношений и истории этих обеих стран отдать себе ясный отчет в их положении. И если Маркс в шведском и румынском вопросах одинаково сильно бичевал и бонапартистское лицемерие, и разбойничью политику России, то Энгельс прекрасно вторил ему, подробно вскрывая исторические корни русского панславизма и его опасность для Европы.

Но этот труд пропал даром. Насколько нам удалось установить, из всех этих работ в «Трибуне» не появилось абсолютно ничего.

Какую большую работу проделал Энгельс, можно видеть из того, что серия состояла из пятнадцати статей. Еще 20 ноября 1855 г. Дана писал Марксу: «Мы очень охотно будем принимать от вас еженедельно две статьи, по два фунта за каждую. Это составит 200 фунтов стерлингов, которые вам желательно иметь. Мы предоставляем вам самому решать, будут ли они касаться военных тем или каких-нибудь других»[53]. Правда, это письмо было написано еще до окончания военных действий: «Трибуна», естественно, не хотела потерять свою руководящую роль в области военной информации.

* Обе статьи включены Эвелингами в их издание[51]. Издатели не заметили, что в статьях хозяйничала чужая рука и что вставленные в них места стоят в резком противоречии с взглядами Маркса и Энгельса. Также не подозревали они, что ряд других статей, приписанных ими Марксу, исходил от Дана или – в большинстве случаев – от Гуровского.

Как бы то ни было, но Маркс очень скоро мог убедиться в том, что «Трибуна» не напечатала ни его статей о придунайских княжествах, ни статей Энгельса о панславизме. Более того. Даже статьи его о падении Карса не были напечатаны[54].

А из самой «Трибуны» он мог бы легко усмотреть, что редакция систематически развивала в своих передовых статьях взгляды, прямо противоположные его собственным. «Русское влияние» было очевидным.

Но дело объяснялось еще и другой причиной. Маркс чересчур мало следил за американскими отношениями. Слишком сильно погруженный в европейскую политику, он не замечал, что напряженное внимание, с каким раньше в Соединенных Штатах следили за европейскими событиями, упало до нуля. Собственные внутренние события приобрели теперь для янки гораздо больший интерес и даже с точки зрения сенсации давали гораздо больше интересных тем, чем европейская политика, снова ставшая «скучной».

Действительно, в 1855–1856 гг. между рабовладельцами и аболиционистами разгорелась в Канзасе борьба, принявшая вскоре форму жесточайшей гражданской войны с настоящими сражениями и осадами. К этому же времени относилось и первое выступление Джона Брауна, будущего мученика борьбы против рабства. Гнусное покушение на Чарлза Самнера, резко выступавшего в сенате против рабовладельцев*, покушение на самого Грили – все это давало обильный материал и заполняло все столбцы «Трибуны». Вскоре окончательно сорганизовалась республиканская партия – дело, в котором приняла выдающееся участие «Трибуна», т. е. прежде всего Грили, а потом и Дана; они подвизались в роли агитаторов не меньше, чем в роли журналистов, и были очень довольны, что нашли в лице Гуровского интеллигентного сотрудника, которому могли на время своего отсутствия доверить руководство иностранным отделом**. Далее последовал созыв республиканского конвента для выставления кандидатов в президенты; затем началась избирательная кампания, по своей страстности и интенсивности превзошедшая все, что имело место в этом отношении до тех пор в истории Соединенных Штатов. Можно ли удивляться, что перед лицом всех этих событий «Трибуна» и во втором полугодии 1856 г. уделяла так мало места европейской политике, которая теперь, после Парижского мира, снова потекла по спокойному руслу.

Еще в июне 1856 г. Дана, возвратившись из Вашингтона к своей работе, сделал попытку объяснить Марксу положение дел. После перерыва, продолжавшегося почти семь месяцев, он писал:

«Мой дорогой Маркс, я уже давно собирался написать вам, но в этом мне помешали мои профессиональные и политические обязанности, не оставлявшие мне свободного времени. Дело обстоит так. С окончанием войны европейские события, и сами по себе уже достаточно монотонные, совсем вытеснены с нашего горизонта более интересными, важными событиями в нашей собственной стране. Здесь определяем мы теперь ход истории, бог знает, надолго ли, и мы находимся в состоянии такого возбуждения, как никогда еще с самого начала истории американского народа. При таких обстоятельствах я был вынужден уволить различных

* См. мою статью «Борьба за свободу речи и против рабства» в сборнике «Международный пролетариат и война» (Москва, 1919).

** В продолжение первого полугодия 1855 г. Дана провел не один месяц в Вашингтоне.

наших европейских корреспондентов и сотрудников и теперь должен написать вам, дабы выяснить возможную судьбу ваших статей. В течение последних шести месяцев я мог использовать лишь очень незначительную часть присланных вами статей. Так, например, я не мог напечатать ни одной из четырнадцати или пятнадцати статей о панславизме, так как эта тема не настолько интересна для нашей публики, чтобы мы имели право выкинуть другие вещи и очистить место для нее*. Статьи о «Crédit Mobilier»[56] я напечатал, как трактующие очень важную теперь тему, но в своем письменном столе я имею около двадцати статей, которые мы не могли напечатать.

Я, конечно, ничего не буду иметь против той или другой статьи, даже если она не вполне подойдет для нас, ибо при дальности расстояния этого вряд ли можно избежать, но если таких статей будет очень много, то дело нешуточное и убыточное. Я никоим образом не хочу поставить вас в затруднительное положение, а потому предоставляю вам самому решить, как нам лучше всего урегулировать ваше сотрудничество, которое я очень высоко ценю»[57].

Несмотря на дружественный тон письма Дана, Маркс, который вообще был очень чувствителен во всех вопросах, касавшихся Энгельса, – а ведь его друг по его просьбе потратил много недель на работу, которая попала в буквальном смысле слова в редакционную корзину, – был слишком сильно раздражен, чтобы принять всерьез эти уверения, в которых он усматривал только отговорку.

И вскоре после того, когда Дана отослал ему все ненапечатанные статьи (август 1856 г.), он, как ему казалось, нашел правильное объяснение:

«От сотрудника "Патнема" Олмстеда** и от одного американского туриста, который был у него, – так писал он Энгельсу 30 октября 1856 г., – я узнал, что некий Гуровский (поляк) приобрел большое влияние на Дана; они же рассказали мне, что этот господин регулярно получает вознаграждение от русского посольства в Вашингтоне. Этот Гуровский защищал панславизм против нас, и в нем – единственная причина того, что твоя статья была отвергнута. Г-н Дана, отославши мне обратно мою рукопись о придунайских княжествах, забыл стереть пометку на полях, сделанную по-французски тем же Гуровским. А именно, к моим статистическим данным о румынском населении он делает замечание: "Tous ces chiffres sont exagérés pour faire mousser l'idée de nationalité roumaine. Ils sont démentis par les faits, l'histoire, la logique" ("Все эти цифры преувеличены с целью муссировать идею румынской национальности. Они опровергнуты фактами, историей и логикой"). Итак, мы имеем ту честь, что наши статьи просматриваются и цензуруются или, вернее, цензурovались непосредственно русским посольством. Дана все же в конце концов раскусил Гуровского»[59].

Когда зимой 1856 г. дело пошло еще хуже и «Трибуна» целыми неделями не печатала ни одной статьи Маркса, он объяснял эту перемену в «Трибуне» прямым

---

* О чем Дана молчал и что стало ясно Марксу впоследствии, когда Дана отослал ему обратно ненапечатанные статьи, так это то обстоятельство, что как раз эти статьи попали – вероятно, вследствие отсутствия Дана – непосредственно в руки Гуровского: рукописи носили явные следы сделанных им исправлений[55].

** Известный американский агроном и техник, сотрудник «Патнемского обозрения». В «Капитале» Маркс цитирует его рассуждения об отсталости производства, основанного на рабстве (с. 151)[58].

вмешательством Гуровского, состоявшего на жалованье у русского посольства, и готовился порвать с «Трибуной».

Мы предоставляем будущему историку российской охранки, внутренней и заграничной, исследовать вопрос о том, действительно ли Гуровский работал по поручению русского правительства.

О том, что последнее имело у себя на службе очень талантливых ренегатов, Маркс знал весьма хорошо. Таким, например, оказался его старый знакомый Толстой, с которым он и Энгельс находились в Париже в сороковых годах в дружественных отношениях*.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные не дают основания полагать, что Гуровский в пятидесятых годах, после своего второго бегства из России, был платным агентом русского правительства.

Его позиция в «Трибуне» может быть объяснена и без этой гипотезы.

Ничего удивительного не было и в том, что после смерти Николая он помирился с новым «либеральным» правительством Александра II. Он мог это сделать вполне искренне, легче, чем многие другие, которые никогда не были ренегатами.

Вскоре Маркс убедился, что Дана не «раскусил Гуровского». Действительное положение дел в редакции оставалось ему неизвестным, несмотря на разоблачения Олмстеда и его попутчика. Если Гуровский, помимо своих неоспоримых достоинств, имел, кроме того, еще в составе редакции верного друга и покровителя, то это был скорее диктатор «Трибуны» Грили, а не Дана**. Но и последний очень ценил Гуровского как сотрудника. Когда Дана в 1857 г. вместе с Грили начал издавать большую американскую энциклопедию[61], Гуровский сделался одним из ее главных сотрудников, наряду с Марксом, как он вместе с ним же, вернее – с Энгельсом, сотрудничал в журнале «Патнема», ведя там свою русофильскую пропаганду столь же ревностно, как в «Трибуне». Его имя в американской литературе становилось все более известным, особенно после появления его книги «Америка и Европа». Более того. Его положение в «Трибуне» оказалось гораздо более прочным, чем положение самого Дана. Поступив при новом республиканском правительстве на государственную службу, он продолжал свое сотрудничество в «Трибуне»; когда он умер от тифа, 4 мая 1866 г., Грили посвятил ему очень тепло написанный некролог***.

---

* См. мою работу «К. Маркс и русские люди сороковых годов». Помещена во втором томе «Очерков по истории марксизма»[60].

** В 1858–1859 гг. в московском журнале «Вестник промышленности» появилось несколько писем Гуровского об Америке. Одно из них посвящено периодической печати в Нью-Йорке. О Грили он отзывается крайне восторженно; это не мешает ему сделать выпад против Мак-Элрата и заметить, что коммерческий дух, отличающий все американские газеты, сильнее всего развит в «Трибуне», которая хуже всех оплачивает своих сотрудников и редакторов.

*** «Человек глубокой и разносторонней учености, страстный политик, который больше всего любил человечество и справедливость и с яростной ненавистью боролся против всякого угнетения и лжи, он перенес в своей жизни много крупных несчастий, но никогда не могли они сломить его духа и омрачить нежность его характера, который, несмотря на свою революционную оболочку, был женственно-мягким и любвеобильным». Другие отзывы о нем, относящиеся к американскому периоду его жизни, носят такой же характер. Это доказывает, без сомнения, что Гуровский не принадлежал к обыкновенному типу продажных агентов. Вообще ему было совершенно чуждо вероломство ренегатов. В истории революционной эмиграции встречаются и

Кризис в отношениях Маркса с «Трибуной» достиг своего апогея зимой 1856–1857 гг. Разрыв казался неизбежным. И только случайность привела к тому, что немедленно после этого для Маркса наступил период такого же интенсивного сотрудничества в «Трибуне», как и в 1852–1854 гг. Роль «спасителя в нужде» сыграли Дана и новый поворот в европейской политике[62].

Примечания

1 Данная статья была написана в 1916 г. и опубликована под заголовком «Karl Marx und die New York Tribune. 1851 bis 1856» как первая часть введения к изданию: Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862. Hrsg. von N. Rjasanoff. Bd. 1. Stuttgart, 1917. S. XVII–L. На русском языке статья публиковалась в первом и втором изданиях книги: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. М., 1923; М., 1928. Русский перевод содержит ряд существенных расхождений с немецким текстом. Некоторые из них оговариваются в примечаниях. Отдельные фактические ошибки исправлены без оговорок. Публикуется по: Очерки. 2-е изд. Т. 1. М. 1928. С. 110–151.

2 О Союзе коммунистов см. с. 46, примеч. 4.

3 Ср.: МЭС. Т. 27. С. 267.

4 *Marx Aveling Eleanor.* Note by the Editor // Revolution and counter-revolution or Germany in 1848 by Karl Marx. Edited by Eleanor Marx Aveling. London, 1896. P. VIII.

5 Имеется в виду первая публикация писем Маркса И. Вейдемейеру: *Mehring F.* Neue Beiträge zur Biographie von Karl Marx und Friedrich Engels // Die Neue Zeit. Stuttgart. Jg. 25. 1906–1907. Bd. 2. Nr. 27–29, 31–33. Большинство писем, охватывающих период с конца 1840-х до середины 1860-х гг., печаталось с сокращениями.

6 *Smit L.* Brook Farm, Its Members, Scholars and Visitors. New York, 1900. Более подробно об истории газеты см.: Die Mitarbeit von Marx und Engels an der «New-York Tribune» // MEGA² Bd. I/14. S. 887–910.

7 Чарлз Андерсон Дана – Марксу, 15 июля 1850. Русский перевод письма, как и лежащий в его основе перевод на немецкий язык в Gesammelte Schriften... S. XX, существенно расходится с оригиналом (см.: Ch. A. Dana an Marx, 15. Juli 1850 // MEGA² III/3. S. 591.9–21).

8 В немецком тексте: «Vorbild» («идеал», «образец», «пример»).

9 Имеются в виду члены тайной политической организации в США, возникшей в 1854 г. и направленной против эмигрантов; члены этой организации давали клятву отвечать на все вопросы, связанные с ее деятельностью и целями: «Я ничего не знаю» («I know nothing»).

10 В 1863–1865 гг., во время Гражданской войны в США (1861–1865), Дана был помощником военного министра.

11 Имеется в виду газета «The Sun», которую Дана издавал в Нью-Йорке с 1868 г. Упомянутые ниже лекции Дана – «The Art of Newspaper Making» – были изданы в 1895 г.

12 См.: К. Маркс и Ж. Маркс – И. Вейдемейеру, 13 февраля 1852 г. // МЭС. Т. 28. С. 410.

13 Ср.: Маркс – Энгельсу, 14 августа 1851 г. // МЭС. Т. 27. С. 282.

14 *Weydemeyer J.* Vorwort. // Die Revolution, Eine Zeitschrift in zwanglosen Heften. Hrsg. von J. Weydemeyer. Erstes Heft. New-York, 1852. S. III–IV (перепечатано в MEGA² I/11. S. 617–618).

15 *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // МЭС. Т. 8. С. 115–217.

другие примеры таких «психологических загадок». И не только в истории польской или русской эмиграции, как лучше всего показывает пример Бухера, у которого было что-то общее с Гуровским.

16 Ch. A. Dana an Marx, 16. Dezember 1851 // MEGA² III/4. S. 538.
17 См.: Маркс – Энгельсу, 10 марта 1853 г. // МЭС. Т. 28. С. 189.
18 Маркс – Энгельсу, 5 августа 1852 г.; Энгельс – Марксу, 6 августа 1852 г. // Там же. С. 77, 78–79.
19 См.: Маркс – Энгельсу, 14 июня 1853 г. // Там же. С. 228.
20 *Маркс К.* Выборы в Англии. – Тори и виги; *Маркс К.* Чартисты // Там же. Т. 8. С. 353–358, 359–368.
21 См.: Маркс – Энгельсу, 19 ноября 1852 г. // Там же. Т. 28. С. 165.
22 *Маркс К.* Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов // Там же. Т. 8. С. 423–491.
23 *Маркс К.* Выборы. – Финансовые осложнения. – Герцогиня Сатерленд и рабство // Там же. С. 521–528.
24 Здесь цитируется написанный Марксом и Энгельсом для журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» «Первый международный обзор» // Там же. Т. 7. С. 224–237 (цитируемое место ср. с. 227–228).
25 См.: Маркс – Энгельсу, 10 марта 1853 г. // Там же. Т. 28. С. 189–190.
26 *Маркс К., Энгельс Ф.* Британская политика. – Дизраэли. – Эмигранты. – Мадзини в Лондоне. – Турция // Там же. Т. 9. С. 1–10.
27 Die publizistische Tätigkeit von Marx und Engels... im Jahre 1853 // MEGA² I/12. S. 672.
28 См.: Маркс – Энгельсу, 2 ноября 1853 г. и 29 марта 1854 г. // МЭС. Т. 28. С. 258, 281.
29 *Энгельс Ф.* По и Рейн // Там же. Т. 13. С. 233–281.
30 *Энгельс Ф.* Заметки о войне // Там же. Т. 17. С. 7–267.
31 Ch. A. Dana – J. Marx, 16. Dezember 1853 // MEGA² I/12. S. 580; Маркс – Энгельсу, 5 января 1854 г. // МЭС. Т. 28. С. 268–269.
32 Маркс – Энгельсу, 14 декабря 1853 г. // Там же. С. 266.
33 Упомянутые письма Маркса Дана не разысканы.
34 Ч.А. Дана – Марксу, 8 марта 1860 г. // МЭС. Т. 14. С. 686–687; на языке оригинала: Ch. A. Dana an Marx, 8. März 1860 // MEGA² I/18. S. 332–333.
35 Ср.: Маркс – Энгельсу, 23 января 1857 г. // МЭС. Т. 29. С. 80.
36 В немецком тексте: «nachdem die Demokraten selbst den Eid gebrochen» («когда демократы сами нарушили присягу»).
37 *Гейне Г.* Лютеция. Гл. XXXVI.
38 Имеется в виду: Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. Conversations-Lexikon. Zehnte, verbes. und verm. Aufl. Bd. 7. Leipzig, 1852. S. 320.
39 Ср.: *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // МЭС. Т. 23. С. 759.
40 Маркс – Энгельсу, 7 сентября 1853 г. // Там же. Т. 28. С. 244.
41 Энгельс – Марксу, 19 сентября 1853 г. // Там же. С. 247.
42 *Bauer B.* Russland und das Germanenthum. Charlottenburg, 1853. Помимо этой брошюры Б. Бауэр выпустил в 1854–1855 гг. еще ряд брошюр, также отражавших панславистские идеи.
43 В немецком и русском изданиях данной статьи, как и в оригинале письма Маркса, ошибочно: «18 марта» (дата была уточнена при публикациях письма в составе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (ср.: МЭС. Т. 28. С. 373).
Эта описка Маркса определила некоторые неточности в данной статье. Две статьи Энгельса, о которых идет речь ниже, не относятся к серии о панславизме, написанной им для «New-York Tribune» в 1856 г. Они предназначались для «Neue Oder-Zeitung» и одновременно были посланы в «Tribune». О публикации этих статей в обеих газетах см. с. 70–71. Судя по переписке Маркса с Энгельсом и с одним из редакторов «Neue Oder-Zeitung» Морицем Эльснером (см. Маркс – Энгельсу, 8 декабря 1854 г., 26 июня 1855 г., Маркс – Эльснеру, 17 апреля 1855 г. // МЭС. Т. 28. С. 351, 375, 523), они в 1855 г. считали необходимым издать в Германии брошюру с критикой панславизма или выступить по этому вопросу на страницах немецкой печати. Это дало бы им возможность ответить и на панславистские идеи, развивавшиеся Бруно Бауэром в опубликованных им к этому времени брошюрах. Однако эти планы Маркса и Энгельса остались

неосуществленными. Найти издателя в Германии не удалось, а «Neue Oder-Zeitung» в конце 1855 г. прекратила свое существование. После этого у Маркса возникла мысль сделать серию статей о панславизме для «New-York Tribune». В январе–июне 1856 г. Энгельсом были написаны 15 статей, которые «Tribune», однако, не опубликовала. Рукописи, отосланные Дана Марксу, до сих пор не разысканы.

[41] Ср.: Маркс – Энгельсу, 16 мая 1855 г. // МЭС. Т. 28. С. 372.

[42] Намек на статью: *Маркс К., Энгельс Ф.* Скучная война // Там же. Т. 10. С. 367–372.

[43] Имеется в виду «Putnam's Monthly Magazine».

[44] Ch. A. Dana an Marx, 1. Juni 1855 // MEGA² III/7. S. 453.

[45] Маркс – Энгельсу, 15 июня 1855 г. // МЭС. Т. 28. С. 374.

[46] *Энгельс Ф.* Армии Европы // Там же. Т. 11. С. 433–507.

[47] *Маркс К.* Лорд Джон Рассел // Там же. С. 401–426.

[48] *Marx K.* The Eastern Question. Edited by Eleanor Marx Aveling and Edward Aveling. London, 1897. P. 542–544, 545–550.

[49] По-видимому, имеется в виду то, что Адам Мицкевич в 1855 г., связывая с Крымской войной (1853–1856) надежды на решение польского вопроса, отправился от имени французского правительства с политической миссией в Константинополь, где вскоре умер от холеры.

[50] Ch. A. Dana an Marx, 20. November 1855 // MEGA² III/7. S. 525.

[51] *Маркс К.* Падение Карса // МЭС. Т. 11. С. 633–667. Статья была опубликована в «The People's Paper» в апреле 1856 г. Рукописи статей Маркса о Дунайских княжествах, возвращенные Дана Марксу (см. Маркс – Энгельсу, 17 ноября 1856 г.; 16 февраля 1857 г. // Там же. Т. 29. С. 64, 82), не разысканы.

[52] См.: Маркс – Энгельсу, 16 февраля 1857 г. // Там же. С. 82–83.

[53] *Маркс К.* Французский Crédit Mobilier (статьи первая–третья) // Там же. Т. 12. С. 21–37.

[54] Ch. A. Dana an Marx, 26. Juni 1856 // MEGA² III/8. S. 281.

[55] См.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // МЭС. Т. 23. С. 208.

[56] Ср.: Маркс–Энгельсу, 30 октября 1856 // Там же. Т. 29. С. 64.

[57] См. настоящее издание, с. 315–377. Среди русских знакомых Маркса Рязанов ошибочно называл Якова Николаевича Толстого вместо Григория Михайловича Толстого. См. с. 373–374, примеч. 1.

[58] «New American Cyclopaedia» была выпущена в 1858–1863 гг. в 16 томах. С июля 1857 по октябрь 1860 г. Маркс и Энгельс написали для этого издания свыше 70 статей. Официально сотрудником «Новой американской энциклопедии» был Маркс.

[59] Имеются в виду мировой экономический кризис 1857–1858 гг., австро-итало-французская война 1859 г., а также индийское народное восстание 1857–1859 гг. Именно эти события стали темой многочисленных статей Маркса в «Нью-йоркской трибуне» в указанный период.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА*

Предметом нашего исследования является история Первого Интернационала и роль, которую играл в ней Маркс, сначала один – до 1870 г., а затем вместе с Эн-

* Очерк Д.Б. Рязанова «Возникновение Первого Интернационала» был опубликован в ежегоднике «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» (М., 1924. Кн. 1. С. 105–188) и на немецком языке: *Ryazanov D.* Die Entstehung der Arbeiter-Assoziation (Zur Geschichte der Ersten Internationale. I) // Marx-Engels Archiv. Zeitschrift des Marx-Engels-Instituts in Moskau. Hrsg. von D. Rjazanov Bd. 1. Frankfurt a. M., [1926]. S. 119–202. К изучению проблем международного рабочего движения и истории создания I Интернационала Рязанов приступил в 1909 г., получив от Меншеровского комитета поручение собрать материалы по его истории. Рязанов проделал большую поисковую и исследовательскую работу, в результате которой он накопил колоссальный архивный и печатный материал и составил огромное собрание источников по истории I Интернационала. Эти материалы были подготовлены к печати и набраны в Германии в 1914 г., но не вышли в свет из-за войны. Как отмечал венгерский историк Эрнё Цобель в статье «Д.Б. Рязанов как марксовед», «Рязанов стал лучшим знатоком истории Первого Интернационала и рабочего движения 60-х – 70-х годов... и заложил фундамент для действительно научной марксистской истории Первого Интернационала» (На боевом посту. М., Госиздат, 1930. С. 69).

На основе собранных материалов Рязанов намеревался написать многотомное исследование, раскрывающее все этапы деятельности этой первой массовой международной организации рабочего класса. В 1919 г. в октябрьском номере журнала «Коммунистический Интернационал» была опубликована первая статья Рязанова по этой тематике – «Основание Первого Интернационала», в которой он сформулировал свои предварительные выводы.

В публикуемом исследовании Рязанов обстоятельно характеризует объективные процессы, происходившие в европейском рабочем движении конца 1850-х и начала 1860-х гг., исследует исторические факторы, которые породили и обусловили развитие классовой организации пролетариата в национальных и международном масштабах, анализирует идейный уровень участников движения, показывает стремление рабочих разных стран к установлению интернационалистских связей. Опираясь на широкую источниковую базу, Рязанов доказал, что Интернационал был создан самими рабочими и для рабочих. Работа Рязанова поражает своей основательностью, интересом автора даже к мелким событиям и отдельным фактам, которые в совокупности позволяют проследить всю цепь событий, приведших к образованию I Интернационала. Эту основательность и высочайшее качество работ Рязанова отметил в своем выступлении на торжественном заседании в Коммунистической академии в 1930 г. в честь 60-летия Д.Б. Рязанова Н.И. Бухарин, подчеркнувший, что его работы «учат, как нужно работать с источниками» (На боевом посту. С. 122).

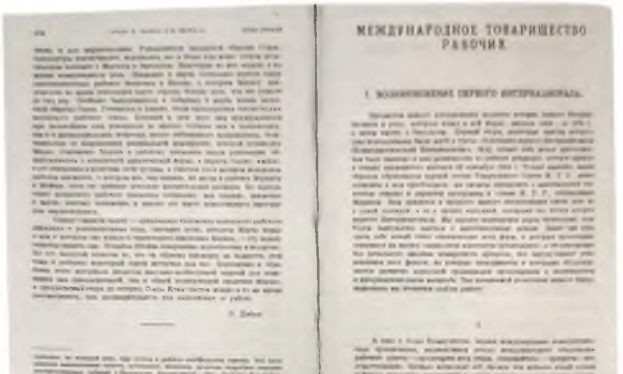
В целом публикуемый очерк, благодаря которому в научный оборот впервые было введено огромное количество нового источникового материала, в немалой степени способствовал научной разработке истории I Интернационала и до сих пор сохраняет свою научную ценность. Дополнительный материал об изучении Рязановым истории I Интернационала см.: *Фомичев В.Н.* Подготовительные материалы Д.Б. Рязанова к истории Первого Интернационала // Предваряя революцию. Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства / Государственная публичная историческая библиотека России; Российский государствен-

Титульный лист первой книги «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», основанного Д.Б. Рязановым

гельсом. Первый очерк, некоторые выводы которого уже использованы были мной в статье «Основание Первого Интернационала» (Коммунистический Интернационал. № 6), ставит себе целью проследить, чем было вызвано и как развивалось то рабочее движение, которое привело к созыву знаменитого митинга 28 сентября 1864 г. Только выяснив, каким образом образовался первый состав Генерального Совета МТР, какие элементы в нем преобладали, мы сможем определить с максимальной точностью генезис и характер программы и устава МТР, составленных Марксом. Нам придется в процессе нашего исследования иметь

ный социальный университет. Материалы научной конференции (Вторые Рязановские чтения), 18–19 марта 2015 г. М., 2016. С. 9–21.

Исследование Д.Б. Рязанова снабжено обстоятельными примечаниями (они приводятся в конце статьи) с многочисленными цитатами на языках оригинала. В данной публикации все иноязычные тексты переведены на русский язык. Если текст, приводимый Рязановым в примечаниях на языке оригинала, цитируется в тексте самого очерка на русском языке, то в примечаниях он опускается и дается лишь ссылка на источник. Тексты примечаний сверены с немецкоязычным изданием, в них внесены необходимые дополнения и изменения, которые даются в круглых скобках. Все выделения курсивом принадлежат Рязанову. В тех случаях, когда цитируются работы Маркса, в примечаниях в квадратных скобках указывается ссылка на 2-е издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (МЭС). Все редакционные дополнения и пояснения также даются в квадратных скобках. – *Ред.*



МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

Первая страница работы Д.Б. Рязанова
«Возникновение Первого Интернационала»

дело не с одной легендой, а то и просто выдумкой, которыми так богата история Первого Интернационала. Мы заранее извиняемся перед читателями, если будем вынуждены вдаться в многочисленные детали. Давно уже пора «дать себе ясный отчет относительно всех форм, в которых пролетариат совершает на наших глазах свою классовую организацию», а это невозможно без детального анализа конкретного процесса, без скрупулезного установления всех фактов, из которых складывается и которыми обусловливается развитие классовой организации пролетариата в национальном и интернациональном масштабе. Так называемой доистории Первого Интернационала мы посвятим особую работу.

I

В 1852 г. Союз коммунистов, первая международная коммунистическая организация, выдвинувшая лозунг международного объединения рабочего класса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», прекратил свое существование. Прошло несколько лет, прежде чем начался новый подъем рабочего движения, вызвавший к жизни первую международную организацию рабочего класса, Международную ассоциацию рабочих, Первый Интернационал.

В годы политической реакции и невиданного до тех пор экономического расцвета, которого не могла задержать даже Крымская война и который охватил все

страны, не исключая и России, выросло новое поколение, не знавшее революционных бурь 1848–1849 гг. и выведенное из своего политического индифферентизма только всемирным кризисом 1857–1858 гг.

«Тревога господствующих классов в Европе обостряется еще в силу убеждения, что как раз их победа над революцией привела к созданию в 1857 г. материальных условий для осуществления идей 1848 г. Весь период от середины 1849 г. до настоящего времени, – писал Маркс в октябре 1856 г., когда он уже констатировал приближение нового всемирного кризиса, – представляется, таким образом, передышкой, которую история дала старому европейскому обществу, чтобы дать ему возможность развернуть в конденсированной форме все свои тенденции. В области политики – поклонение мечу, в области морали – всеобщая коррупция и лицемерное возвращение к уже лопнувшим суевериям; в области политической экономии – магия обогащения без мук производства: вот главные тенденции, выявленные этим обществом в эпоху контрреволюционных оргий 1849–1856 гг.»[1].

Поворот в политике, наступивший с 1859 г. и поставивший снова в порядок дня ряд национальных и политических вопросов, которые были выдвинуты еще до революции 1848 г. и остались нерешенными, влил повсюду в демократическое движение свежую кровь. С 1859 г. практическими вопросами дня стали: в Северной Америке – уничтожение невольничества, в России – уничтожение крепостного права.

В Англии, где чартизм, после неудачной попытки Эрнеста Джонса придать ему характер классового движения, лишился в 1858 г. своего последнего органа и перестал существовать как единая политическая организация, рабочее движение совершенно раздробилось. В нем снова возобладала его старая тенденция, от которой страдал и чартизм, – распадаться на отдельные частичные движения, с различными задачами и программами, и создавать для одной и той же цели различные конкурирующие между собой организации. Исчез последний след единого, концентрирующего свои силы рабочего движения. Остались лишь отдельные секты, имевшие каждая свою особенную специальность и культивировавшие ее, – христианские социалисты, воздержанцы и тихотэлеры, секуляристы, рационалисты и т. д. В них растворились остатки старых оуэнистских и чартистских организаций. Немало старых оуэнистов и чартистов поглотили в своих Foreign Affairs Committees, игравших значительную роль в пятидесятых годах, уркартисты, которые вели энергичную борьбу с «secret diplomacy» и представляли причудливую смесь из торийских и демократических элементов.

Политическая обстановка была благоприятнее всего для развития тех форм рабочего движения, которые не наталкивались на прямое сопротивление правящих классов и пользовались содействием буржуазных филантропов. Так, уже в [18]50-х гг. укрепился один из остатков руководимого Робертом Оуэном социалистического движения – потребительная кооперация. Потребительные общества, развитию которых способствовал «Industrial and Provident Societies Act» (30 июня 1852 г.), имея во главе рочдэльских пионеров, играли, несомненно, руководящую роль среди тогдашнего рабочего движения. Разумеется, цель, которую себе поставили эти общества, – а именно устранение барыша в торговле и планомерное регулирование производства и потребления в капиталистическом строе, – не была ими достигнута; но цель эта воодушевила сторонников кооперации энтузиазмом, который действовал зажигающе на остальную часть рабочего класса и привлек на их сторону целый ряд идеалистически настроенных элементов из про-

летарских и буржуазных кругов, принявших самое энергичное участие в основании потребительных и производительных товариществ. Из существующих теперь потребительных товариществ около половины основано в пятидесятых и начале шестидесятых годов. Уже в 1863 г. основана была центральная потребительная ассоциация – Общество оптовых закупок[2].

Так же удачно складывались обстоятельства для развития касс взаимопомощи (Friendly Societies), для которых оказались благоприятны законы 1850 и 1855 гг., внесшие улучшение в старый закон 1846 г. К этому времени относится укрепление самых крупных касс взаимопомощи в Англии, «Independent Order of Odd Fellows», «Manchester Unity», «Ancient Order of Foresters» и «Hearts of Oak Benefit Society». По расчету Нэпа Стефенсона, в 1859 г. число членов всех этих товариществ доходило по меньшей мере до 3 052 000, ежегодные взносы равнялись 4 980 000 ф. ст., а накопленный капитал составлял 11 300 000 ф. ст.[3]

Были сняты и многочисленные рогатки, стоявшие еще в сороковых годах на пути рабочих в их стремлении к просвещению. Законом 11 августа 1854 г. были уничтожены разные ограничения, мешавшие организации всяких учреждений, которые ставили себе задачей содействие народному образованию. При содействии «христианских социалистов» был основан в 1854 г. «Working Men's College», который, однако, скоро, благодаря энергичной работе английских позитивистов Фредерика Харрисона и Эдуарда Спенсера Бизли, превратился в настоящий вольный рабочий университет, в котором лекторами были, кроме позитивистов, и такие выдающиеся представители естествознания, как Тиндал и Гексли, а также знаменитый английский шекспировед Фернивалл, позже, как и Бизли, познакомившийся с Марксом и его семьей. Новое учреждение дало сильный толчок развитию подобных образовательных институтов и в провинции. Рабочие являлись не только слушателями, но и организаторами, принимавшими участие и в управлении этими школами[4].

К [18]50-м же годам относится осуществление для значительной части английского пролетариата неизбежной предпосылки духовного развития рабочих – сокращение рабочего дня. Великое завоевание рабочих, закон о десятичасовом рабочем дне от 8 июня 1847 г., стал окончательным фактом, после трехлетних попыток фабрикантов оставить его на бумаге, лишь после закона 5 августа 1850 г. Известно, что закон этот, в силу тесной связи между работой мужчин и работой женщин и подростков, повел за собой всеобщее сокращение рабочего времени. Правда, он касался только текстильной промышленности. «Но, – как говорит Маркс, – победа эта означала победу принципа в тех крупных областях промышленности, которые являются самым подлинным творением современного способа производства. Чудесное развитие промышленности в 1853–1860 гг., шедшее рука об руку с физическим и моральным возрождением фабричных рабочих, бросалось в глаза даже самым близоруким»[5]. А рабочие в других отраслях капиталистической индустрии ждали только благоприятного случая, чтобы добиться и для себя благодетельного сокращения рабочего дня. Случай этот скоро представился.

Только для профессионального движения пятидесятые годы оказались не очень благоприятными. Реакция, наступившая после 1848 г., особенно сильно отразилась на профсоюзах. Пользуясь со стороны законодателя только терпимостью, границы которой определялись весьма произвольно, профсоюзы в пятидесятых годах, поскольку они были боевыми организациями, вели почти подполь-

ное существование и только с большим трудом прокладывали себе дорогу. Эти условия создавали перевес «мирным» и «легализаторским» тенденциям. Постановка взаимопомощи вытесняла организацию стачечных касс. Преобладание получают старые цеховые стремления, и вместо объединения по крупным отраслям промышленности или по производствам происходит бесконечное почкование отдельных мелких цеховых союзов, добивающихся выгод только для рабочих своей узкой специальности, не считаясь с интересами товарищей в сопредельных цехах или профессиях. Благоприятную почву для этого создавал и экономический подъем пятидесятых годов.

«Хотя пять или шесть лет, последовавших за роковым исходом стачки 1852 г., являлись для отдельных союзов периодом спокойного прогресса, но для историка профессионального движения в целом они представляют почти пустое место. За тяжелым кризисом 1846–1849 гг. следуют семь лет непрерывного экономического подъема, не дававших никакого повода для всеобщего понижения заработной платы. Реакция против грандиозных планов "производственного союза" 1834 г. продолжала отпугивать даже от федеративного объединения, между тем как полный провал борьбы машиностроителей, за которым последовала в 1853 г. очень несчастно закончившаяся забастовка прядильщиков в Престоне за десятипроцентное повышение заработной платы, такая же безуспешная борьба ткачей ковров в Киддерминстере и ожесточенное и неудачное восстание железоделательных рабочих в Доулайсе только усилили в значительной степени антипатии профессиональных союзов к агрессивной политике»[6].

К этому присоединилось еще другое обстоятельство. Успехи кооперативного движения побудили ряд профессиональных союзов предпринять попытки с устройством производительных ассоциаций. «В столице и других крупных промышленных центрах рабочие по металлу, столяры, портные, сапожники, шляпники создали бесчисленные мелкие предприятия; в течение нескольких лет исполнительные комитеты и бюро различных профсоюзов взапуски рекомендовали своим членам производственную кооперацию»[7].

Эти опыты закончились фиаско, но все же на несколько лет они вырвали из рядов профессиональных союзов немало членов их[8].

Только у машиностроительных рабочих – которые еще в 1851 г. основали «Амальгамированный союз» и которые, несмотря на большой локаут 1851–1852 гг., энергично работали над расширением своей организации – и у литейщиков и каменщиков[9], увеличилось количество членов. Продолжающееся благополучие способствовало распространению среди рабочих мирных тенденций.

Но после 1857 г. положение сразу изменилось. «Эра стачек, начавшаяся в 1857 г. с ухудшением дел, показала, как призрачны были эти надежды (на мир в промышленной жизни)»[10].

Если в первой половине [18]50-х гг. самые серьезные битвы английской индустрии произошли в старых областях ее – текстильной и машинной индустрии, – то теперь на первый план выступают две новые отрасли, в которых крупное производство сделало огромные успехи, – производство одежды и строительное дело. Как только ремесло пало под бурным натиском капитализма, то и в этих старомодных профессиях стало необходимым сокращение рабочего времени. Попытки оказать сопротивление введению машин оказались безуспешными[11]. Чтобы успешнее бороться с предпринимателями, рабочие были вынуждены лучше ор-

ганизовать свои союзы. Так борьба за сокращение рабочего времени шла рука об руку с борьбой за право образовывать профессиональные союзы.

Самой крупной стачкой этого периода является забастовка лондонских строительных рабочих. Пятидесятые годы характеризуются лихорадочной строительной деятельностью. Огромный прирост городского населения (Лондон 1851 г. – 2 679 000 жителей, 1861 г. – 3 217 000) вызвал усиленную потребность в жилищах; благодаря этому постройка домов в Лондоне превратилась в отрасль капиталистического производства, которое уже не строило дома, как прежде, по заказу, а доставляло для рынка в соответствующих кварталах города сотни домов в виде готового товара.

«В какой сильной степени капиталистическое производство изменило все строительное дело в Лондоне, – говорит Маркс во втором томе "Капитала", – свидетельствуют показания одного подрядчика перед комиссией о банках 1857 г. По его словам, в годы его молодости дома строились обыкновенно на заказ и предприниматель получал плату по частям по мере того, как он заканчивал отдельную фазу постройки. Спекуляции ради строили очень мало; предприниматели пускались на это главным образом только с целью дать регулярное занятие своим рабочим, чтобы они не разбежались. За последние сорок лет все это изменилось. На заказ строят очень мало. Кому нужен новый дом, тот ищет себе один из построенных спекулянтами или находящийся еще в постройке. Предприниматель работает уже не на заказчика, а на рынок; как и всякий другой промышленник, он вынужден доставлять на рынок готовые товары. Если прежде предприниматель строил одновременно каких-нибудь три-четыре дома на продажу, то теперь он должен купить (или, как говорят на континенте, арендовать на 99 лет) обширный участок земли и построить на нем сто или двести домов, затевая таким образом дело, для которого требуется капитал, превышающий его состояние в 20–50 раз... Путем такой спекулятивной постройки воздвигнуты дома в кварталах Бельгравии и Тибурнии, а также многие тысячи вилл вокруг Лондона»[12].

Одним из главных следствий такого форсированного строительства являлось возрастание интенсивности труда. Только путем усиленной эксплуатации рабочих предприниматели гарантировали себя против возможных убытков в случае просчета. Соглашаясь еще, после сравнительно непродолжительных стачек, на повышение заработной платы, они всеми силами сопротивлялись сокращению рабочего времени. А между тем именно интенсификация труда заставляла рабочих выдвигать все с большею настойчивостью требование более короткого рабочего дня.

После долгих переговоров между предпринимателями и рабочими, которые с июня 1858 до июля 1859 г. вел Объединенный Комитет рабочих с Джорджем Поттером в качестве секретаря, стачка разразилась 21 июля[13].

Так как рабочие считали нецелесообразной всеобщую забастовку, то они решили прекратить работу только у одной фирмы (Троллоп). Предприниматели ответили на это локаутом. Тогда комитет рабочих созвал на 3 августа митинг всех занятых в строительном деле рабочих в Гайд-парке, на котором Кример, будущий генеральный секретарь Первого Интернационала, внес следующее предложение: «Собрание выражает сожаление по поводу последнего шага хозяев, который может только углубить пропасть между ими и нами, и так как мы не хотим быть крепостными, то мы обязываемся применить все законные средства, чтоб обеспечить торжество движения в пользу девятичасового рабочего дня». Предложение это

было принято единогласно после того, как Поттер заявил, что рабочие в крупнейших городах Англии высказались за движение в пользу девятичасового рабочего дня и поддержат забастовку[14].

Главное требование, как оно формулировано в записке от 3 июня, гласит следующее: «Свести число часов труда от десяти к девяти с сохранением существующей заработной платы» (to reduce the hours of labour from ten to nine hours per day with the present rate of wages). Предприниматели, организованные в Master Builders society, не только решительно отклонили это требование, но со своей стороны объявили войну всем профессионально-организованным рабочим. Они обязались между собой не принимать ни одного рабочего, который откажется подписать «документ», где он заявляет, что не принадлежит ни к какому профсоюзу.

Английские профессиональные союзы сдержали свое обещание. Они энергично взялись за организацию поддержки лондонских строительных рабочих. Была созвана масса митингов, и рабочие других отраслей промышленности приложили много усилий, чтобы прийти на помощь стачечникам. Со всех концов Соединенного Королевства – из Англии, Ирландии, Шотландии – притекали многочисленные пожертвования[15]. В течение более полугода (до 6 февраля 1860 г.) английский пролетариат следил с напряженным вниманием за этой стачкой. Строительные рабочие апеллировали и к общественному мнению. Их представители и члены образованного из делегатов от различных профессий Комитета – в особенности У.Р. Кример[16] и Дж. Оджер – излагали на собраниях перед публикой требования рабочих и критиковали официальную политическую экономию, которая стояла на стороне предпринимателей и противопоставляла требованиям рабочих теорию фонда заработной платы. «Если политическая экономия против нас, – воскликнул Кример на одном митинге в Гайд-парке, – то мы выступим против нее». Вся борьба трактовалась как борьба политической экономии рабочего класса с политической экономией класса капиталистов[17].

Гигантская борьба, «величественный эпизод борьбы между капиталом и трудом», как называет эту стачку Чернышевский, кончилась компромиссом. Предприниматели отказались от «документа», воспрещавшего рабочим участие в профессиональных союзах, но и рабочие на время отказались от своего главного требования[18].

Несмотря на это, стачка эта образует поворотный пункт в истории английского рабочего движения. Чувство солидарности у рабочих победило старое цеховое чванство. Борьба за право коалиций увлекла за собой даже самые мирные союзы. Из Trades Committees, которые образовались во время этой стачки, чтобы организовать сборы в пользу бастующих строительных рабочих, вышли во многих местностях Trades Councils, – в частности Лондонский совет, – которые отныне взяли на себя заботу об общих интересах различных профессий и объединение всех их сил в борьбе против капиталистов[19]. На митингах и совещаниях этих Trades Committees и Trades Councils выделился из рабочей среды ряд ораторских и организаторских талантов, которые мы встречаем в качестве вождей во всех крупных выступлениях рабочего класса в шестидесятых годах и в Международном Товариществе Рабочих.

Первое заседание лондонского «Совета союзов» произошло уже 10 июля 1860 г. Членами первого Trades Council были: Т. Гайс (канатчики), В. Борн (кирпичники), Д. Девелин (сапожники), У.Р. Кример (плотники), В. Майкесон (шля-

почники), Т. Баульсом (портные), а секретарем – Томас Джонс (жестяники), т. е. исключительно представители строительного дела и индустрии одежды. Лишь позже появились представители машиностроительных рабочих, переплетчиков, печатников и наборщиков, литейщиков.

Как велика была потребность сохранить новые объединения, возникшие во время стачки строительных рабочих во всех профессиональных союзах, видно из того, что новообразованный Trades Council поспешил издать адресную книгу профессиональных союзов, чтоб облегчить сношения с ними. В воззвании, в котором он обратился ко всем английским союзам с просьбой о помощи, было подчеркнуто огромное значение статистики профессиональных союзов и выражалась надежда, «что усилия установить более совершенное и действительное средство сообщения между профсоюзами будут приняты в том же духе, который породил и все время руководил и поддерживал наши старания, что результатом является укрепление уз единства и все большее напряжение струн человеческой симпатии и братской солидарности между рабочими нашей страны»[20].

Изданная лондонским Trades Council адресная книга дает нам интересную картину тогдашнего профессионального мира[21]. Она представляет зрелище необычайной распыленности всего профессионального движения. Мы находим (по неполным вдобавок данным, как подчеркивают сами составители книги)[22] в 405 местностях более 1600 профессиональных союзов. Так, в Лондоне, не принимая в расчет отделений амальгамированных союзов, насчитывалось около 250 профессиональных союзов; из них в сапожной промышленности было более 20; не менее многочисленны были союзы в различных отраслях строительного дела.

Правда, уроки стачки 1859–1860 гг. оказали свое влияние не только на процесс объединения профессиональных союзов внутри одного города, но и на так называемое амальгамирование различных профессий во всей стране. Пример, поданный амальгамированными союзами машиностроительных рабочих и каменщиков, был слишком убедителен, чтобы не найти подражателей[23]. Так, плотники уже в июне 1860 г. образовали амальгамированный профессиональный союз, секретарем которого был С. Ли, вынужденный в 1862 г. отказаться от этой должности[24]. На его место был выбран секретарь шеффильдского отделения *Роберт Аплгарт*[25]. Но, наряду с этим союзом, в Лондоне у плотников остались еще другие организации, конкурировавшие с амальгамированным союзом, так, например, «Operative House Carpenters and Joiners society» и «General Union of Carpenters», которые поддерживал Джордж Поттер.

Как силен был еще дух «локализма» и цехового эгоизма, как трудно было разбить узкие рамки многочисленных профессиональных организаций, снова показала вторая крупная стачка строительных рабочих, вспыхнувшая весной 1861 г. Организаторы решили использовать благоприятный момент, так как строительная промышленность, в связи с подготовительной работой для предстоявшей в 1862 г. всемирной выставки, нуждалась в рабочих. Дело шло опять о сокращении рабочего времени, о завоевании девятичасового рабочего дня; но на этот раз положение обострилось тем, что правительство сделало попытку прийти на помощь предпринимателям, послав им военных саперов. В многочисленных газетных статьях разъяснялись требования рабочих, и защитники их – в особенности Бизли и Харрисон – в письмах в газеты защищали дело рабочих и энергично протестовали против вмешательства правительства в пользу предпринимателей.

Вождем рабочих в этой новой борьбе был снова Джордж Поттер. За его подписью (хотя вряд ли составленный им) появился манифест, в котором в полемической форме, с резкими выпадами против предпринимателей доказывается необходимость сокращения рабочего времени[26]. Авторы отнюдь не апеллируют к справедливости, они приводят только факты и желают лишь, чтобы факты эти были добросовестно проверены.

Они указывают на необычайный рост торговли, доходов и спрашивают: «Who gets the increase of wealth? We are pretty certain it is not we that get it». (Кому достается этот прирост богатства? Мы убеждены, что, конечно, не нам.) Капиталистическая конкуренция имеет тенденцию только удлинять еще рабочий день и увеличивать возложенное на рабочих бремя. Бесполезно апеллировать к сердцу капиталистов – «Capital knows neither limit, nor compassion» (Капитал не знает ни меры, ни сострадания), и авторы обрушиваются на капитал в следующих выражениях:

«Джентльмены. Мы не собаки. Мы держимся друг за друга. Вы жестокосердны к нам и хотите, чтобы мы были мягки к вам. Мы не собаки, мы можем поступать только, как нам кажется лучшим. Мы не хотим быть только орудиями и поэтому защищаем свои собственные интересы. Насилие – это ясно – не поможет, ибо стачки разрастаются. Мы не апеллируем к вашим религиозным чувствам, ибо это было бы бесполезно, ни к вашему чувству гуманности, ибо оно молчит там, где речь идет о прибыли. Мы апеллируем именно к вашей жажде прибыли. Капиталисты играют в невыгодную игру, они поступают против собственных интересов, когда они так жестоко третируют труд. Мать-земля и слуга-труд представляют плодоносное поле, если их как следует обрабатывать. Но оба требуют для своего развития отдыха и культуры. Факты и наука говорят, что лучше обрабатывать, чем истощать, что лучше кормить, чем извлекать все соки чрезмерным трудом. Мы делаем эту попытку. Но, апеллируя к вам, мы боимся, что это совершенно бесполезно, и поэтому обращаемся к другим средствам улучшить наше положение, чем те, на которые капитал готов согласиться»[27].

Авторы подчеркивают крупное значение кооперативного движения: «They have been working out their own social salvation, and cooperation or selfwork for self has proved in wealth a rich reward».

«Ведь именно труд, – продолжают они, – производит капитал, а не капитал – труд. Рабочие могут сами создавать богатство, и им нужна только твердая воля, чтобы взяться за это дело».

Они резюмируют свои взгляды в следующих семи пунктах:

Факты доказывают, что 1) средняя жизнь рабочих классов в два раза меньше, чем средняя жизнь богатых; 2) что их высокая и растущая смертность вызывается чрезмерным трудом, бедностью, неблагоприятными условиями жизни и привычками, необходимо вытекающими из обстановки их труда; 3) что эта избыточная смертность есть большая и чреватая опасностями экономическая потеря; 4) что общее улучшение положения рабочих невозможно без уменьшения рабочего времени и увеличенного вознаграждения за труд; 5) что богатство в своем росте настолько обгоняет рост населения, что возможно осуществить и уменьшение часов труда, и повышение заработной платы и таким образом доставить рабочим все средства физического и духовного возрождения, не нанося ущерба справедливым требованиям капитала; 6) что всюду, где были произведены такие опыты,

в особенности по части сокращения рабочего времени, неизменно оказывалось, что богатство и производительность возрастали, заработная плата увеличивалась, жизнь удлинялась, духовный и нравственный уровень поднимались, порядок и счастье развивались, и – позорный факт! – последнее, 7) что капиталисты и предприниматели как класс всегда и неизменно сопротивлялись всем попыткам прогрессивного улучшения, которые предпринимались рабочим классом.

Революционный дух, которым дышит это заявление, резкое подчеркивание общих требований рабочего класса, сознание, что в этой борьбе за сокращение рабочего времени строительные рабочие выступают в качестве представителей всех английских рабочих, снова обеспечили им помощь всех профессиональных союзов. А сильное чувство солидарности помогло им справиться с препятствиями, создававшимися для их борьбы раздорами между каменщиками и кладчиками кирпича (masons and bricklayers), с одной стороны, и различными объединениями плотников – с другой. Стачка закончилась на этот раз победой рабочих. Был установлен нормальный рабочий день в 9 $^1/_2$ часов.

Недавно образовавшийся лондонский Trades Council приложил все усилия к тому, чтобы поддержать требования строительных рабочих. Именно он организовал все выступления против использования солдат в качестве штрейкбрехеров. Согласно постановлению одного созванного им собрания делегатов всех лондонских профессиональных союзов, была послана депутация к правительству, в которую вошли: *Э. Коулсон, У. Кример, Дж. Хауэлл, Генри Мартин, Джон Найасс, Дж. Оджер*[28]. Всех их мы после встречаем в истории Первого Интернационала.

Одним из важнейших результатов второй стачки строительных рабочих было основание новых профессиональных газет и крупнейшей рабочей газеты шестидесятых годов «Bee-Hive». Газета эта вовсе не была личным делом Джорджа Поттера, как ошибочно утверждают Веббы. Сейчас же по окончании второй стачки строительных рабочих, в октябре 1861 г., руководители профессиональных союзов приняли решение основать газету, которая служила бы главным органом профессиональных союзов. С этой целью была основана «Trades Newspaper Company (Limited)». Среди директоров этого общества мы находим представителей различных профессиональных союзов[29]. Джордж Поттер был выбран директором. Собственно редактором был сперва некий Джордж Трепп, а затем *Роберт Хартуэлл*, бывший чартист[30]. Газета с самого начала была официальным органом лондонского Совета союзов, и ее «главной задачей» была «информация о деятельности профсоюзов и других рабочих обществ, для которых закрыты столбцы спекулянтских и буржуазных газет»[31].

Кроме этой своей официальной задачи, как профессиональной газеты, «Bee-Hive» имела огромное значение как политический орган рабочего класса. Будучи не всегда солидарна с другими вождями лондонских рабочих, часто резко расходясь с ними, она поддерживала и проводила все политические выступления шестидесятых годов. Поттер, бывший искусным организатором и администратором, пользовался своим влиянием в «Trades Newspaper Company», чтобы проводить свою собственную политику в «Bee-Hive»: он был самым влиятельным вождем локалистских профессиональных союзов, так называемой *фракции* Поттера против *фракции* Оджера, находившей поддержку у амальгамированных союзов. В начале 1864 г. борьба по этому пункту возгорелась по всей линии, и «Bee-Hive» оказалась в конфликте с лондонским Советом союзов[32].

До 1865 г. «Bee-Hive» осталась единственной не чисто профессиональной рабочей газетой в Лондоне. Среди сотрудников ее было несколько представителей английского позитивизма, которые – в особенности Фр. Харрисон и Э.С. Бизли – писали о различных политических и профессиональных задачах момента.

Из среды рабочих самым усердным сотрудником был Т. Дж. Даннинг, старый соратник мирных чартистов, Ловетта и Хартуэлла, бывший тогда генеральным секретарем союза переплетчиков и редактором союзного органа «London Consolidated Society of Journeymen Bookbinders»[33].

В первые годы своего существования «Bee-Hive» встречала почти безраздельную поддержку со стороны всех профессиональных союзов и недавно основанного Trades Council. Мы уже видели, что последний состоял вначале главным образом из представителей новых и более мелких организаций. Но те самые причины, которые вызвали к жизни эту локальную форму объединения профессиональных союзов, способствовали развитию и другой формы его – объединения внутри всей страны. С образованием новых амальгамированных союзов началась борьба обоих течений, локалистского и централистского. Вслед за плотниками наступил черед маляров, которые тоже основали «Amalgamated Society of operative Painters»[34]. А с победой нового принципа в сапожной промышленности (на лондонской конференции, постановившей в январе 1863 г. основать «Amalgamated Society of Cordwainers») новая тенденция возобладала и в лондонском Совете союзов[35]. Главную роль в этом движении играл *Оджер*, который уже в 1862 г. стал секретарем Совета союзов и был горячим сторонником нового метода амальгамирования в профессиональном движении. Таким образом лондонский Trades Council стал мало-помалу местом, в котором решающее значение приобрели крупные амальгамированные профессиональные союзы. Но вскоре вопрос о том, кто является признанным представителем соответствующих отраслей индустрии и кто имеет право руководить помощью тем стачкам, которые требуют поддержки со стороны всех прочих профессиональных союзов, вызвал резкие столкновения в Совете союзов.

Но борьба внутри этого Совета не ограничивалась одной только почвой профессиональных интересов. Ему с самого начала пришлось занять определенную позицию по отношению к разным политическим вопросам. Это давало очень часто повод к новым конфликтам. Но было бы ошибочно думать, вместе с Веббами, будто бы крупные или амальгамированные союзы в своем стремлении сделать из Совета союзов орудие новой тактики – участия в вопросах общей политики натолкнулись на сопротивление мелких или местных организаций. Наоборот, как раз некоторые старые и строго организованные профессиональные союзы – как, например, союзы печатников – протестовали против всякого политического действия[36]. Эти консервативные или антиполитические тенденции наблюдаются также у амальгамированных машиностроительных рабочих, которые играли вообще в шестидесятых годах второстепенную роль во всех политических выступлениях по сравнению со строительными рабочими и рабочими в области изготовления одежды. Крайней осторожности при ведении профессиональной борьбы не всегда соответствовала энергичная агитация за политические реформы, и более боевые, готовые на забастовки, элементы, группировавшиеся вокруг Поттера, были очень активны и в политическом отношении. Кроме того, было очень много спорных вопросов и относительно различных законов, касавшихся правового положения

профессиональных союзов. Очень часто то, что Веббы изображают как антипатию к политической акции, было просто оппозицией определенной тенденции какого-нибудь закона, ставившей, по мнению части профессиональных союзов, препятствия их свободному развитию. Все эти внутренние распри – борьба между чистыми профессионалистами и политиками, между локалистами и централистами, между сторонниками легализации профессиональных союзов и их противниками, высказывавшимися против всякого вмешательства государства во внутренние дела профессиональных союзов, – все эти распри заполняют историю английских профессиональных союзов в шестидесятых годах. Очень часто они принимали форму личной борьбы между различными вождями, борьбы между партией Поттера и партией Оджера; но было бы совершенно неверно сводить их к злостным сварам того или иного интригана, Поттера или Оджера, и втискивать их в рамки узкой произвольной схемы[37].

Новое стачечное движение и вызванное им более тесное сплочение локальных профессиональных союзов оказалось полезным и для рабочих в пищевой промышленности. Так, например, было устроено много митингов и направлен в парламент ряд петиций, изображавших положение пекарей-рабочих. Это движение было тоже поддержано Советом союзов, деятельными членами которого являются теперь также вожди пекарей – Блэкмор и Дик[38].

Стачечное движение 1859–1861 гг. имело еще и другой важный результат. Предприниматели, ссылавшиеся в своей борьбе с профсоюзами на иностранную конкуренцию, начали теперь угрожать ввозом более дешевых рабочих из-за границы. Угроза эта не была пустой, как показала все растущая конкуренция немецких рабочих в портняжном деле и в хлебопечении. Если английским рабочим удалось упорной борьбой повысить цену труда[39] путем сокращения рабочего дня даже там, где не произошло повышения поденной платы, то конкуренция континентальных рабочих грозила понизить заработную плату и другие условия труда до уровня, господствовавшего на материке. А на тогдашней ступени развития мирового рынка национальные различия в заработной плате были значительно больше, чем теперь. Борьба за одинаковые условия труда, являвшаяся одной из главных задач профессиональных союзов внутри страны, должна была быть перенесена на материк. Таким образом, международная пропаганда идеи профессиональных объединений стала жизненной необходимостью для английских рабочих; более передовые круги их почувствовали острую потребность завязать сношения с континентальными рабочими, в особенности с французскими, бельгийскими и немецкими[40].

Уже самый факт этой грандиозной стачки действовал агитационным образом. Если первая стачка нашла громкий отклик в американской и континентальной печати (не исключая русской)[41], то это еще в большей степени можно сказать о второй. Поэтому весьма вероятно, что уже во время этой стачки завязались сношения между английскими и французскими рабочими. Так, Хауэлл утверждает, что в 1862 г. парижские рабочие послали не только адрес с выражением симпатии бастующим, но и некоторую денежную сумму; при этом он называет Толена[42]. К сожалению, мы не находим никакого другого подтверждения этого факта. И если Хауэлл, может быть, ошибается, утверждая, что именно Толен играл эту роль посредника, то у нас есть другое свидетельство живейшего интереса парижских рабочих к борьбе английских строительных рабочих. Посредниками здесь

явились те самые английские позитивисты, которые так энергично защищали интересы стачечников. Так, например, в августе 1861 г. Джемс Уинстенли прочел доклад о стачке в «Société positiviste de Paris". Один из членов общества, столяр по имени Фабиен Маньен, опубликовал «Lettre sur la grève des ouvriers du bâtiment à Londres», которое было переведено также на английский язык[43].

Но лучшими посредниками явились представители международной эмиграции, которые обосновались в Лондоне после поражения революции. Центром пролетарской эмиграции служил Коммунистический союз самообразования рабочих [Лондонское Коммунистическое просветительное общество немецких рабочих. – *Ред.*], члены которого набирались главным образом из искусных ремесленников (портных, маляров, часовщиков) и которые работали также в английском профессиональном движении. Большинство французских рабочих эмигрировало в Америку или же вернулось, после амнистий 1856 и 1859 гг., во Францию, и во французской эмиграции, как и в польской и в итальянской, преобладали представители революционной интеллигенции. Политические события первой половины шестидесятых годов создали польской, и в особенности итальянской, эмиграции популярность среди английских рабочих, не стоящую ни в каком отношении к роли пролетарских элементов в ней[44]. Но только в немецкой эмиграции мы встречаем рабочих, как *Эккариус, Лесснер, Лохнер, Пфендер, Кауб*, которые находились в непосредственном контакте с английскими рабочими и их вождями.

Но не одни только требования профессиональной борьбы усилили у английских рабочих ослабевший у них со времени революции 1848 г. интерес к их сотоварищам на материке; здесь действовала и изменившаяся в 1858 г. политическая ситуация, которая вместе с подъемом в стране политической активности пробудила снова международные симпатии рабочих и направила их внимание на политические события в остальном мире.

Английские рабочие, не имевшие своих представителей в парламенте, не могли принимать прямого участия в законодательной работе. Но они могли применить – как они это часто делали уже с успехом прежде – внепарламентские средства, устраивать митинги и демонстрации и таким образом оказывать на парламент pressure from without [давление извне. – *Ред.*]. Во время Крымской войны они энергичным образом поддерживали антирусскую политику. А когда в конце пятидесятых годов снова возгорелась борьба различных угнетенных народов, то она – в особенности борьба итальянцев – встретила у английских рабочих самые горячие симпатии[45]. Правда, Итальянская война 1859 г., разразившаяся в момент, когда отношения между Англией и Францией были очень напряженными, не вызвала большого одушевления. Попытка Пальмерстона, после покушения Орсини (14 января 1858 г.), провести в парламенте билль о заговорах (Conspiracy and Murder Bill), направленный против эмиграции, окончилась, после бурных внепарламентских демонстраций, тяжким поражением его министерства, заставившим его подать в отставку (19 февраля 1858 г.)[46]. Процесс Симона Бернара, одного из соучастников Орсини (в апреле 1858 г. в Лондоне), дал его защитникам повод заклеймить полицейский режим Наполеона III, и обвиняемый был оправдан английским судом присяжных. Под впечатлением угроз французской военщины стали опять говорить об опасности французского вторжения; возникшее под влиянием этой паники добровольческое движение (Volunteer Movement) нашло сильный отклик и в рабочей среде[47].

При таких обстоятельствах «освободительная» миссия Наполеона не могла встретить особенных симпатий, а Виллафранкский мир, который должен был создать вместо объединенной Италии союз государств под почетным председательством папы, вызвал в Англии такое же сильное возмущение, как в самой Франции и Италии. Pressure from without было так сильно, что даже Пальмерстон, ставший благодаря ухудшению в области внешней политики снова премьером (июнь 1859 г.), поостерегся оказать Наполеону даже тень содействия.

Совсем иначе сложились дела, когда, сейчас же после аннексии Савойи и Ниццы Наполеоном, Гарибальди начал в мае 1860 г. поход в Сицилии со своей «марсельской тысячей». В Англии следили с лихорадочным интересом за всеми перипетиями этой героической борьбы, и Гарибальди стал популярнейшим человеком и в Англии. В нем чествовали одновременно и освободителя своего народа, и врага папы. Среди самых горячих защитников дела итальянской свобода мы встречаем *Оджера, Кримера, Чарльза Меррея, Трамлетта, Хартуэлла, Поттера.* Они-то, вместе с английскими радикалами, организовали и руководили внепарламентским давлением, заставившим английское правительство противопоставить свое veto желанию Наполеона выступить против Гарибальди[48].

Если верить Хауэллу, то уже в 1861 г. итальянские рабочие сделали попытку обратиться прямо к английским рабочим. Дело идет об адресе неаполитанских рабочих (17 декабря 1861 г.), который был обращен к лондонскому Trades Council и на который последний ответил в начале 1862 г.[49]

Вскоре представился случай с помощью различных эмигрантов вступить в непосредственные сношения с континентальными рабочими. В мае 1862 г. в Лондоне открылась третья международная выставка, на которой присутствовали также делегации рабочих из разных стран. Наиболее многочисленной была французская делегация.

II

Хотя государственный переворот 2 декабря 1851 г. наткнулся также на сопротивление части буржуазии, но для виновников его, опиравшихся на духовенство, крестьянство и большую часть испуганной красным призраком буржуазии, было ясно, что новый режим укрепится только в том случае, если удастся склонить на его сторону массы городских рабочих, составлявших главный контингент республиканской армии. Беспощадно подавляя всякое самостоятельное движение рабочего класса, бонапартисты старались в то же время удовлетворить материальные потребности масс[50].

Декрет 25 марта 1852 г., подводивший все публичные собрания под статьи 291–294 Code pénal и под закон 1834 г. и почти совершенно уничтоживший свободу собраний, декрет об обществах взаимопомощи (Sociétés des secours mutuels) и преобразование промысловых судов (Conseils des Prud'hommes) в том же году, закон 22 июня 1854 г., усиливший строгость правил о рабочих книжках и отдававший рабочих на произвол полиции, бесконечные придирки ко всем возникшим еще до 1851 г. кооперативным товариществам, строгое проведение запрещения коалиции – все это должно было уничтожить рабочее движение. Но параллельно с этими полицейскими мероприятиями шли и попытки империи примирить рабочих с новым режимом путем улучшения материального положения рабочих,

путем своего рода «цезаре-социализма»: субсидирование всех «авторизованных» (на основании декрета от 21 января) обществ взаимопомощи за счет конфискованного состояния Орлеанского дома, создание – в целях обеспечения народа дешевым хлебом – Caisse de Service de la Boulangerie (27 декабря 1853 г.), основание различных благотворительных учреждений для рабочих, а главным образом общественные работы – постройка железных дорог, телеграфа, огромные строительные работы в Париже, Марселе, Лионе, Бордо[51].

Непрестанный экономический подъем, который характеризует пятидесятые годы и которому очень содействовало основание многочисленных банков, вроде Crédit Mobilier, создал ряд крупных предприятий и необычайно усилил спрос на рабочую силу[52]. Благодаря прогрессу техники ряд новых отраслей промышленности – металлургическая, химическая, сахарная, текстильная – был поставлен на совершенно новых основаниях. С 1846 до 1861 г. городское население увеличилось на 1 712 000 человек, и Париж, насчитывавший ще в 1856 г. 1 021 530 жителей, имел их в 1866 г. 1 825 274[53]. Его рабочее население, особенно в строительном деле, в изготовлении одежды, в пищевой промышленности, очень возросло[54]. Роль, которую играл Париж во время Второй империи как законодатель мод для всего мира и как «современный Вавилон», тоже способствовала развитию различных профессий, производивших предметы роскоши – Articles de Paris – и бронзовые изделия.

Казалось, что цель этой цезаристской политики достигнута. Опыт 1848–1851 гг. оставил в душе рабочих сильное недоверие к «буржуа» и к интеллигентам. Заговоры пятидесятых годов, в которых нередко провокаторскую роль играла полиция, находили, правда, сторонников и среди рабочих, но масса рабочих в целом оставалась спокойной. Прозябательное существование еще вели остатки кабетистских и фурьеристских общин, но они гораздо более интересовались опытами в Новом мире, в Техасе и Наувоо, сенсимонисты перешли в лагерь цезаре-социалистов и доставили идеологическое обоснование новым биржам и железнодорожной спекуляции[55].

Первые признаки политического пробуждения рабочего класса появились уже во время Крымской кампании. Если война эта была очень популярна, поскольку она была направлена против России, то колебания в политике и в способе ведения войны вызвали сильное возбуждение в рабочих массах; но с падением Севастополя все опять успокоилось.

Кризис 1857–1858 гг. вызвал поворот и во Франции. Он быстро покончил со всеми иллюзиями цезаре-социализма. Все попытки удержать заработную плату на уровне, хоть сколько-нибудь соответствующем все растущим ценам на жизненные припасы и квартиры, оказались недействительными[56]. Если рабочие, несмотря на запрещение коалиций, провели – особенно в 1854 и 1855 гг. – ряд стачек, добившись таки м путем повышения заработка, то в результате кризиса 1857 г. начинается новое стачечное движение с целью сохранения старой платы. Возбуждение в рабочей среде было так велико, что даже в тех случаях, когда стачечники привлекались к суду, наказания оказывались сравнительно мягкими и осужденные часто получали вскоре помилование. В 1858 г. правительство предприняло тайную анкету; она показала, что экономическое положение рабочих было совершенно неудовлетворительно и что недовольство рабочих, как признали это и буржуазные экономисты, находило благоприятную почву в условиях капиталистического хозяйства[57].

Но не одна только изменившаяся экономическая конъюнктура побудила императорское правительство сбросить с себя часть ответственности и дать больший простор экономической борьбе рабочего класса; и политическая обстановка подсказывала, что благоразумно сделать некоторые экономические уступки. Реакция, нашедшая себе, после покушения Орсини, новое страшное орудие репрессии в loi de la sûreté générale, длилась недолго. Итальянская война, предпринятая вопреки желаниям духовенства, вызвала в рабочей среде большой энтузиазм. Как силен был он, видно из того взрыва негодования, который охватил Париж, когда до него дошли вести об условиях Виллафранкского предварительного мира. Со стен срывали объявления с телеграммами. В Сент-Антуанском предместье дело дошло до столкновения с полицией[58].

Стало ясно, что отступление невозможно, что всякая попытка помешать силой оружия завершению дела объединения Италии и удержать условия Виллафранкского мира будут только усиливать революционное настроение в стране. С другой стороны, было не менее ясно, что дальнейшее развитие итальянского вопроса еще более усилит недовольство духовенства. Опереться здесь можно было только на рабочий класс и на мелкую буржуазию. Отсюда первые шаги на пути к empire libéral и новое сближение с Англией.

Первой уступкой была амнистия 17 августа 1859 г., которая давала возможность вернуться во Францию почти всем эмигрантам и которая открыла ворота темниц борцам революции[59]. Могла вздохнуть свободнее и печать. Правда, висевший над ней кошмаром декрет 1852 г. не был отменен, но строгий надзор за ней ослабел. Республиканская партия могла возобновить свою борьбу, и политическая жизнь снова зашевелилась не только в Париже, но и в провинции. В то же время начались попытки склонить на свою сторону те элементы рабочего класса, которые готовы были, на известных условиях, отказаться от республиканской агитации и признать империю.

Главным представителем либеральной и антиклерикальной тенденции в императорской семье был принц Наполеон, кузен императора, поддерживавший дружеские отношения с политической эмиграцией разных стран, с эмигрантами немцами (Карл Фогт), поляками, венгерцами, итальянцами. Его доверенным лицом был *Арман Леви*, выступавший уже в революции 1848 г. и бывший воспитателем детей знаменитого польского поэта Мицкевича.

Осенью 1859 г. Леви основал в Женеве большую международную газету на французском языке, под названием «L'Espérance»[60]. Она горячо защищала дело всех угнетенных национальностей, в особенности итальянской, резко выступала против Австрии и самого начала уделила много места рабочему вопросу. В ней был особый отдел «Tribune des Travailleurs», в котором *Пьер Венсар* впервые опубликовал свои известные монографии о парижских рабочих[61]. Кроме того, Леви удалось привлечь в качестве сотрудников еще нескольких печатников и литографщиков – *Даво*, *Парро*, *Кутана*. Газета выдвинула программу, которая должна была удовлетворить самым настоятельным требованиям рабочих: отмена параграфа 1781 Code pénal, мероприятия против дороговизны, свобода коалиций. В целом ряде статей описывалось большое стачечное движение в Англии и рекомендовалась профессиональная организация[62].

«L'Espérance» защищала также новую торговую политику, начатую заключением англо-французского договора 23 января 1860 г. и вызвавшую неудовольствие части промышленной буржуазии. Угрозам фабрикантов закрыть фабрики Леви

противопоставил перспективу возможной экспроприации в целях общественного благополучия.

Декрет 24 ноября 1860 г., расширявший права законодательного корпуса и разрешавший печатание парламентских прений, открыл печати новый простор. Теперь стало возможно защищать в Париже программу «Espérance», принципы империалистской демократии. Эту задачу взяла на себя «Opinion Nationale», издававшаяся тоже на средства принца Наполеона и редактировавшаяся бывшим сенсимонистом Адольфом Геру[63]. Одним из влиятельнейших сотрудников новой газеты был Арман Леви, продолжавший в ней свою кампанию в пользу империалистской демократии. Вместе с рабочими, с которыми он находился в сношениях еще раньше, он теперь издал ряд брошюр под общим названием «Brochures ouvrieres».

«В группе, работавшей над красными брошюрами, – говорит проф. В. Лексис, – было несколько рабочих, имевших значительное влияние на своих товарищей. Так, жестяник *Шабо* был председателем общества Union, плотник *Ванхоотен* – председателем общества взаимопомощи плотников (т. е. союза Devoir), *Кокар* – председателем общества взаимопомощи переплетчиков, *Деруар* – председателем "Alliance de la Cordonnerie", наборщик *Кутан* был в декабре 1861 г. выбран делегатом в смешанную тарифную комиссию печатников, равно как и наборщики *Бараге* и Витье, из которых первый на собрании в 3000 сотоварищей по ремеслу был выбран более чем 2400, а второй около 2000 голосов»[64].

Первая брошюра направлена против орлеанистов и защищает в нескольких «византийски звучащих статьях» «дружественную рабочим» политику империи[65]. Авторы ожидают от императора продолжения его реформаторской деятельности, которая еще больше закрепит союз между империей и рабочим классом. Желания рабочих подробнее изложены в двух других брошюрах. Главное требование – это отмена всех препятствий, стоящих на пути к образованию рабочих союзов.

Но это требование далеко не совпадает с требованием отмены всех запретов коалиций. Рабочие, группировавшиеся вокруг Армана Леви, желали только профессионального представительства, в котором имели бы решающий голос не одни только предприниматели. Новые корпорации, в которые организуются рабочие, вовсе не профсоюзы. Эти Chambres corporatives будут делать все, чтоб улучшить материальное и интеллектуальное положение рабочих, подобно тому как интересы капиталистов защищаются торговыми и синдикальными палатами предпринимателей. Это скорее реформированные цехи, идеальные организации для отдельных профессий, предполагающие содействие предпринимателей и исключающие систему забастовок[66]. Образцом должны были, собственно, служить отношения, сложившиеся у печатников с 1843 г. и выдержавшие испытание революции 1848 г. Именно печатники и поставляли главный контингент империалистски настроенных рабочих, следовавших за Арманом Леви.

Но вскоре на уроках суровой действительности пришлось убедиться в том, что полная гармония интересов не осуществима и в этом образцовом ремесле. 17 мая 1861 г. печатники послали предпринимателям петицию с 2682 подписями, в которой они указывали, что необходимо привести в соответствие заработную плату с подъемом цен на жизненные припасы. Они поэтому просили предпринимателей созвать снова смешанную тарифную комиссию. Прошло несколько месяцев, прежде чем синдикальное объединение хозяев дало на это свое согласие (5 декабря). На собрании, созванном с разрешения префекта полиции, рабочие

выбрали своих делегатов. В голосовании приняло участие 2953 рабочих, и первый делегат, Бараге, получил 2404 голоса. Первое заседание смешанной тарифной комиссии происходило 9 января 1862 г. Но вскоре после этого заседания один из предпринимателей, желая сломить сопротивление рабочих, обратился к более дешевому женскому труду. За ним последовали другие владельцы типографий. А в итоге – забастовка рабочих, арест вождей их (Готье, Мулине, Парро), судебное преследование и ряд приговоров. Правда, осужденные были помилованы, но теперь уже и среди печатников стали раздаваться голоса, выдвигавшие в качестве ближайшей задачи отмену всех запрещений коалиций. Вся эта история ослабила влияние Армана Леви: хотя он в «Opinion Nationale» защищал требования печатников, но, несмотря на свою близость к принцу Наполеону, он ничем не мог им помочь[67].

Гораздо счастливее был Леви в другом вопросе, так как из его группы вышла инициатива в деле образования собственной рабочей делегации на лондонскую международную выставку [1862 г. – *Ред.*][68]. Правда, результаты этого шага были тоже совсем иные, чем он этого ожидал, но он служил главным посредником между рабочими и принцем Наполеоном, председателем французского выставочного комитета[69].

III

Уже во время первой всемирной выставки в Лондоне в 1851 г. было послано в Лондон за счет государства несколько рабочих по указанию предпринимателей. Но, кроме них, была и вольная делегация, отправленная в Лондон по инициативе Бланки (экономиста) и Эмиля де Жирардена. Всего было пятнадцать делегатов, среди которых находился и *Пьер Венсар*, представлявший граверов. Эта делегация составила общий отчет, в котором нет и намека на попытку установить постоянную связь с английскими рабочими, но зато сильно подчеркивается необходимость мирных отношений между Англией и Францией.

«Рабочие! Если вам рассказывают об английском народе с ненавистью и гневом, если вам говорят, что он является наследственным врагом Франции, то не верьте этому. Старайтесь победить этот предрассудок, который должен исчезнуть, как все, что есть ложь и тем самым вредит нашему освобождению.

Английские пролетарии находятся не в лучшем положении, чем мы. Говорят даже, что в худшем. Их члены, как и наши, изнуряются чрезмерным трудом. Благосостояние, как и у нас, не является еще действительностью: оно только маячит, как надежда.

Почему же мы должны быть врагами?

Почему мы не являемся братьями?

Разве английский народ не оказал щедрое и великодушное гостеприимство жертвам нашей гражданской войны?

Если некоторые правительства настолько безумны, что ненавидят друг друга, то народы должны показать пример мудрости и повторять:

Мир! Всеобщий мир!»[70]

Это было еще до государственного переворота. В 1855 г. происходила вторая всемирная выставка, на этот раз в Париже. На ней не было никаких рабочих делегаций ни из столицы, ни из провинции. Боялись, что они дадут возможность рабочим организоваться.

Но, как мы видели, положение вещей изменилось в 1862 г. И когда собиравшаяся вокруг Армана Леви группа взяла на себя инициативу пропаганды в пользу рабочей делегации, то она тотчас же встретила поддержку как со стороны некоторых промышленников, так и со стороны печати.

Прежде всего группа, рассчитывая на симпатии императора к Италии, обратилась к нему с ходатайством о поддержке рабочей делегации, посылаемой на итальянскую выставку, открывавшуюся во Флоренции[71]. Но на ходатайство это, отправленное в сентябре 1861 г., они получили (22 ноября 1861 г.) через министра торговли и земледелия Руэ отказ.

«Я должен сообщить вам, что выставка во Флоренции является чисто национальной и частичной и что в распоряжении правительства нет никаких средств, чтобы оплатить путевые расходы или посылку такого рода делегации».

Но так как в этом ответе просителям был дан явный намек обратиться к выставочному комитету по делам лондонской всемирной выставки, председателем которой был принц Наполеон, то рабочие охотно последовали этому указанию.

Между тем вопрос этот подробно обсуждался в печати. Инициатива исходила от одного известного лионского фабриканта, Арлес-Дюфура, тоже бывшего сенсимониста[72], находившегося в очень дружеских отношениях с принцем Наполеоном. Он поднял вопрос о возможности подобной делегации сперва в интервью с сотрудником газеты «Progrès de Lyon», а затем в письме в редакцию этой газеты. Он рекомендовал рабочим на покрытие издержек подобной делегации произвести сборы и в своей среде. Этот план встретил поддержку со стороны «Temps» и в особенности со стороны «Opinion Nationale». Эта последняя газета в примечании к письму Арлес-Дюфура прибавила совет, что рабочие должны сами помочь себе, s'aider soi-même[73].

Эта статья послужила первым поводом для публичного выступления другой группы парижских рабочих, молчавших до сих пор. От ее имени выступил *Анри Толен*, высоко квалифицированный рабочий, по профессии резчик. Убежденный прудонист, Толен относился очень скептически к буржуазной демократии. Он со своими товарищами занимал промежуточное положение и отстоял от немногих рабочих, составлявших, вместе с революционными студентами, немногочисленные кадры вновь организованной амнистированным Огюстом Бланки группы[74], еще дальше, чем от рабочих, симпатизировавших империи. Отъявленный противник коммунизма, он был также противником всякого «прямого действия» против существующего политического строя; хотя он и был республиканцем, он думал, что возможно добиться демократических учреждений мирным путем, систематическим использованием всех легальных возможностей и неутомимой просветительной работой среди рабочих. Необходимым условием для такой политической агитации он считал прежде всего требование свободы союзов и собраний и создание различных образовательных учреждений для рабочих. Эти «ближайшие требования» внешне сближали его и его единомышленников с империалистски настроенными рабочими, искренно думавшими, что империя, которая после Итальянской войны стала благоприятствовать антиклерикальным тенденциям и вступила на путь политики свободной торговли, сделает еще и дальнейшие политические уступки[75].

Толен послал в редакцию «Opinion Nationale» открытое письмо, в котором он излагал точку зрения своей группы[76]. Он также думает, что рабочие должны помогать себе сами. Но почему они этого не делают? Если инициатива какого-нибудь

действия исходит сверху от правительства или от предпринимателей, то она натыкается на недоверие со стороны рабочих, ибо они думают, что над ними устроена опека и что их стесняют в их свободе. А инициативе снизу ставят непреодолимые препятствия. Каждая попытка рабочих организоваться, образовать какую-нибудь комиссию, созвать собрание грозит им опасностями. Остается поэтому одно средство – сказать рабочим: вы свободны, организуйтесь, сами думайте о своих делах, мы вам не будем ставить при этом никаких препятствий. Наша помощь, если она вам нужна, будет совершенно бескорыстна, и, пока вы ограничиваетесь этим, мы не станет вмешиваться.

Письмо Толена обратило на себя всеобщее внимание[77]. Весьма вероятно, что лишь после появления этого письма произошло сближение между Толеном и его группой, с одной стороны, и симпатизировавшими империи рабочими – с другой. Верно лишь одно, что до тех пор Толен не находился ни в каких отношениях к группе Espérance и что к ней принадлежал его позднейший друг *Перрашон*. Посредником между обеими группами был, вероятно, Арман Леви, который в качестве редактора «Opinion Nationale» мог познакомиться с автором письма[78]. Как бы то ни было, лишь после появления письма Толена он был привлечен к подготовительным работам по выбору делегации. Только с этих пор его имя встречается среди подписей на ходатайстве рабочих, обращенном к принцу Наполеону.

Когда просители получили утвердительный ответ с советом направить депутацию к принцу Наполеону, то для этой цели были избраны Шабо, Кутан и Толен[79]. После беседы с ним рабочие предложили план, которым следовало руководиться при составлении делегации. Пришлось сделать уступку Толену и его товарищам и изменить состав комиссии. Главное различие, по сравнению с прежним планом, заключалось в следующем: комиссия из рабочих, которая должна была руководить выборами, составляется из председателей союзов взаимопомощи в различных профессиях, а не из выбираемых по жребию членов суда прюдомов. Несмотря на оппозицию префекта полиции Буателля, который говорил, что он охотнее примирился бы с отменой законов против союзов, чем допустил бы эти выборы[80], рабочие получили в конце января 1862 г. разрешение на это, и уже 2 февраля была организована комиссия из рабочих в составе Шабо – председателя, Ваншоотена – товарища председателя, Кутана – секретаря и Кокара – кассира. 21 февраля комиссия эта обратилась с воззванием ко всем парижским рабочим. В выборах мог принимать участие каждый рабочий, законным образом доказавший, что он действительно рабочий.

В общем было устроено 50 избирательных бюро для 50 профессий с примерно 150 специальными подразделениями. В выборах участвовало около 200 000 рабочих, выбравших 200 делегатов[81]. На покрытие издержек императорский выставочный комитет и город пожертвовали каждый по 20 000 франков. Кроме того, была устроена подписка в мастерских, давшая, по указанию Толена, 13 000 франков[82]. Особенную энергию развили при этом те корпорации, в которых имел большое влияние Толен[83]. В среднем каждый делегат получил 200 франков, включая сюда и маленькую субсидию для семьи.

Еще до конца выборов комиссия выпустила брошюру, в которой она излагала историю возникновения и задачи делегации. В предисловии, подписанном Ж. Вассёром[84], резко подчеркивается исключительно техническо-профессиональная задача делегации.

«Новые торговые договоры налагают большую ответственность и па рабочих, промышленников и государство. Важнейший аргумент, выдвигавшийся против свободы торговли, заключался в следующем: англичане станут искать во Франции рынков, которые они завоевывают с такими усилиями во всех концах мира; чтобы бороться с этой конкуренцией, предприниматели вынуждены будут производить по более низким ценам; вследствие же этого неизбежного прогрессирующего падения заработной платы, английский пролетариат перешагнет канал и таким образом проникнет в нашу страну. Поэтому важно доказать, что все эти опасения совершенно беспочвенны».

Таким образом, на делегацию была возложена также задача рассеять сомнение одной части промышленной буржуазии, которая, будучи весьма недовольна торговым договором с Англией, смотрела очень пессимистически на будущее французской промышленности и на ее способность конкурировать с английской индустрией.

Предисловие кончается пожеланием установления полной гармонии между Англией и Францией.

«Прекрасен будет тот день, когда не будет существовать больше классов в народе, а будет только полная гармония на фабрике; когда, под влиянием развития братских отношений между народами, можно будет сказать, – с большим правом, чем когда-то было сказано, что "нет больше Пиренеев", – "нет больше Ла-Манша"».

Кутан пишет о значении делегаций. Рабочие должны добросовестно исполнить свою задачу, чтобы положительным образом показать прогресс в их образовании и техническом умении. Делегации составляют для него исходный пункт новой линии развития, первый шаг, за которым последуют другие[85].

Шабо изображает выгоды, которые могут дать рабочим международные выставки, и рекомендует им выбирать в делегаты только наиспособнейших[86].

Кокар рассказывает о делегациях в 1851 г. Причину их неудачи он видит в том, что, в отличие от намечаемых теперь, они не имели в своей основе всеобщих выборов[87].

А Толен в заключительной статье рисует промышленное развитие, приводящее неизбежно к свободе торговли. Разделение труда, этот источник прогресса внутри каждого народа, является также источником прогресса внутри союза народов. В этом смысле торговый договор между Францией и Англией – равно как и договор с Бельгией – благословение для всех трех народов. В качестве средств против неблагоприятных следствий прогрессирующего разделения труда он выдвигает профессиональное образование. В этой культурной работе он видит залог мирного решения проблемы пауперизма[88].

Так формулировали вожди крупного большинства парижских рабочих задачи рабочей делегации, так складывалось ее настроение перед отъездом. Первая группа уехала 19 июля, а последняя – 15 октября 1862 г.

Не только в департаменте Сены в Париже, но и в других департаментах были организованы и посланы подобные делегации в Лондон. Крупнейшими из делегаций, после парижской, были амьенская (40 делегатов) и лионская (60 делегатов). Последняя состояла из самых передовых элементов лионского пролетариата: *Эмиля Ришара*, Моне, Мильсана, Доманже, Фора.

Согласно официальной статистике, в 1862 г. Всемирную выставку в Лондоне посетили всего около 750 рабочих, частью выбранных своими товарищами, частью назначенных самими предпринимателями.

IV

Прибытие большой французской рабочей делегации было событием, которое не могло остаться незамеченным ни в английских рабочих кругах, ни во французской эмиграции. Разумеется, официальный характер этой делегации, способ ее образования не внушал особенного доверия французской революционно-республиканской эмиграции. Это обстоятельство, может быть, и объясняет, почему инициатива торжественного приема депутации исходила от редакции одного печатного органа, посвященного вопросам кооперативного движения. Возможно, однако, что в этом деле приняли участие и некоторые представители французской эмиграции. Ведь были французами и член редакции этого журнала (называвшегося «The Working Man, a political and a monthly record of cooperative news»[89]) Жозеф Колле, и усердный сотрудник его Альфред Таландье, который и в своих корреспонденциях во французские газеты вел пропаганду в пользу кооперативного движения.

В июле, по инициативе редакции «Working Man», был образован Комитет, который должен был заняться подготовкой торжественного приема французских рабочих. Митинг был устроен под покровительством ряда известных политиков и промышленников. В августовском номере «Working Man» на оборотной странице мы находим объявление, в котором сообщается, что митинг назначен на 5 августа в Freemason's Hall, Great Queenstreet, Lincoln Inn Field's. Председателем должен был быть член парламента Х.Б. Шеридан. Из участников упоминаются Мортон Пито, У.С. Клэ, Р. Клифтон, Джозеф Пакстон. Участие господина Пито, бывшего одним из главных вождей предпринимателей в борьбе со строительными рабочими[90], достаточным образом объясняет, почему лондонский Trades Council, руководимый представителями строительных рабочих, отказался от участия в этом торжестве.

Об этом собрании, которое часто считают непосредственным исходным пунктом Международного Товарищества Рабочих, у нас имеются два отчета, один английский, очень подробный, другой французский – гораздо более краткий[91].

Собрание имело место, как и намечено было, 5 августа 1862 г. в Freemason's Hall. Но председательствовал на нем не Шеридан, а Д.А. Николэй, «старый друг народа», как его называет английский отчет. В своем вступительном слове он предостерегал всех ораторов, прося их «быть осторожными в своих речах, ибо Комитет заявил, что в этом братском собрании следует избегать всякого политического намека, который мог бы повлечь за собой озлобление у ораторов».

Затем секретарь Э. Харрис прочел несколько писем, в которых различные политические знаменитости выражали свои симпатии к задачам этого собрания. Среди этих посланий было и письмо английского премьера лорда Пальмерстона. «Я шлю свой привет вашему банкету. Я рад, что вы собираетесь чествовать французских рабочих, приехавших на нашу выставку, и я надеюсь, что вы им объясните, что между промышленностями Англии и Франции может царить лишь соревнование, но не ожесточение». Это письмо дало тон всему собранию.

И в адресе английских рабочих, который был прочитан первым, мы не находим и следа того «ожесточения», которое еще незадолго до того царило между английскими предпринимателями вроде Мортона Пито и рабочими. От имени английских рабочих выступают теперь люди, которые твердо убеждены, *что «единственный путь к преодолению всех трудностей, окружающих нас теперь, – это*

доброе согласие между нашими предпринимателями и нами». Они отлично знают, что прогрессирующее применение пара и электричества изменяет с каждым днем общественные отношения, что неизбежно должен уменьшаться спрос на рабочие руки. «Что будет с безработными? Должны ли они оставаться без дела и умереть с голода, как элементы конкуренции? Должны ли их поддерживать те, кто имеет работу?»

«Мы не берем на себя смелости решить этот вопрос, мы говорим только, что он должен быть решен. И для этой работы придется обратиться к помощи всех людей – философов, политиков, историков, предпринимателей и рабочих всех стран».

Адрес заканчивается выражением надежды, что удастся найти «международное средство сообщения для обмена мыслей».

В ответе французских рабочих звучит больше энтузиазма. Он прославляет исчезновение национальной розни между Францией и Англией. «Если язык наш иной, то разве на нем не выражается та же самая мысль? Поэтому долой дурацкую вражду между народами! Трудящиеся классы всех народов должны идти рука об руку и сердце с сердцем, чтобы завоевать свободу единением своих усилий».

Несмотря на все усилия устроителей банкета сохранить за ним строго политический характер, в речах некоторых ораторов слышались и иные ноты. Но в целом, как видно из обоих отчетов, все сошло согласно намеченной программе. Даже в речи старого чартиста Чарлза Меррея нет ни звука о борьбе рабочего класса с предпринимателями. Ни один из ораторов не указывал на необходимость постоянного международного объединения всех рабочих различных стран в их освободительной борьбе. Как подчеркнуто было в английском адресе, на первый план выдвигались интересы промышленности и в качестве *единственного* средства улучшить тяжелое положение рабочих выставлялась необходимость соглашения между ними и хозяевами. И в речи Мельвилля Гловера, служившего переводчиком и выразившего желание, чтобы были основаны рабочие комитеты, дело идет об обмене сведениями и опытом, относящимися к международной *промышленности* (He expressed, a desire that committees of working men should be established for the interchange of communications relative international industry).

С самого начала банкета было подчеркнуто, что прием гостей исходит не только от английских рабочих. Лучшим доказательством этого является письмо Пальмерстона, и ничто не характеризует лучше настроения этого собрания, как английский адрес и речь Мельвилля Гловера, в которой, однако, даже серьезные исследователи желали найти все Международное Товарищество Рабочих in nuce[92].

Мы видели, что действительные вожди английских рабочих не имели никакого касательства к банкету 5 августа. Ни один из них не выступил на нем в качестве оратора, ни одним словом не упоминается и лондонский Trades Council[93].

Мы поэтому не можем смотреть на это собрание как на место рождения МТР и видеть в прочитанном на нем английском адресе его acte de naissance – метрическое свидетельство. Это – легенда, объяснения которой следует искать в особых условиях развития Первого Интернационала во Франции[94].

Верно лишь одно: визит этот имел большое значение своими косвенными последствиями, как очень важный этап на пути установления связи между английскими и французскими рабочими. Мы увидим сейчас, что личный контакт с английскими товарищами, более близкое знакомство с положением вещей в Англии вскоре принесли свои плоды.

Нет никакого сомнения, что некоторые французские делегаты, среди них Толен (вероятно, через посредство неизвестных нам представителей французской эмиграции), вступили в сношение с руководителями английских профессиональных союзов. Это подтверждается и Толеном[95]. Но он сам прибавляет к этому, что эти сношения вначале были очень случайного характера. Впоследствии они наладились, но и тут толчок был дан совершенно новыми обстоятельствами, не стоявшими ни в какой связи с лондонской всемирной выставкой. Посредниками тут могли явиться и те французские рабочие, которые нашли себе во время своего посещения Лондона работу и осели там, как, например, *Э. Дюпон*, будущий секретарь МТР для Франции[96].

Возможно также, что французские рабочие, во время своего пребывания в Лондоне, завязали личные сношения не только с английскими рабочими, но и с рабочими других стран. Так, Гелигон пишет, что делегаты встретились там с бельгийцами, немцами, итальянцами и испанцами и что положение рабочего класса обсуждалось на разных языках[97]. Мы не знаем, однако, завязали ли знакомство французские делегаты и с представителями немецкой эмиграции[98].

Одним из важнейших следствий этой поездки в Лондон был раскол внутри самой рабочей комиссии между теми рабочими, которые все еще были под влиянием идей «цезаре-социализма», и другими, которые под руководством Толена и его друзей хотели освободиться от всякой официальной опеки. Этот разрыв произошел уже очень скоро после возвращения из Лондона. Комиссия, руководившая выборами делегаций, распалась. Вассёр, Кутан и Толен выступили из нее[99]. По одному указанию Толена от 1865 г. – к которому мы вернемся еще ниже – он подал в отставку еще в Лондоне[100]. Подробнее он высказался о причинах этого раскола перед следственной комиссией в 1871 г.[101]

Какое сильное впечатление произвело на делегатов путешествие в Лондон, видно из опубликованных ими по возвращении на родину отчетов.

«Эти отчеты, – пишет в своем резюме проф. Лексис, – представляют, с одной стороны, как бы продолжение красных брошюр, а с другой – начинают, в сравнительно умеренных выражениях, ряд тех выступлений рабочих, которые со времени всемирной выставки приобретают все более и более резкий характер. Лишь немногие из 58 отчетов ограничиваются узко специальными вопросами; большинство из них описывает – иногда очень интересно – положение вещей в их профессии, делает сравнение с английскими порядками, предлагает планы для улучшения жизни рабочих. Главные требования, к которым непрерывно возвращаются авторы их, это свобода союзов, собраний и коалиций. Но особенно настаивают делегаты – указывая на английские профессиональные союзы – на синдикальных палатах рабочих, которые устанавливали бы, совместно с союзами предпринимателей, тарифы, или на смешанных палатах, в которых были бы равномерно представлены оба элемента»[102].

Как ни правильно в общем это резюме проф. Лексиса, не надо забывать, что все эти отчеты были составлены и опубликованы рабочей комиссией после выхода из нее Толена и более радикальных элементов. Правда, авторы большинства отчетов, за немногими исключениями, держат себя очень независимо по отношению к правительству и принцу Наполеону, но, однако, все еще сильно чувствуется влияние «Espérance»[103]. Если отчеты почти единодушны в требовании отмены всех коалиционных запретов, то все же синдикальные палаты, которых они

требуют, более похожи на защищавшиеся Арманом Леви корпорации, чем на английские профессиональные союзы. Это можно сказать и о самых радикальных отчетах[104]. Они, правда, указывают на свободу союзов у английских рабочих, но, по-видимому, наиболее сильное впечатление из всех видов объединений произвели на них общества взаимопомощи и кооперативные товарищества[105]. И, однако, полученный в Англии опыт дал, несомненно, сильный толчок движению в пользу уничтожения законов против коалиций и имел большое влияние на образование союзов, возникших в ближайшие годы после поездки в Лондон. Точно так же этот опыт оказал влияние на движение в пользу сокращения рабочего дня, которое он подготовил (требование десятичасового рабочего дня)[106].

Так или иначе, вся эта затея имела неожиданные политические следствия. И если правительство надеялось, что тысячи рабочих, принявших участие в выборах делегаций, будут во время предстоявших в мае 1863 г. выборов голосовать за правительственных кандидатов, то оно, как мы сейчас увидим, жестоко ошиблось[107].

Оппозиция имела огромный успех на выборах. Она победила во всех крупных городах, в Париже, Лионе, Марселе и т. д. Огромное большинство рабочих голосовало вместе с радикальными элементами.

V

Завязавшиеся во время поездки в Лондон сношения между английскими и французскими рабочими, может быть, скоро оборвались бы, если бы два крупных события – cotton famine (хлопчатобумажный голод) и польское восстание – не вызвали по обеим сторонам Ламанша параллельных движений.

Хлопковый голод – следствие Гражданской войны в Америке – дал себя очень остро чувствовать во второй половине 1862 г. Ввоз хлопка-сырца в Англию упал с 1140,6 млн фунтов в 1860 г. до 309,3 млн фунтов в 1862 г. С тем же явлением мы встречаемся во Франции. Благодаря этому среди рабочих царила сильная нужда. По точным оценкам, в октябре 1862 г. не работали 60,3% веретен и 58% ткацких станков. Положение рабочих в Ланкашире было отчаянным[108]. Не лучше были дела и у французских рабочих[109].

В ноябре 1862 г. в Лондоне основывается (с *Оджером* и *Кримером* во главе) Working Men's Central Committee for the relief of the distress in Lancashire[110]. А 20 января 1863 г. в «Opinion Nationale» появляется воззвание за подписями *Толена*, Кутана, *Перрашона*, Блана, Кина и др., призывающее парижских рабочих к сборам в пользу французских текстильщиков. За ним последовало 26 января воззвание, подписанное Шабо, Ваншоотеном и другими членами рабочей комиссии, которые послушно следовали указаниям из Пале-Рояля[111]. Это только лишний раз доказывает, что раскол, о котором мы говорили выше, произошел тотчас после возвращения делегации из Лондона.

Несмотря на страдания, причиняемые английским рабочим американской Гражданской войной, они вели энергичную кампанию против правительства, которое, как известно, вместе с большей частью буржуазии и аристократией склонялось в пользу рабовладельческих штатов[112]. В Лондоне и Манчестере уже в конце 1862 г. были созваны большие митинги, отправившие Линкольну адреса с выражением симпатии[113]. Если в северной Англии этой агитацией руководил старый

вождь чартистов, Эрнест Джонс, то в Лондоне занимались этим те самые рабочие, которых мы уже раньше встретили во время агитации в пользу девятичасового рабочего дня. Когда Линкольн 1 января 1863 г. возвестил освобождение всех рабов конфедерации – поступок, который английское правительство назвало незаконным актом, – то лондонские рабочие снова организовали кампанию митингов. Так, были устроены митинги 4 февраля в Exeter Hall и 26 марта в St. James Hall. На последнем митинге, согласно отчету в «Bee-Hive», среди прочих ораторов выступали *Хауэлл*, *Кример*, *Конноли*. В Комитете заседали *Оджер*, *Чарлз Меррей*, *Роберт Шо*, *Аплгарт*[114]. Но, несмотря на всю мощь этого движения английских рабочих в пользу Северных штатов, не следует забывать, что было и меньшинство среди английских рабочих (особенно лондонских), которое, хотя и не стояло за рабовладельчество, но думало, однако, с частью буржуазии, что Южные штаты имеют право объявить себя независимым государством. Не случайно, что эти симпатии к конфедератам, бывшие только другим выражением для антипатии к нейтралистским тенденциям, резче всего проявились среди тех лондонских рабочих, которые группировались около Поттера и его друзей и были против движения амальгамирования среди профессиональных союзов.

Не менее энергично, но более объединенно выступили английские рабочие в защиту восставшей в начале 1863 г. Польши[115]. Они прилагали все усилия, чтобы оказать на правительство давление в благоприятном для поляков смысле. Первый митинг происходил 28 апреля 1863 г. в St. James Hall под председательством проф. Бизли. Последний, уже на столбцах «Bee-Hive» выступивший решительно в пользу поляков, очень резко критиковал позицию английского правительства. На митинге была выбрана делегация к Пальмерстону, которая, однако, получила от министра уклончивый ответ. Вооруженное вмешательство невозможно-де без Франции. Чтобы усилить давление на правительство, решено было устроить новый митинг, при участии на этот раз представителей французских рабочих.

В Париже польское восстание было встречено с неменьшим энтузиазмом. В парижских мастерских очень живо интересовались судьбой Польши. Рабочие организовывали собрания. Толен и его друзья вели агитацию. Была составлена петиция, но император отказался принять ее[116].

Тем охотнее Толен и его друзья приняли предложение английских рабочих. В Париже тоже рассчитывали, что такая совместная манифестация в пользу Польши произведет больше впечатления на оба правительства.

Митинг был устроен 22 июля 1863 г. в St. James Hall. Председательствовал на нем Джон Вилльерс Шелли, член парламента. Среди выступавших рабочих упоминаются имена *Стейнсби*, *Делла*, *Фейси*, *Оджера* и *Кримера*. Последний подверг резкой критике всю иностранную политику Пальмерстона. Он напомнил о поведении Пальмерстона по отношению к Венгрии и выразил уверенность, что Пальмерстон пожертвует и Польшей, если ему это только позволит английский народ[117]. Оджер говорил столь же резко и требовал объявления войны России[118].

От имени французской делегации, которую представил граф Замойский, говорил Толен. Согласно английскому отчету, он сказал следующее: «Он и товарищи его делегированы парижскими рабочими, чтобы передать своим английским братьям чувства глубокого уважения и любви и чтобы побудить их к единому выступлению в пользу несчастной Польши. После этого он изобразил в ярких красках все ужасы той борьбы, которую ведет теперь Польша – всегда борющаяся, израненная, истекающая кровью, но тем не менее все еще не укрощенная. В интересах цивилизации необходимо противопоставить плотину дальнейшим зако-

евательным стремлениям России. Вся Европа должна здесь единодушно прийти на помощь и во имя человечества заявить свой протест с восклицанием: «Vive la Pologne!» В заключение он напомнил о том добросердечии и гостеприимстве, с каким была встречена во время последней выставки в Лондоне французская рабочая делегация, членом которой он имел честь быть[119].

После Толена говорили еще Михаэль Барри, Стейнсби и Коннолли.

Мы не станем объяснять здесь, почему не была достигнута непосредственная цель этого собрания. Конечно, эта агитация заставила английское и французское правительства несколько оживить свою интервенцию в пользу Польши, а так как она была чисто платонической, то эта колеблющаяся политика послужила для России только поводом приняться за более энергичное подавление восстания. Но собрание 22 июля 1863 г. имело другие следствия, о которых вовсе не думали при устройстве его. За истекший год французские и английские рабочие встречались уже второй раз, и естественно возникала мысль о том, чтобы закрепить эти вновь завязавшиеся сношения. Но как это произошло?

Мы имеем перед собой свидетельства разных лиц, бывших близкими к этому делу; но, к сожалению, их утверждения все противоречат друг другу.

Так, Фрибур сообщает, что именно после этого митинга Толен и его товарищи в своих беседах с англичанами подняли вопрос о том, не было ли бы желательно установить постоянную связь между английскими и французскими рабочими. Согласно Фрибуру, в этих переговорах принимали участие Поттер, Колле, Оджер, Дюпон и другие. Но он не приводит никаких определенных указаний[120].

Анонимный автор статьи в «Таймсе» (27 октября 1871 г.), дающий очерк истории МТР, изображает последовавшие за митингом события следующим образом[121].

«После митинга французов пригласили в соседний трактир, где стали обсуждать этот вопрос и пришли к решению устроить на следующий день вечером митинг в Bell Inn, Old Bailey, чтобы выяснить вопрос об осуществимости международного рабочего союза. Дж. Оджеру было поручено обдумать все это дело и представить проект основ для создания подобного союза. Но все это было так неожиданно, времени было так мало, а задача так важна, что ничего другого не оставалось, как удовольствоваться соглашением о необходимости создания международного союза. Оджер доказывал необходимость покончить с дипломатическими интригами, установить всеобщий мир и защищать труд от нападений капитала. Французы не имели ничего против этого, но они предпочитали временно сосредоточить все усилия на освобождении Польши. Был избран комитет, состоявший из следующих членов: *У. Кримера*, столяра; *Т. Гранта Фейси*, маляра; *Ч. Годдарда*, переплетчика и *Дж. Оджера*, сапожника. Было предложено обдумать вопрос и представить доклад о нем новому митингу. Комитет поручил Оджеру составить адрес к французским рабочим»[122].

Хауэлл, показания которого не всегда отличаются точностью, тоже считает началом МТР митинг 22 июля и переговоры, завязавшиеся после него между английскими и французскими рабочими. «Непосредственным событием, повлекшим за собой основание МТР, был митинг в пользу независимости Польши, который происходил в Лондоне в 1863 г. в St. Martins Hall (?) и на котором присутствовала депутация из Парижа. После этого митинга несколько руководителей встретились в одном трактире, где завязались переговоры о создании "великого братства народов". Был послан в Париж адрес, подписанный пятью рабочими. Так возникло МТР».

И проф. Бизли считает исходным пунктом МТР митинг в St. James Hall, но он при этом смешивает первый митинг, на котором он председательствовал, с митингом от 22 июля и к тому же среди участников французской делегации называет Фрибура, не имевшего в то время никакого отношения к Толену и его группе. Он сообщает лишь, что «перед возвращением французские делегаты имели конференцию с некоторыми из английских рабочих вождей, на которой было принято решение организовать международное товарищество. Оджер составил адрес к французским рабочим. Его перевели и отослали в Париж»[123].

Факт этот был ему очень хорошо известен, так как он-то именно и перевел этот адрес на французский язык.

Фр. Лесснер, писавший свои воспоминания больше чем тридцать лет спустя после этого события, тоже упоминает о собрании в пользу Польши, но относит его к *апрелю 1864 г.*

«Поражение Польши было встречено повсюду с горячей симпатией*. В апреле 1864 г. произошло в St. James Hall в Лондоне собрание английских рабочих с целью склонить общественное мнение в пользу поляков и оказать соответственное давление на лорда Пальмерстона, главу тогдашнего английского правительства. На это собрание послали депутацию и французские рабочие. После собрания образовался комитет из английских рабочих, пославших своим французским товарищам "братский адрес" (an address of fraternity)»[124].

Из всех этих рассказов можно вывести только одно заключение: после митинга 22 июля 1863 г. между английскими и французскими рабочими происходили переговоры; при этом было указано на необходимость более тесной и постоянной связи между рабочими обеих стран. Но остается неясным, что это была за конференция и в каких она находилась отношениях к официальному представительству лондонских профессиональных союзов. Мы сейчас увидим, что даже главные участники этих событий забыли очень важные факты.

Действительно, после митинга 22 июля тотчас происходило еще другое собрание. Но это была не частная беседа, а (как видно из помещенного в «Bee-Hive» отчета) официальный торжественный прием, устроенный на этот раз лондонским Trades Council как полномочным представителем лондонских рабочих. Это собрание, назначенное на четверг 23 июля, происходило действительно, как рассказывает Эккариус в своей статье в «Таймсе», в Bell Inn, Old Bailey[125].

Согласно отчету в «Bee-Hive» (25 июля 1863 г.) было только *пять* парижских делегатов: Перрашон (бронзовщик), Обер (механик), Бибаль (ткач), Коадон (каменщик) и Толен, фигурирующий в качестве шелкоткача.

Председательствовал на этом митинге *Фейси*. Переводчиком был *Журден*, подчеркнувший в своем вступительном слове, что освобождение рабочих является общим желанием английских и французских рабочих.

Ему отвечал Оджер. По его словам, английские рабочие видят в польском вопросе свое собственное дело и они не допустят, чтобы лорд Пальмерстон и на этот раз принес в жертву Польшу, как он уже сделал это раньше. В качестве секретаря Trades Council он совместно с Годдардом, Коулсоном, Аплгартом, Бетлером, Поттером и другими членами Совета сердечно приветствует французскую депутацию от имени всего Совета союза. Он выразил надежду, что вскоре настанет день, ког-

* Более точный перевод: с горячим сочувствием. – *Ред.*

да рабочие всех стран узнают друг друга и вместо войн и рабства будут царить свобода и счастье[126].

Кроме Оджера, с приветственными речами выступили еще *Поттер, Кример, Годдард и Уоллэрдж*, вероятно, тот самый, который и в прошлом году выступил с речью на собрании 5 августа 1862 г.

Присутствовала также польская делегация, а один немецкий рабочий, Вебер, доказывал в своей речи благие результаты сотрудничества рабочих различных стран.

Под конец была единодушно принята резолюция об избрании комитета, который должен составить адрес и переслать его, через посредство «Bee-Hive» французским рабочим.

Комитет был составлен из пяти членов. Но прошло больше трех месяцев, прежде чем комитет справился со своей задачей и предложил проект адреса новому собранию. В качестве локала упоминают опять Bell Inn, Old Bailey, а датой называют 10 ноября 1863 г. В качестве ораторов здесь выступали: *Оджер, Кример*, Эглинтон, *Найасс*, Грехем, Эккрилл, Аплгарт. Проект адреса был принят единогласно[127].

Согласно некоторым указаниям, адрес этот был составлен Оджером[128]. Впервые он был опубликован в «Bee-Hive» (5 декабря 1863 г.), как «Address of english to french workmen». Мы приводим его далее в том виде, в каком он помещен в «Bee-Hive».

«К рабочим Франции от рабочих Англии.
Братья из Франции!

Когда мы устроили свое большое собрание, чтобы выразить свое негодование по поводу преступников, причиняющих уже многие годы благородному, несчастному польскому народу страдания и наносящих ему самые тяжкие обиды, то вы порадовали нас своим посещением. Это внушает нам надежду, что мы увидим зарю более светлого и счастливого будущего для униженных и презираемых народов Европы.

Это посещение не могло иметь лучшего повода и высшей цели, чем дело Польши, которое освящено самопожертвованием, верностью и жертвенным героизмом народа, снискавшего себе в своей справедливой борьбе за свободу симпатии и удивление всех мудрых и добрых людей христианского мира, какого бы сословия – высокого или низкого – они ни были.

Мы гордились тем, что могли принять представителей свободы, мы любили, французы, вас, прибывших для того, чтобы начать – так долго откладывавшееся – дело прочного содружества народов. Никто не мог бы начать этого дела с бо́льшими надеждами на успех его, чем великодушные, полные энтузиазма французы. Ваши способности в промышленности, ваше мастерство в искусстве, науке и литературе, ваша любовь ко всему, что прекрасно в искусстве и природе, обеспечили вам во мнении мира высокое место. И вы не могли утвердить его лучше, чем сделав шаги для объединения тех, на труде коих покоится вся жизнь, дабы их объединенные усилия в пользу свободы противостали влиянию тех, кто принес растление народам, – ибо они дают обещания, исполнить которые они никогда и не думают, ибо они одобряют договоры, которые держат в оковах слабые страны и которые разрываются по желанию сильных.

Цари и властители имеют свои конгрессы и торжества; пышность и великолепие их воспеваются всем миром. Они нравятся легкомысленным и веселят богачей; в то же время они увеличивают бремя, под тяжестью которого задыхаются честные, трудолюбивые массы бедняков. На этих конгрессах санкционируются удачные преступления, а бессовестные министры легализируют их и прославляют злодеяния. Но мужи высочайших талантов и чистейших помыслов, дух которых не отступает перед притязаниями богачей и не потворствует порокам сладострастных дворов, мужи, которые вступают за свободу народов и права массы, ввергаются – если они спасаются от смерти – в темницы или, безжалостно изгнанные со своими семьями, должны искать на чужбине защиты и покоя, в которых им отказывает родина. Такое положение недостойно деяний наших отцов и постыдно для нашего времени. Поэтому мы предостерегаем всех тех, кто зрит эти злодейства и не принимает подходящих мер, какие им доступны, дабы они стали невозможными; мы заявляем, что, пренебрегая этой задачей, они несут солидарную ответственность за зло и рано или поздно поплатятся за свое унизительное равнодушие.

В качестве средства положить конец теперешнему злоупотреблению силой мы призываем вас к созданию братства народов. Созовем собрание из представителей Англии, Франции, Германии, Италии, Польши и всех тех стран, в которых имеется воля к общей работе на пользу человечества. Созовем свои конгрессы для обсуждения великих вопросов, от которых зависит мир народов. Противопоставим наш разум и наше моральное право льстивости и грубости наших так называемых господ, и мы убеждены, что могущество деспотов будет ослаблено и что негодяи, позорящие высочайшие задачи человечества, злоупотребляя дарованным им доверием и сводя на нет благороднейшие усилия человеческого гения, закончат свои дни в неизвестности. Это уравняет дорогу разумным, честным людям и даст им возможность двигаться вперед и работать не для привилегий немногих, а для прав масс.

Для дела рабочих крайне необходимо братство народов, ибо всегда, когда мы пытаемся улучшить свое социальное положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, наши хозяева грозят нам, что они выпишут французов, немцев, бельгийцев, которым дадут нашу работу за меньшую плату; и мы, к прискорбию, должны сказать, что это действительно имело место, не по злой воле наших братьев на материке, но из-за отсутствия правильной, систематической связи между трудящимися классами всех стран, которая, надо надеяться, будет осуществлена, ибо наш принцип – уравнивать по возможности заработок хуже оплачиваемых с заработком лучше оплачиваемых рабочих – не позволит хозяевам использовать одних из нас против других, чтобы таким образом, в соответствии с их торгашеским скряжничеством, по возможности более понизить наш жизненный уровень.

Сделать это – задача народов. Немногие свободы наших предков были добыты ими в борьбе, и опыт снова и снова учит, что, чем более мы доверяем князьям и государям, тем скорее они предают и презирают нас. В доказательство этого пусть сравнят геройские дела итальянских борцов за свободу, имевших во главе одного из своих, с поведением тех, которые предали и ранили величайшего современного вождя, Гарибальди, после того, как они получили из его руки плоды его опасного предприятия, и которые таким образом дали ему кровавое доказательство неблагодарности правительств. Подумайте далее об уничтожении чужеземным

деспотом римской республики, этого свободнейшего, честнейшего правительства, какое видела когда-либо Европа; вспомните неблагородное нападение на свободное правительство Швейцарии и пагубное вмешательство в Мексике, только чтобы установить на место республики империю – форму правления, ненавистную подлинному духу мексиканцев и совершенно противоположную традициям и симпатиям всего народа той части света. Присоедините к этим преступлениям еще позорную и жестокую войну, которую наши правители вели в Китае сперва с войсками богдыхана, затем с мятежниками, – и наша позиция станет ясной, ибо, бесспорно, злодеяния эти и в будущем будут источником борьбы, если объединенные народы не воспротивятся этому.

Поэтому наш лозунг – "братство". Заключимте тесную связь со всеми людьми, которые нуждаются в мире и свободе, в промышленном развитии и в человеческом счастье на всей земле. Пусть отныне сильные и мужественные люди, вооруженные огнем и мечом, не дают себя вести для убийств и разорения, чтобы удовлетворить жадность торговцев к золоту, министров – к постам и тиранов – к завоеваниям; пусть отныне они живут, чтоб видеть счастье в своей отчизне и чтобы помогать слабым, старым, покинутым.

Мы говорим с вами: наше первое общее усилие пусть будет направлено для свободы Польши. Справедливость ее дела вопит о том, договорные обязательства требуют этого, и долг указывает путь. Народы обеих стран должны сейчас же приготовить петиции и одновременно направить их своим правительствам, изложив в них бесспорность притязаний поляков на права воюющей стороны; петиции эти должны опираться на серьезное решение и впредь выступать на защиту этого народа, как он того заслуживает. *Мы должны сделать это, чтобы преодолеть козни тайной дипломатии (этого бича народов), – иначе она снова начнет свою адскую игру, поведет на смерть благороднейших сынов Польши, отдаст дочерей ее в добычу грубой солдатчине, а страну эту превратит – к вечному стыду и позору цивилизованного мира – еще раз в чудовищную бойню.*

За рабочий класс Англии: *Том. Грант Фейси* (маляр), председатель. Бюро: *Уильям Кример* (столяр), *Ч. Годдард* (переплетчик), *Джон Эглинтон* (печатник), *Джордж Оджер* (сапожник)».

Достаточно указать на подчеркнутые нами отрывки этого адреса, чтоб стало понятным значение собрания 23 июля 1863 г. как действительно исходного пункта событий и мотивов, повлекших за собой основание МТР. Мы видим, что если в Лондонской всемирной выставке и в митинге 5 августа 1862 г. вряд ли можно видеть даже случайные поводы к основанию МТР, то, наоборот, совещания 1863 г. играют совершенно иную роль. Мы видим, что старая легенда, связывающая основание МТР с польским восстанием, подтверждается фактами. Но если это обстоятельство подало повод английским и французским рабочим объявить основным принципом своей политики братство различных народов, то адрес дает указание на другой факт, еще повелительнее диктовавший рабочим это содружество народов. Дело идет о необходимости для них *улучшить свое социальное положение путем сокращения рабочего времени или повышения заработной платы, что невозможно без международного объединения рабочих.* В глаза сейчас же бросается принципиальное различие между адресом английских тред-юнионистов и адресом английских рабочих на митинге 5 августа. Столь же коренным образом отличаются их политические тенденции. И в этом отношении – как мы увидим

позже – вступительный адрес МТР прямо примыкает к адресу английских рабочих, настаивающему на необходимости борьбы с «кознями тайной дипломатии».

Если на составление адреса у английских рабочих ушло не менее трех с половиною месяцев, то потребовалось более восьми месяцев для прибытия в Лондон ответного адреса французских рабочих. Мы поймем, почему так затянулось дело с ответом, если бросим взгляд на события, разыгравшиеся во Франции в июле 1863 до августа 1864 г. Но прежде чем мы проследим за судьбой английского адреса во Франции, мы считаем необходимым рассказать о главнейших фактах в английском рабочем движении после составления адреса: события эти мало известны, между тем они дают нам представление о среде, в которой протекала доистория МТР на английской почве, и облегчают понимание раздиравших его впоследствии междоусобиц.

Мы начнем с эпизода, показывающего, что в профессиональных кругах в адресе видели декларацию лондонского Совета профсоюзов. Дело идет об оппозиции, оказанной адресу в профессиональном союзе переплетчиков.

Тотчас же после опубликования адреса к французским рабочим начался поход против Совета профсоюзов. В заседании его, происходившем 19 января 1864 г., Поттер резко выступил против Оджера. Он доказывал, что постоянная привычка Оджера давать свою подпись как секретаря Совета профсоюзов под различные документы повлечет за собой выход некоторых профессиональных союзов.

Вскоре после этого, 1 февраля 1864 г., на собрании переплетчиков, член союза Джеймс Камерон внес предложение об отозвании из Совета профсоюзов представителя переплетчиков – того самого *Чарлза Годдарда*, который вместе с Оджером подписал адрес, – потому, что этот адрес представляет собой политический акт. Предложение это встретило сочувствие большинства. В органе союза переплетчиков, в котором помещен отчет об этом собрании, перепечатан и адрес с критическими примечаниями редактора, т. е. Т. Даннинга.

«Особенно забавной кажется претензия – не имеющая под собой никакой почвы, ни тени авторитета, – будто этот адрес представляет мнение рабочих Англии». А о самом адресе Даннинг выражается следующим образом: «В своей напыщенности и в резкости своих обвинений он является недурным образцом красной республиканской литературы. Но как адрес, имеющий целью объединение для реальных задач рабочих Франции и Англии, он представляет собою глупейшую болтовню». Характерны заключительные строки, в которых Даннинг берет Наполеона под свою защиту от различных нападок. «Если верно, что – как нам сообщили – французский император относится гораздо более сочувственно к коалициям рабочим, чем французское законодательство, то, безусловно, очень рискованно с политической точки зрения осыпать его ругательствами. Кто бы ни был автор этого адреса, непозволительно отводить свою душу и ухудшать республиканскими заявлениями положение французских рабочих, восстанавливая против них благожелательно настроенного к ним императора. Можно, конечно, думать, что адрес этот слишком незначителен, чтобы оказать какое-нибудь действие, но все же бессилие попытки не уменьшает ее безрассудности»[129].

Но дело еще не дошло до открытого разрыва обеих, руководимых Поттером и Оджером, фракций. Пока только продолжали учащаться столкновения, и при каждом подходящем случае продолжали вспыхивать противоречия, нередко принимавшие чисто личный характер.

Так это было по поводу агитации против гладстоновского Government Annuities Bill (февраль 1864 г.), уполномочившего почтовое ведомство продавать в рассрочку государственные аннуитеты. В этом случае оппозиция (вопреки утверждению Веббов) исходила не только со стороны «старых юнионистов», которые будто бы были против всякой связи между государственными учреждениями и делами рабочих, но и со стороны лондонского Совета профсоюзов и многочисленных Friendly Societies, которые видели в некоторых пунктах закона опасность для развития профессиональных союзов и добровольных обществ взаимопомощи. Против законопроекта высказались очень энергично не только Поттер, но также Кример[130] и Оджер. А когда Гладстон после большого митинга, где председательствовал Поттер, защищая идею своего законопроекта, сделал некоторые выпады против профессиональных союзов, которые, по его мнению, построены на принципе насильственного подавления меньшинства, то лондонский Совет профсоюзов постановил в своем заседании от 15 марта 1864 г. послать к Гладстону депутацию (Оджера, Апплгарта, Коулсона) не для того, чтобы (как уверяют Веббы) «дезавуировать публично поведение Поттера и приветствовать план правительства использовать аппарат управления в интересах рабочего класса»[131], а для того, чтобы изложить ему возражения и опасения рабочих. И Оджер, и Апплгарт протестовали против утверждения, будто профессиональные союзы представляют собою институты принуждения; они прибавили к этому, что недоверие рабочих объясняется тем, что правительство не сдержало своего неоднократного обещания расширить избирательное право. На делегацию произвел большое впечатление и рассеял ее опасения ответ Гладстона, откровенно признавшего, что либеральная партия действительно не исполнила своего долга, и столь же откровенно заявившего, что он ошибался в своем отношении к профессиональным союзам. Несмотря на это, когда Оджер, после этой беседы с Гладстоном, изменил радикально свою точку зрения, это дало повод к сильному недовольству им в рабочей среде. Весьма вероятно, что именно в связи с этим конфликтом началась его личная вражда с Поттером, тянувшаяся еще несколько лет.

До открытого разрыва между ними дошло уже во время посещения Англии Гарибальди (апрель 1864 г.). Оджеру и его друзьям удалось вытеснить Поттера из Working Men's Committee, подготовлявшего и руководившего всеми демонстрациями. В председатели Комитета был избран Оджер, а в кассиры – *У. Делл*, будущий кассир МТР. Когда Гарибальди, вскоре после оказанной ему грандиозной встречи в Лондоне, был вынужден, по настоянию правительства, покинуть Англию, то опять-таки Оджер, Апплгарт, Кример и Найасс были выбраны в рабочую депутацию, имевшую целью уговорить Гарибальди не уступать давлению правительства; они же после отъезда Гарибальди организовали демонстрацию протеста, рассеянную полицией[132].

Деятельные вожди лондонских рабочих пользовались всяким случаем, чтобы поддерживать интерес рабочих масс к общественным вопросам. Так, по поводу трехсотлетия рождения Шекспира они устроили массовую демонстрацию на Primrose Hill, после того как правительство запретило эту демонстрацию в Гайд-парке. Известный «Annual Register» замечает, что это было тогда единственное публичное выступление в Лондоне в честь Шекспира.

В начале июня эта группа делает новую попытку оживить интерес к движению в пользу расширения избирательного права. Толчок к этому подало заявление Пальмерстона в парламенте по поводу County Franchise Bill, предложенного

Локом Кингом. Пальмерстон сказал, что в стране не замечается настоятельной потребности в реформе избирательного права. Поэтому Оджер и его друзья решили доказать, что это вовсе не так. Они опубликовали воззвание, в котором требовали избирательного права для всех лиц, неопороченных ни в моральном, ни в интеллектуальном отношении, – воззвание, подписанное *Оджером, Д. Уэстоном, У. Кримером, Т. Г. Фейси*. И уже 22 июня 1863 г. было устроено большое собрание в Freemason's Hall под председательством Эдмонда Билса, на котором главными ораторами были опять-таки Оджер, Хауэлл, Дэвис, Уорли, Дж. У. Уилер, Дж. Б. Лено. В результате этой агитации была основана новая организация, конституировавшаяся под названием «Trades Unionist Manhood Suffrage Association» с Оджером в качестве председателя, в сентябре 1864 г., т. е. как раз незадолго до митинга, на *котором было основано* МТР.

Но вернемся теперь опять во Францию. Адрес английских рабочих, как мы уже видели, был переведен на французский язык профессором Бизли и переслан парижским рабочим через Журдена. Это могло произойти не раньше конца ноября или начала декабря, может быть, еще позже. Во всяком случае, он прибыл в Париж в то время, как Толен и его друзья занимались подготовительными работами по выставлению рабочей кандидатуры. Дело в том, что в марте 1864 г. должны были происходить дополнительные выборы в первом и пятом парижских избирательных округах.

Задача с мая 1863 г. не стала легче. Подъем либеральной оппозиции еще более затруднял выставление рабочей кандидатуры. Не только Толен, выставленный кандидатом, но и все демократы, поддерживавшие на этот раз его кандидатуру, вроде *Анри Лефора*, служившего посредником между рабочими и республиканцами, были заподозрены в политическом отношении[133]. За рабочей кандидатурой чуяли, казалось, новую попытку выдвинуть опять «красный призрак», чтобы скомпрометировать крепнущую оппозицию в рядах буржуазии; думали, что и здесь кроются какие-то связи с Пале-Роялем.

Чтобы побороть это недоверие и оправдать необходимость рабочей кандидатуры, решено было выпустить манифест. Манифест этот был выработан на нескольких собраниях, происходивших по большей части у Анри Лефора. Текст манифеста в существенных своих чертах принадлежал перу Толена[134]. Получив известность под именем «Manifeste des Soixante» – по числу подписавшихся лиц, – он впервые появился в «Opinion Nationale» от 17 февраля 1864 г., а вскоре затем был перепечатан во многих парижских и провинциальных газетах; ввиду огромной важности этого документа, вводящего нас лучше всего в мировоззрение французских рабочих, которые были основоположниками МТР во Франции и играли здесь долго главную роль, мы считаем необходимым изложить подробно ход мыслей его.

Манифест устанавливает вначале, что 31 мая парижские рабочие голосовали за список оппозиции и этим определенно доказали свою любовь к свободе. Правда, тогда была выставлена одна рабочая кандидатура, но в ее пользу приводили лишь соображения второстепенного характера, не развертывая в связи с ней великой идеи пауперизма. Это делалось ввиду исключительного характера и особенного положения выборов 31 мая 1863 г.

Но при предстоящих дополнительных выборах обстановка будет совершенно иной. Оппозиция одержала в Париже большую победу, и вновь выбранные депутаты ни в коем случае не увеличат ее силу. В вопросах политики мы также солидарны с оппозицией.

«Но из того, что мы солидарны в политике, следует ли, что мы солидарны и в вопросах социальной экономии? Принимаются ли реформы, к которым мы стремимся, учреждения, свободы, основания которых мы требуем, всеми теми, кто образует в Законодательном корпусе либеральную партию? Вот в чем вопрос, вот где гордиев узел ситуации».

Уже тот факт, что рабочие вынуждены защищать свое право на кандидатуру, доказывает, что их положение ненормально. Всеобщее избирательное право сделало их политически совершеннолетними, но им остается еще эмансипироваться в социальном отношении.

«Без конца, до отвращения повторяли, что больше нет классов: с 1789 г. все французы равны перед законом. Но мы, не имеющие иной собственности, кроме своих рук, мы, обязанные ежедневно подчиняться правомерным или произвольным требованиям капитала, мы, живущие под гнетом исключительных законов, вроде закона о коалициях и параграфа 1781, посягающих и на наши интересы, и на наше достоинство, – мы с трудом можем поверить этому утверждению. Мы, которые в стране, где мы имеем право выбирать депутатов, не всегда имеем средства научиться читать; которые, вследствие запрета собираться и устраивать союзы, не в состоянии организовать профессиональное образование и должны видеть, как это драгоценное орудие промышленного прогресса превращается в монополию капитала, – мы не можем питать эти иллюзии. Мы, дети которых часто в самом нежном возрасте проводят все свои годы в деморализующей и нездоровой обстановке фабрик или ученичества, представляющего теперь собственно особый вид домашнего рабства; мы, жены которых вынуждены покинуть свой дом, чтобы браться за противоречащую их природе чрезмерную работу и разрушать таким образом семью; мы, которые не имеем права сговориться между собой, чтоб мирно защищать свой заработок, чтобы обеспечить себя от безработицы, – мы утверждаем, что возвещенное законом равенство не существует еще в нравах и только должно быть осуществлено на деле. Кто не обладает капиталом и образованием и не может с помощью свободы и солидарности сопротивляться эгоистическим и угнетающим притязаниям, – тот должен, вопреки своей воле, подчиниться господству капитала и покориться чужим интересам».

Манифест подчеркивает дальше, что рабочие будут защищать свои интересы строго легальным путем. Они отнюдь не намерены использовать свободу, чтобы тотчас же организовать стачки. Они преследуют высшие цели и не желают растратить свои силы в повседневной борьбе. Они стремятся не к ниспровержению буржуазии, а к завоеванию для себя тех же свобод, какими пользуются средние классы. Пусть не обвиняют их, будто они мечтают о какой-то loi agraire, о каком-то химерическом равенстве, о дележе, о максимуме и принудительных налогах. Это – клевета. «Наш идеал – свобода труда, кредит, солидарность. В тот день, когда они, к славе и благосостоянию нашей дорогой страны, будут осуществлены, не будет более буржуа и пролетариев, хозяев и рабочих. Все граждане будут иметь равные права».

Далее идет опровержение аргументов против рабочих кандидатур. В Законодательном корпусе принципы рабочих не представлены так, как бы они того хотели. Правда, там раздаются голоса в пользу рабочих, но никто не формулировал там ясно их требований. Рабочие не хотят, чтобы с ними обращались как с гражданами второго сорта. «Мы не хотим быть клиентами; мы не хотим помощи; мы хотим, чтоб на нас смотрели как на равных; мы отказываемся от какой бы то ни было милостыни; мы требуем справедливости».

Никто не утверждал, что будто могут исчезнуть незаслуженные бедствия, болезни, безработица. Никто не сказал, что закон о коалициях стал ненужным пугалом, что он только увековечивает то зло, против которого он якобы направлен. Что касается синдикальных палат, то в головах тех, кто их рекомендовал, образовалась странная путаница. Они думают, что эти палаты должны состоять из работодателей и рабочих, быть своего рода «prud'hommes professionnels», которые должны решать повседневные конфликты. Рабочие, наоборот, хотят в действительности иметь палату, состоящую только из рабочих, выбранных всеобщим голосованием, они хотят рабочую палату, une Chambre du Travail.

Никто не рассказал, какое существует огромное движение среди рабочих в пользу организации кредита, движение, требующее опять-таки свободы.

Все те качества, которые отрицают у рабочих, – ораторский талант, образование, известное имя – не составляют вовсе такой необходимости. Уже то обстоятельство, что они представляют интересы масс, придает им необходимый авторитет.

Всеобщее избирательное право, свобода печати, свобода союзов и собраний, отделение церкви от государства, установление бюджетного равновесия, муниципальные свободы – всего этого рабочие желают так же страстно, как и либеральная буржуазия.

Но есть вещи, которые еще более дороги рабочим. Это – свободное и обязательное обучение и свобода труда. «Без нас буржуазия никогда не добьется этого».

И манифест резюмирует в следующих выражениях специфически политическое значение рабочих кандидатур:

«Усилить, дополняя его, – дело либеральной оппозиции. Она потребовала, в очень скромных формах, минимума политических реформ. Депутаты-рабочие потребуют минимума экономических реформ».

Как мы видим, в этом манифесте вряд ли можно видеть одно только сжатое повторение основных идей Прудона. И если это часто утверждали, то факт этот объясняется тем, что среди «шестидесяти» мы встречаем тех самых людей, которые впоследствии стали известны в МТР как решительные защитники прудонизма. Наоборот, именно этот манифест заставил Прудона повторить еще раз свои основные идеи применительно к выставленной рабочими программе и придать им новую форму, доставившую им огромный успех среди большинства французских рабочих. Таким образом, его последний труд – навеянная ему «манифестом шестидесяти» книга «De la capacité politique des classes ouvrières», появившаяся вскоре после его смерти и после основания МТР, – стал главным источником, откуда французские члены МТР черпали все свои аргументы[135].

Уже факт участия в выборах не имел в себе ничего прудонистского. Ведь оно означало политическую акцию на основе всеобщего избирательного права, а Прудон еще в 1863 г. выступил решительно против всякого участия в выборах.

Манифест характеризуется вовсе не своей «теорией», которая представляет, собственно, попытку, исходя из общепризнанных формул, принимаемых и буржуазной демократией, вскрыть противоречие между этими формулами и действительностью. Авторы манифеста защищают не рабочую партию *в противоположность* всей буржуазной оппозиции, а рабочую партию, которая только лучше представляет настоятельные злободневные требования рабочих, чем оппозиция. Манифест подчеркивает, правда, принцип, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Не в том смысле, что это освобождение означает ко-

ренной переворот в теперешнем хозяйственном строе, а в смысле использования всех возможностей, предоставляемых капитализмом. Авторы манифеста проповедуют не «классовую борьбу», а «сотрудничество классов». И посмертный труд Прудона потому и произвел такое огромное впечатление на Толена и его товарищей, что он давал им полную программу этой практической работы дня, при сохранении их политической независимости от либеральной оппозиции.

Но пока манифест «шестидесяти» не встретил благожелательного приема. Правда, его не замолчали, и он был перепечатан не только в парижских, но и во многих провинциальных газетах. Его много комментировали и за границей, особенно в Бельгии. Но недоверие было слишком велико. Ему тотчас же противопоставили другой манифест, в котором 80 рабочих отвергали идею самостоятельных рабочих кандидатур и выражали свое доверие оппозиции.

Мало помогло делу и то, что кандидатура Толена поддерживалась такими республиканцами, как Этьен Араго, Жан Масе, Бансель, и что Толен опубликовал в своем воззвании письмо Делеклюза, Ноэля Парфе и Лорана Пишо, в котором последние тепло рекомендовали его кандидатуру. Толен получил немного больше 400 голосов.

Как ни ничтожен был непосредственный практический результат этой избирательной кампании, рабочая кандидатура и сопровождавшая ее агитация имели огромное значение, пробудив равнодушные массы пролетариата из их летаргии. Можно сказать, что именно эта агитация побудила правительство серьезно приняться за вопрос об изменении закона против коалиций.

Новый закон 25 мая 1864 г. далеко еще не давал свободы коалиций. По новой формулировке статей 414–416 Code pénal был уменьшен размер наказания, но все же осталась прежняя произвольная судебная процедура[136]. Кроме того, в вопросе о праве собраний и союзов все осталось по-прежнему, т. е. признавались противозаконными основание союзов без предварительного разрешения и всякое собрание, насчитывающее более 20 членов. Но при новом порядке все же оказалось возможным образование различных организаций, не находившихся в прямом противоречии с постановлениями Code pénal, что благоприятствовало стремлениям тех рабочих, которые держались в рамках существующих законов. Эту позицию занимали Толен и его товарищи. Правда, им было нелегко одновременно вести и партизанскую войну против властей, и успешно защищаться от обвинений и подозрений революционного меньшинства парижских рабочих, которые старались под руководством бланкистов укрепить свою подпольную организацию.

Как трудно было им обойтись совершенно без помощи «буржуазных» элементов, показали не одни только дополнительные выборы в марте 1864 г. И при продолжении переговоров с английскими рабочими – которые были их собственным и самостоятельным делом – они должны были прибегнуть к сотрудничеству эмигрантов и оппозиционной интеллигенции. Тот самый Лефор, который оказал им столько услуг во время избирательной кампании, служил теперь посредником между ними и английскими рабочими. Как сам он рассказывает в своем письме в редакцию газеты «Rappel» (5 июля 1870 г.), он был делегирован в Лондон в 1863 г. группой парижских рабочих, чтоб предложить там конкретный план международного товарищества. Там его друг Ле Любе, помогавший в качестве переводчика, ввел его на собрание английских рабочих, происходившее под председательством Оджера. Здесь был прочитан адрес парижских рабочих, встреченный с большим одобрением. В этом собрании Лефор видит исходный пункт МТР[137].

Из дальнейшего повествования видно, что дата этой миссии указана неправильно. «Мысль (об основании МТР) была формулирована, а шаги к осуществлению ее сделаны группой рабочих, с которой я вступил в сношения по поводу рабочей кандидатуры гражданина Толена».

Чернов, следующий рассказу Лефора, не заметил этого противоречия. Между тем другая подробность, которую ему сообщил устно Лефор, должна была обратить его внимание на хронологическую неточность. Лефор рассказал ему, будто в собрании под председательством Оджера обсуждалась программа встречи Гарибальди в Лондоне. Но известно, что Гарибальди находился в Лондоне от 3 до 22 апреля *1864 г.*, т. е. в период времени после мартовских выборов 1864 г.

Мы должны, следовательно, допустить, что Лефор был в Лондоне в апреле 1864 г. и что он передал англичанам ответ французских рабочих на известный нам адрес или какое-то другое сообщение. К сожалению, мы не можем сказать с определенностью, о каком плане говорит Лефор. При своих переговорах с английскими рабочими он пользовался услугами французского эмигранта Ле Любе, с которым он познакомился еще во время своего пребывания на острове Джерси. Сам Ле Любе утверждает в письме, что Лефор лишь *после выборов* узнал, что французские рабочие должны были ответить на какое-то письмо или какой-то «адрес» английских рабочих.

Толен утверждает, что когда Журден привез им английский адрес, который был прочитан на одном собрании, то он и друзья его решили ответить на него проектом большого рабочего конгресса.

«Но тогда наступили выборы 20 и 21 марта и связанная с ними предвыборная кампания, в связи с которой мы познакомились с г-ном Лефором, и это помешало нам немедленно приступить к дальнейшему обсуждению проекта конгресса. После выборов, на собрании, на котором я давал отчет, я предложил присутствовавшим нашим друзьям прочесть им составленный мною, как мне было поручено, ответ английским рабочим. Г-н Лефор, присутствовавший на собрании и не знавший ровно ничего об этом деле, спросил, о чем идет речь; ему объяснили, в чем дело, сообщили о проекте конгресса, он отнесся к этому сочувственно и выразил желание – так как он как раз собирался в Лондон – передать наш ответ». Это сообщение относится к 1865 г., и так как оно подтверждается и Ле Любе – стоявшим в споре между Толеном или Лефором, которым мы займемся позже, на стороне последнего, – то мы можем теперь принять, что посредником между парижскими и лондонскими рабочими в апреле 1864 г. были *Анри Лефор* и его друг *Ле Любе*. Но другой вопрос, можно ли их поэтому считать настоящими основателями МТР. Так, например, Ле Любе полагал – и ему верит Неттлау, – что Лефору пришла в голову мысль основать международное товарищество только потому, что он, Ле Любе, был в Лондоне.

«Он сказал себе: мои друзья Денуаль и Ле Любе в Лондоне; последний должен знать свободомыслящих английских демократов; он говорит на обоих языках; как франмасон, он должен знать несколько "братьев" другой национальности; я еду в Лондон. Он остановился у нас, 4 New Cross Road, рассказал мне о своей идее и предложил мне подумать о выборе членов-основателей. Парижские рабочие направили его к Поттеру, редактору "Bee-Hive", – иезуиту, который способен был продаваться кому угодно. Мне понадобилось 5 месяцев, чтобы подыскать хороших работников – англичан, поляков, немцев, итальянцев, швейцарцев и т. д. В заключение произошел митинг в St. Martins Hall».

Мы уже видели, что дело произошло не так просто. Здесь перед нами новое доказательство того, что оба приятеля, Лефор и Ле Любе, ровно ничего не знали о подготовительных шагах, предпринимавшихся до марта 1864 г. Их противник, Толен, рассказывает нам о дальнейшей деятельности Лефора следующее (в письме к Ле Любе):

«Мы дали ему этот ответ, равно как адреса господ Поттера, Бокке и Журдена, и тут-то и началась деятельность г-на Лефора. Что он сделал в Лондоне для успеха дела, вы (Ле Любе) знаете лучше, чем я, но вы не знаете того, что после своего возвращения в Париж, заметив, что мы недостаточно быстро следуем его указке, он через две недели перестал посещать наши собрания. Отсутствие его, однако, ничуть не помешало тому, что мы продолжали платить правильно взносы для расходов по отправке делегации в Лондон. Так как Лефор не приходил, то на розыски его снарядили нашего друга Перрашона, который должен был сообщить ему, что мы готовы к отъезду. Он обещал написать вам, господин Ле Любе, чтоб известить вас об этом, но прошло две недели, а мы не имели никакого ответа; Перрашон снова отправился к Лефору, который ему ответил: "Я вижу промедление с вашей стороны; англичане подумали, что вопрос вас мало интересует, и изменили свое намерение относительно устройства публичного митинга; вас примут только en famille члены рабочих союзов". Ему ответили: "Мы готовы, независимо от того, ожидает ли нас публичная встреча или нет". – "Хорошо, я напишу тогда и сообщу вам ответ". Наконец после нового, последнего визита Перрашона, Лефор сообщил, что определенно назначается публичный митинг, который состоится 28 сентября».

Прав ли Толен или нет, но факт тот, что снова прошло более пяти месяцев, пока наконец произошла намеченная более года назад встреча и передача ответа парижских рабочих.

В «Bee-Hive» от 17 сентября 1864 г. мы находим следующее извещение:

«"Если народы Франции и Англии поймут свои обязанности и объединятся, то великая проблема будущего будет разрешена".
Дж. Гарибальди.

В среду вечером, 28 сентября 1864 г., в St. Martins Hall состоится публичное собрание, на котором депутация от парижских рабочих прочтет ответ на адрес их английских братьев и изложит план для лучшего соглашения между обоими народами».

А в номере от 24 сентября мы находил еще письмо *Дж. Уэстона*, который предлагает лондонским рабочим оказать французским рабочим сердечный прием. Собрание, бывшее местом рождения МТР, произошло действительно 28 сентября 1864 г.

Так как отчеты об этом историческом собрании очень скудны, то в дальнейшем мы сделаем попытку привести все сообщения о нем, которые нам удалось раздобыть и которые принадлежат современникам или непосредственным участникам его. Самый подробный отчет мы находим в «Bee-Hive» от 10 октября 1864 г.

Почти одновременно с отчетом в «Bee-Hive» появился также принадлежащий перу Толена отчет в «Opinion Nationale». Он составлен в виде письма в редакцию и помечен 29 сентября[138]. Легко заметить, что он написан ad usum delphini и умалчивает о многом, чтобы не привлечь сейчас же внимания полиции к новому обще-

ству. В нем не говорится ни слова о произносившихся на митинге речах. Дело идет якобы только об обсуждении различных вопросов, интересующих рабочих, как, например, свобода труда, свобода торговли, ассоциации и т. д. Чтобы легче было столковаться о всех этих вопросах, в 1865 г. в Брюсселе созывается международный рабочий конгресс.

Более подробный французский отчет о собрании мы находим в «Phare de la Loire» от 2 октября 1864 г. Речь Бизли передана здесь следующим образом:

«Он выразил в энергичной форме осуждение занятию Рима, но не забыл и занятия Гибралтара. Он произнес проклятие поведению России в Польше и на Кавказе. Он сказал, что поведение это имеет свой pendant в поведении Англии в Ирландии, в Китае, в Японии, в Ост-Индии и особенно в Новой Зеландии, где убивают туземцев, чтобы ограбить их. Там, воскликнул оратор, Англия еще более жестока, чем Россия в Польше, ибо маори хотели жить под охраной английских законов, т. е. хотели того, что Россия требовала от поляков».

Если сравнить этот отчет с письмом Ле Любе к Лефору[139], помеченным 29 сентября 1864 г. и впервые опубликованным в книге Чернова, то сейчас же заметно, что оба эти документа в главнейшем совпадают. Можно было бы даже подумать, что отчет в «Le Phare de la Loire» составлен на основании письма Ле Любе. Как мне сообщил Лефор, именно он и послал этот отчет в «Le Phare de la Loire».

Мы имеем еще другое дополнение к отчету «Bee-Hive». В бумагах П. Везинье Нетгглау нашел писанную рукой программу собрания и манускрипт прочитанного Ле Любе проекта организации[140].

Программа

1) При открытии собрания – хор немецкого Комитета, под названием Мастерская (The Workshop).

2) Вступительное слово председателя.

3) Господин Оджер читает адрес английских рабочих к французским (и заявляет от имени Комитета о прекращении его существования) (эти слова зачеркнуты).

Господин Ле Любе читает ответ французских рабочих.

Песня: «Социальное братство народов».

Речи господ Толена, Лимузена, Перрашона, французской делегации.

Речь господина Лефора, речь которого будет читать господин Ле Любе.

Пение немецкого Комитета.

Резолюция, предложенная м-ром (пустое место). Поддерживается господином Деллом. Поддерживается господином Эккариусом, немецким рабочим.

Выборы Комитета.

Голосование благодарности председательствующему: предлагается господином Уэстоном, которого поддерживает господин Уитлок.

Прочитанный Ле Любе документ гласит следующее:

«Международный митинг рабочих

Вместо того чтобы полагаться для улучшения своего положения на провидение, вместо того чтобы следовать христианскому учению «быть довольным тем состоянием, в которое провидению было угодно поставить тебя» или «не заботиться о завтрашнем дне», рабочие обеих стран, понявшие, что их интересы тождественны, что благосостояние одних не может быть задето, чтобы этого не почувствовали другие, решили заключить между собой и с рабочими других стран

договор (bond) братства и солидарности, благодаря которому можно будет поднять положение всего рабочего класса в каждой стране от более или менее *рабского* и *зависимого* до положения свободных и относительно *независимых* граждан.

Их организационный план таков: выбирается Центральная комиссия из рабочих различных стран, живущих в Лондоне, которая устраивает свои заседания в Лондоне; создаются другие подкомиссии в столицах и крупных городах Англии и Европы. Центральная Комиссия должна выбирать темы для обсуждения, которые одновременно разбираются и обсуждаются всеми подкомиссиями, сообщающими отчеты об этом; Центральная комиссия должна издать на разных языках высказанные мнения и полученные выводы всех комиссий и подкомиссий. В ближайшем году представители всех стран, принявших участие в этом совещании, должны быть делегированы и встретиться в Бельгии, где будет происходить первый конгресс.

Я считаю лишним доказывать, какие огромные выгоды принесет рабочим всех стран подобный конгресс, если он будет хорошо подготовлен и проведен с успехом. Это совершенно светское (secular) движение рассчитывает на помощь всех истинных друзей человечества»[141].

Это все, что мы узнаем со стороны англичан и французов о собрании 28 сентября. Но мы знаем, что в нем принимала участие и немецкая эмиграция. Так, из вышеприведенной программы мы видим, что Эккариус был выставлен в качестве одного из главных ораторов еще *до собрания*, мы знаем также, что Маркс вместе с Эккариусом был выбран членом Временного Центрального Комитета уже на самом собрании. Поэтому возникает вопрос, в какой мере участвовали немецкие коммунисты в подготовительных работах по устройству этого собрания.

При решении этого вопроса некоторую помощь может оказать следующее место из письма Маркса к Энгельсу от 4 ноября 1864 г.

«*Международное Товарищество рабочих*. Некоторое время тому назад лондонские рабочие послали парижским рабочим по поводу Польши адрес, приглашая их к совместным действиям в этом вопросе.

Парижане прислали, со своей стороны, депутацию, во главе которой стоял один рабочий по имени Толен, рабочий кандидат на последних выборах в Париже, очень славный парень (и товарищи его были тоже славными ребятами). На 28 сентября 1864 г. был назначен митинг в St. Martins Hall Оджером (сапожником, председателем местного Совета лондонских профсоюзов и, в частности, также председателем Trades Unions Suffrage Agitation Society, находящегося в связи с Брайтом) и Кримером (каменщиком и секретарем союза каменщиков); эти двое устроили большой митинг под председательством Брайта в пользу Северной Америки в St. James Hall, также манифестацию в честь Гарибальди. Ко мне был прислан некий Ле Любе с вопросом, не приму ли я участия pour les ouvriers allemands и, в частности, не сумею ли я прислать на митинг оратора из немецких рабочих и т. д. Я направил Эккариуса, который очень удачно справился с делом, а я присутствовал тоже, как немая фигура, на платформе. Я знал, что на этот раз здесь фигурировали действительные силы как с лондонской, так и с парижской стороны, и поэтому решил отказаться от своего обычного правила to decline any such invitations.

(Ле Любе, молодой француз, – т. е. лет 30, – который, однако, вырос на Джерси и в Лондоне, прекрасно говорит по-английски и очень хороший посредник между французскими и английскими рабочими. Учитель музыки и французского языка.)

На митинге, который был переполнен до духоты (ибо there is now evidently a revival of the working classes taking place), майор Вольф (Турн-Таксис, адъютант Гарибальди) представлял лондонское Italian Working Men's Society. Было решено основать "Workings Men's International Association", которое имело бы свой General Council в Лондоне и являлось бы "посредником" между рабочими обществами в Германии, Италии, Франции и Англии. Тоже должен был в 1865 г. быть созван в Бельгии общий Working Men's Congress. На митинге был выбран Provisional Committee: Оджер, Кример и многие другие – отчасти старые чартисты, старые оуэнисты и т. д. – для Англии, майор Вольф, Фонтана и другие итальянцы – для Италии, Ле Любе и т. д. – для Франции, Эккариус и я – для Германии. Комитету было дано право привлечь столько людей, сколько он сочтет необходимым»[142].

В бумагах Маркса я нашел также два следующих письма: одно – Эккариуса, помеченное 26 сентября 1864 г., другое – Кримера, помеченное 28 сентября 1864 г., которые в некоторых пунктах подтверждают его описание.

I

«Portland Place Westmorland Road, Waldworth S.
26 сентября 1864 г.

Дорогой Маркс!

Я нахожусь в затруднении, – я должен говорить на одном публичном митинге по поводу одной программы, содержание которой я не знаю, языка которой я не понимаю. Оджер сумел вчера вечером (после 11 час.) сообщить мне только, что дело идет о печати, о каком-то конгрессе, о кредитном банке, взаимной поддержке в переездах и т. д. Если, может быть, французы были у тебя и ты знаешь содержание программы, сообщи мне, где и как найти какие-нибудь опорные пункты. Если я останусь в неизвестности и только завтра вечером услышу на митинге чтение программы, то я, наверное, смогу сказать об этом очень мало.

У меня сегодня очень много дела, не то я пришел бы сам.

Привет от твоего И.Г. Эккариуса».

Письмо Кримера гласит:

II

«Уважаемый сэр!

Комитет, который, как это указано в прилагаемом приглашении, организует митинг, почтительно просит вас оказать ему честь своим присутствием. Предъявление этого письма послужит вам пропуском в ту комнату, в которой комитет собирается в 7 часов.

Доктору Марксу.

Преданный вам *У.Р. Кример*».

У нас имеется еще сообщение, принадлежащее Лесснеру.

«Английские рабочие пригласили также членов "Коммунистического кружка рабочих для самообразования" на это собрание и выразили в то же время желание,

чтобы мы обратились к Карлу Марксу, прося его быть на этом международном братании рабочих. "Коммунистический кружок рабочих для самообразования" отправил меня к Марксу. Я рассказал ему о желании английских рабочих, и после нескольких вопросов об инициаторах и цели собрания Маркс согласился явиться на него»[143].

Эти указания не вполне совпадают со словами Маркса. Неттлау, который из рассказа Лесснера делает тот вывод, что «во всем этом нет никакой речи о Карле Марксе», что он «стоял далеко от деятельного кружка, который наконец организовал собрание», приводит в пользу этого еще одно свидетельство – именно Г. Юнга. «Т. Герман Юнг рассказывал одному русскому другу, что он перед основанием Интернационала писал к 14-ти деятелям 48 года и другим известным личностям (в их числе Луи Блану, Ледрю-Роллену, Герцену, Бакунину, Мадзини, Марксу, Эккариусу), но что из них ответили только Мадзини и Маркс»[144].

Мы не знаем, кто был этот русский друг. Возможно, что он воспроизвел в своей передаче точно рассказ Юнга. И, однако, тот факт, что Лесснер был предложен и выбран в члены Центрального Комитета МТР лишь 1 ноября (не на втором заседании его, как рассказывает Лесснер, а только на четвертом), и точно так же и Юнг, – между тем как Маркс был в Центральном Комитете с первого дня основания его, – этот факт заставляет нас сомневаться в словах Лесснера и еще более Юнга[145].

Нижеследующее письмо Ле Любе к Марксу, писанное через два дня после митинга, доказывает также, что Маркс играл известную роль еще до этого собрания и что как англичане, так и французы с самого начала видели в нем авторитетного члена только что избранного Центрального Совета. Кроме того, из этого письма, как и из приведенного выше письма Маркса к Энгельсу, видно, что Маркс вовсе не всегда относился враждебно к Ле Любе и его друзьям, как это полагает, не представляя никаких доказательств, Неттлау.

«4, New Gross Road.
1-е октября 1864 г.

Дорогой гражданин!

Посылаю Вам адрес корреспондентов Товарищества в Париже:

Fribourg, graveur à l'eau forte, 4, Rue Fontaine des Ternes 18-me Arrondissement.

H. Tolain, Rue Fontaine au roi, 29.

A. Limousin, passementier, Rue de l'Orillon, 34.

Прошу Вас передать мой почтительный привет г-же Маркс и Вашим дочерям. Жму сердечно Вашу руку.

Ле Любе».

С той же решительностью, с какой Неттлау отрицает всякое участие Маркса в подготовительных работах к митингу в St. Martins Hall, Спарго приписывает обоим немцам первенствующую роль.

«Маркс и Эккариус изложили с полной отчетливостью Оджеру и другим вождям рабочих идею интернационализирования, и когда в апреле 1864 г. был устроен большой митинг протеста против жестокого подавления польского восстания, то прибыло 6 французских делегатов. На этом митинге была образована английская рабочая комиссия, которая должна была переслать своим французским братьям "Воззвание о братстве"... Эккариус был членом Комитета и был в курсе подготовительных работ; его деятельность, равно как и влияние Маркса, сказывались во

всем при дальнейшей разработке плана. На одном из своих заседаний Комитет решил еще более расширить рамки подготовляемого им митинга, пригласив на него рабочих и других национальностей, главным образом немцев и итальянцев. Таким образом, движение стало ставить себе целью не англо-французский союз, но союз рабочих всех стран. Комитет желал в особенности сотрудничества "Коммунистического кружка рабочих для самообразования" по причинам, которые достаточно объясняются тем, что случилось впоследствии на митинге. Была принята особая резолюция о приглашении на международный конгресс этой организации. В резолюции выражалось "пожелание Комитета, чтобы доктор Маркс присутствовал в качестве делегата"»[146].

Рассказ этот звучит очень правдоподобно, но, к сожалению, Спарго не приводит своего источника. Рассказ Лесснера нам уже известен, но и он не говорит об этом ни слова. И Эккариус в своей статье о МТР ни звуком не обмолвился обо всем этом. Очень вероятно, что Эккариус и Лесснер, как члены «Коммунистического кружка рабочих для самообразования» и в то же время как члены английских профессиональных союзов, находились в контакте с вождями английских рабочих. Очень возможно также, что – как мы уже раньше упоминали – отношения эти завязались уже во время большой стачки строительных рабочих. Весьма вероятно также, что агитация в пользу восставшей Польши еще более укрепила эти отношения[147]. Но это и все, что мы имеем право утверждать на основании существующих документов. Верно только то, что присутствие Маркса на митинге 28 сентября и избрание его в члены Центрального Совета говорят с достаточной убедительностью в пользу того, что он не был чужд кружку, который действительно организовал собрание и находился с ним – прямо или косвенно – в контакте[148]. К сожалению, и нижеследующее письмо проф. Бизли не дает нам ни одного нового факта. Оно содержит в себе ответ на запрос лондонского корреспондента «Vorwärts» М. Беера, автора «Истории социализма в Англии», и было опубликовано как документ по истории МТР по поводу 40-летнего юбилея его («Vorwärts», 28 сентября 1904 г.).

«Первое собрание Международного Товарищества Рабочих, на котором я председательствовал, состояло главным образом из английских тред-юнионистов, самых интеллигентных и наиболее интересующихся общественными вопросами элементов (the most public spirited members) рабочего класса. Немногие из них – а, может быть, никто из них – принадлежали к какой-нибудь социалистической школе. Большинство из них, полагаю я, испугались бы названия социалист. Они стремились только к избирательному праву, чтобы устранить законы, враждебные профессиональным союзам. Они примкнули к "Интернационалу", ибо были преисполнены теплого братского чувства к своим товарищам по труду на материке, с которыми они чувствовали себя связанными теснее, чем с богатыми классами своей собственной страны. Они думали, что Интернационал может помочь в борьбе с войнами между народами и с милитаризмом.

По моему мнению, это – главнейшая, если не единственная задача, которую может себе ставить с большой выгодой Международное Товарищество. Наиболее подающим надежду признаком нашего времени представляется мне успешная работа французской социалистической партии в этом направлении. Глубоко прискорбно, что милитаризм в Англии и Германии еще не натолкнулся на подобное сопротивление.

St. Leonards on Sea 18 сент. 1904 г.

Э.С. Бизли».

Только ради полноты мы приводим еще сообщение, которое имеет своим автором итальянца, якобы участника митинга. Амилькаре Чиприани, старый итальянский революционер, утверждает, что он был представителем итальянцев на митинге в St. Martins Hall. 19 августа 1910 г. он написал об этом итальянскому историку МТР Джованни Доманико следующее:

«Ты хотел бы узнать кое-что о моем участии в основании МТР. Было делом чистого случая, что я присутствовал на этом собрании, о котором тогда никто не догадывался, что оно станет таким знаменитым. Я был тогда проездом в Лондоне и познакомился с Марксом, Энгельсом и другими, имена которых я позабыл и которые стали впоследствии основоположниками МТР.

Мадзини получил приглашение явиться на митинг в St. Martins Hall (за Национальной галереей, Trafalgar Square). Но великий республиканец отклонил это предложение, и тогда некий англичанин, фамилии которого я не помню, попросил меня присутствовать вместо Мадзини в качестве представителя Италии.

Я сперва отказывался, но под конец принял приглашение, и на следующий день – 28 сентября – мы все встретились в отныне историческом зале. За исключением трех или четырех лиц, все были мне незнакомы. Как мне кажется, заседания происходили два дня. Чаще всего говорили Энгельс и еще двое других, имен которых я не знал. После того как все было окончено, статуты и карточки отпечатаны и розданы, я снова вернулся в Египет»[149].

Как ни бесспорна правдивость этого свидетеля, но рассказ его звучит так фантастически, что возникает даже сомнение, был ли вообще Чиприани в Лондоне в сентябре 1864 г. В качестве официальных представителей Италии фигурировали Вольф и Лама. Энгельс был тогда в Манчестере и, как мы видели выше, только от Маркса узнал о митинге. Заседание длилось не два дня, а только один вечер[150]. Мало того. В одном письме к своему другу Паоло Валера сам Чиприани пишет, что познакомился с Мадзини только в 1867 г., через посредство Л. Вольфа и Доменико Лама[151]. Вся история объясняется, может быть, тем, что Чиприани послал тогда из Александрии в Египте от имени тамошнего товарищества рабочих адрес с выражением благодарности лондонским рабочим за прием, оказанный ими Гарибальди, и смешал этот факт, совпадающий хронологически с основанием МТР, с другими событиями, пережитыми им в Лондоне в 1867 г.[152]

Что касается Мадзини, то, хотя он впоследствии написал ряд статей о МТР и своих отношениях к нему, но он, к сожалению, не сообщает ни одного факта об учредительном собрании МТР. Он даже не упоминает, что получил приглашение на митинг, и не объясняет, по каким мотивам он отклонил его[153].

Это все, что дают нам наши, как мы видим, не очень богатые источники об историческом собрании 28 сентября 1864 г. В дальнейшем мы делаем попытку дать сводный отчет о нем.

Митинг в St. Martins Hall.

По предложению м-ра Бетлера председателем был выбран проф. *Бизли*. Встреченный громкими аплодисментами, он открыл собрание. Он сказал, что собрание это примыкает в конечном счете к депутации, посланной в истекшем апреле парижскими рабочими для присутствования на польском митинге в St. James Hall. В результате этого митинга был образован английский рабочий комитет, который составил братский адрес и переслал его парижским товарищам по труду. С этим документом связана теперешняя депутация, присланная французскими рабочими

с ответным адресом. Цель данного митинга – это оказать прием этой депутации и принять ответный адрес. (Одобрение.) Он глубоко убежден, что сегодняшний митинг будет иметь результатом сотрудничество и братские чувства между рабочими Англии и всех других стран. (Слушайте! Слушайте!)

Затем оратор развил более подробно мысль о необходимости тесного союза между Францией и Англией, нужного для упрочения и поддержания свободы во всем мире. Он заклеймил несправедливость всякого правительства, нарушающего международные обязательства, и заявил, что английское правительство так же скверно, если даже не скверней, чем иные континентальные правительства. Так, Англия держит в своих руках – вопреки требованиям права – Гибралтар, а поведение ее в Китае, Японии, Индии и в других странах – трусливо и беспринципно. (Слушайте! Слушайте!) Он настоятельно убеждал всех присутствующих отказаться от всяких своекорыстных чувств, часто скрывающихся под именем патриотизма, и придерживаться лишь тех принципов, которые их совесть признает правильными и справедливыми. Затем он изложил различные методы, какими французы и англичане старались защищать право труда, и закончил свою в высшей степени содержательную речь при громких знаках одобрения.

Затем немецкий хор исполнил две песни, после этого *Дж. Оджер* прочел адрес, посланный английским комитетом парижским рабочим и встреченный теперь громкими знаками одобрения.

Потом *Толен*, один из французских делегатов, прочел, при большом энтузиазме собрания, ответ парижских рабочих на французском языке. Затем *Ле Любе* перевел его на английский. Он был встречен громкими взрывами восторга. Вот что писали французские рабочие:

«Братья и друзья! Да, вы правы, чувство, собравшее нас, верный признак более благоприятного для освобождения народов будущего. Не должно быть больше того, чтобы цезари, лоб которых украшен сочащейся кровью короной, делили между собой ограбленные государями народы, опустошенные жестокими войнами страны. Снова Польша покрыта окровавленным саваном, а мы должны были оставаться бессильными зрителями этого.

Один-единственный угнетенный народ грозит опасностью для свободы всех других народов. Всякий свободный или желающий быть свободным человек обязан, во имя своего собственного достоинства, прийти на помощь своим угнетенным братьям. Сомнения нет: нам придется бороться со многими трудностями и не один из нас погибнет в борьбе; но это не должно нас пугать. Свобода, прогресс – как и земля – нуждаются в удобрении.

Опояшемте поэтому свои чресла и будем радостно готовиться к борьбе. Голос народа должен быть слышен во всех важных вопросах политического и социального характера, чтобы дать таким образом понять деспотам, что настал конец их тиранической опеке.

Поэтому, рабочие всех стран, желающие быть свободными, теперь настал ваш черед созывать конгрессы. На арене наконец снова появляется народ, осознавший свою силу и поднявшийся против тирании в политических отношениях, против монополии и привилегий в социальной экономии.

Уже давно промышленность развивает, благодаря научным открытиям, свою производительную силу; употребление машин, облегчающее разделение труда, еще увеличивает мощь ее, между тем как торговые договоры, порождение учения о свободе торговли, открывают ей повсюду новые рынки.

Промышленный прогресс, разделение труда, свобода труда – все это новые вещи, которые должны отныне привлечь наше внимание, ибо они должны изменить коренным образом экономические условия общества. Под влиянием потребностей времени, под давлением фактов капиталы концентрируются, объединяясь в мощные финансовые и промышленные товарищества. Если мы не станем защищаться от этого, то сила эта останется без противовеса и будет править нами деспотически.

Мы оставим в стороне так часто раздающиеся по нашему адресу смехотворные увещания: "сберегайте!". Но мы видим, как аристократия будущего завладевает малейшими сберегательными кассами, как она, побуждаемая добросердечием и потребностью покровительствовать нам – хотим ли мы того или нет, – делает все, чтоб отнять у рабочего, путем тысячи ухищрений, управление его маленьким капиталом вместо того, чтобы пробудить его инициативу к собственному благополучию. Наши маленькие сбережения, поглощаемые этим Пактолом*, скоро сделают из нас покорных слуг финансовых князей в то время, как разделение труда имеет тенденцию сделать из каждого рабочего колесико в руках высоких лордов индустрии. Перед лицом этой мощной, научно продуманной организации склоняется все, все отступает, – человек, предоставленный самому себе, становится ничем: он чувствует каждый день, как свобода действий его, его независимость колеблются. Перед лицом этой организации гаснет индивидуальная инициатива или дисциплинируется, покоряясь этой организации.

Труд есть закон человечества, источник общественного богатства, законная основа индивидуальной собственности! Он должен быть неприкосновенен, свободен! Но что бы ни говорили об этом первосвященники политической и социальной экономии, мы утверждаем, что в настоящее время труд лишен всего этого. Ученые теоретики, копающиеся в своих толстых книгах, – они формулируют аксиомы, получающие ужасное опровержение на наш счет. Они, по-видимому, предпочитают рассматривать вопрос только с одной точки зрения, с точки зрения потребления. Согласно закону спроса и предложения рабочий для них только предмет мануфактуры. Ведь сказал же знаменитый английский государственный деятель: "Если два предпринимателя бегают за одним рабочим, то заработная плата поднимается; если два рабочих бегают за одним предпринимателем, то заработная плата понижается".

Если капитал, этот могучий помощник труда, становится его беспощадным господином, то рабочий обрекается на голодную смерть. Это называют обменом равных услуг и свободой оборота. Если предприниматель под давлением неблагоприятных обстоятельств понижает цену труда, чтобы восстановить потерянное равновесие между собой и своими конкурентами, то это называют свободной конкуренцией. Точно свобода торговли должна иметь своим следствием только перемещение почвы, на которой идет борьба. Что за выгода для нас, в день всеобщего мира, от того, что прячут обратно пушки в наших арсеналах, когда мы – благодаря пару и электричеству – вынуждены заменить их еще более ужасными машинами разрушения?

---

* Пактол (греч. Πακτωλός), ныне Сарт (тур. Sart) – небольшая река в Малой Азии, в исторической области Лидия. – *Ред.*

Свобода торговли – будь она дополнена свободой труда – не увековечила бы борьбы, а, наоборот, помогала бы искусству и гению каждого народа превратить под конец врагов в соревнователей.

Так, из-за отсутствия профессионального образования, наука стала привилегией капитала. Благодаря разделению труда рабочий стал простым механическим орудием, а свобода торговли, без солидарности между рабочими, породит промышленное рабство, еще более безжалостное и роковое для человечества, чем то, которое наши предки уничтожили в великие дни французской революции.

Это не крик ненависти, но призыв к пробуждению. Мы, рабочие всех стран, мы должны объединиться, чтобы противоставить непреходимую грань роковой системе, которая, в противном случае, разделит человечество на два класса: на массу невежественных людей и на кучку вельмож и перекормленных мандаринов.

Спасем себя путем солидарности!»

Ле Любе заявил затем, что он хочет изложить перед собранием основные черты плана действия французских рабочих. Эти последние предлагают, чтобы в Лондоне была учреждена Центральная Комиссия из рабочих всех стран, которая по проекту должна была быть представителем Товарищества. Центральная комиссия назначит подкомиссии, которые будут находиться во всех столицах Европы и будут сноситься с Центральной Комиссией в Лондоне. Центральная Комиссия должна ставить на обсуждение вопросы, которые в одно и то же время обсуждаются всеми подкомиссиями, пересылающими результаты своих работ Центральной Комиссии.

В настоящее время нет возможности установить правила для руководства подобными объединениями, так как правила эти должны согласоваться с законами тех стран, которые входят в проектируемое объединение. Поэтому было предложено созвать в течение ближайшего года рабочий конгресс в Бельгии, на котором должны быть представлены рабочие различных стран и на котором будут рассмотрены вопросы, касающиеся выработки правил, необходимых для руководства объединением. (Слушайте, слушайте!)

После того как немецкий хор исполнил еще несколько песен, Ле Любе прочел еще адрес, составленный Анри Лефором (английский отчет называет Лефора «организатором французского рабочего движения»).

«Граждане! Свобода – вот то первое слово, которое произносит громко или про себя каждый француз, прибывающий из Франции и вступающий на английскую почву. И мы следуем этому примеру, мы, имеющие возможность, благодаря свободе собраний, которой вы пользуетесь, предложить вам святой союз равенства. Равенство – вот также то слово, которое первым произносит англичанин, прибывающий из Англии во Францию[154].

Но если мы проанализируем глубже оба эти слова, то мы придем к печальному заключению, что вы, англичане, если я могу так сказать, в действительности несвободны, а мы, французы, столь же мало пользуемся равенством. Действительно, что такое свобода без равенства? И что такое равенство без свободы?

Это – несовершенный организм, не обладающий всей полнотой жизни, на которую может надеяться в своем законном честолюбии человек.

Кто говорит неравенство, тот говорит также унижение. И действительно, можно ли быть свободным по отношению к тому, кто ваш начальник, – не в силу естественных способностей, соединенных с личным трудом, но в силу учреждений,

создающих по своему произволу привилегии. И можно ли быть действительно свободным там, где свобода образует привилегию... Я определил деспотизм.

Я думаю, что следует часто повторять эти истины, как важные элементы нашего прогресса. Свобода и равенство не могут существовать отдельно друг от друга, они взаимно дополняют друг друга, и мы должны остерегаться западни, расставляемой нам аристократами, которые противопоставляют свободу равенству.

Прогресс может получиться только из соединения обоих, и вы должны поэтому с той же ревностью стремиться к завоеванию равенства, как и к завоеванию свободы.

Я не думаю, подобно многим искренним друзьям народа, что все политические и социальные бедствия имеют своей причиной незнание. Конечно, незнание есть для духа темная ночь, в которой нельзя отыскать истину. Но я утверждаю, что в Англии, благодаря свободе печати и собраний, а во Франции, благодаря Великой революции 1792 г., благодаря революциям 1830 г., 1848 г., что благодаря всему этому, благодаря излучению этих свобод и революций, светоносные лучи которых – как бы ни отрицать это – все еще действуют и будут действовать, – я утверждаю, что этот мрак в значительной мере уже рассеян.

Зло проистекает не столько от незнания, сколько из своекорыстия и из трусости. Да. Я прошу прощения у моих сограждан, которые приобрели такую репутацию на полях сражения, я оскорблю, может быть, их национальные предрассудки: Франция была бы теперь гораздо более великой, более славной, в лучшем смысле этого слова, если бы вы сохранили для завоевания политических и социальных прав ту энергию, ту французскую ярость, которую вы потратили на различных полях сражений, в бесплодных битвах или, вернее, в битвах, принесших обильные плоды горя, ибо они содействовали лишь тому, чтобы усилить глупый предрассудок военной славы, чтобы поощрить неизменное честолюбие деспотов, чтоб питать ненависть между народами, чтоб еще более отдалить друг от друга эти народы и таким образом еще более облегчить работу всем угнетателям, живущим только этой враждой народов.

Мы приходим к вам, чтоб положить конец этому положению, чтоб сказать вам: узнаем друг друга, полюбим друг друга, станем помогать друг другу.

Мы приходим к вам, чтоб наслаждаться гостеприимством свободы и использовать ее для нашего общего торжества – равенства, справедливости. Каким образом? С помощью организации. Разъединение несет с собой бессилие как для отдельных лиц, так и для народов. Но мы можем добиться многого объединением всех знающих и всех дерзающих. Мы знаем корень зла. Чтобы найти и применить лекарство, должно искать, дерзать, бороться.

Мы, французы, заперты в тесную темницу, в темницу дурно определенной законности, или, если угодно, законности хорошо определенной, если назвать ее настоящим именем, – произвола.

Итак, мы сделаем все, чтобы – вопреки всем препятствиям – действовать без страха и упрека, чтобы склонить на свою сторону своей смелой предусмотрительностью даже самых робких.

И все те, кто не довольствуется тем, чтобы возвещать справедливость в теории, а хочет и осуществить ее на деле, – они уж не будут иметь права сказать: если бы мы только знали, если бы мы только умели! Благодаря нашей и вашей инициативе они будут знать, будут уметь, будут хотеть.

Каким образом? Я не могу не повторять этого достаточно часто: с помощью организации. Мы – батальон, станем полком, армией. Пора уже положить конец вечным призывам к доброй воле наших противников или врагов.

Кромвель говорил: "Полагайтесь на бога и... сохраняйте свой порох сухим".

И хорошо было сказано: мир – благомыслящим людям. Да. Война – злоумышляющим!

Будем полагаться на самих себя! Не будем думать, подобно иным, углубившимся в свои абстракции, философам, что прогресс есть некий фатальный процесс. Прогресс есть не что иное, как результат наших усилий. Не следует ожидать своего спасения от силы вещей. Это одно из тех ходячих, но неудачных выражений, которые столь же обманчивы, как и банальны. Не следует ждать, приспособляться, – должно ходить, должно бороться. Надо использовать силу людей, силу, которой все вы обладаете в известной мере.

Вещи пассивны и ценны лишь благодаря оказываемому нами на них воздействию. Только от нашего знания и энергии или от нашего незнания и апатии зависит превращение их в элементы добра или зла.

Что такое труд? Вы, трудящиеся, знаете это отлично. Это – напряжение, борьба с вещами, чтоб приспособить их для нашего пользования. Сила вещей преодолевается силой человека, интеллектуальной, моральной и материальной силой.

Станем ждать своего счастья от силы людей и станем сильными, объединившись.

Мало верят тому, что каждый из нас может стать путем личных своих усилий, как бы они ни были или казались малыми, фактором всеобщего прогресса. Мало оценивают силу личной инициативы.

Мои друзья, говорящие по-английски, сделают вам доклад о предлагаемых нами вам средствах осуществить солидарность рабочих, организовав объединение их во всех тех странах, где они хотят завоевать социальное равенство».

Затем *Уилер* внес следующую резолюцию:

«После того как данное собрание прослушало ответ наших французских братьев на наш адрес, мы еще раз приветствуем их, и так как их план рассчитан на то, чтоб содействовать солидарности рабочих, то собрание принимает предложенный проект как основу для международного товарищества. Одновременно с этим оно назначает комитет, полномочный пополнить себя новыми членами, и поручает ему выработать статуты и регламент для предполагаемого товарищества».

В превосходной, как говорится в английском отчете, речи *Уилер* с силой защищал необходимость принять эту резолюцию и выразил свою радость по поводу зрелища переполненного собрания. Французские товарищи, если вспомнить французский деспотизм и суровость французского законодательства о союзах, заслуживают высокого доверия за свой образ действия (громкие возгласы одобрения).

Уильям Делл поддерживает резолюцию. Он объяснил рабочим, что они не должны ограничиться тем, чтобы присутствовать сегодня вечером на собрании, поднимать руки вверх за резолюцию, – они должны серьезно и усердно работать, чтобы митинг дал свои плоды. Он с большой энергией указывал на тот путь, идя которым рабочие могут содействовать достижению результатов, намеченных митингом. Закончил он свою речь при громких аплодисментах.

Резолюцию поддержали еще в своих отличных, практического характера, речах немецкий рабочий *Экхариус*, *майор Вольф* от имени итальянских рабочих,

французский рабочий *Бокке* и *Форбс*, обративший внимание собрания на страдания Ирландии.

Затем резолюция была поставлена на голосование и принята.

Был образован многочисленный комитет из рабочих каждой национальности для осуществления основных идей резолюции.

Имена членов комитета следующие: *Блэкмор, Уитлок, Фокс, Найлс, Нобл, Хартуэлл, Оджер, Грей, Стейнсби*, Уэстон, *Кример*, Морли, Пиджин, Лекрафт, Лонгмейд, *Ле Любе*, Уилер, *Лено, Лама, Экхарциус*, Тримлетт, *Хауэлл, Жюль Лемуаль*, Шо, Шерман, Осборн, Ричардсон, *Фейси, Годдард*, Кетрик, Бокке, д-р *Маркс*.

В заключительном слове, последовавшем за этими речами, выражалась сердечная благодарность профессору Бизли за его руководство собранием и за энергичную защиту им интересов труда. Собрание закончилось тремя виватами в честь французских рабочих и тремя виватами в честь рабочих всех других стран.

Когда происходил митинг в St. Martins Hall, польское восстание, которое можно, бесспорно, рассматривать как повод для первой встречи между французскими и английскими рабочими в июле 1863 г., было уже давно окончательно подавлено. Не было никаких надежд на возможность скорого освобождения Польши. Предполагавшееся давление на оба правительства в пользу Польши ни к чему не привело. Русское правительство, обеспечившее себе помощь Пруссии конвенцией 8 февраля 1863 г., не щадило средств, чтобы по возможности скорей справиться с восстанием. Параллельно с беспощадными репрессиями шла политика реформ в пользу польского крестьянства, снискавшая русскому правительству не только одобрение всей либеральной печати Европы[155], но и благожелательное отношение Прудона[156].

Правда, Бизли в своей вступительной речи еще упоминает Польшу, но наряду с другими угнетенными народами. Точно так же Толен говорит и о том, что обычно считают главным поводом и содержанием речей на учредительном собрании МТР, только для того, чтоб констатировать неудачу всей акции в пользу Польши. Как и в английском адресе, теперь на первый план выступает другой вопрос: каким образом могут рабочие различных стран помешать насильственной политике правительств и положить конец взаимной травле народов?

Этот вопрос уже поставлен в английском адресе, и на него там дан ответ.

«Мы призываем вас к созданию братства народов, видя в этом средство положить конец злоупотреблению силой. Созовем собрания из представителей Франции, Англии, Германии, Италии, Польши и всех тех стран, в которых имеется воля к общей работе на пользу человечества. Созовем свои конгрессы для обсуждения великих вопросов, от которых зависит мир народов».

Толен поэтому ошибался, когда он писал, что они, по прочтении английского адреса, решили ответить проектом большого рабочего конгресса. Было бы правильнее сказать, что они, со своей стороны, присоединились к этому проекту.

Английский адрес имел еще и в другом отношении руководящее значение. Он наметил линию для будущего объединения рабочих и мотивировал ее необходимостью общей борьбы с предпринимателями.

Английский же адрес наметил для будущего МТР одну из его важнейших задач – *борьбу с кознями тайной дипломатии (этого бича народов)*.

А что мы находим в французском адресе? Прежде всего и он протестует энергичнейшим образом против всякого притеснения народов. И французские рабо-

чие стоят за то, чтоб возможно скорее созвать конгресс рабочих всех стран. И он указывает на экономические отношения, по, в отличие от английских рабочих, выдвигающих в качестве исходного пункта профессиональную борьбу, Толен и его товарищи подчеркивают определяющее влияние, которое имеют развитие производительных сил и следующая за ним концентрация капиталов, равно как господство могущественных финансовых и промышленных товариществ. Именно поэтому они хотели бы выдвинуть при будущих совещаниях на первый план вопросы промышленного прогресса, разделения труда, свободы торговли.

Если в этом адресе мы еще не встречаем специфических особенностей прудонизма, то все же он, в сжатой форме, повторяет прудоновскую критику капиталистической конкуренции и монополии.

Адрес кончается указанием на вредное действие разделения труда и рекомендацией профессионального образования.

Речь Лефора не содержит ничего, что могло бы заставить нас видеть в нем «подлинного социалиста», который, как думает Неттлау, мог бы, в отличие от «профессиональных политиков и вожаков рабочих», придать будущему МТР определенно социалистический характер. Не только речь эта, оставшаяся неизвестной Неттлау, но и все, что мы знаем о Лефоре, говорит против этого утверждения. Лефор и в шестидесятых годах, и позже не был никогда социалистом, а был демократом, симпатизировавшим рабочему движению и видевшим в кооперативных товариществах лучшее средство поднять положение рабочих. И когда в своей речи он указывает на необходимость организации, то он так же мало имеет в виду профессиональную организацию, как и политическую.

Если мы резюмируем все, что было сказано и предложено на митинге в St. Martins Hall, то мы придем к следующему результату.

Всеми подчеркивалась необходимость международного объединения рабочих различных стран, чтобы подготовить почву для действительного братства народов. Французы развивали социалистическую программу так же мало, как и англичане. Поляки, итальянцы и ирландцы напоминают о своих национальных требованиях. Что сказал единственный немец, говоривший на этом собрании, – Эккариус, остается нам неизвестным.

Если английские рабочие подчеркивали скорее полезность международной профессиональной деятельности, противоречие между рабочими и капиталистами, то французские рабочие изображали гораздо подробнее пагубное действие господствующего экономического строя на мелких производителей и подчеркивали необходимость охраны труда, как основы индивидуальной собственности. И те, и другие видели в недостатке солидарности источник слабости рабочих в их борьбе с капиталистами.

Что касается формы будущей международной организации, то, согласно принятой резолюции, она сводилась попросту к международному дискуссионному обществу, рассматривающему и обсуждающему все интересующие рабочих вопросы. В резолюции не говорилось вовсе о международной организации рабочего класса, ставящей себе целью какие-нибудь практические шаги – политическую или профессиональную деятельность в международном масштабе.

Вот и все, что имели в качестве директив члены новоизбранного Временного Центрального Совета будущего МТР, когда, после собрания в St. Martins Hall, они впервые сошлись для исполнения возложенной на них задачи: выработать статуты и программу нового международного общества. Еще не было выбрано даже название этого общества. Временный Центральный Совет должен был, на

собственный риск и страх, влить принципиальное содержание в новую форму. Формулировка этой программы была таким образом предоставлена борьбе мнений в самом Центральном Совете.

Примечания Д.Б. Рязанова

[1] [*Marx K.*] The monetary crisis in Europe // New-York Tribune. 15 October 1856 [*Маркс К.* Денежный кризис в Европе // МЭС. Т. 12. С. 57].

[2] Ср.: *Holyoake G.J.* Self-Help by the People, History of Cooperation in Rochdale. Еще в 1850 г. Рочдельское общество имело всего 600 членов и оборот в 10 179 ф. ст., а в 1857 г. – 1858 членов и оборот в 79 788 ф. ст. Книжка Холиока впервые использована была на русском языке в статье: *И. К.* Рочдельское общество взаимного вспомоществования. Современник. 1860. Апрель. Имеется русский перевод с 10-го издания: *Дж. Холиок.* История рочдельских пионеров. Харьков, 1919. Ему же принадлежат: The history of cooperation in Halifax and of some other institutions around it; и сводная работа: The history of cooperation. Первую попытку дать научную сводку данных об истории кооперации в Англии представляет работа Беатрисы Поттер (теперь Вебб): The cooperation movement in Great Britain. London, 1891. Новые и более полные работы принадлежат *C.R. Fay.* Cooperation of Home and Abroad и *T. Cassau.* Die Konsumvereinsbewegung in England. (Есть русский перевод, но очень сокращенный.) Истории Кооперативного общества оптовых закупок посвящена большая работа: *Percy Redfern.* The story of C.W.S. The Jubilee History of the Cooperative Wholesale Society Ltd. 1863–1913. Manchester, 1913; написана по обычному типу юбилейных изданий, но дает много исторических и биографических данных. Движение в пользу организации производительных товариществ в начале пятидесятых годов исходило главным образом от «христианских социалистов» – Мориса, Кингсли, Ледлоу, Ванситтарта Ниля. Ср.: *Kaufmann M.* Der neuere christliche und christlich-reformatorische Socialismus in England. «Hdw. d. Stw.» 3. Auflage, Band VII и *Grünberg C.* Christlicher Socialismus. «Wörterbuch der Volkswirtschaft», Band I. Кроме перечисленной там литературы следует указать: *Colwin E. Vulliamy.* Charles Kingsley and Christian Socialism, 1914; и в особенности: *Charles E. Raven.* Christian Socialism. London, 1920. Последний автор подробно выясняет роль, которую играли «христианские социалисты» в выработке закона 1852 г.

[3] Ср.: *Hasbach.* Das englische Arbeiterversicherungswesen, 1883; *Baernreiter.* Die englische Arbeiterverbände und ihr Recht, 1886.

[4] Ср.: *Schultze E.* Die geistige Hebung der Volksmassen in England, 1912. К сожалению, книга *A. Dobbs'a.* Education and Social Movements, 1919, прослеживающая связь между историей просвещения в Англии и ее социальными движениями, доводит изложение только до пятидесятых годов XIX столетия. Об английских позитивистах см.: *Schulze-Gävernitz.* Zum Socialen Frieden, 1890. Band II. P. 1–77. Беер в своей истории английского социализма совершенно умалчивает о роли английских позитивистов в рабочем движении, переоценивая в то же время значение «христианских социалистов» и английских фритредеров. Ср.: *Harrison F.* Autobiographic Memoirs. Vol. I. London, 1911; *F.J. Furnivall.* A volume of personal record. London, 1911.

[5] *Marx.* Das Kapital. Band I, 1867. P. 273 [МЭС. Т. 23. С. 304].

[6] *S. and B. Webb.* The history of Trade-Unionism, 1920. P. 224–225.

[7] *Webb,* p. 224–5. *Raven.* Christian Socialism, Chapter VII: Cooperative Production and the Trades Unions.

[8] Когда двадцать лет спустя члены французских и швейцарских секций Первого Интернационала увлеклись такими же экспериментами, Герман Юнг, секретарь Генерального Совета для Швейцарии писал Гильому (июнь 1870 г.): «Я также разделю Ваши взгляды на использование фондов (предназначенных для сопротивления) на кооперативные

работы: Обри надеется найти ключ к решению в производственной забастовке [grève productive], заблуждение, мой дорогой, заблуждение, фатальное заблуждение; уже двадцать лет английские общества пытаются использовать эти фонды на производственную кооперацию [coopération productive] и сталкиваются лишь с разочарованием и разорением. Общество механиков затратило 100 000 фунтов, чтобы организовать мастерские в нескольких милях от Лондона, где безработные могли бы найти себе применение. Чтобы просуществовать, они были вынуждены продавать свои изделия по цене более низкой, чем фабриканты, 500 рабочих могли начать трудиться в кооперативной мастерской не иначе как отстранив от работы 500 других рабочих, ранее занятых у хозяев; фонды, предназначенные для пропитания безработных, были поглощены мастерской, и эти несчастные, чтобы выжить, продавали свою рабочую силу ниже ее цены; тотчас же необузданная конкуренция установилась между кооперативной мастерской и хозяевами, вернее, рабочими, занятыми у хозяев. Очень скоро общество было вынуждено отказаться от мастерской, испытав колоссальные потери «в бесполезных экспериментах» (Mémoire de la Fédération Jurassienne. Sonvillier, 1873. P. 135).

[9] *Hughes T.* Account of the lockout of engineers in 1851–52, в сборнике: Trades Societies and Strikes. London, 1860, P. 169–206; *Brentano.* Zur Geschichte der englischen Gewerkvereine. Leipzig, 1871. S. 173–232; The Amalgamated Society of Engineers, Jubilee Souvenir. London. 1901.

[10] *Webb*, loc. cit., p. 227.

[11] Примером могут служить стачки сапожников в Нортгемптоншире в 1857–1859 гг. Ср.: *Ball J.* Account of Northampton Boot- and Shoemakers' Strike в указанном уже сборнике: Trades Societies and Strikes. P. 1–9. Стачечники пользовались поддержкой своих лондонских коллег. В биографии будущего председателя Генерального Совета МТР Оджера, который был очень квалифицированным сапожником и работал на фирму Goodyear, упоминается, что он был противником борьбы против введения машин в сапожном производстве, которая послужила главной причиной этих стачек (The Bookbinders Trade Circular, 1877. April 28 и November 20).

[12] *Marx.* Kapital. [Bd.] II. 205–206 [ср.: МЭС. Т. 24. С. 263–264. Ссылка дается по немецкому изданию работы Рязанова. В русском издании она пропущена. См. редакционное примечание, с. 78].

[13] Комитет организован был не осенью 1858 г., как утверждают Веббы, а 3 июня 1859 г. Меморандум 18 ноября был вторым. Ср.: Account of the Strike and Lockout of the Building Trades in London in 1859–60, by *Thomas Bennet* and *G. Schaw-Lefevre.* Trades Societies and Strikes. P. 52–76.

[14] Ср.: Das Volk. London, 1859, Nr. 14 (Sonnabend, 6. August), Nr. 15 (13. August), Nr. 16 (30. August). Сотрудники: Маркс, Энгельс, Либкнехт, Эккариус. Кроме заметок, в политическом обозрении стачке посвящены еще следующие статьи: «Eine kommerzielle Ansicht über den Streik» von einen Kaufmann и «Die Presse und der Streik» von einem Arbeiter (Eccarius) [«Стачка с коммерческой точки зрения» за подписью «Купец» и «Пресса и стачка» за подписью «Рабочий» (Эккариус)]. «Рабочие жалуются, что они получают за свою работу недостаточную плату, что постоянное введение машин сокращает время их занятости, а также обычно и сумму дохода. Как разумные люди, они не могут выступать против применения и усовершенствования машин, которые облегчают работу, но они утверждают, что сокращение работы наносит вред только им». К предложению Кримера ср. «Trades' Societies», loc. cit., p. 6.

[15] Из Глазго – 866 ф. ст., из Дублина – 360, из Манчестера – 837, вместе из 240 местностей вне Лондона – 8190, а в самом Лондоне было собрано – 14 974, в том числе было получено: от объединенных машиностроителей – 3100, от печатников – 620, от котельщиков – 655; суммы, которые тогда поражали своими размерами и вызывали величайшее удивление буржуазной публики. К строительным рабочим причислялись: bricklayers (кирпичники), masons (каменщики), plasterers (штукатуры), carpenters (плотники) и joiners (столяры), как главные профессии, и пять вспомогательных: smiths (кузнецы),

platers (кровельщики), painters (маляры), plumbers (паяльщики) и glaziers (стекольщики). Для настроения даже либеральной буржуазии характерна статья: Secret Organisation of Trades в органе английских либералов «Edinbourgh Review», 1859, October. «Многие владельцы крупнейших строительных фирм заявляли, что скорее закроют их и удалятся от дел, предпочитая нести значительные убытки, нежели будут пытаться выполнить крупные подряды, находясь во власти тред-юнионов. С другой стороны, конфликт был с удивительной энергией поддержан рабочими, а значит, как всегда, и руководителями их тред-юнионов». Автор приводит непонятный для него факт классовой солидарности рабочих, отказывающихся подписать позорный «документ».

16 *Evans H.* Sir Randal Cremer, his life and work. London, 1909. P. 25–26. «Именно во время этой агитационной борьбы я произнес мою первую речь в Лондоне в пользу целей движения. Я был тогда рабочим и некоторое время спустя был назначен делегатом от предприятия, на котором работал, в Совет движения». Биограф Кримера говорит, что «в конце концов Кример стал членом «Конференции», которая состояла из семи человек, представлявших все специальности строительной профессии» и после «был послан в провинцию и в ходе кампании произнес свыше ста речей».

Характерно, что Веббы даже в новом издании своего труда не упоминают ни одним словом о той роли, которую играл в забастовке строительных рабочих будущий генеральный секретарь I Интернационала.

17 Эккариус цитирует следующее место из «Economist'а: «Предложение товара, который имеется в распоряжении строительных рабочих, превышает спрос, и когда они для проведения этого противоестественного требования – девяти часов труда – принуждают своих коллег принять участие в забастовке, то они совершают преступление, которое трудно отличить от грабежа, противозаконного лишения свободы и телесного повреждения». И Эккариус отвечает «Экономисту»: «Взгляд капиталиста основывается на бухгалтерских книгах, взгляд рабочего – на требованиях желудка. Сокращенное рабочее время без сокращенной заработной платы – единственное требование, которое рабочие могут предъявить, не затрагивая основ буржуазного способа производства. Инстинкт самосохранения, которому угрожают гибелью, нельзя успокоить никакими научными аргументами о спросе и предложении». Маркс и его товарищи в Лондоне внимательно следили за всеми перипетиями этой борьбы. В «Капитале» можно отметить не одно место и даже не одну главу (о рабочем дне и форме заработной платы), в которых заметны явственные следы «теоретического потребления» стачки строительных рабочих.

18 Весьма важную роль в этом конфликте играл вопрос о *форме оплаты заработной платы*. Так, рабочие энергично протестовали против попытки навязать им определенную форму часовой платы, которая давала возможность капиталистам, уплачивая якобы «нормальную цену труда», удлинять рабочий день за пределы всякой нормы без соответственной компенсации для рабочего. Поэтому «лондонские строительные рабочие поступили вполне рационально, восстав в 1860 г. против попытки капиталистов навязать им такую часовую плату». В другом месте Маркс опять возвращается к этой теме: «Совершенно правильно оценили существо дела лондонские строительные рабочие, когда они заявили во время большой стачки и локаута 1860 г., что они могут согласиться на часовую оплату лишь при соблюдении двух условий: 1) наряду с ценой рабочего часа должен быть установлен нормальный рабочий день в 9 или 10 часов, причем час 10-часового дня должен оцениваться выше, чем час 9-часового, и 2) каждый час сверх нормального дня должен, как сверхурочное время, оплачиваться по соответственно повышенной оценке» (*Marx.* Das Kapital, 1867. Band I. S. 533–534) [МЭС. Т. 23. С. 556, 558].

19 В некоторых городах – Ливерпуле, Шеффилде и в первую голову в Глазго – существовали уже прежде местные картели профсоюзов. Но и эти предшественники новых Trades Councils реорганизовывались под влиянием стачечной волны 1859–1860 гг. и развили энергичную деятельность, чтобы поддержать лондонских строительных рабочих. Секретарем глазговского Council of United Trades был в 1854 г. портной

Мэтью Лоренс (Matthew Laurence), который несколько лет спустя вместе с Эккариусом и Лесснером играл большую роль в стачечном движении лондонских портных и был одним из деятельнейших членов Первого Интернационала; Александр Кэмпбелл, о котором говорят Веббы, – старый оуэнист и кооператор – стал секретарем глазговского Trades Council гораздо позже. Ничего не знает о глазговском Council of United Trades и о его секретаре Лоренсе и новейший историк рабочего класса в Шотландии Джонстон – *Johnston Thomas*. The history of the working classes in Scotland. Glasgow, 1921, – как он не знает, что и другой видный лидер портных в Глазго, Питер Генриетта, упоминаемый им, был тоже после одним из главных членов Первого Интернационала в Англии. Недавно вышедшая брошюра: *Cicely Richards*. History of Trades Councils 1860–1875 – является первым – довольно неудачным – опытом их истории.

20 «Совет объединенных профсоюзов Лондона являлся детищем собраний делегатов, которые происходили в Schaftsbury Hall, Aldersgate Street во время забастовки строительных рабочих 1859–60 гг.», – пишет C. S[hearman] в статье Trades-Council, помещенной в органе кирпичников, который редактировался *Хауэллом* при содействии *Шермана* и *Нобля* (The Operative Bricklayers Society's Trade Circular and General Reporter conducted by George Howell, assisted by C. Shearman and H. Noble). Они приняли позже участие в основании Первого Интернационала. Принятая советом резолюция написана в очень напыщенном стиле.

21 United Kingdom First Annual Trades Union Directory 1861. London, published by *Thomas Jones*. «Ни в Британском музее, ни в другой какой-либо известной нам библиотеке, – пишут Веббы, – ни даже в архивах не существует ни одного экземпляра этой книги. Роберт Аплгарт передал в наше распоряжение единственный экземпляр этой книги, который мы когда-либо видели». В новом издании Веббы указывают еще один экземпляр в Goldsmiths Library. Нам известны еще два экземпляра: один в Лондоне, в Bishopsgate Library, и другой, которым мы пользовались, в Anton Menger Bibliothek при Венском университете.

22 Большинство данных было доставлено Бернсом, который имел в своем распоряжении очень много адресов. Кроме того, были доставлены адреса из разных провинциальных городов; так, из Шеффилда – Бродгедом, из Глазго – Лоренсом, из Манчестера – Соутером. Ср.: *Harrison Fred*. The Good and the Evil of Trade Unionism, London, 1865; так как Харрисон считает также и филиальные отделения, то он насчитывает в Англии до 2000 и в одном только Лондоне – 290 профсоюзов.

23 «Объединенное общество плотников появилось на свет в результате крупнейшего локаута строительных рабочих 1850–60 гг. Во время этой борьбы из всех строительных рабочих лишь каменщики были объединены в единое для всей Англии общество, которое обеспечивало своим членам не только профсоюзные права, но и обычные льготы... Лондонские каменщики, подвергшиеся локауту, получали регулярную и точно обусловленную помощь от своего общества и могли бы продолжать свою борьбу в течение неопределенного времени, однако другие профессии, раздробленные на многочисленные местные общества, вскоре были доведены до крайности. Локаут 1859–60 гг. доказал, что союзы, организованные исключительно для профессиональных целей или ограниченные определенной местностью, в случае серьезного кризиса неизбежно потерпят крах. Под влиянием этого опыта некоторые члены профсоюза плотников решили основать союз на тех же принципах, что и Объединенный профсоюз механиков, общество, которое существовало уже десятый год и достигло невиданной до той поры численности и процветания» (*Beesly E.S*. The Amalgamated Society of Carpenters // Fortnightly Review, 1867. March. P. 320–21).

24 См.: The Financial Report of the Amalgamated Society of Carpenters and Joiners from June to December 1860. London, 1861. Прекрасное собрание всех отчетов и публикаций этого профсоюза находится в Цюрихе в Bibliothek der Zentral-Stelle für die sociale Literatur der Schweiz. Такого полного собрания для шестидесятых и семидесятых годов нет ни в одной лондонской библиотеке.

[25] Теперь имеется подробная биография Апларта, написанная историком рабочего представительства в Англии Хемфри. К сожалению, она принадлежит к обычному типу английских биографий и дает только пересказ – иногда интересных – документов, доставленных автору его героем, и сообщений почти восьмидесятилетнего старца, давно уже умершего для английского рабочего движения (*Humphrey A.W.* Robert Applegarth, Trade Unionist, Educationist, Reformer. London, 1914).

[26] The Labour Question. An Address to capitalists and employers of the building trades being a few reasons in behalf of a reduction of the hours of labour. On behalf of the Building Trades. George Potter, Secretary. May 30, 1861. Веббы не упоминают этого адреса. Он, по-видимому, остался им неизвестен. О нем не упоминает и Луи Блан, дающий в своих английских письмах подробное описание второй стачки (Dix ans de l'histoire de l'Angleterre. Tome I. P. 65–70, 75–89, 115–125).

[27] Маркс облек этот адрес в форму диалога в первом томе «Капитала», там, где он обосновывает требование нормального рабочего дня устами рабочего. «Во время большой стачки лондонских строительных рабочих (1860–61 гг.), требовавших сокращения рабочего дня до 9 час., их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее алчный из строительных подрядчиков, некий Мортон Пито, пользуется «репутацией святости» (Das Kapital. 1867. Bd. I. S. 201–202. У Маркса, разумеется, речь сильно изменена) [МЭС. Т. 23. С. 246].

[28] См.: Workman. 1861. № 5, 6, 7, 8, 9. The Strike in the building trades. В пятом номере опубликовано также письмо, подписанное Э.С. Бизли, Харрисоном, Томасом Юзом, Ледлоу, Беннетом, Лешингтоном. Оно было перепечатано во многих лондонских газетах. Ср.: *Webb*, loc. cit. (p. 246).

[29] Джемс Таппер (маляр), Джарвис (мостильщик), Берджес (столяр), Беттлер (оловянник), Викери (маляр), Оджер (сапожник) и др.

[30] О первом из них нам не удалось собрать никаких биографических сведений. Наоборот, Хартуэлл тесно связан с историей английского рабочего движения, как один из инициаторов чартизма и основателей лондонской Working Men's Association. Он председательствовал на том собрании этого общества, которое впервые приняло основные пункты хартии (28 февраля 1837 г.). После был членом Генерального Совета МТР. См.: *Gammage*. The History of the chartist movement, 1854. P. 60 и др.; *W. Lovett*. An Autobiography, 1877; *West*. History of the chartist movement, 1920. P. 121, 177; *Beer*. History of british Socialism. Vol. II. P. 21, 25, 28, 218.

[31] «Bee-Hive, a weekly newspaper of general intelligence and Trades, friendly society and cooperative journal, printed and published by George Potter, for the Trades Newspaper Company (Limited) at № 2, Bouverie Street, Fleet Street in the Parish of St. Bride's Fleet Street, in the City of London». Известно, что даже Британский музей не имеет полного экземпляра этого журнала: не хватает всех годов до 1869. Счастливым владельцем самого полного экземпляра является Джон Бёрнс, который при любезном посредничестве тов. Ф. Ротштейна предоставил мне его в пользование в 1910 г. Но и в этом самом полном экземпляре не хватает всех номеров до № 54, 4 октября 1862 г. В передовице номера от 18 октября 1862 г., озаглавленной The Bee-Hive and Trades Politics, мы читаем: «Год тому назад мы приступили к изданию "Bee-Hive". Начиная с 1863 г. название изменяется и гласит: "The Bee-Hive Newspaper, A journal of general intelligence advertising industrial interests"».

[32] Изображение всей этой борьбы у Веббов не соответствует фактам. Оно основано почти исключительно на рассказах Апларта, крайне субъективных. Уже одно то обстоятельство, что Апларт вынужден был уйти из профдвижения еще в начале семидесятых годов, должно было заставить Веббов отнестись к его показаниям более критически. Они игнорируют многочисленные свидетельства, которые доказывают, что Поттер действительно играл большую – полезную или вредную, это в данном случае неважно – роль в профессиональном движении. Вопреки утверждению Веббов, Поттер всегда представ-

лял настоящую профорганизацию. Что касается его Working Men's Association, то она, как мы увидим позже, является организацией позднейшего времени, преследовавшей чисто политическую цель. Иекк, который так же мало, как Веббы, исследовал причины спора между Поттером и его противниками, хотя раздоры между локалистами и централистами в немецком профдвижении – особенно в Берлине и Лейпциге – должны были бы натолкнуть его на мысль, что в войне между Поттером и его противниками действовали не только личные мотивы, но и упорные разногласия между английскими локалистами, лидером которых был Поттер, и централистами, – Иекк пишет «С 1861 г. главным органом английского рабочего класса является "Bee-Hive"; его редактором был некий Поттер, который выдавал себя (!) за председателя одного рабочего общества и охотно разыгрывал из себя лидера профдвижения» (S. 5). В действительности Поттер, как мы видели, играл уже выдающуюся роль в стачечном движении строительных рабочих и в течение шестидесятых годов являлся одним из влиятельнейших лидеров профдвижения. Он действительно был основателем Working Men's Association Он не был только никогда редактором «Bee-Hive».

33 «Томас Даннинг был неутомим в своих усилиях увеличить ее – речь идет о «Bee-Hive» – тираж и способствовать ее распространению» (Memoir of Mr. Dunning. «The bookbinders Tirade Circular». 25 February 1874). Даннингу принадлежит брошюра: Trades Unions and Strikes; their philosophy and intention. London, 1860 – по мнению Веббов, «лучшее изложение задач профсоюзов, написанное рабочим» (loc. cit., S. 149). Маркс цитирует эту брошюру в первом томе «Капитала» несколько раз (S. 539, 542, 742) [МЭС. Т. 23. С. 561, 565, 770]. Позже, когда «Bee-Hive» стал официальным органом МТР, для него писал статьи также и Эккариус. Но, вопреки ни на чем не основанному утверждению Бернштейна и Иекка, Маркс не написал ни одной строчки для «Bee-Hive», если не считать сотрудничеством публикацию некоторых писанных Марксом официальных заявлений МТР.

34 «Bee-Hive», 26 Sept. 1863: The London Trades № 1. London operative painters. «Эта ассоциация была рождена в ходе великой борьбы, в которой участвовали рабочие всех строительных специальностей».

35 «Bee-Hive», 3 and 10 January 1863: The conference of Boot and Shoemakers.

36 «Bee-Hive», 10 Oktober 1863: The London Society of compositors. Хартуэлл пишет, что этот «союз очень консервативен в области политики и особенно боится (has an horror) всякой меры, которая, по его мнению, имеет политические тенденции».

37 На такой произвольной конструкции основывается также изложение Веббов в пятой главе их истории – «Хунта и их союзники», – изложение, которое без всякой критики повторяется всеми историками английского рабочего движения. Эта хунта состояла якобы из У. Аллана, Д. Гвайля, Р. Аплгарта, Э. Коулсона и Д. Оджера, связанных тесной личной дружбой и солидарных во всех взглядах. Их наиболее выдающимся союзником был уже известный нам Т. Даннинг. Злой дух, лидер всех противников этой хунты – это Поттер. В действительности Гвайль и Даннинг были интимнейшими друзьями Поттера и такими же отъявленными врагами Оджера, против политики которого они постоянно выступали в Совете Союзов. Что касается Аллана, то он никогда не был приверженцем политической борьбы и выступал как чистый профессионалист. Характерно, что Веббы, которым неизвестно участие Кримера в забастовке строительных рабочих, не знают также или забывают, что Кример был в шестидесятых годах одним из влиятельнейших лидеров профдвижения и в лондонской секции амальгамированного союза плотников вел упорную борьбу с Аплгартом, которого ему удалось, в конце концов, вытеснить оттуда. В ходе истории Первого Интернационала в Англии мы неоднократно наталкиваемся на различные фазы этой борьбы между мнимой хунтой и Поттером. Она длилась до октября 1868 г. и закончилась примирением между частью этой хунты и ее ожесточеннейшим врагом.

38 Парламент назначил специальную комиссию под председательством Х.С. Трименхира. Ее работа резюмирована в двух отчетах. Плодом этой агитации явился Bakehouse's

Regulation Act в 1863 г. Все эти материалы использованы были Марксом в первом томе «Капитала» (третий раздел, восьмая глава, третий параграф). Блэкмор и Дик были после коллегами Маркса в Генеральном Совете МТР (Ср.: *Marx K.* Das Kapital, 1867. Bd. I. S. 217–222) [МЭС. Т. 23. С. 260–262].

[39] «Та сумма денег, которую рабочий получает за свой дневной, недельный и т. д. труд, образует сумму его номинальной заработной платы, оцененной со стороны ее стоимости. Очевидно, однако, что в зависимости от длины рабочего дня, т. е. в зависимости от доставляемого ежедневно количества труда, одна и та же поденная, понедельная и т. д. заработная плата может представлять очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда. Таким образом, в области повременной платы необходимо установить дальнейшее различие между общей суммой заработной платы, напр., поденной, понедельной и т. д., и ценой труда. Но как найти эту цену или денежную стоимость данного количества труда? Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня... Найденная таким образом цена рабочего часа служит единицей меры цены труда» (*Маркс.* «Капитал», первый том, глава 18, с. 529–530) [МЭС. Т. 23. С. 553–554].

[40] Профессор Р. Яннаш, в конце шестидесятых годов XIX столетия приват-доцент Базельского университета и делегат магдебургской секции на Базельском конгрессе в 1869 г., видит главную причину возникновения МТР именно в этой потребности.

«Благодаря тактике тред-юнионов процесс производства для рабочих и, соответственно, для заработной платы становится более равномерным. Этого результата союзы в Англии достигли в большинстве главных отраслей промышленности. Но равномерности процесса производства всегда мешала континентальная конкуренция, так как здесь этих союзов не было. Поэтому усилия тред-юнионов должны были быть направлены на то, чтобы распространить свои принципы на Европейском континенте. Возникло Международное Товарищество Рабочих, которое стремится ввести у всех конкурирующих наций регулируемый процесс производства, как этого неоднократно добивались английские союзы. О других принципах Международного Товарищества Рабочих еще можно высказать свое резкое суждение, но причины, которые привели к его возникновению, безусловно, нельзя осуждать» (*Jannasch R.* Die Trades' Unions oder Gewerkschaften. Basel, 1870, P. 12–13).

Таким образом, одна из причин, объясняющих нам присоединение английских профсоюзов к МТР, превращается в главную причину его возникновения.

[41] Мы уже сослались в тексте на Чернышевского. В октябрьской книжке «Современника» за 1859 г. он писал: «Больше всего общественное внимание было занято в последнее время колоссальной распрей между лондонскими строительными подрядчиками и их рабочими, которые требовали сокращения работы с десяти часов в день на девять часов (nine hours movement). Теперь этот величественный эпизод борьбы между капиталом и трудом приближается к окончанию, и в одной из следующих книжек мы представим отдельную статью о нем» (Сочинения, том пятый, с. 397). [*Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. V. Современник. 1859. СПб., 1906. С. 397]. В следующем обозрении он сообщает читателям, что стачка «все еще продолжается, вот уже почти три месяца, и до сих пор еще неизвестно, когда и как она кончится». К сожалению, Чернышевскому не пришлось вернуться к этой теме. В «Русском Вестнике» (1860 г., май) имеется большая статья Е.М. Феоктистова «Стачка рабочих в Лондоне», представляющая недурную сводку главных данных о знаменитой забастовке с точки зрения либерально-буржуазной. Ему хорошо известна роль Джорджа Поттера и Кримера в этом движении. Подробно реферирует об этих забастовках и Г. Каменский в «Обозрениях промышленности и торговли в Англии», регулярно помещавшихся в «Вестнике промышленности» за 1860 и 1861 гг.

[42] «В марте 1861 г. в Лондоне частично возобновилась борьба за 9-часовой рабочий день. В ходе этой борьбы завязалась переписка с рабочими континента; среди прочих были рабочие-бронзовщики из Парижа, которые прислали рабочим-строителям английской

столицы не только письмо с выражением сочувствия, но и солидную сумму, собранную по подписке в помощь бастующим. Примерно в то время г-н А. Толен, а с ним и другие, чьи имена, к счастью или несчастью, получили известность в связи с деятельностью Интернационала, появились на политической арене (*Howell G.* The History of the International Association // The Nineteenth Century. 1878. July).

43 Paris, Octobre 1861. (Bibl. Nat. Vp. 13099.) По-английски в журнале, который редактировался Хауэллом: «The Operative Bricklayers Society's Trade Circular», № 2, October 1861, под названием The labour question. A letter from a french working man on the present strike. О Фаб. Маньене см.: *Weill G.* Histoire du mouvement social en France. Paris, 1911. P. 191.

44 До сих пор нет ни одной работы, которая давала бы связную историю различных национальных групп среди лондонской эмиграции. Более всего посчастливилось польской, но и ее история разработана постольку, поскольку речь идет о ее чисто аристократических или буржуазных элементах. Судьба же демократических элементов известна очень мало. В другой работе, в которой мы проследим историю различных попыток продолжить или восстановить международные организации сороковых годов, мы покажем, как мало, вопреки мнению тов. Ротштейна, все они являлись предтечами Международного Товарищества Рабочих. – В марте 1859 г. прибыло в Кинстоун американское судно «Давид Стюарт» с Поэрио и другими итальянскими изгнанниками, которые были выпущены из итальянских тюрем. В Англии им устроили торжественный прием. В «Pensiero ed Azione» (April, 1859) мы находим адрес эмигрантов на острове Джерси – Ai sessanta sei Esuli, – помеченный 15 марта 1859. Кроме подписей Анри Лефора и Ж. Денуаля, имена которых мы еще встретим после, бросается в глаза подпись старого чартиста Джорджа Джулиана Гарни, который издавал на острове Джерси газету. О встрече Поэрио ср. крайне любопытные соображения Чернышевского в политических обозрениях 1859 г. (Сочинения, том 5, с. 111–117 и 158–160).

45 «Тем, кто помнит Италию последних сорока лет – единую, свободную и независимую, – трудно понять энтузиазм, охвативший почти всех молодых образованных англичан в дни ее борьбы за освобождение, энтузиазм, который возрастал при известиях о рыцарских подвигах Гарибальди; неугасимое пламя Мадзини и мудрость гения Кавура в той или иной степени оказали влияние на всю нацию. Такие маститые радикалы, как Коуэн, Стенсфелд, Питер Тейлор и Бойд Кинкеар, оказались под непосредственным влиянием личности Мадзини» (*Hyndmann H.M.* The record of an adventurous life. London, 1911, P. 31–32). У нас Н. Добролюбов, Л. Мечников и после Г. Лопатин свидетельствуют о таком же энтузиазме к делу и личности Гарибальди. Не было только преклонения пред гением Кавура.

46 *Ashley.* Life and Correspondence of Viscount Palmerston. London, 1879. Vol. II. P. 353–57.

47 Чернышевский называет его в своих политических обзорах «волонтерским стрелковым движением» (Сочинения, том пятый, с. 481–84). Для главного литературного органа этого движения «Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire» Энгельс написал ряд военных статей, после собранных в отдельном издании под названием «Essays addressed to volunteers» (London, 1861) [См., напр.: *Энгельс Ф.* Смотр английских стрелков-волонтеров; Французская легкая пехота; Артиллерия волонтеров; История винтовки // МЭС. Т. 15. С. 140–147, 167–182, 192–196, 201–234].

48 «Одним из первых движений, которые объединили этих людей, была борьба за освобождение Италии от австрийского ига в 1859–60 гг. Мадзини многие из нас знали лично. Гарибальди вскоре стал нашим идолом. Почти все наиболее известные деятели рабочего движения одобряли крестовый поход итальянцев; те, кто занимали иную позицию, в большинстве своем были ирландцы. В этой связи возьму на себя смелость утверждать, что энтузиазм британских рабочих помог нашему министерству иностранных дел противодействовать дипломатическим усилиям как Австрии, так и Франции, а также оказать влияние на позицию Ватикана» (*Howell.* Labour legislation, labour movements and labour leaders. Vol. 1. P. 140–41).

[49] «17 декабря 1861 г. "Генеральное общество неаполитанских рабочих", включавшее рабочих всех профессий, только что завоевавших политическую свободу, провело общее собрание своих различных обществ, секций и отделений. На этом собрании или конгрессе было единодушно одобрено "Обращение к рабочим Англии". Итальянские рабочие обращались к трудящимся классам Англии с просьбой оказать им помощь для того, чтобы в полной мере обеспечить единство и свободу Италии, а также просили совета и содействия в деле организации рабочего движения. Тон Обращения был сердечным, в нем отражался и энтузиазм, и уважение к огромному опыту и прогрессу народа Великобритании, в Обращении выражалось восхищение итальянских рабочих их английскими собратьями по труду, в нем испрашивалась помощь в деле реорганизации рабочих организаций по всей Италии. Однако это Обращение, и при существовавших тогда обстоятельствах это было естественно, носило почти исключительно политический характер. Обращение было получено в Англии в начале января 1862 г. и вручено тогдашнему секретарю лондонского Совета профсоюзов. На собрании, созванном 11 января, оно было зачитано и нашло горячий отклик и понимание. Единодушно была принята резолюция, выражавшая благодарность неаполитанским рабочим за их добрую волю и чувство симпатии, секретарю было поручено безотлагательно подготовить ответное обращение. На следующем собрании был подготовлен и принят проект обращения. После обычных выражений симпатии и добрых чувств английских рабочих в адрес континентальных собратьев, в обращении подчеркивались различия между политическим характером рабочих ассоциаций за рубежом и неполитическим характером тред-юнионов в Англии; далее в документе разъяснялась природа этих союзов и общая позиция тредюнионистов. Рабочих Италии сердечно поздравляли с завоеванной ими политической свободой и полученным правом объединяться; в документе, однако, констатировалось значительное различие в условиях существования рабочих обеих стран. В Англии дело свободы уже давно обеспечено и закреплено, а право объединяться существовало практически без ограничений. Англичане не винили итальянских рабочих в том, что те превратили свои ассоциации в политические организации, возможно это было неизбежно, но в Англии обстоятельства были иными. В Обращении далее говорилось: "У нас есть политические организации самого различного толка, и желающие могут вступить в одну из них или сразу в несколько, в зависимости от своих взглядов и наклонностей. Мы, однако, должны сообщить вам, что наши профессиональные общества не основываются на политических принципах, скорее они носят социальный характер; их цель содействовать благосостоянию своих членов во всех вопросах, имеющих отношение к их каждодневному труду"». Хауэлл уверяет, что написанный им ответ был переведен на все европейские языки и обошел всю Европу. Нам не удалось до сих пор найти подтверждение этого факта. Возбуждает большие сомнения и содержание ответного адреса. Вероятно, Хауэлл передает его содержание на память и излагает поэтому взгляды более позднего периода своей деятельности. Странно также, что в уже цитированной нами истории рабочего движения, которая в значительной степени является автобиографией, он не упоминает об этом факте.

[50] «Программа предусматривала подчинение, но также и щедрую оплату, особенно что касается народа, или, как говорится, трудящихся классов, слово, звучащее во всех официальных речах, встречающееся во всех обследованиях и повторяемое столь часто, что можно считать его изобретение счастливым случаем» (*De la Gorce Pierre*. Histoire de second empire. Tome II. Paris, 1894. P. 3–4).

[51] *Duchêne G.* L'empire industriel. Paris, 1869: глава «Economie politique du 2 décembre», p. 71–142; *De la Gorce.*, loc. cit., p. 7–17; *Thomas*, loc. cit.

[52] [*Marx K.*] The french crédit mobilier // New-York Tribune. 21, 24 June и 11 July 1856 [*Маркс К.* Французский Crédit Mobilier. Статьи первая–третья // МЭС. Т. 12. С. 21–37]; *Plenge J.* Die erste Anlagebank, Gründung und Geschichte du Crédit Mobilier, 1921.

[53] *Levasseur E.* Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours. Paris, 1867. Tome II. P. 366–70.

54 «Прежде всего следовало бы удивляться тому, что количество собственно рабочих не возросло даже на треть в промежутке между двумя большими обследованиями, проведенными в 1847 и в 1860 гг. Статистика Торговой палаты 1847 г. оценивает продукцию на 1463 млн, соответственно, в 1860 г. – на 3369 млн. Более всего выиграли следующие отрасли: 1. Пищевая промышленность (3673 заведения, 226 млн – в 1847 г.; 29 069 заведений, 1087 млн – в 1860 г.); 2. Производящая одежду (29 216 заведений, 240 млн – в 1847 г., 23 860 заведений, 454 млн – в 1860 г.); 3. Строительная (4061 заведение, 145 млн – в 1847 г., 5378 заведений, 315 млн – в 1860 г.); 4. Изготовляющая мебель (5713 заведений, 437 млн – в 1847 г., 7391 заведение, 499 млн – в 1860 г.)» (*Levasseur*, loc. cit., p. 368).

55 «И как раз во Франции весьма кстати оказалась школа Сен-Симона, которая как при своем возникновении, так и во время своего упадка обольщала себя мечтой о том, что все классовые противоречия должны исчезнуть перед лицом всеобщего благоденствия, которое будет достигнуто благодаря некоему вновь изобретенному плану общественного кредита. Ко времени coup d'état [государственного переворота. – *Ред.*] сенсимонизм в этой форме еще не окончательно умер» ([*К. Маркс*] The french crédit mobilier // New-York Tribune. 24 June 1856) [*Маркс К.* Французский Crédit Mobilier. (Статья вторая) // МЭС. Т. 12. С. 28]. Ср.: Das Kapital. Band III. Teil 2. P. 144–145 [МЭС. Т. 25. Ч. II. С. 155]. «Критически прочитав их сочинения, мы не будем удивляться тому, что реализацией их кредитных и банковских грез явился основанный экс-сенсимонистом Эмилем Перейрой Crédit Mobilier – форма, которая, впрочем, могла стать господствующей лишь в такой стране, как Франция, где ни кредитная система, ни крупная промышленность не развились еще до современного уровня». См. также: *Lexis W.* Gewerkvereine und Unternehmerverbände in Frankreich. Leipzig, 1879. P. 143. «Молодые люди с Rue Taranne и Menilmontant имели за собой годы учебы и странствий и стали теперь мастерами. Некоторые из старых сенсимонистов были министрами и сенаторами, другие – имперско-демократическими журналистами, иные стали гроссдерами и финансистами, которые с неслыханной до того "гениальностью" научились манипулировать миллионами. Биржевые бумаги были "демократизованы" с тем, чтобы весь мир мог принять участие в преуспеянии современной ассоциации. Ибо в качестве "ассоциации" теперь обожествлялось накопление капитала в акционерных обществах, которым безраздельно распоряжались ведущие финансисты за счет акционеров». Ср. также: *Duchêne G.* L'empire industriel. Paris, 1869: глава La Razzia du Saint-Simonisme. P. 49–61; *Weill G.* L'école Saint-Simonienne. Paris, 1896: глава VIII. P. 236–253; *Charléty S.* Histoire du Saint-Simonisme. Paris, 1896. P. 396–421; *Thomas A.* Le second empire. P. 54–57; *Wallon M.* Les Saint-Simoniens et les chemins de fer. Paris, 1908; *Weill G.* Les Saint-Simoniens sous Napoléon III в «Revue des Etudes Napoléoniennes». T. III. Mai 1913. Связи сенсимонистов с промышленным и банковым миром подчеркивает также автор статьи «Сен-Симон и его ученики» (Отеч. Зап. 1863. 10).

56 Короче говоря, цены 1863 г. в сравнении с таковыми 1851 г. свидетельствуют об их падении на 12 % в отношении промышленных продуктов и вздорожании на 34 % в отношении природных продуктов и сырья для промышленности. Повышение квартирной платы, составляющей во всех слоях общества наибольшую часть хозяйственных расходов, шло еще более быстрыми темпами... При таком положении вещей до 1857 г. преобладал процесс обесценивания денег, и номинальный рост заработной платы мог отнюдь не означать фактический рост доходов. В период 1847–1857 гг. в Париже наблюдалось главным образом падение. (*Levasseur*, loc. cit., p. 440).

57 «Эти чувства родились и выросли именно в условиях промышленного производства вопреки предписаниям, вопреки штрафам, вопреки навязанному молчанию и усиливающимся тяготам, а вернее, благодаря этим тяготам, этому молчанию, этим штрафам и этим предписаниям». Цитировано у *Thomas*, p. 183.

58 Вейль, который совершенно правильно замечает, что итальянская война, «весьма непопулярная в салонах, была популярна в мастерских», прибавляет, однако, к этому без

всякого основания, что «Маджента и Сольферино удовлетворили чувства французов и патриотическую гордость». [*Weill G.*] Histoire du mouvement social en France [Paris, 1924], p. 56. Интересно сравнить оценку Чернышевского и факты, приводимые им в статье, посвященной Виллафранкскому миру (Сочинения, т. пятый, с. 328–49) [*Чернышевский Н.Г.* Август 1859 // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 328–369].

59 Исключение сделано было для Ледрю-Роллена и писателей, которые, как Прудон или Морис Лашатр, будущий издатель французского перевода «Капитала», известны были как принципиальные враги папства и духовенства.

60 А не в 1860 г., как это утверждает Вейль и повторяет за ним Тома; *Чернов* (Le parti républicain au coup d'état et sous le second empire. P. 444–5) не указывает никакой даты. По-видимому, ему также осталась неизвестна эта газета. Первый номер вышел 25 октября 1859 г. Газета уже в самом заголовке подчеркивала свой интернационализм. Она называлась «L'Espérance, journal international quotidien» [«Надежда, ежедневная международная газета»], но выставляла своим мотто «Patrie et Liberté» [«Родина и свобода»].

61 «L'Espérance», 6 novembre 1859. Le Garçon boulanger; 13 novembre. Le Garçon boucher; 20 novembre. Le Cuisinier; 8 et 15 janvier 1860. Le Patissier; 22 janvier. Charpentier; 12 février. Brasseur; 19 février. Vernisseur; 28 février. Conserves alimentaires; 4 mars. Confiseur; 11 mars. Raffineur de sucres; 18 mars. Distillateur; 25 mars. Vinaigrier и т. д. Они собраны в его книге «Les ouvriers du Paris». Маркс цитирует это сочинение в добавлении к первому тому «Капитала», р. 762. «Из последней официальной анкеты по сельскому хозяйству можно увидеть, в каком состоянии находится французский "земледельческий пролетариат", а из последнего произведения г-на Пьера Венсара, – в каком состоянии французский "промышленный пролетариат"» [*Маркс К.* Капитал. М., 1934. Т. I. С. 810. См. также MEGA² Bd. II/5. S. 625]. Это место во всех дальнейших изданиях опущено.

62 «L'Espérance», 11, 18 и 25 décembre 1859. Ouvriers d'Angleterre. Les Grèves en Angleterre.

63 Во время революции 1848 г. сотрудник издававшихся Барестом «République» и «La politique nouvelle», которые в 1851 г. защищали политику экономических и социальных реформ. «Принципы, которые я в течение двадцати пяти лет приобрел в школе Сен-Симона, служили мне компасом, и ни одно событие не дало мне повод разочароваться в них». Цитировано по: *Weill.* L'école Saint-Simonienne. P. 256. Об основании «Opinion Nationale» ср. также: *Taxile Delord.* Histoire du second empire. Paris, 1870. T. II. P. 595–597. «Демократическая империя, противопоставившая старой Европе принцип национальностей, потрясшая старый католицизм разрушением светской власти пап, показалась Адольфу Геру неизбежно преходящей фазой».

64 *Lexis*, loc. cit., p. 145. Ср. изложение событий, которое дают авторы общего доклада французской рабочей делегации на Венскую всемирную выставку в 1873 г. «В 1860 г. Арман Леви, адвокат, учредил в Женеве журнал под названием "L'Espérance" ("Надежда"). В рамках рубрики "Рабочая трибуна" парижские рабочие активно участвовали в его редакции. Из этого творческого союза вышла группа рабочих, которые каждую неделю организовывали в Париже, на улице Темпль, 83, лекции, но не публичные. Эта группа, которую терпели, выпустила брошюры для рабочих, произведшие сенсацию среди производителей. Не замедлил обнаружиться тот факт, что Арман Леви являлся подставной фигурой, а подлинным вдохновителем и покровителем этого интеллектуального движения был родственник главы государства, заседавший в его совете, вдохновитель, которого рабочие на своем жаргоне, точном и правдивом в своей метафоричности, называли "примиритель из Пале-Рояля"» [«pierre à passer du Palais Royal»].

65 «Народ, император и старые партии». После коллективного предисловия следуют: 1. Как нам нечего ждать от старых партий, написано Вигье, типографским рабочим; 2. Не будем больше обманутыми, написано Шабо, жестянщиком; 3. Что такое благодеяния орлеанистов, написано Бартелеми, типографским рабочим; 4. Кто выигрывает от восстановления орлеанистов, написано Кокар, рабочим-переплетчиком; 5. Историческая аналогия, написано Леруа, типографским рабочим. Вторая и третья брошюры

вышли под названием «A l'Empereur, les cahiers populaires», Nr. 1 и Nr. 2 и содержат статьи Вассера, Вигье, Бараге, Кокара, Ваншоотена, Шабо, Кутана и других. Фрибур в своей истории Интернационала говорит, что эти брошюры были «написаны наемными имперскими писаками» и только подписаны рабочими, но я думаю, как и Лексис, что большинство статей принадлежит самим рабочим (*Fribourg*, Association internationale des Travailleurs, 1871. P. 8).

66 L'organisation des travailleurs par les corporations nouvelles. Paris, 1861.

67 Он издал еще следующие брошюры, относящиеся к этому конфликту: 1) Du salaire des ouvriers compositeurs, par Coutant; 2) Des intérêts typographiques devant la commission mixte des maitres-imprimeurs et des ouvriers-typographes, со статьями Гуэ, Леруа, Вигье, Барре и Кутана; 3) Patrons et ouvriers typographes, которая посвящена главным образом женскому труду в печатном деле. О самой стачке см.: Associations professionelles. T. I. P. 725–728 [*Lévy A.* Les Associations professionelles ouvrières. T. I. Paris, 1899] и *Lexis*, loc. cit., p. 148–150.

68 «Накануне всемирной выставки г-н Арман Леви дал понять принцу, президенту французской императорской комиссии, что под прикрытием рабочих делегаций можно было бы заложить основу партии младшей ветви императорской фамилии» (L'Internationale, sa raison d'être, ses tendances, son histoire // *La Cloche*, 10, 15, 27, 30 Juillet, 21 et 31 Août, 9 et 23 Octobre [1862. – *Ped.*]). Автором, о котором редакция говорит как об одном из основателей этой знаменитой Ассоциации, является, вероятно, Лимузен.

69 Les délégations ouvrières à l'exposition universelle de Londres en 1862. Paris, 1862; Rapports des délégués des ouvriers parisiens à l'exposition de Londres en 1862, publiés par la commission ouvrière. Paris, 1862–64. (Bibl. Nat. Inventaire V 38, 241); Exposition universelle de 1867. Commission ouvrière de 1867. Recueil des procès verbaux ...par Eugène Tartaret. Paris, 1868; Délégation ouvrière française à l'exposition universelle de Vienne 1873. Rapport d'ensemble, Paris, 1876; *Clémence Adolphe*. Les délégations ouvrières aux expositions internationales // «La Commune», almanach socialiste pour 1877. Genève, 1876; Für die französischen Brüder. II. Die Arbeiterdelegationen bei den Weltausstellungen. Leipzig, 1876; *Lexis W.* Gewerkvereine und Unternehmerverbände in Frankreich. Leipzig, 1879. P. 151–54; Les associations professionnelles ouvrières. Office du Travail. Tome I. Paris, 1899. P. 223–27; *Thomas A.* Le second empire. P. 198–207.

70 Délégation ouvrière française à l'exposition universelle de Vienne. Rapport d'ensemble. Paris, 1876. P. 14.

71 «Мы будем действительно счастливы видеть ту Италию, о которой мы столько думали все три года и освобождения которой мы так желали и так его приветствовали» (Les délégations ouvrières à l'exposition universelle de Londres en 1862. Paris, 1862. P. 13). Наряду с подписями Кокара, Кутана, Барбье, Шабо, Ваншоотена, Вассёра, мы находим и подпись Перрашона.

72 «Он был негоциантом из Лиона, который стал одним из главных представителей французской торговли на всемирных выставках 1851, 1855 и 1862 гг.; у него был особенный характер лионца, в котором часто соединяются знания и вкус к коммерческим делам с горячим интересом к самым важным социальным и религиозным вопросам. Его положительный склад ума уберег его от сектантских извращений, но он воспринял великие идеи сенсимонизма; и любое начинание, направленное во благо бедных классов, могло рассчитывать на его моральную и материальную поддержку, его дружба с Анфантеном крепла» (*Weill G.* L'école Saint-Simonienne. Paris, 1896. P. 207–208). Ср.: *Charléty.* Histoire du Saint-Simonisme. P. 302–303 и passim. Он вместе с другим экс-симонистом, Шевалье, играл большую роль в изменении торговой политики второй империи. Арлес-Дюфур вел те переговоры с Кобденом, которые привели к заключению англо-французского торгового договора в 1860 г.

73 «Progrès de Lyon», 29 septembre 1861. Письмо было перепечатано в «Opinion Nationale» 14 octobre 1861.

[74] Бланки, которому амнистия 15 августа 1859 г. вернула свободу, сейчас же приступил к реорганизации своей партии; он нашел последователей и среди рабочих, и среди учащейся молодежи. Он, правда, уже в 1861 г. был снова приговорен к четырем годам тюремного заключения, но и в Сент-Пелажи он продолжал свою революционную работу. В 1865 г. ему удалось бежать в Брюссель. Ср.: *Jeffroy G. Enfermé. Da Costa Charles.* Les Blanquistes // Histoire des partis socialistes en France publiée sous la direction de A. Zévaès. Paris, 1912; *Louis Paul.* Blanqui und der Blanquismus // Neue Zeit. XIX. 2; *Lafargue P.* Auguste Blanqui, Souvenirs personnels // Revolution Française. Juin. 1879. «В период Империи, во время своего заключения в Сен-Пелажи, перед ним прошла вся плеяда молодежи, заключенной туда императорской полицией, чтобы ее более или менее дерзкие выступления не нарушали кладбищенского порядка, который Бонапарт стремился навязать Франции».

[75] В своей брошюре «Quelques vérités sur élections de Paris» (p. 26–27), Толен дает следующее описание парижских рабочих после coup d'état, описание которых в сущности является самохарактеристикой: «2 декабря 1851 г. полностью изменило ситуацию, и в течение нескольких лет могло казаться, что социализм отжил. Это было заблуждением: он изменился. Все десять лет глубокого спокойствия (едва нарушенного итальянской войной), которое сменило шумные публичные выступления, среди наиболее активной и наиболее интеллигентной части рабочих шла медленная работа усвоения. Более не выплескивая себя шумно вовне, идеи, однако, не умерли, они перемалывались в умах. Отбрасывая преувеличения, неисполнимые утопии, они вырабатывали практические реформы, тщательно проверяя их фактами. Понимая, что в один день не изменить экономических условий общества, что принцип ассоциации сталкивается с невежеством и нетерпением масс, они изменили путь и постепенно сумели выдвинуть от имени рабочего класса несколько ясных и конкретных реформ: отмена параграфа 1781 в законе о коалициях, создание синдикальных палат, профессиональных агентов, общества взаимного кредита, и сверх того – бесплатное начальное и профессиональное образование. Это была скрытая работа, игнорирующая все, что не касалось внутренней жизни рабочего, но пустившая, тем не менее, глубокие корни».

[76] Opinion Nationale, Jeudi. 17 Octobre 1861.

[77] *Villetard* (Histoire de l'Internationale. Paris, 1872. P. 39, 59) превращает Толена в лионского рабочего, который обращается со своим письмом в редакцию «Progrés de Lyon».

[78] «Кстати, напомню, что ближайшим доверенным принца Наполеона по проведению этой операции был некий г-н Арман Леви, который снял для этого помещение на улице Темпль, 83. Он же председательствовал во время осады Парижа и в период Коммуны в клубе Медицинской школы и на нескольких собраниях федерации на площади Кордельери, 6» (*Héligon.* Le mouvement ouvrier de 1848 à 1870. Paris, 1880. P. 12–13).

[79] Тома (p. 199) изображает дело так, как будто принц Наполеон, сейчас же по прочтении письма Толена в «Opinion Nationale» выразил желание познакомиться с влиятельным вожаком парижских рабочих. «Принц Наполеон захотел его увидеть. Он отправился в Пале-Рояль».

[80] См.: *Fribourg,* loc. cit. 1. c., p. 149. «Я бы предпочел, – сказал он, – скорее отменить закон против ассоциаций, чем видеть эту поездку осуществившейся». Наконец, вынужденный уступить ясно выраженной воле главы государства, он передал Толену необходимое разрешение, напомнив снова, что, если бы он сам был хозяином, ничего похожего во Франции не произошло бы. Ср. также статью Л. (Лимузена) в «La Cloche», особенно номер от 31 августа 1870 г.

[81] Rapports au délégués ... 1862. Paris, 1862–64. P 1–IV.

[82] Толен сообщает также некоторые детали о своих переговорах с принцем Наполеоном, бросавшие более точный свет на его личную роль в этом деле. «Мы представили ему объяснения, и он сказал нам: "Организуйтесь, чтобы провести выборы, я же обращусь в министерство сельского хозяйства и в мэрию Парижа, чтобы узнать, какая сумма может быть предоставлена в ваше распоряжение". Некоторое время спустя он сказал, что по

20 тыс. франков дали министерство сельского хозяйства и Парижская мэрия. Я получил для оплаты поездки делегатов 40 тыс. франков, которые я поместил в банк. Мы призвали рабочих учредить избирательный комитет. Члены его не видели списка кандидатов, выборы были проведены баллотировкой так, как определяют депутатов. Была проведена подписка также и в мастерских, она дала 13 тыс. франков» (Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars. T. II. Versailles, 1872, P. 567. Déposition de M.Tolain).

83 «Объединение граверов и рабочих-бронзовщиков, корпорация – наиболее просвещенная и прогрессивная в вопросах демократии, – пошло на большие жертвы, чтобы результаты деятельности их делегации принесли реальные плоды. Все соперничали в самоотверженности: один из делегатов, Жан Гарнье, на свои средства повторно съездил в Лондон, чтобы завершить дело и подтвердить пользу и влияние рабочих делегаций» (Délégations ouvrières à Vienne. P. 20).

84 А не Толеном, как ошибочно утверждает Лексис (p. 151).

85 «Именно выступая везде, где позволял закон, рабочие заставляли воспринимать себя как важный и могущественный элемент общества, которым не следовало больше пренебрегать... Было бы ошибкой считать, что ничего не делается, если не занимаются немедленно всеми вопросами сразу. Напротив, если действовали по частям, вопросы решались один за другим, то шаг становился уверенней, победы убедительней» (*Coutant.* De l'esprit des délégations). Статья его читается как кредо типичного «легалиста» или позднейших оппортунистов.

86 *Chabaud.* En quoi les expositions universelles sont avantageuses aux travailleurs.

87 *Coquard.* Les délégués en 1851.

88 «Нужно, чтобы получившие благодаря нашим заботам и стараниям профессиональное образование наши дети представили удивленному миру картину умеющего и знающего поколения рабочих генерации. Тогда, и только тогда будет мирно распутан гордиев узел пауперизма, который так часто народу хотелось просто разрубить» (*Tolain H.* Du progrès industriel).

89 До 1 января 1862 г. газета называлась «The Workman, Cooperative Newspaper».

90 Маркс называет его самым слабым из всех строительных подрядчиков и прибавляет, что после 1867 г. он кончил так же, как Штраусберг, т. е. обанкротился (см.: Kapital. Band I. Zweite Ausgabe. P. 226) [МЭС. Т. 23. С. 246].

91 The Working Man, September 1862. 1) The Working Man's International Welcome to the French Delegates of Labour. 2) Address of Welcome presented to the French Delegates of Labour by English Working Men. 3) Answer of the French Delegates of Labour to the foregoing Address. Ответ французов был напечатан и в «Opinion National» 8 août 1862.

92 Villetard (p. 64) видит в этом предложении хитроумную маскировку действительных намерений будущих основателей МТР. Пюеш в своей книге «Le Proudhonisme dans l'Association internationale des travailleurs», p. 41, идет еще дальше: «Весь Интернационал в скрытом виде содержался в этом предложении, имевшем наибольший успех». Эту легенду повторяет и тов. Стеклов (Первый Интернационал, 1922. С. 57).

93 На это указывает и Тома (p. 207): «Примечательно, что руководители тред-юнионов не взяли на себя инициативу приема». И, несмотря на это, он считает возможным сказать, что делегаты «были приняты организованными рабочими Лондона» (?!).

94 Впервые это сделано было Мюратом, выступавшим на процессе первой комиссии МТР в Париже в качестве представителя обвиняемых. Превращая собрание 5 августа 1862 г. в исходный пункт МТР, Мюрат хотел ссылкой на совершенно легальный характер и собрания, и делегации доказать легальный характер МТР. А для этой цели лучше всего был пригоден английский адрес, который прочитан был Мюратом (Procès de l'Association Internationale des travailleurs. Paris, 1868. P. 43–44). Характерно, что во время третьего процесса тот же самый Мюрат счел нужным пропустить некоторые места (Troisième Procès de l'Association Internationale des travailleurs. Paris, 1870. P. 111). Времена изменились, и для обвиняемых было теперь несравненно важнее не потерять симпатий французских рабочих, чем подлаживаться к требованиям «легализма». По-

этому вполне прав английский историк социализма Ра, когда указывает, что идеи, которые развивались на собрании 5 августа, в отличие от программы МТР, представляют довольно умеренную платформу. Эти идеи образуют основу очень рационалной и умеренной программы (*Rae J.* Contemporary Socialism. London, 1891. Second edition. P. 149).

[85] Так, в своей речи о МТР 23 марта 1873 г. в Национальном собрании: «*Некоторое число* рабочих, которые были направлены в Лондон, установили в это время сначала очень слабые контакты с английскими рабочими». А в своем показании перед следственной комиссией о Парижской Коммуне он говорил, что это те самые англичане, с которыми он в следующем году встретился на митинге в Сент-Джеймс холле: следовательно, Оджер и его друзья. «Английские рабочие, которые уже давно состояли в рабочих обществах, направили к нам делегатов, чтобы узнать, не хотим ли мы к ним примкнуть. Так возникла и была одобрена всеми мысль об установлении *постоянных связей между* рабочими разных наций» (Enquête... du 18 mars. T. II. P. 553). [Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871. Rapport de la commission – Rapport de la soucommission... Ed. contenant in extenso les troi volumes distributes à l'Assamblee nationale. Paris, 1872.]

[86] «Многие французы, проживавшие в Лондоне, приняли участие в этом празднике братства; некоторые делегаты сумели найти хорошие места во время пребывания в Лондоне, затем начался обмен письмами, который день ото дня усиливал необходимость организации общего центра корреспонденций». Так говорил Мюрат на первом процессе французского Интернационала. Еще точнее он говорил на третьем процессе: «Дюпон ездил в Лондон вместе со мной, там он нашел хорошее место и остался. Узы дружбы объединяли нас: мы с тех пор постоянно переписывались».

[87] «Во время пребывания в Лондоне некоторые французские делегаты встретились с делегатами из Англии, Бельгии, Германии, Италии, Испании и, обменявшись впечатлениями о положении рабочих в различных странах, выразили намерение продолжать контакты и держать друг друга в курсе того, что может произойти в их странах» (*Héligon.* P. 13). В своем показании перед следственной комиссией он сказал: «Интернационал родился как следствие поездки делегаций в Лондон в 1862 г.» (Enquête... du 18 mars. T. II. P. 539).

[88] Это утверждает Аалеви в своих «Essais sur le mouvement ouvrier en France» (Paris, 1901. P. 22): «Но это было не единственным результатом их поездки: они посещали эмигрантов-космополитов, друзей, учеников Маркса и организовали вместе с ними гуманитарную ассоциацию, призванную сыграть величайшую роль: Интернационал рабочих». Но Аалеви не дает никаких доказательств.

[89] «С августа 1862 г., – пишет уже цитированный нами Гелигон, – произошел раскол внутри рабочей комиссии, либеральная фракция была исключена, и комиссия осталась в составе 5 членов, душой и телом преданных имперскому правительству» (*Héligon.* P. 13). Автор статей в «La Cloche» говорит: «Г-н Арман Леви и Вассёр, с одной стороны, Шабо и Кокар – с другой, взаимно упрекали друг друга в продаже рабочих принцу Наполеону» («La Cloche», 9 octobre 1870). Тома, которому эти факты остались неизвестными, переносит раскол между группой Толена и группой «Espérance» в 1863 г. (p. 208–209).

[90] «Der Sozialdemokrat», 12. Februar 1865. *H(ess),* Korrespondenz aus Paris.

[91] «В то время, когда делегаты были в пути, в рабочей комиссии, состоявшей из 11 членов, дискутировался один административный вопрос. Президент поставил его перед императорской комиссией, которая не имела к этому никакого отношения. Вследствие этого в комиссии произошел раскол, многие члены ее подали в отставку; я был секретарем и перед лицом вмешательства императорской комиссии, пытавшейся разрешить административный вопрос, я также подал в отставку» (Enquête... du 18 mars. T. II. P. 567).

[92] *Lexis,* loc. cit., p. 152–154. Изданная Палатой Труда история французских профсоюзов (T. I, p. 224–225) дает следующее сопоставление: «Из 53 докладов, исходящих от 183 парижских делегатов, фактически было 38 от 145 делегатов, в которых выражается пожелание, чтобы в их профессиях были образованы синдикальные палаты и чтобы по-

следние привели к учреждению смешанных комиссий из хозяев и рабочих для обсуждения вопросов об условиях труда; в четырех из докладов прозвучали высказывания в пользу производственных ассоциации 11 докладов, представленных 21 делегатом, были узкопрофессиональными и не рассматривали ни одного социального вопроса».

183 «Исключение представляют отчеты tanneurs (кожевники), p. 1–20; ferblantiers (жестяники), p. 20–24; dissinateurs et tisseurs en chales (рисовальщики и ткачи платков), p. 297–322; ivoiriers (костяных дел мастера), p. 497–511. Авторы свободного отчета венской делегации, очень строго относящиеся к своим коллегам в лондонской делегации, пишут: "Дух беспристрастности, который всегда должен наличествовать в оценке истории, обязывает нас сказать, что делегаты корпораций 1862 г. при составлении своих докладов избежали всякого духа неблагородства"» (p. 20).

184 Напр., отчет рабочих, производящих музыкальные инструменты, подписанный также и *Дюпоном*, будущим секретарем Генерального Совета МТР для Франции: «Именно путем создания синдикальных палат или корпораций можно, по нашему мнению, попытаться достичь тех существенных реформ, на которые мы указывали. Эти палаты должны состоять из определенного числа членов, где хозяева и рабочие будут представлены в равном количестве. Они стали бы, по существу, органами, призванными обсуждать и разрешать споры, возникающие в соответствующей отрасли промышленности» (Rapports, p. 884).

Более решителен отчет механиков (p. 471–207), подписанный уже известным нам Мюратом. Из него явствует, что на французских делегатов английский союз объединенных машиностроителей произвел сильное впечатление.

185 *Thomas* (p. 204): «Из чтения докладов, текстов, которые мне удалось собрать, следовало, что делегаты в Лондоне еще не смогли выработать точной терминологии. В общем плане то, что они называли *синдикальной палатой*, не прибавляя определения *рабочая*, означало смешанную ассоциацию, состоящую из рабочих и хозяев или порой из их доверенных лиц. Для обозначения профсоюза, в современном значении этого слова, в тред-юнионистском смысле, они употребляют выражение *корпоративное общество*». Последнее замечание неверно. Как мы уже заметили в тексте, ни в одном отчете мы не находим точного представления об английских профсоюзах. Поэтому безусловно ошибочно изложение, которое мы находим у Поля Луи: «Делегаты, вернувшись домой, представили 53 отчета, которые все без исключения, хотя и в более или менее умеренном тоне, подчеркивают необходимость свободных профсоюзов. Каждая строка воспевает благие действия тред-юнионизма» (*Louis P.* Histoire du Mouvement syndical en France. Paris, 1911. P. 118–119). В немецком издании: Stuttgart, 1912. S. 177.

186 Ср. отчет механиков: «Есть закон, охраняющий животных и обязывающий тех, кто использует их труд, не эксплуатировать последних сверх их физической возможности; есть другой закон, касающийся детского труда. Почему нет ничего похожего для взрослых людей? Несомненно потому, что, как считают, у них должно быть достаточно сил и разума, чтобы самим позаботиться о себе. У нас достаточно и сил, и разума, это верно, но и то и другое сковано законом, который гласит: "Следует наказание в виде тюремного заключения сроком от 6 дней до 3 месяцев и штрафом от 16 до 1 тыс. франков...; 2) за всякие объединения рабочих, имеющие целью одновременное прекращение работы и т. д."». Не следует ли ввести 10-часовой рабочий день, что позволило бы занять всех рабочих?» (Rapports... p. 200–201).

187 «Не следует упускать из виду, что всеобщие выборы должны были состояться в 1863 г. и что при помощи рабочих делегатов, несомненно, надеялись сформировать кадры для вербовки избирателей больших промышленных центров и таким способом добиться избрания официальных кандидатов, подавляющим большинством, чтобы потом сказать нации, что народ всегда был предан наполеоновской династии, и следует с целью получить этот результат дать чуточку правительственного социализма». *Héligon*. P. 12.

188 *Marx K.* Das Kapital, 1867. Band I. P. 446–449, 561–564, 641–643; Band III. P. 105–115, [МЭС. Т. 23. С. 466–469; Т. 25, ч. 1. С. 100–114]. *Watts John.* The Facts of the Cotton

Famine. London, 1866; *Туган-Барановский.* Периодические промышленные кризисы, 1914, С. 410–434.

[108] «Рабочие бумагопрядилен Руана, прядильщики и ткачи севера Франции, даже рабочие шелкоткацких фабрик Лиона, басонщики Сент-Этьенна, аппретурщики, печатники и красильщики тканей пригородов Парижа, Лилля, Рубэ, Мюлуза – страдали все одновременно» (*Malon B.* L'Internationale, 1872. P. 9).

[109] «Bee-Hive», 6 December 1862.

[110] Ср.: *Thomas*, p. 209–210. Вслед за Тома указывает на эти два воззвания как на доказательство уже происшедшего раскола среди парижских рабочих и Сеньобос: «Конфликт получил огласку после того, как "L'Opinion Nationale" организовала денежную подписку для рабочих Нормандии, лишившихся работы из-за войны, связанной с отделением [Южных штатов] в январе 1863 г. Было опубликовано два различных воззвания; одно, написанное Толеном и его друзьями-республиканцами, другое – сторонниками империи из рабочей комиссии» (*Seignobos.* Le déclin de l'empire et l'etablissement de la 3-me république. P. 36) (седьмой том Histoire de la France contemporaine).

[111] «Он (Пальмерстон) чувствовал себя в сфере внешней, т. е. континентальной, политики как рыба в воде, однако почти не ориентировался в американских делах и практически вплоть до падения Ричмонда был убежден в том, что Союз нельзя восстановить и что отделение было легким и естественным путем разрешения конфликта». *Mac Carthy Justin.* A History of our own times. Vol. IV. P. 10. «Вечную славу заслужил английский рабочий класс, на который легли столь тяжким грузом последствия американской войны, за то, что он ни на одну минуту не поколебался в своем чувстве отвращения, которого заслуживает институт рабства, и в своем противодействии тем, кто взялся за оружие не только для того, чтобы сохранить его, но и для того, чтобы расширить его завоевания и обеспечить его чудовищную миссию» (*Blanc Louis.* Lettres sur l'Angleterre. Deuxième série. T. I. «Partialité des classes gouvernantes en faveur des confédérés», p. 166–174).

[112] *Schlüter Hermann.* Lincoln, Labor and Slavery. New-York, 1913. P. 157–168. Линкольн ответил на оба адреса. Особенно сильное впечатление произвел его ответ на манчестерский адрес: «Я знаю и глубоко сочувствую страданиям, которые выпали на долю рабочих Манчестера и всей Европы во время этого кризиса. Часто и упорно утверждалось, что попытка свергнуть правительство, основанное на принципах прав человека, и заменить его другим, основанным исключительно на институте рабства, вероятно, заслужит одобрение Европы. Я не могу не расценивать ваши решительные высказывания на этот счет иначе как выражение высшего христианского героизма, который не был превзойден нигде и никогда». Цитировано также по: *Irving Joseph.* The Annals of our Time. London, 1871. P. 638.

[113] «Bee-Hive», 28 March 1863. The Trades Unions Emancipation Meeting. См. также: *Blanc Louis.* Lettres sur l'Angleterre. Deuxième série. T. I. Paris. P. 111–116. «La question d'Amérique et les ouvriers anglais». «Это было действительно великое, своеобразное зрелище, нечто совершенно исключительное – ораторы, выступавшие после г-на Брайта, были простыми рабочими: Оджер – сапожником, Хауэлл – каменщиком, Кример – столяром, Коннолли – ирландским каменщиком» (ср.: *Evans H.* Sir Randal Cremer. London, 1909. P. 26–30). Аплгарт принял деятельное участие в кампании против рабства еще во время своего пребывания в Соединенных Штатах (1854–1857) (см.: *Humphrey.* Robert Applegarth. London, 1914. P. 4–6).

[114] Ирландские рабочие, еще в 1862 г. (5 октября) устроившие регулярное сражение лондонским рабочим, которые демонстрировали в Гайд-парке против французской оккупации Рима и в защиту Гарибальди, теперь выступили солидарно с английскими рабочими. «Ирландские католики, – говорит Mac Carthy, – были столь же ревностными сторонниками свободы Польши, как и лондонские ремесленники».

[115] «Агитация приняла форму петиции, в составлении которой активно участвовал Толен. Это ходатайство в пользу несчастного народа быстро покрывалось подписями. Вскоре она была передана тому, в руках которого находился «меч Франции». Народное во-

деизъявление натолкнулось на отказ; забыли, что, хотя конституция Империи давала французам право обращаться с петицией, но это могло быть сделано только в адрес сената» (*Fribourg*, p. 9).

117 «Он (Кример) не верил в это. Кример помнил, как он обошелся с Венгрией, и полагал, что так же он пожертвует и Польшей, если английский народ позволит ему это сделать» («Bee-Hive», 25 July 1863).

118 «Тем не менее наша партия понимала, что лучший способ сохранить мир – это заставить Россию отказаться от притязаний на Польшу».

119 «Bee-Hive», 25 July 1863.

120 «За несколько часов Поттер – один из лидеров тред-юнионов, Колле – французский изгнанник, журналист, Джордж Оджер – англичанин, Эжен Дюпон – француз и несколько рабочих различных производительных наций выслушивали признания Толена. Не хватало времени для того, чтобы организоваться, но идея была брошена, и было уже трудно воспрепятствовать ее осуществлению» (*Fribourg*, p. 10).

121 *Meyer Rud.* (Der Emanzipationskampf des vierten Standes. Berlin, 1882. Erster Band. P. 116, 121) приписывает эту статью профессору Бизли. Но он ошибается. Анонимная статья написана Эккариусом.

122 «Times», 27. Oct. 1871.

123 «В 1863 г. героическая борьба Польши против ее русских угнетателей вызвала горячее сочувствие у рабочих Парижа и Лондона. 28 апреля 1863 г. на митинге в Сейнт Джеймс Холле присутствовали французские рабочие гг. Фрибур и Толен, специально прибывшие для этого в Лондон. Прежде чем вернуться во Францию, они встретились с некоторыми ведущими лондонскими рабочими. На этой встрече было решено создать международную организацию. Обращение к французским рабочим было составлено г-ном Оджером, переведено и отослано в Париж» (*Beesly Edward Spencer*. The International Working Men's Association // Fortnightly Review. 1870. November. P. 517).

124 *Lessner Fr.* Vor 1848 und nachher. Erinnerungen eines alten Kommunisten // Deutsche Worte. 1898. April, P. 156. См. также английскую редакцию: Sixty years in the socialdemocratic movement. London, 1907. P. 33. Неттлау следует за Лесснером и переносит митинг в 1864 г. (см.: Zur Vorgeschichte der Internationale // Dokumente des Sozialismus. Band V P. 326).

125 И все же он еще в 1865 г. хорошо знал, как это показывает его корреспонденция в берлинский «Sozialdemokrat» (22. Januar, 1865), что «26 (?) июля в честь их (французских делегатов) лондонским центральным комитетом союзов был устроен вечер, на котором решено было послать адрес парижским рабочим и предложить им международный союз для общих социально-политических целей».

126 «Bee-Hive», 25. Juli 1863.

127 «Bee-Hive», 14 November 1863.

128 В его биографии, которая напечатана в органе сапожников «St. Crispin, a weekly Journal devoted to the interest of Boot and Shoemakers and all engaged in the Leather Trades» 1869, 29 May и 5 June, мы читаем: «Идея создания Международной братской ассоциации трудящихся всех наций впервые была предложена Джорджем Оджером, и он же сыграл основную роль в практическом осуществлении этой идеи; первое обращение к рабочим Франции по случаю их визита в Англию также принадлежит его перу». На этот факт указывается и в других биографиях Оджера. Адрес опубликован впервые мною в «Vorwärts» (1 December 1913) в статье «Ein Jubiläum der Völkersolidarität».

129 «The Bookbinder's Trade Circular», issued by the London Consolidated Society of Journeymen Bookbinders, 2 March 1864.

130 Изложение этого эпизода у Веббов опять-таки сильно пострадало вследствие предвзятой точки зрения на мнимый антагонизм Оджера и Поттера и в этом вопросе. На митинге в Wittington Club, согласно отчету в «Bee-Hive» (5 March 1864), Кример предложил резолюцию, «что принцип централизации, воплощенный в билле, чреват опасностью для прав и свобод подданного и ему должно противостоять всеми силами, имеющимися

в нашем распоряжении». Луи Блан в цитированных нами английских письмах видит в проекте Гладстона «социалистическую» реформу.

131 А не, как утверждают Веббы, чтобы публично дезавуировать поведение Поттера и приветствовать предложение правительства использовать административный аппарат в выгодах рабочего класса (*Webb*, loc. cit., p. 248).

132 У Герцена имеется яркое описание этого эпизода с Гарибальди в Camicia rossa, гл. XVII шестой части «Былого и Дум» (Полное собрание сочинений и писем под ред. М.К. Лемке, т. XIV [Пг., 1920], с. 510–46). Ср. также: *Blanc Louis*. Dix ans de l'histoire de l'Angleterre IV. P. 84–101, 108–112.

133 Лучше всего это видно из следующего письма, которое Анри Лефор предоставил в распоряжение Чернова. Это – письмо Этьена Араго к Банселю, который жил тогда в Брюсселе и согласился принять присягу, чтобы иметь возможность выставить свою кандидатуру. Но согласие Банселя пришло слишком поздно.

«Париж, 14 марта 1864 г.

Мой дорогой Бансель,

Порадовавшись помехам, благодаря которым Ваша присяга пришла слишком поздно, позвольте мне присоединить свой голос к голосам Флери, Журдена и других, которые просят Вас обратиться к Вашим избирателям с просьбой отдать их симпатии и голоса, обещанные Вам, г-ну Толену, весьма образованному и очень честному рабочему. Речь идет о том, чтобы разрушить систему клеветы, которая, начав с Толена, распространяется на наших друзей, взявших на себя инициативу выдвижения кандидатуры рабочего». (*Tchernoff J.*]. Le parti républicain au coup d'état et sous le second empire. Paris, 1906. P. 409; *Moin H.* F.-D. Bancel. Paris, 1911. P. 113–114).

134 Чернов утверждает, ссылаясь на Лефора, что манифест редактирован последним и другими буржуазными республиканцами, между прочим и Гамбеттой. Но это утверждение, которое, как справедливо замечает Вейль, и само по себе мало вероятно, опровергается показанием другого современника, *Камелина*. Старый ветеран Первого Интернационала заявил мне, что Манифест был в главных своих частях написан Толеном, а затем обсужден всеми рабочими, которые собирались у Лефора, и что больше всего внес поправок Бибаль. Собрания происходили у Лефора, потому что он имел большую квартиру с ателье, которую он охотно предоставил им в распоряжение. Малон в Exposé des écoles socialistes françaises (Paris, 1872. P. 192), писанном лет через семь после этих событий, говорит, что Манифест был редактирован «почти исключительно» Толеном. В числе «шестидесяти» мы находим следующих выдающихся деятелей будущего Интернационала во Франции: Мюрата, Лимузена, Перрашона, Камелина.

135 «Манифест шестидесяти» появился на русском языке почти целиком в посвященной ему статье Молинари, написанной для «Русского вестника», – «Вопрос о рабочих» (1864. Март [МЭС. Т. 50. С. 328–360]). «Заменить ассоциацией, этим синонимом независимости и свободы работника, салариат – синоним подчиненности и рабства, – вот в сущности *цель*, к которой, по мнению их, должны стремиться рабочие классы и друзья их. Что же касается до *средства*, которое должно употребить для достижения этой цели, то оно заключается в частной инициативе». В той же книжке помещен и перевод статьи Бодрильяра (Baudrillar) «О Манифесте рабочих» из «Journal des Débats», в которой критикуется вся аргументация манифеста в пользу рабочих кандидатур [Там же. С. 361–366]. Нашей революционной интеллигенции он больше всего был известен по его изложению и критике в книге Прудона, которая была переведена на русский язык Н. Михайловским под названием «Французская демократия» (De la capacité politique des classes ouvrières. Петербург, 1867). [*Прудон П.Ж.* Французская демократия. (De la capacité politique des classes ouvrières) / пер. под ред. Н. Михайловского. СПб., 1867.]

136 «Закон 1864 г., – говорит Лексис, – который, впрочем, тоже подвергал сельских работодателей и рабочих новым статьям уголовного кодекса, представлял, без сомнения, значительный прогресс по сравнению с предыдущим, но все же никоим образом не отвечал желаниям рабочих. Границы дозволенного и наказуемого по нему очень трудно

определить. В какой момент, например, иллюзии и преувеличения возбужденных умов превратятся в "обманные деяния"? Где начинается свобода труда, нарушение которой относится к статье 416? Также нельзя отрицать, что рабочие по природе вещей гораздо легче, чем работодатели, могут запутаться в тисках закона. Все же эти жалобы значили мало в сравнении с решающим фактом, что, несмотря на закон 1864 г., и самая легальная, абсолютно исключающая принуждение и насилие коалиция может стать реальностью лишь тогда, когда правительство даст на то свое согласие» (*Lexis W.*, p. 20-21).

«Закон 25 марта 1864 г. разрешил коалиции, но в очень ограниченном виде. Была позволена лишь временная коалиция, или забастовка. Остались по-прежнему запрещенными профессиональные ассоциации и собрания корпораций (статья 291 Уголовного кодекса, статьи 1 и 2 Закона 10 апреля 1834); остались неизменными запрещения, высылки и штрафы применительно к неподчиняющимся рабочим, не разрешались забастовочные комитеты и забастовочные дежурства (статья 410 Уголовного кодекса). Закон позволял коллективное прекращение работы, но он отказывал рабочим в праве придать ему коллективный вид» (*Maxime Leroy.* La coutume ouvrière. T. II. P. 636).

137 «Правда заключается в том, что я был единственным делегатом от группы парижских рабочих, отвезшим в 1863 г. в Лондон конкретное предложение о международной ассоциации. Я был представлен моим другом Ле Любе, который служил мне в качестве переводчика на митинге английских рабочих, где председательствовал Оджер – рабочий-сапожник, недавно выступивший кандидатом на выборах в парламент от округа Саутвуорк. Чтение послания парижских рабочих было встречено аплодисментами и принято во внимание. И с этого самого дня давняя мечта о международной ассоциации начала осуществляться». (Хотя из всех прежних высказываний Лефора неопровержимо следует, что он в 1870 г. ошибался в дате, я могу еще сообщить, что Лефор мне тоже рассказывал о своем пребывании в Лондоне во время визита Гарибальди. Он признался, что мог и ошибиться в датировке.)

138 На это противоречие указал уже Чернову Thomas (Le second empire, p. 239). Он прибавляет: «Г-н Лефор оказал бы науке большую услугу, если бы попытался уточнить свои воспоминания, не стараясь при этом преувеличить свою собственную роль: это его маленькая слабость».

139 *Tchernoff*, p. 448-450. Соответствующее место в письме Ле Любе гласит: «Если он осудил оккупацию Рима, то не забыл оккупацию Гибралтара; ненавидя политику России в Польше и Черкесии, он сказал, что она аналогична английской политике в Ирландии, Китае, Японии, Индии и, особенно, в Новой Зеландии, где туземцев убивали с единственной целью – обокрасть их».

140 *Nettlau.* Aus der Vorgeschichte der Internationale // Dokumente des Sozialismus. [Bd.] V. [Berlin 1905. S.] 328.

141 Неттлау полагает, что послание, прочитанное Ле Любе, написано Лефором. Это предположение, уже само по себе маловероятное и не основанное ни на каком доказательстве, опровергается также следующим местом из письма Толена. «Он (Лефор) желал иметь свидание с тремя делегатами, чтобы представить им проект организации. Эти три делегата явились, Лефор сообщил нам текст речи, которую вы прочитали на митинге, о проекте организации, однако, ни слова: он *не нашел для этого времени*. Вы, Ле Любе, наверное, помните, что мы на другой день утром остались у Денуаля, чтобы поговорить об этой организации, прежде чем пойти к английским рабочим. Что мы вместе делали в Лондоне, вам известно».

142 Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Band III. P. 188-89 [см.: Маркс – Энгельсу, 4 ноября 1864 // МЭС. Т. 31. С. 8-11]. В моем распоряжении были оригиналы писем. Фотографии имеются теперь в Институте Маркса и Энгельса. Следует заметить, что Маркс допускает ошибку, когда пишет Энгельсу, что уже на митинге решено было назвать новое международное общество Working Men's International Association.

143 *Lessner F.* в цитированной уже нами немецкой редакции его воспоминаний – p. 156, в английской – p. 33-34.

[144] *Nettlau*, loc. cit., p. 373.

[145] Ни один знаток биографии Бакунина – а Неттлау принадлежит к лучшим знатокам ее – не поверил бы, что Бакунин мог когда-либо получить такое письмо от Юнга. Кроме Маркса, получили приглашения Мадзини и Луи Блан, но ни тот, ни другой не явились.

[146] *Spargo J.* Karl Marx. New-York, 1910. P. 260–261.

[147] По инициативе Маркса немецкое рабочее общество в Лондоне организовало сборы. Выпущенная последним прокламация написана Марксом [*Маркс К.* Воззвание Лондонского просветительного общества немецких рабочих о Польше // МЭС. Т. 15. С. 596–597], который ставит в пример немецким рабочим поведение английского рабочего класса, который массовыми митингами помешал господствующим классам осуществить вмешательство в пользу американских рабовладельцев. Прокламация подписана Боллетером, Эккариусом, Лесснером, Вольфом и др. См.: *Rjasanoff.* Marx und Engels über die Polenfrage // Grünberg's Archiv, Band VI – и мои «Очерки по истории марксизма», с. 623–25.

[148] В связи с этим приходится отвергнуть и следующие утверждения, как противоречащие фактам. Так, Веббы (р. 235) и в новом издании сообщают, что Маркс произнес речь на собрании 28 сентября, а Брентано (Meine Polemik mit Karl Marx. 1890. P. 3) уверяет, что Маркс предложил этому собранию проект устава новой международной рабочей организации. Неверно и категорическое утверждение Гильома: «Было известно, что Карл Маркс не присутствовал на этом собрании» (L'Internationale. Tome Premier. Paris, 1905. P. 1). Хауэлл, который на собрании выбран был вместе с Марксом членом Временного Совета, в своем очерке истории Интернационала увиливает от определенного ответа. «Ни при его рождении, ни при официальном провозглашении не присутствовали люди достаточного политического веса или социального влияния».

[149] Письмо напечатано в книге: *Domanico.* L'Internazionale. Firenze, 1911. P. 58–59.

[150] Даже такой серьезный исследователь, как Беер, уверяет в своей «Geschichte des Sozialismus in England» (р. 425), что собрание в St. Martins Hall 28 сентября было торжественным заключением конференции, длившейся три дня – от 25 до 28 сентября 1864 г. Не в такой категорической форме, но в сущности то же он повторяет и в своей переработанной истории, вышедшей на английском языке в 1920. «Эта конференция произошла в четвертую неделю сентября 1864 г. и решила главную проблему» (History of British Socialism. Vol. II. P. 201). Эта сказка заимствована им из биографии Кримера, которая меньше всего может претендовать на критическую проверку фактов. *Evans* пишет: «Первая конференция новой ассоциации была проведена 25–28 сентября 1865 г. по адресу 18, Great Street Soho, а затем последовало soirée в St. Martins Hall, Long Acre». Беер не заметил, что биограф Кримера спутал факты, смешав собрание 28 сентября с Лондонской конференцией 1865 г., и ограничился только тем, что вместо 1865 г. поставил 1864 г.

[151] Я знал его (Луиджи Вольфа) лично и близко в Лондоне в 1867 г. и именно он вместе с Доменико Ламой из Фаенцы (Миньон) представили меня Мадзини (*Paolo Valera.* Il cinquantenario. Milano, 1911. P. 48).

[152] «Bee-Hive», 17 September 1864. Известно, что Чиприани (род. 18 октября 1844 г.) уже 16 лет от роду сражался в рядах Гарибальди и после сражения при Асиромонте оставил Италию. Через Грецию он пробрался в Египет. Вместе с Гарибальди он проделал и поход 1866 г., а в 1867 г. мы встречаем его на Крите, где он вместе с Флурансом, который позже был убит на его глазах в 1871 г., принял участие в восстании. Он вернулся в Александрию, но скоро вынужден был бежать оттуда и только тогда уехал в Лондон, где оставался до провозглашения республики во Франции (см.: *Martinuzzi G.* Amielcare Cipriani. Trieste, 1913).

[153] См.: *Mazzini G.* Mazzini e l'Internationale. Roma, 1871. Луи Блан, который в своих английских письмах дает довольно подробную историю 1864 г., ни словом не упоминает об основании МТР.

[154] В английском переводе слово «равенство» восклицает, наоборот, француз, возвращающийся из Англии во Францию.

155 Во главе этой газетной кампании стоял известный экономист Молинари, который в «L'économiste belge» пел дифирамбы русскому правительству. «Мятеж для возвращения свободы полякам не был, стало быть, необходимым, до сих пор русское правительство не переставало проявлять твердое намерение продолжать по отношению к ним политику улучшения дел. Вот почему мы не хотим примыкать к великому крестовому походу, так сказать либеральному, который император Наполеон III готов организовать против "московского деспотизма". И он дает полякам совет для своего спасения – "надеяться на монарха, который освободил крепостных в России, а не на того, кто восстановил политическое рабство во Франции"» (L'intrigue franco-polonaise, «L'économiste belge», 25 April, 1863).

156 Уже в «Войне и мире» 1861 г. Прудон высказывался против восстановления Польши и еще резче в брошюре «Si les traités de 1815 ont cessé d'exister? Actes du futur congrès», которая вышла в конце 1863 г.: «Россия, которую принято считать главным образом повинной в расчленении Польши, на самом деле была лишь третьим участником, это ее советам приписывают первую мысль о разделе, хотя известно, что это Великий Фридрих, справедливо называвшийся Вольтером гением, решился на эту серьезную меру вопреки тому, что Марии-Терезии и Екатерине она претила. Не решаясь третировать как варваров такие державы, как Австрия и Пруссия, все проклятья были оставлены для России, гораздо менее развитой. И однако именно Россия за три года сделала больше для прогресса своих народов и улучшения управления, а заодно и для безопасности Европы, чем польские Болеславы, Казимиры, Сигизмунды, Понятовские за восемь веков... Меня назовут русофилом, я к этому готов, пусть меня назовут, как хотят, мне это безразлично, но я покраснел бы за мою страну и своих современников, если бы среди нас не нашелся человек, способный протестовать против этого польского фиглярства, продолжающего прошлогоднее итальянское фиглярство».

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТАРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ*[1]

I
Постановка вопроса

«Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги и костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»[3].

Сейчас мы вновь являемся свидетелями такого нового, как это называет Маркс, «всемирно-исторического заклинания мертвых». Сегодня оно преследует цель прославления новых боев и превращения поставленной извне задачи, навязанной могущественными силами всемирной истории, в задачу, с необходимостью вытекающую из внутреннего развития социал-демократии, якобы определяющуюся ее принципами. Вместо того чтобы посчитать достаточным объяснение занятой позиции крайней нуждой, которая, как известно, не знает не только никаких заповедей, но и никаких резолюций, а также новыми потребностями современности, кое-кто цепляется, – может быть, сознавая, что новый метод не совсем созвучен старой программе, – за прошлое, чтобы найти в нем опору для этого нового метода. При этом ссылаются не только на великих мертвых – на Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта, – но и на старый Интернационал, чтобы найти в нем принципиальное оправдание.

На самом же деле факты таковы, что Второй Интернационал, решения которого – тоже лишь кусок бумаги – принимались с участием сейчас «воюющих» или «центральных» социал-демократических партий, решительнейшим образом отвергал войну как метод борьбы за освобождение пролетариата и лишь в качестве исключения допускал оборонительную войну «против военного нападения и насильственного угнетения»[4].

Не так обстояло дело со старым Интернационалом. Еще раньше мы слышали от представителей угнетенных национальностей, которые всегда рассчитывали

* В этой статье автор использовал документы, которые в скором времени будут опубликованы в работе «Das Urkundenbuch der Internationale»[2].

на европейскую или мировую войну как на средство осуществления своих национальных идеалов, что в отличие от Второго Интернационала старый был куда «революционнее». И сейчас вновь мы слышим как от защитников, так и от противников той позиции, которую различные социал-демократические партии заняли после начала войны, что старый Интернационал поддерживал совсем другую внешнюю политику, которую можно назвать как угодно, только не пацифистской.

Генрих Вебер*, один из самых выдающихся сотрудников научного органа германской социал-демократии в Австрии, писал:

«Таким образом, политика старого Интернационала ни в коем случае не являлась политикой мира. Он считал войну неизбежным результатом капиталистического способа производства. Опасность войны исчезнет только вместе с капитализмом. Пока существует капитализм, мир – это утопия. Пролетариат же не может безучастно наблюдать за воинственной политикой господствующих классов. Он должен пытаться повернуть ее в том направлении, которое требуют его интересы. А его высшим интересом является разгром России».

Или, как недавно повторил Ф. Адлер**:

«Старый Интернационал включил в свою программу борьбу против России, которая является "частью борьбы за освобождение рабочего класса". Новый Интернационал не выдвинул никакой программы на случай войны и вряд ли сможет выдвинуть какую-либо *позитивную* программу. Ибо во времена старого Интернационала для демократии речь могла идти *только* о завоевательной войне, и народы Запада, где лишь пролетариат играл существенную роль, могли объединиться вокруг лозунга войны».

Разумеется, Ф. Адлер не так неоспорим, как Г. Вебер: он говорит, что цитируемое им положение встречается только в Учредительном Манифесте[5] и не было повторено ни на одном из последующих конгрессов старого Интернационала. Но он так же мало, как и Г. Вебер, сомневается в том, что старый Интернационал как в своей внешней политике, так и в своем отношении к войне ни в коей мере не преследовал «политику мира». Рассмотрим этот вопрос более детально.

II
Внешняя политика Учредительного Манифеста

Обычно этот Манифест рассматривают как *официальную программу* старого Интернационала. Но это – легенда, которую, наряду с другими легендами о программе старого Интернационала, повторил и Иекк. Так, он говорит об Учредительном Манифесте, что вплоть до Женевского конгресса он, так же как и Устав и Регламент[6], носил *временный характер и лишь в Женеве превратился в официально признанный документ****.

К сожалению, это утверждение абсолютно беспочвенно. *На Женевском конгрессе не было сказано ни слова об Учредительном Манифесте.* В комиссии, а также и на пленуме страстно обсуждались *Временный Устав и Регламент* – а Учреди-

* Weber H. Der Sozialismus und der Krieg // Der Kampf. 1912. 1. Dezember. S. 101.

** Adler F. Die Sozialdemokratie in Frankreich und der Krieg // Der Kampf. 1915. Februar. S. 70.

*** Jaeckh G. Die Internationale. Leipzig, 1904. S. 26.

тельный Манифест полностью игнорировался. И по самой простой причине. Он преследовал определенную цель: информировать европейский рабочий класс о том, какие мотивы побудили рабочих различных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. на собрание в Сент-Мартинс-холле в Лондоне, учредить Международное Товарищество Рабочих. И лишь благодаря дипломатическому искусству Маркса ему удалось в этот чисто *исторический* Манифест вплести свои личные взгляды, хотя и в весьма ослабленной форме[7]. Таким образом, он смог использовать Учредительный Манифест в *пропагандистских* целях и подготовить благодатную почву для своих взглядов на будущем конгрессе Интернационала. Не секрет, что во Временном Уставе, который с самого начала и составлял *настоящую программу* старого Интернационала, не все взгляды Маркса были отражены полностью в неизменном виде и что он был вынужден идти на компромиссы с другими взглядами.

Эти Временный Устав и Регламент, которые были приняты с некоторыми изменениями на Женевском конгрессе, являются с тех пор официальной программой старого Интернационала и часто публиковались именно в этом качестве. Учредительный же Манифест был и остается не чем иным, как воззванием Временного Центрального Совета, функционировавшего до Женевского конгресса. После Женевского конгресса Генеральный Совет в своих официальных публикациях это воззвание больше никогда не повторял. Если бы это было не так, то внутренняя борьба в старом Интернационале, разгоревшаяся впоследствии вокруг вопроса о политической деятельности рабочего класса, приняла бы совсем другой оборот. Ведь Учредительный Манифест объявил завоевание политической власти первейшей обязанностью рабочего класса[8].

Могут возразить, что, несмотря на то, что Учредительный Манифест никогда не являлся *официальной программой* старого Интернационала, на практике он провозгласил войну против России «частью общей борьбы за освобождение рабочего класса», и на основании этого всю внешнюю политику старого Интернационала объявляют воинственной. А автором этого Манифеста был не кто иной, как Карл Маркс.

Однако исторически обоснованная критика доказывает, что и такая трактовка Учредительного Манифеста основана на легенде.

Обратимся поэтому к оригиналу*. О России Маркс говорит в последнем абзаце Учредительного Манифеста. Сначала он констатирует, что «опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий»[10]. Именно это убеждение побудило митинг в Сент-Мартинс-холле основать Международное Товарищество Рабочих. Однако «еще одно убеждение воодушевляло участников этого собрания». Это было сознание того, что такая *внутренняя политика* рабочего класса, которая нацелена на его освобождение, несовместима с *внешней политикой* господствующих классов. Мы цитируем это место дословно в переводе, опубликованном во 2-м и 3-м номерах (от 21 и

* В работах на немецком языке Учредительный Манифест цитируется в основном по переводу, сделанному Эйххофом и напечатанному в лейпцигском «Процессе о государственной измене»[9]. Но этот перевод ни в какой мере не является надежным, а в некоторых местах он вообще вводит в заблуждение.

30 декабря 1864 г.) берлинской газеты «Social-Demokrat», то есть в той редакции, которая стала известной еще *до Женевского конгресса*[11]:

«Если освобождение рабочего класса требует братского сотрудничества рабочих разных стран, то как же они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа? Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана. Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу, огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность – самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении; в случае же невозможности предотвратить эту деятельность – объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*.

Как ни жонглировать этими словами Маркса, их невозможно превратить в проповедь войны вообще и войны против России в частности. Для этого нужно было бы полностью игнорировать ту глубокую мысль, которую Маркс так классически

---

* Из-за важности этого пассажа мы приводим здесь дословный текст английского оригинала: «If the emancipation of the working classes requires their fraternal concurrence, how are they to fulfil that great mission with a foreign policy in pursuit of criminal designs, playing upon national prejudices, and squandering in piratical wars the people's blood and treasure? It was not the wisdom of the ruling classes, but the heroic resistance to their criminal folly by the working classes of England that saved the West of Europe from plunging headlong into an infamous crusade for the perpetuation and propagation of slavery on the other side of the Atlantic. The shameless approval, mock sympathy, or idiotic indifference, with which the upper classes of Europe have witnessed the mountain fortress of the Caucasus falling a pray to, and heroic Poland being assassinated by, Russia; the immense and unresisted encroachments of that barbarous power, whose head is at St. Petersburg, and whose hands are in every cabinet of Europe, have taught the working classes the duty to master themselves the mysteries of international politics; to watch the diplomatic acts to their respective Governments; to counteract them, if necessary, by all means in their power; when unable to prevent, to combine in simultaneous denunciations, and to vindicate the simple laws of morals and justice, which ought to govern the relations of private individuals, as the rules paramount of the intercourse of nations.

The fight for such a foreign policy forms part of the general struggle for the emancipation of the working classes.

Proletarians of all countries, Unite!»[12].

сформулировал: *указание на необходимую связь внутренней и внешней политики**; предостережение от ограниченного национального эгоизма отсталых слоев пролетариата, которые готовы совместно с господствующими классами участвовать в проведении внешней политики, направленной на угнетение других народов, и не замечают, что подобная внешняя политика, несмотря на сиюминутные экономические выгоды, ослабляет их позицию во внутренней политике; призыв постоянно держать в поле зрения все махинации тайной дипломатии и вторгаться в тайны международной политики. Вышеприведенная интерпретация низводит внешнюю политику рабочего класса до уровня вульгарной демократии, идентифицирует ее с внешней политикой тогдашних венгерских, итальянских, польских, румынских революционеров, которые, не будучи связанными требованиями освободительной борьбы пролетариата, в интересах *своей* нации были готовы заключить соглашение с угнетателями *других* наций.

Борьба против дипломатии *всех* европейских правительств, против внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа; борьба за внешнюю политику, которая хочет, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами, – борьба за такую внешнюю политику в соответствии с Учредительным Манифестом составляет «часть общей борьбы за освобождение рабочего класса», а вовсе не война против России, как утверждают Генрих Вебер и вторящий ему Фридрих Адлер.

И во времена «безумного года»[14] война против России была связана для Маркса и Энгельса с вполне конкретными условиями и никогда не представлялась ни завоевательной войной под руководством существующих властей, а скорее войной революционной Германии в союзе с остальной революционной Западной Европой против деспотической России и *ее возможных союзников***. Однако ситуация в 1864 г. была совсем иной, нежели 16-ю годами ранее. Ведь опыт польского

---

* Венский социолог Р. Гольдшайд утверждает в своей недавно опубликованной работе «Соотношение внешней и внутренней политики», которая выгодно отличается от остальной массы пацифистской литературы: «Маркс упустил из виду именно то, как социальное развитие, основанное на внутренних тенденциях, перечеркивается внешними». Как это высказывание, так и критика Гольдшайдом научного социализма лишний раз доказывают, что легче «критически» отзываться о каком-либо предмете, нежели понять его[13].

** У нас еще будет возможность рассмотреть этот вопрос более детально. Но то, как традиция застилает взгляд даже таких исследователей, как Генрих Вебер, показывает не только его цитата из Учредительного Манифеста, но и еще одна из «Nachlass»: «Война, которая, быть может, будет вызвана теперь реформами во Франкфурте, была бы войной Германии против Пруссии, Англии и России. И именно такая война нужна засыпающему немецкому движению – война против трех контрреволюционных великих держав, война, которая действительно растворит Пруссию в Германии, сделает безусловно необходимым союз с Польшей, немедленно приведет к освобождению Италии, – война, которая будет направлена как раз против старых контрреволюционных союзников Германии в 1792–1815 гг., война, которая ввергнет "отечество в опасность" и именно тем спасет его, так как она поставит победу Германии в зависимость от победы демократии»[15]. Из этой цитаты Вебер выпустил все выделенные нами строки, заменил их словами «война против России, это было бы и т. д.» и добавляет: «Так писал тогда Карл Маркс!»[16]. Разве это не значит перекрыть дорогу для понимания различия между точкой зрения Маркса и плоской буржуазно-

восстания показал, с каким «идиотским равнодушием» или «бесстыдным одобрением», или циничным подхалимством английское и другие правительства следили за «умерщвлением героической Польши».

Истине соответствует лишь то, что и в шестидесятые годы Маркс оставался смертельным врагом русского царизма, что он был всегда готов «следить за его дипломатической деятельностью и в случае необходимости противодействовать ей, в случае же невозможности разоблачать эту деятельность»*, что он со всей энергией пропагандировал это свое убеждение, что он был готов сделать то же самое и по отношению к не варварским правительствам Западной Европы, что он также активно следил за дипломатической деятельностью какого-нибудь Бонапарта, какого-нибудь Пальмерстона, какого-нибудь Бисмарка и разоблачал ее. Но что он проповедовал войну *от имени Международного Товарищества Рабочих!* – можно только удивляться, как могла возникнуть такая легенда!

Важнейшим средством защитить Западную Европу от царизма Маркс и в шестидесятые годы считал восстановление Польши. И он делал все, чтобы именно с этих позиций определять лейтмотив внешней политики старого Интернационала. С какими аргументами, с какими тактическими рекомендациями, с какими практическими успехами – мы рассмотрим в следующей главе.

III
Старый Интернационал и восстановление Польши

Когда, наконец, состоялось собрание в Сент-Мартинс-холле, польское восстание, которое, несомненно, можно рассматривать как повод для встречи между английскими и французскими рабочими в 1863 г., послужившей исходным пунктом старого Интернационала[19], было уже давно подавлено самыми кровавыми средствами. От всякой надежды на скорое освобождение Польши пришлось отказаться. Давление на английское и французское правительства с целью защиты интересов Польши не принесло никаких результатов. Русский царизм, заручившийся поддержкой Пруссии, заключив конвенцию от 8-го февраля 1863 г., не чурался никаких средств, чтобы как можно скорее подавить восстание. Рука об руку с беспощадными репрессиями шла реформа в интересах польских крестьян, которая вызвала аплодисменты в адрес русского правительства со стороны всей либеральной прессы Европы.

Хотя Бизли еще и упомянул Польшу в своей речи при открытии собрания, но – наряду с другими угнетенными народами. О том, что обычно считают главным предметом собрания, на котором был основан старый Интернационал, и Толен говорил только для того, чтобы констатировать неудачу всей акции в поддержку Польши[20]. Так же как и в английском обращении, теперь на первый план выступает уже не вопрос об угнетенных национальностях, не национальный вопрос, а борьба за освобождение рабочего класса, социальный вопрос[21].

демократической русофобией? То, что подтасовывает Вебер, даже еще более низко, чем обвинения, которые выдвигал Бакунин против мнимых защитников «Кнуто-Германской империи»[17].

* «Когда в Манифесте речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях, и разоблачаю Россию, а не minores gentium (второразрядные державы)». (Письмо Маркса Энгельсу 4 ноября 1864 г.)[18].

Прошел год, и интерес к польскому вопросу ослаб не только во Франции и Бельгии, но и в Англии. В первых двух странах это обстоятельство можно объяснить также изменившимся влиянием прудонизма.

Уже в своей работе «Война и мир» (1861)[22] Прудон высказался против восстановления Польши, а еще более решительно в своей брошюре «Si les traités de 1815 ont cessé d'existèr?» («Существуют ли еще договоры 1815 г.?»), которая вышла в конце 1863 г.[23], когда восстание еще было центром политических интересов всей Европы. Самым энергичным образом он протестует против утверждения, что Россия несет главную вину за раздел Польши, что «московитское вторжение» является самым ужасным злом, которое только может грозить Европе, и рисует в самом розовом свете «реформаторские начинания» Александра II**.

Новое настроение выразилось уже на первой конференции, которая состоялась в сентябре 1865 г. в Лондоне вместо предусмотренного Временным Уставом общего конгресса в Брюсселе.

Центральный Совет представил на рассмотрение этой конференции программу, которая была рассмотрена и принята на его заседании 25 июля 1865 г. В качестве девятого пункта этой программы, которая была разработана под сильным влиянием Маркса, предлагалось следующее: «The Muscovite invasion of Europe and the re-establishment of an independent and integral Poland», что в переводе означает: «московитская угроза Европе и восстановление единой и независимой Польши»[25].

Что в этой формулировке сразу же бросается в глаза, что совершенно иная терминология, чем та, которой пользовался Маркс в Учредительном Манифесте. Почему он говорит теперь о «московитской угрозе»?

Маркс сам объясняет это в своем письме Энгельсу, написанном за несколько недель до упомянутого заседания Центрального Совета (24 июня 1865 г.):

«Ad vocem (по поводу) Польши я с большим интересом прочитал сочинение Элиаса Реньо (того самого, который издал «Историю Дунайских княжеств») "Европейский вопрос, ошибочно называемый польским вопросом". Из этой книги видно, что догма Лапинского, будто великороссы не славяне, отстаивается г-ном Духинским (из Киева, профессор в Париже) самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т. д. точек зрения; он утверждает, что настоящие московиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т. д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части. Из этой книги видно, во всяком случае, что дело очень беспокоило петербургский кабинет (ибо оно решительно положило бы конец панславизму). Всех русских ученых призвали писать ответы и возражения, но последние оказались на деле бесконечно слабыми. Аргумент о чистоте великорусского диалекта и его близости к церковнославянскому в этих дебатах свидетельствовал больше как будто в пользу польской концепции, чем московитской. Во время последнего польского восстания Духинский получил от Национального правительства премию за свои "открытия". Было также доказано с геологической и гидрографической точек зрения, что к востоку от Днепра начинаются большие "азиатские" отличия, по сравнению с местами, лежащими

** По поводу этой брошюры Маркс в своем письме о Прудоне заметил, что этот последний «в угоду царю обнаруживает цинизм кретина»[24].

к западу от него, и что Урал (это утверждал еще Мёрчисон) никоим образом не представляет границу. Выводы, к которым приходит Духинский: название Русь узурпировано московитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они intruss (незаконно вторгшиеся), которых требуется опять прогнать за Днепр и т. д. Панславизм в русском смысле, это – измышление кабинета и т. д.

Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян. С другой стороны, он объявляет неславянами и некоторые другие народы Турции, которые до сих пор считались славянскими, как, например, болгар»[26].

Девятый пункт проекта программы обсуждался на открытом заседании 27 сентября 1865 г. Однако уже на комиссии он подвергся редакционным изменениям и был выдвинут на обсуждение в следующей форме:

«Признается настоятельно необходимым уничтожить захватническое влияние России в Европе, применив к Польше "право каждого народа на самоопределение" и восстановив эту страну на социальной и демократической основе»[27].

Докладчиком от этой комиссии был Маркс. К сожалению, мы ничего не знаем о причинах этих новых изменений. Но и в этой форме девятый пункт встретил энергичное сопротивление.

Ле Любе (Франция) предложил, чтобы была сохранена только последняя часть резолюции, то есть «что народы имеют право на самоопределение». Таким образом, будет выражен тот же принцип, но на более широкой, в сущности всеобщей основе. Англичанин Уэстон поддержал эту поправку: он против включения каких-либо других вопросов, кроме социальных, – нужно делать одновременно только одно дело, но делать хорошо!

Еще более решительно высказался против предложенного пункта бельгийский делегат Сезар Де Пап:

«По его мнению, этот вопрос вообще не следовало поднимать. Восстановление Польши может быть выгодно лишь трем классам: высшему и низшему дворянству и духовенству. Что касается крестьян, то они мало на что могут надеяться. Вы хотите парализовать русское влияние, – говорит оратор, – но какое влияние? Влияние правительства? Тогда я прошу, чтобы было парализовано влияние всех европейских правительств. Разве влияние прусского, австрийского, английского или французского правительства менее пагубно, чем влияние русского правительства? Я утверждаю обратное. Но если вы намерены парализовать влияние русского народа, то я скажу, что он ничем не отличается от других народов. И действительно, среди трудящихся крестьян существует движение, участники которого борются за "землю" и "волю". Наконец есть столько угнетенных народов, что почти несправедливо называть только один из них»*.

В том же духе выступили также Лассаси и Везинье. Поляк Бобчинский, англичане Оджер, Уилер, Картер поддержали предложение комиссии, которое, наконец, было принято конференцией.

---

* В общем Де Пап повторяет аргументы, которые разработал один из учеников Прудона – Гектор Дени в серии статей, опубликованных в бельгийской рабочей газете «La Tribune du Peuple». В отличие от своего учителя, он отказался от всего, что Маркс называл «цинизмом кретина»[28].

Но это была только половина победы. Если просто внесение этого вопроса в повестку дня предстоящей конференции было встречено таким сопротивлением, то можно было предположить, что, когда речь пойдет о принятии резолюции от имени Международного Товарищества Рабочих, следует ожидать значительно более бурной дискуссии.

Сразу же после конференции один из делегатов – Везинье – развернул в Бельгии кампанию против Центрального Совета именно по поводу польского вопроса[29]. Мы не будем рассматривать его обвинения, основные положения которых повторяли воззрения Прудона: не только на России лежит вина за раздел Польши, бонапартизм не лучше царизма, человечество не должно проклинать какой-либо народ только из-за злодеяний его угнетателя, русское правительство действовало как реформатор.

В связи с этой полемикой Маркс обратился к Энгельсу (5 января 1866 г.):

«Подлинным нервом всей полемики является польский вопрос. Эти господа примкнули к прудоно-герценовскому московитизму. Я поэтому пошлю тебе прежние статьи этих оракулов в "Tribune du Peuple" против поляков; надо, чтобы ты составил контрстатью для наших женевских органов ("немецкого") или для "Workman's Advocate". Господа русские нашли новейшего союзника в прудонизировавшейся части "молодой Франции"»[30].

Выполняя эту просьбу, Энгельс написал статью: «What have the working classes to do with Poland?» («Какое дело рабочему классу до Польши?»), где он показывает, что всю внешнюю политику рабочего класса с самого начала самостоятельного рабочего движения можно выразить в немногих словах: восстановление Польши. На основе истории разделов Польши он хочет доказать, что если Пруссия и Австрия и принимали участие в расчленении Польши, то их вина ничтожно мала по сравнению с виной России. Кроме того, немецкие рабочие всегда были за восстановление Польши. Уже одного этого обстоятельства достаточно для того, чтобы снять вину с немецкого народа как такового:

«Когда рабочий класс России (если в этой стране есть таковой в том смысле, как это понимают в Западной Европе) создаст политическую программу и в эту программу войдет требование освобождения Польши – тогда, и лишь тогда речь пойдет уже не о России как нации и обвиняемым останется только царское правительство»*.

Маркс в своей Инструкции делегатам Женевского конгресса, в которой разбирались все вопросы, стоявшие на повестке дня, попытался также разъяснить европейским рабочим важность польского вопроса. При этом он весьма кратко ответил на основные возражения, выдвинутые уже на Лондонской конференции.

«*(a)* Почему европейские рабочие поднимают этот вопрос? В первую очередь потому, что буржуазные писатели и агитаторы сговорились замалчивать его, хотя они и покровительствуют всем национальностям на континенте, даже Ирландии. Какова причина этого замалчивания? Причина та, что и аристократы, и буржуа смотрят на темную азиатскую державу, которая держится на заднем плане, как на последний оплот против поднимающейся волны рабочего движения. Эта держа-

* Как ни странно звучит для нас эта аргументация, Энгельс, как известно, оставался последовательным. Мы скоро опубликуем его статьи в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus», издаваемом профессором К. Грюнбергом[31].

ва может действительно быть сломлена только путем восстановления Польши на демократической основе.

(б) При современном изменившемся положении Центральной Европы, и в частности Германии, более чем когда-либо необходимо существование демократической Польши. Без нее Германия превратится в форпост Священного союза, при ней она войдет в сотрудничество с республиканской Францией. Рабочее движение всегда будет встречать преграды, терпеть поражения и развитие его будет задерживаться, пока останется нерешенным этот важный европейский вопрос.

(с) Взять на себя инициативу в этом вопросе является в особенности долгом рабочего класса Германии, потому что Германия – одна из участниц разделов Польши»[32].

Эта аргументация оставляет открытым только один вопрос: как же фактически осуществить это столь важное восстановление Польши. Посредством нового мятежа? Посредством войны тех государств, которые не принимали участия в разделе Польши, против его участников? Посредством общеевропейской революции и войны западноевропейских держав против притаившейся на задворках Европы азиатской державы?

Французы, у которых был свой собственный деспотизм и которых к тому же подозревали в том, что они хитрят со своим бонапартизмом, только что подтвердившим свою освободительную миссию самым кричащим образом в Мексике и Италии, не могли ограничиться протестом только против русского деспотизма. В своем мемуаре[33] они следующим образом обходят этот вопрос:

«Как защитники свободы, мы заявляем, что протестуем против любого вида деспотизма, что мы решительно проклинаем и отвергаем организацию и социальные тенденции русского деспотизма, которые неизбежно должны вести к удушающему мысль коммунизму, но что мы, как делегаты экономического Конгресса, считаем себя не вправе высказываться о политическом восстановлении Польши».

В имеющихся у нас письменных протоколах Женевского конгресса говорится только, что Иоганн Филипп Беккер и Кард (псевдоним одного поляка) высказались в поддержку предложения Генерального Совета[34]:

«...но так как все были убеждены в том, что это чисто политический вопрос, что свободы нельзя достичь путем борьбы одной национальности против другой, а только путем освобождения всех от деспотизма, Конгресс переходит к повестке дня, оставляя за немецкими и швейцарскими участниками право подписать предложение Беккера о восстановлении Польши и приложить его к протоколу».

Значительно подробнее отчет, опубликованный в издаваемой Беккером газете «Vorbote».

После того как было зачитано соответствующее место из Инструкции Генерального Совета, поднялся Фрибур и от имени французской делегации внес предложение, чтобы Конгресс не проводил голосования по этому вопросу, а удовлетворился бы заявлением, что он отвергает деспотизм в любом виде и во всех странах, но не вмешивается в запутанный национальный вопрос. «Необходимо, – добавил он, – желать и требовать освобождения народа как в России, так и в Польше и отбросить старую политику, которая противопоставляет один народ другому».

Английская делегация, особенно Оджер, Эккариус, Картер, «решительно высказалась за принятие предложенной резолюции в поддержку дела Польши, которое всегда вызывало большую симпатию среди демократической и интелли-

гентной части английского народа, а первое собрание английских, немецких и французских рабочих с целью демонстрации своей решимости действовать против угнетения Польши стало, собственно, первым шагом к созданию Международного Товарищества Рабочих». А Дюпле (швейцарец, француз), напротив, не хочет поднимать вопрос, который может представлять интерес только для немцев, и присоединяется к предложению французской делегации.

Старый Беккер выступил в ответ с пространной речью. Читатель увидит, как «современно» звучит еще эта речь, произнесенная почти 50 лет назад. Меняются производственные отношения, меняется политическая конъюнктура, меняются все формы общественной жизни, и только идеи сопротивляются этому движению и ведут свою собственную жизнь.

Беккер вначале выразил удивление по поводу того, что при обсуждении данного вопроса собранием вдруг овладело недостойное бездушие. Ведь речь идет не о том, чтобы объявить войну русскому народу, и само собой разумеется, что Международное Товарищество Рабочих проклинает абсолютизм в любом виде и имеет своей целью освобождение всех угнетенных народов, что, однако, освобождение польского народа означает и ускорение освобождения русского. Он обратил внимание на то, что Российская империя может иметь, из-за своих размеров, своего географического положения и своих климатических условий, из-за свойства почвы, низкого уровня культурного развития различных ее народностей, из-за своего (за исключением нескольких больших городов) еще совершенно средневекового состояния – в политическом и религиозном, в социальном и экономическом отношениях, – лишь относительную потребность в мире. Кроме того, местные бытовые и экономические отношения в случае войны подвергнутся совсем не такому сильному разрушению, как это будет в более развитых странах, следовательно, там есть достаточно как духовных, так и материальных предпосылок для выполнения завещания Петра «Великого», чтобы представлять постоянную опасность для культуры и свободного развития Европы. При помощи статистических выкладок он доказывал, что Россия получила выгодные условия для нападения на Западную Европу только благодаря обладанию польскими провинциями, так как последние, благодаря своему более густому и поэтому более восприимчивому к цивилизации населению, более близкому к западному образованию, поставляют элиту для русской армии, и главным образом средства для ее вооружения и пропитания. Он доказывал также, что создание большой независимой Польши подорвет агрессивную силу России и она будет в большей мере сосредоточена на своем внутреннем развитии и что уже одно это способно ускорить освобождение томящихся под игом царизма народностей. Кроме того, он указывал на то, что царь объединяет в себе церковную и государственную власть и православное духовенство представляет его как мессию и за пределами России; что панславизм стал религией русской молодежи, а создание славянского мирового народа проповедуется и воспевается в поэтически-пророческой форме как воля божественного провидения. Речь здесь в основном идет о том, что в противоположность действиям буржуазии и дипломатии, которые, самодовольно руководствуясь политикой денежных мешков, внутренней и дворцовой политикой, позволяли убивать, вешать, ссылать в Сибирь мужественный народ, что рабочий класс как социал-демократическая партия должен зажечь звезду надежды на будущее и сказать, и показать народу Польши, что его дело – это дело рабочего класса всех стран, дело всего че-

ловечества. В заключение он отметил, насколько неверным было сложившееся на собрании мнение, будто бы польский вопрос имеет интерес только для Германии, и рекомендовал принять эту резолюцию.

Несмотря на то что и другие немецкие и швейцарские делегаты высказались за принятие резолюции, французская делегация осталась при своей точке зрения. Она ни при каких обстоятельствах не хотела, чтобы был назван только один деспотизм, хотя и была уже готова, в принципе, признать требование о восстановлении независимой Польши. Однако было ясно, что она ни в коем случае не хочет голосовать за предложение Генерального Совета.

«В то время, когда большинство еще не поддалось сомнениям по поводу этого пункта, – говорится в отчете в "Vorbote", – но казалось нецелесообразным проводить голосование, а все пункты [Инструкции Центрального Совета[35]. – *Ред.*] до сих пор принимались единогласно, чтобы не вызывать неудовольствия той или иной стороны, Беккер предложил добавить к протоколу следующее заявление:

"Так как Международное Товарищество Рабочих ставит перед собой задачу освобождения рабочего класса всех стран, а вместе с этим уничтожения любого насильственного господства и осуществления равноправия всех людей и всех народов, то оно стремится и к устранению империалистского влияния России и восстановлению социал-демократической Польши".

Эта поправка была сразу же поддержана всеми немецкими и немецко-швейцарскими делегатами, а также французскими швейцарцами из Юры, подписана ими в письменном виде и по предложению французской делегации единогласно принята без дальнейшей дискуссии»[36].

Читатель может теперь сравнить, как выглядят поправка Беккера и предложение французской делегации в «письменном виде» – так, как они прилагаются к протоколу:

Конгресс заявляет, что он убежден в том, что укрепление и расширение Международного Товарищества Рабочих само по себе приведет к уничтожению деспотического влияния России в Европе и к созданию социал-демократической Польши	Le congres declare: Persuade que par le developpement et la consolidation de l'Association internationale des Travailleurs, tout despotisme disparaitra et la reconstruction de la Pologne democratique et sociale se fera de lui-meme[37]

Обе резолюции отличаются только тем, что во французской в том месте, где в немецкой говорится об уничтожении русского деспотизма, говорится вообще о «любом виде деспотизма». Но обе они совпадают в том, что этого уничтожения следует ожидать не от какой-либо войны, не от внешних факторов, а от внутреннего развития каждой страны и от распространения Международного Товарищества Рабочих*.

---

* Мы опираемся на письменные протоколы. Но на основе этих протоколов новый Генеральный Совет издал в Лондоне официальный протокол, составленный Марксом и Лафаргом при помощи английских депутатов (на французском и английском языках – и тот и другой – в англо-французской газете «Courier International» в марте–апреле 1867 г.). В этих протоколах французская редакция приписывается Беккеру и публикуется только эта редакция, так что весь спор об обеих формулировках остается совершенно непонятным[38]. В официальном же издании резоло-

Эту резолюцию можно за многое упрекнуть, можно от нее отказаться или ее принять, хотя и Второй Интернационал не смог прийти ни к какой иной, более «практической», резолюции по этому вопросу, но несомненно одно: если кто-то утверждает, что внешняя политика старого Интернационала определялась его идеей о восстановлении Польши как единственном средстве защитить Европу от царизма, а значит идеей войны против России, то это следует отнести к многочисленным легендам и мифам, обилием которых отличается история старого Интернационала, так же, как и история других социальных движений.

«До сих пор думали, – сказал однажды Маркс, – что создание христианских мифов было возможно в Римской Империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот»[40].

Маркс был руководителем и душой старого Интернационала. Но, как ни велико было его влияние, ему и в дальнейшем не удалось добиться поддержки своей точки зрения всем Интернационалом*.

И вообще, в той задаче, которая так резко выдвигается на первый план в статьях Энгельса, и которая не исчезает и в Марксовой мотивировке, предназначенной для Женевского конгресса, заложено внутреннее противоречие. Ведь нельзя же от имени Международного Товарищества Рабочих проклинать целый народ, и очень сложно было убедить не только бельгийцев, видевших в [18]60-х гг. в Наполеоне своего основного врага, который только и ждет, чтобы аннексировать Бельгию, но и французов, что главная опасность, которая им угрожает, исходит только от одного деспотизма. И, вероятно, ничто так не доказывает бесплодность всех попыток воздействия на соответствующие правительства в интересах Польши, как история польского восстания 1863 г.

После Женевского конгресса старый Интернационал никогда больше не возвращался к польскому вопросу. И в конфликте между «русским» Бакуниным и «немцем» Марксом[42] он не играл никакой роли. Этого неукротимого революционный Женевского и Брюссельского конгрессов нет и ее, что формально абсолютно оправдано, так как весь конгресс целиком по этому вопросу никакой резолюции не принимал[39].

* Но Генеральный Совет не упускал ни одной подходящей возможности, чтобы высказать свои симпатии по отношению к польскому делу. Его представители принимали участие во всех собраниях, которые устраивала польская организация в Лондоне. Когда Флоке (впоследствии председатель французской палаты депутатов) во время посещения Александром II Дворца Правосудия (в 1867 г.) выкрикнул: «Vive la Pologne», Генеральный Совет на заседании от 18 июня 1867 г. принял следующую резолюцию:

«1. Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих выражает благодарность рабочим, студентам и адвокатам, которые приняли участие в недавних демонстрациях сочувствия Польше в Париже и напомнили московскому царю, что господство азиатской и варварской державы над... частью европейской территории, именуемой Польшей, наносит оскорбление чувству справедливости и здравому смыслу.

2. Поскольку адвокат Флоке подвергся нападкам многих раболепствующих или невежественных людей за свое смелое и подлинно интернационалистское поведение по отношению к царю в Palais de justice, мы выражаем свое одобрение его поведению и благодарим Совет коллегии адвокатов за отказ выразить порицание адвокату Флоке.

3. Генеральный Совет поздравляет британский народ и правительство с тем, что московский царь, по счастью, признал их недостойными более близкого знакомства с ним».

В сообщении газеты «Commonwealth» не говорится, кто именно предложил эту резолюцию. Во всяком случае, это был наверняка не Маркс[41].

ционера можно обвинять в чем угодно, но только не в равнодушии по отношению к Польше. А в самом Генеральном Совете польский вопрос был вытеснен ирландским.

Восстановление Польши оставалось постулатом внешней политики международного пролетариата, но польский вопрос полностью потерял для старого Интернационала свой практический характер. И только развитие социализма, распространение принципов Интернационала в самой Польше вынесло вновь этот вопрос на повестку дня. Однако и для Второго Интернационала вопрос о том, какими средствами и при каких условиях можно достичь восстановления Польши, был, как и для старого Интернационала, «академическим» вопросом.

Насколько сильно изменилось международное положение за 25 лет, насколько далеко зашло внутреннее развитие в «неподвижной» России, показала новая дискуссия по польскому вопросу в 1896 г. В то время как у русских социал-демократов желательность восстановления независимой Польши не вызывала никаких сомнений, в среде польских социал-демократов возник протест против преувеличения значения этого требования для международного пролетариата. Каутский уже тогда указывал[43] на то, что так как Польша перестала быть революционной страной par excellence [по преимуществу. – *Ред.*], то во многом потеряла свое значение и идея восстановления Польши как оплота свободной Европы по отношению к российскому абсолютизму. Сейчас при чтении его критики резолюции в поддержку независимости Польши, вынесенной на обсуждение Лондонского конгресса Второго Интернационала, невольно приходят на ум аргументы прудонистов против Марксовой резолюции. И когда он протестовал против желания «оживить старый шаблон и навязать его новому Интернационалу» и «занять в польском вопросе ту же позицию, что занимал Первый Интернационал», он ошибался только в одном. То, что он охарактеризовал как «старый шаблон», не принадлежало старому Интернационалу. Женевский конгресс отверг мотивировку Маркса и согласился только с основным смыслом, содержащимся в ней: желательность восстановления Польши, но независимой и демократической Польши. Потому что и Маркс, и Энгельс стремились к «полному уничтожению империалистского влияния России в Европе путем претворения принципа самоопределения народов и создания социал-демократической Польши»[44].

В какой мере Маркс впоследствии оставался на своей точке зрения – в той форме, какую он придал ей в Инструкции делегатам Женевского конгресса, – это вопрос, которым мы займемся в другом месте*.

---

* Вот только один пример того, как существенно изменялись некоторые его воззрения. Выше мы уже видели, насколько он был воодушевлен теорией Духинского. И вот по прошествии примерно пяти лет он (17 февраля 1870 г.) пишет Кугельману: «Если поляк Духинский объявил в Париже великорусское племя не славянским, а монгольским и пытался доказать это, выказав при этом немало блистательной учености, то с точки зрения поляка это было в порядке вещей. Тем не менее данное утверждение неверно. Не в крестьянстве русском, а только в русском дворянстве сильна примесь монголо-татарских элементов. Француз Анри Мартен заимствовал свою теорию от Духинского, а «вдохновенный Готфрид Кинкель» перевел Мартена и стал горячим сторонником Польши, чтобы заставить этим демократическую партию забыть свое раболепное пресмыкательство перед Бисмарком»[45].

IV

Старый Интернационал и австро-прусская война 1866 г.

До сих пор мы занимались внешней политикой старого Интернационала в узком смысле. Но возникает вопрос – какую позицию он занимал по отношению к войне вообще. Ведь еще до франко-прусской войны у него было достаточно возможностей, чтобы обсудить свое отношение к войне в совершенно конкретных случаях. В том числе и до Женевского конгресса.

Уже в мае 1866 г. стало ясно, что война между Пруссией и Австрией неизбежна и что она несет в себе дальнейшее осложнение положения в Европе. Однако если мы обратимся к протоколам Центрального Совета, то вплоть до заседания 5 июня 1866 г. мы не найдем ничего, что могло бы указать на серьезность ситуации. Инициативу взяли на себя национальные секции, в том числе и Французская секция в Лондоне, членом которой в то время являлся Лафарг.

15 мая парижские студенты обратились к студентам Германии и Италии с призывом, направленным против угрозы войны, под которым было более 500 подписей, в том числе и Вайяна. Мы воспроизводим его дословно, потому что он очень характерен для настроений революционной демократии во Франции*.

«Братья! В обеих странах вас призывают к войне. Молодая Италия и Молодая Германия вооружаются для борьбы друг против друга. С глубокой скорбью воспринимает французская молодежь это движение. Наше поколение призвано свершить дело, которое является надеждой человечества и требует объединения всех наших сил. Вы недооцениваете это дело.

Немецкие и итальянские братья, с угрожающим видом обнажающие меч друг против друга, скажите же нам, каковы чувства и воззрения, разделяющие вас? У нас у всех в сердцах горит одна и та же ненависть. Какая ненависть? Ответьте. Разве это не ненависть к угнетению? – Что мы любим больше всего на свете? Что мы хотим осуществить в обществе? – Свободу и справедливость! Не спрашивайте больше ничего; мы все едины. И это безумие – нападать друг на друга. Братья, вы – обманутые жертвы старой политики, столь же неумной, сколь достойной ненависти, которая вот уже века толкает народы на обоюдные убийства под нелепым предлогом национальных интересов и племенных различий.

Национальности, отчизны, расовые различия, равновесие – это все громкие бессмысленные слова, которые всегда служили лишь маской тщеславию и сумасбродной гордости нескольких угнетателей. Подобные войны ведутся с тех пор, как существует мир. К чему они привели? Пролились реки крови, а что при этом выиграли народы?

Братья! Пришло время отбросить все эти неразумные идеи, эти убийственные предрассудки. Отделимся от этого старого мира, который разваливается на куски.

Итальянцы, немцы, французы! Достаточно долго мы бились за славу этих пустых понятий. Долой их! Скажем же наконец, что мы просто люди. Как мы признаем только одного вождя – разум, так мы признаем и только одну Родину – человечество. Тот, кто хочет быть свободным, кто хочет двигаться с нами по пути революции, – тот наш земляк, а нарушители справедливости, которые хотели бы

* Дается по переводу, опубликованному в «Vorbote» в 1866 г.

навсегда навязать народам рабство, невежество и нужду, – это наши единственные враги.

Братья из Германии и Италии! Против этих врагов должны вести мы войну, непримиримую войну, без пощады и без устали. Мы призываем вас всех к этой войне. Это наша святая задача, задача девятнадцатого века. Вместе вперед! Потому что эта война будет от начала вещей единственной, имеющей заслуги перед человечеством, и самой последней из всех войн. Потому что, когда угнетение будет уничтожено, предубеждение исчезнет, социальная справедливость станет реальностью – можно ли тогда представить, что народы смогут подумать о взаимном уничтожении? Их очевидный интерес состоит не в этой отвратительной борьбе, а в мире, единодушии и братстве»[46].

На заседании Центрального Совета 5 июня 1866 г. Лафарг представил ответное обращение (составленное им самим), которое было принято французской секцией, и от имени секции предложил, чтобы Международное Товарищество Рабочих обратилось с этим воззванием к студентам всех народов от имени рабочих всех народов. Несмотря на протесты некоторых членов, говоривших, что нельзя выступать от имени Центрального Совета с обращением, которое обсуждалось в отсутствие большинства, 6 голосами против 6 (решающим оказалось мнение председателя) было решено принять от имени Центрального Совета воззвание, которое было предложено французской секцией и должно было быть опубликовано от имени рабочих всех стран[47]. Так это и произошло, и уже 10 июня 1866 г. оно было опубликовано во французской газете «La Rive Gauche» («Левый берег») (Aux étudiants de Paris, aux étudiants et aux jeunes hommes de tous les pays. les ouvriers de tous les pays). (К парижским студентам, к студентам и молодежи всех стран – рабочие всех стран.) Мы приводим это воззвание в немецком переводе, который был опубликован в июльском номере «Vorbote» за 1866 год[48].

«Мы слышали горячий призыв, с которым вы обратились к своим братьям в Италии и Германии. Наши сердца наполнились ликованием. Нам говорили, что не стало больше той блестящей учащейся молодежи, которая всегда была готова отстаивать правое дело. Но нет! Она не умерла! Пылкая, как никогда, она шествует путями Революции.

Среди всеобщего ослепления, которое правительства используют, чтобы толкать народы на взаимное истребление, вы нашли в себе мужество провозгласить слова мира и взаимопонимания. Мы говорим вам:

Да, мы вместе с вами проклинаем войну, ибо на наши плечи ложится вся ее тяжесть, ибо мы тысячами гибнем под пушечными снарядами на полях сражения.

Человечество слишком долго страдало, слишком долго склонялось под отупляющим гнетом силы; пора ему, изгнав из ума и сердца всякое суеверие, разогнуть свою спину и решительно потребовать справедливости.

Студенты и молодежь всех стран!

Мы, обездоленные, несущие на себе тяжелое иго, мы – производители богатств, которым не дано ими пользоваться, мы взываем к вашим сердцам.

Студенты-медики, вы лучше, чем кто-либо, знаете наши страдания, вы видите нас в больницах – единственное, чем платят нам за жизнь, полную тягот и изнуряющего труда.

Студенты-юристы, вам знакомы путы, которые закон накладывает на наши организации во всех странах.

Студенты-философы, освобожденные наукой от всякого суеверия, вспомните, какие усилия понадобились вам, чтобы добиться таких результатов, и скажите, доступны ли они нам, работающим без отдыха?

Молодые люди, как мы, зарабатывающие себе па жизнь, вы знаете, каких тяжелых трудов стоит наш жалкий кусок хлеба!

Мы, по вашему примеру, хотим созвать свой конгресс. Он соберется в Женеве 13 сентября этого года. Мы хотим собраться, чтобы изучить пауперизм, эту отвратительную язву, разъедающую наши ряды; мы хотим найти средство против него и применить это средство любой ценой.

Итак, вы – молодежь, благородные стремления которой еще не охлаждены годами, наконец, вы – надежда будущего: из пучины наших бедствий мы говорим вам: придите к нам, посмотрите на наши огрубевшие от труда руки, придите, чтобы скрепить наш союз. Вы поделитесь с нами своей ученостью, а мы посвятим вас в таинства труда. Мы лучше узнаем и еще больше полюбим друг друга.

Бедняк не имеет отечества, во всех странах он страдает от одних и тех же зол: он понимает, что границы, воздвигаемые власть имущими для его более полного порабощения, должны пасть. Бедняк в первую очередь призван претворить в жизнь мечту доброго Анахарсиса Клоотса, оратора человеческого рода, – создать великий союз народов. Так придите же вы, молодежь, придите помочь нам выполнить эту великую задачу XIX века.

Тогда социальная революция, которой мы ждем, которой мы требуем со всей настойчивостью, совершится. Тогда человек станет не только хозяином своей личности, но и хозяином своего труда, ибо привилегии исчезнут и паразитов больше не будет. Одни трудящиеся будут тогда в почете, мир и счастье воцарятся на всей земле, и будет наконец установлено единство человеческого рода»[49].

То, что Маркс был несогласен с этим воззванием, подписанным также Эккариусом, Лесснером, Юнгом, Дюпоном, Шо и др., видно из его письма Энгельсу 20 июня 1866 г.:

«Поехать в Манчестер мне нельзя, так как в теперешнем состоянии я не могу уехать из дому; кроме того, я должен быть здесь из-за Интернационала, так как мои французские друзья уже воспользовались однажды моим отсутствием, чтобы в теперешней весьма трудной обстановке делать глупости от имени Товарищества»[50].

Так оно и было на самом деле. И воззвание везде было воспринято – во Франции, в Германии, в Швейцарии – как воззвание Международного Товарищества Рабочих.

Само начало австро-прусской войны впервые упоминается в Генеральном Совете на заседании 12 июня 1866 г., то есть в тот день, когда Австрия отозвала своего посла в Берлине, а прусскому послу в Вене вручили его паспорта. Однако обсуждение было отложено на следующее заседание (19 июня 1866 г.).

К сожалению, из протоколов мы узнаем только то, что это обсуждение открыл Эккариус и что вслед за ним выступили Ле Любе, Фокс, Лафарг и Маркс, «который произнес чрезвычайно интересную речь»[51].

Кое-что сообщает нам сам Маркс в уже цитированном письме Энгельсу:

«Вчера были прения в Совете Интернационала о теперешней войне. Об этом было объявлено заранее, и наша комната была полна народу. Господа итальянцы также опять прислали своих представителей. Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о "национальностях" вообще и о нашем отношении к нему. В ближайший вторник будет продолжение обсуждения этого вопроса.

Французы, которых было очень много, не скрывали своего искреннего нерасположения к итальянцам.

Представители "молодой Франции" (*нерабочие*) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация – "устарелые предрассудки". Прудонистское штирнерианство. Разложить все на мелкие "группы" или "коммуны", которые затем образуют "союз", но не государство. И в то время как происходит эта "индивидуализация" человечества и развивается соответствующий "мютюализм", история во всех остальных странах должна приостановиться, и весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они проделают на наших глазах этот опыт, и весь остальной мир, побежденный силой их примера, сделает то же. Это как раз то, чего ожидал Фурье от своего образцового фаланстера. Вообще же все, кто усложняет "социальный" вопрос "суевериями" старого мира, – "реакционеры".

Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам "*по-французски*", то есть на языке, непонятном для $^{9}/_{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией.

Вообще положение сейчас очень трудное, так как необходимо выступать в одинаковой мере как против глупого английского итальянофильства, так и против неправильной французской полемики с ним, и в особенности избегать всякой демонстрации, которая увлекла бы наше Товарищество на путь односторонности»[32].

Это последнее положение было для Маркса решающим.

Хотя в прениях еще ни один русский не принимал участия, они продолжались еще на четырех заседаниях (26 июня, 3 июля, 10 июля, 17 июля)[33]. На точку зрения не только французских, но также и других членов [Генерального Совета] повлияло то обстоятельство, что они были сбиты с толку тем, что ход войны поставил Гарибальди и Бисмарка на одну сторону. Так, Юнг полагал, «что сердцем Гарибальди предан правому делу, но голова его и меч на другой стороне». Он выразил сожаление, что Гарибальди и Мадзини состоят в союзе с Бисмарком, но надеялся, что результатом войны будет революция. А поляк Бобчинский, напротив, взял Гарибальди под защиту, указав на то, что хотя он и борется на одной стороне с Бисмарком, однако делает это из совсем других побуждений. Он и Картер предложили следующую резолюцию:

«Лондонские члены Международного Товарищества Рабочих считают, что возникший на континенте конфликт является конфликтом между тиранами, и рекомендуют рабочим оставаться нейтральными и объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для нанесения сокрушительного удара всем европейским тиранам и для провозглашения своего собственного освобождения».

Очень одностороннюю резолюцию, направленную против Пруссии, предложил Фокс:

«Прусское правительство несет ответственность за бедствия, вызванные настоящей войной на континенте».

Кример также сообщил о своем намерении внести резолюцию, которая вряд ли была написана им самим и, вероятно, представляла собой продукт коллективного творчества:

«1. Происходящая в настоящее время в Европе война между прусским и австрийским правительствами является войной за господство и, как таковая, не су-

лит народам никаких благ: кто бы ни оказался победителем, результатом будет только замена одного деспота другим.

2. Совет сожалеет о том, что прусский народ дал отвлечь свои силы от борьбы за расширение и укрепление народных свобод военной политикой Бисмарка, который тем самым смог усилить свой политический гнет.

3. Совет также выражает надежду, что итальянский народ, который добивается свободы для венецианцев, не вступит на путь позорного союза с прусским правительством и не совершит моральное и политическое самоубийство тем, что, сражаясь за освобождение венецианцев, одновременно будет помогать прусскому правительству в порабощении германского народа.

4. Так как все войны, предпринятые не ради свободы и справедливости, жестоки и не могут быть оправданы, мы рекомендуем народам Европы воздержаться от какого бы то ни было активного участия в настоящей несправедливой борьбе».

Дискуссия была завершена только на заседании 17 июля 1866 г. Нам известно, что основными докладчиками были Даттон, Бобчинский и Маркс. После того как Кример и Фокс сняли свои резолюции, была принята единогласно резолюция Бобчинского – Картера с изменениями, в которых сразу же чувствуется рука Маркса:

«Центральный Совет Международного Товарищества Рабочих считает, что возникший на континенте конфликт является конфликтом между правительствами, и рекомендует рабочим оставаться нейтральными и объединиться, чтобы в единстве почерпнуть силы, необходимые для их социального и политического освобождения».

К тому времени, когда эта резолюция была опубликована, война уже закончилась. 26 июля в Никольсбурге был заключен прелиминарный мир между Пруссией и Австрией. Однако это опоздание, как известно, не было характерным для старого Интернационала. Во всяком случае, эта резолюция имела то преимущество, что она не «увлекла наше Товарищество на путь односторонности» и что она, говоря словами Маркса, предохраняла «от всякого, хотя бы только кажущегося компромисса с существующей властью»[54].

V

Принципиальная позиция старого Интернационала по отношению к войне. Его отношения с Лигой мира и свободы

Мы видели, что и строго марксистское направление – насколько можно говорить о таком направлении в старом Интернационале: ведь «марксизм» немыслим без опыта старого Интернационала – никогда не пыталось объявить насущной задачей международного пролетариата войну против России.

Наоборот. Сам факт основания старого Интернационала указывал на тенденцию, насколько это было возможно, полностью исключить борьбу между народами, чтобы уже без помех вести классовую борьбу. «Мир между народами» – таков был практический лозунг и для «марксистов». Различие между ними и «прудонистами» заключалось не в том, что они провозглашали «завоевательную войну за демократию»[55], а в том, что они опасались завоевательной войны со стороны России и считали своим долгом разъяснять эту опасность международному пролетариату. Отсюда и скептицизм в отношении возможности разоружения, прежде

чем эта опасность с Востока и основные причины войн вообще будут устранены. Отсюда и борьба против постоянных армий, которая велась старым Интернационалом тем энергичнее, чем больше его представители убеждались в том, что милиционная система дает самые лучшие гарантии для успешной оборонительной войны. И совсем не потому, что старый Интернационал был «воинственным», он занял «враждебную» позицию по отношению к пацифистской Лиге мира и свободы, а потому, что эта последняя вела свою борьбу за сохранение мира с неверных позиций. И в этом вопросе нам также приходится бороться с различными легендами, которые искажают истинную историю отношений между этими двумя международными обществами.

К сожалению, мы располагаем лишь отдельными разрозненными протоколами за 1867 г.[56] Поэтому мы не можем установить, как вел себя Генеральный Совет во время Люксембургской аферы, которая привела Европу на грань войны. Мы знаем только то, что этот вопрос о войне впервые предоставил всему Международному Товариществу Рабочих возможность «предстать перед миром как настоящий, давно существующий мирный союз народов»[57]. В акциях протеста против войны секции старого Интернационала во всех странах, которым грозила опасность войны, шли в первых рядах.

В это время организовался также комитет из представителей буржуазных партий с целью созыва конгресса мира в Женеве 5 сентября 1867 г. Старый Беккер отнесся к этому предприятию благосклонно.

«Мы видим, что вот уже более тридцати лет вынашиваемая идея о братстве народов теперь, после того как она сначала в общем была поставлена на практическую почву рабочим классом путем основания его Международного Товарищества, наконец серьезно подхватывается и буржуазной, т. е. однобоко политически ориентированной демократией. Мы можем с тем большей радостью приветствовать это событие, что в нем частично заложено гласное признание наших стремлений, и это дает нам внутреннее удовлетворение ...Этот конгресс станет пробным камнем для либеральной буржуазии, и может быть последним, который ей предоставляет история. Мы не хотим делать поспешных выводов, а хотим подождать и увидеть, как в этих кругах будут держаться при обсуждении средств для достижения цели, которые по своей природе не могут быть из бархата и шелка, и будут ли здесь не только красиво говорить и принимать много постановлений, а энергично займутся их выполнением»[58].

Соответственно этому Женевская секция постановила на предстоящем конгрессе призвать Международное Товарищество Рабочих поддержать Конгресс мира в Женеве, его цели и послать туда официальную делегацию.

То, что организаторы Конгресса мира придавали большое значение возможному присоединению к нему старого Интернационала, следует из того, что они согласились отложить Конгресс мира до 9 сентября с тем, чтобы дождаться решения Лозаннского конгресса.

Резолюция Беккера, предложенная им Женевской секции 20 августа 1867 г., была принята общим собранием секции 25 августа[59]. Совсем по-другому решил этот вопрос Генеральный Совет в Лондоне. Следующая выдержка из письма Маркса Энгельсу (4 сентября 1867 г.) разъясняет это: «Ты знаешь, что я высказался в Генеральном Совете против присоединения к болтунам о мире. Речь моя продолжалась около получаса. Эккариус в качестве секретаря-протоколиста дал

в «*Bee-Hive*» отчет, в котором поместил из моей речи лишь несколько фраз. При перепечатке в «*Courrier*» были в свою очередь опущены фразы о необходимости армии vis-à-vis (против) России и о *трусости* этих субъектов[60]. Тем не менее эта история произвела много шума. Ослы из числа организаторов Конгресса мира, представителем которых в Лондоне является мосье де Колевиль, совершенно *изменили* свою первоначальную программу и вставили в новую, гораздо менее демократическую, даже слова о «сочетании экономических интересов со свободой», расплывчатую фразу, которая может также означать простую *свободу торговли**. Они бомбардировали меня письмами и имели даже наглость прислать мне прилагаемую бумажку с новой программой. Наглость состоит в том, что на адресе они именуют меня «участником Женевского и т. д. конгресса»**.

Заседание Генерального Совета, о котором рассказывает Маркс в своем письме, состоялось 13 августа 1867 г. Судя по отчету в «Bee-Hive», именно Маркс обратил внимание Генерального Совета на Конгресс мира в Женеве. Он сказал, что было бы желательно, чтобы возможно большее число делегатов посетило бы Конгресс мира в индивидуальном порядке. Было бы, однако, нецелесообразно принимать участие в нем официально, в качестве представителей Интернационала. Конгресс Международного Товарищества уже сам по себе является конгрессом мира, поскольку объединение рабочего класса различных стран в конечном итоге должно сделать международные войны невозможными. Если бы организаторы Женевского Конгресса мира правильно понимали основной вопрос, то они должны были бы присоединиться к Международному Товариществу Рабочих. Нынешний рост больших армий в Европе обусловлен революцией 1848 г., большие постоянные армии являются необходимым последствием господствующего состояния общества. Они предназначены не для поддержания международного блага, а для того чтобы держать рабочий класс в узде[62]. Но так как не всегда имеются в наличии баррикады, чтобы их бомбардировать, и рабочие, чтобы их расстреливать, то должна существовать, кроме того, и возможность разжигать международные конфликты, чтобы держать в состоянии готовности солдатню. Несомненно, сторонники мира любой ценой будут представлены на конгрессе в большом числе. Эта партия охотно пошла бы на то, чтобы Россия одна обладала средствами для ведения войны против остальной Европы, между тем как сам факт существования такой державы, как Россия, был бы достаточным для того, чтобы заставить все другие страны сохранять свои армии в боевой готовности. Более чем вероятно, что некоторые французские радикалы воспользуются случаем, чтобы произнести напыщенные речи против своего правительства, которые, однако, произвели бы большее впечатление, если бы были произнесены в Париже. Люди, которые не хотят помочь изменить отношения между трудом и капиталом, игнорируют действительные условия всеобщего мира. В заключение своей речи Маркс внес предложение о том, что деле аты Генерального Совета не должны официально участвовать в Конгрессе мира и обязаны выступать на конгрессе Интернационала против вся-

* Первая программа была принята 11 июля; вторая, принятая в конце июля, противопоставляет друг другу две партии в Европе: партию свободы и партию военной диктатуры; третья программа, в которой говорится об «alliance effective de la democratie Européenne», датирована 13 августа.

** Briefwechsel. Dritter Band. Seite 403[61].

кого предложения в пользу официального участия. Его резолюция была принята единогласно.

Именно так и поступали делегаты Генерального Совета на Лозаннском конгрессе. Однако они встретили сопротивление со стороны Женевской секции. Комиссии* по выработке проекта ответного обращения в адрес Конгресса мира была представлена обширная резолюция Женевской секции от 25 августа**.

---

* Пять членов: Дюпон, Клейн, Бюркли, Хафнер, Рибо.

** Резолюция была написана Беккером. Ничто не показывает лучше, чем эта резолюция, насколько далеки были «марксисты» в старом Интернационале от марксизма в том смысле, в котором мы понимаем его сегодня. И все же беккеровская газета «Vorbote» долгие годы оказывала влияние на всю немецкоязычную социал-демократию. Читая резолюции, лишь с трудом можно обнаружить большое различие между «немецкой» и «романской» фразеологией.

«Принимая во внимание:

Что существование Международного Товарищества Рабочих означает фактическое братство народов – союз в интересах сохранения мира;

что всеобщее благо для всего человеческого рода может быть достигнуто только в результате интеллектуального и физического труда;

что создание, облагораживание и умножение духовных и материальных благ возможны только в мирных условиях;

что, напротив, вследствие войны не просто тормозится и сокращается производство, но и уничтожаются продукты, производительные силы и средство производства;

что даже вооруженный мир парализует большую часть производительных сил, а также обрекает труд на непродуктивную деятельность, даже навязывает ему производство орудий разрушения, постоянно угрожает возможностью войны и тем самым держит в страхе производство и ослабляет его;

что ни вооруженный мир, ни развязывание войны не могут быть предотвращены, пока повсеместно не завоевана и не гарантирована свобода, всем народам не предоставлен суверенитет и постоянные армии не заменены народным ополчением;

что народы могут завоевать и обеспечить себе свободу и суверенитет только путем взаимных услуг (мютюэлизм) и взаимных обязательств (солидарность);

что взаимность и взаимные обязательства могут существовать и приносить плоды, если они видят свою конечную цель в отождествлении частных и общих интересов – истинной справедливости для всех людей;

что эта конечная цель может быть достигнута только путем тесного объединения всех распыленных средств и прочной организации всех разрозненных сил – через Международное Товарищество;

что старые прогрессивные партии, слишком отягощенные политическими и религиозными, национальными и социальными предрассудками, не способные более вследствие партикуляристских интересов своих членов ни к какому решительному действию – выполнению своего культурно-исторического призвания, – находятся в состоянии упадка;

что только пролетариат умственного и физического труда, интересы которого совпадают со всеобщей культурно-исторической задачей, объединясь со всеми великими сердцами, в состоянии поддержать знамя человечества и человечности и в качестве партии возрождения проложить новый путь всемирной истории;

Конгресс Международного Товарищества Рабочих постановляет:

1. Всеми силами поддерживать Конгресс в Женеве в его стремлениях к сохранению мира, к уничтожению постоянных армий и замене их народным ополчением, к объединению средств и энергии для борьбы, не теряя в то же время из виду уже установленную цель: освобождение рабочего класса от господства капитала (т. е. преобразование общественных и государственных порядков и создание европейского союза свободных государств);

Отчет комиссии не сохранился, мы знаем только, что от ее имени на заседании 4 сентября в качестве докладчика по всему этому вопросу выступил Хафнер и предложил следующее обращение к конгрессу мира:

«Принимая во внимание, что тяготы войны ни на один класс не давят так, как на пролетариат, поскольку война не только лишает его средств к существованию, но и принуждает его проливать кровь рабочих;

принимая во внимание, что вооруженный мир парализует производительные силы, требует от труда создания только бесполезных вещей и держит в страхе производство, держа его под угрозой войны,

принимая во внимание, что мир, это первое условие всеобщего благоденствия, может быть упрочен только путем создания нового общественного порядка, не знающего разделения на два класса, один из которых эксплуатирует другой,

Конгресс Международного Товарищества Рабочих постановляет безоговорочно и самым решительным образом присоединиться к Конгрессу мира, который соберется 9 сентября в Женеве, энергично поддержать его и принять участие во всех предпринимаемых им усилиях в целях упразднения постоянных армий и сохранения мира, чтобы возможно скорее добиться эмансипации рабочего класса и его освобождения от власти и влияния капитала, а также создания конфедерации свободных государств во всей Европе»[64].

Сравнивая эту резолюцию с беккеровской, мы видим, что комиссия согласилась только с заключительной частью последней, а вместо его обоснования приняла значительно более краткое и ясное. Можно предположить, что Дюпону удалось если и не обеспечить большинство предложению Генерального Совета, то хотя бы добиться принятия другого обоснования*.

Борьба была продолжена на пленарном заседании. Против резолюции выступил Де Пап:

«Если бы я должен был представить Конгрессу в Женеве свое мнение, то я бы сказал: мы, как и вы, хотим мира; но, пока будет существовать то, что называют принципом национальностей или патриотизмом, всегда будут и войны; пока существуют различные классы, всегда будут и войны. Война – это не просто следствие тщеславия какого-нибудь монарха; так, в мексиканской экспедиции истинной причиной войны были интересы группы капиталистов. Война – это следствие недостаточного равновесия в экономическом мире и недостаточного равновесия в политическом мире. Если женевский Конгресс хочет мира при существующем общественном порядке, то он нелогичен: кто хочет достигнуть цели, должен хотеть и средств для этого».

---

2. Избрать делегацию в составе четырех членов, которые ознакомили бы Конгресс мира в Женеве с данным постановлением (на четырех языках: немецком, французском, английском и итальянском), более детально обосновать все его части и обеспечить принятие всех предложений, соответствующих ему»[63].

* Эта гипотеза подтверждается речью, которую произнес Дюпон на Конгрессе мира. Он был делегирован туда от Французской секции в Лондоне, чтобы защищать точку зрения Интернационала. Свою речь, вызвавшую сильное недовольство, он закончил следующими словами: «Чтобы установить продолжительный мир, надо уничтожить все законы, угнетающие труд, все привилегии и превратить всех граждан в класс трудящихся. Одним словом, принять социальную революцию со всеми ее последствиями». (Annales du Congrès de Genève (9–12 Septembre 1867). Genève, 1868. P. 172).

В официальном протоколе сказано, что Эккариус говорил в том же духе, что и Де Пап. Он разъяснил точку зрения Генерального Совета, но добавил, что последний против только *официальной делегации*, но ничего не имеет против обращения к Конгрессу.

Толен также предложил поставить присоединение к Конгрессу мира в зависимость от принятия им определенных условий, и лишь в случае удовлетворительного ответа Международное Товарищество Рабочих могло бы присоединиться к Конгрессу мира. Несколько голосов были категорически против присоединения. И это последнее мнение, вероятно, взяло бы верх, несмотря на выступления делегатов Перрона, Куллери и Бюхнера, если бы Дюпле не указал на то обстоятельство, что Конгресс мира был отложен ради рабочего Конгресса, чтобы дождаться решения Международного Товарищества Рабочих. И если, сказал он, Конгресс мира в Женеве – это буржуазный Конгресс, то Перрон, Беккер, да и он сам – тоже буржуа. Беккер не сказал ни слова.

Остановились на компромиссе, который уже Толен предлагал в своей речи, а именно: на присоединение при определенных условиях. Эти условия были сформулированы в следующей поправке Толена, к которой присоединился и Де Пап и которая была принята 32 голосами против 14.

«Конгресс, принимая во внимание, что первейшими и основными причинами войн являются пауперизм и недостаточное экономическое равновесие, что для того чтобы уничтожить войну, недостаточно распустить армии, но необходимо изменить социальную организацию в смысле все более справедливого распределения продукции, ставит свое присоединение в зависимость от принятия Конгрессом вышеприведенного заявления»*.

Поправка Толена, так же как и речь Де Папа, несут на себе явную печать взглядов Прудона. Нарушение экономического равновесия, пауперизм как основная причина войн, установление справедливости в торговле как предпосылка мира – все это основные положения книги Прудона о войне и мире, где он также высмеивает все конгрессы мира[65]. Таким образом, Эккариус и Толен пришли практически к одной и той же точке зрения на Конгресс мира, хотя и исходили при этом из различных позиций и руководствовались различными мотивами.

Постановление Лозаннского конгресса об отношении к Конгрессу мира, таким образом, ни в коем случае не означало, как считает Фридрих Адлер, что он отказался от политики войны, к чему якобы призывал Учредительный Манифест, и обратился к политике мира[66]. Напротив. Именно потому, что Лозаннский конгресс решил, что программа Международного Товарищества Рабочих является лучшей гарантией мира между народами, он отклонил предложение о немедленном присоединении к Лиге мира. А то, что его условия были неприемлемыми для этого буржуазного общества, самым недвусмысленным образом показал Конгресс мира в Женеве. И именно категорически отклонение всех требований Интернациона-

* См. первое приложение к Периодическому Бюллетеню Международного Социалистического Бюро № 9, в котором собраны резолюции Рабочего Интернационала против войны в период с 1867 по 1910 г.[65] Женевских резолюций там нет. Лозаннская в немецком переводе настолько искажена, что она во многом утверждает противоположное французской. Искажена она и у Эйххофа[66]. Что касается Иекка, то резолюцию, история создания которой была ему неизвестна, он называет «достаточно ясной, проводившей принципиальную границу между буржуазной болтовней о мире и пролетарской враждебностью войне». Ее инициатором он считает Беккера![67]

ла, а не «интриги» Маркса, объясняет нам, почему следующий конгресс Интернационала ответил категорическим «нет» на вопрос созданной в Конгрессе мира в Женеве Лиги мира и свободы, не желает ли Интернационал присоединиться к Лиге[70]. Даже Беккер, который возлагал такие большие надежды на этот Конгресс европейской демократии, уже в сентябрьском номере своей газеты «Vorbote», сразу же после Конгресса, указал на все причины, по которым присоединение было невозможно*.

Брюссельский конгресс (и в этом нет ничего неожиданного) вполне в духе резолюции Лозаннского конгресса, в которой говорилось, что Международное Товарищество Рабочих ставит свое присоединение в зависимость от принятия его резолюции, теперь, когда не только Женевский конгресс, но и Лига мира и свободы на своем новом конгрессе мира в Берне даже близко не подошли к выполнению этих требований, постановил почти единогласно[72]:

«1. Делегатам Конгресса Международного Товарищества Рабочих, которые захотят присутствовать на конгрессе Лиги мира в Берне, рекомендуется иметь при себе резолюции, принятые конгрессами в Женеве, Лозанне и Брюсселе, для представления их конгрессу Лиги мира; однако они будут участвовать в дискуссиях, решениях или действиях, отсюда вытекающих, как частные лица.

2. Делегаты конгресса Международного Товарищества Рабочих заявляют, что существование Лиги мира и свободы ничем не оправдано при наличии Международного Товарищества Рабочих. И приглашают членов этой Лиги вступать в различные секции Международного Товарищества Рабочих в соответствующих странах»**.

Однако этот категорический отказ Брюссельского конгресса быть официально представленным на Конгрессе мира в Берне, так же как и вынужденный отказ Лозаннского конгресса от участия в Конгрессе мира в Женеве, ни в коей мере не означал, что старый Интернационал, в отличие от Лиги мира, приветствовал войну как средство, входящее в его арсенал. Как раз наоборот. Брюссельский конгресс вполне определенным образом высказался против войны. На этом Конгрессе также впервые обсуждались средства, необходимые для предотвращения войны.

---

* «Чтобы выполнить условия, необходимые для мира, нельзя мечтать о покое; потому что тот, кто хочет мира между народами, должен хотеть войны против всякой тирании и борьбы против любых политических, религиозных и социальных предрассудков. А тот, кто хочет войны против всякой тирании, должен прежде всего помогать создавать мир внутри общества и быть готовым к любым жертвам, которые от него могут потребоваться. Установление этого внутреннего мира, однако, может быть достигнуто только путем справедливости, а эта последняя может осуществиться только путем истинного равноправия всех трудящихся людей по отношению к жизненным благам. А осуществление этого равноправия означает полное преобразование экономических отношений»[71]. А Гильом, наоборот, до сих пор думает, что женевский Конгресс мира учел резолюции Рабочего конгресса[72].

** Как это часто случалось с резолюциями старого Интернационала, впервые она была опубликована в искаженном виде, который не только по существу, но и по форме был слишком резким. Так, там, вместо «присоединиться», было написано «самораспуститься» (se dissoudre), а вместо «считают» – «заявляют» (declarent). Это объясняет тот факт, что некоторые французские члены Интернационала (в том числе Варлен) протестовали против требования «самораспуститься»[74].

VI
Вопрос о войне на Брюссельском конгрессе

Вопрос о том, «как должен поступать рабочий класс в случае возникновения войны между двумя или более крупными державами, а именно по отношению к зачинщику?», – был вынесен на повестку дня Брюссельского конгресса немецкими секциями Интернационала в Швейцарии[75]. Уже надвигалась тень франко-германской войны, и повсюду бурно обсуждался вопрос, есть ли какое-нибудь средство, чтобы положить конец тайной дипломатии.

На этот раз инициативу взял на себя Центральный комитет группы секций немецкого языка. От их имени Беккер предложил написанную им резолюцию, где мы впервые находим идею отказа от военной службы и от работы в промышленности, производящей вооружения. Нужно только внимательно прочитать предложенную «марксистом» И.Ф. Беккером резолюцию, которая послужила основой для дискуссии о войне на Брюссельском конгрессе.

«Принимая во внимание:

что причина ненадежности мира заключается только в несправедливых социальных условиях, в экономической борьбе всех против всех на основе кулачного права;

что царизм не только поддерживает эти условия, но и способствует их ухудшению;

что буржуазия хотя и заинтересована в мире для того, чтобы пользоваться жизненными благами, однако, исходя из своих классовых интересов, не только продолжает экономическую войну на основе кулачного права, но ищет поддержку у государственной власти с целью укрепления своего привилегированного положения и вследствие этого способствует сохранению постоянных армий – этому порождению современных государств – и тем самым облегчает возникновение национально-политических войн;

что крупные войны не всегда ведутся только в династических интересах, но также и в великодержавных и торговых интересах, а, значит, с целью достижения ожидаемых преимуществ для господствующего класса;

что только рабочий пролетариат решительнейшим образом заинтересован в уничтожении навсегда как внутренней борьбы между индивидуумами и классовой борьбы, так и внешних войн между народами;

что такую войну, а именно между Германией и Францией, нужно рассматривать как чисто гражданскую войну;

что только одна автократическая Россия может извлечь для себя пользу из борьбы между великими державами, независимо от того, будет ли она участвовать в ней или нет, вследствие более отсталого, экономически более примитивного состояния большой массы своих народностей;

что пролетариат, независимо от того, победят или потерпят поражение его национальные властители, всегда должен своей кровью и рабочей силой расплачиваться за распри и безвинно выносить будущие ее последствия – голод и нужду;

что Международное Товарищество Рабочих, которое, как представитель всего рабочего класса, включило в свою программу необходимость завоевания политической власти – как средство для достижения цели, – уже сейчас должно пытаться проводить последовательную политику во всех мировых делах,

Конгресс постановляет:

1. При помощи всех конституционных органов Международного Товарищества Рабочих добиваться того, чтобы рабочие каждой страны не только громко и решительно высказывались против любой войны между народами, но и всеми доступными им средствами совместно выступали против нее и отказывались от службы, имеющей своей целью убийство людей и разрушение имуществ, а также от всякой работы для снабжения ведущих войну армий;

2. Предпринять издание листовок, чтобы разъяснить, особенно каждому рабочему, который вынужден вступать в постоянную армию, его человеческий долг и официальным образом предписать ему определенные правила поведения на случай войны;

3. Принять необходимые меры для того, чтобы рабочий класс повсеместно мог обратить всю свою силу против косвенных и непосредственных зачинщиков войны между народами, где бы они ни находились – в княжеских кабинетах, в конторах крупных финансистов или где бы то ни было еще;

4. Поручить Генеральному Совету полным ходом начать проведение всех соответствующих духу этой резолюции мероприятий, там, где того требуют время и обстоятельства».

Как объяснял сам Беккер в «Vorbote», он пытался при этом выразить ту мысль, что подобный призыв со стороны рабочего класса имел бы значительно большее практическое действие, нежели если бы инициатива исходила от буржуазии. Этот призыв указывает каждому рабочему на позицию, которую тот немедленно должен занять по данному вопросу, и его воздействие, тем более должно сказаться в будущем, так как именно рабочий пролетариат поставляет массовый материал для формирования боевых армий. Сотни тысяч солдат, которые ежегодно получали отпуска и выходили на работу, а затем вновь возвращались в казармы, сотни тысяч рабочих, которых каждый год рекрутировали в постоянную армию, должны были бы постепенно привнести совсем другой дух, изгнать унаследованный милитаристский дух, задушить слепое рабское сознание и изгнать жестокого дьявола войны. Рабочее движение, собственно, уже давно вступило на этот путь, пусть и невольно и не совсем осознанно; теперь нужно по нему следовать систематически и с большим сознанием. Беккер считал, что решение Рабочего конгресса против войны должно оказать, по вышеназванным причинам, значительно более сильное впечатление на власть имущих, чем решение конгресса экономически обеспеченного класса.

Дискуссия по вопросу о войне была начата на втором открытом заседании[76]. Первым взял слово Каталан (из Женевы). Он с самого начала указал на то, что инициатива исходит от немцев, и обосновал это тем, что они лишь недавно испытали тяготы войны. Он считает, что общественное мнение в подобных случаях не принимается во внимание власть имущими. Так, в 1866 г. против войны протестовали различные слои населения: писатели, ученые, торговцы, рабочие, и все-таки война состоялась, причем более ужасная, чем когда-либо. Почему? Потому что над общественным мнением стоит власть, у которой в руках находится право объявлять войну. Таким образом, чтобы предотвратить войну, нужно устранить эти факторы – это задача, которую можно решить только в своей стране. Мы можем предотвратить зло, только ведя войну против войны, только ведя борьбу против

зачинщиков войны, против институтов, которые предоставляют им это право объявлять войну, против незнания, которое помогает им утвердиться*.

Анри – делегат из Парижа – заметил сначала, что, в общем-то, все классы населения заинтересованы в обсуждении этого вопроса. И поэтому его надо обсуждать с учетом точек зрения всех классов и всех стран. Конечно, рабочий оплачивает все затраты на войну, он несет все жертвы, он проливает свою кровь. Но война приносит вред всем, как победителям, так и побежденным. Крымская война стоила 1500 миллионов, мексиканская – 1200. Что нам это дало? И кому была нужна пролитая кровь наших братьев? Это была прихоть человека, располагающего 40 миллионами душ. На самом деле никто не желает войны, но как ее предотвратить? Он считает, что на следующих выборах следует избрать таких людей, которые сами будут способствовать изменению существующих институтов. Будучи французом, он не может вполне свободно выражать свои мысли, но если он не может требовать преобразования правительства, то он будет требовать хотя бы преобразования институтов своего отечества. Короче говоря, с политической точки зрения французы должны добиваться изменения режима личной власти, который распоряжается жизнями и счастьем 40 миллионов людей, при помощи выборов, манифестаций и социалистической пропаганды.

Заметим, кстати: в мае 1869 г. во Франции предстояли выборы. Сравните только эту речь француза и резолюцию немца Беккера в 1868 г. с речами и резолюциями немцев и французов через 40 лет!

Совсем в другом тоне выдержана речь бельгийского делегата Де Папа. Война – это конечно же зло для нас всех, но наши вечные протесты ни к чему не приводят. Речь должна идти о том, чтобы действовать практически. В этом пункте он, следовательно, согласен с Беккером. Но какими средствами можно достичь этой цели?

Есть два метода сделать это. Один – это отказаться от службы в армии во время войны или, что означает то же самое, прекратить работу для обеспечения потребностей войны. Второй метод – это не прямое вмешательство, а решение социального вопроса, что само по себе устранит войны. Это и есть тот метод, который, если его применить, приведет Интернационал к триумфу. Первый метод придется повторять постоянно, а второй уничтожает зло в корне. Здесь говорилось, что отдельные личности могут быть причиной войны. Это – заблуждение. Короли и императоры – это только случайные орудия. Единственная истинная причина войны заключается в наших социальных институтах. Ведь и нации, не имеющие коронованных властителей, вели войны. Американская война была только вопросом труда**. Буржуазии Южных штатов нужны были ее черные рабы, а буржуазия Северных штатов хотела отменить рабство черных, чтобы заменить его кабалой белых рабочих – которая, может быть, еще ужасней, так как черный раб еще что-то стоит, а белый – ничего, – чтобы на его место поставить пролетариат. Первоначальная причина войны – это голод. Дикарь просто съедал своего побежденного врага; позже победитель стал отбирать у побежденного его землю, его средства труда, результат его труда, для того чтобы удовлетворить свои собственные по-

* Мы придерживаемся в большей степени официального протокола, который, конечно, тоже не свободен от ошибок. Речь Каталана приведена в различных версиях в «Vorbote», в «Demokratisches Wochenblatt», в отчетах Эккариуса для «Times»[7].

** Qu'y avait-il dans la guerre d'Amerique, si non une question de travail.

требности. Восточная война стоила много крови, а была ли она чем-нибудь иным, нежели борьбой за обладание продуктами Востока, настоящей социальной торговой войной?

Свои рассуждения Де Пап обобщил в следующем тезисе:

«Рабочие могут вмешаться в решение вопроса о войне практически только тем, что будут продолжать свой общественный труд и посредством организации труда достигнут искоренения пауперизма – этой единственной причины современной анархии».

Таким образом, в отличие от Беккера, который рекомендовал отказаться от службы в армии и от работы на военные нужды, Де Пап не предложил никакого «практического» средства.

На этом месте мы прервем изложение военных дебатов на Брюссельском конгрессе, чтобы предоставить слово Марксу:

«Эккариусом очень недовольны, и в ближайший вторник разразится благодетельная для него гроза. Обвинительные пункты следующие:

Он не принимал *почти никакого участия* в конгрессе, а потом в "Times" изображает себя его руководителем.

В этих же корреспонденциях он присвоил себе, как частную собственность, *предложения Генерального Совета* и приписал себе также аплодисменты, которыми были встречены эти предложения. Он всячески замалчивал речи *других* и, в угоду редакции "Times", *исказил* заключительную речь Дюпона. Лесснер, кроме того, жалуется, что, когда он (Лесснер) цитировал мою книгу, Эккариус умолчал об этом в "Times", а также лишь под сильным давлением вставил в свою корреспонденцию резолюцию о книге и, наконец, извратил немецкую *резолюцию* о войне. Он говорит, что европейская война была бы гражданской войной, вместо того чтобы сказать, в соответствии с немецкой резолюцией, "что война между Францией и Германией была бы гражданской войной *в пользу России*". Последнее он совсем опускает; зато он приписывает немцам и англичанам бельгийскую нелепость – *бастовать* против войны[78]».

Маркс написал об этом Энгельсу уже 16 сентября, то есть через несколько дней после завершения Конгресса. Но он стал – и не только в этот раз – жертвой отчетов Эккариуса и своего слишком большого доверия к немцам. Если верить Эккариусу, то Де Пап в своей речи сказал следующее:

«Де Пап сказал, что война – это зло, подобное эпидемии, и единственным средством против него является отказ от военной службы и прекращение работы до тех пор, пока продолжается война. Это убьет войну на корню. Наши социальные и политические институты – вот причина войны. Международное Товарищество Рабочих должно заявить, что рабочий класс не может вмешаться непосредственно, что причина войны заключается в совокупности наших институтов. Американская война диктовалась классовыми интересами».

Мы видим, что «бельгийская нелепость» просто взята из воздуха. Наоборот. Эккариус приписывает бельгийцам «немецкую нелепость»*.

* Не только отчеты в «Vorbote» и в «Demokratisches Wochenblatt», но и отчет в «Daily News» совпадают с официальным отчетом. Со своей фальсификацией речи Де Папа Эккариус находится в полной изоляции[79].

И в речах других бельгийских делегатов мы не находим и следа предложенной Беккером «нелепости». Гинс[80], который говорил в том же духе, что и Де Пап, добавил еще, что буржуазия, несмотря на свое показное отвращение к войне, на деле ее поддерживает, так как для сохранения своего господства должна оплачивать армию, чтобы держать рабочих в узде. «Если бы мы, – сказал он в заключение, – смогли добиться того, чтобы все рабочие отказались нести военную службу, то мы смогли бы добиться от них и совсем других вещей, и тогда бы вопрос о войне вообще перестал бы существовать».

Пеллеринг (ветеран бельгийского рабочего движения) сказал, что если деспоты и не всегда являются причиной войн, то все же именно они отдают приказы о начале войны. Они непрерывно развивают национальный дух, вместо того чтобы способствовать развитию духа братства, и поддерживают тех людей, которые считают войну благом, так как она препятствует слишком быстрому приросту населения. Итак: война войне!

Единственным членом Генерального Совета, выступившим в этой дискуссии, был англичанин Лекрафт. Не будем забывать, что вопрос о войне был внесен в повестку дня Конгресса неожиданно для Генерального Совета и что его делегаты не имели никаких инструкций или предложений по этому вопросу. Следовательно, Лекрафт говорил от своего собственного имени.

Он сказал, что тоже ненавидит войну. Война возникает по причине жадности и алчности буржуазии, и поэтому она может быть устранена только в результате победы принципов Интернационала. Он сослался на Монтескьё и на труд доктора Ларрока, чтобы проиллюстрировать вред, приносимый постоянными армиями.

Автор отчета в «Daily News», цитировавший речь Лекрафта еще более подробно, чем в официальном отчете, добавил к этому еще, что Лекрафт предложил также резолюцию, в которой призывал Конгресс высказать пожелание, чтобы было достигнуто соглашение в интересах европейских народов, которое позволило бы ограничить процесс вооружения, ведущий к обнищанию трудящегося народа*.

И наконец Толен от имени парижской делегации предложил следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что отношения между естественными общностями**, народами и нациями, так же как и между гражданами, должны регулироваться в соответствии с принципами справедливости; что война всегда была только правом более сильного, а не признанием права; что она является лишь средством подчинения народов господству привилегированных классов или их правительств; что она только усиливает деспотизм, душит свободу (доказательство – последние войны Италии и Германии) и способствует росту невежества и нужды, разрушая семью и – вследствие концентрации войсковых частей – распространяя деморализацию; что достояние и кровь народов служили только поддержанию среди них варварских инстинктов; что в обществе, основанном на труде и производстве, власть может служить лишь свободе и праву каждого и быть лишь гарантией, а не

* Эккариус в «Times» также упоминает, что была предложена английская резолюция. Однако он ее не цитирует и довольствуется следующим саркастическим замечанием: «Это было совсем не по вкусу тем, которые должны были принимать решение о резолюции».

** Entre les groupes naturels.

нарушением прав хотя бы одного единственного члена общества; что правительства Европы ныне не выражают законных интересов рабочих,

конгресс Международного Товарищества Рабочих заявляет, что он самым решительным образом протестует против войны. Он предлагает всем секциям Товарищества в своих странах, а также всем без исключения рабочим союзам и рабочим организациям присоединиться к его резолюции и, не теряя времени и с величайшей энергией, содействовать тому, чтобы под давлением общественного мнения предотвратить войну между народами, которую сегодня надо рассматривать как гражданскую войну, так как она будет вестись между производителями и будет войной между братьями и гражданами».

Таким образом, и французская резолюция не содержит ни следа немецкой «нелепости». Добряк Эрве сказал бы в своей штуттгартской ипостаси: «Настоящая "немецкая" резолюция, кроткая и академичная»!

Дискуссия продолжалась так долго, что один из бельгийских делегатов – Фонтен – предложил прекратить прения. Но некоторые делегаты так бурно протестовали, что было решено принять предложение Толена, создать комиссию, которая должна была учесть и другие, невысказанные на пленуме аргументы, и представить составленную в соответствии с этим резолюцию на другом пленарном заседании конгресса.

Это произошло на одном из конфиденциальных заседаний, где, как говорит Беккер, состоялись «серьезные и решающие дискуссии по вопросам, обсуждавшимся на конгрессе, и, как правило, проводились голосования по этим вопросам»[81]. Отчетов об этих заседаниях у нас нет.

Только на последнем заседании конгресса докладчик от комиссии Шарль Лонге зачитал принятую ею резолюцию, которая и была утверждена конгрессом. Мы приводим ее не в том переводе, в котором она была опубликована Международным Социалистическим Бюро[82], а в старом, ставшем известным в 60-е годы*.

Если сравнить эту резолюцию с французской и беккеровской, то сразу видно, что комиссия включила в постановляющую часть все доводы французской, а из беккеровской не взяла дословно ни одного и лишь немногие – по смыслу. Она также восстановила прудоновский тезис о недостаточном экономическом равновесии как основной причине войны, который фигурировал уже в Лозаннской резолюции.

И в резолютивной части мы видим абзац из французской резолюции, но вот давление общественного мнения как средство предотвращения войны исчезло.

А вот мысль Беккера о том, чтобы «рабочие каждой страны не только громко и решительно высказались против любой войны между народами, но и всеми доступными им средствами выступали против нее», была принята. Только основное средство, предложенное в его резолюции, – отказ от военной службы и прекращение всякой работы для снабжения ведущих войну армий – было отвергнуто.

Теперь возникает вопрос, как попало в резолюцию «прекращение всякой работы в том случае, если их страны вступят в войну»?

Уже слова «прекращение всякой работы» указывают на то, что этим хотели категорически подчеркнуть, что этот пункт должен означать нечто совсем иное,

* «Der Vorbote», das «Demokratische Wochenblatt», «Die Zukunft»[83].

нежели предложение Беккера об отказе от работы в отраслях промышленности, работающих на вооружение.

К сожалению, как уже говорилось выше, мы не располагаем протоколами закрытых заседаний. Беккер в своем «Vorbote» сообщает нам только следующее:

«Французские делегаты через Толена также представили проект резолюции по вопросу о войне. Так как в современной политической ситуации в Европе наиболее вероятной была война между Францией и Германией, то конгресс предоставил делегатам обеих стран возможность договориться о подходящей форме резолюции. Назначенная для рассмотрения этого вопроса комиссия из трех человек (Мермиллод, Толен, Беккер) тоже вскоре договорилась о переработке немецкого и французского проектов в совместную резолюцию, учтя при этом и мнения, высказанные на заседаниях конгресса»[84]. И она без дальнейшей дискуссии была единогласно принята конгрессом*.

Намек мы находим в отчете Эккариуса. После того как он коротко, но до абсурда искаженно сообщил читателям «Times»» содержание предложенных всеми сторонами резолюций, он следующим образом описывает дискуссию на закрытом заседании:

«Отказ от военной службы, как было сказано, представляет собой наказуемое действие и не может быть осуществлен, но и чисто "declaratory resolution" [«декларативная резолюция». – *Ред.*], подобная французской, не имеет смысла. Нужно нечто такое, что имеет хотя бы какой-то шанс быть претворенным на практике и перспективу, что этим будут руководствоваться в своей деятельности. Одно из таких средств – забастовка. Забастовки сейчас во Франции не являются нелегальными. Ни одно правительство не может наказывать людей за "неработание", кроме того, забастовка имеет перед отказом от военной службы то огромное преимущество, что последний предполагает акции сопротивления только со стороны людей определенного возраста и физического состояния, а первая – участие каждого, зарабатывающего себе на жизнь, кроме того, она будет происходить с согласия профсоюзов. Эта идея выражена в следующей резолюции:

"Принимая во внимание, что наш общественный строй, а также централизация политической власти являются постоянными причинами войн, которые могут быть устранены лишь путем коренной социальной реформы; что народ может даже теперь сократить число войн, оказывая противодействие тем, кто объявляет войны и ведет их; что это прежде всего касается трудящихся, которым почти исключительно приходится проливать свою кровь; что для этого есть реальные и законные средства, которые можно использовать немедленно; что, так как государство не может существовать сколько-нибудь значительное время без применения труда, рабочим было бы достаточно прекратить работу, чтобы сделать войну невозможной; конгресс Международного Товарищества Рабочих рекомендует всем секциям, всем членам рабочих обществ в особенности и трудящимся вообще прекратить работу в случае объявления войны в их стране. Конгресс полагается

* Каутский пытается объяснить решение Брюссельского конгресса тем, что решающую роль на этом конгрессе играли французы и бельгийцы (Der politische Massenstreik. Berlin, 1914. S 16–17). На самом же деле «добрых людей», которые «весьма энергично, но в то же время крайне наивно объявляют всеобщую забастовку самым верным и простым средством принуждения», надо искать кое-где в другом месте. Предложение Беккера, возможно, еще более наивно.

на дух солидарности, вдохновляющий рабочих всех стран, и питает надежду, что в критический момент все средства будут использованы, чтобы поддержать народы против их правительств"».

Если сравнить этот вариант с приведенным выше, то сразу заметно, что различие заключается только в постановляющей части: отсутствуют все обоснования из французской резолюции. И все-таки Генеральный Совет в своем издании брюссельских резолюций, которое вышло только на английском языке[85], опубликовал резолюцию о войне в том виде, в каком она приведена Эккариусом в «Times». Маркс сделал это не потому, что резолюция в данном варианте была для него более приемлемой, а, очевидно, потому, что «бельгийская нелепость» проявляется здесь еще резче. Мы считаем весьма вероятным, что комиссия остановилась на резолюции, стоящей ближе всего к варианту Эккариуса, и только потом, после заключительного заседания, комиссия, окончательно редактировавшая все резолюции, в соответствии с решением конгресса, включила туда и французское обоснование*.

Но сейчас нас интересует вопрос: как же попала «бельгийская нелепость» в резолюцию. То, что аргументацию прекращения всякой работы Эккариус воспроизвел в общем правильно, хотя и с присущим ему юмором, показывает и отчет в «Demokratisches Wochenblatt»:

«В качестве средства против войны конгресс рекомендует рабочим тех стран, правительства которых объявляют войну, прекратить работу на время войны. Предлагались различные решения, но ни одно из них не было одобрено. Не хотелось просто выступить с заявлением, но не хотелось и принимать невыполнимое решение, как, например, отказ от военной службы. Забастовка, говорилось на конгрессе, не является незаконной даже во Франции и, что участвовать в ней могут все. Это – пассивное сопротивление пролетариата»[87].

Так была принята «наивная» резолюция Брюссельского конгресса – как компромисс между «оппортунистической» или «поссибилистской» позицией бельгийцев и французов и «революционной» позицией «немцев». И в конечном итоге даже такие оппортунисты, как Толен, согласились с «действием», рекомендованным им Беккером, только потому, что, как всем им казалось, удалось заменить это «действие» другим, которое было не только не революционным, но по новым законам «Empire libéral» даже во Франции полностью легальным! Это еще одно доказательство того, что оппортунисты или поссибилисты иногда еще наивней, чем «радикалы» или «социал-революционные» марксисты.

Но, как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что и Брюссельский конгресс старого Интернационала решительнейшим образом высказался против любой войны. А то, что рекомендованное им средство, хотя и вполне легальное, не является действенным и уж никак не может быть осуществлено в любой момент, – это не его вина, а его беда. История показала, что такое произошло не только с ним. Оправданием ему, как и всему старому Интернационалу, может по-

* Подтверждение этого мы находим в отчете «Opinion Nationale», где резолюция, как и у Эккариуса, приведена в сокращенном виде. И вообще, не существует собрания резолюций конгрессов старого Интернационала, вплоть до Базельского конгресса. А выпущенное Марксом издание женевских и брюссельских резолюций очень неполно и тенденциозно. См. его письмо Энгельсу от 24 февраля 1869 г.[86]

служить то обстоятельство, что тогда полностью отсутствовали и богатый опыт, и массовая организация, и принципиальное воспитание, которыми обладал Второй Интернационал!

• • •

Мы не касаемся дальнейших акций протеста старого Интернационала против войны. Брюссельская резолюция не имела никакого воздействия. Иное дело – многолетняя пропаганда против войны. Именно ей должна быть благодарна Европа за то, что вызванный франко-прусской войной шовинистский угар так быстро прошел, что ни во Франции, ни в Германии не победила тенденция превратить войну господствующих классов в войну ими угнетаемых классов.

Во всяком случае, возрожденная Генрихом Вебером и Фридрихом Адлером легенда о том, что политика старого Интернационала отнюдь не была политикой мира, что он пытался повернуть воинственную политику господствующих классов в том направлении, которое якобы отвечало интересам пролетариата, – это сказка, основывающаяся на qui pro quo[88], где вместо старого Интернационала ставят имена Маркса и Энгельса, не утруждая себя и тем, чтобы правильно и критически воспроизвести их взгляды.

Мысль Маркса о том, что выдвигавшееся тогда буржуазными болтунами о мире требование разоружения было такой же наивной утопией, как и мечтания английской партии о мире любой ценой, пока существовала опасность завоевательной войны со стороны России; о том, что поэтому необходимо не разоружение, а замена постоянных армий всеобщим вооружением народа, была превращена славным Боркхеймом на Конгрессе мира в Женеве в призыв к превентивной войне против России. Об этом Маркс писал Кугельману: «Он похож на дикаря, который думает, что украшает свое лицо, татуируя его всевозможными кричащими красками... В его речи и т. д. имеется несколько фраз, в которых он преподносит мои собственные взгляды в *юмористическом виде*»[89].

Сейчас самое время прекратить осмеяние Маркса, особенно, если это осмеяние проводится людьми, которым перед лицом «опасности» он был почти безразличен и которые не уставали доказывать, что он «устарел».

Прошлое учит нас воспринимать настоящее как происшедшее. Но оно никогда не сможет объяснить нам свои движущие силы. Для этого необходимо изучать реальные условия существования настоящего. Но мы хотим не просто понять настоящее, а и изменить его. А это возможно только при условии, если не упускать из виду интересы всего международного пролетариата.

Если мы пришли к выводу, что необходимо провести ту или иную акцию, то она должна быть проведена. Практика, будущее покажет, правильно ли мы решили или ошиблись.

Но обладает ли эта акция авторитетом традиции – это совсем другой вопрос. И каждый раз, вызывая духов великих людей прошлого, возникает опасность услышать ответ: ты похож на дух, который ты постигаешь, а не на меня![90]

Примечания

[1] Статья «Die auswärtige Politik der alten Internationale und ihre Stellungnahme zum Krieg» была написана Д. Рязановым для журнала «Die Neue Zeit». Stuttgart и опубликована во втором томе за 1915 г.: Nr. 11, S. 329–334; Nr. 12, S. 360–369; Nr. 14,

S. 438–443; Nr. 15, S. 463–469; Nr. 16, S. 509–519; на русском языке публикуется впервые. Поводом для создания статьи послужила полиция некоторых немецких и австрийских социал-демократов, пытавшихся найти оправдание позиции лидеров Второго Интернационала по отношению к Первой мировой войне в истории Международного Товарищества Рабочих, в котором якобы считалось, что война против России является высшей целью пролетариата и частью борьбы за освобождение рабочего класса.

[2] См. с. 13–14.

[3] *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // МЭС. Т. 8. С. 119.

[4] Les resolutions de l'Internationale ouvrier contre la guerre (1867–1910). Copenhague, 1910 // Bulletin periodique du Bureau Socialiste International. № 9. Premier Supplement. Bruxelles, 1912. P. 8.

[5] *Маркс К.* Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих // МЭС. Т. 16. С. 3–11.

[6] *Маркс К.* Временный Устав Товарищества // МЭС. Т. 16. С. 12–15. Это положение Иекка ошибочно. Регламент МТР был создан только во время Женевского конгресса в сентябре 1866 г. или непосредственно перед ним. Тогда же был утвержден Временный Устав, ставший с этого времени официальным документом Интернационала (см.: Устав и Регламент Международного Товарищества Рабочих // МЭС. Т. 16. С. 545–549).

[7] См.: Маркс – Энгельсу, 4 ноября 1864 г., и Маркс – Лиону Филипсу, 29 ноября 1864 г. // МЭС. Т. 31. С. 12–13, 366. Программные положения Первого Интернационала были сформулированы Марксом в Учредительном Манифесте и преамбуле Временного Устава (Там же. Т. 16. С. 3–11, 12–13).

[8] *Маркс К.* Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих // МЭС. Т. 16. С. 10.

[9] Die Inauguraladresse von Karl Marx // Leipziger Hochverrathsprozeß. Ausführlicher Bericht über die Verhandlungen des Schwurgerichts zu Leipzig in dem Prozeß gegen Liebknecht, Bebel und Hepner, wegen Vorbereitung zum Hochverrath vom 11–26. März 1872. Mit den ungehaltenen Schlußvertheidigungsreden der Angeklagten und einer Schlußcharakteristik des ganzen Prozesses, bearb. von den Angeklagten. Leipzig, 1872. S. 140–147.

[10] *Маркс К.* Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих // МЭС. Т. 16. С. 10–11.

[11] [*Marx K.*] Manifest an die arbeitende Klasse Europa's // Der Social-Demokrat. Berlin. Nr. 2, Probe-Nummer. 21. Dezember 1864. S. 1–3; Nr. 3. Probe-Nummer. 30. Dezember 1864. Beilage, S. 2. Рязанов, по-видимому, не знал, что этот перевод был сделан самим Марксом.

[12] *Marx K.* Address of the Working Men's International Association (Inaugural Address) // MEGA² Bd. I/20. S. 3–12. Цитируемое место см.: S. 11–12. См. также: *Marx K., Engels F.* Collected Works. Vol. 20. P. 12–13.

[13] *Goldscheid R.* Das Verhältnis der äussern Politik zur innern. Ein Beitrag zur Soziologie des Weltkrieges und Weltfriedens. Wien; Leipzig, 1914. S. 22.

[14] Имеется в виду 1848 год.

[15] *Энгельс Ф.* Датско-прусское перемирие // Ср.: МЭС. Т. 5. С. 423.

[16] *Weber H.* Der Sozialismus und der Krieg // Der Kampf. Wien. H. 3. 1. Dezember 1912. S. 97–106.

[17] *Bakounine M.* L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale. Genève, 1871.

[18] Маркс – Энгельсу, 4 ноября 1864 г. // МЭС. Т. 31. С. 13.

[19] См. наст. изд., с. 104–110.

[20] См. наст. изд., с. 129.

[21] Bee-Hive. London. № 155, 1 October 1864.

[22] *Proudhon P.J.* La guerre et la paix. T. 1–2. Bruxelles, [1861].

[23] *Proudhon P.J.* Si les traités de 1815 ont cessé d'existèr? Actes du futur congrès. Paris, 1863.

[24] *Маркс К.* О Прудоне (письмо И.Б. Швейцеру) // МЭС. Т. 16. С. 30.

[25] ГС. 1864–1866. С. 72.

[26] Маркс – Энгельсу, 24 июня 1865 г. // МЭС. Т. 31. С. 106–107. Речь идет о следующих изданиях: *Régnault E.* Histoire politique et sociale des principautés danubiennes. Paris, 1855; *Régnault E.* La Question européenne impropre ment appelée polonaise. Réponse aux objections présentées par M.M. Pogodine, Schédo-Ferroti, Porochine, Schnitzler, Solowiew, etc., contre le polonisme des provinces lithuano-ruthénes et contre le non-slavisme des moscovites. Paris, 1863; *Lapinski T.* Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Bd. I–II. Hamburg, 1863; *Duchinski F.* Les origines slaves. Pologne et Ruthénie. Paris, 1861; *Murchison R.I., Verneuil E., Keyserling A.* The Geology of Russia in Europe and the Ural Mountains. Vol. 1–2. London, Paris, 1845. Как изменилась впоследствии точка зрения Маркса, см. с. 166.

[27] ГС. 1864–1866. С. 179. Здесь и ниже речь идет о докладе Постоянного комитета (комиссии) Центрального Совета. Его предложения по повестке дня Женевского конгресса утверждались на пленарном заседании Лондонской конференции 27 сентября 1865 г., протокол которого и приводится Рязановым ниже. В тексте им допущена лишь одна неточность: в выступлении Де Папа у Рязанова «Bauern» («крестьяне»), а в оригинале «serfs» («крепостные») (General Counsil of the first International 1864–1866. The London Conference 1865. Minutes. Moscow, 1962. P. 246).

[28] *Denis H.* La Question polonaise et démocratie // La Tribune du Peuple. Bruxelles. № 41–43, 45, 46. 5 mars, 26 mars, 17 avril, 29 mai, 30 juin 1864.

[29] [*Vésinier P.*] L'Association Internationale des Travailleurs // L'Écho de Verviers. № 293, 294. 16, 18 décembre 1865.

[30] Маркс – Энгельсу, 5 января 1866 г. // МЭС. Т. 31. С. 143. Женевский немецкий орган – журнал «Der Vorbote», издававшийся И.Ф. Беккером.

[31] *Энгельс Ф.* Какое дело рабочему классу до Польши? // МЭС. Т. 16. С. 158. Статья Энгельса на языке оригинала «What have the working classes to do with Poland?» (см.: MEGA² Bd. I/20. S. 193–203), была опубликована Рязановым в: Archiv für die Geschichte des Sozialismus und Arbeiterbewegung. Bd. 6. Leipzig, 1916. S. 212–219.

[32] *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам // МЭС. Т. 16. С. 202.

[33] Congrès de Genève. Association internationale des travailleurs. Congrès 1. Genève, 1866. Délégation française. Mémoire des délégués français. Bruxelles, 1866.

[34] Кард – псевдоним Юзефа Цверчакевича. См.: Association Internationale des Trvailleurs. Compte rendu du Congrès de Genève (1866) // MEGA² Bd. I/20. S. 672.

[35] Речь идет о работе Маркса «Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (МЭС. Т. 16. С. 194–203), которая была представлена на Женевском конгрессе I Интернационала в 1866 г. в качестве доклада Генерального Совета, а ее положения были приняты как основа для резолюций.

[36] Рязанов приводит текст по отчету: Der Kongreß der Internationalen Arbeiterassociation in Genf // Der Vorbote. Genf. 1866. November. Nr. 11. S. 165–167.

[37] Association Internationale des Trvailleurs. Compte rendu du Congrès de Genève (1866) // MEGA² Bd. I/20. S. 672, 1794–1796.

[38] Le Courrier International. Londres. Nr. 15. 13 avril 1867.

[39] The International Working Men's Association. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868. London, [1869]. См.: Резолюции первого и третьего конгрессов Международного Товарищества рабочих // ГС. 1868–1870 С. 214–225.

[40] Маркс – Людвигу Кугельману, 27 июля 1871 г. // МЭС. Т. 33. С. 215.

[41] Эта резолюция была предложена Питером Фоксом при поддержке Уильяма Делла и принята единогласно. Сообщение опубликовано в: Commonwealth. London. № 224, 22. June 1867. См.: ГС. 1866–1868. С. 82.

[42] См. наст. изд., с. 390–456.

[43] Здесь и ниже используется статья К. Каутского «Finis Poloniae?», опубликованная в «Die Neue Zeit» (Jg. XIV. 1895–1896. Bd. 2. Nr. 42, S. 484–491; Nr. 43, S. 513–525).

[44] Ср.: *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам // МЭС. Т. 16. С. 202. Рязанов цит. по: Vorbote. Genf 1866 November. Nr. 11 S. 165.

[45] Маркс – Людвигу Кугельману, 17 февраля 1870 г. // МЭС. Т. 32. С. 541. Кроме упоминавшихся выше изданий (см. примеч. 26), речь идет о следующих книгах: *Martin H.* La Russie et l'Europe. Paris, 1866; *Martin H.* Russland und Europa. Deutsche vom Verfasser durchgesehene und vermehrte Ausgabe. Uebersetzt und eingeleitet von G. Kinkel. Hannover, 1869.

[46] Это воззвание – «Aux Étudiants des universités d'Allemagne et d'Italie, les étudiants de Paris» – было опубликовано в: Le Courrier Français. Paris. № 15, 20 mai 1866. Рязанов пользовался немецким переводом – «Aufruf der Pariser Studenten an die Studenten Deutschlands und Italiens», появившемся в: Vorbote. Genf. 1866. Juli. Nr. 7. S. 103–104.

[47] ГС. 1864–1866. С. 139.

[48] Die Arbeiter aller Länder an die Studenten in Paris, die Studenten und jungen Männer aller Länder // Der Vorbote. Genf. 1866. Juli. Nr. 7. S. 105–106.

[49] К парижским студентам, к студентам и молодежи всех стран – рабочие всех стран // ГС. 1864–1866. С. 258–259.

[50] Маркс – Энгельсу, 20 июня 1866 // МЭС. Т. 31. С. 192.

[51] ГС. 1864–1866. С. 141.

[52] Маркс – Энгельсу, 20 июня 1866 // МЭС. Т. 31. С. 192–193.

[53] ГС. 1864–1866. С. 144–151. Присутствие кого-либо из русских на данных заседаниях Генерального Совета не находит подтверждения в источниках, которыми располагает редакция.

[54] Ср.: *Маркс К.* О Прудоне // МЭС. Т. 16. С. 31.

[55] *Adler F.* Sozialdemokratie in Frankreich und der Krieg // Der Kampf. H. 2. Wien 1915. S. 63–71.

[56] Речь идет о второй протокольной книге Генерального Совета. Протокольная книга за 1867 г. сохранилась полностью. С 1910 г. она находится в Bishopsgate Institute in London. См.: Генеральный Совет Первого Интернационала, 1866–1868. Протоколы. М., 1963 (далее: ГС. 1866–1868). С. 42–125.

[57] Bee-Hive. London. 1867. 26. October. № 315. Ср.: ГС. 1866–1868. С. 112.

[58] Здесь и ниже см.: ...Einladung zu einem Internationalen Friedenskongreß // Der Vorbote. Genf. 1867. Juli. Nr. 7. S. 99–101.

[59] Kongreß der Internationalen Arbeiterassociation in Lausanne // Der Vorbote. Genf. 1867. September. Nr. 9. S. 141–142.

[60] См.: *Маркс К.* Проект резолюции об отношении Международного Товарищества рабочих к конгрессу Лиги мира и свободы и «Запись речи Маркса об отношении Международного Товарищества рабочих к конгрессу Лиги мира и свободы» (МЭС. Т. 16. С. 210, 556–557).

[61] Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Bd. I–IV. Stuttgart 1913. Bd. III. S. 403. См.: МЭС. Т. 31. С. 287.

[62] Здесь запись речи Маркса приводится в переводе с немецкого текста статьи Рязанова. Ср.: МЭС. Т. 16. С. 556–557, перевод дан с английского оригинала, в котором данная фраза имеет , ругой оттенок: «Постоянные армии содержат не для ведения внешних войн, а для подавления рабочего класса».

[63] См.: Kongreß der Internationalen Arbeiterassociation in Lausanne // Der Vorbote. Genf. 1867. September. Nr. 9. S. 141–142.

[64] Здесь и ниже см.: Procès-verbaux du Congrès de l'Association internationale des travailleurs, réuni a Lausanne du 2 au 8 septembre 1867. Chaux-de-Fonds, 1867. P. 20.

[65] См. примеч. 4.

[66] *Eichhoff W.* Op. cit. (см. примеч. 9). S. 27–28.

[67] *Jaeckh G.* Die Internationale. Leipzig, 1904. S. 57.

[68] См. примеч. 22.

[69] *Adler F.* Op. cit.(см. примеч. 54). S. 70.
[70] См.: ГС. 1868–1870. С. 224–225.
[71] Genf, den 14. Sept. 1867. Zwei geschichtliche Erscheinungen... // Der Vorbote. Genf. 1867. September. Nr. 9. S. 136–137.
[72] *Guillaume J.* L'Internationale. Documents et Souvenirs (1864–1878). T. 1. Paris, 1905. P. 55.
[73] Ср.: ГС. 1868–1870. С. 224–225.
[74] Troisième Congrès de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte rendu officiel. Bruxelles, [1868]. Рязанов исправляет ошибку, очевидно, по рукописи протокольной книги Генерального Совета.
[75] Здесь и ниже см.: Dritter Kongreß der Internationalen Arbeiter-Association in Brüssel. (6–13 September) // Der Vorbote. Genf. 1868. Oktober. Nr. 10. S. 150–152.
[76] Здесь и ниже, за исключением оговоренных случаев, Рязанов использует официальную публикацию протоколов Брюссельского конгресса (см. примеч. 73).
[77] Dritter Kongreß der Internationalen Arbeiter-Association in Brüssel (6–13 September) // Der Vorbote. Genf. 1868. September. Nr. 9. S. 132; Der Internationale Arbeiter-Kongreß // Demokratisches Wochenblatt. Leipzig. Nr. 38. 19. September 1868. S. 3 (302); [*Eccarius J.G.*] The International Working Men's Congress // The Times. London. 9, 11, 14, 15, 17. September 1868.
[78] Маркс – Энгельсу, 16 сентября 1868 г. // МЭС. Т. 32. С. 121–122.
[79] Dritter Kongreß der Internationalen Arbeiter-Association in Brüssel (6–13 September) // Der Vorbote. Genf. 1868. September. Nr. 9. S. 132–133; Der Internationale Arbeiter-Kongreß // Demokratisches Wochenblatt. Leipzig. Nr. 38, 19. September 1868. S. 304; Nr. 39, 26. September 1868. S. 308.
[80] У Рязанова ошибочно Гирш.
[81] Dritter Kongreß der Internationalen Arbeiter-Association in Brüssel // Der Vorbote. Genf. 1868. November. Nr. 11. S. 163.
[82] См. примеч. 4.
[83] Dritter Kongreß der Internationalen Arbeiter-Association in Brüssel // Der Vorbote. Genf. 1868. November. Nr. 11. S. 162; Der Internationale Arbeiter-Kongreß // Demokratisches Wochenblatt. Leipzig. Nr. 39, 26. September 1868. S. 308.
[84] Dritter Kongreß der Internationalen Arbeiter-Association in Brüssel // Der Vorbote. Genf. 1868. November. Nr. 11. S. 161.
[85] Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868. London [1869]. См.: Резолюции первого и третьего конгрессов Международного Товарищества Рабочих // ГС. 1868–1870. С. 224.
[86] Маркс – Энгельсу, 24 февраля 1869 г. // МЭС. Т. 32. С. 207.
[87] Der Internationale Arbeiter-Kongreß // Demokratisches Wochenblatt. Leipzig. Nr. 38, 19. September 1868. S. 304.
[88] Qui pro quo – путаница, одно вместо другого.
[89] Маркс – Людвигу Кугельману, 11 октября 1867 г. // МЭС. Т. 31. С. 468–469. Маркс имеет в виду речь Боркхейма на Конгрессе мира: *Borkheim S.* Ma perle devant le congrès de Genève. Bruxelles, 1867.
[90] *Гёте И.В.* Фауст. Ч. I.

ВОСЬМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ И СТАРЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ[1]

Среди тех требований, которые выставляет рабочий класс, вряд ли найдется еще одно требование, в котором так отчетливо выражалась бы классовая точка зрения пролетариата и его отношение к буржуазному обществу и в котором исчезали бы до такой степени всякие национальные различия, как требование восьмичасового рабочего дня. И не только в силу внутреннего содержания этого требования. Такой международный характер оно носит также исторически, с самого дня своего «развития».

Борьба за сокращение рабочего дня начинается вместе с развитием крупной промышленности, которая в своем стремлении к прибыли переходит все не только нравственные, но и физические пределы традиционного рабочего дня и интересуется лишь максимумом рабочей силы, которую можно выжать из рабочих в течение рабочего дня.

Борьба эта прежде всего ведется в Англии, родине капиталистической крупной промышленности. Сначала рабочим удается добиться сокращения рабочего дня в некоторых отраслях промышленности. За борьбой рабочих на каждой отдельной фабрике следует борьба рабочих данной профессии в целом районе. Наконец, все эти местные конфликты, вспыхивающие поочередно то в одном, то в другом месте, объединяются в одну общую борьбу, в *классовую борьбу пролетариата всей нации* против своего национального капитализма. На этой ступени классовая борьба становится политической.

«После тридцатилетней борьбы, которая велась с удивительной выдержкой, – говорит Маркс, – рабочий класс Англии, пользуясь временной ссорой между земельными и денежными лордами, успел наконец добиться билля о десятичасовом рабочем дне. Громадные выгоды, которые доставил этот билль фабричным рабочим в физическом, моральном и интеллектуальном отношениях, перечисляются в полугодичных отчетах фабричных инспекторов и получили теперь всеобщее признание. Большинство континентальных государств вынуждено было принять английское фабричное законодательство в более или менее измененной форме, а сам английский парламент с каждым годом все больше расширяет сферу его применения.

Борьба за законодательное сокращение рабочего дня приняла особенно ожесточенный характер не только потому, что являлась пугалом для корыстолюбивых капиталистов. Еще сильнее она разгоралась с тех пор, как она слилась с великим спором между слепым «законом спроса и предложения», который является сущностью всей политической экономии буржуазных классов, и между обще-

ственным производством, находящимся под контролем всего общества, которое составляет сущность политической экономии рабочего класса.

Вот почему десятичасовой рабочий билль являлся не только практическим успехом, он был в то же время торжеством принципа; в первый раз и в открытом поле буржуазной политической экономии нанесено было поражение политической экономией рабочего класса»[2].

И точно так же, как грандиозная стачка углекопов 1842 г. (в Staffordshire), которая благодаря влиянию и агитации чартистов охватила большую часть Англии и Шотландии, вырвала у господствующих классов закон о десятичасовом рабочем дне, так и могучие стачки строительных рабочих в 1859–1860 и в 1861 гг. послужили исходным пунктом движения с целью добиться дальнейшего сокращения рабочего дня до девяти часов[3].

Именно тогда комитет, руководивший стачкой, опубликовал воззвание, в котором в ясной и точной форме, свободной от всякой дешевой сентиментальности, дается обоснование всякой борьбы за сокращение рабочего дня. В первом томе «Капитала» мы находим его в форме обращения рабочего к капиталисту. Маркс замечает, что этот ответ работника по своему содержанию почти тождествен с воззванием комитета:

«Товар, который я тебе продал, отличается от остальной товарной черни тем, что потребление его создает стоимость, притом большую стоимость, чем сколько стоит он сам. Потому-то ты и купил его. То, что для тебя является увеличением стоимости капитала, для меня есть излишняя трата рабочей силы. Мы с тобой знаем лишь один закон; закон обмена товаров. Потребление товара принадлежит не продавцу, который отчуждает товар, а покупателю, который приобретает его. Поэтому тебе принадлежит потребление моей дневной рабочей силы. Но при помощи той цены, за которую я каждый день продаю ее, я должен ежедневно воспроизводить ее, чтобы потом снова ее продать. Не говоря уже о естественном снашивании вследствие старости и т. д., у меня должна быть возможность работать завтра при том же нормальном состоянии силы, здоровья и свежести, как сегодня. Ты постоянно проповедуешь мне евангелие "бережливости" и "воздержания". Хорошо! Я хочу подобно разумному, бережливому хозяину сохранить свое единственное достояние, рабочую силу и воздерживаться от всякой безумной растраты ее. Я буду ежедневно приводить ее в текучее состояние, превращать в движение, в труд лишь в той мере, в какой это не вредит нормальной продолжительности ее существования и ее нормальному развитию. Безмерным удлинением рабочего дня ты можешь в один день привести в движение большее количество моей рабочей силы, чем я мог бы восстановить в три дня. То, что ты таким образом выигрываешь на труде, я теряю на субстанции труда. Пользование моей рабочей силой и расхищение ее – совершенно различные вещи. Если средний период, в продолжение которого средний рабочий может существовать при разумных размерах труда, составляет 30 лет, то стоимость моей рабочей силы, которую ты мне уплачиваешь изо дня в день, = $^1/_{365 \times 30}$, или $^1/_{10950}$ всей ее стоимости.

Если же ты потребляешь ее в 10 лет, то ты уплачиваешь мне ежедневно $^1/_{10950}$ вместо $^1/_{3650}$ всей ее стоимости, т. е. лишь $^1/_3$ дневной ее стоимости, и таким образом крадешь у меня ежедневно $^2/_3$ стоимости моего товара. Ты оплачиваешь мне однодневную рабочую силу, хотя потребляешь трехдневную. Это противно нашему договору и закону товарного обмена. Итак, я требую рабочего дня нормальной

продолжительности и требую его, взывая не к твоему сердцу, так как в денежных делах нет места благодушию. Ты можешь быть образцовым гражданином, быть может, членом общества покровительства животным и вдобавок пользоваться репутацией святости, но у той вещи, которую ты представляешь по отношению ко мне, нет сердца в груди. Если кажется, что в ней что-то бьется, так это просто биение моего собственного сердца. Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара»[4].

Сила оказалась на стороне рабочих. Победила их организованность и сплоченность. Обе стачки строительных рабочих, быстро следовавшие одна за другой в течение нескольких недель, привели к значительному сокращению рабочего дня. В лондонском строительном промысле установлен был нормальный рабочий день в 9 $^1/_2$ часов, который после подвергся новому сокращению. Девятичасовой рабочий день стал лозунгом всего тогдашнего стачечного движения, которое доказало, что сокращение и регулирование рабочего дня может быть только результатом упорной борьбы между классом капиталистов и классом рабочих и что решающим фактором является при этом сила организации, сплоченности рабочих масс.

Нужно перенестись в эпоху реакции, наступившую после 1848 г., чтобы понять то огромное впечатление, которое произвело это стачечное движение не только в Англии, но и на континенте. Оно явилось доказательством, что состояние апатии, в котором, вместе с континентальными рабочими, находился английский пролетариат, начинает проходить. Ведь всего еще только в 1858 г. прекратилась, в борьбе с равнодушием рабочих, «Народная газета»[5], издававшаяся одним из наиболее талантливых эпигонов чартизма, блестящим публицистом и оратором Эрнестом Джонсом*. Если можно говорить о смерти чартизма, то именно в 1858 г. он, казалось, окончательно сошел со сцены.

В самой Англии новое стачечное движение дало могучий толчок к организации новых профессиональных союзов, оно воспитало новых вождей профессионального движения – Оджера, Кримера, Апплгарта, которые находились в тесном личном общении со старыми членами Союза коммунистов – Эккариусом и Лесснером, оно вызывало к жизни Лондонское Центральное бюро профессиональных союзов (London Trades Council), которое играло такую крупную роль в английском рабочем движении шестидесятых годов[6]. И опять-таки в связи с этим стачечным движением в пользу девятичасового рабочего дня находится первая попытка лондонских рабочих еще в 1861 г. вступить в сношения с парижскими (Толен), именно оно вызвало такой оживленный интерес среди парижских и берлинских рабочих к лондонской выставке 1862 г., выразившийся в посылке специальных рабочих делегаций.

Вместе с общим политическим возбуждением, которое было вызвано борьбой Северных штатов с Южными за уничтожение рабства, походом Гарибальди на Неаполь и в Сицилию, восстанием Польши, это стачечное движение создало ту атмосферу, в которой возник и развился Интернационал.

И не случайность, что из всех лидеров европейской эмиграции, живших тогда в Лондоне, именно Маркс, с напряженным вниманием следивший за этим

* В 1857 г. в этой газете принимал деятельное участие Маркс и его друзья. Когда Джонс сделал попытку спасти орган путем компромисса с буржуазной демократией, немецкие коммунисты отказали ему в своей поддержке.

возрождением английского рабочего движения, не только косвенно – через посредство Лесснера и Эккариуса – находившийся в связи с лидерами английских рабочих, но и непосредственно поддерживавший с ними сношения, оказался тем человеком, который в состоянии был дать программу и знамя новому рабочему движению. Без Маркса и немецких коммунистов новая попытка международного объединения кончилась бы таким же скорым фиаско, как и прежние попытки французских республиканцев в пятидесятых годах*.

28 сентября 1864 г. основан был Интернационал, и уже 1 ноября был напечатан написанный Марксом Учредительный Манифест, в котором он дал программу для нового фазиса европейского рабочего движения.

Два года напряженной работы, в которой львиная доля принадлежит Марксу, прошло, пока наконец удалось созвать первый конгресс Интернационала (в Женеве 3–8 сентября 1866 г.). В докладной записке Генерального Совета Маркс сумел мастерски формулировать и обосновать все главные непосредственные требования рабочего класса, которые вытекают с железной необходимостью из самого процесса классовой борьбы пролетариата[6].

Мы приводим только ту часть этой записки, в которой Маркс защищает требование законодательного сокращения рабочего времени и разъясняет значение «нормального» рабочего дня.

«Ограничение рабочего времени мы считаем предварительным условием, без которого останутся бесплодными всякие другие попытки улучшить положение рабочего класса или добиться его освобождения. Оно необходимо, чтобы восстановить физическую энергию и здоровье рабочего класса, т. е. главного организма каждого народа. И не менее необходимо оно и для того, чтобы обеспечить рабочим возможность духовного развития, товарищеского общения, социальной и политической деятельности.

Мы предлагаем, чтобы восемь часов труда составляли законодательный максимум рабочего дня. Это ограничение выставляется уже всеми рабочими Североамериканских Соединенных Штатов, и решение нашего конгресса сделает это требование общим знаменем рабочего класса всего мира.

Для сведения континентальных членов конгресса, которые не имеют такого продолжительного опыта в области фабричного законодательства, как британские рабочие, мы считаем нужным прибавить, что всякий закон с целью ограничения рабочего времени окажется совершенно бесполезным и будет всегда нарушаться договаривающимися сторонами, если не будет точно определен период дня, в течение которого должны быть выполнены эти восемь часов труда. Длина такого периода должна равняться восьми часам труда и перерыву для еды. Так, например, если различные перерывы для еды составляют один час, то установленный законом период дня должен составлять 9 часов, скажем, от 7 часов утра до 4 часов вечера или от 8 часов утра до 5 часов вечера и т. д.

Ночной труд должен допускаться только в виде исключения в таких предприятиях или отраслях производства, которые специально перечислены в законе, но нужно стремиться к тому, чтобы ночной труд был совершенно уничтожен.

* Найденное мною в бумагах Маркса письмо Кримера, в котором его приглашают на митинг 28 сентября 1864 г. в качестве члена комитета, доказывает, как неосновательны попытки некоторых историков Интернационала отрицать участие Маркса в основании и первоначальной организации Интернационала[7].

Это ограничение рабочего времени распространяется на всех совершеннолетних, как мужчин, так и женщин, причем последние должны быть безусловно освобождены от ночного труда и вообще всяких работ, оскорбляющих естественное чувство стыда, или подвергающих женский организм влиянию различных ядовитых или вредных веществ.

Мы предлагаем считать совершеннолетними всех лиц, достигших 18 лет и старше»[9].

Опасения Маркса вполне оправдались: многим делегатам требование восьмичасового рабочего дня показалось слишком крайним, утопическим, почти неосуществимым в отсталых условиях континентального капитализма*. Некоторые делегаты были настолько наивны, что в принятии резолюции, устанавливающей восьмичасовой рабочий день, видели запрещение со стороны конгресса всем рабочим поступать на места к таким хозяевам, которые заставляют работать более восьми часов.

Французские делегаты внесли свою резолюцию: по их мнению, при настоящих условиях *десятичасовой* рабочий день вполне достаточен, чтобы обеспечить все необходимое для жизни. И гораздо важнее обеспечить минимум заработной платы в уплату за услуги, которые индивидуум оказывает обществу.

Как и следовало ожидать, наиболее сильный отпор встретили все эти аргументы у английских делегатов.

Оджер, председатель Генерального Совета, выступил с подробным опровержением аргументов, выдвинутых французскими делегатами:

«Что касается установления минимума заработной платы, то такой, по моему мнению, трудно провести в жизнь. Но я решительно высказываюсь за то, чтобы восемь часов труда, предложенные Генеральным Советом, были поддержаны всем конгрессом. Восемь часов труда более чем достаточно, чтобы оплатить все предметы необходимости для рабочего. И этого же времени вполне достаточно, чтобы он мог доставить свою долю в общую сумму общественных продуктов. Не забудьте, что Роберт Оуэн, знаменитый коммунист, доказывал, на основании самых точных данных, что *три часа труда* в день, если обязанность труда будет распространена на всех без исключения, были бы вполне достаточны, чтобы произвести всю действительную сумму общественного богатства. Вспомните также, что с того времени, когда жил Оуэн, машинное производство сделало огромные успехи и что прогресс техники стремится к сокращению человеческого труда. До сих пор рабочие, получавшие более высокую заработную плату, очень мало заботились о судьбе своих товарищей. В будущем мы должны поступать иначе. На первом плане для нас должна стоять судьба тех рабочих, которые получают самую низкую заработную плату и имеют наиболее длинный рабочий день. И если мы хотим, чтобы солидарность всех рабочих стала действительностью, то мы должны провозгласить уменьшение рабочего дня лозунгом рабочих всего мира».

Кример, секретарь Генерального Совета, высказался в том же смысле:

---

* Мы пользовались, кроме отчетов в «Vorbote» 1866 г. и «International Courier» 1867 г., также сохранившимся в архиве Интернационала рукописным протоколом Женевского конгресса на французском и немецком языках[10], а также протоколами Генерального Совета от октября 1864 г. до сентября 1866 г.[11]

«Я тоже считаю невозможным установление минимума заработной платы. В настоящее время самым важным вопросом для нас является вопрос о рабочем дне. Мы должны решить его в положительном смысле и поэтому самым энергичным образом требовать восьмичасового рабочего дня. В Америке теперь подготовляется с этой целью в среде рабочего класса большое движение. Американские рабочие потому и симпатизируют так горячо нашему обществу, что убеждены в нашей сильной поддержке. Они ожидают, что мы со своей стороны разовьем агитацию в пользу восьмичасового рабочего дня. Мы не можем оставить их без поддержки, требуя меньшего, чем они. Кроме того, чем больше мы будем требовать, тем больше мы получим. Недавно рабочие в лондонской строительной промышленности устроили стачку, чтобы добиться сокращения рабочего дня до 9 часов. Если бы вместо того, чтобы требовать 9 часов, они требовали бы восьми часов, то победа была бы на их стороне. Пусть же общим кличем рабочего класса всего мира будет "восемь часов труда в день". И мне думается, что выставление этого требования не есть с нашей стороны признак излишней самонадеянности».

Не менее горячо защищал предложение Генерального Совета Карл Бюркли. «Кто желает просвещения народа, тот должен голосовать за принцип восьмичасового рабочего дня, ибо чего можно требовать от человека, который работает от 12 до 14 часов в день? Может ли он, возвратившись домой, найти в себе достаточно силы, чтобы взяться за книгу? Кроме того, рабочие континента должны поддержать своих братьев в Англии и Америке в их борьбе против капиталистов, и требовать меньше, чем они, значило бы только предать их».

Иоганн Филипп Беккер заявил от имени немецкой делегации, что восьмичасовой рабочий день также является их программным требованием и что, не желая затягивать дебатов по этому вопросу, они отказываются от мотивировки своих взглядов и вполне присоединяются к предложению Генерального Совета.

Магдебургский делегат Бюттер вместе с французами продолжал доказывать, что десятичасовой рабочий день больше соответствует условиям континентальной промышленности, что лучше предоставить фабрикантам определить время, когда возможно будет ввести восьмичасовой рабочий день. Впрочем, и он готов признать – правда, только в принципе – желательность более короткого рабочего дня.

Особенно решительно высказался против предложения Генерального Совета парижский делегат Фрибур. От имени французской делегации он заявил, что они не требуют такого значительного сокращения. Важно только, чтобы труд не оказывал неблагоприятного влияния на естественное развитие способностей и наклонностей рабочих. Да они и не считают возможным установить какое-нибудь определенное правило в этом вопросе.

Тогда Оджер вновь взял слово. Он показал, в каких возмутительных формах проявлялась прежде эксплуатация фабрикантами рабочей силы. Он предсказывал, что если европейские рабочие, отказываясь от возможности всякого духовного развития, покорно подчинятся варварству чрезмерного рабочего дня, то североамериканские рабочие откажутся от всякой солидарности с ними и будут стараться о том, чтобы введен был высокий протекционный тариф на продукты труда белых рабов. «Во имя единства и солидарности мы должны провозгласить принцип восьми часов труда».

Французская делегация наконец уступила. Она согласилась признать, что восьмичасовой рабочий день вполне достаточен, но они настаивали на необходимости обеспечить минимум заработной платы.

Наконец резолюция Генерального Совета была принята огромным большинством против десяти голосов. Таким образом, требование восьмичасового рабочего дня стало общим требованием рабочего класса Европы.

В Северной Америке оно было выставлено почти одновременно. Менее чем за две недели до Женевского конгресса в Балтиморе заседал съезд Национального Рабочего Союза. В порядке дня стояли те же самые вопросы, которые занимали европейский конгресс. Хотя резолюции, принятые на нем, не были так точно и научно формулированы, как резолюции Женевского конгресса, они во всем существенном почти совпадали. В особенности бросается в глаза сходство резолюций по вопросу о сокращении рабочего времени. Балтиморский конгресс (16 августа 1866 г.) заявлял:

«Первым и великим требованием современности является требование освобождения труда этой страны от капиталистического рабства посредством издания закона, который признал бы восьмичасовой рабочий день нормальным рабочим днем во всех штатах Американского Союза. Мы решились напрячь все наши силы для борьбы за достижение этого славного результата»[12].

«Это сходство порядка дня и решений обоих конгрессов, – говорит историк социализма в Соединенных Штатах Моррис Хилквит, – может быть объяснено только сходством положения рабочего класса по обеим сторонам Атлантического океана; тогда сношения между обеими организациями сводились к ничтожным размерам»[13].

Первое утверждение верно, второе – не совсем. Не говоря о той деятельной роли, которую играли последователи Маркса в американском движении пятидесятых и шестидесятых годов, тогда, как это вытекает из переписок и протоколов Генерального Совета, уже имелся специальный уполномоченный Генерального Совета в Соединенных Штатах. Питер Фокс, один из наиболее деятельных членов Генерального Совета в 1864–[18]66 гг., был американский гражданин и секретарь Генерального Совета для Америки. Как он, так и Маркс, и Эккариус, поддерживали деятельную переписку с различными влиятельными американскими рабочими, и не подлежит никакому сомнению, что работы Лондонской конференции (1865 г.), которая выработала программу занятий Женевского конгресса, были так же хорошо известны американцам, как и взгляды Генерального Совета.

Как бы то ни было, – основывалось ли это сходство резолюций только на естественно вытекавшем из сходства условий согласии в основных взглядах, или оно являлось также результатом предварительного соглашения, – почти одновременно по обеим сторонам Атлантического океана, в юной Америке, где только что нанесен был смертельный удар чернокожему рабству, и в старой Европе, где белые рабы собирались опять возобновить борьбу за освобождение от наемного рабства, провозглашена была, на место пышной декларации «неотчуждаемых человеческих прав», Великая Хартия ограничения законом рабочего времени, требование восьмичасового рабочего дня!

В начале семидесятых годов старый Интернационал, после того как он в течение почти десяти лет был центром всего европейского и американского рабочего движения и грозой всего официального буржуазного мира, распался или, как го-

ворят «ученые» историки, «умер». Но смерть эта была только кажущейся. То, что казалось смертью, было переходом в новую, высшую стадию развития. Первый период, в котором теоретический характер рабочего движения был еще очень неясно выражен, в котором оно еще только едва освобождалось от своих мелкобуржуазных предрассудков, в котором вместо рабочих партий в огромном большинстве стран существовали только слабые очаги пропаганды, секции Интернационала, сменился новым, когда принципы его были уже с самого начала провозглашены в их наиболее совершенной форме. И если после франко-прусской войны и поражения Коммуны понадобилось каких-нибудь полтора десятка лет, чтобы сделать из европейского рабочего движения огромную политическую силу, фактор, определяющий всю современную историю, то мы этим обязаны той колоссальной пропаганде, которую успел развить старый Интернационал.

Когда в 1889 г. новый Интернационал держал в Париже свой первый конгресс, чтобы сосчитать свои силы и выковать новое оружие для освободительной борьбы рабочего класса, то в центре выставленных им требований стояло старое требование, формулированное еще на Женевском конгрессе. Но теперь за ним стояли могучие дисциплинированные батальоны международной рабочей армии, превратившие это требование в могучее орудие политической и экономической агитации.

С тех пор это требование, популяризованное первомайскими демонстрациями, перешло в плоть и кровь международного пролетариата. Оно стоит на первом плане не только в парламентской борьбе политических организаций рабочего класса за дальнейшее расширение рабочего законодательства, но и в непрерывной борьбе экономических организаций рабочего класса, профессиональных союзов, за дальнейшее сокращение рабочего времени.

В течение сорока пяти лет, которые прошли со времени Женевского конгресса, международный капитализм сделал колоссальные успехи. Машина захватила все отрасли производства, она не пощадила даже те уголки его, где еще пытались скрыться от бурь и потрясений экономической жизни представители художественной промышленности. Она революционировала все сельское хозяйство и вторгается уже во все области домашнего хозяйства. Интенсивность труда возросла до крайних пределов. Фабричная организация стала предметом особой «науки», и самые утонченные методы пускаются в ход, чтобы выжать из рабочей силы максимальное количество прибавочного труда.

В развитии капитализма, таким образом, снова приближается поворотный пункт, когда всеобщее сокращение рабочего дня – и в международном масштабе – становится фатальной неизбежностью, когда оно является не только моральным и социальным требованием, но превращается в необходимое предварительное условие дальнейшего технического прогресса.

Более того. Сама действительность ставит на очередь дня новый вопрос: не представляют ли и восемь часов работы, при современном уровне капиталистической техники и интенсивности фабричного труда, чрезмерное напряжение рабочей силы человека? Не разрушает ли и такой «нормальный» рабочий день здоровье целых категорий обширной рабочей армии? Ведь уже и теперь во многих отраслях производства вынуждены были сократить рабочий день до 7 и $6^1/_2$ часов.

Таким образом, требование восьмичасового рабочего дня, которое еще сорок пять лет назад, когда оно выставлено было Интернационалом, окрещено было

наивной утопией, теперь превратилось в скромное минимальное требование, едва поспевающее за развитием технического прогресса. Даже такой умеренный представитель официальной науки, как Цвидинек-Зюденгорст, в только что вышедшем курсе социальной политики должен признаться, что «призрак» восьмичасового рабочего дня при свете новых фактов никого уже не может пугать, что введение его во всех отраслях промышленности и торговли есть только вопрос времени*.

Только рабочий день, заключающий maximum восемь часов труда, может обеспечить рабочему его «право на леность», дать ему достаточно времени для отдыха, для духовного развития, товарищеского общения, для выполнения необходимых социальных и политических функций. Только тогда будет в состоянии рабочий класс развить в полной мере свою классовую организацию и создать общество, в котором исчезнет всякая борьба классов, в котором свободное развитие каждого будет необходимым условием свободного развития всех!

Примечания

[1] Данная работа Д.Б. Рязанова явилась одним из результатов его исследований по истории Первого Интернационала, предпринятых по поручению Меншеревского комитета (см. с. 78). Однако его интерес к проблематике, затронутой в статье, носил не только академический характер. В революции 1905–1907 гг. вплоть до ареста Рязанов (под именем Парнесова) принимал активное участие в Петербурге в деятельности Центрального бюро профсоюзов, в создании союза металлистов и в организации забастовки булочников. Рязанов раскрыл в своей статье одно из важнейших положений марксистской программы экономической борьбы пролетариата – необходимость борьбы за сокращение рабочего дня в рамках существующей капиталистической системы, которая получила теоретическое обоснование в «Капитале». Рязанов познакомил читателя с очень важной работой Маркса – «Инструкцией делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» (МЭС. Т. 16. С. 194–203), основные положения которой были закреплены в решениях Женевского конгресса Первого Интернационала (1866).

Статья Рязанова впервые была опубликована в № 4 ежемесячного легального журнала большевиков «Мысль» (М., 1911. № 4. Март. С. 1–12), и на немецком языке: *Riasanoff N.* Der Achtstundentag und die Internationale // Der Kampf. Wien. Jg. 4. H. 8. 1. Mai 1911. S. 355–361. Печатается по тексту русского журнала.

[2] *Маркс К.* Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих. Ср.: МЭС. Т. 16. С. 8–9.

[3] См. с. 84–90.

[4] Ср.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // МЭС. Т. 23. С. 245–246.

[5] «The People's Paper» – орган революционного чартизма, издавался в Лондоне с 1852 по 1858 г., Маркс и Энгельс сотрудничали в газете с октября 1852 по декабрь 1856 г. Рязанов ошибается, говоря об их сотрудничестве в 1857 г.

[6] О Лондонском совете тред-юнионов см. с. 85–86, 89–90.

[7] Речь идет о письме Уильяма Рандала Кримера Марксу от 28 сентября 1864 г. См.: Основание Первого Интернационала. М., 1934. С. 59. Публикация на языке оригинала: MEGA². Bd. III/12. S. 648.

[8] См.: *Маркс К.* Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам // МЭС. Т. 16. С. 194–203.

---

* *Zwiedineck-Südenhorst.* Sozialpolitik. Berlin, 1911. S. 258.

[9] Там же. С. 196–197.

[10] Отчет о дискуссии на конгрессе по вопросу об ограничении рабочего дня см.: Der Kongreß der Internationalen Arbeiterassociation in Genf // Der Vorbote. Genf. 1866. Oktober. Nr. 10. S. 147–149. Официальный отчет Генерального Совета о Женевском конгрессе публиковался в лондонских газетах «Le Courrier International» и «The International Courier» в феврале–мае 1867 г. (см.: MEGA² Bd. I/20. S. 1760, 1817). См. также: «Protokoll des Kongresses in Genf der internationalen Arbeiter Assoziation. Soweit es auf deutsch verhandelt worden 3–8. IX 1866 (РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1995). Приводимые выступления делегатов Женевского конгресса I Интернационала (1866) взяты Рязановым из этих документов. Публикацию протоколов Женевского конгресса см. также: Association Internationale des Trvailleurs. Compte rendu du Congrès de Genève (1866) // MEGA² Bd. I/20. S. 649–679; International Association of Working Men. Report of the Congress of Geneva (1866) // MEGA² Bd. I/20. S. 681–712.

[11] См. публикацию протоколов: Генеральный Совет Первого Интернационала 1864–1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы. М., 1961.

[12] Эта резолюция приведена Марксом в I томе «Капитала». Ср.: МЭС. Т. 23. С. 310.

[13] *Hillquit M.* Geschichte des Sozialismus in den Vereinigten Staaten. Stuttgart, 1906. S. 172–173.

МАРКС И РОССИЯ

АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКЕ К. МАРКСА[1]

Предисловие

Предлагаемая теперь вниманию русских читателей работа была предпринята автором осенью 1908 г. Революция 1905–1907 гг. показала, что старая программа внешней политики, которую социал-демократия вслед за Марксом и Энгельсом унаследовала от радикальной демократии, нуждается в критическом пересмотре. Чтобы решить эту задачу, требовалось, в первую голову, исследовать эволюцию взглядов Маркса и Энгельса на вопросы внешней политики. А как раз в этой области то, что можно назвать «марксоведением», отличалось большими пробелами. Собрание сочинений Маркса и Энгельса, изданное Мерингом, остановилось на революции 1848–1849 гг.[2] Попытка Элеоноры Маркс издать некоторые работы отца, относящиеся к пятидесятым годам, оказалась, при ближайшем рассмотрении, весьма недостаточной[3]. Мне пришлось поэтому произвести большую предварительную работу и привести сначала в известность все литературное наследство, оставленное Марксом и Энгельсом. В значительной степени облегченная тем, что покойные Лафарги и Бебель предоставили в мое распоряжение весь архив Маркса и Энгельса, эта работа все же потребовала тщательного пересмотра многочисленных журналов и газет и дала в результате совершенно новые материалы.

Всемирная война приостановила опубликование собрания сочинений Маркса и Энгельса за период 1850–1852 гг.[4] равно как и издание документальной истории Первого Интернационала[5]. Только отдельные части этой работы были опубликованы в журналах немецкой и австрийской социал-демократии, – в «Neue Zeit» и «Kampf», а также в «Архиве по истории социализма и рабочего движения», выходящем в Вене под редакцией проф. Карла Грюнберга.

Издаваемый теперь на русском языке критический этюд впервые познакомил европейскую социал-демократию со взглядами Карла Маркса, – опубликованная с тех пор переписка его с Энгельсом[6] показала, что и тут многое из появившегося под именем Маркса написано Энгельсом, – на историческое развитие русской гегемонии в Европе. И он же явился первым опытом «ревизии» взглядов Маркса и Энгельса на восточный вопрос и вопрос о роли России в области международной политики. Предшествовавшая попытка Розы Люксембург и Карла Каутского, в их полемике с Вильгельмом Либкнехтом по поводу критского и армянского вопросов, указать на невозможность догматического повторения старых взглядов Маркса и Энгельса, несмотря на ряд верных критических замечаний, явилась уже потому недостаточной, что она исходила из совершенно неверного представления о развитии соответствующих взглядов основателей научного социализма.

Ergänzungshefte zur Neuen Zeit

Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa.

Первая страница работы Д.Б. Рязанова «Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa», опубликованной в № 5 от 5 марта 1909 г. в журнале «Ergänzungshefte zur Neuen Zeit»

Д. РЯЗАНОВЪ

АНГЛО-РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЪ ОЦѢНКѢ

К. МАРКСА.

(Историко-критическій этюдъ).

ИЗДАНІЕ

Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Красноармейскихъ Депутатовъ.

1918.

Титульный лист первого русского издания работы Д. Рязанова «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» (Петроград, 1918).

Русское издание является почти буквальным воспроизведением немецкого, которое появилось отдельным приложением к «Neue Zeit». Восстановлены только, по сохранившемуся у меня манускрипту, некоторые места, которые Каутский считал слишком специальными для немецкого читателя, и несколько критических замечаний по адресу Меринга[7], занявшего в споре между Марксом и Лассалем по вопросам внешней политики такую же оппортунистическую позицию, какую он занял в споре между Либкнехтом и Бебелем, с одной стороны, и Швейцером – с другой, по вопросам внутренней политики, – замечаний, выпущенных по просьбе Каутского.

Практическая деятельность в настоящее время мешает мне переработать и дополнить некоторые главы. Как раз после появления моего этюда, и даже одновременно с ним, были опубликованы новые данные и работы как в русской, так и в иностранной литературе, которые могли бы еще более ярко иллюстрировать развиваемые мной положения (работы Д.М. Полиевктова[8], И. Любименко[9], Чэнса[10], Уиллиама Роберта Скотта и др.).

Я надеюсь, что мне удастся в следующем издании, хотя бы в отдельных примечаниях, коснуться и тех возражений, которые вызвала моя работа.

Сентябрь 1918 г.

1. Контрреволюционная роль Англии и России в 1848–1849 гг.

Революция 1848 г., как вихрь пронесшаяся по всей Западной Европе, поднявшая не только Вену, но и Берлин, остановилась у границ России. Минутная тревога, вспыхнувшая в Петербурге, улеглась скоро, как только получены были из третьего отделения рапорты, что «все обстоит благополучно». И притаившись, точно зверь, выжидающий удобного момента, чтобы броситься на свою добычу, русский абсолютизм внимательно следил за перипетиями революционной борьбы в Германии, в то же время концентрируя свои войска на западной границе.

«Царь стоит перед воротами Торна», – писала «Новая Рейнская газета»*.

Этот факт определял всю внешнюю политику немецкой демократии и ее крайнего левого крыла, группировавшегося вокруг «Новой Рейнской газеты». Ее редакторы открыто заявляли, что «только война с Россией есть война революционной Германии, война, в которой она смоет грязь прошлого, в которой она вернет себе свои силы, в которой она может победить своих собственных самодержцев, в которой она, как то приличествует народу, стряхнувшему цепи долгого ненужного рабства, пропаганду цивилизации оплатит жертвой своих сынов и освободит себя от своих внутренних врагов, освободив себя от внешних»[11].

С другой стороны, Николай и Нессельроде, завязавшие уже тогда тайные переговоры с «Картечным принцем» (будущий Вильгельм I), следовали только традициям русской дипломатии, когда в циркуляре 6 июля горько жаловались на несправедливые подозрения, жертвой которых Россия со времени мартовской революции стала в Германии.

«Война против России, – писал Нессельроде, – была провозглашена как одна из наиболее необходимых задач момента».

Русский абсолютизм напоминал об уважении к трактатам 1815 г., целью которых было увековечить разделение Германии, и протестовал самым энергичным образом против объединения, о котором «мечтала демократия, жаждавшая во что бы то ни стало вовлечь Германию в войну с соседями»[12].

Тяжелая лапа «русского медведя» чувствовалась еще в той энергии, с которой была подавлена попытка восстания в прусской Польше. И русский абсолютизм еще совершенно открыто выступил в вопросе о Шлезвиге, заставив Пруссию вести только «показную войну», чтобы сейчас же закончить ее перемирием. В числе «трех наиболее реакционных держав Европы», ставших на сторону Дании, «Новая Рейнская газета» упоминает, наряду с Россией и Пруссией, также и Англию.

---

* Следующая цитата из доклада Нессельроде (20 ноября 1850 г.), в котором он, по поводу 25-летия со дня воцарения Николая I, дает обозрение его внешней политики, служит прекрасным комментарием к словам «Новой Рейнской газеты»: «События 1848 г. придали еще более важное значение той роли охранителя и блюстителя порядка, которая возложена на Вас провидением с 1830 г. Достигнуто же это было спокойствием, с которым В.В. дали улечься первым последствиям бури, разразившейся над Европой, не выказывая ни излишней торопливости, ни робости, ни страха и выжидая, для того чтобы вступить на сцену, лишь момента, который бы Вы, в своей мудрости, сочли наиболее подходящим. Оставшись одни на развалинах древних государств континентальной Европы, Вы молча собрались с силами, чтобы, в случае надобности, защитить неприкосновенность Вашей территории и обратить эту силу на защиту других» («Сборник Русского ист. общества». Т. 98, с. 294).

«Пруссия, Англия и Россия – вот три державы, которые больше всего боятся немецкой революции и ее первого следствия, немецкого объединения: Пруссия – потому что в этом случае она перестает существовать, Англия – потому что она лишится возможности эксплуатировать немецкий рынок, Россия – потому что демократия таким путем доберется не только до Вислы, но и до Двины и Днепра»[13].

Уже в корреспонденциях «Новой Рейнской газеты» из Лондона можно проследить этот поворот в отношении к Англии и тогдашнему руководителю ее внешней политики Пальмерстону, который не только членам Священного союза, но и европейским либералам казался чемпионом конституционализма и национального объединения после итальянских и швейцарских событий 1847 г. Но ожесточенный враг английского рабочего движения и верный слуга английского капитала, охранявший конституционную Бельгию, как оплот против Франции, поддерживавший своим «нравственным» авторитетом и деньгами швейцарских либералов и отстаивавший интересы английской торговли на Аппенинском полуострове против Австрии, был «шокирован» революцией [18]48 года в не меньшей степени, чем Николай. Он слишком хорошо понимал, что всякий новый успех революционного движения на континенте укрепляет чартизм в Англии, и употреблял все усилия, чтобы ввести революцию в определенное русло. Отсюда и его упорное противодействие германскому объединению, поскольку оно могло совершиться только путем победы народа над короной. Каждое поражение революции во Франции и в Германии означало в то же время и поражение английского чартизма и усиление контрреволюционной роли Англии.

Подводя итоги революционного движения в 1848 г., «Новая Рейнская газета» пишет в новогодней статье 1 января 1849 г.:

«А страна, которая превратила целые народы в своих пролетариев, которая своими исполинскими руками охватила весь мир, которая уже раз своими деньгами оплатила издержки европейской реставрации, страна, в которой классовые противоречия отлились в наиболее отчетливые и бесстыдные формы, – эта страна, Англия, высится, точно скала, о которую разбиваются все революционные волны. Она хочет задушить новое общество еще в чреве матери. Коренное изменение экономических отношений в какой-либо стране европейского континента, на всем европейском континенте – без Англии – явилось бы бурей в стакане воды. Условия промышленности и торговли каждой нации зависят от ее сношений с другими нациями, определяются отношением к всемирному рынку... Старая Англия будет низвергнута только путем мировой войны, которая одна лишь может создать для партии чартистов, для организованной партии английских рабочих, условия успешного восстания против их всемогущих угнетателей, чартисты во главе английского правительства – только с этого момента социальная революция переходит из царства утопии в царство действительности. А каждая европейская война, в которую втянута Англия, является всемирной войной: она ведется как в Канаде, так и в Италии, в Ост-Индии и в Пруссии, в Африке и на Дунае. Европейская война – это первое следствие победоносной рабочей революции во Франции. Как в эпоху Наполеона, Англия будет стоять во главе контрреволюционных армий, но самим ходом войны вынуждена будет стать во главе революционного движения и искупить, таким образом, свою вину против революции восемнадцатого столетия. Революционное восстание французского рабочего класса, всемирная война – вот программа 1849 г.»[14].

Если еще 3 июля 1848 г. «Новая Рейнская газета» беспощадно развертывает длинный список всех грехов, совершенных Германией против свободы различных народов и в защиту абсолютной власти; если она тогда указывала, что даже в глубине России немцы служили главной опорой единого и всех маленьких самодержцев, что в Англии реакция поддерживалась при помощи ганноверских войск[15], – то 15 февраля она пишет уже несколько мягче:

«До сих пор всегда утверждали, что немцы были ландскнехтами деспотизма во всей Европе. Мы нисколько не думаем отрицать позорного участия немцев в позорных войнах против французской революции от 1792 до 1815 г., в покорении Италии с 1815 г. и Польши с 1772 г. Но кто стоял за немцами, кто использовал их как своих наемников или свой авангард? *Англия и Россия*»[16].

В предисловии к статьям о «Наемном труде и капитале», в котором Маркс объясняет, почему «Новая Рейнская газета» до тех пор не останавливалась подробно на анализе экономических отношений, образующих материальную основу классовой и национальной борьбы, он указывает, что редакция считала своей главной задачей прежде всего следить за проявлением классовой борьбы в текущей повседневной практике. Затем он перечисляет опять главные этапы революций февральской и мартовской и показывает, как «Европа, победив революционных рабочих, опять впала в свое старое двойное рабство, в *англо-русское рабство*». И, обещая теперь подробно анализировать экономические условия, Маркс хотел, кроме исследования отношений между наемным трудом и капиталом и доказательства, что средняя буржуазия при современной системе обречена на неизбежную гибель, изобразить еще, как «Англия, этот *деспот* всемирного рынка, подчиняет и эксплуатирует в торговом отношении буржуазные классы различных европейских наций»[17].

Но ему не удалось выполнить свое обещание.

19 мая появился последний «красный» номер «Новой Рейнской газеты», в котором Маркс повторяет заключение передовицы новогоднего номера:

«Революционное восстание французского рабочего класса, всемирная война – вот программа 1849 г. И на Востоке уже противостоит старой коалиционной Европе, представленной в русской армии, новая революционная армия, составленная из борцов всех наций, и из Парижа грозит уже красная республика»[18].

Маркс и Энгельс ошиблись. Венгрия была раздавлена русской армией, а надежды на социальную революцию в Англии, на победу чартизма, оправдались так же мало, как и надежда на то, что французский пролетариат оправится после июньской бойни и даст новый, еще более сильный толчок революционному движению.

Усилившаяся реакция преследовала Маркса по пятам. Поражение мелкобуржуазной демократии 13 июня 1849 г. заставило его уехать из Парижа в Лондон, где он скоро приступает к изданию «Новой Рейнской газеты» в форме журнала.

Если Пруссия и Австрия шли на буксире России, то французская буржуазная республика шла на буксире Англии, где внешней политикой продолжал руководить Пальмерстон.

«Посредническая роль, которую Кавеньяк и национальное собрание играли в *Северной Италии*, чтобы сообща с Англией передать ее Австрии, – один этот день власти уничтожил восемнадцать лет оппозиции "National". Нет ни одного правительства менее национального, чем правительство партии "National", ни одного –

зависимее от Англии... ни одного – более холопского по отношению к Священному союзу»[10].

И кто доставлял России те деньги, которые давали ей возможность совершать ее контрреволюционную миссию? *Англия*. В начале 1850 г. Нессельроде писал князю Воронцову следующие восторженные строки:

«Мы недавно имели опять блестящее доказательство симпатий, которые существуют еще в Англии по адресу России. Свидетельство – прием, оказанный нашему займу, несмотря на Кобдена и К°, как "Morning Chronicle" остроумно называет лидера фритредеров. Представьте себе, что подписка дошла до 16 миллионов ф. ст. Пусть говорят после этого, что в Англии уже не любят больше России»*.

Действительно, трудно сказать, кто усерднее поддерживал предводителя французских черносотенных банд в деле восстановления «порядка» во Франции – Россия или Англия. В номере от 29 декабря 1851 г. английский «Экономист» писал:

«На всех европейских биржах президент Французской республики признан теперь охранителем порядка».

А Нессельроде писал, что Россия в своих представлениях президенту всегда подчеркивала его «неоспоримые заслуги, которые он приобрел, укротив революционный дух», одобряла все, что он делал в интересах «порядка», и рекомендовала идти все так же неуклонно по этому пути**.

Переворот 2 декабря 1851 г. означал окончательное торжество контрреволюции.

В Австрии была отменена конституция, а в Германии, после кёльнского процесса коммунистов и уничтожения последних остатков рабочих союзов, господствовала самая мрачная и циничная реакция. После варшавского унижения следовал ольмюцкий позор, и лондонским протоколом 8 июля 1852 г. Шлезвиг-Гольштейн был опять укреплен за Данией.

А кто были главными авторами лондонского протокола? *Англия и Россия*.

Старое англо-русское рабство опять распространилось на всю Европу. Пруссия лакействовала перед Россией более, чем когда-либо прежде. Как выражался Александр II, горячо любимый племянник еще более горячо любимого дяди, будущего Вильгельма I:

«Чем более оскорбляют Пруссию, тем более она льнет к нам».

Отношения России и Англии носили самый дружественный характер, настолько дружественный, что Николай I уже собирался вместе с Англией разделить наследство «больного человека»[20], так как в Пруссии и Австрии он был вполне уверен. Первый русский рабовладелец был плохо знаком с психологией рабов.

Для Маркса это победоносное шествие реакции не было неожиданностью. Он уже осенью 1850 г. пришел к заключению, что о действительной революции не может быть больше речи.

К этому выводу его привели внимательное изучение тогдашних экономических условий и анализ событий 1849 и 1850 гг. Он показал, каким образом начавшийся еще в течение 1848 г. и усилившийся в 1849 г. расцвет промышленности

---

* Из письма Нессельроде к Воронцову 7/19 февраля 1851 г. (См. «Архив князя Воронцова». Т. XXX, с. 361).

** Из письма Нессельроде к князю Воронцову от 7/19 марта 1852 г. («Архив князя Воронцова». Т. XL, с. 421).

и торговли парализовал революционный подъем и сделал возможными победы реакции.

Экономическая зависимость континента от Англии проявилась так же ярко в эпоху процветания, как и в эпоху кризиса. Континент рабски следует за Англией:

«Точно так же, как кризис разразился на континенте позднее, чем в Англии, так и фазис процветания начался в последней раньше. Первичный процесс совершается всегда в Англии, ибо она является демиургом буржуазного космоса»[21].

Политическое порабощение континентальной Европы *Россией* дополнялось *экономическим* порабощением ее *Англией*.

Революция 1848 г. разбилась о сопротивление России, этого деспота Европы, в не меньшей степени, чем о сопротивление Англии, этого деспота всемирного рынка.

Если из Лондона исходили все экономические нити, которыми опутывается всемирный рынок, которыми закреплялась зависимость континентальной Европы от лондонской биржи, то в Петербурге неустанно выковывались те оковы, в которых билась побежденная революция, сплетались все козни и интриги реакции, которыми европейские дворы, от Берлина до Мадрида и Лиссабона, опутывали свои народы*.

Такова была политическая атмосфера, когда Маркс опять возобновил свои экономические занятия, прерванные революцией. На первом плане для него стояло изучение «Демиурга буржуазного космоса», стремление разрешить загадку буржуазного общества. «Колоссальный материал для истории политической экономии, накопленный в Британском музее, удобный пункт, каким Лондон является для наблюдений над буржуазным обществом, наконец, новая фаза, в которую вступило развитие этого общества со времени открытия калифорнийского и австралийского золота»[22], – все это побудило Маркса взяться снова за свое исследование с самого начала и опять критически переработать весь новый материал.

Первым плодом этой работы явилась «К критике политической экономии»[23], в которой Маркс начал выполнять обещание, данное за десять лет перед этим читателям «Новой Рейнской газеты»[24].

Но Маркс занимался в пятидесятых годах не только исследованием «буржуазного космоса». Не менее усердно изучал он «мистерии международного государственного искусства». Лондон представлял не только самый благоприятный пункт для наблюдения экономических отношений всемирного рынка, но, как и Гаага в XVIII столетии, место, где быстрее, чем где-либо в биржевых бюллетенях, отражались, как в чувствительном барометре, малейшие колебания атмосферы, всякая, хотя бы незначительная, пертурбация в области международных политических отношений.

---

* «Основной принцип нашей политики, – писал Нессельроде в 1833 г. Ливену в Лондон, – заставляет нас прилагать все старания для сохранения власти повсюду, где она существует, для укрепления ее там, где она ослабевает, и, наконец, для спасения ее там, где она открыто подвергается нападению». Эта депеша предназначалась для прочтения Пальмерстону, который в бельгийском вопросе оказался менее уступчивым, чем в польском. «Великобритания, наш старый друг и союзник, слишком долго разделяла с нами те же взгляды, чтобы не знать их основательным образом» (*Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. С. 24–25).

Только в Англии того времени возможно было такое явление, как образование по всей стране целого ряда Foreign Affairs Committees – обществ, посвящавших себя исключительно изучению вопросов внешней политики, внимательно следивших за деятельностью министерства иностранных дел и подвергавших каждый акт его политики самой придирчивой критике.

Но не только личные наклонности Маркса побуждали его «исследовать мистерии международного государственного искусства и следить за дипломатическими проделками правительств». Повелительная необходимость в хлебной работе заставила его принять на себя обязанности европейского редактора «New-York Tribune», первой англо-американской газеты того времени. Так как он, по его словам, собственно газетным корреспондированием занимался очень мало[25], то это влекло за собой чрезвычайное разбрасывание в выборе тем для работ. И среди таких занятий, отвлекавших его от главных экономических исследований и, по-видимому, очень мало связанных с этим предметом, немалое место занимало именно изучение истории международных дипломатических сношений.

Мы видели уже, под влиянием каких впечатлений у Маркса, еще до приезда в Лондон, складывалось убеждение, что Англия и Россия являлись фактическими союзниками в борьбе с революцией. Пребывание в Лондоне еще более убеждало его в контрреволюционном характере политики Пальмерстона, который прусской камарилье того времени казался агентом революции, а прусским либералам – чемпионом конституционализма и таким же защитником национальной идеи, как Наполеон III. Вполне понятно поэтому, что его должны были заинтересовать работы Давида Уркарта, который в продолжение 20 лет неустанно разоблачал интриги русской дипломатии, обвиняя Пальмерстона в угодничестве перед Россией, и также усердно расхваливал прелести турецкого владычества на Балканском полуострове. Именно эта ненависть к России и постоянная оппозиция против Пальмерстона послужили поводом к сближению Уркарта не только с революционной эмиграцией (польской и венгерской), но и с Марксом.

Не следует, однако, думать, что Маркс находился под исключительным влиянием Уркарта. Это было невозможно уже просто в силу того, что оба они исходили из совершенно различных принципов, что задачи их совершенно расходились. Маркс не только не разделял туркофильских тенденций Уркарта, но осмеивал их, как это видно из следующей юмористической характеристики упрямого оригинала, который восторгался турецкой свободой не меньше, чем турецкими банями:

«Шотландец по происхождению, пропитанный насквозь средневековыми и патриархальными предрассудками своей родины и Греции против турок, попал в страну последних и сделался вскоре их страстным поклонником. Романтически настроенный горец чувствовал себя в горных ущельях Пинда и Балкан как у себя дома. Все его сочинения о Турции, содержащие, впрочем, много очень ценных сведений, можно резюмировать в трех парадоксах, которые гласят буквально следующим образом: во-первых, если бы Уркарт не был английским подданным, то он, наверное, сделался бы турком; во-вторых, если бы он не был пресвитерианином, то он не хотел бы исповедовать никакой другой религии, кроме Ислама; и, в-третьих, Англия и Турция – единственные страны в мире, которые наслаждаются благами самоуправления, религиозной и гражданской свободы»*[26].

* *Karl Marx.* The Eastern Question. London, 1897, p. 24–25.

Вот что рассказывает Маркс в своем известном памфлете «Herr Vogt» о своих отношениях к Уркарту и его партии:

«Сочинения Уркарта о России и против Пальмерстона заинтересовали меня, но не убедили. Чтобы составить себе определенное мнение, я подверг отчеты Хансарда о парламентских прениях и Синие книги от 1807 до 1850 г. внимательному анализу. Первым плодом этих занятий явился ряд передовиц в "New-York Tribune" (конец 1853 г.), в которых я доказал связь Пальмерстона с петербургским кабинетом на основании его действий по отношению к полякам, туркам, черкесам и т. д. Вскоре после этого я перепечатал эти статьи в "People's Paper", в органе чартистов, выходившем под редакцией Эрнеста Джонса, и прибавил к ним новые главы о деятельности Пальмерстона. Тем временем "Glasgow Sentinel" перепечатал одну из этих статей («Пальмерстон и Польша»), которая привлекла внимание Д. Уркарта. После свидания, которое я имел с ним, он предложил г-ну Такеру в Лондоне издать часть моих статей в форме памфлетов. Эти пальмерстоновские памфлеты разошлись в количестве от 15 до 20 000 экземпляров»[27].

Памфлеты Маркса действительно имели огромный успех и в немалой степени способствовали разрушению легенды, создавшейся вокруг имени Пальмерстона не только в Европе, но и в Англии. Маркс беспощадно вскрыл все противоречия пальмерстоновской политики и показал, что *фактически* он являлся таким же агентом контрреволюции, как и петербургские дипломаты*.

«Он борется против влияния заграницы на словах и склоняется перед ним на деле. От Каннинга он унаследовал миссию Англии пропагандировать конституционализм на континенте, и у него всегда имеется наготове повод, чтобы разжечь национальные предрассудки, оказать противодействие революции на континенте и вместе с тем возбуждать подозрительную ревность иностранных держав. И в то время как он этим путем заслужил себе при континентальных дворах репутацию зловредного человека, он у себя дома считается образцом настоящего английского министра... Одна партия называет его карбонарием... В то время, когда поляки, итальянцы, венгры или немцы потерпели поражение, Пальмерстон стоял у власти, но деспоты этих народов всегда подозревали его в том, что он был связан тайным договором с их жертвами, на подчинение которых он спокойно смотрел. Доныне можно было во всех случаях считать шансом на успех иметь его в числе врагов и предзнаменованием верного поражения – иметь его в числе друзей»**.

Маркс мог бы прибавить: за исключением героев порядка. Эти всегда могли рассчитывать на его верную дружбу.

Насколько верно Маркс оценил эту контрреволюционную роль Пальмерстона, его фактический союз и сотрудничество с другими деятелями европейской контрреволюции, показала и вся дальнейшая политическая деятельность почтенного лорда.

---

* Karl Marx. Herr Vogt. London, 1860, pp. 58–59[28]. Статьи о Пальмерстоне собраны в книжке «The Story of the Life of Lord Palmerston», издание которой подготовлено было еще Элеонорой Маркс, но вышло после ее трагической смерти. В форме памфлетов, упоминаемых Марксом, появились: третья глава, под названием «Пальмерстон и Польша», и пятая глава, под названием «Что сделал Пальмерстон» («Palmerston what has he done»). Обе брошюры в отдельном издании, особенно вторая, были дополнены. Они появились в изданной Такером серии «Political Flysheets». Vol. I. №№ 1 и 2.

** Karl Marx. The Story of the Life of Lord Palmerston. London, 1899, p. 8–9[29].

Нужно было обладать всей политической проницательностью немецких либералов пятидесятых годов, чтобы и после революции 1848 г. продолжать видеть в Пальмерстоне защитника принципов конституционализма quand même и покровителя угнетенных национальностей.

Характерно, что Фогт объяснял нападки «клики» Маркса на Пальмерстона враждой Маркса против Фогта и его друзей[30]. Даже Лассаль находился под гипнозом этой континентальной легенды и склонен был объяснять и оправдывать многие акты Пальмерстона, – в том числе и те, которые совершены были под давлением петербургского кабинета или встречали полное одобрение *эзотерической* русской дипломатии, – его антирусской политикой.

Как правы были Маркс и Энгельс, считая Крымскую войну, поскольку она являлась актом официальной Англии, только «показной войной», хотя она стоила миллиона человеческих жизней и миллиардов франков, показывает вся позднейшая литература о севастопольской кампании.

Со статьями Маркса о Пальмерстоне тесно связаны его многочисленные статьи о восточном вопросе и Крымской войне в «New-York Tribune» за 1853–1856 гг., собранные и изданные Элеонорой Эвелинг под общим заглавием «The Eastern Question»*.

И отделываться от анализа и объяснения соответствующих взглядов Маркса простой ссылкой на то, что он – quelle horreur [какой ужас! (*фр.*). – *Ред.*]! – в частных письмах называл Пальмерстона купленным русским агентом, – это чересчур легкий способ обойти действительный вопрос о том, насколько верна была марксовская оценка политики Пальмерстона. Достаточно указать, что русским агентом считали Пальмерстона и подозревали его честность не только Уркарт, но и многие другие англичане, в том числе и Портер, автор известной работы «Progress of the Nation»[32].

Меринг мог прийти к своему выводу, что по существу прав был Лассаль, только потому, что и он сводит спор Лассаля и Маркса главным образом к вопросу о том, был ли Пальмерстон русским агентом или нет. Этим объясняется и неожиданное заключение Меринга, что политика Пальмерстона защищена против обвинения в сознательной измене всем фактическим ходом событий!

Пальмерстон руководил внешней политикой Англии с маленькими перерывами от 1830 до 1851 г. и затем – тоже с небольшими паузами – от 1852 до своей смерти в 1865 г. Вполне естественно, что Марксу все сильнее навязывалась мысль, что за *фактическим* сотрудничеством Англии и России в борьбе с революцией скрывалось и личное сотрудничество, идейная солидарность между сент-джеймсским и петербургским кабинетами. Как ни казался со стороны противоестественным такой союз между конституционной Англией и деспотической Россией, целый ряд фактов – не только после 1850 г., но и до этого года – указывал на существование такого скрытого сотрудничества, которое не прекращалось и в те эпохи, когда в Англии господство вигов сменялось господством тори.

---

* На них мы намереваемся остановиться подробнее в другом месте. Тогда же мы более подробно рассмотрим взгляды Маркса на политику Пальмерстона[31] в связи с восточным вопросом и политикой Англии в эпоху Крымской войны. (Это сделано мною в «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels, 1852 bis 1862». Stuttgart, 1917. Два тома. В это издание вошли как статьи о восточном вопросе, так и о Пальмерстоне.)

«Когда в марте 1849 г. лорд Дадли Стюарт внес в палату общин предложение, осуждавшее русскую оккупацию Дунайских княжеств, лорд Пальмерстон энергическим образом защищал действия императорского правительства и доказывал его право защищать порядок в княжествах. Однако наиболее красноречивым защитником русской политики на Востоке оказался Дизраэли, впоследствии лорд Биконсфилд. Когда русский посол Бруннов сообщил Пальмерстону о вступлении русских войск в Венгрию, благородный лорд выслушал это заявление с видимым равнодушием и только промолвил в ответ: "Кончайте поскорее", а убежденный тори, герцог Веллингтон, рекомендовал следующий план: "Постарайтесь действовать массами, силами, достаточными для сокрушения смуты одним ударом. Ведите большую войну, большими средствами. Вы их имеете"»*.

Только после Крымской войны более или менее кристаллизовались антирусские тенденции английских консерваторов. А до шестидесятых годов, находилось ли у кормила правления торийское министерство или вигистское, – английская крупная буржуазия, в союзе с русским абсолютизмом, так же охотно топтала в грязь всякие принципы либерализма, раз дело шло о восстановлении «порядка», как и в наше время, когда радикальное министерство Асквита и Грея, в союзе с русскими Ляховыми, помогает персидскому шаху [Мохаммед Али. – *Ред.*] бомбардировать меджлис и душить персидских революционеров. И наивные европейские либералы пятидесятых годов в своих надеждах на конституционную Англию оказывались не менее наивными, чем русские кадеты, когда они поддерживают современный англо-русский союз и все еще «отказываются» видеть за Ляховым Гартвига и «не могут верить», что за Гартвигом скрывается Грей.

Но Маркс не ограничился только изучением дипломатических книг от 1807 до 1850 г. Весьма прочные симпатии вигов к России должны были заставить его сделать экскурсию и в область истории XVIII века, когда вигистская олигархия почти бессменно управляла Англией. И его предположение, что старое англо-русское рабство, в которое Европа опять впала после февральской революции, является результатом союза Англии и России, что не подлежавшее для Маркса никакому сомнению *фактическое* сотрудничество основано было на определенной связи между английскими и русскими дипломатами, превратилось в прочное убеждение, когда он, «по просмотре находящихся в Британском музее дипломатических бумаг, нашел ряд английских документов, которые тянутся от эпохи Петра Великого до конца XVIII столетия и свидетельствуют о постоянном тайном сотрудничестве между лондонским и петербургским кабинетами, причем колыбелью этого сотрудничества является как раз эпоха Петра Великого»[33]. Но не только найденная им дипломатическая переписка дала ему совершенно новый материал, тогда, как казалось ему, никем еще не использованный; не менее новые данные извлек он также из памфлетной литературы XVIII столетия, в знакомстве с которой он не имел соперников. Со свойственной ему страстностью он приступил к научной обработке этих материалов. К сожалению, из большого труда об указанном предмете, как он сообщает в «Herr Vogt», он успел опубликовать только введение под названием «Revelations of the Diplomatic History of the 18-th Century»[34]. Эта работа появилась сначала в шеффилдской, а после лондонской «Free Press», – в газе-

* И русский официоз, проф. Мартенс, прибавляет: «Слова герцога Веллингтона обратили на себя серьезное внимание государя, который их подчеркнул в донесении барона Бруннова от 29 апреля (11 мая) 1849 года» (Мартенс. Там же. С. 253–255).

тах, которые обе были органами Давида Уркарта. Это та же самая работа, которая была также подготовлена к изданию Элеонорой Маркс, но, как и «The Story of the Life of Lord Palmerston», издана уже после ее трагической смерти под названием: «Secret Diplomatic History of the 18-th Century»*.

В «Новой Рейнской газете» Маркс дал недосягаемый образец публицистической деятельности, умеющей из запутанной массы, по-видимому, совершенно случайных, не связанных и не соединимых друг с другом факторов живой текущей истории извлекать и выдвигать на первый план те из них, которые являются основными, чтобы вскрыть в настоящем корни прошлого и найти в нем зародыши будущего. В «18 брюмера Луи Бонапарта»[35] он, по горячим следам, сейчас же вслед за совершившимся событием, кистью гения набрасывает основные контуры истории французской революции 1848 г. и мастерски показывает, что наполеоновский coup d'état[36] явился ее необходимым последствием. В «Революции и контрреволюции в Германии»[37] перед нами развертывается сжатая характеристика главных моментов революции в Германии и Австрии. Но, по происхождению своему, эти работы, как и «Гражданская война во Франции»[38], были не историческими трудами, а публицистическими, и если для нас они превратились в образцовые истории соответственных событий, если их основные выводы подтверждаются и дополняются всей позднейшей исторической литературой, то это только лишний раз доказывает, как глубоко *историчен* был публицист Маркс, как *объективно* было его изложение, несмотря на весь его *субективизм*.

Напротив, в «Разоблачениях» мы имеем единственный опыт Маркса в области изучения политической истории Англии и в особенности России. В этом далеком прошлом он ищет разгадку колоссального могущества России, а вместе с тем и того старого англо-русского рабства, под гнетом которого стонала вся Европа.

Был ли этот опыт так же удачен, как его другие работы? Удалось ли Марксу дать материалистическое объяснение истории русского колосса, удалось ли ему осветить тайны англо-русской дипломатии с точки зрения материалистического понимания истории? Не дает ли эта работа ключа к объяснению ошибок, сделанных им в оценке некоторых событий современной истории, – ошибок, которые теперь с наслаждением пережевывает всякий сокрушитель Маркса? И если такие ошибки, несомненно, были, то объясняются ли они непригодностью самого метода исследования или непоследовательным проведением этого метода?

Прежде чем ответить на эти вопросы, мы познакомим читателей с содержанием этой работы Маркса. Мы должны будем сделать это более обстоятельно, потому что она осталась совершенно неизвестной огромному большинству читателей.

2. Маркс о русско-английских отношениях

Маркс начинает свои «Разоблачения» перепечаткой трех писем английских резидентов и посланников при петербургском дворе.

* Должно быть, этим обстоятельством объясняется небрежность, с которой напечатана книга Маркса. Не указано ни где, ни когда была напечатана эта работа. Не говоря уже о корректурных ошибках, одна из глав, по небрежности издателей, обезображена огромным пропуском. Статьи первоначально были напечатаны в лондонской «Free Press» 16 и 23 августа, 13 и 20 сентября, 4 октября, 8 и 29 ноября, 6 и 20 декабря 1856 г., 4, 18 и 25 февраля и 1 апреля 1857 г.

Одно из них писано Рондо к Уолполу и относится к 1736 г., когда Россия вела войну с Турцией; второе принадлежит Джорджу Макартни (Macartney) и писано графу Сэндвичу (Sandwich) в 1765 г., когда Англия хлопотала о заключении торгового договора с Россией; автором третьего письма является Джеймс Харрис (будущий граф Малмсбери), который в 1782 г. в письме к Грантаму говорит об уступке России острова Минорки, чтобы задобрить ее в пользу Англии.

Думая, что эти письма были совершенно неизвестны тогда, Маркс ошибался только относительно третьего письма. Последнее было опубликовано внуком Джеймса Харриса – графом Малмсбери еще в 1844 г.*

Дипломатическая переписка английских посланников XVIII столетия была также использована прусским историком Раумером, тем самым, о котором Маркс говорит в письме о Прудоне[39], что он составлен из «с одной стороны и с другой стороны»**. Интересуясь главным образом историей Пруссии, он извлекал из этих депеш материалы, которые бросали свет на отношения между Пруссией и Англией и сообщали пикантные подробности о русском дворе XVIII столетия.

С этой же точки зрения использованы английские депеши в известной книге «La cour de la Russie il y a cent ans», изданной в Берлине в 1858 г., уже после появления работы Маркса.

Впервые опубликована была переписка английских дипломатов с сент-джеймсским кабинетом Русским историческим обществом, которое, начиная с 1872 г., напечатало ее в своем «Сборнике», но далеко не за весь XVIII век и далеко не в полном виде***. Отметим пока, что письма Харриса совершенно отсутствуют – почему, мы увидим позже.

Таким образом, Маркс в общем имел тогда дело с совершенно неиспользованным материалом, который открывал ему доступ в тайники международной дипломатии XVIII века.

И вот изучение этой переписки показывает, по его мнению, что английская дипломатия была систематически одурачиваема русской, что английские посланники являлись покорными орудиями в руках петербургского двора.

---

* «Diaries and correspondence of James Harris, first lord of Malmesbury...». Edited by his Grandson. London, 1844, vol. 4. Приводимое Марксом письмо – в более полном виде – напечатано в первом томе, pp. 528–535.

** «Beiträge zur Neueren Geschichte aus dem Britischen Museum». Leipzig, 1836–1839.

*** «Сборник Имп. русского истор. общества». Петербург, 1877–1901, 14 томов; в томах 39, 50 и 61 напечатана переписка за время Петра I (с 1704 до 1719 г.), в 66, 76 и 80 – с 1728 до 1739, в 85 – с 1740 по 3 марта 1741, в 91, 99, 102 и 110 – с 1741 по 1750, в 12 и 19 томах – переписка с 1762 по 1776 г. Так как извлечения составлялись чиновниками министерства иностранных дел, то все щекотливое и шокирующее русский двор тщательно исключалось. Перевод на русский местами очень плох и неверен – иногда преднамеренно. Но и в таком виде эти тома дают в высшей степени важный материал для изучения истории отношений Англии и России в XVIII веке. Так как английские депеши напечатаны в оригинале, то русским изданием охотно пользуются теперь также английские историки. К изданию этой переписки в Англии приступили только недавно. Так, Королевское историческое общество (Royal Historical Society) опубликовало в 1900–1902 гг. переписку английского посланника графа Бекингамшайра за 1762–1765 гг. под редакцией г-жи А. д'Арси Коллмер. Достаточно сравнить это издание с соответствующим томом русского издания, чтобы видеть, как тенденциозно сделано последнее и как примитивно оно в научном отношении.

Следующая саркастическая характеристика, которую Маркс дает всей этой переписке, лучше всего показывает пути, которыми пришел Маркс к своему выводу:

«При чтении этих документов гораздо больше поражает их форма, чем содержание. Все эти письма – "конфиденциальные", "частные", "секретные", "весьма секретные". Несмотря, однако, на эту конфиденциальность, тайну и конспирацию, английские государственные люди говорят друг с другом о России в таком тоне почтительной сдержанности, жалкого подхалимства и циничной преданности, который поразил бы нас даже в официальных депешах русских государственных мужей. Чтобы скрыть свои интриги против других наций, русские дипломаты прибегают к тайне. Английские дипломаты пользуются очень охотно тем же самым методом, правда, для того чтобы засвидетельствовать свое почтение перед каким-нибудь иностранным двором. Тайные депеши русских дипломатов пропитаны каким-то двусмысленным ароматом. С одной стороны, это – "запах фальшивости" (fumée de fausseté), который отличает и мемуары герцога Сен-Симона, а с другой стороны, то тщеславное парадирование собственным превосходством и хитростью, которое кладет такую неизгладимую печать на отчеты французской тайной полиции. Даже мастерские депеши Поццо ди Борго отмечены этим скверным душком ретирадной литературы (littérature de mauvais lieu). И в этом отношении английские тайные депеши еще превосходят их. Но английские дипломаты парадируют не своим превосходством, а глупостью. Можно ли себе представить что-нибудь более глупое, чем мистера Рондо, который извещает Горацио Уолпола, что он сообщил письма турецкого великого визиря, адресованные английскому королю, русским министрам, и в то же время передал им, что он не сообщил бы им этих писем, в которых имеется несколько резких замечаний о русском дворе, *"если бы они сами не требовали этого так настоятельно"*.

И он же просит еще русских министров не сообщать Порте, что они видели эти письма. Подлость такого образа действий совершенно покрывается глупостью этого дипломатического представителя.

Или возьмем Джорджа Макартни. Можно ли найти что-нибудь более глупое, чем его восторг по поводу того, что Россия, по-видимому, настолько "благоразумна", чтобы не требовать от Англии "уплаты всех расходов" за ту руководящую роль, которую Россия будет играть в Стокгольме. Или когда он льстит себя надеждой, "что ему удалось убедить русский двор" не быть настолько неблагоразумным, чтобы требовать в мирное время от Англии субсидий на войну с Турцией (тогда союзницей Англии). Или же его просьба обращаться к графу Сэндвичу: не упоминать русскому посланнику в Лондоне о тех секретах, которые были ему сообщены в Петербурге русским канцлером. Можно ли найти что-нибудь более глупое, чем конфиденциальная депеша Джеймса Харриса, в которой он сообщает лорду Грантаму, что Екатерина Вторая "лишена здравого рассудка, точности мышления, рассудительности и дара комбинаций". Эта афишированная глупость может быть прослежена до самого последнего времени: найдется ли в истории дипломатии что-нибудь подобное тому предложению, которое лорд Пальмерстон сделал в 1839 г. маршалу Сульту, а именно, взять штурмом Дарданеллы, чтобы обеспечить султану поддержку франко-английского флота против России.

Сравните, с другой стороны, хладнокровное бесстыдство, с которым Джордж Макартни сообщает своему министру, что так как шведов в высшей степени раздражает и озлобляет зависимость от России, то петербургский двор советует, что-

бы Англия обделывала в Стокгольме его дела под британским флагом свободы и независимости.

А сэр Джеймс Харрис, который советует Англии уступить России Минорку, отказаться по отношению к России от права осмотра судов и предоставить России монопольное положение в качестве главного посредника во всех международных делах – и все это не для того, чтобы добиться какой-нибудь реальной выгоды или хотя бы формального обязательства со стороны России, а лишь для того, чтобы добиться "теплой дружбы" императрицы и переноса ее "плохого расположения на Францию".

Во всех тайных русских депешах легко проследить одну и ту же очень простую идею, а именно, что Россия сама знает, что она не имеет каких бы то ни было общих интересов с другими нациями, но необходимо убедить каждую отдельную нацию, что она имеет с Россией общие интересы, исключающие всякую другую нацию.

Напротив, английские депеши не осмеливаются даже намекнуть, что Россия имеет общие интересы с Англией, но пытаются только убедить Англию, что она имеет русские интересы. И из уст самих английских дипломатов мы знаем, что при сношениях с русскими потентатами [властителями. – *Ред.*] они развивали именно эту точку зрения»[40].

Маркс кончает свою характеристику английских дипломатов следующими жестокими словами:

«Если бы английские депеши, которые мы предлагаем публике, были адресованы частным друзьям, то они только покрыли бы позором послов, которые писали их. Писанные же под строгим секретом британскому правительству, они навсегда пригвождают последнее к позорному столбу истории. Бессознательно это, кажется, сознавалось всеми, даже вигистскими писателями, так как никто не осмелился опубликовать их»*.

Мы видели уже, что Маркс ошибся. Третье письмо, которое всего больше возмутило его, было напечатано за 12 лет перед этим и не вызвало никакого негодования. Интересно, однако, что Давид Уркарт в особой редакционной заметке, в которой он обращает сугубое внимание читателей на статьи Маркса, видимо, соглашается с этой характеристикой и приводит, с своей стороны, ряд фактов из истории англо-русской дипломатии первой половины XIX столетия, чтобы показать, что английские дипломаты этого времени были не лучше и не умнее дипломатов XVIII столетия[42].

Считая установленным свой тезис – ограниченность и рабскую зависимость английской дипломатии XVIII столетия от петербургского двора, – Маркс задает вопрос, с какого времени берет свое начало этот «русский» характер английской дипломатии, ставший обычной ее чертой в течение XVIII столетия.

Этим временем Маркс считает эпоху Петра Великого, которую он и выбирает центральным пунктом своего исследования. В виде вступления он считает необходимым перепечатать некоторые английские памфлеты, которые были изданы в эпоху Петра Великого и либо совсем ускользнули от внимания современных историков, или, по их мнению, не заслуживали его. Он выбирает с этой целью три памфлета, направленные против России и в защиту Швеции в их борьбе за

* «Secret Diplomatic History», pp. 22 и сл.[41]

преобладание на Балтийском море. Первый из них «Северный кризис»[*], вышедший в 1716 г., - разоблачает общую политику России и указывает на опасность, которая грозит Англии и ее торговле вследствие русификации Швеции*; второй - «Оборонительный союз»[**], вышедший в 1717 г., рассматривает политику Англии с точки зрения трактата, заключенного между Англией и Швецией в 1700 г.**; и, наконец, третий - «Правда только тогда правда, когда она вовремя сказана»[***], вышедший в 1719 г.***, доказывает, что новые политические планы, которые привели к превращению России в первенствующую державу на Балтийском море, находятся в резком противоречии с традиционной политикой, которую Англия преследовала в течение всего XVIII столетия.

Этих трех памфлетов, по мнению Маркса, вполне достаточно, чтобы опровергнуть предрассудок, общий всем континентальным и английским писателям, что истинные намерения России были поняты или заподозрены только в более позднюю эпоху и притом слишком поздно; что дипломатические отношения между Англией и Россией, – мы цитируем дословно, настолько невероятен в устах Маркса этот тезис, – «были только естественным результатом взаимных материальных интересов этих двух стран и что, следовательно, обвиняя британских государственных людей XVIII столетия в русофильстве, мы совершаем непростительный hysteron-proteron»[46].

Маркс еще готов был бы простить их, если бы они только разделяли понятие своего времени. И вот на каком основании:

«Чтобы понять определенную историческую эпоху, мы должны выйти за ее пределы и сравнить ее с другими историческими эпохами. Чтобы судить правительства и их акты, мы должны мерить их меркой их собственной эпохи и сознанием их современников. Никто не будет обвинять британского государственного деятеля XVII столетия, совершающего какой-нибудь акт в силу своей веры в колдовство, когда он видит, что даже Бэкон поместил демонологию в каталог наук. С другой стороны, если Стэнхоуп, Уолпол, Таушенд и др. были заподозрены, встречали оппозицию и были обвинены в своей же стране своими современниками в том, что они были орудиями или сообщниками России, то он уже не будет прикрывать их политику обычными фразами о предрассудках и невежестве, которые были свойственны их эпохе»[****].

И все названные памфлеты, по мнению Маркса, неопровержимо доказывают, что английские государственные деятели XVIII столетия были совершенно ослеплены, что они совершенно не замечали опасности, о которой так красноречиво предупреждал их неизвестный автор памфлета «Северный кризис»[*****],

---

* «The Northern Crisis, or Impartial Reflections on the Politics of the Czar». London, 1716. Большое значение придает этому памфлету и цитирует его неоднократно *Дроген* в «Geschichte der preussischen Politik». IV, 2, p. 193.

** «The Defensive Treaty concluded in the Year 1700, between his Late Majesty King William, of our Glorious Memory, and his present Swedish Majesty, King Charles XII».

*** «Truth is but Truth as it is timed». London, 1719.

**** «Secret Diplomatic History», p. 49[47].

***** «Он (Петр) будет, наверное, тогда нашим противником и нам в такой же мере опасен, в какой его теперь считают неопасным. И мы, возможно, должны будем тогда вспомнить все, что наши собственные министры и купцы рассказывали нам о его планах, которые сводятся к одной главной цели: захватить всю северную торговлю и с помощью рек, которые он соединяет канала-

что они, как это доказывали авторы двух других памфлетов, самым вероломным образом пожертвовали Швецией в угоду России и, обеспечив последней гегемонию на Балтийском море, воспитали и вскормили своего будущего врага. Более того. Они совершенно пренебрегли коммерческими интересами своей родины - преступление, которое в Англии не прощается.

Маркс, с своей стороны, приходит на помощь авторам памфлетов и, опираясь на статистические данные, показывает, что новейшие историки «ничего не преувеличивали так сильно, как размеры торговли, которую Англия могла вести на предоставленном ей при Петре и его преемниках обширном русском рынке»[*]. После анализа цифр вывоза и ввоза в Швецию и Россию от 1697 до 1760 г. он приходит к следующему заключению:

«В течение первых шестидесяти лет XVIII столетия вся англо-русская торговля составляла очень незначительную долю всей торговли Англии, а именно, меньше чем $^1/_{45}$. Ее быстрый рост в первые годы, после того как Петр укрепился на Балтийском море, нисколько не повлиял на общий баланс британской торговли, так как он представлял простой перенос со шведского счета на русский. В последние годы царствования Петра, а также при его непосредственных преемниках – Екатерине I и Анне – англо-русская торговля положительно падает. В течение всей эпохи, начиная от окончательного утверждения России в Балтийских провинциях, вывоз британских мануфактурных изделий в Россию постоянно падал... Ни современники Петра I, ни ближайшее британское поколение не получили никаких выгод от возвышения России на Балтийском море. Вообще, – прибавляет Маркс, – тогдашняя балтийская торговля Великобритании имела значение не по количеству вложенного в нее капитала, а по ее характеру. Она доставляла Англии необходимые материалы для судостроения. Но и в этом отношении для англичан было выгодно, – что доказывали не только авторы памфлетов, но понимали и некоторые британские министры, – чтобы Балтийское море оставалось в руках шведов, а не русских»[*].

Но каким же образом объяснить такое странное явление, как упорное содействие России, если Англия была заинтересована в том, чтобы не допустить русских утвердиться на Балтийском море.

Оказывается, что в Англии все-таки существовала незначительная часть британских купцов, интересы которых совпадали с интересами России. Это - «Русская торговая компания» (Russian trade company). Именно она поднимала крик против Швеции, именно она забрасывала парламент своими петициями, именно она каждый раз собиралась перед открытием парламента в 1714, 1715, 1716 г., чтобы составлять сообща жалобы против Швеции.

ми и делает судоходными на всем протяжении от Каспийского и Черного морей до Петербурга, овладеть также турецкой и персидской торговлей. Тогда мы будем удивляться нашей слепоте, которая мешала нам видеть его планы, хотя мы слышали о всех крупных делах его, совершенных им в Петербурге... Так как он хочет, чтобы планы, с которыми он носится, не оказались выкидышами, то он не назначает определенного срока для их выполнения, но предоставляет их естественному процессу созревания при помощи времени и удобного случая, подобно тем удивительным китайским художникам, которые приготовляют формы для орудия передвижения, хотя оно будет построено лет через сто». («Secret Diplomatic History», p. 38.)[48]

[*] «Secret Diplomatic History», p. 53–54[50].

Но каким образом эти купцы могли оказывать такое влияние на правительство, что последнее постоянно поддавалось их внушениям? Дело в том, что олигархия, которая после «Glorious revolution» захватила в свои руки власть и богатство за счет массы британского народа, должна была, конечно, искать себе союзников не только вне страны, но и внутри ее. Последних она нашла в том, что французы называют «la haute bourgeoisie» (крупная буржуазия), как она представлена была Английским банком, ростовщиками, государственными кредиторами, крупными мануфактуристами. Как тщательно и любовно она соблюдала материальные интересы этого класса, видно из изданных ею законов.

Понятно, что и в области внешней политики эта олигархия была также вынуждена придавать ей хотя бы по внешнему виду характер политики, руководимой торговыми интересами. А это тем легче было устроить, что всегда можно было отождествить исключительные интересы той или иной ничтожной фракции торгового класса с той или другой мерой министерства. Заинтересованная фракция поднимала тогда вопль в «защиту интересов торговли и мореплавания», а нация тупо ему вторила.

Таким образом, внешняя политика этой олигархии оставалась себе верна только в одном отношении: она стремилась во что бы то ни стало угодить России. Она только *прикрывалась* интересами торговли и промышленности, которые post factum (задним числом) подыскивались кабинетом. В эпоху Северной войны английские министры для своих враждебных действий против Швеции нашли необходимый торговый повод в тех убытках, которые шведские каперы причиняли английским купцам, хотя шведы поступали в полном согласии с тогдашним международным правом.

Может показаться, что Англия тогда следовала только примеру Голландии, которая тоже объявила конфискацию ее кораблей со стороны шведов простым пиратством. И действительно, в одном отношении Голландия также, как и Англия, была связана тем же оборонительным союзом, который Англия заключила со Швецией в 1700 г.: она не имела права предпринимать какие-либо враждебные действия против Швеции.

Но в другом отношении положение Голландии резко отличается от положения Англии. Утративши свою торговую и морскую гегемонию, Голландия уже вступила тогда в эпоху упадка. Подобно Генуе и Венеции, когда изменение торговых путей лишило их старой торговли, она вынуждена была теперь ссужать другим нациям свои капиталы, для которых она у себя не находила применения. Россия оказалась огромным рынком в меньшей степени для ее торговли, чем для ее капиталов и населения.

Еще в первой половине XIX столетия Голландия была главным банкиром России. А в эпоху Петра Великого она снабжала Россию судами, офицерами, оружием и деньгами. Флот России тогда мог быть назван скорее голландским, чем русским. Голландцы хвастались тем, что послали первый европейский корабль в новый Петербург, и платили за торговые привилегии, которые они получили от Петра, той низостью, которая характеризует их сношения с Японией.

Маркс поэтому гораздо снисходительнее к Голландии. Если ее государственные люди были русофилами, то тут налицо было совершенно другое, солидное основание, чем в Англии.

Маркс так убежден во враждебном отношении англичан к шведам, что, несмотря на это «солидное основание», объясняет именно давлением англичан протест Голландии против шведских каперов, хотя ему в то же время известно, что Петр пользовался голландцами, чтобы оказать давление на английских дипломатов в свою пользу.

Итак, вся политика Англии и находившейся под ее влиянием Голландии способствовала возвышению России.

Но Маркс имеет еще и другие доказательства, что главным источником могущества России является усердное пособничество и попустительство со стороны Англии. Вся история России до Петра Великого показывает, что без Балтийского моря современная Россия была бы немыслима. Чтобы доказать свою мысль, Маркс дает блестящий очерк истории русского государства до эпохи Петра Великого.

3. Историческое развитие России в изображении К. Маркса

«Непреоборимое влияние России застигало Европу в различные эпохи врасплох и приводило в ужас народы Запада: ему подчинялись как фатуму или конвульсивно сопротивлялись. Но рядом с очарованием, которое производит Россия, идет скептицизм, который каждый раз вновь оживает, преследует Россию как тень, растет вместе с ее ростом, примешивает ироническую мелодию к стонам терзаемых до смерти народов и издевается над ее громадностью, как над шутовским фарсом, который разыгрывается, чтобы ослепить и обмануть зрителей. Другие империи тоже встречали при своем зарождении такие сомнения, но Россия стала колоссом, не изжив их. Она представляет единственный во всей истории пример необозримой империи, которая, несмотря на всемирно известные достижения, все еще трактуется скорее как предмет веры, а не как предмет действительности. С конца XVIII столетия и до наших дней каждый, собирался ли он хвалить или ругать Россию, считал необходимым сначала доказать ее существование. Но будем ли мы по отношению к России материалистами или идеалистами, будем ли мы рассматривать ее могущество как осязаемый факт или призрак, терзающий преступную совесть европейских народов, – все же каждый раз возникает вопрос: каким образом могла эта империя или этот фантом империи разрастись до таких колоссальных размеров, чтобы, с одной стороны, встретить горячее сочувствие, а с другой – страстное обвинение в том, что она угрожает миру возобновлением универсальной монархии?»[51].

Некоторые историки утверждают, что северный призрак, испугавший Европу XIX столетия, возник уже в девятом веке, что политика Романовых представляет естественное продолжение политики Рюрика и его преемников, тех самых норманнов, которые в девятом веке явились из Швеции в Россию и основали государство*.

«Несмотря, однако, на кажущееся сходство, политика первых Рюриковичей коренным образом отличается от политики современной России.

Она представляла собой ни более ни менее как политику германских варваров, наводнивших Европу. История современных народов началась лишь после

* Маркс имеет в виду Фальмерайера, который, по его словам, бессознательно идет по следам русских историков[52].

того, как этот поток схлынул. Готический период России, в частности, представляет лишь одну главу в истории норманнских завоеваний. Как империя Карла Великого предшествует образованию современной Франции, Германии и Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самого Московского государства. Ускоренный темп расширения норманнской державы является следствием не какого-нибудь заранее выдуманного, хитроумного плана, а естественным результатом примитивной организации норманнских завоеваний – вассалитет без ленных отношений или лены, составлявшиеся только из жалованья, причем необходимость новых завоеваний диктовалась непрекращающимся притоком новых авантюристов, жаждавших славы и добычи. Своих главных конунгов [вождей. – *Ред.*], которые стремились к покою, дружина вынуждала двигаться дальше, и в русской, как и во французской Нормандии наступал момент, когда великие князья посылали в новый поход своих неукротимых и ненасытных дружинников просто для того, чтобы от них избавиться. Ведение войны и организация завоеваний у Рюриковичей ничем не отличаются от такой же организации у норманнов в остальной Европе. Если славянские племена были покорены не только мечом, но и путем договорных соглашений, то эта особенность объясняется исключительным положением этих племен, которые под угрозой нашествия как с севера, так и с юга предпочли первое как избавление от второго.

То же самое магическое очарование, которое влекло других северных варваров к западному Риму, влекло варваров к восточному Риму[53]. Именно продолжавшиеся переносы русской столицы, которую Рюрик основал в Новгороде, Олег – в Киеве, а Святослав пытался перенести в Болгарию, бесспорно показывают, что завоеватели только прокладывали себе дорогу и рассматривали Россию как переходный этап, как остановку, чтобы вновь отправиться на завоевание державы на далеком юге. Если современная Россия стремится захватить Константинополь[54], чтобы укрепить свое всемирное господство, то Рюриковичи, напротив, вынуждены были упорным сопротивлением Византии при Цимисхии отказаться от своего намерения и окончательно основаться в России»[55].

Если еще можно говорить о каком-нибудь славянском влиянии в эту эпоху, то разве только о влиянии Новгорода, славянского государства, вся политика и традиции которого настолько диаметрально противоположны традициям современной России, что последняя могла развиться только на развалинах Новгородской республики.

«При Ярославе господство варягов было сломлено, но вместе с ним исчезают и завоевательные традиции первого периода: начинается упадок готической России. Как раз история этого упадка еще больше, чем история завоевания и образования варяжского государства, доказывает исключительно готический характер державы Рюриковичей»[56].

Она разделила судьбу всех средневековых монархий.

«Неповоротливая, аляповатая и скороспелая империя, скроенная Рюриковичами, распалась, как и все подобные империи, на уделы, делилась и подразделялась между потомками завоевателей, разрывалась на части междоусобными войнами и крошилась в куски под ударами внешних завоевателей. Верховная власть великого князя исчезает под напором требований семидесяти родовых князей. Попытка Андрея Суздальского собрать часть этой империи путем переноса

столицы из Киева во Владимир оказывается успешной лишь постольку, поскольку она переносит разложение с юга в центр. Третий преемник Андрея отказывается и от последней тени верховенства, от титула великого князя и чисто номинального почета, все еще оказываемого ему. Уделы на юге и западе становятся поочередно литовскими, польскими, венгерскими, ливонскими, шведскими. Киев, древняя столица, живет собственной судьбой, превратившись из главного центра великого княжества в простой город. Так исчезает с арены всемирной истории норманнская Россия, и немногие слабые остатки, в которых она пережила себя, гибнут при страшном появлении Чингисхана. *И не в славном варварстве норманнской эпохи, а в кровавом болоте монгольского рабства приходится искать колыбель Московии. А современная Россия, ведь, только метаморфоза былой Московии*»[57].

Татарское иго уничтожило все традиции норманнского периода русской истории, оно, кроме того, оказало глубокое влияние на психологию русского народа.

«Татарское иго тяготело над народом от 1224 до 1462 г., т. е. больше двух столетий; оно было не только тяжким, но и бесчестящим, и снедало самую душу народа, ставшего его жертвой. Татары установили господство систематического террора, основами которого являлись опустошения и массовые избиения. Так как они, в сравнении с их колоссальными завоеваниями, были немногочисленны, то они вынуждены были окружать себя нимбом ужаса и путем повторной резни уничтожали народы, которые поднимались у них в тылу. И когда они превращали страны в пустыни, они в сущности руководились тем же экономическим принципом, который обезлюдил горные местности в Шотландии и римскую Кампанью: вытеснение людей овцами и превращение плодоносных земель и населенных местностей в пастбища»[58].

Завоеватели не разрушали княжеств, которые они находили, и ограничивались тем, что делали их зависимыми и облагали данью. Татарское иго длилось уже почти столетие, как из среды княжеств, которые в Золотой Орде старались уничтожить друг друга при помощи самого беззастенчивого подкупа своих господ и взаимных клевет, начала возвышаться Москва.

«В этой бесчестной борьбе московская ветвь одержала окончательную победу. В 1328 г. Юрий, старший брат Ивана Даниловича Калиты, получил из рук Узбек-хана ярлык на великое княжение, которое было отнято у тверской линии путем клеветы и убийства. Иван Калита и Иван III, прозванный Великим, представляют: первый – Москву, возвысившуюся при помощи татарского господства, второй – Москву, ставшую самостоятельной вследствие исчезновения татарского господства. В истории этих двух личностей воплотилась вся политика Москвы со времени выступления ее на историческую арену»[59].

Маркс дает затем выпуклую характеристику политики Ивана Калиты, основавшего могущество Москвы.

«Политика Ивана Калиты состояла в следующем: он играл отвратительную роль орудия хана, узурпируя в свою пользу его власть, пользовался ею против своих соперников из среды князей и против собственных подданных. Чтобы достигнуть своей цели, он старался всеми средствами приобрести милость татар; циническая лесть, частые путешествия в Золотую Орду, униженные просьбы руки ханских дочерей, подчеркиванье своей преданности интересам хана, рабское выполнение его приказов, гнусное оклеветание своих сородичей, соединение черт татарского баскака, прихлебателя и главного холопа. Он непрестанно тревожил ханов своими разоблачениями заговоров. Стоило тверской линии проявить хотя

бы малейшее стремление к национальной независимости, как он спешил в Орду с доносом. Если он натыкался где-нибудь на сопротивление, он прибегал к помощи татар, чтобы раздавить его. Но недостаточно было играть эту роль, – чтобы сделать себя приемлемым, требовалось золото. Постоянный подкуп хана и его приближенных был единственным основанием, на котором он мог воздвигнуть свое здание обмана и узурпации. Но откуда мог раб получить деньги, чтобы подкупить своего господина? Он убедил хана поручить ему сбор ордынской дани со всех князей. Снабженный этим полномочием, он, под разными предлогами, вымогал деньги. Богатство, собранное путем запугивания татарами, он пускал в ход, чтобы развращать самих татар. С помощью подкупа он уговорил митрополита перенести свою резиденцию из Владимира в Москву и, сделав, таким образом, последнюю столицею церковной, превратил ее этим самым и в столицу политическую. С помощью подкупа он склонял бояр, своих соперников, к измене и привлекал их к себе как главному центру. Пуская в ход совокупное влияние мусульманских татар, греческой церкви и бояр, он соединяет удельных князей в крестовый поход против самого опасного из них, – тверского князя, а затем, вынудив, наглыми попытками узурпации, своих недавних союзников восстать против него самого, он предпочитает уклониться от войны и спешит к хану. И с помощью обмана и подкупа он опять вызывает хана на жестокое убийство родичей – соперников. Традиционным приемом татарской политики по отношению к русским князьям являлось натравливание их друг на друга, разжигание их раздоров. Татары старались уравновешивать силы князей и не давать одному чересчур возвыситься за счет остальных. Но Иван Калита превращает хана в орудие, при помощи которого он освобождается от наиболее опасных конкурентов и снимает с пути всякие препятствия, мешающие его захватной политике. Он не захватывает удельных княжеств, но обманным путем использует власть татарских завоевателей в собственную пользу. Он обеспечивает своему сыну великокняжеский стол при помощи тех же средств, которыми он создал московское великое княженье, эту странную смесь княжества и рабства. В продолжение всего своего княженья он ни разу не отклонялся от политической линии, которую начертал для себя, придерживаясь ее с упорной настойчивостью, проводя ее с методической смелостью, таким образом, он стал основателем московской державы. Характерно, что народ дал ему прозвище Калиты, т. е. кошеля, ибо не мечом, а рублем прокладывал он себе дорогу. Как раз в период его княженья совершается быстрое образование литовского государства, которое отделяет русские земли от Запада, между тем как татары сдавливают их в одну массу с Востока. В то самое время, когда Иван не осмеливается оказывать сопротивление одной опасности, он точно старается преувеличить размеры другой. Ничто не могло отвлечь его от основной цели: ни увлечение славой, ни угрызения совести, ни тяжесть унижений. Вся его система может быть характеризована в немногих словах: макиавеллизм жадного холопа. Свою собственную слабость – свое холопство – он превратил в главный источник своей силы»[60].

Но Иван Калита заложил только основу, на которой было построено господство Москвы. Действительным создателем Московского государства был Иван III.

«В начале своего княженья (1462–1505) Иван III все еще был данником татар; власть его все еще оспаривалась другими удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских народоправств, господствовал на севере России; Польша, Литва стремились к завоеванию Москвы; а ливонские рыцари все еще не были

сокрушены. К концу своего княженья Иван становится совершенно независимым государем, женою его делается дочь последнего императора Византии, Казань лежит у его ног, и остатки Золотой Орды стремятся к его двору. Новгород и другие народоправства приведены к повиновению, Литва ущерблена, и великий князь ее – игрушка в руках Ивана, ливонские рыцари побеждены. Изумленная Европа, которая в начале царствования Ивана III едва подозревала существование Москвы, зажатой между литовцами и татарами, была огорошена внезапным появлением колоссальной империи на ее восточных границах. Сам султан Баязид, перед которым трепетала Европа, услышал впервые высокомерную речь от москвитянина»[61].

Чтобы показать, каким путем Иван III, которого и русские историки считают трусом, мог совершить все эти подвиги, Маркс дает обзор важнейших событий его царствования: борьбы с татарами, подчинения Новгородской республики, борьбы с другими удельными князьями и, наконец, борьбы с Польшей и Литвой.

«Иван освободил Москву от татарского ига не путем решительного удара, а посредством упорного, почти двадцатилетнего труда. Он не сломил ига, а высвободился из-под него украдкой. Свержение этого ига поэтому больше похоже на естественноисторический процесс, чем на дело рук человеческих. Когда татарское чудовище наконец испустило дух, Иван появился у его смертного одра скорее в качестве врача, предвидевшего эту смерть и спекулировавшего на ней, чем в качестве воина, причинившего ее»[62].

В связи с этим, в общем, правильным изображением, – Соловьев тоже говорит не о свержении татарского ига, а о его крушении, – Маркс делает следующее заключение: «Дух каждого народа растет и укрепляется вместе с освобождением от внешнего ига; дух Москвы, наоборот, точно умаляется в руках Ивана. Достаточно сравнить Испанию в ее борьбе с арабами и Москву в ее борьбе с татарами... Устраивая восстания против Орды, Москва следовала бы только примеру татар. Но Иван не хотел восстания, он покорно признал себя подручником Золотой Орды... Он хочет не завоевать, а стащить могущество. Он старается не выбить врага из его крепости, а выманеврировать его из нее. Продолжая унижаться перед ханскими посланцами, объявляя себя его данником, Иван III, под разными предлогами, уклоняется от платежа дани, пуская в ход все уловки беглого раба, который боится встретиться со своим хозяином и старается ускользнуть от него. Наконец татары пробуждаются от своей апатии, и бьет час решительного сражения. Иван, трепеща при одной мысли о вооруженном столкновении, стремится укрыться за собственным страхом и хочет обезоружить ярость своего врага, удаляя объект, на который он мог бы обрушить свое мщение. Его спасает только вмешательство крымских татар, его союзников»[63].

Еще трусливее ведет себя Иван III при следующих нашествиях. «Одного татарина он ловит при помощи другого. Добычей, захваченной у побежденного татарина, он опутывает победоносного. Но если он слишком благоразумен, чтобы на глазах у очевидцев его унижения взять на себя вид завоевателя, то этот обманщик прекрасно понимает, какое впечатление должно произвести падение татарской империи на внешний мир, какой славой может оно покрыть его и в какой степени обеспечить ему торжественное вступление в среду европейских государств. И соответственно этому он принимает театральную позу завоевателя. Ему действительно удается скрыть под маской гордой подозрительности и высокомерной раздражительности заносчивость татарского холопа, который все еще помнит, как

он целовал стремя рядового ханского посланца. В более пониженном тоне он копировал голос своего старого хозяина, все еще наполнявший ужасом его душу»[64].

Влияние этой татарщины Маркс хочет видеть и во фразеологии новой русской дипломатии.

«Некоторые ходячие обороты, как, например, ссылка на великодушие, оскорбленное достоинство государя, точно заимствованы из дипломатических инструкций Ивана III»[65].

Если освобождение от татарского ига было в глазах Ивана III первой предпосылкой для создания московской гегемонии, то второй являлось уничтожение русской свободы. Одна за другой приводятся к подчинению старые русские городские республики: Вятка и Новгород, тогда как Псков сохраняет только тень своей прежней самостоятельности.

«Достойно замечания, сколько Москва – как и современная Россия – готова была затратить усилий, чтобы уничтожить эти республики. Новгород и его колонии являются первыми жертвами; за ними следуют казацкие, а Польша замыкает круг. Кто хочет понять подчинение Польши России, тот должен изучать историю подчинения Новгорода, которое длилось от 1478 до 1528 г.»[66].

Покончив с республиками, Иван III покончил также с последними удельными княжествами.

«Иван III, казалось, вырвал у монголов оковы, которыми он опутал Москву, только для того, чтобы сковать ими русские республики. И он точно для того лишь покорил эти республики, чтобы сделать республиканцами турок»[67].

С таким же искусством вел Иван III борьбу с Литвой, против которой он мобилизовал как императора Максимилиана и Матвея Корвина, так и Стефана, господаря молдавского, и того самого Менгли-Гирея, крымского хана, который в борьбе с Литвой оказался таким же могучим орудием, как и в борьбе с Золотой Ордой.

Неоценимые услуги в деле укрепления власти оказала Ивану III православная церковь.

«Но кого именно выбрал во всем мире Иван III, чтобы захватить наследство Византии, чтобы скрыть клеймо монгольского раба под мантией порфирородных, чтобы соединить трон московского выскочки со славной державой святого Владимира и в своем лице дать греческой церкви нового светского главу? Человека, который должен был ему помочь во всем этом, Иван III нашел в римском папе»[68].

При дворе последнего и на его попечении жила Софья Палеолог, которая после падения Константинополя переселилась с отцом в Рим. Именно ее, наследницу византийского царя, римский папа выдал за московского князя, укрепляя, таким образом, религиозно-политическую гегемонию Москвы на всем православном востоке.

В политике Ивана III Маркс находит уже все основные элементы политики новой России.

«Достаточно заменить ряд одних имен и дат другими, чтобы ясно стало, что между политикой Ивана III и политикой современной России существует не только сходство, но и равенство. Иван III только усовершенствовал традиционную московскую политику, которую завещал ему Иван Калита. Последний достиг могущества тем, что он, монгольский раб, использовал силу своего крупнейшего врага, татар, против своих мелких врагов, против русских князей. Только при помощи низких интриг мог он направлять эту силу. Он вынужден был ту силу, кото-

рой он действительно обладал, скрывать от своего господина, а своих товарищей по рабству он должен был пугать силой, которой он не обладал. Чтобы решить эту задачу, он должен был возвести все низкие уловки раба в настоящую систему и проводить ее с упорным терпением раба. Даже открытое насилие превращалось в интригу. При такой системе интриги, коррупции и тайных захватов он должен был сначала отравить свою жертву, прежде чем он мог ее открыто добить. Единство цели превращалось у него в двойственность действия. Добиваться для себя выгод путем обманного использования враждебной силы, ослаблять эту силу как раз путем ее использования и, в конце концов, погубить ее именно потому, что она позволяла использовать себя как орудие, – вся эта политика навязывалась Ивану Калите своеобразным характером как господствующей, так и покоренной расы. Его политика осталась также и политикой Ивана III. И она осталась политикой Петра Великого и новой России, как бы ни менялись имена, страна и характер той враждебной силы, которая ими используется. Действительно, Петр Великий является создателем современной русской политики, но он стал им потому, что отнял у старой московской методы незаметного внедрения и присвоения ее чисто местный характер и освободил ее от случайных примесей, потому что он отлил ее в абстрактную формулу, обобщил ее задачи и выше поставил ее цель: таким образом, стремление ее уничтожить определенные и данные пределы власти превратилось в стремление к ничем не ограниченной власти. Он осуществил преобразование Москвы путем обобщения своей системы, а не одним только механическим присоединением нескольких областей. Итак, Москва выросла и развивалась в отвратительной и гнусной школе монгольского рабства. Своего могущества она достигла только потому, что будучи сама рабой, стала виртуозом в искусстве порабощения. Даже после своего самоосвобождения Москва продолжала еще играть свою традиционную роль раба в качестве господина. Только Петр Великий сумел наконец соединить политическую увертливость монгольского холопа с гордым устремлением монгольского господина, которому Чингисхан в своей последней воле завещал завоевание мира»*.

Но если Московское государство выработало все основные элементы политики Петра Великого, если еще до Петра непрестанное расширение государства было лейтмотивом всей деятельности московских государей, то только со времени Петра эта политика приобрела твердую почву, и только он заложил основу для расширения России на Запад.

Дело в том, что до эпохи Петра одной из самых характерных черт славян, которая поражает всякого исследователя, является то обстоятельство, что почти всюду они оседают в глубине материка, предоставляя морское побережье другим, неславянским народностям. Где бы славяне ни приближались к морскому берегу, они подчинялись иноземному господству. Русский народ делил эту общую судьбу всех славян. Материковый по преимуществу, он до Петра Великого не в состоянии был добыть себе выход в море, за исключением Белого моря, покрытого льдом в течение трех четвертей года. Место, на котором построен Петербург, в течение тысячелетий служило яблоком раздора для финнов, шведов и русских. Все остальное побережье Балтийского моря, принадлежащее теперь России, бе-

* Вся цитата, по оплошности издателей, пропущена в отдельном издании «Secret Diplomatic History». Ср.: «Free Press», 25 febr. 1857[28].

рег Черного моря, – все это было приобретено Россией уже после Петра. Мало того: как бы для того, чтобы подчеркнуть материковую особенность славянской расы, ни одна часть Балтийского побережья не стала в сущности и до сих пор славянской, так же мало, как черкесское и мингрельское побережье Черного моря.

Только Петр порвал со всеми традициями славянской расы. «Вода – вот что нужно России», – эти слова, сказанные им в форме выговора князю Кантемиру, являются лозунгом всей его жизни. Завоевание Азовского моря было целью его первой войны с Турцией, завоевание Балтийского моря – войны с Швецией, Черного моря – второй войны с Турцией и Каспийского моря – его набега на Персию.

Для системы местных захватов достаточно было материковых земель; для системы универсального наступления необходимо было море. Только путем превращения Московии из чисто континентальной страны в империю, окруженную морями, можно было разбить традиционные пределы московской политики и создать тот смелый синтез, который, соединяя в одно целое захватные методы монгольского раба с мирозавоевательными тенденциями монгольского хана, образует жизненную силу современной русской дипломатии»[70].

И когда нам в объяснение политики Петра Великого говорят, что никакая великая нация не может существовать без моря, что Россия не могла оставить устьев Невы, Дона, Днепра и Буга в чужих руках, что Петр захватил только то, что было абсолютно необходимо для развития его страны, то при этом забывают один крайне важный факт – тот tour de force[71], при помощи которого он перенес столицу империи из глубины материка на морское побережье, поразительную смелость, с которой Петр воздвиг новую столицу на первом захваченном им клочке Балтийского побережья, на расстоянии почти пушечного выстрела от границы, и создал, таким образом, для своих владений *эксцентрический центр*.

Можно смело сказать, что во всей русской литературе, в которой спор о значении реформ и дела Петра Великого до сих пор не прекращается, в которой оба главных направления русской политической мысли – славянофильское и западническое со всеми их новейшими видоизменениями – всегда характеризовались враждебным или дружественным отношением к Петру, вряд ли удастся найти более яркую, более пластичную характеристику главного дела Петра, которым открывается петербургский период русской истории, когда она, по словам первоначальных славянофилов, стала жертвой гнилого Запада, а, по мнению западников, впервые приобщилась к европейской цивилизации, чем следующие строки Маркса:

«Перенести трон царей из Москвы в Петербург значило поставить его в такое положение, при котором он не мог быть безопасен даже от простых оскорблений, пока не будет покорено все побережье, от Либавы до Торнео, – задача, которая в полном объеме разрешена была только в 1809 г.

Петербург – это окно, из которого можно следить за всей Европой, – сказал Альгаротти. – С самого начала это был вызов Европе и стимул к дальнейшим завоеваниям для русских... Петербург, этот эксцентрический центр империи, указывал на периферию, которая должна еще быть проведена. Таким образом, не одно только завоевание балтийских провинций отличает политику Петра Великого от политики его предков, но именно перенос столицы, в котором проявляется настоящий смысл этих балтийских завоевании. Петербург не был, подобно Москве,

центром для особой расы, а резиденцией правительства; он был не результатом длительной работы целого народа, а творческой импровизацией отдельной личности, не источником, из которого излучаются все особенности материкового народа, а морским каналом, в котором они пропадали, не традиционным ядром национального развития, а преднамеренно выбранным театром космополитической интриги. Путем переноса столицы Петр перерезал естественные связки, которые соединяли захватную систему старых московских царей с естественными стремлениями и способностями великой русской расы. Построив свою столицу на морском побережье, он бросил открытый вызов противоморским инстинктам этой расы и низвел ее на степень простого балласта в своем политическом механизме. Начиная с XVI столетия Москва все свои значительные завоевания совершила только со стороны Сибири, а до XVI столетия все сомнительные завоевания за счет запада и юга приобретались только путем прямого воздействия на Восток. Перенося столицу, Петр точно заявил открыто, что он, напротив, намеревается воздействовать на Восток и соседние страны при помощи Запада. Если воздействие через посредство Востока было тесно ограничено стационарным характером и узкими сношениями азиатских народов, то воздействие через посредство Запада сразу становилось неограниченным и универсальным в силу подвижного характера и всесторонних сношений Западной Европы. Перенос столицы возвещал новый план изменений в системе воздействия, а завоевание балтийских провинций доставляло средство для осуществления этого плана; оно сразу обеспечивало России гегемонию среди соседних северных стран, оно ставило ее в непосредственный и постоянный контакт со всеми пунктами Европы, оно создавало основу материальной связи с морскими державами, которые, в силу этого завоевания, становились в зависимость от России в деле приобретения кораблестроительных материалов, зависимость, которой не существовало, покуда Московия, страна, производившая главную массу кораблестроительных материалов, не имела собственных гаваней, тогда как Швеция, страна, державшая в своих руках эти гавани, не могла завоевать страны, лежащие за ними.

Если московские цари, совершавшие свои захваты, главным образом при помощи ханов, вынуждены были *татаризировать* Москву, то Петр Великий, который решил действовать при помощи Запада, вынужден был *цивилизировать* Россию. Захватив балтийские провинции, он тем самым приобрел все необходимые для этого процесса орудия. Эти провинции доставили ему не только дипломатов и генералов, т. е. головы, в которых он нуждался для проведения в жизнь своей системы политического и военного воздействия на Запад; они в то же время выставили ему целую армию бюрократов, школьных учителей и военных инструкторов, усердно покрывавших русских людей лаком той цивилизации, которая развивает способность усваивать технические навыки западных народов, но не их идеи.

Ни Азовское море, ни Черное, ни Каспийское моря не могли открыть Петру этот прямой проезд в Европу... Из четырех войн, которые наполняют всю военную жизнь Петра Великого, первая война против турок, все плоды которой потеряны были во время второй турецкой войны, продолжала в одном отношении традиционную борьбу против татар. В другом отношении это было только прелюдией к войне против Швеции, в которой вторая турецкая война является эпизодом, а вторая с Персией – эпилогом. Таким образом, война со Швецией, длившаяся

двадцать один год, поглощает почти всю военную жизнь Петра Великого. Рассматриваем ли мы ее цели, результаты или продолжительность, мы можем с полным основанием назвать ее войной Петра Великого. Все его творение опирается на завоевание Балтийского побережья»[72].

Маркс думал, что он нашел наконец решение задачи и разгадал загадку сфинкса, которой является существование русского колосса. А вместе с этим он также установил, откуда ведет свое происхождение англо-русское рабство, под игом которого находилась Европа его времени.

«Разве тот факт, что преобразование Московского государства в великорусское совершалось путем превращения его из полуазиатской континентальной страны в господствующую державу Балтийского моря, – разве уже один этот факт не приводит нас к убеждению, что Англия, величайшая морская держава того времени, к тому же еще морская держава, расположенная у входа в Балтийское море, где она с середины XVII столетия играла роль главного арбитра, должна была играть выдающуюся роль в этом превращении? Что она должна была быть или главной опорой, или главным противником Петра при осуществлении его планов, что в течение долгой и смертельной борьбы между Швецией и Россией она должна была играть решающую роль, что если она не употребила всех своих сил, чтобы защищать Швецию, то мы с уверенностью можем сказать, что она пустила в ход все, чтобы помочь Московии? И все же в том, что обыкновенно называется историей, Англия едва появляется на сцене и изображается больше как зритель, чем актер этой драмы. *Действительная история* покажет нам, что ханы Золотой Орды не в большей степени были орудиями для выполнения планов Ивана III и его предшественников, чем Англия – орудием Петра и его преемников, планы которых она помогала осуществлять»[73].

Рассмотрим поближе, чему учит нас эта «*действительная история*».

4. Татарское иго и русское самодержавие

«Непреоборимое влияние» России, которое с XVIII столетия поражало всех мыслящих людей Западной Европы и окончательно установилось в первой половине XIX столетия, в не меньшей степени являлось загадкой и для русской интеллигенции, слишком осязательно чувствовавшей на себе весь политический гнет русского колосса. Непрерывное развитие и укрепление «государства», наряду с полной пассивностью «общества», превратило весь русский народ в одну компактную массу, которую русский абсолютизм бросал на весы внешней политики с решительностью, не останавливавшейся ни перед какими жертвами. Чем больше на Западе обнаруживалась противоположность между «государством и обществом», тем ярче обнаруживался контраст между ним и Россией. Если «правители» Европы смотрели с завистью на русский абсолютизм, не стесняемый никаким парламентом, а демократические элементы питали к нему ненависть, то и для тех, и для других одинаково не подлежало никакому сомнению, что внешнее политическое могущество России объясняется именно нераздельным господством абсолютизма. Наоборот, то обстоятельство, что внешняя политика и успехи в ней являлись самой сильной стороной русского царизма, укрепляло его еще больше внутри страны и помогало ему безжалостно сокрушать всякие попытки оппозиции. И если традиционное представление о государственной власти как о демиур-

ге национальной истории продолжает господствовать и в Западной Европе, то в России оно было твердо установленным «догматом».

Одни проклинали царизм, другие его благословляли. Но видели ли в нем, как во всей русской истории, совершенно самобытное явление или только одну из фаз общественного развития, давно пройденную Западной Европой, – он для всех одинаково являлся источником всего исторического развития России, ее главным определяющим фактором. И теперь еще наиболее видные представители русской исторической науки проводят резкую грань между Западной Европой и Россией. Там, на Западе, государство было создано гражданским обществом, и в последнем приходится поэтому искать ключ к пониманию его исторического процесса развития. В России, наоборот, государство создало «гражданское общество», и именно оно было движущей силой русской истории.

Послушаем, например, Милюкова:

«Дело в том, что у нас государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй. Европейское общество строилось, так сказать, изнутри, органически, от низших этажей к высшим, фундамент этой исторической постройки – крестьянство – сложился в главных чертах уже во время народных переселений VI–VIII столетий. Затем на этом фундаменте надстроен был в средние века второй этаж – европейской феодальной аристократии, сильной своим крепостным крестьянством. Наконец только к новому времени путем упорной борьбы с этим вторым общественным слоем, путем отдельных мелких побед над правами и привилегиями частных лиц, сословий, провинций, выдвинулось сильное государство, постепенно и медленно расширявшее пределы своей компетенции. *У нас* [в России] *исторический процесс шел как раз обратным порядком* – сверху вниз. Если *оставим в стороне Киевскую Русь*, у которой *были совсем другие условия исторического развития*, в северно-восточной Руси представитель государственной власти, князь, был чуть ли не первым оседлым жителем государства. Вокруг него все находилось в движении, все население приходило и уходило... Среди этого "жидкого элемента" нашей истории, как любил выражаться историк Соловьев, мало-помалу выделяется небольшой круг личных помощников князя, его "вольных слуг"... Из последних образовался класс землевладельцев, прикрепленных к князю. Только благодаря усиленным совместным стараниям правительства и землевладельцев удается наконец привести и этот элемент в твердое, в "крепостное" состояние. Таким образом, у нас государственная власть закрепляет под собой землевладельцев, – землевладельцы закрепляют под собой земледельцев. Этот способ постройки надолго сохранил за верхом русского общества, за правительственной властью, руководящую роль в процессе исторического домостроительства. Русскому государству не только не приходилось бороться с правами и привилегиями частных лиц и общественных групп, но оно само старалось вызвать эти общественные группы к существованию и деятельности с тем, чтобы воспользоваться этой деятельностью для своих собственных целей»*.

Мы нарочно цитировали г. Милюкова, так как и в Германии его «Очерки» – неожиданно для самого автора – были представлены как «марксистская история культуры России». Так же мало марксист, как и Лампрехт, хотя, несомненно,

* *Милюков П.* Очерки по истории русской культуры. Петербург, 1898. С. 115–117.

испытавший на себе влияние марксизма, г. Милюков принадлежит к числу тех русских историков, которые придавали большое значение «экономическому фактору» в истории России и много сделали для изучения ее социально-экономической и финансовой истории. И все-таки, несмотря на этот крупный шаг вперед в сравнении со старой исторической школой, и для них государство, как мы видели, с известного момента, в отличие от Западной Европы, становится главным определяющим фактором русской истории.

Это традиционное представление разделялось и русскими революционерами. И для них было несомненно, что наши общественные формы обязаны своим существованием государству, что оно по своему произволу создавало общественные классы, что оно давало направление всему общественному развитию, что оно является главным источником угнетения и эксплуатации трудящихся классов. Связанный с идеализацией порядков древней, домосковской России, этот тезис одинаково признавался и Бакуниным, и Ткачевым, он же лежал в основе всей тактики и политической деятельности «Народной Воли». Русский царизм превращался в тяжелое наследие старого прошлого, не имевшее никаких корней в настоящем, только мешавшее общественному развитию.

В несколько модернизованном виде этот тезис вошел и в новую социал-демократическую программу, которая заявляет, что «царское самодержавие является самым значительным из всех *пережитков* докапиталистических общественных отношений и что по *самой природе своей* оно враждебно всякому общественному движению»[74].

Откуда же взялся этот пережиток, отличавшийся, правда, не только удивительной живучестью, но являвшийся и источником жизни для создаваемых якобы им общественных классов? К какому хронологическому пункту можно было приурочить его происхождение? На какой стадии докапиталистических общественных отношений зародился этот архаический продукт, по самой природе своей враждебный всякому общественному движению?

Первые русские историки решали этот вопрос так же просто, как решают вопрос о грехопадении человечества теологи. Добродушные славяне призвали «немцев» устроить в их стране порядок, и после их политического грехопадения в России установилось самодержавие. С этих пор судьбы России определились судьбами самодержавия. Была ли русская монархия результатом добровольного призвания варягов славянами или, по мнению других, являлась результатом завоевания – самодержавная власть представляет первичный фактор всей дальнейшей русской истории. В зависимости от личных свойств тех или других монархов самодержавие слабело или укреплялось, а вместе с ним слабела или процветала Россия. После расцвета при первых Рюриковичах единая Россия распадается, вследствие ошибочной политики Ярослава Мудрого, на многочисленные уделы и, благодаря этому обстоятельству, становится жертвой татар, чтобы после, благодаря на этот раз мудрой политике московских князей, опять объединиться при Иване III. Со времени же Романовых, благодаря их еще более мудрой политике, начинается непрерывный рост могущества и благоденствия России.

Это примитивное представление, превращавшее Рюриковичей и Романовых в таких же создателей России, какими Гогенцоллерны, по мнению официальной прусской историографии, являлись для Германии, встретило протест уже среди декабристов, но продолжало господствовать до пятидесятых годов как официаль-

ная философия истории николаевской России. Правда, под влиянием гегелевской философии, уже в конце сороковых годов замечается новое течение, но и оно, разрушая старую легенду, старалось только рационализировать русских князей и государей, отвлекаясь от конкретных Рюриковичей и Романовых, и, превращая их в «первых служителей государства», делало из русской истории процесс непрерывного развития идеи государства.

Если первые русские историки старались больше доказать, что самодержавие было полезно и что Россия должна быть благодарна своим самодержцам, то новая школа доказывала его историческую необходимость и целесообразность при наличности тех внешних исторических условий, в которых протекала история России. Взгляды ее приобрели господство только в шестидесятых годах и тогда же вызвали оппозицию со стороны демократических течений, указывавших на значение «народа» и «общества» в старой русской истории и видевших упорную борьбу между «государством» и «народом» там, где только что упомянутые историки видели органический процесс. И тот фактор, который помог московским князьям окончательно справиться с традициями Киевской Руси, видели именно в татарском нашествии.

Мнение, что татарские завоеватели произвели глубокое изменение в политических отношениях русского общества, что они создали совершенно новую политическую иерархию, пользуется и до сих пор популярностью среди демократических элементов. В борьбе между народом и князем, которой исчерпывается, по их мнению, содержание русской истории до XV века, московские князья победили только потому, что они были ставленниками хана. Опираясь на помощь татар, которых они наводили на Русь, московские князья не нуждались в поддержке бояр или народа для укрепления своей власти и могли беспрепятственно заниматься расширением своей территории. Таким же образом, в противоположность тем историкам, для которых единодержавие явилось результатом органического процесса и которые почти совершенно отрицали значение татарского ига, демократические элементы видели начало русского единодержавия в татарском иге и смотрели на него как на чуждый нарост на народном организме. В лице московских самодержцев победила Азия, заглушившая Европу, частью которой была норманнская Русь. Прошло не одно столетие, пока начался петербургский период русской истории, который с этой точки зрения превращался в период, когда под влиянием, в особенности петровских реформ, начался процесс европеизации России.

Главным научным авторитетом, на который опирались приверженцы этого взгляда, являлся близкий друг Чернышевского историк Костомаров. В наиболее полном и систематическом виде он изложил свои взгляды в особой монографии: «Начало единодержавия в Древней Руси», опубликованной через 15 лет после напечатания разбираемых нами статей Маркса. Сходство некоторых основных идей этой работы с взглядами Маркса на значение татарского ига иногда доходит до буквального совпадения, как это видно из следующей цитаты:

«В дотатарский период не вырабатывалось никаких основ для будущего единодержавия в России, а тем более не было сознательного стремления к нему... С татарским завоеванием произошел быстрый и крупный поворот... Прежде над Русью не было единого господина, – теперь он явился впервые в особе грозного завоевателя, хана. Русь, покоренная его оружием, стала его военной добычей, его

собственностью; все русские, от князя до холопа, стали его рабами без исключения. В этом-то рабстве Русь нашла свое единство, до которого не додумалась в период свободы... Ханы подняли звание старейшего князя, дали ему власть и силу... Оно получалось одним путем – поклонами и угодничеством владыке... Раболепство перед завоевателем служило единственным ручательством за спокойствие страны»*...

Для Маркса татарское нашествие играет роль стихийного фактора, вторгнувшегося в русскую историю: одним ударом татары снесли все *европейские* начатки и превратили Киевскую Русь в *азиатскую* страну. Татарское иго деморализовало не только князей, но и весь народ, превратив его в раба. Татарщина наградила Россию деспотизмом, она же дала ей крепостное право. Московская Россия до самого Петра остается азиатской страной.

Маркс не щадит черных красок для описания всех гнусностей московских князей. Так же поступают Костомаров и его последователи. Но в то время как последние стараются отделить князей от народа и, беспощадно разоблачая легенды о личных доблестях московских Иванов, Дмитриев и Василиев, указывают на упорное сопротивление и геройскую борьбу против татар, Маркс отрицает у русского народа те качества, которые он признает за испанцами. Увлеченный своей основной мыслью, он забывает, что и испанцам понадобилась не одна сотня лет, чтобы избавиться от арабского господства. Даже Костомаров, своей беспощадной критикой разрушивший легенду о личном геройстве Дмитрия Донского, при котором татарам нанесено было первое сильное поражение, характеризует Куликовскую битву (в 1380 г.) такими же словами, какими обыкновенно определяется значение сражения при Las Navas de Tolosa (в 1212 г.).

Маркс совершенно прав, когда указывает на глубокое отличие норманнской России от московской. Так же мало, как империя Оттонов может быть названа колыбелью Бранденбурга, может и Киевская Русь считаться колыбелью Москвы. Но из этого еще не следует делать вывод о какой-нибудь непроходимой пропасти между этими двумя периодами русской истории. Не следует забывать, что татарское нашествие нашло Киевскую Русь далеко не в таком виде, какой она имела в период своего расцвета в X–XII веках. Хотя она и тогда находилась на большой дороге народов, через которую из глубины Азии выливались на Западную Европу один поток кочевников за другим, хотя в течение всего этого времени ей приходилось бороться с хазарами, печенегами и половцами, ей удавалось справляться с набегами. Киев тогда был цветущим торговым городом, через который шла торговая дорога между скандинавскими странами и Константинополем. Как раз тогда, когда Германия, оставшаяся долго изолированной от главных дорог мировой торговли и соприкасавшаяся с ними очень слабо на Рейне, с началом крестовых походов и перенесением центра тяжести всемирной торговли из Константинополя в Италию, начинает выходить из натурального хозяйства, Киевская Русь перестала играть старую роль посредника между Константинополем и скандинавскими странами. Продукты охоты и рыболовства, направлявшиеся прежде в Киев, теперь, при посредстве Пскова и Новгорода, направляются к Балтийскому морю, где торговля изменяет коренным образом свой характер как раз в течение XII и

* *Костомаров Н.* Собрание сочинений. Т. V. «Начало единодержания в Древней Руси». Петербург, 1905. С. 5–95.

XIII столетий, где к тому времени начинается быстрое развитие городов Любека и Висби[25]. Ко времени татарского нашествия Киев уже давно потерял свое торговое значение, и центр тяжести политической и экономической жизни переместился с юго-запада на северо-восток.

Маркс сам указывает, что прошло около ста лет со времени татарского нашествия, пока Москва начала выделяться из среды остальных княжеств. Кроме относительной безопасности от татарских набегов, ее возвышению в значительной степени способствовало то обстоятельство, что она находилась на перекрестке двух – самых торговых путей – с Волги к Западной Двине и из Новгорода в Рязанскую область. В Москву в XV веке стекалось множество европейских торговцев из Польши и Германии для покупки мехов. Главная отрасль промышленной деятельности старого времени – добывающая: охота, бортничество и рыболовство – дополняется и сменяется земледелием. Увеличивается оседлое население, прикрепленное своими занятиями к земле. В Москве и в других городах увеличивается посадское, т. е. торгово-промышленное население.

Конечно, союз с татарским ханом давал известные преимущества, но в борьбе между Тверью и Москвой победили в последней инстанции не козни и интриги московских князей – в этом отношении тверские князья мало чем уступали своим соперникам, – а экономическое превосходство Москвы, наполнявшее деньгами тот кошелек, при помощи которого Иван Калита и его преемники могли в Золотой Орде покупать себе ярлыки на великое княжение и право на сбор дани. Как и во всех других случаях, когда речь идет о внешнем влиянии, характер и сила последнего определилась внутренними условиями. Как ставленник хана, московский князь одержал победу не в борьбе за укрепление абсолютизма, а в конкуренции между отдельными князьями. Он стал, в конце концов, самодержцем всея Руси не в смысле абсолютного, неограниченного государя, а в смысле независимого, суверенного государя. Московский князь не был абсолютным государем даже в пределах собственного княжества, и прошло еще много десятков лет, пока ему удалось, опираясь на торгово-промышленное население и служилое сословие, справиться с потомками старых удельных князей и боярской оппозицией.

Татарская опасность в истории образования России играла точно такую же роль, как «турецкая опасность» в истории создания Австро-Венгрии, сарацинская – в истории Испании, шведская – в истории Пруссии и т. д. Заставляя напрягать все военные средства страны, она решала спор в пользу той ее части, которая могла выставить самую крупную силу, а этот вопрос решался не личными качествами Габсбургов, Гогенцоллернов, Рюриковичей, а экономическими и финансовыми средствами области, во главе которой они стояли. Что касается истории русского абсолютизма, то в ней мы встречаем ровно столько же специфически татарских влияний, сколько в истории, скажем, прусского и английского.

Лучшим доказательством служит история русского самодержавия со времени Ивана III, когда оно, по общему признанию, окончательно установилось в России. На всем протяжении «докапиталистических отношений», вплоть до эпохи великих реформ, оно менее всего является primus agens [главной пружиной, действующей силой. – *Ред.*]. Характер и даже внешняя форма его сильно и непрерывно изменялась. Так же как Западная Европа, Россия пережила процесс образования сословной монархии. И если этот процесс, как и процесс смены сословной монархии, длился дольше, чем в некоторых странах Западной Европы,

то это обстоятельство может и должно быть объяснено так же, как аналогичное развитие абсолютной монархии в Пруссии и Австрии. Элементы, из которых создался абсолютизм в России, так же мало являются его продуктом, как и элементы, из которых образовался абсолютизм в Пруссии, являются продуктом последнего. Развитию абсолютизма в большей или меньшей степени благоприятствует наличность внешней опасности, наличность национальных или областных антагонизмов, но он немыслим без централизации экономической жизни, без товарного производства, без денежного хозяйства, как он немыслим без армии и без финансов.

Он так мало является «пережитком докапиталистических отношений», что, наоборот, только на известной стадии развития капитализма достигает апогея своего развития.

«По самой природе своей» он является орудием экономической и политической эксплуатации, и история абсолютизма в России, как и в Западной Европе, сводится к истории борьбы господствующих классов и их фракций за обладание этим могучим орудием и приспособление его к потребностям.

Для Маркса все эти внутренние условия развития абсолютизма в России совершенно исчезают. Поэтому в его изображении совершенно пропадают два столетия русской истории от Иоанна III до Петра, которые отмечаются коренной перегруппировкой общественных классов. Достаточно указать, что в начале этого периода мы еще находим свободное крестьянство, которое окончательно закрепощается при Петре I. Как и в Германии, капиталистическая эпоха в деревне имела своей провозвестницей эпоху сельскохозяйственного крупного производства на основе крепостного и барщинного труда. Победа абсолютной монархии над старым родовым дворянством куплена была за счет свободного крестьянства, которое было отдано в жертву новому дворянству. Как раз, когда абсолютизм выступает на европейскую арену в полном блеске своего могущества, он становится окончательно орудием в руках дворянства. XVIII век – это эпоха разнузданного господства дворянства, и самым дворянским царствованием является царствование Екатерины II, преданного «друга» европейских энциклопедистов.

Пропустив всю внутреннюю историю России от Иоанна III до Петра I, Маркс запер себе путь к пониманию ее внешней политики. Как мало помогло России присвоенное ею себе, по словам Маркса, могущество Золотой Орды, показывает история России в течение XVI и XVII столетий, когда ей приходится вести упорную борьбу на севере со Швецией, на западе с Ливонией и Польшей, на юге с крымскими татарами и после турками, на востоке опять-таки с татарами. Как будто повторяя историю Пруссии, русские историки изображают процесс превращения России в военную монархию под влиянием этих непрерывных войн, опустошавших многие области Московской России несравненно сильнее и более систематически, чем татарское иго. Крымский хан самым непочтительным образом относился к преемнику Чингисхана и так же настойчиво требовал дани, как ханы Золотой Орды. Если в конце XV столетия венецианцы, папы и Максимилиан делают еще попытки привлечь Москву к участию в борьбе с турецкой опасностью, то проходит почти двести лет, пока в конце XVII столетия Россия настолько укрепляется, что перестает быть quantité négligeabie [величиной, которой можно пренебречь. – *Ред.*] в области европейской политики.

Одной из причин, задержавших темп развития России, была та же самая причина, которой Маркс объяснял задержку в развитии Германии начиная с XVI столетия: новое изменение торговых путей. Характерно, что самая упорная борьба между Польшей и Ливонией, с одной стороны, и Москвой за обладание Балтийским морем происходила как раз тогда, когда ось мировой торговли переместилась с балтийского меридиана на побережье Атлантического океана. Падение Ганзы нанесло новгородской торговле более жестокий удар, чем подчинение Москве. Соперничество лифляндских городов и шведских купцов добивало уже падавшую Ганзу. Политическое значение ее падало вместе с ее экономическим могуществом. Господство на Балтийском море переходит от поляков к шведам, которые окончательно запирают русским выход в Балтийское море. Нарву, которой русские овладели в 1558 г., они вынуждены были отдать шведам в 1581 г. Таким образом, Россия, торговля которой получила сильный толчок вследствие приобретения Казани и Астрахани, лишилась возможности принимать самостоятельное участие в торговле на Балтийском море как раз тогда, когда она присоединила к себе Сибирь и когда Волга стала вполне русской рекой.

России, таким образом, грозил полный экономический застой. Но торговля с Западной Европой, шедшая до сих пор главным образом через Балтийское море, нашла себе новый выход. Его проложили англичане через Белое море. В 1584 г. основан был Архангельск, который с тех пор становится главным центром внешней торговли России и остается им до основания Петербурга. За англичанами явились голландцы. Тем, что Петр I сумел укрепиться на Балтийском море, он в последнем счете обязан англичанам и голландцам. И если уже говорить о «вине», которая падает на Англию как главную виновницу возвышения России, то это преступление совершено Англией задолго до Северной войны. Чтобы понять, как и почему складывались отношения между Англией и Россией в XVIII столетии, нам необходимо познакомиться с той ролью, которую Англия сыграла в деле «европеизации» России.

5. Европеизация России под влиянием английской торговли

Огромная роль, которую играла колониальная система как один из главных моментов первоначального накопления, заставляет часто забывать, что классическая страна капитализма, Англия, вплоть до XVII века, почти не имела колоний, что только со второй половины этого века можно говорить об Англии как о колониальной державе.

В то время как португальцы и испанцы постепенно овладевали Новым миром и торговлей азиатскими продуктами, англичане заняты были тем, что освобождались от зависимости от ганзейцев, в руках которых находилась вся их внешняя торговля. В 1552 г. у Ганзы были отняты ее главные привилегии в Англии, и почти в это же время из купцов и некоторых представителей дворянства составилась в Лондоне компания с целью подорвать португальскую торговлю пряностями. В 1553 г. снаряжена была экспедиция, которая должна была направиться в Индию через северо-восточный проход. Экспедиция кончилась неудачей. Начальник ее Уиллоугби (Willoughby) погиб с двумя кораблями, но капитан третьего корабля, «Благое предприятие», Ричард Ченслер (Chancelor), был прибит к берегу Бело-

го моря, к устьям Северной Двины. Оттуда он попал в Москву, где и был принят очень радушно Иваном Грозным*.

Когда Ченслер вернулся в Лондон, то общество его получило хартию на право монопольной торговли с Россией и со всеми странами, которые ему удастся открыть. Это было общество «Merchant Adventurers for the Discovery of Lands, Countries, Isles, not before Known or frequented by any English» («Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, даже еще неизвестных или не бывших в сношениях с Англией»), больше известное под названием «Московской» (Moscovy) или «Русской» (Russian) компании[76], под которым упоминает ее и Маркс. После «Merchant Adventurers of England», получившей свою хартию в 1505 г., это самая крупная торговая компания в XVI столетии.

В 1555 г. Ченслер был снова послан в Россию, где он опять принят был очень милостиво. Русской компании было пожаловано право на беспошлинную торговлю всякими товарами по всей России. Кроме того, все споры между английскими купцами и русскими должны были разбираться самим царем. Иван Грозный, которому в английской грамоте дан был громкий титул «emperor of all Russia» (император всея России), решил завязать непосредственные сношения с английским правительством. Вместе с Ченслером был отправлен царский посланник Осип Непея. Корабль потерпел крушение, богатый груз из русских произведений – воск, сало, меха, войлок и канатная пряжа – погиб, большая часть экипажа вместе с Ченслером потонула, но Непее удалось спастись. В Лондоне ему был оказан самый почетный прием. Вместе с Непеей в Россию поехал Дженкинсон, известный путешественник. Ему, с разрешения Грозного, удалось добраться по Волге и Каспийскому морю до Средней Азии. После этого путешествия Русская компания начинает добиваться свободной торговли через Россию с Персией. В 1569 г. монополия англичан была подтверждена, и компании было разрешено беспошлинно провозить товар в Бухару и Catchay (Китай и Индию).

Но следом за англичанами явились голландцы. Явившись позднее англичан, они получили меньше льгот и часто должны были прибегать к посредничеству англичан. Отношения между конкурентами скоро обострились, и голландцы пользовались всякими средствами, чтобы лишить англичан их монопольного положения. Они указывали, что Англия торгует чужими товарами и берет за них неслыханные цены.

В обмен на те льготы, которые он предоставил англичанам, Грозный надеялся добиться от Англии помощи в борьбе с Польшей и Швецией. Но Елизавета упорно отказывалась от всякого союза, – не потому, что она боялась возвышения России: такой союз мог быть выгоден только последней и совершенно бесполезен для Англии.

«По мере того как Англия начала выдвигаться как торговое государство, интересы ее становились враждебны интересам Испании – великой торговой державы шестнадцатого столетия, которая господствовала в западной части Средиземного моря и стремилась к исключительному господству на океане. Почти всюду, где английская торговля пыталась упрочиться, она натыкалась на сопротивление или

* Ливония, Польша, Швеция не хотели пропускать в Россию ни оружия, ни техников. Как раз незадолго перед этим кончилась неудачей попытка доставить в Россию несколько десятков ремесленников, наборщиков, врачей. Император Рудольф II поступал не лучше.

задержки со стороны Испании... Таким образом, в шестнадцатом столетии Испания стала для Англии исконным врагом, сосудом всякой мерзости»*.

Этим антагонизмом определялась вся внешняя политика Англии в эпоху Елизаветы. Создавать себе новых врагов накануне Армады было бы очень неосторожно, тем более что русско-английские торговые сношения на Белом море вызывали сильное неудовольствие балтийских держав.

Упорство Англии рассердило наконец царя, и он, после сердитого письма Елизавете**, в 1570 г. отнимает у англичан все привилегии и право торговли с Персией. Русская компания немедленно подняла крик и обратилась к Елизавете с просьбой спасти английскую торговлю от разорения. Несмотря на ругань Грозного, она посылает опять Дженкинсона, которому удается, правда, ненадолго, добиться старых льгот. Больше всего Грозного возмущало то, что «купеческие дела поставлены впереди и сочтены важнее наших (царских) дел, хотя их успех должен бы зависеть от сих последних», и он грозился передать всю торговлю в руки венецианцев и германцев. Гнев на милость он сменил только в 1580 г., когда был вынужден обратиться к Англии, чтобы получить военные припасы для войны против Швеции и Польши. Елизавета поспешила удовлетворить эту просьбу, и весной 1581 г. в Россию было отправлено 13 судов со всякими припасами. Новое предложение Грозного заключить союз против Стефана Батория было отклонено. Несмотря на происки голландцев, Грозный должен был опять утвердить привилегии англичан, так как к этому времени он окончательно потерял все свои завоевания на Балтийском море. Когда вскоре затем Грозный умер (в 1584 г.), один из заклятых врагов англичан и благоприятель немцев в торговле, дьяк Щелкалов (которого англичане обвиняли в том, что он подкуплен голландцами), сказал английскому послу: *английский царь умер****.

Мы видели, что Англия, в высшей степени дорожа торговыми сношениями с Россией, упорно отказывалась от всякого политического союза с ней и смотрела на нее только как на колонию. Вопрос о господстве на Балтийском море в это время ее совершенно не интересовал. Она так же мало была склонна помогать Швеции, как и России. На первом плане стояли торговые интересы и желание сохранить в своих руках монополию торговли с Россией через Белое море, где ей меньше приходилось считаться с соперничеством голландцев и шведов. В 1583 г. Елизавета, вопреки настойчивым просьбам Густава, короля шведского[78], заключила с Данией договор о свободном пропуске английских кораблей к устью Двины, причем выговорила для них право беспрепятственно заходить, если случится бурная погода, в норвежские и исландские гавани. Число английских кораблей, посещавших Россию, увеличивалось из года в год и в 1582 г. дошло до девяти. В 1584 г. у устья Двины был заложен новый город, получивший название Новых

---

* *Kautsky Karl.* Thomas More und seine Utopie. Stuttgart, 1907. P. 237–238.

** «И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела хотели с тобою делать. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших государских головах и о честях и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица»[77]. Худшего ругательства Иоанн не мог подобрать.

*** *Костомаров.* Очерк торговли Моск. гос. в XVI и XVII столетиях в Собрании сочинений. Т. VIII, с. 284. Петербург, 1906.

Холмогор и в 1637 г. переименованный в Архангельск. До основания Петербурга это был главный коммерческий порт России, через который шла вся ее торговля. Наиболее важными предметами вывоза в Англию были меха, кожи, лен, пенька, канаты, мачтовый лес, сало, смола и деготь; ввозили же англичане в Россию главным образом сукна, шерстяные и шелковые материи, галантерейные товары, сахар, бумагу и металлы.

После смерти Грозного положение англичан ухудшилось: они должны были платить пошлины, правда, в половинном размере, и только с воцарением Бориса Годунова они получили в 1602 г. опять право на беспошлинную торговлю, которое было подтверждено им в 1605 г. Но на всякое предложение о союзе Англия отвечала отказом.

«Смутное время» очень чувствительно отзывалось на торговых оборотах англичан, и в Англии принимали самым радушным образом посла с извещением о вступлении на престол Михаила Романова. Московское правительство оставило за англичанами все их привилегии. Англия опять-таки отказалась от союза, но предложила свое посредничество в заключении мира между Швецией и Россией, чтобы обеспечить за собой право торговли с Персией и право отыскивать путь в Индию. В 1617 г. в Столбове был заключен мир, причем английский посол жаловался на интриги голландских послов, также фигурировавших в качестве посредников. Англичане все сильнее начинают чувствовать конкуренцию голландцев, которые тогда уже успели завоевать господствующее положение в балтийской торговле. Кроме того, все сильнее становилась оппозиция московских купцов, с которыми Романовым пришлось серьезно считаться.

Повторилась – только в другом масштабе – та же история, что в Англии с ломбардцами и ганзейцами. Московские купцы оказались такими же горячими «националистами», как и лондонские, и они не успокоились, пока у англичан не были отняты привилегии.

При Михаиле Россия делает первую попытку обеспечить себе путем союза с Англией субсидию, но ей удалось получить всего 40 000 ефимков в виде пособия. Московское купечество наконец добилось, чтобы англичанам не давали права беспошлинно торговать с Персией. Это был первый шаг. Английская революция доставила желанный повод лишить англичан тех льгот, которыми они пользовались почти сто лет. Больше всего негодовали против мятежных англичан и возбуждали, вместе с московским купечеством, против них правительство именно протестанты и республиканцы – голландцы.

В 1646 г. московские купцы подали царю Алексею жалобу на иностранных купцов и просили спасти их от разорения.

«Всеми торгами, которыми искони мы торговали, завладели английские немцы, и оттого мы от своих вечных промыслов отстали и к Архангельску больше не ездим». Англичане «все Московское государство оголодили: покупая в Москве и в городах мясо и всякий харч и хлеб, вывозят в свою землю». К этому они прибавляют аргумент, который должен быть особенно убедителен для правительства: англичане «крадут государеву пошлину» и уличают их в том, что они не могут ссылаться на свою хартию, потому что англичане «торговые люди от короля своего Карлуса отложились и бьются с ним четвертый год»[79].

Но только 1 июня 1649 г., после казни Карла I, царским указом высланы все английские купцы из Москвы и других городов: «Великому государю нашему ве-

домо учинилось, что англичане всей землею учинили большое злое дело: государя своего Карлуса убили до смерти и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось»[80].

Но негодование было не настолько сильно, чтобы совершенно отказаться от английской торговли. За англичанами оставлено было право приезжать в Архангельск, но отменялось их право торговать беспошлинно. Во всяком случае, для Русской компании это был чувствительный удар.

Претенденту (будущему Карлу II), обратившемуся с просьбой о денежной помощи, было отказано, и вместо 100 000 руб. ее было послано соболей на 15 000 руб. и хлеба на 5000 руб. Попытка Кромвеля вернуть привилегии английских купцов кончилась неудачей. Но и восшествие на престол Карла II, несмотря на возобновившиеся дружеские отношения с Англией, не привело к восстановлению старых привилегий; английский резидент от имени Карла II признал царский указ 1649 г. знаком особой дружбы к королю и выразил надежду, что теперь, после реставрации, это наказание, наложенное на непокорных подданных короля, будет снято. Но несмотря на это угодничество, после долгих переговоров англичане получили только право ездить в Москву в количестве не больше 10 купцов. С 1664 г., когда Англия получила этот отрицательный ответ, до начала XVIII века старые дружеские отношения изменились к худшему.

Англичане, правда, не ушли. Они только вынуждены были отказаться от беспошлинной торговли. Голландцы добились уравнения в условиях конкуренции.

Но Россия была уже опять связана с Европой крепкими узами внешней торговли. Именно в XVII веке, под влиянием англичан и голландцев, начался так называемый процесс европеизации России.

Денежное хозяйство, развитие которого было задержано в XVII веке, пока совершался процесс перемещения торговых путей, сейчас же после Смутного времени начинает быстро развиваться. Образуется целый ряд новых торговых центров по главным дорогам к Москве и из Москвы на север в Архангельск. Из Москвы шло шесть торговых путей: «Москва была средоточием торговой деятельности для всей России. Значение ее возвышалось еще тем, что правительство само занималось торговыми операциями, и сам царь, как выразился один англичанин, был первым русским купцом в России»*. Из Москвы товары через Ярославль, Ростов и Переяславль [совр. Переславль. – *Ред.*] отправлялись в Вологду, где англичане скупали привозившийся туда лен и имели складочный пункт для своих товаров и откуда они направлялись в Архангельск. Рядом с Москвой в центре России развивался Нижний Новгород, который в XVIII веке сделался складочным местом для азиатских товаров, привозимых из Астрахани, западноевропейских – из Архангельска, сибирских – из Казани, московских для отправки на Восток. Этот же город сделался местом закупки хлеба и сбыта его в северные области. С помощью целой сети мелких скупщиков крупное купечество опутало всю страну и захватило в свои руки всю внутреннюю торговлю. Отстаивая свои привилегии, англичане совершенно верно указывали, что их торговля была выгодна для мелких торговцев. Но именно это обстоятельство настраивало против них крупное купечество. Оно хотело стать исключительным посредником между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями. Ново-

* *Костомаров Н.* Там же, с. 284.

торговым уставом 1667 г. иностранцам было дозволено торговать во внутренних городах России только по особым государевым грамотам, и притом со взысканием с них особых дополнительных сборов. Они были обложены проезжей пошлиной в размере 20 денег с рубля как за ввозимые, так и за вывозимые из России товары.

О размерах вывозной торговли через Архангельск трудно составить себе точное понятие. В 1653 г., т. е. в год, когда торговля с англичанами в значительной степени пострадала, вывоз равнялся 1 032 406 тогдашним рублям – сумма для того времени крупная*. Средняя сумма таможенного дохода в Архангельске составляла 70 000 руб. в год. К началу царствования Петра вывоз через Архангельск равнялся уже 3 миллионам.

В XVII же веке началось насаждение индустрии при помощи голландцев, англичан, гамбуржцев. В 1630 г. голландский капиталист Виниус получил привилегию на устройство железного завода около Тулы. Таким путем возникли знаменитые Тульские заводы. В 1670 г. составилась компания под руководством гамбургского капиталиста Марселиса и голландского Акима[81], получившая такую же привилегию на устройство железных заводов на Ваге, Костроме и Шексне.

Купечество, которое так ревниво относилось к привилегиям иностранных торговцев, поощряло правительство в выдаче привилегий промышленных. «Как станет у англичан какой промысел, то и государевы люди станут тем же промышлять. Если англичане будут находить руды и выделывать железо, то никому убытку не будет, а только прибыль»[82].

Москва становится во второй половине XVII века средоточием, куда массами стекаются ремесленники, техники, авантюристы и шарлатаны. Уже около половины XVII века, по свидетельству Олеария, в Москве считалось до тысячи одних только протестантских семейств, – главным образом англичан (шотландцев) и голландцев. Немецкая слобода была немецкой только по имени. Первое место в ней занимают англичане и шотландцы. Та самая революция, которая дала повод московскому правительству лишить англичан их привилегий, пригнала в Москву всех недовольных Кромвелем: Дрюмондов, Гамильтонов, Дальциелей, Крауфордов, Грэхамов, Лесли, Гордонов. В этой атмосфере Петр воспринимал не только европейскую культуру, но и симпатии к английской династии Стюартов.

И не со стороны Петра, а раньше его начинается процесс политической централизации, предпринимается ряд реформ в области военного дела и финансового устройства. Развитие денежного хозяйства дало возможность превратить многие натуральные подати и повинности в денежные. Земские сборы, игравшие такую видную роль в XVI и XVII веках, упраздняются. Намечается реформа областного и городского управления. Своеобразные внешние формы, которые принимает этот процесс образования абсолютной монархии, нисколько не скрывают тождества его основных черт с соответственным процессом в Западной Европе, как его описывает в своем «Thomas More» Каутский.

«Вполне естественно, что новая политическая центральная власть кристаллизовалась вокруг личности государя, что он образовал вершину централизованного управления и армии. Его интересы и интересы торговли были одинако-

* По расчету Ключевского, рубль 1651–1700 гг. соответствовал 17-ти нынешним.

вы... Торговля нуждалась в армии для защиты ее интересов как вне, так и внутри страны... Но новому государству необходим был государь не только в качестве вождя армии, но и в качестве главы государственного управления. Феодальный, партикуляристический аппарат управления рушился, новый же, централистический механизм управления, бюрократия, едва только зарождался. Политический централизм, явившийся для товарного производства с развитой торговлей на пороге капиталистического способа производства экономической необходимостью, чтобы способствовать экономической централизации, – как и, наоборот, сама эта экономическая централизация обусловливала и вызывала усиление политической централизации, – этот политический централизм нуждался в начале своего существования в *главенстве одной личности*, которая была бы достаточно сильна, чтобы отстаивать единство управления от центробежных элементов, в особенности от дворянства. Такой силой обладал только вождь армии. Сосредоточение всех нитей власти как военного, так и административного аппарата в *одной* руке, другими словами, государственный абсолютизм был *экономической* необходимостью в век реформации и еще долго спустя после нее»*.

Такой же экономической необходимостью явился государственный абсолютизм в России. В Петре Великом он нашел свою персонификацию, которая по своей энергии и преданности идее государства может занять место рядом с классическими представителями этого типа. И только потому, что Маркс не заметил, что Петр был в сущности продуктом зарождающегося европейского капитализма, он мог увидеть в нем просто преображенного татарина: вопрос о том, принадлежит ли Россия к Азии или к Европе, был уже решен бесповоротно в конце XVIII столетия, и восприемниками России, ее воспитателями, были наиболее крупные торгово-промышленные страны того времени – *Англия* и *Голландия*.

6. Значение русской торговли для Англии

Но торговые сношения между Россией и Англией имели большое значение и для Англии. Во второй половине XVI века эта торговля служила, наряду с морским разбойничеством и торговлей рабами, одним из главных источников «первоначального накопления». Когда сломлена была монополия Ганзы на Балтийском море, торговое преобладание на нем перешло к Голландии и оставалось за ней вплоть до XVIII века. Попытки Англии захватить в свои руки наследство Ганзы окончились неудачей, и Eastland Company, получившая свою хартию в 1579 г., в течение целого столетия не могла сломить конкуренцию голландцев. По словам Чайльда, торговля голландцев превышала еще в конце XVII столетия английскую торговлю в 10 раз.

Но Русская компания сыграла большую роль и в другом отношении. Она организовала китоловный промысел около Шпицбергена. Конкуренция в этой области шла опять-таки с голландцами, которые не замедлили появиться вслед за англичанами. Русская компания смотрела на Северный Ледовитый океан как на свою собственность. Если она позволяла заниматься китоловным промыслом, то только за большую пошлину. Голландцы, отстаивавшие и тут принцип mare liberum [свободы мореплавания. – *Ред.*] снаряжали туда военный флот для за-

* *Karl Kautsky*. Thomas More und seine Utopie. Stuttgart 1907, pp. 17–18.

щиты своих китоловов. Пользуясь своим превосходством, голландцы наносили большие убытки Русской компании, которая должна была заключить соглашение с недавно основанной East India Company. Особенно обострились отношения между Англией и Голландией как раз в 1617 г., когда, как мы видели, англичане и голландцы явились посредниками при заключении мира между Швецией и Россией. Вообще антагонизм между голландцами и англичанами, который привел к открытому разрыву при Кромвеле, питался в первой половине XVII столетия столько же конкуренцией в области колониальной торговли, сколько и борьбой за обладание Севером и русским рынком. Торговля с Россией приносила не менее колоссальные барыши, чем колониальная. При Алексее (1645–1676) эксплуатация превосходного мачтового леса по реке Югу была сдана иностранной компании, которая нагрузила лесом четыре корабля. Дерево ей обошлось в 25–30 коп., а продано за границей по 4–5 руб. Когда голландцам удалось вытеснить англичан, разжигая негодование русских монархистов против «цареубийц», то в несколько лет они в одном Архангельске уже имели около 200 агентов.

Так созданы были в России «британские интересы», которые требовали дипломатической защиты. Как в Нидерландах, Германии и скандинавских странах английскими дипломатическими агентами служили главным образом члены компании «Merchant Adventurers of England», так в России появлялись члены «Russian Company». Посредником со стороны Англии при заключении мира в Столбове был также член правления этой компании Меррик.

«Колониальная система в необычайной степени ускоряла развитие торговли и мореплавания. Торговые общества, "monopolia" (как их называл Лютер), служили могущественным рычагом концентрации капитала. Возникающим мануфактурам колонии обеспечивали рынок сбыта и, при помощи монополии рынка, усиленное накопление» (Маркс)[83].

В Англии 1550–1650 гг. господствующую роль играли общества-монополии, главной сферой деятельности которых оставалась Европа. За ними стояла расцветающая шерстяная промышленность. Если Англия уже к началу XVIII столетия могла обеспечить за собой торговую супрематию, то она этим обязана была и тогда своей промышленной супрематии. Ост-Индская компания до конца XVII столетия играет еще незначительную роль в сравнении и с «Merchant Adventurers of England», которая обеспечивала английской шерстяной промышленности сбыт сначала через Антверпен, а после через Гамбург, и с Русской компанией, которая организовала этот сбыт в России.

Вполне понятно, что Русская компания пользовалась большим влиянием и могла «поднимать крик». Что к ее «крику» прислушивались очень внимательно, мы видели на протяжении всей истории сношений между Англией и Россией. Следует еще вспомнить, что среди членов Русской компании, как и Гамбургской, было много представителей из среды «gentlemen'ов». Если в списке членов Гамбургской компании мы встречаем Sidney, earl of Carlisle*, earl of Leicester [Лестера. – *Ред.*][84], lord Churchill [Черчилля. – *Ред.*], lord Ashley [Эшли. – *Ред.*] и т. д., то еще в первой партии Русской компании мы находим среди имен ее учре-

* Тот самый, который в 1664 г. неудачно пытался добиться возобновления привилегий англичан в России.

дителей маркиза Винчестера (Winchester), графа Арундела (Arundel), графа Бедфорда, графа Пемброка.

Но уже в первой половине XVII столетия «крик» ее не был настолько силен, чтобы заглушить «крики» представителей других «британских интересов». Если отношения между этой компанией и Гамбургской продолжали быть дружественными, то еще в конце XVI столетия возникли новые компании, интересы которых далеко не совпадали с интересами Русской компании. Вспомним, что ее процветание, в отличие от Гамбургской, зависело не только от сбыта английских мануфактурных изделий в России, но и от удачного хода ее китоловного промысла и транзитной торговли персидским шелком через Россию. Естественно, что интересы ее пришли в столкновение и с интересами Eastland Company, основанной в 1579 г. для торговли на Балтийском море, которая, конечно, не соблюдала строго запрета торговать с Россией через Нарву, и с интересами Turkey (Турецкой) Company, основанной в 1581 г. и сейчас же принявшейся за организацию скупки сырого шелка в Персии. Если конкуренция первой оказалась неопасной, то конкуренция второй растет непрерывно в течение всего XVII столетия, – между прочим, и потому, что на турецких султанов казнь Карла I не произвела никакого впечатления*. Но это была конкуренция только в одной области, в торговле сырым шелком, в которой и Русская компания, и Турецкая компания скоро встретили более опасного соперника – Ост-Индскую компанию. Хотя Русская компания, как мы увидим, еще в XVIII столетии не теряла надежды захватить в свои руки торговлю персидским шелком, ей пришлось уже в конце XVII века сосредоточиваться на торговле продуктами русского происхождения, тем более что китоловный промысел, становившийся все менее выгодным вследствие уменьшения числа китов, перестал для нее играть особенное значение после того, как в 1670 г. организовалась Hudson Bay Company в Северной Америке. С этой же стороны ей начала грозить конкуренция и в области торговли различными кораблестроительными запасами (naval stores). В 1699 г. постановлено было, чтобы таможенные комиссары (Commissioners of Customs) в течение каждой парламентской сессии представляли обеим палатам отчет о количестве кораблестроительных запасов, которые будут кем-либо вывозиться из России в Англию. Андерсон думает, что правительство в это время предполагало принять меры с целью поощрения вывоза этих материалов из Северной Америки[65].

Таково было положение Русской компании к началу XVIII века. В 1699 г. положен был конец вечным пререканиям с так называемыми «interlioper'ами» т. е. англичанами, которых привлекала прибыльная торговля с Россией, но которые торговали без разрешения компании, не желая платить ей высокий взнос: в этом году он был понижен до 5 ф. ст., т. е. торговля фактически перестала быть монопольной. Компания продолжала по-прежнему представлять интересы торговли с Россией и отстаивать их в Сити и в парламенте.

Но она, как мы видели выше, была не единственной компанией. Рядом с ее «криком» раздавались «крики» других заинтересованных компаний или групп купцов и промышленников. Не подлежит никакому сомнению, что эти группы старались влиять на правительство в своих интересах, стараясь подчинить его по-

* 18 августа 1648 г. был смещен «законным путем» Ибрагим I и убит. Это – первый султан, которого постигла такая участь.

литику себе. Но чем более усложнялись торговые и промышленные интересы, чем обширнее и многочисленнее становились внешние сношения, чем более усложнялись отношения с другими странами, тем упорнее и ожесточеннее должна была разгораться борьба между этими различными группами. Скорее всего побеждала та из них, частный интерес которой совпадал в данное время с общим направлением внешней политики, которое à la longue [продолжительное время. – *Ред.*] определялось общими интересами всей «национальной» торговли.

При Елизавете вся внешняя политика определяется антагонизмом между Англией и Испанией. Отсюда постоянный союз с Нидерландами. Отношения с Францией в общем также носят дружественный характер, поскольку Франция продолжает старую борьбу с испанскими Габсбургами.

В первой половине XVII века все сильнее разгорается антагонизм между Англией и Голландией, который при Кромвеле доходит до продолжительной войны. В конце XVII века, со времени революционной войны, Франция снова становится таким же наследственным врагом, каким была во время Столетней войны. Голландия, по выражению Фридриха II, превращается в простую шлюпку английского корабля. Так называемая система политического равновесия определяется антагонизмом между Францией и державами, находящимися у нее на буксире, с одной стороны, и Англией, Австрией и Голландией – с другой.

России нет места ни в одной из этих комбинаций. Если в конце XV века турецкая опасность заставила Венецию, папу, императора Максимилиана сделать неудачную попытку втянуть Россию в европейские дела, то теперь, наоборот, сама Россия вынуждена – и чем ближе к концу XVII века, тем настойчивее – искать союза у европейских держав.

Непосредственными врагами России являлись теперь Польша, Швеция и Турция. Но во всех этих странах преобладало влияние Франции, которая пользовалась ими против Габсбургов.

И пока внешняя политика Англии не определялась антагонизмом с Францией, союз Англии с Россией был политической невозможностью. Это, в конце концов, поняли и московские дипломаты и оставили в покое Англию. Плохо разбираясь в политических отношениях Западной Европы, они в 1687 г. предлагают союз Людовику XIV, но им категорически заявляют, что «между Францией и императором существует вечная вражда, а между султаном и королем, наоборот, вечный мир и прочная дружба»[66].

Россия принимает участие в священной лиге против турок, но ее третируют как третьестепенную державу. Вплоть до Северной войны она в политических комбинациях Западной Европы никогда не принимается в расчет.

В начале XVIII века, когда война за испанское наследство совпадает с Северной войной, положение дел меняется. Создается возможность для союза между Англией и Россией. Но превратилась ли эта возможность в действительность, как думает Маркс? Верно ли, что олигархия, захватившая власть после 1689 г., вместе с Русской компанией систематически поддерживает Россию и помогает ей уничтожить Швецию? Действительная история нам уже показала, что не татарские ханы создали абсолютизм и Петра, что «европеизировал» Москву англо-голландский капитал, что Англия так же «виновата» в создании Москвы, как она «виновата» в создании Японии. Посмотрим теперь, правда ли, что действительная история разоблачает английских государственных людей XVIII века, как систематических пособников Петра I?

7. Северная война

Маркс совершенно прав, когда придает такое огромное значение Северной войне в деле возвышения России[87]. В борьбе за политическое преобладание на Балтийском море господство переходило поочередно от Ганзы к Польше, Дании и Швеции. В 1617 г. Россия окончательно потеряла надежду приобрести себе выход на запад. Со второй половины XVII века Швеции почти удается превратить Балтийское море в шведское озеро. В 1700 г. отношение длины береговых линий составляло, если принять длину береговой линии Дании за 1, для Германии - 3, для Швеции – 10, для России – 0. Таким образом, Северная война сводилась к поединку между Швецией и Россией: кто был за Швецию, тот был против России, и наоборот. В результате Северной войны Швеция потеряла свое первенствующее положение на севере. Политическая гегемония на Балтийском море переходит к России, которая сохраняет ее до последней четверти XIX столетия*.

Маркс прав также, когда говорит, что Северная война является поворотным пунктом в том отношении, что Россия лишь после нее стала европейской державой[88]. Только получив прочную точку опоры на западе, она могла начать свое расширение на юг и восток, чтобы, набравшись новых сил, опять начать свой Drang nach Westen и, начиная со времени Екатерины II, играть роль вершительницы судеб Европы.

Так характеризует значение этой войны и русский историк Соловьев:

«Степной, восточный период русской истории кончился – морской, западный период начался. Впервые славяне, после обычного отступления своего перед германским племенем на восток, к степям, повернули на запад и заставили немцев отдать себе часть берегов северного Средиземного моря, которое перестало быть немецким»**.

Разница только в том, что один приветствует то, что другой проклинает.

Еще лучше Маркс изображает последствия, которые имел перенос столицы из Москвы в Петербург[89]. Если он приписывает успех этого акта личной инициативе Петра, то это объясняется тем, что от него совершенно ускользнул весь внутренний процесс, совершившийся в России XVII века и подготовивший необходимые для этого условия. Петербург на первых порах занял место Архангельска. Характерно, что после петровского приказа направлять все вывозимые товары к Петербургу вывоз из Архангельска уменьшился почти на столько же (2 049 000 руб.), на сколько (2 135 000 руб.) он возрос в Петербурге. Общая сумма вывоза из этих городов сначала не изменилась. Петр только переменил русло, по которому направлялись на запад русские товары. Экономика и на этот раз оказалась сильнее

* Длина береговых границ прибалтийских стран:

	1700	1800	1900
Дания	1	1	1
Германия	3	2 1/2	5
Швеция	10	7	7
Россия	0	3 1/2	10

Эта таблица, из которой особенно отчетливо виден рост русской береговой границы на Балтийском море, приведена у *Kirchhof*. Seemacht in der Ostsee. Kiel, 1907. P. 9.

** *Соловьев*. История России. Т. XVII, с. 387.

политики. Попытка перенести после смерти Петра столицу в Москву кончилась неудачей. Окно в Европу было окончательно прорублено.

Но в то время как русские историки убеждены, что Англия систематически мешала Петру в его борьбе со Швецией, Маркс, наоборот, утверждает, что Петр мог победить Карла только благодаря Англии[90]. Если Мартенс отождествляет поведение Англии в эпоху Северной войны с поведением ее во время Крымской войны, если он в том и в другом случае видит только желание вредить интересам России, то Маркс следует его примеру, с той только разницей, что поведение Англии ему представляется в противоположном свете. Русские историки, объясняющие политику Англии торговыми интересами, нисколько не смущаются тем, что Англия при этом рисковала крупными торговыми интересами в России; она, – говорит Мартенс, – боялась усиления русского влияния на Босфоре[91], – Маркс обвиняет Англию в том, что ради ничтожных, по его мнению, торговых интересов купцов, прикрывавших своими жалобами преступное поведение английских министров, Англия сама себе взрастила сильного врага на Босфоре[92]. И русские историки, и Маркс одинаково смотрят на события начала XVIII века сквозь призму симпатий и антипатий второй половины XIX века. Мы могли бы привести целый ряд цитат, которые показывают, что и другие современные историки – западноевропейские и русские – до сих пор еще продолжают оценивать события Северной войны с этих двух точек зрения.

В 1900 г., т. е. почти одновременно с новым изданием работы Маркса[93] в Transactions of the Royal Historical Society, vol. X, была напечатана статья на ту же тему, представлявшая изложение доклада, читанного в Королевском историческом обществе. Это – «Замечание о дипломатической корреспонденции между Англией и Россией в первой половине XVIII столетия».

Автор – г-жа д'Арси Коллиер – считает нужным сначала указать, что она имеет дело с совершенно неразработанным материалом: «Поскольку я могу судить, политика английского правительства во всех ее деталях в течение этого периода дипломатических сношений с Россией может быть изучена только по манускриптам в рукописном отделении Британского музея». Каков же вывод из изучения этих документов, которые она предлагает вниманию ученого общества? Они до того совпадают с выводами Маркса, что иногда кажутся буквальным их повторением.

Чтобы понять «действительную историю» отношений между Англией и Россией, не надо упускать из вида, что Северная война хронологически совпала с войной за испанское наследство. В то время как замышлялась коалиция против Карла XII на севере, подготовлялась на юге новая коалиция против Людовика XIV. И та и другая война велась в пределах Европы. Но в то время как в войне за испанское наследство решался, параллельно с вопросом о господстве в Средиземном море, вопрос о господстве на Атлантическом океане, этой главной магистрали всемирной торговли в XVII веке, вопрос о том, кому будет принадлежать торговое преобладание и господство в Новом мире, – в Северной войне решался вопрос о преобладании на Балтийском море, которое еще в большей степени, чем Средиземное море, стало внутренним морем, простым подъездным путем. Время, когда Балтийское море, с одной стороны, и Средиземное – с другой, являлись главными резервуарами европейской торговли, давно миновало. То, что было вопросом политической жизни или смерти для прибалтийских держав, – кому будет принадлежать преобладание на Балтийском море? – с точки зрения Англии и крупных европейских держав, имело чисто локальный интерес. Голландия, воспользовав-

шаяся упадком Ганзы, чтобы захватить торговое преобладание на Балтийском море, и Англия, явившаяся туда вслед за ней, старались только, чтобы Зунд оставался открытым, и в зависимости от этого поддерживали каждая то Данию, то Швецию. Прибалтийские державы для них были только, как Россия, объектом экономической эксплуатации. Политически Швеция и Польша шли на буксире Франции, которая время от времени за хорошую денежную подачку натравливала их, как и Турцию, на империю Габсбургов. Для теоретиков европейского политического равновесия Швеция была в такой же степени неевропейской страной, как и Россия.

Еще в разгар войны за испанское наследство один публицист писал:

«Нам не нужно объяснять читателю, что мы под Европой понимаем только те нации Европы, которые принимают участие в настоящей войне с Францией, в союзе с нею или против нее. Нам нечего заниматься делами Швеции или Московии, Венгрии или Турции. Эти страны, правда, находятся в Европе, но так как Западная и Центральная Европа представляют собой руководящую часть Европы, то применение этого слова исключительно к последней части освящено как временем, так и практикой»*.

Факты заставили очень скоро изменить это представление. Оказалось, что интересы Англии, Франции и Австрии слишком сильно затрагиваются Северной войной, что так же мало, как можно отделить север от запада, можно было отделить восток Европы от севера. То, что давно уже совершилось в области экономики, должно было получить свое признание в области политики. Европейские державы могли сколько угодно желать возвращения тех времен, когда Россия относилась к Азии, но их пожелания были так же бессильны, как и страстные стремления оппозиции Петра оторвать Россию от Европы.

«Насколько упорно держались старые политические воззрения, видно из того, что факт появления новой влиятельной державы в лице России не оказал сначала никакого воздействия на идею европейского равновесия. Европейская политическая мысль прибегла к обходу. Точно так же, как внутренние отношения немецких держав связали с общими европейскими таким путем, что конструировали особое немецкое равновесие и от сохранения последнего сделали зависимым сохранение европейского, так и теперь возникла идея северного равновесия, связанного подобным же образом с интересами сохранения европейского равновесия».

Конечно, это пожелание было всего сильнее во Франции. Там лелеяли эту надежду после смерти Петра и не отказывались от нее еще в половине XVIII столетия. Но об этом мечтали и другие европейские державы, особенно те, интересы которых приходили в столкновение с интересами России. На политику европейских держав при петербургском дворе такие надежды оказывали влияние вплоть до Екатерины II.

А до окончания войны за испанское наследство Англия была целиком поглощена борьбой с Францией. И вопрос об отношении к Швеции решался только в связи с этим вопросом. Нужно было не допустить Швецию до союза с Францией.

---

* «The Balance of Europe», London, 1711. Цитировано у *Kaeber*. «Die Idee des europäischen Gleichgewichts in der publizistischen Literatur des sechzehnten bis zur Mitte des achtzehnten Jahrhunderts». Berlin, 1907. P. 78.

И нужно было удерживать Турцию от войны с Австрией. Все усилия английской и голландской дипломатии концентрировались на этой задаче.

9 июля 1698 г. Франция, на этот раз при сильной оппозиции со стороны антифранцузской партии, заключила со Швецией оборонительный союз. Но Вильгельму III удалось в 1700 г. от имени Голландии и Англии заключить со Швецией такой же союз, – тот самый союз, на который так часто ссылается Маркс. Между Швецией и Россией отношения были тогда дружественными. Карл XI не только позволил Петру заказать в Швеции 600 пушек, но обещал даже подарить 300 пушек, что и было сделано уже после его смерти. Это было во время войны с Турцией. Опасаться войны между Швецией и Россией не было оснований. Превосходство Швеции не подлежало никакому сомнению.

А с каким пренебрежением относились к России главные европейские державы, показал Карловиц, где в 1699 г. Англия и Голландия были главными посредниками при заключении мира между Австрией, Венецией, Польшей и Россией, с одной стороны, и Турцией – с другой. Это был первый опыт участия России в европейской коалиции. Русский посол горько жаловался на Голландию и Англию, которые хлопотали исключительно об интересах Австрии и даже о Венеции заботились больше, чем о России. Но Англии и Голландии нужно было освободить силы Австрии для готовившейся войны с Францией. Конгресс в Карловице – первый, на котором русским дипломатам пришлось встретиться с европейскими, – показал, какими неучами являлись азиаты в сравнении с европейцами, как «свято» выполняют свои обязательства европейские державы. Только в эпоху Северной войны русские дипломаты научились пользоваться разногласиями между европейскими державами, и непосредственными «учителями» их в этом высоком искусстве, как и в военном деле, были шведы.

Но, может быть, Англия, несмотря на все, поступала прямо обратно: не исполняла своих обязательств перед Швецией и помогала России? На это дает ответ опять-таки действительная история.

Мы видели, что даже московские дипломаты, в конце концов, поняли, что от Англии, несмотря на все выгоды для нее торговли с Россией, нельзя добиться согласия на вступление в политический союз. Мы видели, каким фиаско кончилась попытка заключить союз с Францией. Участие в коалиции против турок показало, что и Австрия нуждается в России лишь постольку, поскольку последней можно было пользоваться против Турции.

Но союзники были непобедимы. После неудачного посольства Карлайла (Carlisle) в 1664 г., когда голландцы так усердно интриговали против привилегий Русской компании, англичане решились воспользоваться первым благоприятным моментом, чтобы приобрести снова свое прежнее монопольное положение в России. Таким было путешествие Петра в Голландию и в Англию. В октябре 1697 г. английские посланники во главе с лордом Пемброком (Pembrock) – из почтенного рода тех Пе broков, которые были учредителями Русской компании, обратились к Петру с коллективным письмом, в котором, ссылаясь на то, что англичане «прежде всех народов, которые в Европе суть, торговлю и содружество имели с Россией с великой пользой и прибытком для обоих народов», просили, «дабы торговые англичане столь многие годы продолженное подворье паки [*устар.*, снова, опять, еще. – *Ред.*] вновь восприяли и обыкновенные вольности и без налогу употребляли»[94]. Одним словом, они хотели, чтобы в Москве был восстановлен старый английский Seelyard (торговый двор). Кроме того, они просили для себя монополию на привоз табаку.

Восстановить привилегии, отнятые в 1649 г., самодержавный Петр, несмотря на все свое расположение к англичанам, не мог, но монополию на привоз «травы никоцианской, вообще табак именованной»[95], англичане получили. Табак позволялось разводить только в Малороссии, но провоз в другие области Московского государства воспрещался под страхом конфискации. В 1702 г. англичане получили монополию на торговлю и вывоз льна из России, несмотря на сильный протест русских купцов.

В ответ на свои авансы Петр получил только любезности и в подарок от Вильгельма III (в 1697 г.) старый фрегат. Англия оставалась глуха ко всем его предложениям. В 1704 г. в Россию послан был в качестве чрезвычайного посланника Уитворт*. Он должен был уверить Петра, что Анна, *в случае заключения мира между Россией и Швецией*, не будет пренебрегать его интересами. Настоящей целью его посольства было выхлопотать новые привилегии в пользу англичан. К монополии льна и табака им хотелось прибавить другие монополии. В особенности же он должен был хлопотать, чтобы им дозволено было покупать и вывозить смолу, деготь и прочие предметы, необходимые для процветания корабельного дела «в нашем королевстве»**.

Принят был Уитворт необычайно торжественно. Петр хотел подчеркнуть этим приемом, насколько он дорожит хорошим отношением Англии. Уитворт, наоборот, держал себя высокомерно. На предложение принять посредничество между Швецией и Россией он ответил отказом; уверениям Петра, что он не будет строить военных кораблей на Балтийском море, он не верил, а на замечание, что Нарва и Петербург могут развить торговые сношения с Англией, он возразил, что шведы не допустят английских кораблей. Он предупреждал, впрочем, правительство, что, «если обращаться к русским исключительно по торговым делам, они способны заподозрить, что мы крайне нуждаемся в их товарах, нисколько не уважая их силы и дружбы»***.

Действительно, Петр и его помощники скоро это поняли. Уитворт в России и английское правительство в Лондоне дали ему два наглядных урока на эту тему. Первому, в интересах табачной монополии англичан, поручено было немедленно выпроводить из пределов России обратно в Англию английских мастеров, обучавших русских обработке табаку, и, кроме того, домашним образом уничтожить все материалы и другие производства. Исполнив первое поручение, английский посол взялся за второе. Вот как он описывает свой подвиг.

«Вечером я явился на фабрику в сопровождении Персона, моего секретаря, и четырех слуг; мы бóльшую часть ночи провели в разрушении материалов и инструментов, из которых некоторые оказались до того прочными, что нам при ломке их пришлось поднять порядочный шум... Но данные мне приказания выражены настолько определенно, что времени терять было некогда, да я и не решился бы вынести что-нибудь из дома, боясь возбудить подозрение. Как слышно, бурмистерская палата очень раздражена этим разрушением»[96].

---

* Он прибыл в Москву в феврале 1705 года.

** «And particularly that they may be permitted to buy and export pitch and tar and other naval stores for the use of this in our own kingdom». «Сборник Имп. Русского ист. общества». Т. XXXIX, с. 3.

*** *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций... и т. д. Т. IX(X). Петербург, 1892. С. 9–10.

И все-таки Петр I смолчал. Сам Уитворт объяснял эту снисходительность желанием Петра I, чтобы Англия взяла на себя посредничество между Россией и Швецией и содействовала заключению почетного для России мира[97].

Посмотрим теперь, как в Лондоне обращались с русским послом. В конце 1706 г. Петр послал туда посланника в Гааге А.А. Матвеева. Он должен был объяснить, как выгодно будет для англичан, когда Россия получит удобные пристани в Балтийском море: «Русские товары будут безопасно, скоро, несколько раз в год перевозиться в Англию, не так, как теперь из Архангельска: русские товары станут дешевле, потому что балтийские гавани близко от Москвы и от других значительнейших городов и водяной путь к ним удобный»*. Мало того. Так как Петр уже знал, что для английского правительства нужны еще другие аргументы, то он через Матвеева предложил вступление в «Grande Alliance» против Людовика XIV. Кроме того, Матвееву – новое доказательство «европеизации» русской дипломатии – поручено было нащупать почву, можно ли подкупить кого-нибудь из английских министров, в особенности же – Мальборо**. Петр согласен был в крайнем случае уступить все свои завоевания в Прибалтийской области, даже Нарву, он не соглашался только отдать Петербург: «Об отдаче оного ниже в мыслях иметь»[98].

Но английские министры водили Матвеева за нос и кормили его «словами гладкими и бесплодными»[99]. Прошло несколько месяцев. С приездом Мальборо дело изменилось. Петр уже соглашался предоставить ему одно из русских княжеств на выбор: Киевское, Владимирское или Сибирское, и обеспечить ему пожизненный доход в 50 000 ефимков.

Прижатые наконец к стенке, английские министры заявили Матвееву, что не могут предложить своего посредничества. Профессор Мартенс, которому замыслы «коварного Альбиона» хорошо известны, объясняет это поведение тем, что «английское правительство не желало допустить мысли, чтобы Россия сделалась прибалтийской державой»[100]. Но Мальборо и Годольфин, по словам Матвеева, заявили ему: «Можно ли из-за одних торговых выгод с Москвою раздражать шведского короля при нынешней ее силе и во время войны с Францией»[101].

Эти переговоры происходили как раз в то время, когда Карл XII находился в апогее своего могущества, когда он только что заключил мир в Альтранштадте, когда он стал «арбитром Европы» и собирался, как новый Густав-Адольф, под предлогом покровительства протестантам, напасть на империю Габсбургов, – когда Франция, с одной стороны, и «Grande Alliance» – с другой, напрягали все усилия, чтобы привлечь на свою сторону Карла XII. И Мальборо только что вернулся в Лондон после своего путешествия в лагерь Карла XII, где ему и императору с большим трудом удалось утихомирить шведского короля. Чтобы отнять у него всякий предлог ко вмешательству в дела империи, перед ним обязались дать полное удовлетворение силезским протестантам. Предлагать Карлу XII посредничество при заключении мира с Россией, даже на тех выгодных условиях, на которые соглашался Петр, как раз в тот момент, когда Карл XII, сокрушив датского короля

---

* *Соловьев.* История России, Т. XV, с. 195.

** Петр уже слыхал о высоких требованиях знаменитого полководца и прибавляет собственноручно: «Не чаю, чтобы Малбурка до сего склонить, понеже чрез меру богат, однако обещать тысяч около двухсот или более». *Соловьев.* Там же. С. 195.

[Фредерика IV. – *Ред.*] и Августа, собирался преподать Петру второй нарвский урок, – требовать этого могли только наивные «азиаты», которые забывали, что Англия имеет еще и другие торговые интересы, кроме российских.

Матвеев особенно негодовал на Русскую компанию. «Много я потерял труда, ходя за теми мужиками, английскими купцами, но они, кроме одного Стельса (Stales), не только не оказали мне никакой помощи, даже и ответа не дали[102]. Но негодование его достигло своего апогея, когда во время сборов к отъезду, 21 июля 1708 г., шериф предписал задержать его за долг в 50 ф. ст. и когда полицейские служители, избив его самым беспощадным образом, отвезли его в долговую тюрьму, откуда он был освобожден только благодаря поручительству купца Стельса.

Что же удивительного, что наш бедный «азиат», получив такой урок тонкого европейского обращения, был в восторге, когда 30 июля 1708 г. покинул, наконец, Лондон и избавился от необходимости иметь дело с этим «христоненавистным народом и канальского злочестия исполненным»*.

Несмотря на свое пренебрежение к России, даже английское правительство всполошилось. Но оно быстро успокоилось, когда Уитворт ответил из Петербурга, что «к вопросам чести здесь относятся не очень строго», что «москвитяне опасны только тем, кто их боится, и лучшее средство образумить русских – не уступать им»[103].

9 октября 1708 г. Левенгаупт был разбит при Лесном, а 27 июня (8 июля) 1709 г. Карл XII был разбит при Полтаве. «В отчете, который Петр послал своим людям о сражении, он прибавляет в постскриптуме: этим положен краеугольный камень для Петербурга. И действительно, это был краеугольный камень для всего здания его государства и политики. С тех пор, – прибавляет Ранке, – Россия начала диктовать законы на севере»**.

Положение дел сразу изменилось. Когда Петр совершил свой триумфальный въезд в Москву, то в самых льстивых выражениях его поздравлял тот же Уитворт. Вспоминая английские традиции XVI века, он приветствовал Петра титулом «императора» и доставил ему этим такое большое удовольствие, что, несмотря на все свои подвиги в России, получил в подарок портрет Петра, усыпанный алмазами. Из Савла, поведение которого могло бы удовлетворить даже Давида Уркарта, он превратился в Павла***.

5 февраля 1710 г. Уитворт извинился от имени королевы Анны за оскорбление, нанесенное Матвееву, и, преподнесши экземпляр только что проведенного через парламент акта о преимуществах членов дипломатического корпуса при сент-джеймсском дворе, разъяснил Петру, что нет никакой возможности казнить всех оскорбителей Матвеева. Убедившись, что «за оскудением прежних прав государственных»[105] Анна не может расправляться со своими подданными, как он с непокорными стрельцами, Петр решил удовлетвориться этим извинением. Профессор Мартенс, который еще через 200 лет пылает негодованием на «коварный Альбион», объясняет эту уступчивость тем, что «великий преобразователь не

* Инцидент этот подробно рассказан у *Соловьева*. История России. Т. XV, с. 318–319.

** *Ranke*. Die grossen Mächte. См. «Werke». Band XXIV, p. 18.

*** Этому Уитворту, тогда одному из наиболее выдающихся дипломатов, принадлежит и книга о России в 1710 г., в которой он с большой проницательностью объясняет победы русских «пассивной храбростью» и выносливостью русских крестьян[104].

считал возможным пожертвовать высшими политическими интересами России справедливому чувству негодования, вызванному лондонской историей с Матвеевым»[106]. Петр все еще не терял надежды добиться посредничества Англии при заключении мира со Швецией: 9 (20) августа подписано было соглашение между Англией и Россией, в силу которого «его царское величество ко удовольствию [удобству. – *Ред.*] морского купечества за благо и полезно изобрели во всем своем государстве буевые, маячные, вожевые и якорные деньги с великобританским народом в равном учредить состоянии»*.

Произвела ли полтавская победа на английских министров то же впечатление, как на Уитворта? Успел ли уже новый факт военного превосходства России над Швецией войти в их сознание? Нет. И в этом мнении их укреплял сам Петр, который настойчивым требованием изгнать Карла XII из пределов Турции навлек на себя новую войну. Только к концу 1711 г. он выпутался из беды, пожертвовав Азовом и Таганрогом и отдав на съедение туркам славян, восставших в расчете на помощь Петра.

В этом эпизоде Северной войны мы в первый раз встречаем характерные черты новой завоевательной политики России или ее постоянную «ошибку», в которой обвиняют ее русские патриоты, – неумение сосредоточиться на одной задаче и стремление осложнять решение одного вопроса поднятием другого или, выражаясь менее эвфемистически, ее неумеренные аппетиты. В течение всего XVIII и XIX века восточный вопрос перепутывается со шведским и польским вопросами и, к великому негодованию русских реальных политиков, мешает поступательному движению России на Запад, заставляя ее каждый раз делать ненужные уступки то «хитрой и конкерантной» Пруссии, то неизменно «неблагодарной» Австрии.

Но в этом эпизоде мы встречаем еще другое, не менее любопытное явление. Если ненавистная Марксу Русская компания, несмотря на все ее русофильство, не могла помочь заключению союза с Россией, то ее конкурентка, Турецкая компания, несмотря на то что главное ее внимание было устремлено на борьбу с французским влиянием в Константинополе, уже очень рано забила в набат против России, гораздо раньше, чем это сделали авторы открытых Марксом памфлетов.

Мы уже видели, как третировали Россию на карловицком конгрессе. Оставшийся недовольным, Петр заключил с турками только перемирие, условия которого должны были быть окончательно обсуждены в Константинополе. Русский посол Украинцев явился с такой же помпой, как 150 лет спустя Меншиков. Но произвел он несравненно более сильное впечатление: он явился на первом русском военном фрегате и салютовал султану залпом из сорока пушек. Турки были поражены этим явлением не меньше, чем члены Турецкой компании.

Если в XVII веке дипломатические сношения между Россией и Англией в большинстве случаев велись через посредство членов Русской компании, то уже с XVIII века это явление исчезает, хотя частые жалобы английских посланников на неполучение жалованья показывают, в какой материальной зависимости находились они от английских купцов в России, т. е. от той же Русской компании. В Турции дело обстояло еще проще. Вплоть до 1803 г. английский дипломатиче-

* У Мартенса это соглашение приводится в тогдашнем немецком переводе. Т. IX, с. 21–23.

ский корпус состоял на жалованье у турецкой компании. Первыми английскими посланниками в Турции были члены этой компании. И если до XVIII века главным конкурентом в левантской торговле были французы, то с начала этого века Турецкая компания начинает свою антирусскую компанию. Ее влияние уже было заметно на карловицком конгрессе. В. Миллер, автор очень интересной статьи о «Европе и Оттоманской империи до XIX ст.», ошибается, думая, что впервые это антирусское влияние проявилось только в 1711 г. во время похода Петра в Турцию.

«Достойно замечания, – говорит он, – что в этом случае влияние Англии было в первый раз употреблено против России. Со времени образования русского флота английская Levant Company, которая в начале XVIII столетия держала всю торговлю Ближнего Востока в своих руках, была обеспокоена конкуренцией русских купцов, и английский посланник в Константинополе, противясь возвращению русского посла в Константинополь, указал Порте на всю опасность политической и религиозной пропаганды русских агентов среди христианских подданных султана»*.

Подробности относятся к истории восточного вопроса, но мы не можем не указать тут, что именно в этом обстоятельстве мы можем найти ключ к объяснению политики «коварного Альбиона» на Ближнем Востоке в XVIII столетии и того самостоятельного положения, которое занимали английские посланники в Константинополе. Они часто ставили сент-джеймсский кабинет перед совершившимися фактами и если не в состоянии были всегда – так же мало, как Русская компания – проводить свою то антирусскую, то антифранцузскую политику, то все же составляли крупный фактор во внешней политике Англии и немало способствовали усилению в ней противоречий по мере осложнения торговых интересов Англии.

Выпутавшись с большим трудом из турецкой войны, Петр с такой же стремительностью, с которой он полез на Прут, бросается на запад. Война за испанское наследство еще не была кончена. Чтобы обезопасить себя от новых осложнений на севере, Англия, Голландия и Германская империя еще 10 марта 1710 г. выступили с декларацией, направленной против Петра, относительно сохранения нейтралитета во всех землях Германской империи, следовательно, и в Померании. Оправдываясь тем, что ему необходимо сделать диверсию против шведов, Петр вступил в Померанию.

17 апреля 1711 г. умер император Иосиф I, и на престол должен был вступить Карл [Карл VI. – *Ред.*], претендент на испанский трон. Тори, которые одержали победу над вигами, воспользовались этим обстоятельством, чтобы заключить с Францией мир 8 октября 1711 г.

В начале 1714 г. война за испанское наследство закончилась. Теперь Англия была свободна.

Но если Маркс безусловно ошибается в своей оценке английской политики до 1714 г., то, может быть, он прав для периода 1714 г.? Правда, Петр уже укрепился на Балтийском море, он захватил Финляндию, он расположился уже в Германии; правда, Карл [Карл XII. – *Ред.*], с непонятным для современников упорством, торчал в Турции, но все же, если бы Англия послушалась голосов, предупреждавших ее о но-

* «English Historical Review». 1901, July, p. 456.

вой «русской опасности», и помогла Швеции, как ее обязывал оборонительный союз 1700 г., то Россия была бы отброшена в глубину Азии.

Что же мы видим? Как раз в 1715 г. Англия вступает в союз с Россией и начинает вновь войну со Швецией. Вот что рассказывает Маркс об этом:

«В 1715 г. был заключен Северный союз между Россией, Данией, Польшей, Пруссией и Ганновером для раздела не собственно Швеции, а Шведской империи. Этот раздел является первым крупным подвигом новой дипломатии и логической предпосылкой раздела Польши. Договоры раздела, касавшиеся Испании, привлекали внимание потомства, так как они являлись предвестником войны за испанское наследство, а раздел Польши произвел еще большее впечатление, потому что его последний акт разыгрывался на арене новейшей истории. Не подлежит, однако, сомнению, что введением к современной эре международной политики послужил раздел Шведской империи. Договор о разделе 1715 г. не заботился даже о приискании приличного повода: решено было просто использовать затруднительное положение намеченной жертвы. Впервые в Европе нарушение всех договоров, в целях установления общих основ нового договора, было не только выполнено, но и провозглашено совершенно открыто. И во главе этого заговора поставлена была сама Польша, шедшая на буксире у России, представленная таким образцом пошлости, как Август II, одновременно курфюрст саксонский и король польский. Он подписал свой собственный смертный приговор и не воспользовался даже той привилегией, которую Полифем обещал Одиссею – быть последним обреченным на сожрание... Участие в этом договоре раздела втянуло Англию в орбиту России, к которой она со времени "славной революции" тяготела все больше и больше. Георг I как английский король был связан со Швецией оборонительным союзом 1700 г., но как ганноверский курфюрст он объявил Швеции войну, которую он вел как английский король»*.

Мы не будем останавливаться на всех ошибках Маркса в этом изложении, на безусловно неверной оценке этих событий, на противоречиях с его же статьями о шлезвиг-гольштейнском вопросе. Основная ошибка его состоит в том же самом, в чем состояла и основная ошибка Петра, который негодовал на Англию за то, что она, вопреки союзу его с Георгом I, отказывается помогать ему в борьбе со Швецией. Заключив с Георгом I в качестве курфюрста брауншвейг-люнебургского (en qualité d'Electeur de Brunswick-Luneburg) союз против Швеции, который в сущности являлся возобновлением союза, заключенного с Ганновером еще в 1710 г., Петр был убежден, что наконец он добился союза с Англией.

Мы присутствуем при одном из самых любопытных эпизодов всемирной истории: целый ряд «самодержавных» государей заключает с маленьким немецким князьком союз в полной уверенности, что он и в Великобритании может распоряжаться так, как он распоряжался в Люнебургской степи. Сам Георг I, которому на старости лет свалился такой лакомый кусок, как великобританский трон, очень плохо верит, что ему придется долго держаться на этом троне, и вместе со своими верными ганноверцами старается изо всех сил поскорее нагреть себе руки и обеспечить себе несколько новых приобретений в Германии, в особенности же Бремен и Верден. Это – единственная цель, которую он преследует с упорством зажиточного крестьянина, желающего приобрести лишний клочок земли. В борь-

* «Secret Diplomatic History», p. 25[107].

бе партий, происходящей в Англии, он разбирается так же плохо, как его другие самодержавные коллеги. Он знает только, что есть претендент, который хочет у него отнять великобританский трон, что есть в Англии партия, помогающая этому претенденту, что он должен держать сторону другой партии, и искренно удивляется, когда последняя партия не может оказать ему такую маленькую услугу, как посылка десятка-двух фрегатов в Балтийское море против шведов.

Английские министры, чувствуя за своей спиной оппозицию тори и в то же время убежденные в необходимости сохранения ганноверской династии, т. е. всего того, что дала «Glorious Revolution», метались между Георгом, которому они должны были делать некоторые поблажки, и парламентом, для которого они должны были подыскивать приличные предлоги, чтобы прикрыть конституционным флером свои уступки ганноверским министрам.

Во все время Северной войны Англия ни разу не объявляла войны ни Швеции, ни России. Напротив, официально она соблюдала нейтралитет. Но вел ли Георг войну со Швецией, как это было до 1719 г., или вступал с ней в союз против России, – он неизменно раздражал своих союзников, потому что он никогда не мог выполнить взятых на себя обязательств. Трудно сказать, когда он больше повредил Швеции: когда был ее врагом или союзником.

Начиная с 1715 г. на Балтийском море крейсирует английский флот. Но Георг I, курфюрст ганноверский, может отдавать приказания английскому адмиралу только как великобританский король, а Великобритания не воюет ни со Швецией, ни с Россией. Когда Георг еще не успел поссориться с Петром, он мог ему доставить удовольствие, и в один прекрасный день Петр командовал флотом во время маневров, в которых вместе с датским флотом участвовали английский и голландский флоты. Но, проводив английские торговые корабли в балтийские гавани, английский адмирал должен опять вернуться в Лондон, и только, явно нарушая свои официальные инструкции, может тайком оставить несколько фрегатов Георгу в его качестве курфюрста ганноверского.

Петр скоро понял, что Георг как великобританский король ему совершенно бесполезен, и, когда он занес свою лапу на Мекленбург, он даже был удивлен, что Георг, спокойно наблюдавший, как он свирепствовал на других германских территориях, вдруг запротестовал. Недавние друзья так перессорились, что Георг замышлял захватить Петра. Экспедиция в Сконе кончилась неудачей еще в периоде подготовления. Союзники не доверяли друг другу. Датчане подозревали Петра, – и не без основания, – что он намерен упрочиться в Дании и захватить Зунд. Петр, ссылаясь на то, что его союзники не выполняют принятых на себя обязательств, и сам не торопился исполнять их. И только с большим трудом удалось его выжить из Дании.

А в это время Карл XII или, вернее, его советники Герц и Юлленборг, посланники в Лондоне, решили избавиться от непрошенного вмешательства Георга ганноверского в качестве короля великобританского. Опора протестантизма в Германии, Карл XII, через посредство своих советников, вступает в переговоры с якобитами и испанским министром Альберони, чтобы свергнуть Георга I с престола. Мало того. Решив использовать озлобление Петра против Георга, шведы вступают в переговоры с ним, в то время как русский посол в Гааге Куракин завязывает сношения с Альберони.

Эта сложная игра лопнула, когда в начале 1717 г. в Лондоне был арестован шведский посланник Юлленборг и одновременно с ним несколько тори. Англий-

ское правительство поспешило опубликовать переписку Юлленборга, в которой, между прочим, найдены были письма лейб-медика Петра Арескина.

Но переписка Юлленборга разоблачила и другие секреты, будущий главарь шведских «шляп», кроме дипломатических талантов, обладал прекрасным пером. В нескольких памфлетах, которые выходили одновременно на французском и английском языках, этот дипломатический Жиль Блаз[108], замышлявший одной рукой восстановить Стюартов в Англии, другой – красноречиво доказывал англичанам, что они должны, протестантизма ради, поддерживать Карла XII и что они должны положить, ради своих торговых интересов, конец поступательному движению русских и помочь шведам вернуть их потерянные владения.

Эти памфлеты начали появляться с 1715 г. со времени возвращения Карла XII из Турции и начала деятельности Гёрца. Кроме первых двух памфлетов, напечатанных Марксом, имеются еще и другие, достоверно принадлежащие Юлленборгу. Аргументация последних до того сходится с аргументацией памфлетов «Northern Crisis» и «Defensive Treaty», что трудно отказаться от предположения, что последние тоже вышли из-под пера Юлленборга или его помощников.

Все эти памфлеты вращаются вокруг одного вопроса. Английские и голландские купцы поспешили завязать торговлю с Петербургом и Нарвой. Чтобы помешать этому, Карл XII объявил эти порты под блокадой и начал перехватывать английские и голландские корабли. Положение еще больше обострилось, когда Петр издал указ, которым все товары, направлявшиеся к Архангельску, должны были быть вывозимы из Петербурга.

Понятно, что ни английские, ни голландские купцы не имели никакого желания ждать, пока Карл XII снова завоюет свои старые владения. И вот памфлеты стараются им доказать, что они не имеют права делать это, что интересы протестантизма выше интересов нескольких купцов, что в этом вопросе не может быть различия между честными тори и честными вигами. Все это сопровождается постоянным припевом о возрастающем могуществе России*.

Но кто же были те английские купцы, которые поднимали этот крик? У Маркса – готовый ответ: Русская компания. Но до того как Петр закрыл Архангельск, сильнее всего страдала от шведских каперов Eastland Company, которую часто смешивают с Русской. Последняя, наоборот, первое время выигрывала, и выигрывала вдвойне. Она пользовалась монополией вывоза из России тех товаров, в которых Англия тогда особенно нуждалась. Некоторые из них вывозились из Швеции, но с развитием шведского флота вывоз этих материалов, необходимых для кораблестроения, обставлен был значительными трудностями. В Швеции организовалась компания, которая получила монополию на сбыт дегтя (Tar Company of Sweden) и других кораблестроительных материалов. Уже в 1703 г. английский парламент должен был установить премии за вывоз этих материалов из американских колоний, но пока это мало помогало. И, как указывал один из памфлетов, пугавших англичан чрезмерным могуществом Петра, «царь бесспорно является безусловным хозяином трех четвертей дегтя всего мира, всей конопли, лучших мачт и всех товаров, которые обычно получаются с Севера». («Il est incontestablement le maître

* Все эти памфлеты опубликованы в собрании *de Lamberty*. «Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle». Vol. IX. Amsterdam, 1735. В том числе «Lettre d'une personne de distinction de Rotterdam à Amsterdam», «Lettre d'un ami à Dantzick» и т. д.

absolu des trois quarts des houdrons de tout l'univers, de tout le chanvre, des meilleurs mâts et de toutes les marchandises qu'on avait coutume de tirer du Nord»*.)

Что Русская компания не могла быть особенно довольной завоеваниями Петра на Балтийском море, – по крайней мере, на первое время, – видно из следующего аргумента: «Вы ведь сами признаете, что если царю удастся сохранить за собой хоть один порт на Балтийском море, то архангельская торговля сама собой пропадет в ущерб тысячам наших соотечественников»**. Этим объясняется холодность, которую встретил со стороны членов компании Матвеев.

Но с 1715 г. конкуренты соединились и вместе с голландцами яро отстаивали «свободу торговли» с Петербургом и с Нарвой. А когда памфлетисты говорили голландцам, что «вы сами готовы были бы топтать эту свободу торговли, как вы топтали крест в Японии»***, то они отвечали спокойно, что «не важно, кому принадлежат восточные области Балтийского моря: царю или Швеции»****.

Маркс сам признает, что балтийская торговля в это время приобрела особое значение не по своим размерам, а по своему характеру. Это было время, когда в кораблестроении происходила революция, аналогичная той, которая ознаменовала собой первую половину XIX столетия. Весельное судоходство умирало. Галеры становились таким же анахронизмом, как теперь парусные суда. Английские, голландские и французские верфи соперничали в постройке больших парусных кораблей, – двух-, трех- и четырехпалубных. Ост-индские фрегаты – «Great Eastern» того времени – все чаще спускались с верфей. Для выделки парусов и канатов требовалось огромное количество льна и конопли. На обыкновенное судно требовалось для парусов до 10 000 ярдов полотна в 24 дюйма шириною. Ирландия насильственно превращалась в страну, производящую парусное полотно (sailcloth). Через Гамбург из Германии вывозился опять-таки холст. И в таких же огромных количествах потребовались поташ, деготь и смола (в поташе вываривались паруса), вывозился мачтовый лес и т. д. Одним словом, для промышленности и торговли Англии эти naval stores (кораблестроительные материалы) имели такое же значение, как хлопок в XIX столетии. Прекращение подвоза этих naval stores останавливало работу на верфях*****.

«Азиат» Петр, кораблестроительный талант которого так восторженно описывает автор памфлета «Northern Crisis», понимал это так же прекрасно, как он понял наконец, что, возбуждая общественное мнение против ганноверского короля, он лучше всего может воздействовать на парламент. Он усвоил себе уроки Гёрца и Юлленборга. И это научились понимать даже такие истинно-московские дипломаты, как Куракин.

---

* *Lamberty*. Mémoires d'une personne intéressée et sensible au commerce de la mer Baltique. Vol. IX, p. 663.

** *Lamberty*. Ibid., p. 225.

*** *Lamberty*. Ibid., p. 232.

**** *Lamberty*. IX, p. 242.

***** «Если балтийские корабли, – писал Тауншенд в 1715 г., – не прибудут, то недостаток в кораблестроительных материалах будет так велик, что его величество не было бы в состоянии к следующей весне снарядить флот». Цитировано у: *Chance J.* England and Sweden in the time of William III and Anne // English Historical Review. 1901, Oktober, p. 684.

Когда в 1718 г. Карл XII был убит пулей не то датчанина, не то наемников шведской олигархии и всякая опасность нашествия со стороны Швеции исчезла, когда Георг I поспешил заключить союз со Швецией, Куракин писал из Лондона: «Пусть с их стороны начнутся неприятельские действия, чтобы можно было парламенту и народу показать справедливость России и неправоту короля и министерства. Нам надобно сблизиться с главами партии тори и через них препятствовать в парламенте проведению предложений от двора; побуждать английское купечество, заинтересованное в русской торговле, *делать свои представления в форме писем от одного друга к другому, безыменно печатать в Англии для народного ведения о том, какие дальние виды имеет министерство к предосуждению английской свободы, какой вред произойдет для балтийской торговли и т. д.*»[109].

Петр I и его министры в роли защитников английской свободы! Но, рабски копируя приемы своих шведских учителей, азиаты превзошли их своей практичностью: 28 июня 1719 г. Петр опубликовал одну декларацию, адресованную всем дворам, но предназначавшуюся главным образом для Англии и Голландии, в которой он гарантировал «свободу торговли»[110], а другую – специально к английскому купечеству, торгующему в пределах Российского государства. Во второй декларации, между прочим, писалось:

«Того ради указал его царское величество аглицким купцам, пребывающим ныне в Российском государстве, всемилостиво объявить, что хотя его царскому величеству чувственно (хотя он огорчен) о вышеупомянутом короне швецкой против его царского величества споможении, однакож ту причину народу аглицкому его царское величество причитать не изволит, но токмо гановерцам и их партии. Того ради всех купцов народу аглицкого, пребывающих в Российском государстве, изволяет по-прежнему содержать в милостивом призрении и вольной коммерции, и чтобы оные помянутые аглицкого народа купцы за вышеупомянутые для гановерского интереса интриги никакого себе в Российском государстве озлобления не опасались»[111].

Несмотря на это, отношения между Россией и Англией с каждым днем обострялись. В 1719 г. сторону Швеции принял не только Ганновер, но и Англия. Упорно отказываясь от посредничества между Россией и Швецией в первую половину Северной войны, она теперь также упорно предлагала свое посредничество в пользу Швеции и подкрепляла свои предложения посылкой эскадры под начальством Норриса, так как Англия все-таки не объявила войны России, то присутствие этого «честного маклера» не принесло никакой пользы. Русские войска в виду английского флота высадились в Швеции и свирепствовали там не меньше, чем в Померании.

Надо помнить, что, хотя отношения между Англией и Россией дошли до того, что 23 ноября 1720 г. русскому посланнику предложено было в восемь дней выехать из Лондона, войны все-таки не было объявлено. В открытой вражде с Петром находился не Георг великобританский, а Георг ганноверский. Несмотря на все внешнее сходство операций английского флота в Балтийском море с операциями того же флота во время Крымской войны, эта война уже потому не могла быть только показной войной против России, что официально не было войны. С такой показной войной против России, причины которой лежали не в русофильстве английских государственных людей, как думал Маркс, а в противоречивости торговых интересов Великобритании, впутывавших ее временами в войну с Россией, но заставлявших ее щадить своего главного поставщика сырья и охранять интересы балтийской торговли, мы впервые встречаемся только в эпоху Семилетней войны.

Но Георг ганноверский, в качестве великобританского короля, и Георг великобританский, в качестве ганноверского курфюрста, вводил в обман не только Маркса, не только автора перепечатанного им третьего памфлета, имеющего очевидное ганноверское происхождение: он до сих пор еще продолжает путать историков этого периода. Там, где Маркс видел русофильство, антиганноверская оппозиция в Англии видела угодничество перед Ганновером. Современные историки употребляют огромные усилия, чтобы разъяснить всю эту путаницу: одни видят в ней подчинение интересам Ганновера, другие объясняют ее глубокими макиавеллистическими соображениями английских министров, стремившихся установить политическое равновесие на Севере, а третьи – в особенности английский историк Chance [Ченс. – *Ред.*] – стараются доказать, что Англия была солидарна с Ганновером только тогда, когда этого требовали ее торговые интересы. Но все они с одинаковым трудом отделяют Англию от Ганновера и часто забывают, что Георг был поваром в Англии и кучером в Ганновере, что Англия в течение всей Северной войны не воевала ни со Швецией, ни с Россией.

Но мы забыли, как и Маркс, еще одного персонажа, который играл если не возвышенную роль, то очень выгодную во всей этой путанице. Это – немецкий Иван Калита, как его называет один русский историк, Фридрих-Вильгельм I. Высшие государственные соображения должны были, конечно, заставить его принять участие в разделе Швеции. «Королю было выгодно находиться в союзе с наиболее могущественным, умным и деятельным государем севера»*.

Гарантируя Петру его завоевания, он получил гарантию на Штеттин. Большой германский патриот, который клялся не успокоиться, пока останется хоть один швед на германской почве, он спокойно относился к хозяйничанью Петра в Мекленбурге. «Фридрих-Вильгельм, – говорит Ранке, – был в этом вопросе гораздо менее решителен, чем Дания и Ганновер».

Конкуренция последнего была ему более страшна, чем реквизиции русских. Дружба Петра давала больше. Но он попал в трагическое положение, когда Георг поссорился с Петром. За Георгом ганноверским стоял Георг великобританский. Война между Россией и Англией казалась неизбежной: «Находясь под сильным принуждением как восточной, так и западной силы, с одной стороны, собираясь окончательно захватить большую территорию, а с другой, – опасаясь отказаться от союза с Россией, Фридрих-Вильгельм пришел в такое возбуждение, что в результате всех этих колебаний, бросавших его из одной крайности в другую, слег в постель»**.

Но страх перед союзом Георга I, короля великобританского, в качестве курфюрста ганноверского, со Швецией превозмог страх перед Петром. 17 августа 1719 г. Фридрих-Вильгельм заключил союз с Ганновером и с Англией. На векселе, который он имел на Штеттин, теперь, кроме бланка Петра, стоял еще бланк Англии.

В 1720 г. даже для Швеции стали ясно, что Георг может предоставить в ее распоряжение только свои ганноверские войска, т. е. нуль. Согласившись, по его предложению, удовлетворить Данию и Пруссию, чтобы изолировать Петра,

---

* *Ranke L.* Zwölf Bücher preussischer Geschichte. Leipzig, 1874. P. 12.

** Ibid., p. 27.

удовлетворив самого Георга, Швеция, совершенно обессилевшая, осталась один на один с Россией: потеряв всякую надежду на посредничество Англии, которая тогда поглощена была крахом Южно-Океанской компании, она должна была заключить мир с Петром на более тяжелых условиях, чем она его заключила бы прежде.

С английскими государственными деятелями Петр рассорился настолько, что дипломатические сношения между Англией и Россией возобновились только долго спустя после его смерти. Та самая Англия, которая еще в грамоте Ченслера назвала первая русского царя «императором всея России», которая, устами Уитворта, приветствовала его сейчас же после Полтавы «императором», признала за Россией императорский титул только в 1742 г.

Но, несмотря на все свое озлобление против английских государственных деятелей, Петр не трогал английской торговли. Это значило повредить экспорту, следовательно, фиску. Но он решился нанести удар британскому импорту, иными словами, суконной промышленности.

Вылечившись от своей лихорадки или избавившись от страха потерять Штеттин, Фридрих-Вильгельм опять помирился с Петром. «В 1724 г. Пруссия получила право поставки сукна для всей русской армии. И Англия закрыла себе своим политическим соперничеством с царем русский рынок вплоть до 1730 г. и тщетно пыталась затем отвоевать его назад».

Пруссии дружба с Россией пошла впрок. И в то время как Дания, Россия, Швеция и Германия залечивали раны, нанесенные долгой войной, «Пруссия с каждым следующим годом лишь становилась сильнее и увереннее»*.

Но та же Северная война оставила Германии в наследие шлезвиг-гольштейнский вопрос, который дал России повод впервые играть роль арбитра в Германии. Если верить Бунзену, прусскому посланнику в Лондоне, то «тяжелое иго, в котором Россия держала Австрию и Пруссию до 1848 г., началось в 1717 г.».

Итак, «действительная история» показывает, что в возвышении России английские государственные люди так же мало «виноваты», как татарские ханы. Действительным виновником является европейский капитализм, который сделал из Романовых своих конквистадоров так же, как он Гогенцоллернов превратил в своих коммивояжеров.

8. Англо-русский союз в XVIII столетии

Поскольку работа Маркса была напечатана, она более или менее подробно анализирует отношения между Англией и Россией только во время Северной войны. Поскольку же речь идет о последних трех четвертях XVIII столетия, он в напечатанной части ограничивается только опубликованием писем трех английских посланников и выдержек из одного манускрипта. Но ему кажется, что эти документы вполне доказывают его главный тезис.

---

* *Droysen.* Geschichte der preussischen Politik. Band IV. Leipzig, 1869. P. 193. Для немецкого историка прямо поразительно его уменье проскальзывать через самые невозможные положения, в которые он попадает благодаря необходимости защищать весьма невозвышенную прусскую политику, и не менее поразительна неизменная готовность находить во всех его неожиданных колебаниях глубокий исторический смысл.

Мы уже видели, как, увлеченный своей основной идеей, Маркс запутался в лабиринте «тайн» и интриг международной дипломатии в начале XVIII века. Вместо анализа всего тогдашнего международного исторического положения, который ясно показывает, какое подчиненное значение имела Северная война в сравнении с борьбой за господство на Атлантическом океане, он заставляет Англию действовать в начале XVIII века так, как будто она была в союзе с Россией. «Действительная история» показывает, что и в этом отношении Маркс ошибался, как он ошибается, сваливая всю вину за русофильскую политику на вигов, ибо, если можно говорить об определенных русских симпатиях какой-нибудь английской партии в начале XVIII века, то этой партией, как мы уже видели, являлись тори.

Внешняя политика вигов продолжала определяться антагонизмом с Францией, с которой Англия сталкивается в Леванте, в Америке и в Азии. Но справляться с Францией Англия могла только в том случае, если ей удавалось найти против нее каких-нибудь союзников на континенте. Тогда она могла, пользуясь своим преобладанием на море, наносить ей удары во всех частях света. В силу этого ее отношения к другим державам продолжали определяться главным образом отношениями Франции к этим державам. Если она временно, как это было после окончания войны за испанское наследство, когда Франция должна была отказаться от всякой наступательной политики, находилась с ней в «дружественных» отношениях, то она тем самым попадала во враждебные или холодные отношения к постоянным антагонистам Франции. Таким была главным образом Австрия.

Когда Карл Фогт в своих «Этюдах о современном положении Европы» утверждал, что «с Австрией Англия никогда не могла ужиться в согласии»[112], то Маркс ему ответил:

«Действительно! Общая борьба Англии и Австрии против Людовика XIV продолжалась, с маленькими перерывами, от 1689 до 1713 г., следовательно, почти четверть века. В войне за австрийское наследство Англия около шести лет сражается вместе с Австрией против Пруссии и Франции. Только в эпоху Семилетней войны Англия соединяется с Пруссией против Австрии и Франции, но уже в 1760 г. лорд Бьют бросает на произвол судьбы Фридриха Великого, чтобы делать переменно то русскому министру Голицыну, то австрийскому министру Кауницу предложения о "разделе Пруссии"... Протестантская Англия питает антипатию к католической Австрии, либеральная Англия – к консервативной Австрии, фритредерская Англия – к протекционистской Австрии, платежеспособная Англия – к обанкротившейся Австрии. Но *патетический элемент всегда оставался чужд английской истории*»[113].

А те же самые материальные интересы, которые связывали Англию с Австрией, связывали ее с Россией. Правда, с существенной разницей, сохранявшей свое значение еще на протяжении XVIII столетия. Непосредственный антагонизм между Россией и Англией существовал только из-за Турции, и с конца XVIII столетия к нему прибавляется непосредственный антагонизм в Азии из-за Ост-Индии. Во всех же других областях Англия и Россия сталкивались лишь постольку, поскольку Россия была за Францию или против нее, за Австрию или против нее. В зависимости от этого продолжали сталкиваться или совпадать их интересы в Швеции, в Польше и даже в Турции, где непосредственный антагонизм с Россией до последней четверти XVIII столетия отступал на задний план перед таким же антагонизмом с Францией.

Мы видели также, что во внешнюю политику Англии начиная с 1714 г. вторгается новый элемент – ганноверская династия, – который вносит в нее путаницу, заставляя вигов на первых порах считаться с интересами Георгов ганноверских, не всегда совпадавшими с интересами Георгов великобританских. Этой ценой виги охраняли плоды «Glorious revolution», освобождение от гегемонии Франции. Вокруг ганноверской династии концентрировались защитники привилегий Английского банка, государственные кредиторы, которые при одном слове «Стюарт» хватались в страхе за свои карманы, влиятельные акционеры Ост-Индской компании и т. д., и т. д. И скрепя сердце они делали уступки ганноверцам, каждый раз навлекая на себя громы антиганноверской оппозиции, т. е. тори, которые не уставали доказывать, что ганноверская политика вигов наносит ущерб торговле с Россией. Несмотря на все желания вигов поменьше вмешиваться в дела континента, им приходилось считаться в известной степени с интересами Ганновера.

Если главным поводом для разрыва между Петром и Георгом послужило занятие Мекленбурга, то гарантия, которую Дания получила от Англии на владение Шлезвиг-Гольштейном, должна была служить новым яблоком раздора, пока существовала опасность нападения России на Данию в интересах герцога гольштинского; мужа одной из дочерей Петра Великого*[114]. С устранением его от наследования при Анне Иоанновне отпадает с 1731 г. одна из причин вражды между Англией и Россией. В этом же году происходит примирение между Австрией и Англией: Австрия удовлетворяет Англию по вопросу о компании в Остенде, конкуренция которой раздражала одинаково и голландскую, и английскую Ост-Индскую компании. Англия признает прагматическую санкцию. Таким образом, создается еще новый момент для сближения между Англией и Россией, связанной тогда тесным союзом с Австрией. И в 1731 г. Англия делает первый шаг к возобновлению дипломатических сношении с Россией, назначая Рондо (Rondeau) своим резидентом. «Крик» Русской компании был наконец услышан. Как пишет сам Рондо, его главной целью было «послужить орудием для оживления такой драгоценной для нас отрасли промышленности, как наши шерстяные мануфактуры, переживавшие уже несколько лет угнетенное состояние»**. Через его посредство представлена была любопытная записка Русской компании о положении торговли с Россией (7 октября 1732 г.).

«Англичане вывозят две трети всей конопли, более половины всех кож, столько же льна, свыше трех четвертей всего полотна, столько же железа, весь поташ, большую часть ревеня, рыбьего клея, щетины, воска. Зато ввоз из Англии уменьшился в два раза. До 1724 г. солдатское сукно покупалось у англичан, после 1724 г. – в Пруссии. Если пруссаков удастся лишить их монополии, то это задержит рост прусской суконной промышленности и вывоз сукон из Пруссии прекратится»***.

Этот факт – продолжающийся рост вывоза из России в Англию и уменьшение ввоза Англии в Россию от 1716 г. до 1730 г. – известен Марксу. Для него он служит

* Одновременно с поддержкой притязаний герцога гольштинского на Шлезвиг-Гольштейн Россия поддерживала его кандидатуру на шведский престол. Новая причина для конфликта в Швеции, где тогда русской партии противостояла англо-французская.

** «Сборник Русск. ист. общ.». Т. 66, с. 176–177.

*** Там же, с. 518.

новым доказательством нелепости английских министров, променявших в угоду России более выгодную торговлю со Швецией на менее выгодную с Россией.

Но мы уже видели, что если ввоз имел особенное значение для английской суконной промышленности, то вывоз из России имел первостепенное значение для английского судостроения, т. е. для той промышленности, развитие которой для Англии являлось conditio sine qua non [непременным условием (*лат.*). – *Ред.*] ее торговой супрематии.

Англия и Россия находились от 1719 до 1731 г. в самых враждебных отношениях между собой, но так же мало, как Англия могла отказаться от вывоза из России, так последняя могла отказаться от ввоза в Англию. Для России это было не только экономической, но и финансовой невозможностью, так как это было бы равносильно отказу от таможенных доходов, составлявшихся главным образом из вывозных пошлин*. От разрыва страдала только английская мануфактурная промышленность и выигрывала русская. Если еще прибавить, что строго протекционный тариф, установленный Петром в 1724 г., был заменен в 1731 г. либеральным тарифом, то мы поймем, какой гвалт должны были поднять в Англии противники ганноверской политики вигов. Это значило бы для них окончательно потерять русский рынок в пользу своих конкурентов.

В 1734 г. между Россией и Англией был заключен торговый договор, который предоставил Англии права наиболее благоприятствуемой державы, полученные Пруссией еще по договору 1726 г. И уже очень скоро Рондо мог с торжеством известить английских министров, что ему удалось склонить русское правительство заказать у английских купцов 40 000 ярдов солдатского сукна, «что очень огорчило пруссаков»[115].

Но торговое сближение далеко еще не означало политического. Повторилась старая история. Видя, как англичане настойчиво добиваются торгового трактата, русские дипломаты решили воспользоваться этим случаем, чтобы заключить с Англией союзный договор. Но, несмотря на всю их назойливость, сент-джеймсский кабинет упорно отказывался. Союз с Россией пока требовал бы только жертв, тогда как торговый договор приносил только выгоды.

В политическом отношении Россия все еще оставалась второстепенной державой, которая многого не могла дать. После смерти Петра она была целиком поглощена борьбой между сторонниками реформ Петра и их противниками и если играла какую-нибудь роль во внешней политике, то лишь как союзник Австрии.

Положение изменилось только после войны за испанское наследство и тесно связанной с ней новой войны с Турцией, начавшейся в 1735 г. Неожиданные успехи русских войск под предводительством Миниха и Ласи производили тем более сильное впечатление, что рядом с ними австрийские войска терпели одно поражение за другим**. Хотя, в конце концов, когда Австрия, не предупредив свою союзницу, заключила с Турцией сепаратный мир, Россия должна была отказаться

---

* Поэтому в 1736 г., когда Англия для защиты Дании послала свой флот в Балтийское море, русское правительство опять опубликовало декларацию, успокаивавшую английских купцов.

** Именно к этому времени относится письмо Рондо, напечатанное Марксом. Теперь оно помещено в «Сборнике Русского истор. общ.». Т. 80, с. 13–19[116].

от большей части своих завоеваний, ее военный престиж все же поднялся в очень сильной степени.

С предложением посредничества Англия обратилась, когда начатая главным образом по инициативе Остермана война обещала полное торжество над Турцией. И оно было тем более подозрительно, что исходило от английского посланника в Константинополе, Фаукенера. Наоборот, когда Турция оправилась после первых поражений, то Англия очень неохотно откликнулась на предложение России о посредничестве, и мир был заключен при посредничестве Франции.

Именно к этому времени, к началу сороковых годов, Россия впервые становится равноправным членом европейского концерта.

Началась война за австрийское наследство (1741). Австрия, которая вышла из последней войны с Турцией ослабевшей и униженной, имела теперь в самой Германии опасного соперника в лице Пруссии. Влияние Франции господствовало в Швеции, Польше, Турции и западной Германии. Союз с Россией приобретал при таких условиях большое значение. «И понятно, что теперь Петербург или Москва, смотря по тому, где находится императорский двор, становятся средоточием европейской дипломатической деятельности, – ареною, где министры различных европейских дворов борются друг с другом, кто осилит, кто склонит русское правительство помочь Марии Терезии и тем поддержать европейское равновесие»*.

И в первый раз за два столетия с просьбой о союзе обращается не Россия к Англии, а, наоборот, Англия к России. Только тогда в инструкциях английским послам в Петербурге начинают все чаще слышаться речи о том, что Россия и Англия являются естественными союзниками. «Его величество король [Георг II. – *Ред.*], – говорит Картерет русскому посланнику в Лондоне, – ничего так не желает, как дружбы с ее императорским величеством (Елизаветой), мы довольно знаем силу России в делах европейских. Многие ищут дружбы вашего двора, но никакой союз не будет так согласен с интересами России, как союз ее с морскими державами, который и Петр Великий старался содержать для сохранения европейского равновесия (что ему это не всегда удавалось, Картерет умалчивал). Надеюсь, что и ее величество не оставит этих великих правил. Ни из какого государства не приходит к вам столько пустых кораблей для нагрузки вашими товарами, как из Англии; из других земель могут приходить к вам корабли с вином и другими пустяками, но такая торговля столько чистых денег у вас не оставит, как наша»[117].

В 1742 г. заключен был первый оборонительный союз между Англией и Россией. Но если Англия в нем отказалась принять за casus foederis [случай союза (*лат.*). – *Ред.*][118] войну России с Турцией, то Россия признавала таким только войну в *пределах Европы*. Именно на этот пункт направлялись главные нападки оппозиции в Англии, доказывавшей, что он имеет значение только для Георга ганноверского. В 1747 г. между Англией и Россией была заключена еще конвенция, в силу которой Россия должна была отправить на Рейн корпус в 30 000 человек. Это были первые русские солдаты, появившиеся в сердце Германии.

Даже Семилетняя война не в состоянии была разорвать этот союз, несмотря на вестминстерский договор (16 января 1756 г.) с Англией, которым последняя обязалась всякую вооруженную чужеземную силу, которая вступит на немецкую почву, изгнать вооруженной рукой. Англия ограничивалась только тем, что она

* *Соловьев.* История России. Т. XXI, с. 201.

платила Фридриху субсидию, и оставила его на произвол судьбы, как только убедилась в бессилии Франции. России она не трогала. Английский посол Кейт оставался все время в Петербурге и употреблял все усилия, чтобы рассорить Францию с Австрией и Россией. Русские войска беспощадно опустошали Восточную Пруссию, Померанию и Марку, а Англия палец о палец не ударила, чтобы выполнить свои обязательства.

Но наш историк забыл, что без русского привоза Англия не могла бы вести своей морской войны, что, несмотря на все свои старания превратить Северную Америку путем вывозных премий и Ирландию путем жестоких репрессий в мастерские для производства необходимых ей кораблестроительных материалов, она не могла обойтись без этих русских материалов. И как хорошо понимал это Фридрих Великий, видно хотя бы из того, что когда Петр III хотел услужить своему идолу и удержать Англию от «измены» прусскому королю, он писал под диктовку графа Гольца русскому посланнику в Лондон:

«А особливо приметить им надлежит, что если Россия следующие товары отнимет у Англии, а именно: пеньку, мачтовые деревья, медь, железо и конопляное масло, без которых англичане не могут обойтись, то будут они приведены в окончательное разорение»[119].

Через несколько дней после этой инструкции гр. Воронцову Петр III был свергнут, и угроза была приведена в исполнение.

И опять мы встречаемся с характерным явлением, с которым мы уже встречались, когда Англия вела такого же рода показную войну в союзе со Швецией против России. Вывоз из России в Англию не только не уменьшился, но, наоборот, увеличился, а ввоз из Англии в Россию в 1760 г. был ниже даже, чем в 1730 г. Маркс делает из этих цифр все тот же вывод, что дружба с Россией приносила торговый ущерб интересам Англии, что вывоз из Англии в Россию постоянно падал до 1760 г., но это такая же ошибка, как и его прежний вывод. При всяком охлаждении между Россией и Англией вывоз последней немедленно уменьшался, вывоз первой продолжал неуклонно возрастать*.

Конечно, наряду с этой главной причиной, играла роль и другая материальная причина, на которую указывает Меринг. «Ни один английский министр не смел затронуть балтийскую торговлю. Когда Питт получил власть в свои руки, он сейчас же заявил прусскому королю, что он не может рассчитывать на точное выполнение условий вестминстерского договора»**. Меринг забыл только, что, когда летом 1757 г. дела Фридриха шли хорошо и Англия сделала попытку особой декларацией напомнить, что она не может допустить какой бы то ни было державе ввести свои войска в Германию, то она получила тот же ответ, который дан был Петром I и Екатериной I, а именно, что Россия не отделяет английских интересов от русских, но что она перестанет это делать, как только Англия нападет на ее флот. Но Меринг прав, говоря, что ущерб, наносимый балтийской торговле, был гибелен для престижа английского министерства. Поэтому Англия воспользовалась первой возможностью, чтобы предоставить Фридриха II его судьбе.

Только теперь мы дошли до момента, когда Россия начала играть ту роль в европейской политике, которая надолго сделала ее вершительницей судеб Европы.

---

* 1730 г. – 258 802 ф. ст., 1760 – 576 265 ф. ст. Я нарочно беру данные Маркса[120].

** *Mehring F.* Lessing-Legende, p. 169.

«Никогда не была мировая конъюнктура так благоприятна для завоевательных планов царизма, как в 1762 г., когда великая блудница Екатерина II вступила на престол после убийства своего супруга. Вся Европа была Семилетней войной разбита на два лагеря»*.

Сокрушив колониальное могущество Франции в Америке и Индии, Англия в самой Европе очутилась в «блестящем одиночестве». Поссорившись со своим «ancient ally» (старым союзником), поступив только что с Фридрихом как с выжатым лимоном, Англия льнула теперь к своему «natural ally» (естественному союзнику. – *Ред.*], к России, но Екатерина II тем холоднее относилась к этому ухаживанию, чем сильнее разгоралась борьба партий в самой Англии, чем более натянутыми становились отношения между Англией и ее американскими колониями. Именно это обстоятельство накладывает особый отпечаток на всю дипломатическую переписку английских посланников. Вынужденные делать уступки России, они стараются уменьшить их размеры при помощи самой низкой лести северной Семирамиде. И они делали это тем усерднее – обстоятельство, ускользнувшее от Маркса, – что прекрасно знали, что официальная переписка их вся перлюстрируется, что даже шифрованная очень часто попадала по своему назначению лишь после того, как копии с нее оставались в руках русского правительства. Чем затруднительнее становилось положение Англии, тем холоднее становилась Россия. Чем больше уступок делала Англия, тем сильнее становилась уверенность, что, прижав Англию, можно добиться от нее большего. Екатерина соглашается на оборонительный союз (alliance défensive) – об alliance offensive (наступательном союзе) она не хочет и слышать, потому, мол, что ее terme d'offensive la répugnait[12], но только в том случае, если Англия согласится считать войну с Турцией casus foederis, если она даст деньги на поддержку русской политики в Швеции и Польше**. Именно к этому времени относятся письма Макартни и Харриса[12]: одно из них писано в начале этого периода, другое – к концу. Оба они принадлежали к числу способнейших и бессовестнейших английских дипломатов, оба они, подчиняясь настойчивым требованиям из Лондона, осыпали петербургский двор комплиментами, и оба же они в своих секретных посланиях не щадили красок для описания всех гнусностей и варварства, которыми была пропитана атмосфера петербургского двора. Они не только не были слепыми поклонниками Екатерины, но – в особенности Харрис – оставили злое и яркое описание Петербурга того времени. Когда в Петербурге узнали, что Макартни опять хотят назначить послом в Россию, там протестовали против этого назначения, а Харрис, которому пришлось действовать при самых неблагоприятных условиях, – когда Англия находилась в войне не только с американскими колониями, но и с Францией и Голландией, – в конце концов, не выдержал и просил об отставке***.

---

* *Engels F.* Die auswärtige Politik des russischen Zarentums // Neue Zeit, 1890, p. 150[12].

** «Diaries and correspondence of James Harris». Vol. I. P. 169.

*** Письмо Макартни, напечатанное Марксом, не вошло в переписку его, опубликованную Русским историческим обществом, хотя в ней имеется его [Макартни. – *Ред.*] ссылка на это письмо. Несмотря на то что письма для Р.И.О. были тщательно профильтрованы, в них встречается много злых и метких характеристик. Что касается письма Харриса, то мы уже заметили, что оно было напечатано еще в 1844 г. Маркс не заметил, что в этом письме Харрис дает краткое резюме своей пятилетней деятельности при петербургском дворе, чтобы показать бесполезность своего дальнейшего пребывания. Характерно, что его переписка – в выдержках – могла появиться толь-

Несмотря на «крик» Турецкой компании или, что то же, английских посланников в Константинополе, несмотря на все сильнее разлававшийся вопль «East India Company», Англия, не соглашаясь на такой casus foederis, как война с Турцией, не только пропустила без всякого протеста первую войну с Турцией, не только сквозь пальцы смотрела на то, что русский флот, отправленный в Средиземное море, фактически находился под руководством английских офицеров и пополнен был, при посредстве английского адмиралтейства, английскими матросами, не только оказывала ему помощь в течение всего пути, но и заявила свое решительное veto, когда узнала о желании Франции прийти на помощь Турции и уничтожить флот. Когда в Петербург пришла весть о заключении Кючук-Кайнарджийского мира, то Екатерина на придворном балу выразила желание видеть за своим карточным столом только веселые лица и пригласила вместе с датским послом *английского*.

В то время как Фридрих II, пылая «дружбой» к Екатерине и советуя ей успокоить Австрию за счет Польши, вместе с ней и Марией Терезией, горько плакавшей при этом случае, совершал первый раздел Польши, Англия беспокоилась только о своих торговых привилегиях в Данциге, и, когда Фридрих II эдиктом 11 мая 1744 г. гарантировал ей эти преимущества, она сказала «аминь»*.

Но ничто не помогало той камарилье, которая, с маленькими перерывами, поддерживала «личный режим» Георга III. Трудно себе представить, до чего доходили в то время английские министры в Лондоне в своем угодничестве перед Россией. Что может быть циничнее ответа русскому посланнику в Лондоне, что английское правительство не может послать денег в Швецию потому, что английскому посланнику (Goodrick [Гудрику. – *Ред.*]) в Стокгольме можно доверить все, кроме денег?**

От всей души желая англичанам новых затруднений, Екатерина принимала их уступки как должное и устраивала им в благодарность новые затруднения. Каждое новое поражение английского короля в его борьбе с восставшими подданными ее искренне радовало, и она ответила отказом на просьбу Георга послать вспомогательный корпус в 20 000 чел. в Америку, предоставляя это делать германским князьям. В 1779 г. она советует Симолину в Лондоне держаться «одних неопределенных генеральностей»[125] и подготовляет «вооруженный нейтралитет» 1780 г., направленный исключительно против Англии, отделываясь от протестов Харриса простодушным вопросом: чем может повредить Англии эта nullité armée (вооруженный нулитет)?

Георг III и его министры, которые не хотели допустить мысли о каком-либо посредничестве иностранной державы «между ними и своими подданными-бунтовщиками», предлагали Екатерине в 1781 г. уступить ей Минорку, а когда министерство Норта сменилось министерством Фокса, то они наконец согласились включить даже Турцию в casus foederis, но Екатерина отказалась. Это было вре-

ко в этом году. Для автора «La cour de Russie il y a cent ans» письма Харриса служили главным источником для описания петербургского двора, – описания, которое, безусловно, нельзя назвать «русофильским»[124].

* *Michael W.* Englands Stellung zur ersten Teilung Polens. Hamburg, 1890.

** *Соловьев.* История России. Т. XXVIII, с. 199.

мя, когда лучшие дипломаты ancien régime'a[126] даже в Австрии, Франции, Пруссии были убеждены в неизбежном крушении английского могущества.

На упорный отказ Екатерины Англия ответила заключением союза с Пруссией в 1784 г. Это было формальное возмущение двух «рабов» против своего господина. Но первая же попытка Питта объявить войну России в 1791 г. в защиту Турции показала, как сильны материальные интересы, связывающие Англию и Россию. Лидером противников войны с Россией явился Фокс, который произнес в палате общин сильную речь против Питта[127].

«Фокс говорил как ангел, – писал русский посол в Лондоне С.Р. Воронцов. – Он доказал, что проклятый вооруженный нейтралитет, из-за которого столько негодовали, держала не одна Россия, что Швеция также приняла большое участие в его создании... Он показал, насколько справедлива была позиция, занятая в этой войне императрицей, он указал на значение тех связей, которые соединяют нашу страну с Англией, и убедил наконец и нескольких друзей Питта, говоривших также в его духе».

В том же письме Воронцов прибавляет: «Через несколько дней Русская компания внесет в министерство меморандум об опасностях войны для торговли»*.

Итак, во главе кампании в пользу России стояли виги. И чей «крик» раздается вместе с соловьиными речами Фокса? Все той же Русской компании**.

Но мы сделали бы такую же ошибку, как Маркс, если бы позабыли, какие могучие материальные интересы стояли за этими «прислужниками» России, чьими классовыми интересами определялась эта политика.

Дружба была все той же, но материальная основа ее изменилась не только в сравнении с XVI столетием или с началом XVIII столетия, но даже в сравнении с 1760 г. Мы находимся в разгаре промышленной революции, и, кроме части лондонского Сити, кроме Норвича и Векфильда, во главе агитации стоят Лидс и Манчестер. Россия, которая до 1760 г. как страна английского ввоза имела еще значение только для суконной промышленности, становится теперь местом сбыта хлопчатобумажной промышленности. Что же касается вывоза, она продолжает оставаться главным образом поставщиком кораблестроительных материалов, но одновременно с этим превращается в поставщицу сырья для английской крупной промышленности. И если еще в конце XVIII столетия Воронцов и другие ставленники Екатерины были убеждены, что прекращение торговли между Россией и Англией больше отразится на последней, то континентальная система[128] показала им, что это очень вредная для коммерческих интересов России иллюзия.

А начиная с 1815 г. – года новых хлебных законов и присоединения главного поставщика хлеба на английский рынок – Варшавы – к России, – во фритредерской литературе на все лады прославляется союз с Россией, этой «старой» «естественной» союзницей Англии, которая никогда не оставит своего друга без хлеба.

---

* «Архив князя Воронцова», т. IX, с. 190. Екатерина поручила Воронцову купить для нее мраморный бюст «великого оратора» и поставила его в Царском Селе между бюстами Демосфена и Цицерона.

** Как мало известна история этого общества, видно из того, что авторы специальной работы, посвященной торговым компаниям, Коустон и Кин (*Cawston and Keane*. The Early Chartered Companies. London, 1896. P. 32–59), убеждены, что Русская компания «умерла от истощения к концу XVIII столетия». Между тем Мак-Куллох говорит еще в 1852 г. об этой компании как существующей («Dictionary of Commerce»). Шмоллер ее смешивает с Eastland Company.

Так менялась материальная основа дружбы между Россией и Англией. Милые бранились – только тешились. А Русская компания, давно потерявшая всякое значение как «торговое сообщество», продолжала неукоснительно воспевать все выгоды союза с Россией. И накануне отмены хлебных законов, которой с особенным нетерпением ждали в России, Роберт Пиль в блестящей речи на ежегодном обеде, даваемом Русской компанией, высказал желание, чтобы русский царь и европейский жандарм посетил Англию. Свою речь он окончил тостом «за вечную дружбу между Великобританией и Россией»[129]. И даже когда наконец против воли почти всех английских государственных людей вспыхнула война, то она оказалась, да и не могла не оказаться, сначала только показной.

Даже тори, которые со времени Питта Младшего взяли на себя специальную защиту интересов Турции против России, которые ревниво следили за успехами России в Средней Азии, должны были считаться с этим фактом. И «героическая» эпоха антиякобинской войны показывала им, что даже такой русофоб, как Питт, не колебался вступить в союз с Россией, когда речь шла о защите «высших благ» капиталистического общества.

9. Внешняя политика России и революции[130]

Тот факт, что Маркс еще в полемике против Фогта (1860 г.) цитирует работу о дипломатических отношениях между Россией и Англией в XVIII столетии и приводит свой главный вывод, показывает, что он и в начале шестидесятых годов оставался при своем старом мнении[131]. Внутреннее развитие России от Петра I до Александра II ускользнуло из поля его зрения. Он не замечал ни той эволюции, которую переживал в течение этого периода русский абсолютизм, ни экономического развития России и его тесной связи с экономическим развитием Англии. Он просмотрел тот факт, что Россия была одной из главных колоний капиталистической Англии в XVI–XVIII веках, что в XVIII веке на вывозе из России основывалось благосостояние кораблестроительной промышленности в Англии, а следовательно, и ее торговой гегемонии в течение всего мануфактурного периода, что в XIX веке, еще до шестидесятых годов, Россия была мастерской, поставлявшей сырье для крупной промышленности в Англии и хлеб для ее илотов. Одним словом, он просмотрел, что коммерческое подчинение и эксплуатация буржуазных классов различных европейских наций деспотом всемирного рынка – Англией – возможны были, между прочим, только при помощи политического деспота – России*.

Русский абсолютизм продолжал оставаться для него чем-то неизменным. И в том же «Herr Vogt» он еще пишет, что «освобождение крестьян преследует не что иное, как завершение самодержавия путем снесения всех преград, которые великий самодержец встречал до тех пор в лице опиравшихся на крепостное право маленьких самодержцев из среды русского дворянства, а равно и тех преград, которые ставились самоуправляющимися крестьянскими общинами, материаль-

* А между тем он еще в «Zur Kritik...» указал, что «русские давно уже поняли, что деньги – товар, как это доказывает не только английский хлебный ввоз в 1838–1842 гг., но и вся история русской торговли». А учителями русских были англичане (*Marx K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie, p. 188)[132].

ная основа которых, общинное землевладение, должна быть уничтожена так называемой эмансипацией[133]. Русский абсолютизм будет поэтому продолжать свою агрессивную политику. Мало того, «освобождение крепостных в смысле русского правительства, впрочем, увеличило бы агрессивную силу России в сотни раз»[134].

Другого мнения был уже тогда Энгельс, и в словах Маркса я вижу скрытую полемику против него. Энгельс писал в своей брошюре «Савойя, Ницца и Рейн»:

«Тем временем мы получили нового союзника в русских крепостных. Борьба, которая вспыхнула в России между господствующим и порабощенным классами сельского населения, подкапывает всю систему русской внешней политики. Лишь постольку, поскольку в России отсутствовало внутреннее политическое развитие, которому правительство и дворянство препятствовали всякими средствами, крепостное угнетение достигло такой степени, которая несовместима больше с существующими социальными отношениями. Уничтожение их стало, с одной стороны, необходимостью, а с другой – невозможно без насильственного изменения. А с Россией, которая существовала от Петра Великого до Николая, рушится также и внешняя политика России»[135].

И Энгельс оказался прав. Он уже тогда совершенно верно указал главную причину европейского господства России в основной максиме всей внешней политики Екатерины II – в том, что Россия предоставляла в меру сил и возможности другим европейским державам терзать и ослаблять друг друга, – и он же верно указал на ту главную причину, которая должна подорвать источник этого могущества – неизменность и постоянство целей внешней политики России, – на внутреннее политическое развитие России.

Уже восстание декабристов служило зловещим предзнаменованием. А неуклонный рост революционного движения в России все больше и больше обнаруживал, что Россия потеряла свое главное преимущество, которое позволяло ей еще в 1848 г. смотреть с суверенным презрением на всю Европу, на «гнилой Запад».

Как прежде мне казались тяжки
Проступки девушки бедняжки!
Для прегрешения чужого,
Бывало, не находишь слова.
Бывало, черно все чернишь, –
А надо больше – говоришь!
Гордилася я в собственных глазах!
А вот сама я во грехах!

(«Фауст». Пер. *Фета*)

Именно это сознание – что Россия, «коль ест иль пьет, так этим двух питает», абсолютизм и революцию – отравляло в течение всего его царствования жизнь Николая I, именно оно заставляло его быть палачом у себя дома и жандармом для всей Европы, именно оно сдерживало размах его внешней политики.

В шестидесятых годах XIX столетия, как раз тогда, когда при помощи Германии и Англии и попустительстве Франции и Австрии была окончательно раздавлена мятежная Польша, которая и в 1795–1796 гг., и в 1831, и в 1859 г. являлась тяжелым ядром на ногах русского колосса, мешавшим его свободным движениям, началось в России революционное движение, родился этот «незаконный сын»

азиатской России и европейского капитализма. С тех пор внешняя политика русского абсолютизма окончательно утратила свое фатальное постоянство. Если даже новые расколы и раздоры в Западной Европе – и в особенности раскол после франко-прусской войны, которая внесла еще большее взаимное отчуждение в среду западноевропейских народов, чем раскол после Семилетней войны, – вливали новую силу в русский абсолютизм, то необходимость постоянно считаться с революционным движением внутри страны каждый раз останавливала его на полпути. Мало того. То, что прежде было главной целью, теперь само превратилось в средство. Продолжение традиционной агрессивной внешней политики превратилось в единственное средство задержать взрыв революции внутри страны.

Завоевательные войны предпринимались теперь не в то время, когда Западная Европа была ослаблена революцией или войной, а когда того требовало «внутреннее политическое развитие». Между тем удовлетворение минимальной программы той самой революции, которой хотели таким путем избежать, было необходимым условием успешности завоевательной политики. Войны еще более обнаруживали всю несостоятельность русского «порядка».

Вот почему внешняя политика русского царизма, потерявшая вместе со своей неизменностью одно из своих главных преимуществ, теперь, *в силу этого внутреннего противоречия*, терпела на каждом шагу банкротство.

Первым, не только в европейской литературе, но и в русской, вскрыл все эти противоречия Энгельс. Он уже в своей блестящей критике народнических предрассудков – в ответе Ткачеву* – указал на классовую сущность русского абсолютизма, на его зависимость от определенных социально-экономических отношений. И когда это внутреннее экономическое развитие выдвинуло на сцену городской пролетариат, когда зародилась русская социал-демократия, Энгельс в статье, написанной специально для первого социал-демократического журнала на русском языке, дал свой блестящий очерк «Внешней политики русского царизма»[137].

Он показал, что, несмотря на быстрое развитие России со времени Петра Великого, несмотря на рост ее влияния в Европе, она только при Екатерине II начала играть роль вершительницы судеб Европы. Он показал также, что бесспорные успехи внешней политики русского царизма основывались не столько на выдающихся способностях русских дипломатов, сколько на благоприятных для нее общих условиях европейского политического положения, которые она умела использовать и использовала бы еще лучше, если бы не Польша, эта «заноза в теле России». И, развивая мысль, высказанную им еще в 1859 г., он показал дальше, что внутреннее политическое развитие России все больше приближает день, когда русский народ примет участие в определении внешней политики России, и забота о собственных делах отнимет у русского царизма всякую охоту заниматься такими делами, как завоевание Константинополя, Индии и мирового господства.

Энгельс оказался хорошим пророком. Он верно определил сущность вопроса. Но вместе с этим старая схема внешней политики европейской демократии, которую в главных чертах усвоили себе Маркс и Энгельс, – здесь Западная Европа, там Азиатская Россия, здесь – революция, там – очаг европейской реакции, абсолютизм, – все больше теряла свой смысл. Традиционные представления были силь-

* «Soziales aus Russland», 1875. Перепечатано в сборнике «Internationale aus dem Volksstaat», 1894. Русский перевод В. Засулич: «Фр. Энгельс о России», Женева, 1894[136].

ны, и только с трудом изменяла международная социал-демократия свои взгляды на целый ряд «вопросов», поставленных буржуазным обществом. Точно так же, как демократия, она оперировала в области внешней политики с окаменевшими понятиями революционных и реакционных рас и государств, не замечала исторического процесса, который менял социальный характер данного правительства и классовый состав того народа, который «заслужил» это правительство.

Как ни странно звучат для нас диатрибы Маркса против англо-русского рабства, в которое Европа опять впала после 1848 г., в них заключалось уже признание, что в Европе имеется еще другой очаг реакции, кроме русского абсолютизма: это – буржуазия, отрекшаяся от своей исторической миссии, это – европейский капитализм, который своими капиталами поддерживает русский абсолютизм.

Никогда еще этот факт не получал такого яркого выражения, как именно в 1905 г. История 1848 г. была поставлена на голову. Революция, начатая в 1848 г., надвигалась с запада на восток и остановилась у польской границы; теперь стучалась она в дверь Западной Европы. Царь, который в 1848 г. явился угрозой для демократии Запада, теперь сам был пленником русского пролетариата.

Энгельс опять оказался хорошим пророком.

«И в тот день, когда главная крепость абсолютизма сама перейдет в руки революции, исчезнет без следа самоуверенность и спокойствие реакционных правительств Европы. Все они тогда должны будут рассчитывать только на себя и скоро узнают, какую огромную разницу это представляет. И вполне возможно, что они еще были бы в состоянии вести свои армии в Россию, чтобы восстановить власть царя – какая ирония всемирной истории!»[138]

Эта ирония воплотилась в действительность. В Петербурге в это время ходили упорные слухи – и реакционная печать не только не отрицала, но с торжеством их повторяла, – что немецкий император концентрирует свои войска у польской границы.

Точно так же, как Маркс и Энгельс, как немецкий пролетариат со страстной тоской обращал свои взоры на запад и ждал взрыва социальной революции в Англии, так и русские революционеры, так и русский пролетариат в своей геройской борьбе с абсолютизмом возлагали свои надежды на социальную революцию на западе. Но помощи не являлось, и пролетариат изнемог в борьбе с абсолютизмом: истратив всю свою революционную энергию, накопленную многими годами, русский пролетариат был побежден.

Горе побежденным! Но когда над свежими трупами борцов, под стук новых виселиц, воздвигаемых каждый день, дряблые филистеры и трезвенные политиканы с холодным бесстрастием студня высчитывают пролетариату его ошибки и как ворона причитают: «революция умерла», то приходится сказать: пусть русский пролетариат согрешил, пусть он «делал ошибку за ошибкой», но его самой крупной ошибкой было то, что его революция была *национальной*, в то время как за абсолютизмом стоял *интернациональный* капитал.

Если революция 1848 г. потерпела поражение потому, что она разбилась о русский абсолютизм, потому, что за ней не последовало революции в Англии, то русская революция обречена была еще в большей степени на поражение, поскольку она оставалась национальной, постольку в остальной Европе революция не двигалась с места. Если она не превращается в международную, то она «есть и, поскольку она хочет быть окончательной, остается благим пожеланием».

Точно так же, как в 1848 г., пролетариат самого прогрессивного буржуазного государства Европы и теперь еще слишком слаб, чтобы помешать своей буржуазии в ее реакционной внешней политике. Как и тогда, русский царь афиширует свою «тесную» дружбу с Англией. И если тогда английская буржуазия не мешала русскому царю свирепствовать в *Венгрии* вовсю, то она теперь, рука об руку с Ляховым, в интересах русского абсолютизма в России и английского абсолютизма в Индии, убивает свободу *Персии*.

Ноябрь 1908 г.

Примечания

[1] Данная работа Рязанова впервые была опубликована в 1909 г. на немецком языке (пер. А. Штейна) в приложении к журналу «Die Neue Zeit» (Ergänzungshefte zur Neuen Zeit). Stuttgart. 1909. Nr. 5, 5 März 1909. S. 1–64) под названием «Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa – Kritische Untersuchungen» (Карл Маркс о зарождении господства России в Европе. Критические исследования). На русском языке статья была впервые опубликована в 1918 г. под заголовком «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. (Историко-критический этюд)» (Издание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1918). В настоящем издании текст данной работы публикуется по второму изданию сборника: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 163–268. (Подробности создания данной работы см. в Предисловии Рязанова к русскому изданию, с. 202–203). Некоторые уточнения в тексте сделаны на основе немецкого издания работы.

Статья Рязанова представляла собой первую в русском и европейском марксоведении попытку исследовать эволюцию взглядов Маркса и Энгельса по вопросам международных отношений в Европе и истории дипломатии. На анализе широкого круга источников Рязанову удалось показать, что тайны англо-русской дипломатии следует искать не в русофильстве английских государственных деятелей, как считал Маркс, а в противоречивости торговых интересов Великобритании, вынужденной «щадить своего главного поставщика сырья и охранять интересы балтийской торговли» (см. с. 259). На протяжении более 70 лет работа Рязанова оставалась единственным источником, по которому отечественный читатель мог составить представление о содержании работы «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» на основании обширных выдержек из работы Маркса, приводимых Рязановым.

В русском переводе работа Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» готовилась к печати еще в 1950-е гг., затем была почти доведена до публикации в т. 44 второго русского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, но на стадии верстки была исключена из состава тома. Данная работа Маркса с научным аппаратом была впервые опубликована Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на языке оригинала в составе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на английском языке, издававшихся совместно издательствами «Прогресс», «Lawrence & Wishart» и «International Publishers». См.: *Marx K.* Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century // Karl Marx, Frederick Engels. Collected Works. Vol. 15. Moscow: Progress Publishers, 1986. P. 25–96. Публикация «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» в этом издании была подготовлена к.и.н. В.А. Смирновой. На русском языке эта работа Маркса была впервые полностью опубликована в журнале: Вопросы истории (далее ВИ). 1989. № 1. С. 3–23; № 2. С. 3–16; № 3. С. 3–17; № 4. С. 3–19. Публикация была подготовлена научными сотрудниками Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС канд. ист. наук В.А. Смирновой и д-ром. ист. наук Б.Г. Тартаковским при участии канд. ист. наук А.Ю. Зубкова.

[2] Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. Hrsg. von Franz Mehring. Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1841 bis 1850. Bd. 1–3. Stuttgart, 1902.

[3] *Marx K.* The Eastern Question. A reprint of letters written 1853–1856 dealing with the events of the Crimean War. Ed. by Eleanor Marx Aveling and Edward Aveling. London, 1897; *Marx K.* The Story of the Life of Lord Palmerston. Ed. by his daughter Eleanor Marx Aveling. London, 1899; *Marx K.* Secret Diplomatic History of the 18-th Century. Ed. by his daughter Eleanor Marx Aveling. London, 1899.

[4] Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862. Hrsg. von N. Riasanoff. Bd. 1–2. Stuttgart,1917.

[5] Имеется в виду корпус документов Первого Интернационала, подготовленный Рязановым до Первой мировой войны: Urkundenbuch der I Internationale (доведены до Лоаннского конгресса I Интернационала 1867 г. включительно).

[6] Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Hrsg. von A. Bebel und Ed. Bernstein. Bd. I–IV. Stuttgart, 1913.

[7] В немецком издании работы Рязанова были выпущены более 30-ти фрагментов текста, которые касались России и отношения к ней европейских держав, а также два критических замечания в адрес Ф. Меринга. См. настоящее издание, с. 211, 266.

[8] Вероятно, имеется в виду российский историк Михаил Александрович Полиевктов, работа которого «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725)» вышла в Санкт-Петербурге в 1907 г.

[9] Рязанов, по-видимому, имеет в виду работу «История торговых отношений России с Англией» И.И. Любименко, первый выпуск которой вышел в Юрьеве в 1912 г.

[10] Рязанов имеет в виду английского историка Джеймса Ф. Ченса, работу которого «England and Sweden in the time of William III and Anne» он использует далее (см. С. 258). Ченс один из первых отразил в своих работах различные политические и дипломатические аспекты Северной войны с позиций Великобритании.

[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии и последние события в Праге // МЭС. Т. 5. С. 212–213.

[12] Циркуляр Нессельроде русским послам в немецких государствах. Опубликован в: Frankfurter Oberpostamts-Zeitung. 1848. № 210. 28 июля.

[13] См.: *Энгельс Ф.* Датско-прусское перемирие // МЭС. Т. 5. С. 423.

[14] *Маркс К.* Революционное движение // МЭС. Т. 6. С. 1–60.

[15] См.: *Энгельс Ф.* Внешняя политика Германии // МЭС. Т. 5. С. 160–162.

[16] См.: *Энгельс Ф.* Демократический панславизм. [Статья] II // МЭС. Т. 6. С. 300.

[17] См.: МЭС. Т. 6. С. 428–459.

[18] *Маркс К.* Полицейское уничтожение «Neue Rheinische Zeitung» // МЭС. Т. 6. С. 549.

[19] *Маркс К.* Классовая борьба во Франции // МЭС. Т. 7. С. 38.

[20] Это выражение применительно к Турции употребил Николай I в беседе с английским посланником Дж. Т. Сеймуром 9 января 1853 г.

[21] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Третий международный обзор // МЭС. Т. 7. С. 466.

[22] Ср.: *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // МЭС. Т. 13. С. 8–9.

[23] *Маркс К.* К критике политической экономии // МЭС. Т. 13. С. 1–167.

[24] *Маркс К. и Энгельс Ф.* Третий международный обзор // МЭС. Т. 7. С. 466.

[25] МЭС. Т. 13. С. 9.

[26] В данном случае речь идет о статье Ф. Энгельса «Турецкий вопрос», см.: МЭС. Т. 9. С. 24.

[27] Ср.: МЭС. Т. 14. С. 486. В приводимой Рязановым цитате из работы Маркса «Господин Фогт» упоминаются «Парламентские дебаты Хансарда» («Hansard's Parliamentary Debates») – отчеты о заседаниях обеих палат британского парламента, которые получили такое название по имени издателя Томаса Керзона Хансарда, регулярно публиковавшего эти отчеты начиная с 1803 г. Упоминаемые Марксом Синие книги (Blue Books) – общее название публикаций материалов британского парламента и диплома-

тических документов Министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны. Серию статей Маркса «Лорд Пальмерстон» см.: МЭС. Т. 9. С. 357–425.

28 *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 486.

29 *Маркс К.* Лорд Пальмерстон. Статья I // МЭС. Т. 9. С. 361–362.

30 *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 486.

31 См. настоящее издание, с. 292–304.

32 *Porter G.R.* The progress of the nation, in its various social and economical relations, from the beginning of the nineteenth century to the present time. In 2 vols. London, 1836.

33 МЭС. Т. 14. С. 486.

34 Там же.

35 *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // МЭС. Т. 8. С. 115–217.

36 Государственный переворот 2 декабря 1851 г.

37 Работа «Революция и контрреволюция в Германии» была написана Энгельсом, см.: МЭС. Т. 8. С. 3–113.

38 *Маркс К.* Гражданская война во Франции // МЭС. Т. 17. С. 317–370.

39 *Маркс К.* О Прудоне (Письмо И.Б. Швейцеру) // МЭС. Т. 16. С. 31. Статья была написана Марксом 24 января 1865 г. в связи со смертью П.Ж. Прудона по просьбе редактора газеты «Social-Demokrat» Швейцера и напечатана в газете в начале февраля 1865 г.

40 *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // ВИ. 1989. № 2. С. 3–4.

41 ВИ № 2. С. 4.

42 Редакционная заметка Уркарта была напечатана в лондонской «Free Press» за 23 августа 1856 г.

43 ВИ. № 2. С. 6–15.

44 ВИ. № 3. С. 9–15.

45 ВИ. № 4. С. 13–16.

46 ВИ. № 2. С. 4. hysteron-proteron – перестановка позднейшего события на место более раннего (*греч.*).

47 ВИ. № 3. С. 3.

48 ВИ. № 2. С. 11, 14. Здесь ошибка в переводе, нужно: китайским художникам, готовящим сегодня форму для лепки сосуда, который, возможно, будет сделан через сотню лет.

49 ВИ. № 3. С. 4.

50 ВИ. № 3. С. 5–6.

51 ВИ. № 4. С. 3.

52 Речь идет о рецензии немецкого историка, филолога и публициста родом из Тироля Я.Ф. Фальмерайера на книгу: *Ed. de Muralt* «Essai de chronographie Byzantine pour servir à l'examen des Annales du Bas-Empire et partienlierment des Chronographes slavons de 395 à 1057» (опубликована в: Allgemeine Zeitung (Аауrсбург). 1856. № 11. 12 января).

53 Имеется в виду Константинополь.

54 По-видимому, здесь у Маркса намек на один из пунктов так называемого Завещания Петра I – подложного документа, который в XIX в. в различных вариантах неоднократно публиковался в Западной Европе. Подложность «Завещания» была впервые доказана в работах Г. Беркхольца. (См.: *Berkholz G.* Das Testament Peters des Grossen // Baltische Monatsschrift. 1859. Oktober. S. 61–73; *он же.* Napoleon I – auteur du testament de Pierre le Grand. Bruxelles, 1863.)

55 ВИ. № 4. С. 4.

56 ВИ. № 4. С. 4–5.

57 ВИ. № 4. С. 5.

58 Там же.

[59] Там же. У Марсса хронологическая неточность, заимствованная из книги Ф.-П. де Сегюра (*Segur Ph.* History of Russia and of Peter the Great. Ld., 1827). Юрий Данилович получил от Узбек-хана ярлык на великое владимирское княжение в 1318 г.
[60] ВИ. № 4. С. 5–6.
[61] ВИ. № 4. С. 6–7.
[62] ВИ. № 4. С. 7.
[63] Там же.
[64] ВИ. № 4. С. 7–8.
[65] ВИ. № 4. С. 8.
[66] ВИ. № 4. С. 9.
[67] Там же.
[68] ВИ. № 4. С. 10.
[69] ВИ. № 4. С. 10–11.
[70] ВИ. № 4. С. 11.
[71] Ловкий прием. Далее у Рязанова опущены слова «завоеванием Финляндии».
[72] ВИ. № 4. С. 12–13.
[73] ВИ. № 4. С. 13.
[74] Программа РСДРП, принятая на II съезде РСДРП в 1903 г., см.: Искра. 1903. № 53. 25 ноября. Приложение. С. 1.
[75] Имеется в виду Висбю – главный город и порт острова Готланд (Швеция).
[76] Русская, или Московская компания – английская торговая компания, основанная в 1551 г. и до 1698 г. обладавшая монополией на торговлю с Россией; действовала в России до революции 1917 г.
[77] *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Том IX (X). СПб., 1892. С. XIII.
[78] Рязанов, по-видимому, ошибся, речь может идти только о шведском короле Юхане III, который правил с 1568 по 1592 г.
[79] Там же. С. XCII.
[80] Там же. С. XCIV.
[81] Имеется в виду голландский купец Тилман Аккема.
[82] Там же. С. XXIX.
[83] *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // МЭС. Т. 23. С. 763.
[84] У Рязанова неточность. Имеются в виду Чарльз Говард, 1-й граф Карлайл и Роберт Сидни, 2-й граф Лестер.
[85] По-видимому, имеется в виду: [*Anderson A.*] An historical and chronological deduction of the origin of commerce, from the earliest accounts to the present time. In 2 vols. London, 1764.
[86] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. XV.
[87] ВИ. № 4. С. 11–13.
[88] ВИ. № 4. С. 13.
[89] ВИ. № 4. С. 12.
[90] ВИ. № 4. С. 13.
[91] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 5.
[92] ВИ. № 3. С. 6–7.
[93] Имеется в виду изданная Э. Маркс-Эвелинг «Secret Diplomatic History», см. примеч. 3.
[94] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 2.
[95] Там же.
[96] Там же. С. 10–11.
[97] Там же. С. 12.
[98] Там же. С. 14.
[99] Там же. С. 15.
[100] Там же. С. 14.
[101] Там же. С. 15.

[102] Там же.
[103] Там же. С. 17.
[104] Имеется в виду работа английского дипломата Чарльза Уитворта: *Whitworth Ch.* An account of Russia as it was in the year 1710. Strawberry-Hill, 1758.
[105] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 19.
[106] Там же. С. 19–20.
[107] ВИ. № 2. С. 5.
[108] Герой одноименного романа французского сатирика А.Р. Лессажа.
[109] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 40.
[110] Там же. С. 41–43.
[111] Там же. С. 44–45.
[112] *Vogt K.* Studien zur gegenwärtigen Lage Europas. Genf und Bern [März] 1859. S. 2.
[113] *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 504, 505.
[114] Имеется в виду Карл Фридрих Гольштейн Готторпский, муж Анны Петровны.
[115] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 67.
[116] ВИ. № 1. С. 12.
[117] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 114.
[118] Случай, при котором вступают в силу обязательства по союзному договору.
[119] Там же. С. 214.
[120] ВИ. № 3. С. 5.
[121] *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // МЭС. Т. 22. С. 23.
[122] Термин «наступательный» вызывает отвращение.
[123] ВИ. № 1. С. 12–14.
[124] См. также настоящее издание, с. 214, 215–216.
[125] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 294.
[126] «Старый порядок», имеются в виду европейские страны до Французской революции конца XVIII в.
[127] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. IX (X). С. 351.
[128] Имеется в виду объявленная Наполеоном I в 1806 г. «континентальная блокада», или «континентальная система», которая запрещала странам европейского континента вести торговлю с Англией. В осуществлении континентальной блокады участвовали Испания, Неаполь, Голландия, Пруссия, Дания, Россия, Австрия и др.
[129] *Мартенс Ф.* Указ. соч. Т. XII. С. 233.
[130] В немецком издании было: «Внешняя политика России и революция», что соответствовало содержанию раздела, написанного Рязановым в ноябре 1908 г., вскоре после русской революции 1905 г.
[131] *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 486.
[132] *Маркс К.* К критике политической экономии // МЭС. Т. 13. С. 158. См. также: MEGA² II/2. S. 236.
[133] *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 510.
[134] Там же.
[135] *Энгельс Ф.* Савойя, Ницца и Рейн // МЭС. Т. 13. С. 635–636.
[136] *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // МЭС. Т. 18. С. 537–548.
[137] Рязанов говорит о публикации работы Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (см.: МЭС. Т. 22. С. 11–52) на русском языке под названием «Иностранная политика русского царства» в: Социал-демократ. Лондон. 1890. Кн. 1 (февраль) и 2 (август).
[138] МЭС. Т. 22. С. 51.

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ[1]

1. Маркс и Энгельс как туркофилы

I

Взгляды Маркса на восточный вопрос обыкновенно отождествляются с теми взглядами, которые были высказаны Либкнехтом в его известной брошюре «К восточному вопросу, или должна ли Европа стать казацкой?»[2]. Как немецкие, так и русские и южнославянские марксисты всегда думали, что Маркс был таким же туркофилом, как и пресловутый Давид Уркарт, что вместе с последним и Либкнехтом он был всегда приверженец status quo [существующего порядка. – *Ред.*] на Балканском полуострове, что славянским народам, стонавшим под турецким игом, он отказывал в каком бы то ни было «праве на самоопределение» и смеялся над той «глупой сентиментальностью», которая видит «во всяком разбойнике, вступающем в конфликт с Турцией, представителя угнетенной национальности». Балканская политика Маркса, таким образом, отождествлялась с балканской политикой вульгарной демократии. Точно так же, как и последняя, она определялась только безграничной ненавистью к русской гегемонии на Балканском полуострове.

«За стремлениями к независимости балканских народов скрывается опасность русской гегемонии, и именно поэтому нужно бороться против национального движения в балканских государствах, пока не настанет время, когда на Босфоре водрузит свое знамя революционная европейская свобода, все равно – в каком национальном одеянии».

Так формулирует взгляды Маркса на восточный вопрос Макс Шиппель[3].

Бывший архирадикал, теперь почти окончательно ликвидировавший свою связь с марксизмом, убежден, что все свои доказательства Маркс «черпал из одного источника, из разоблачений Уркарта, теперь производящих впечатление болезненных, патологических фантазий». Маркс превращается в попугая, повторяющего без всякой критики все откровения Уркарта, и в этом отношении ничем не отличается от Лотара Бухера, который в пятидесятых годах с одинаковым пылом обличал английский парламентаризм и Пальмерстона и действительно все свои аргументы заимствовал у эксцентричного английского публициста[4].

А между тем достаточно перелистать чартистские журналы пятидесятых годов, чтобы увидеть, что Марксу, даже в том случае, если бы он поставлен был в необходимость искать где-нибудь аргументов против внешней и внутренней по-

литики Пальмерстона, во всяком случае, нечего было обращаться к сочинениям этого «реакционного утописта», как он сам называет Уркарта, для которого даже чартистское движение было делом тех же русских интриг, а лидеры чартистов – игрушками в руках русских агентов. В блестящих статьях и речах Гарни и Джонса, этих «враждующих братьев» чартизма, он мог найти и беспощадную критику дешевого «либерализма» Пальмерстона, и попытки самостоятельно наметить основы балканской политики с точки зрения интересов пролетариата. Так, Эрнест Джонс самым резким образом критиковал теорию сохранения status quo на Балканском полуострове и важнейший фактор в деле политического возрождения угнетенных балканских национальностей видел в молодой Греции. И если Маркс был не вполне согласен с ним, то разногласие это относилось не к вопросу о сохранении status quo, которое для Уркарта составляло краеугольный камень всей его балканской политики. Ненависть к русскому деспотизму делала Маркса так же мало, как и Джонса, защитником турецкой «цивилизации», и он прекрасно понимал, что именно сохранение status quo на Балканском полуострове является главным препятствием для развития балканских народов, источником растущего влияния России, а вследствие этого и причиной усиления этого главного врага европейской революции.

Более внимательное изучение статей Маркса о восточном вопросе, писанных им в эпоху Крымской войны, лучше всего показывает, как основательно такое отождествление его взглядов со взглядами Уркарта. Статьи эти были собраны покойной Элеонорой Маркс еще в 1897 г., когда армянская резня в Константинополе, волнения на Крите и греко-турецкая война вновь поставили на очередь дня восточный вопрос. К сожалению, в это издание[5] вкралось еще больше неточностей, чем в ее же издание статей Маркса по истории дипломатических сношений между Россией и Англией в XVIII столетии[6].

Подготовляя немецкое издание статей Маркса, собранных Элеонорой Маркс, я пришел к заключению, что некоторые из них не могли быть написаны ни им, ни Энгельсом, и что, с другой стороны, в этом сборнике имеются пробелы. Я счел поэтому необходимым сравнить указанные статьи с оригиналом в «New-York Tribune». Мои предположения вполне оправдались.

Как известно, Маркс начал свое сотрудничество в «New-York Tribune» в 1851 г. статьями о «Революции и контрреволюции в Германии». В 1852 г. он стал постоянным, хотя и не единственным, корреспондентом этой газеты из Лондона. Первая из этих корреспонденций напечатана была 21 августа 1852 г., а за ней последовал ряд других, в которых Маркс раз, а то и два в неделю давал обзор текущих событий не только в Англии, но и на всем континенте. Но, хотя восточный вопрос уже в конце 1852 г. вступил в общую фазу, Маркс впервые упоминает о нем только в марте 1853 г., когда, вследствие экстраординарной миссии Меньшикова, события на Балканском полуострове приняли угрожающий характер. Именно в этой корреспонденции он дает обещание подробно рассмотреть восточный вопрос, этот «pons asinorum» [камень преткновения. – *Ред.*] европейской дипломатии.

Свое обещание Маркс выполнил в четырех статьях, которые были напечатаны в «New-York Tribune» в апреле 1853 г. (7, 12, 19 и 21)[7]. Из них только три напечатаны в сборнике, изданном Элеонорой Маркс, а четвертая, составляющая необходимое дополнение и заключение первых трех, по какой-то оплошности опущена. А между тем именно она в корне разрушает старую легенду о «туркофильстве»

Маркса. Правда, она еще больше подчеркивает ненависть к непрошенным «цивилизаторам» в лице всяких «ташкентцев», но в этом отношении с Марксом были согласны все, кто еще в семидесятых годах разоблачал действительную подоплеку с такой помпой предпринятого похода «турок внутренних» против «турок внешних».

Прежде чем мы дадим перевод затерявшейся на столбцах «New-York Tribune» статьи Маркса, мы считаем необходимым вкратце изложить содержание трех предыдущих статей, являющихся коллективной работой его и Энгельса.

II

«Как только ураган революции на время утихает, можно с уверенностью сказать, что снова всплывает на поверхность все тот же упорно возвращающийся вопрос: вечный восточный вопрос. Так, когда пронеслась буря Великой французской революции, и Наполеон, и Александр после Тильзитского мира разделили между собой господство над всей континентальной Европой, Александр воспользовался временным миром, чтобы двинуть в Турцию армию и «дать выход» силам, которые изнутри разрывали уже на части это падающее государство. И опять, едва только революционное движение в Западной Европе было остановлено, на конгрессах в Лайбахе и Вероне, преемник Александра, Николай, совершил новое нападение на Турцию. Когда, несколько лет спустя, июльская революция и последовавшие за ней восстания в Польше, Италии, Бельгии завершили свой цикл и Европа, вновь перестроенная в 1831 г., казалось, освободилась от всяких внутренних тревог, восточный вопрос в 1840 г. чуть не вызвал европейской войны. Так и теперь, когда близорукие пигмеи, стоящие у власти, гордятся тем, что счастливо избавили Европу от опасностей революции и анархии, он возникает опять – этот неразрешимый вопрос, никогда не иссякающий источник затруднений: что нам делать с Турцией?

Турция – это больной пункт легитимистской Европы. Все бессилие легитимистских, монархических правительств со времени Великой французской революции резюмируется в одном положении: охранение status quo. В этом всеобщем соглашении сохранить все так, как оно сложилось случайно или с грехом пополам скроено, заключается признание своей неспособности содействовать развитию цивилизации или прогрессу; в нем господствующие силы выдают сами себе свидетельство о бедности. Герои посредственности, как их называет Беранже, без исторических знаний, без способности понять совершающиеся вокруг них конфликты, без идей, без инициативы, они возводят в степень божества status quo, которое они сами кое-как смастерили, с полным сознанием полной негодности этого дела рук своих.

Но Турция остается так же мало неизменной, как весь остальной мир; именно тогда, когда реакционерам удается восстановить в цивилизованных странах то, что они называют status quo, они, к своему удивлению, открывают, что тем временем status quo в Турции сильно изменился, что там возникли новые вопросы, новые отношения, новые интересы.

Сохранить status quo в Турции! С таким же успехом можно было бы попытаться сохранить труп околевшей лошади в том фазисе гниения, в котором он находится, прежде чем окончательно подвергнется разложению. Турция гниет и будет

все больше гнить, пока будет сохраняться существующая система "европейского равновесия" и политика охранения status quo»[8].

Дальше Маркс характеризует положение Турции и различных национальностей на Балканском полуострове накануне Крымской войны. Он приходит к результатам, что турки в Европе образуют серьезное препятствие для развития фракийско-иллирийского полуострова. Как мало видел он в борьбе за независимость балканских народов опасность укрепления русской гегемонии, показывают следующие слова, верность которых подтвердила вся дальнейшая история:

«Если греко-славянское население когда-либо сделается самостоятельным в стране, где оно составляет три четверти всего населения, то несомненно, что в их среде разовьется антирусская прогрессивная партия – и в силу тех же условий, которые до сих пор неизбежно вызывали к жизни такую партию в каждой части Турции, достигшей хотя бы частичной независимости»[9].

В следующей статье Маркс излагает причины, в силу которых Англия должна быть наиболее серьезным и неуступчивым противником всех попыток России аннексировать новые земли на Балканском полуострове. Англия не может допустить, чтобы Россия овладела Босфором и Константинополем. Такое событие принесло бы Англии колоссальный торговый и политический ущерб и, быть может, нанесло бы смертельный удар ее торговому и политическому могуществу. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на торговые сношения Англии с Турцией.

«Арена, на которой разыгрывается торговая конкуренция между Россией и Англией, перенесена с Инда в Малую Азию, и русская торговля, которая и тогда осмеливалась проникать до пределов английской империи на Дальнем Востоке, теперь оттеснена до своей таможенной границы. Факт этот будет иметь очень большое значение при будущем решении восточного вопроса, и в связи с ним определится роль, которую сыграют Англия и Россия. Как и теперь, так и в будущем они на Востоке всегда останутся врагами»[10].

Вся быстро развивающаяся торговля на Черном море, по словам Маркса, находится в зависимости от доверия, которое оказывается стране, владеющей Дарданеллами и Босфором, этим ключом к Черному морю. И кто может ожидать, что Россия, раз овладев Константинополем, будет держать открытой ту дверь, через которую Англия проникла на ее торговую территорию?

«Это коммерческое значение Дарданелл и Босфора превращает их также в военные позиции, имеющие первоклассное значение, еще более важное, чем Гибралтар и Хельсингёр в Зунде»[11]. Несколько искусно сделанных и хорошо вооруженных укреплений, которые Россия, несомненно, воздвигла бы сейчас же после взятия Константинополя, могли бы оказать сопротивление соединенному флоту всего мира. Но если бы Россия овладела Турцией, то могущество ее возросло бы в колоссальных размерах, и она бы приобрела перевес над всей остальной Европой. Такое событие принесло бы делу европейской революции непоправимый вред. Поддержать турецкую независимость или помешать русским планам в том случае, если Оттоманская империя рухнет, – вот важнейшая задача. Именно постольку интересы революционной демократии и Англии солидарны.

В третьей статье Маркс опять возвращается к теории status quo. К чему привело на практике приложение этой теории?

Да просто к тому, что, благодаря невежеству, инертности и трусости западноевропейских правительств, Россия в существенных пунктах проводила медленно

и упорно свою политику. И когда это постоянное и успешное наступление России вызывало наконец в кабинетах западноевропейских держав неопределенное предчувствие надвигающейся опасности, то дипломатия открыла новую панацею: сохранение status quo в Турции составляет необходимое условие сохранения европейского мира. Либо русские вступают в Константинополь, либо нужно поддержать status quo – иного выхода для европейской дипломатии и даже для европейской прессы не существует!

В виде иллюстрации Маркс приводит консервативную газету «Times» и либеральную «Daily News». Первая из них в то время держала еще сторону России и старалась доказать, что крушение Оттоманской империи далеко не будет иметь тех страшных последствий, которых опасались противники русской балканской политики. Наоборот, либеральная «Daily News» употребляла все усилия, чтобы доказать, какая опасность грозит со стороны России и как необходимо охранять независимость и целость Турции. И Маркс дальше, самым ядовитым образом, осмеивает туркофильство «Daily News» и ее главного вдохновителя Давида Уркарта.

«Разве раздел Турции не является таким же преступлением, как и раздел Польши? Разве христиане не пользуются в Турции большей религиозной свободой, чем в Австрии и России? Разве Турция не является раем в сравнении с Россией и Австрией? Разве жизнь и собственность не находятся там в полной безопасности? И разве торговля Англии с Турцией не больше торговли с Австрией и Россией, взятыми вместе, да к тому же еще с каждым годом растет?»[12]

Все эти дифирамбы переходят на страницах «Daily News» в прямой апофеоз, который для обыкновенного читателя представляется совершенно непонятным.

«Но ключ к этому странному энтузиазму можно найти в сочинениях Давида Уркарта. Этот джентльмен, шотландец по происхождению, со средневековыми и патриархальными предрассудками, которые он впитал в себя с детства, и в то же время прошедший всю современную школу британской цивилизации, попал в Турцию после того, как три года сражался против нее в рядах восставших греков, и влюбился в турок. Романтически настроенный горец почувствовал себя, точно у себя дома, в скалистых горах Пинда и Балкан. Все его сочинения о Турции, хотя они изобилуют ценными данными, резюмируются в следующих трех парадоксах, которые могут быть формулированы таким образом. Если бы Уркарт не был британским подданным, он предпочел бы быть турком; если бы он не был пресвитерианином, он выбрал бы только ислам; и, в-третьих, Британия и Турция – вот те две страны во всем мире, где можно найти самоуправление и полную гражданскую и религиозную свободу»[13].

Даже такой аргумент туркофилов, как развитие торговли при господстве турок, по мнению Маркса, не выдерживает критики. «Если бы завтра все турки были выгнаны из Европы, то торговля бы от этого ничуть не пострадала»[14]. Кому обязана цивилизация своими успехами во всех частях Европейской Турции? Не туркам, а греческим и славянским средним классам городов и торговых портов. Если бы турки не имели в своих руках монополии власти и войск, они скоро исчезли бы... Так или иначе, от них нужно избавиться. Но если думают, что это возможно только в том случае, если на их место посадить австрийцев или русских, это то же самое, что утверждать, будто современное политическое положение Европы навсегда останется неизменным. А кто осмелится это утверждать?

Именно в следующей четвертой статье, оставшейся до сих пор совершенно неизвестной, Маркс и дает свой ответ на вопрос, как устранить те препятствия, которые мешают развитию народов, населяющих Балканский полуостров.

Было бы странно после всего вышеизложенного утверждать, как это делают некоторые русские биографы Маркса, что в своих взглядах на восточный вопрос он был верным «учеником» Уркарта. Следующая статья его, которую мы даем в полном переводе, покажет, какую роль отводил он южным славянам в борьбе с гегемонией России на Балканском полуострове[15].

III

«Мы видели уже, как закоренелое невежество, старая рутина и традиционная неподвижность мысли отпугивают европейских "государственных мужей" от всякой попытки дать какой-нибудь определенный ответ на вопрос, что должна сделать с Турцией Европа. Абердин и Пальмерстон, Меттерних и Гизо, не говоря уже о их республиканских и конституционных заместителях в 1848–1852 гг., давно уже потеряли надежду на решение этого вопроса.

А в это время Россия, не обращая никакого внимания на дипломатические ноты, на планы и интриги Франции и Англии, шаг за шагом, медленно, но неуклонно подвигается вперед.

И, хотя все партии, во всех европейских странах, прекрасно видят это непрерывное поступательное движение России, все же до сих пор ни один "государственный муж" не мог объяснить это явление. Они видят результат, они видят его дальнейшие последствия, но они не замечают главной причины, хотя она очень проста.

Как раз то самое средство, которое должно помешать успехам России на Балканском полуострове, и является главной движущей силой, которая толкает ее по направлению к Константинополю. Это – лишенная всякого смысла, никогда еще на практике не осуществленная теория сохранения status quo.

В чем состоит это status quo? Для христианских подданных оно означает увековечение турецкого гнета. Пока они находятся под турецким игом, они видят в главе греческой церкви, в повелителе шестидесяти миллионов православных своего естественного покровителя и освободителя. Та самая дипломатическая система, которая была создана с целью задержать поступательное движение России, заставляет, наоборот, десять миллионов христиан в Европейской Турции обращаться за помощью к России.

Что говорят нам исторические факты? Еще до Екатерины II Россия пользовалась всяким случаем, чтобы создать для себя выгодные условия в Молдавии и Валахии. Это удалось ей в такой степени, что в силу Адрианопольского договора 1829 г.[16] она в придунайских княжествах получила больше прав, чем там имела сама Турция. Когда в 1804 г. вспыхнула сербская революция, Россия сейчас же приняла восставших под свое покровительство, и, оказав им поддержку в двух войнах, она обеспечила внутреннюю независимость Сербии. Кто решил исход борьбы во время греческого восстания? Не заговоры и бунты янинского паши, не сражение при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а Дибич, вступивший с русской армией в долину Марицы. И в то время как Россия без всяких стеснений занималась расчленением Турции, западноевропейские дипломаты не уставали читать проповеди на тему о сохранении status quo и о неприкосновенности Турции. Пока эта традиция останется лейтмотивом дипломатии западноевропейских держав, девять десятков всего на-

селения Европейской Турции будут искать в России свою опору, своего освободителя, своего мессию.

Предположим на время, что греко-славянский полуостров освободился от турецкого ига, что там существует правительство, лучше приспособленное к потребностям населения. Как сложилось бы в этом случае положение России?

Известно, что в каждом государстве на Балканском полуострове, которое сумело вполне или отчасти сделаться независимым, сейчас же развивалась сильная антирусская партия. Если это было общим явлением еще в то время, когда вассальные государства считали Россию единственной защитницей против турецкого гнета, то с еще большей вероятностью можем мы ожидать этого, когда окончательно исчезнет страх перед турками.

Не вспыхнет ли всеобщая война, когда исчезнет турецкое владычество на Босфоре, когда различные национальности и религии на Балканском полуострове почувствуют себя свободными, когда настежь раскрыты будут двери махинациям и интригам, противоречивым вожделениям и интересам всех европейских великих держав? Такой вопрос задает себе трусливая рутина дипломатии.

Конечно, нечего ожидать, что Пальмерстоны, Абердины, Кларендоны и другие министры иностранных дел в состоянии сделать это. Одна мысль о чем-либо подобном повергает их в ужас. Но кто при изучении истории научился наблюдать вечную смену человеческих судеб, в которой остается постоянным только непостоянство, неизменным только изменение; кто следил за железным ходом истории, колеса которой безжалостно катят через обломки великих государств и без всякого сострадания раздавливают целые поколения; кто знает, что никакое демагогическое воззвание, никакая возмутительная прокламация не оказывают такого огромного революционного воздействия, как простые голые факты человеческой истории; кто в состоянии схватить революционизирующий характер современной эпохи, когда пар и ветер, электричество и печатный станок, артиллерия и золотые россыпи, соединившись вместе, в течение одного года производят больше изменений и революций, чем прежде производило целое столетие, – кто видит и понимает все это, тот не убоится поставить этот исторический вопрос только потому, что единственное верное решение его может повлечь за собой европейскую войну.

Но правительства с их старомодной дипломатией никогда не сумеют справиться с этим затруднением. Как решение многих других вопросов, так и решение восточного остается на долю европейской революции. В этом утверждении нет ничего невероятного. Со времени 1789 г. революция охватывает все более обширные области, границы ее становятся все шире и шире. *Ее последними пограничными пунктами были Варшава, Дебрецен, Бухарест, крайними пунктами ближайшей революции будут Петербург и Константинополь.* Это – два наиболее уязвимых места, где можно нанести удар русскому антиреволюционному колоссу[17].

Составлять теперь точный план раздела Европейской Турции было бы только праздной фантазией. Можно было бы придумать чуть ли не двадцать таких схем, из которых каждая была бы так же осуществима, как и другая. Но мы не имеем никакой охоты заниматься праздными фантастическими проектами и предпочитаем сделать несколько общих выводов из вполне достоверных фактов. А с этой точки зрения интересующий нас вопрос представляет две стороны.

Во-первых, не подлежит никакому сомнению, что полуостров, называемый Европейской Турцией, представляет естественную наследственную область южнославянской расы. Из двенадцати миллионов населения к ней принадлежит

семь. Она владеет этой областью уже 1200 лет. Если не считать немногочисленной группы, которая, несмотря на славянское происхождение, усвоила греческий язык, ее главными конкурентами являются турецкие или арнаутские варвары, которые давно уже показали себя закоренелыми врагами всякого прогресса. Наоборот, южные славяне внутри страны являются исключительными носителями цивилизации. Они еще не образовали нации, но в Сербии они составляют здоровое и относительно цивилизованное ядро нации. Сербы имеют уже свою историю, свою литературу. Своею независимостью они обязаны одиннадцатилетней мужественной борьбе против значительно превосходившего их численностью врага. В последние двадцать лет они сделали большие культурные успехи, и христиане во Фракии, Болгарии, Македонии и Боснии смотрят на них как на средоточие, вокруг которого все они соберутся во время предстоящей борьбы за независимость. Можно с уверенностью сказать, что чем больше окрепнет Сербия и сербская национальность, тем дальше будет оттеснено на задний план прямое русское влияние на турецких славян. Ибо Сербия, чтобы сохранить свое положение независимого государства, должна была заимствовать у Западной Европы политические учреждения, школы, научные познания, промышленную технику. Именно этим объясняется и та аномалия, что, несмотря на покровительство России, Сербия со времени своего освобождения является конституционной монархией.

Пусть кровное родство и общая религия создают общие связи между русскими и южными славянами, – все же интересы их разойдутся с того дня, когда последние освободятся от турецкого ига. Потребности торговли, возникающие из географического положения обеих стран, легко объясняют это явление. Россия, представляющая сплошную континентальную массу, производит непосредственным образом земледельческие продукты, но в будущем она будет производить и продукты промышленности. Греческо-славянский полуостров имеет, правда, относительно небольшие размеры, но его растянутые берега омываются тремя морями, из которых одно принадлежит ему целиком; он представляет главным образом торговую страну с преобладанием транзитной торговли, хотя имеет в своем распоряжении все средства для самостоятельного производства. Хозяйство России стремится к монополии, хозяйство южных славян – к расширению. Кроме того, они являются конкурентами в Средней Азии; в то время как Россия живейшим образом заинтересована в том, чтобы там сбывались только ее собственные продукты, южные славяне уже теперь не менее сильно заинтересованы в том, чтобы сбывать на восточном рынке продукты Запада. Мыслимо ли поэтому, чтобы между этими нациями царило согласие? Турки, косные славяне и греки уже имеют более общие интересы с Западной Европой, чем с Россией. А когда железные дороги, которые теперь идут от Остенде, Гавра и Гамбурга к Пешту[18], будут продолжены до Белграда и Константинополя, то влияние западной цивилизации и западной торговли на юго-востоке Европы станет еще прочнее.

С другой стороны, славяне Турции в особенности сильно страдают от гнета целого класса военных землевладельцев, которых они должны содержать. Эти военные гарнизоны соединяют все общественные функции, как военные, так и гражданские и судебные. А что иное представляет собою русская правительственная система всюду, где она не сплетена тесно с феодальными учреждениями, как не такую же военную оккупацию, где гражданские власти и судебная иерархия организованы на военный лад и где народ должен все это оплачивать? И кто думает, что такая система соответствует южнославянскому характеру, пусть бросит взгляд на

историю Сербии с 1804 г. Кара-Георгий, основатель сербской независимости, был покинут народом, и Милош Обренович, восстановитель независимой Сербии, был выгнан с позором из страны; оба они пытались ввести русский автократический режим с его необходимыми аксессуарами: взяточничеством, полувоенной бюрократией и эксплуатацией со стороны всяких сатрапов или пашей разного калибра.

Только в этом может состоять окончательное решение вопроса. Как история, так и современные факты указывают на необходимость создания свободного независимого государства на развалинах Турецкой империи. Уже ближайший революционный взрыв может повлечь за собой давно подготовляющийся конфликт между русским абсолютизмом и европейской демократией. И Англия – какое бы правительство ни стояло у власти – должна занять определенное положение в этом конфликте. Она не может допустить, чтобы Россия овладела Константинополем. Она должна вступить в союз с врагами царя и способствовать образованию независимого славянского государства на месте старческой, сгнившей Высокой Порты».

Не все предсказания Маркса оправдались. В течение последних 50 лет произошли крупные перемены в области политических и экономических отношений, которые нельзя было предвидеть накануне Крымской войны. Едва антагонизм между Францией и Англией, определявший политику последней на Балканском полуострове в XVIII и еще в первой половине XIX столетия, сменился антагонизмом между Англией и Россией, как уже в середине 80-х гг. ясно стало, что главным соперником Англии на Балканском полуострове является не Россия, а Германия вместе с Австрией. Колоссальные успехи немецкой промышленности и торговли быстро свели к минимуму экономическое влияние России и в Европейской Турции, и в Азиатской. О южнославянских государствах и говорить нечего. Мало того. Главным стражем независимости и целости Турции стала теперь не Англия, а Германия. После захвата Египта на очередь стала оккупация независимой Аравии, капиталистическое «возрождение» Месопотамии, необходимость «стать твердой ногой» на берегах Персидского залива. А во всех этих предприятиях Англия встречает сопротивление не только со стороны Турции, но также – и главным образом – со стороны Германии. Румыния, как и Австрия, давно уже превратилась в аванпост германского капитализма против российских притязаний на Балканский полуостров. То лаской, то угрозой Германия неуклонно выталкивает Россию с Ближнего Востока и толкает ее на Дальний – сегодня против Японии, завтра против Китая.

А среди южнославянских государств, рядом с сербским, возникло новое, болгарское, которое оказалось не менее строптивым по адресу своих «освободителей», чем во время оно «неблагодарные» сербы.

За 17 октября 1905 г. последовало 24 июля 1908 г. в Константинополе. В этом отношении предсказание Маркса буквально оправдалось. Но status quo рухнул не только на Ближнем Востоке. На этот раз волна европейской революции докатилась не только до Константинополя: после первого приступа (5 августа 1906 г.), кончившегося неудачей, она захлестнула 13 июля 1909 г. также Тегеран. Теперь она докатилась к извечному воплощению status quo – к Пекину[19].

И никто не работает так усердно, чтобы проложить ей дорогу, как все те же охранители status quo. Все изменилось в течение последних 50 лет, но неизменными остаются старая рутина и традиционная неподвижность мысли европейских «государственных мужей»!

2. Маркс и Уркарт

В своих воспоминаниях о Марксе Либкнехт описывает также тех лиц, с которыми ему приходилось встречаться во время своего лондонского изгнания в доме или обществе Маркса. «В высшей степени интересно было знакомство с Давидом Уркартом, лучшим знатоком русской дипломатии и турецких дел. Благодаря Уркарту, самым усердным учеником и последователем которого был также Лотар Бухер, великогерманец по своим симпатиям, мы излечились от увлечения романтикой Байрона и греческими песнями Вильгельма Мюллера, воспевавших "народ Гомера" и другие христианские народы Турции. Согласно представлениям, распространенным в то время во всех культурных странах, и особенно в Германии, каждый грек был героем, а каждый турок – жестоким, вероломным чудовищем. Мы поняли, что это отчасти легенда, отчасти просто выдумка; Давид Уркарт, проживший в Турции много лет, изъездивший ее вдоль и поперек и бывший в течение целого года членом британского посольства в Константинополе, успел завязать близкое знакомство со многими влиятельными и стоящими "у самого источника власти" государственными людьми и дипломатами, с которыми продолжал и позже поддерживать сношения. Он был поэтому весьма осведомлен во всем, что имеет отношение к "восточному вопросу", и являлся авторитетом первого ранга, а может быть, и вообще самым крупным авторитетом. Изумительное знание людей и вещей, связанное с истинно шотландской остротой ума, придавало каждому слову Уркарта особую вескость. Гениальный, упорный, настоящий дипломатический сыщик, он следовал по пятам за русской политикой во всех ее потаенных путях и кротовых ходах и зорко следил за своим смертельным врагом, лордом Пальмерстоном, которого он, – пожалуй, не без основания, – считал сознательным орудием русской политики... Маркс убедился в правильности суждений и воззрений Уркарта и стал сам защищать их со свойственным ему жаром и силою в прессе и в своих сочинениях, главным образом во время Крымской войны»[20].

Желание – не только «отец мысли», оно дает также определенное направление работе нашей памяти. Когда Либкнехт спустя сорок лет после этих событий писал свои воспоминания, он был втянут в полемику, в которой главную роль играл именно восточный вопрос. И потому вполне понятно, что он постоянно ссылается на Маркса, придерживавшегося, по его словам, тех же воззрений. Противники Либкнехта, справедливо указывавшие, что воззрения Маркса *потерпели поражение* в ходе истории, точно так же не сомневались в их тождественности с воззрениями Либкнехта и в том, что Маркс был приблизительно таким же туркофилом, как Уркарт, и что он вместе с ним и Либкнехтом был сторонником status quo на Балканском полуострове. По их мнению, он отрицал за томящимися под турецким игом славянскими народами всякое «право на самоопределение» и смеялся над той «глупой сентиментальностью», которая видит «угнетенную национальность в каждом похитителе баранов, вступившем в конфликт с Турцией».

В сочинениях Маркса и Энгельса, известных к тому времени, когда Либкнехт писал свои воспоминания, было уже достаточно материала для того, чтобы подвергнуть критике это воззрение, а в 1897 г. появился сборник Элеоноры Эвелинг, неопровержимо доказавший, что балканская политика Маркса во время Крымской войны отнюдь не совпадала с политикой Уркарта. В моем предисловии к статье Маркса: «Что будет с Европейской Турцией?»[21] («Neue Zeit», XXVIII, 2, с. 4–12), которая по недосмотру пропущена в английском издании, я сделал пер-

вую попытку изложить воззрения Маркса на восточный вопрос в том виде, как они действительно защищал во время Крымской войны.

Мое изложение нашло подтверждение в опубликованной позднее «Переписке Маркса с Энгельсом»[22], но оно нуждается в одной поправке. А именно: я полагал, что все касающиеся этого вопроса статьи принадлежат перу Маркса, но оказалось, что бóльшая часть этих статей написана не им, а Энгельсом.

Чтобы сдержать свое обещание – вернуться к этому вечно вновь возвращающемуся восточному вопросу» в ближайшем письме для «Трибуны», – Маркс обратился к Энгельсу.

«Я обязательно должен написать более длинную статью о haute politique (высокой политике), чтобы не дать остынуть Дана. Речь идет, конечно, об этом отвратительном восточном вопросе, в котором со мной в "Трибуне" пытается конкурировать этот несчастный янки из Лондона. Но это больше всего военный и географический вопрос, следовательно, – не моего департамента. Ты, стало быть, должен еще раз exécuter себя (принести себя в жертву). Что должно стать с Турецкой империей – это для меня вроде китайской грамоты. Я не имею, следовательно, никакой общей точки зрения»[23].

Но для этой статьи ему кажется необходимым исходить из следующих соображений, начиная непосредственно с Черногории.

«1) Несмотря на все каверзы и политическую болтовню газет, question orientale (восточный вопрос) никогда не послужит главным *поводом* к европейской войне. Он будет все снова затушевываться дипломатическими средствами, пока всеобщий крах не положит конец затушевыванию и в этом вопросе. 2) Encroachments of Russia (захваты России) в Турции. Вожделения Австрии, амбиция Франции. Интересы Англии. Коммерческое и военное значение этого "яблока раздора". 3) В случае всеобщего краха Турция принудит Англию выступить на стороне революции, так как в этом вопросе неизбежна коллизия Англии с Россией. 4) Необходимое разложение мусульманской империи. D'une manière ou de l'autre [так или иначе (*фр.*). – *Ред.*] она попадет в руки европейской цивилизации. Следовало бы еще специально остановиться на этой истории с Черногорией, на жалкой роли, которую теперь официально играет Англия. Султан уступил только потому, что Франция и Англия не обещали ему помощи. В этом вопросе обе державы под маской entente cordiale [сердечного согласия. – *Ред.*] кокетничали с идеей Священного союза. Указать на то, что господство олигархии в Англии должно пасть уже потому, что она потеряла способность играть свою старую роль во внешней политике и поддерживать первенство английской нации по отношению к континенту».

Здесь нет ни малейшего следа Уркарта и его воззрений. Письмо Маркса разминулось с письмом Энгельса. Любопытно сравнить с изображением Либкнехта следующее место этого письма, где характеризуется Уркарт.

«Читаю сейчас Уркарта, который убежден, что Пальмерстон состоит на содержании у России. Дело объясняется просто: этот молодец – кельтский шотландец, с саксонско-шотландским образованием, романтик по своим наклонностям, фритредер по образованию. Он поехал в Грецию в качестве филэллина, но, просражавшись три года с турками, поехал в Турцию и там сделался поклонником турок. Он увлечен исламом, и его принцип: если бы я не был кальвинистом, то мог бы быть только магометанином. Турки, особенно времени расцвета Османской империи, – самый совершенный народ на земле во всех отношениях. Турецкий

язык – самый совершенный и благозвучный в мире. Вся эта нелепая болтовня о варварстве, жестокости, смешной варварской надменности турок происходит только из невежества европейцев во всем, что касается Турции, и является корыстной клеветой греческих драгоманов»[24].

Еще резче Энгельс выражается о «старой филистерской глупости» насчет неприкосновенности Турции. «Если эта история еще затянется, то все эти милостивые государи принуждены будут скоро прибегнуть к другим аргументам и прийти к выводу, что только революция на континенте может положить конец всей этой пакости. Что без революции нельзя ничего разрешить, в этом должны будут убедиться со временем даже худшие филистеры».

Эти основные мысли развиты также – местами дословно – в статьях в «Трибуне». В борьбе против «старой филистерской глупости» оба друга, вопреки Уркарту, были вполне солидарны. На вопрос: «Чем должна стать Турецкая империя?», – тот самый вопрос, который был для Маркса «китайской грамотой», Энгельс дает ответ в статье «Что будет с Европейской Турцией». «Балканский полуостров, – доказывается в этой статье, – является естественным уделом южнославянской расы. Южные славяне являются там единственными носителями цивилизации. Правда, они еще не образовали нации, но в Сербии уже имеется крепкое и сравнительно образованное ядро нации. Сербы имеют собственную историю, собственную литературу, и они образуют центр, вокруг которого соберутся все южные славяне в своей грядущей борьбе за независимость. Экономическое и политическое развитие уже позаботится о том, чтобы интересы южнославянского государства разошлись с интересами России, несмотря на кровное родство и общую религию, связующие столькими узами южных славян с Россией. До тех пор, пока поддержание священного status quo будет лейтмотивом европейской дипломатии, южные славяне в Турции будут взирать на Россию как на своего освободителя, своего мессию»[25].

То, что Энгельс говорит здесь о южных славянах в Турции, является лишь дальнейшим развитием мысли, выраженной им уже в статье о «Демократическом панславизме» в «Новой Рейнской газете»[26] и лишь примененной к новой исторической обстановке. «Мы повторяем: кроме поляков, русских и, в лучшем случае, *турецких славян*, ни один славянский народ не имеет будущности на том простом основании, что всем остальным славянам недостает элементарных исторических, географических, политических и промышленных условий для самостоятельности и жизнеспособности»[27].

Как мало Энгельс и Маркс в своей балканской политике находились под влиянием Уркарта и насколько решающей являлась для них и в этом вопросе их общая точка зрения, показывает также сравнение с чартистской литературой. Общность критерия приводила к аналогичным выводам. Эрнест Джонс также критиковал самым резким образом теорию поддержания status quo на Балканском полуострове, но, будучи ярым филэллином, он видел важнейший фактор прогресса на Балканах не в славянах, а в греках, которых он считал наследниками древней Эллады. Энгельс же, а также и Маркс не были в этом отношении такими энтузиастами. В этом пункте Либкнехт был совершенно прав, но только он спутал лица. От романтических иллюзий, видевших в каждом греке героя, Маркс и Энгельс были «исцелены» не Уркартом, а Фальмерайером, которого они оба высоко ценили. Защищая Либкнехта против общих нападок Фогта, направленных против них обоих, Маркс говорит: «Либкнехт мог смело писать лондонские письма в такой

газете, в которой Гейне писал свои "Парижские", а Фальмерайер свои "Восточные письма"»[28]. Сочинения Фальмерайера окончательно убили иллюзию, будто в восставших греках «можно еще узнать эллинов, по крайней мере времен Павсания и Плиния». Он доказал, что древние обитатели Греции вымерли под ударами разнообразных бедствий и исчезли окончательно, за исключением небольших остатков. Фальмерайеру же принадлежит знаменитая теория, что современные греки происходят главным образом от славян. У него же мы находим восхваления сербов, которые, не получая, в отличие от греков, ниоткуда поддержки в своей борьбе за независимость и «будучи предоставлены самим себе, никогда не забывали, что у народа, который хочет достигнуть лучшего положения, в конечном счете нет никаких других средств, кроме своей собственной силы и мужества»*. Маркс принял предложенное Энгельсом решение, но он приводит также и мнение Эрнеста Джонса в позднейшей статье, где он еще резюмирует свои взгляды по восточному вопросу. «Слишком слабые и трусливые, чтобы предпринять возрождение Европейской Турции путем *основания греческого государства и федеративной республики* славянских штатов, они (западные державы) направляют все свои стремления только на поддержание status quo, т. е. той стадии разложения, которая мешает султану освободиться от царя, а славянам – от султана»[29].

Нет ни малейшего сомнения, что Энгельс пользовался для своих статей сочинениями Уркарта о Турции, которые, по его словам, несмотря на все причуды автора, все же содержат много ценного материала. Но отсюда совершенно не следует, чтобы Энгельса или Маркса можно было считать последователями Уркарта в восточном вопросе. Кроме Уркарта, Энгельс ссылается также на «немецких филологов и критиков», которые «познакомили нас с ее (Европейской Турции) историей и литературой». Кроме Фальмерайера, имени которого он не упоминает, он имеет в виду историка Хаммера**, которого считает «похвальным исключением» среди осведомленных дипломатов. Но и среди английских писателей имеется, кроме Уркарта, еще один писатель – один из английских уполномоченных, которые собрали большой материал о социальном положении Турецкой империи и о которых Энгельс отзывается с большой похвалой. Он не называет имени этого писателя, но несомненно, что последний оказал сильное влияние на самую важную часть изложения Энгельса, в которой изображается коммерческое соперничество между Россией и Англией в Европейской и Азиатской Турции. Это – писатель Джон Мак-Нейль, автор знаменитого вышедшего анонимно памфлета «Progress and present position of Russia in the East» (Лондон, 1836), который даже Уркарт считает наилучшим изображением агрессивной политики России. Следы влияния Мак-Нейля на обоих друзей особенно ярко выступают наружу, если сравнить названный памфлет с их статьями по восточному вопросу.

Вообще совершенно незачем искать в Уркарте источник антирусских настроений Маркса. История Германии сама по себе уже представляла наиболее блестящий образец того, как далеко простиралось влияние русской дипломатии. «Новая

---

* *Fallmerayer J. Ph.* Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters, 1836. 2 Band. S. XIX, и «Welchen Einfluss hatte die Besetzung Griechenlands durch die Slaven auf das Schicksal der Stadt Athen und der Landschaft Attika?» Stuttgart, 1835.

** *Joseph v. Hammer.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Zehn Bände. Pest, 1828 bis 1832 [1827–1835. – *Ред.*].

Рейнская газета» служит достаточным доказательством того, что Маркс и Энгельс нисколько не нуждались в Уркарте для того, чтобы понять реакционные основы внешней политики России или ту контрреволюционную роль, которую играл Пальмерстон в союзе с Россией именно в 1848–1849 гг. Верно только то, что они в то время мало обращали внимания на связь немецкой революции с восточным вопросом. Войну с Россией они всегда обосновывали с точки зрения *европейской* революции и приводили ее в тесную связь с гражданской войной в самой Германии. Чтобы обосновать свою вражду к России, они никогда не ссылались на специальные интересы Германии на Балканском полуострове, на «германскую миссию», на необходимость защитить «немецкую торговлю» у устьев Дуная, освободить «немецкий Дунай». Они горячо отстаивали восстановление Польши в границах 1772 г., независимость Венгрии и придунайских княжеств, объединение и независимость Италии; но мы не находим в их статьях ни малейшего намека на связь восточного вопроса с интересами *германской* революции. Можно этот факт оценивать как угодно, но это – факт. Беспощадные враги всяких феодальных ограничений на пути экономического развития, они тем не менее никогда не поступают на службу к капитализму. Великогерманцы и республиканцы, они были убеждены, что германская республика, к которой они стремились, будет в союзе с революционной Европой обладать такой огромной внутренней силой, что ей не нужно будет ни пяди польской, венгерской или итальянской земли и что она, во всяком случае, будет жизнеспособна и без колонизации областей, принадлежавших раньше Турции. И потому это – не случайность, что, когда в пятидесятых годах вновь всплыл восточный вопрос, тотчас обнаружились противоречия между Лассалем и Марксом. Точки зрения, с которых они обсуждали события Крымской войны, были в корне различные. Стоит хотя бы бегло просмотреть богатую памфлетную литературу, наводнившую немецкий книжный рынок в период от 1853 до 1855 г. и приведшую впервые к ясному разграничению взглядов в восточном вопросе, для того чтобы убедиться, как далеки были Маркс и Энгельс от всех этих «мало»- и «велико»-германских рецептов и насколько доступнее всем этим «практическим» и «национальным» аргументам был Лассаль, который тщетно отстаивал, как он писал однажды Родбертусу, зачастую против своих лучших друзей тот взгляд, что турецкое наследство должно достаться Германии. От его буржуазных единомышленников его отличает только его революционная точка зрения, предпочитающая и в этом вопросе революционное решение, решение путем германской революции. Маркс и Энгельс, напротив, никогда не теряли из виду связи восточного вопроса со всем европейским развитием; турецкое наследство они уступали молдаво-валахам, южным славянам и грекам, стараясь доказать, что решение, правильное с точки зрения интересов всеевропейской революции, наилучшим образом соответствует также интересам германской революции.

[3.] Маркс и Пальмерстон

I

Статьи о Пальмерстоне, написанные для «Трибуны», Маркс одновременно дал Эрнесту Джонсу для «People's Paper», где они были напечатаны за его подписью[20]. В «Трибуне» же они появились в виде передовых статей, т. е. без подписи, и по-

тому были в некоторых местах сокращены или изменены Дана. В «Трибуне» две статьи совершенно выпущены. Из восьми статей, напечатанных в «People's Paper» под общим заглавием «Лорд Пальмерстон» (номера от 22 и 29 октября, 5, 12 и 19 ноября, 10, 17 и 24 декабря 1853 г.), в «Трибуне» появились только шесть: первая и вторая – под заглавием «Пальмерстон» – 19 октября 1853 г., третья – «Пальмерстон и Россия» – 4 ноября, четвертая и пятая – «Восточный вопрос, глава из новейшей истории» – 21 ноября, седьмая – «Восточный вопрос, Англия и Россия» – лишь 11 января 1854 г. Итак, три статьи появились в «People's Paper» раньше, чем в «Трибуне». Шестая и восьмая статьи не были Дана вовсе напечатаны.

Поэтому Маркс, несомненно, ошибается, утверждая в «Господине Фогте», что статьи о Пальмерстоне были первоначально напечатаны в «Трибуне»: «Вскоре после этого я дал перепечатать эти статьи в редактируемом Эрнестом Джонсом чартистском органе "People's Paper", присоединив к ним новые статьи о деятельности Пальмерстона»[31].

Статьи обратили на себя внимание не только в Соединенных Штатах, но и в Англии. Конечно, на них обратили бы меньше внимания, если бы они были напечатаны только в «People's Paper». Но это произошло как раз после того, как Джон Брайт в Нижней палате во время прений о налоге на объявления столь подробно расписал все преимущества «Трибуны» по сравнению с английскими газетами. И поэтому в английской прессе обратили гораздо больше внимания на американскую газету и на статьи в ней, чем прежде.

Э. Такер издал отдельно третью главу, перепечатанную из «Трибуны», в своей серии политических памфлетов («Political Flysheets: Palmerston and Russia» с эпиграфом: «Out of thine own mouth will I judge thee»[32]). Она нашла быстрый сбыт: в несколько недель было распродано 50 000 экземпляров. Так же велик был успех второго памфлета «Palmerston, what has he done?» или «Palmerston and the Treaty of Unkiar Skelessi» с эпиграфом: «Thou wicked servant»[33], составлявшего сокращенную перепечатку четвертой и пятой глав.

Маркс, следовательно, вторично впал в ошибку, утверждая, что инициатива этих отдельных изданий исходила от Д. Уркарта. Перепечатка статьи в «Glasgow Sentinel», на что он ссылается*, последовала 26 ноября 1853 г., и из писем Маркса к Энгельсу мы узнаем, что в январе 1854 г. он уже вступил в переговоры с Такером по поводу *второго* памфлета; первая же встреча его с Уркартом имела место лишь в начале февраля, как можно видеть из его письма к Энгельсу (9 февраля 1854 г.).

Верно только то, что статьи Маркса обратили на него внимание Уркарта. Вероятно, посредником между ними был Такер, который находился в сношениях с Уркартом и печатал в своей серии памфлетов также и его сочинения. К тому же времени относится также попытка Уркарта – она была не первая – завязать сношения с чартистами. Так, в «People's Paper», в номере от 21 января 1854 г. (т. е. за несколько недель до встречи), мы находим письмо Уркарта о Турции. Но эта попытка потерпела неудачу вследствие той особенности Уркарта, которую Маркс называл его мономанией.

* «Между тем "Glasgow Sentinel" также перепечатала одну из этих статей («Пальмерстон и Польша»), обратившую на себя внимание господина Д. Уркарта. В результате встречи, которую я имел с ним, он убедил господина Такера в Лондоне издать одну часть этих статей в форме памфлета» (*Marx.* Herr Vogt. Лондон, 1860. С. 59)[34].

«Я имел свидание с Уркартом. Первый комплимент, которым он меня огорошил, был тот, что статья моя как будто написана настоящим "турком", в чем его никоим образом не укрепило мое заявление, что я "революционер". Это полнейший мономан. Он твердо уверен в том, что в один прекрасный день сделается премьером Англии. Когда все остальные будут повержены в прах, Англия придет и скажет: "Уркарт, спаси нас". И тогда он спасет ее... Любимая идея этого чудака: Россия господствует над миром благодаря своему избытку ума. Чтобы состязаться с ним, нужно быть самому человеком уркартовского ума, и, если имеешь несчастье не быть самим Уркартом, необходимо, по крайней мере, быть уркартистом, т. е. верить в то, во что верит Уркарт, в его "метафизику", его "political economy" (политическую экономию) и т. д. Необходимо иметь за собой пребывание на Востоке или, по крайней мере, усвоить себе турецкий "дух" и т. д.»[35].

Как велик был успех сочинения Маркса и как велик был интерес именно к его изображению карьеры Пальмерстона, показывают также некоторые другие факты. 27 июля 1854 г. он сообщает Энгельсу, что «отец Такер» пишет ему следующее: «Милостивый государь! Как раз теперь имеется весьма оживленный спрос на памфлеты. Не можете ли прислать мне некоторые статьи из "Трибуны", которые отвечали бы вкусам публики? Третий памфлет о Пальмерстоне не ускорил бы сбыт первых двух»[36]. Ввиду этого Маркс предлагает Энгельсу вступить с Такером в переговоры, во-первых, относительно совместного памфлета их обоих о Пальмерстоне и, во-вторых, относительно памфлета о дипломатии и методах ведения войны англичан. Известно объявление, которое обещает, что в случае если найдутся 500 подписчиков, Э. Такер издаст большое сочинение д-ра Карла Маркса о Пальмерстоне под заглавием: «The political Biography of Lord Palmerston» (Политическая биография лорда Пальмерстона), с эпиграфом: «The truth, the whole truth and nothing but the truth, so helf me God». (Правда, вся правда, и ничего кроме правды, клянусь богом.) Цена 5 шиллингов. Из этого дела ничего не вышло, может быть, вследствие нежелания Такера принять на себя риск.

Лишь спустя два года после появления статей в «Трибуне» и в «People's Paper» главный орган уркартистов «Sheffield Free Press» перепечатал статью «Пальмерстон и Россия» (17 ноября 1855 г.), которая была напечатана также в лондонском издании «Free Press». После этого все статьи из «People's Paper» были перепечатаны под общим заглавием «Жизнь лорда Пальмерстона» (17 ноября и 29 декабря 1855 г., 5 и 12 января, 9 и 16 февраля 1856 г.).

Первая статья была напечатана без разрешения Маркса. Как можно видеть из одного письма Такера к нему (21 ноября 1855), он вначале протестовал против этого, но потом дал свое согласие[37]. Из «Free Press» мы узнаем, что статьи были изданы также отдельно. Еще четыре года спустя на обложке книги «Господин Фогт» в числе других сочинений Маркса указана эта книга. Также и в кратком перечне своих сочинений, который Маркс приготовил для русского перевода «Капитала» в 1868 г., он приводит свои памфлеты против Пальмерстона, написанные в 1848–1854 гг., причем указывает как место издания Лондон, Бирмингем и Глазго*[38].

* Ни в Британском музее, ни в других более крупных лондонских библиотеках, а также среди оставшихся от Маркса и Энгельса вещей не оказалось ни одного экземпляра этих изданий, кроме памфлетов Такера.

Уже эти факты показывают, что работы Маркса представляли собой много нового и для уркартистов, что они, следовательно, никоим образом не были компиляцией или пересказом сочинений Уркарта. В противном случае был бы совершенно непонятен тот большой интерес, который они возбудили. Правда, изложенные в них взгляды не столь противоположны взглядам Уркарта, как, например, в статьях о восточном вопросе, но они являются плодом совершенно самостоятельного исследования, исходящего из совершенно другой точки зрения, с писаниями Уркарта они имеют общего только то, что оба сильно нападают на Пальмерстона и в отдельных пунктах приходят к одним и тем же выводам.

II

Новый свет на происхождение статей Маркса о Пальмерстоне бросают его письма к Энгельсу. Впервые он пишет об этом 8 октября 1853 г. «Со времени заключения в тюрьму Пипера я послал шесть статей, в том числе громовый обвинительный акт против Пальмерстона, в котором я прослеживаю его карьеру с 1808 по 1833 г. Продолжение я вряд ли смогу доставить до вторника, так как надо перелистать еще много Синих книг и Хансарда»[39]. В письме от 12 октября 1853 г. он пишет: «Что касается "Трибуны", то я до пятницы приготовлю две статьи о Пальмерстоне. Статья 3-я и последняя, охватывающая период с 1848 по 1853 г., требует пересмотра такого количества Синих книг и парламентских дебатов, что я не смогу доставить ее до вторника, так как, поскольку идет речь о Британском музее, воскресный день пропадает»[40].

Лишь в ходе работы, после того как Маркс подробнее исследовал карьеру Пальмерстона после 1833 г., он пришел к заключению, что Пальмерстон – русский агент. «Тебе, – пишет он Энгельсу 2 ноября 1853 г., – может показаться курьезным; тщательно проследив деятельность благородного виконта за двадцать лет, я пришел к тому же заключению, что и мономан Уркарт, а именно, что Пальмерстон уже несколько десятков лет тому назад продался России. Как только ты прочтешь продолжение моей статьи (особенно о сирийско-турецком конфликте), ты должен сообщить мне свое мнение по этому поводу. Я рад, что случай заставил меня ближе ознакомиться с иностранной дипломатической политикой за последние двадцать лет. Мы слишком пренебрегали этим вопросом, а необходимо знать, с кем приходится иметь дело. Вся дипломатия воспроизводит в большом масштабе Штибера и компанию»[41].

К сожалению, в переписке не имеется ответа Энгельса о том, что Маркс в последующие годы держался тех же взглядов, но из его недавно опубликованной переписки с Лассалем[42] можно видеть, что Маркс резко выступал против иллюзий, которые питали тогда прусские либералы и демократы. Сторонники союза с западными державами исходили из предположения, что Англия твердо решила вести войну с Россией с напряжением всех сил, и гарантию этого они видели в том, что душой министерства является «либеральный» Пальмерстон. Напротив того, Маркс нисколько не доверял ни коалиционному министерству, которое своей нерешительной политикой лишь поощряло Россию, ни тем менее Пальмерстону, выступающему в роли «убежденного» врага абсолютистской России. Отсюда его убеждение, что Англия будет вести войну только для вида и что Пальмерстон, как доказывает все его прошлое, является «тайным агентом России», тем более опасным, что «он выдает себя за воплощение национальной ненависти к России».

Но в то время как Маркс во всем ходе войны находил все новые доказательства в пользу того, что «освободительная война» Англии и Франции, которую представители революционной эмиграции и большинство континентальных демократов приняли всерьез, на самом деле есть только показная война, – он после апреля 1854 г. никогда больше не возвращался к своему утверждению, что Пальмерстон – агент России. Во втором томе мы печатаем его статьи о Пальмерстоне в том виде, как он их переработал для «Новой одерской газеты»[1]. Они написаны, поскольку это возможно, еще резче по своему тону, но мы не находим в них, как и в других статьях, в которых он продолжал заниматься Пальмерстоном, повторения старого обвинения. А между тем именно во второй половине 1854 г. и в течение всего 1855 г. Уркарт неутомимо продолжал свои нападки против Пальмерстона, которого он обвинял в сознательной государственной измене. Но даже Уркарт, который имел все основания презирать Пальмерстона как бессовестного лжеца и который часто был ослеплен личной ненавистью к последнему, никогда не изображал дело так, будто Пальмерстон является обыкновенным «наемным агентом России». Это приписывают Уркарту только те невежественные публицисты, которые и теперь еще делают из Пальмерстона либерального английского государственного деятеля, видевшего задачу своей жизни в борьбе против русского деспотизма и принимавшего ближе всего к сердцу благо английского народа.

Разрушение этой легенды являлось целью Маркса, и это ему удалось блестяще. Большей частью он предоставляет цинику Пальмерстону говорить собственными словами. Читая все статьи, как они вышли из-под пера Маркса в первой редакции, легко видеть, что нигде его изложение на находится под влиянием гипотезы, что Пальмерстон «купленный русский агент». Но вся политическая карьера почтенного «лорда-поджигателя» стоит в таком вопиющем противоречии с его репутацией, что не удивительно, если, в конце концов, и Марксу, которому Пальмерстон никогда не внушал особого почтения, пришлось поставить себе вопрос: мог ли бы настоящий «купленный русский агент», – принимая во внимание *внутренние политические условия* Англии и необходимость считаться с «общественным мнением», – лучше защищать интересы России, чем то делал этот мнимый «русофоб» и «красный» государственный деятель. В истории, и не в одной только английской истории восемнадцатого столетия, можно найти много примеров того, что министры и правящие клики двух государств, находящихся в состоянии сильнейшего дипломатического конфликта или даже в открытой войне, тем не менее продолжают сноситься друг с другом. Яркие примеры этому можно найти в истории самого последнего времени. Такого рода нравы могут показаться предосудительными лишь «простонародью» или наивным людям, не имеющим никакого понятия об истинных «принципах» государственного искусства или дипломатии.

Такого рода явления, обнаруженные и в ходе Крымской войны, вызывают не только у Маркса, но и у других наблюдателей подозрение, что все ведение войны определялось чисто «дипломатическими» соображениями, указывавшими на тайные связи между кабинетами воюющих государств.

Даже Лассаль, все еще продолжавший считать Пальмерстона «действительным врагом России», вынужден был признать в своем втором письме, что «имеются факты, которые, если хорошенько разобрать их с точки зрения этого подозрения, могут в высшей степени озадачить и вызвать сомнения». А еще через несколько лет, когда он убедился, что Пальмерстон никогда не был принципиальным «русофобом», он сделался таким же горячим «антипальмерстоновцем», как Маркс или Энгельс.

Не надо также забывать того, что марксовская критика Пальмерстона исходила из совершенно другой точки зрения, чем критика Уркарта. Это различие лучше всего освещается в маленькой статье – без подписи, но написанной, вероятно, Вейдемейером или Клуссом, – которая появилась в американской «Реформе» в такое время, когда друзья Маркса уже были знакомы с его статьями против Пальмерстона. Возможно, что эта статья, как и некоторые другие статьи Вейдемейера или Клусса, основывается на сведениях, доставленных Марксом или скорее Энгельсом[4].

«Уркарт раз навсегда оседлал одну определенную идею. В продолжение двадцати лет он безуспешно разоблачал Пальмерстона и русские интриги и козни и потому, естественно, должен был наконец свихнуться, как всякий человек, который имеет *одну* определенную верную идею, в которой он, однако, не может убедить мир. То, что Пальмерстон со своей дипломатией смог удержаться до настоящего времени, он объясняет раздорами между вигами и ториями, что отчасти – но, конечно, только отчасти, – правильно. Борясь против нынешнего английского парламента, который оценивает каждую вещь не по ее собственному достоинству, а исключительно с точки зрения «правительства» или «оппозиции», он, будучи по своей природе консерватором, не видит никакого другого выхода, кроме усиления королевских прерогатив, с одной стороны, и *местного муниципального самоуправления* – с другой. Чтобы создать фронт против России, он хочет, чтобы Запад образовал такую же компактную, однородную массу, как русская масса. Поэтому *он и слышать не хочет о партиях* и является сильнейшим врагом всяких стремлений к централизации. Так как все прежние революции, начиная с 1848 г., временно благоприятствовали усилению России, то он каким-то нелепым образом пришел к заключению, что этот результат входил с самого начала в намерения русской дипломатии. Поэтому он убежден, что русские агенты являются тайными и главными руководителями всех революций. Так как в пределах консервативной старой системы Австрия представляла прямой противовес России, то он обнаруживает пристрастие к Австрии и отрицательно относится ко всему тому, что может ослабить международную мощь Австрии. В противоположность русской уравнительности, с одной стороны, и революционной уравнительности – с другой, он твердо отстаивает индивидуальность и своеобразие народов. Поэтому в его глазах евреи, цыгане, испанцы и магометане, включая черкесов, являются самыми лучшими народами, ибо они еще не затронуты пошлостью (vulgarism) Парижа и Лондона. Из всего этого видно, что его понимание истории должно было принять весьма субъективный характер; история казалась ему более или менее исключительным продуктом дипломатии. Что касается объективного, материалистического взгляда на историю, то это, по его мнению, было бы то же самое, как если бы рец или суд над преступлениями заменить обобщением их в виде законов. "Это – почтенный упрямый старик, стремящийся к истине, работающий с воодушевлением, изнуряющий свой ум в сильнейших предрассудках и совершенно лишенный здравого смысла", – так характеризует его один критик. Но так как он имеет перед собой только *одну* жизненную задачу – борьбу против России, которую он ведет с талантом мономана и с большим знанием дела, то все это совершенно безвредно. Рыцарь одной жизненной задачи, он по необходимости должен быть "благородным рыцарем печального образа", причем у него, конечно, нет недостатка в Санчо-Пансо, здесь, как и в Европе. Видоизмененным экзем-

пляром этого вида является А.Р.С., недоучившийся корреспондент "Трибуны" из Лондона»*.

Но если Маркс в своей критике Пальмерстона и не был подражателем Уркарта, то он, может быть, находился в этом отношении под влиянием чартистов. Но и это утверждение, само по себе очень вероятное, должно быть с исторической точки точнее формулировано. Само собой разумеется, что чартисты с самого начала протестовали против польской политики Пальмерстона, которая была менее всего враждебна России. (Другими вопросами иностранной политики старейшие чартисты, как, например, О'Коннор, интересовались значительно меньше.) Когда в 1840–1841 гг. на первый план политической жизни выступил восточный вопрос и Уркарт в первый раз попытался мобилизовать широкие массы против Пальмерстона, между ними и чартистами в некоторых городах произошло сближение. В Бирмингаме, Карлейле, Нортгемптоне и особенно в Ньюкастле, где против Пальмерстона вела сильную кампанию чартистская газета «Northern Liberator», сторонники Уркарта совместно с чартистами устроили ряд митингов, на которых наряду с Уркартом выступали также Атвуд, Мезон, Лауери, Ричардс, резко порицавшие русофильскую политику Пальмерстона, выступавшего в союзе с Россией против Франции. О'Коннор стоял в стороне от всей этой агитации; он опасался, чтобы она еще больше не отвлекла рабочие массы от их главной задачи. Несмотря на это, Уркарту удалось тогда привлечь на свою сторону нескольких чартистов. Поскольку уркартизм впоследствии приобрел некоторое влияние в рабочих массах в форме торийско-демократических стремлений (не все сторонники Уркарта разделяли его реакционные предрассудки), организаторами этого движения являлись как раз старые чартисты. Они играли также большую роль в «Комитетах иностранной политики», обществах, основанных в 1855 г. сторонниками Уркарта для наблюдения и контроля за иностранной политикой правительства.

Гораздо более сильный интерес к вопросам иностранной политики проявляло молодое чартистское поколение, вступившее в сороковых годах в более тесную связь с различными иностранными революционерами в Лондоне. Это усиление чувства интернациональной солидарности происходило в значительной степени под влиянием Маркса и Энгельса. Параллельно с борьбой против внутренней политики вигистского министерства, которое показало, что оно нисколько не отказывается от насильственных методов действия, развилась борьба против иностранной политики, т. е. против Пальмерстона. На первом месте следует назвать Джулиана Гарни, на долю которого выпала также важная задача лично разделаться с Пальмерстоном. На выборах 1847 г. Гарни выступил в избирательном округе Пальмерстона, Тивертоне, в качестве его соперника. Он воспользовался этим случаем, чтобы подвергнуть резкой критике всю карьеру и иностранную политику Пальмерстона. Он был, конечно, побежден на выборах, но речь его произвела такое сильное впечатление, что Пальмерстон счел необходимым издать отдельной

* «Die Reform», Нью-Йорк, понедельник 19 декабря 1853 г. Последние слова показывают также на цель, которую друзья Маркса преследовали в Америке этой статьей. Они хотели показать в ней различие между статьями Маркса о Пальмерстоне и корреспонденциями А.Р.С, в которых последний *первоначально* копировал Уркарта[45].

брошюрой свой подробный ответ Гарни, в котором он очень серьезно отнесся к своему противнику*.

Но едва ли можно говорить о влиянии этой речи на Маркса в том смысле, что он заимствовал из нее свои аргументы против Пальмерстона. Если Маркс и Гарни сходились в отрицательном отношении к мнимому либерализму Пальмерстона, то это необходимо вытекало из общности их исходной точки зрения. В этом смысле Маркс и Энгельс вели борьбу совместно с Гарни и Джонсом во всех чартистских газетах, которые издавались последними в 1850–1852 гг., причем немецкие коммунисты постоянно выступали в роли учителей. Когда Гарни временно удалился от активной политической жизни и единственным литературным защитником революционного чартизма остался Джонс, Маркс больше всего способствовал тому, что «People's Paper» посвящал так много места обсуждению вопросов иностранной политики**. Ему и Энгельсу принадлежит та заслуга, что газета не ограничивалась резкой критикой отдельных действий коалиционного министерства, но делала также попытку научно объяснить иностранную политику и дипломатические события при помощи обильного исторического материала. Именно в этом лежит различие между обвинительным актом Гарни против Пальмерстона и статьями Маркса.

Какой новизной отличалась данная Марксом историческая картина всех противоречий мнимо антирусской и лжепрогрессивной политики Пальмерстона, показывает впечатление, которое она произвела не только на сторонников Уркарта, сделавших, как мы видели выше, так много для распространения сочинений Маркса, но также на английских радикалов. Очень популярный в свое время памфлет Вашингтона Уилкса во всем своем построении находился под влиянием не Уркарта, но Маркса. Местами Уилкс буквально повторяет мысли последнего, и вся его работа построена на том самом методе, который впервые был применен Марксом при анализе Синих книг и парламентских дебатов***.

Как сильно господствует еще поныне в английской историографии «Cant», условная ложь, показывают все биографии Пальмерстона, которые все еще изображают его величайшим «патриотом Англии», «истинно английским министром» и принципиальным врагом России. Все еще считают его взгляды бесспорными,

---

* Speech of Lord Viscount Palmerston, Secretary of State foreign Affairs to the Elector of Teverton on the 31 July 1847. London, 1847. В той части, в которой Пальмерстон полемизирует против социалистических взглядов Гарни, он преподносит своим слушателям обычные буржуазные пошлости; но в более объемистой части, посвященной защите его политики, он стремится доказать, что действительно делал все для развития среди чужих народов конституционной свободы.

** Тов. Ротштейн делает необъяснимую ошибку, утверждая в своей очень содержательной работе «Aus der Vorgeschichte der Internationale» (Ergänzungshefte zur Neuen Zeit. [1913.] № 17. S. 32), «что «People's Paper», единственная сохранившаяся газета, почти не посвящала никакого внимания иностранным делам»; и в доказательство приводит как раз 1853 г., когда Маркс опубликовал там свои статьи о Пальмерстоне и сам Джонс написал много статей об иностранной политике. Также неточны и отчасти ошибочны сведения, которые сообщаются о «People's Paper» в книге Беера «Geschichte des Sozialismus in England» (Dietz; Stuttgart. P. 415).

*** *Washington Wilks*. Palmerston in three epochs, a comparison of facts with opinions. London, 1854. Он написал также историю Англии в первой половине девятнадцатого столетия, содержащую много фактов, о которых умалчивается в других буржуазных исторических сочинениях. В рабочих кругах Уилкс был также очень популярен как пропагандист и агитатор.

все еще не дают себе труда изучить другие источники, кроме его собственных изречений, и все еще верят на слово Синим книгам, изуродованным и искаженным им и его коллегами.

III

В статьях Маркса знаменитое обвинение Уркарта против Пальмерстона только мельком упоминает[ся], что оно не оказало никакого влияния на самое изложение. Маркс говорит об этом в 1853 г. и повторяет в немецкой переработке своих статей в 1855 г. лишь следующее: «Одна партия обвиняет его в том, что он состоит на жаловании у России; другая подозревает его в карбонаризме»*. Первая партия – это партия Уркарта, вторая – партия континентальных реакционеров, взгляды которых нашли свое литературное выражение в сочинениях Фикельмона*.

По словам самого Маркса, его главным источником были Синие книги и парламентские отчеты (Хансард). Большую услугу ему могли оказать дебаты в Нижней палате, вызванные там Уркартом и Ансти, так как в ходе этих прений вся политическая карьера Пальмерстона была освещена со всех сторон. Кроме того, можно предположить, что Маркс использовал изданное Дж. Фрэнсисом с апологетической целью собрание различных выдержек из речей Пальмерстона.

Трудно прибавить хотя бы одну новую черту к блестящей характеристике Пальмерстона, данной Марксом. Несмотря на все противоречия, которые политика Пальмерстона обнаруживала из года в год, он неизменно оставался верен себе в одном пункте: в «циничесой наглости», которая позволяла ему прикрывать интересы господствующих классов Англии интересами «отечества» и облекать староанглийскую политику в бессодержательные либеральные фразы. В этом отношении он остается до настоящего времени несравненным образцом дипломатического искусства. Если в качестве тори он уже в 1808 г. провозглашал необходимость сохранения в тайне всех дипломатических переговоров и оправдывал нарушение нейтралитета Дании и бомбардировку Копенгагена тем, что этот нейтралитет под давлением Франции *мог бы* превратиться в открытую враждебность, то и впоследствии, в качестве вига, он старался обосновать те же принципы теми же штиберовскими аргументами и постоянно отказывал парламенту в каких бы то ни было сведениях, пока «переговоры продолжаются». Ни один государственный деятель не преподносил «ареопагу народов» самой бесстыдной лжи со столь великосветской небрежностью, как Пальмерстон, приводя в восторг своих аристократических поклонников. Он не останавливался ни перед какою фальсификацией отчетов, ни перед каким искажением Синих книг, если этого, по его мнению, требовал интерес «нации». Он неоднократно заявлял, что принципы, регулирующие отношения между частными лицами, не применимы к отношениям между

---

* *Graf Ficquelmont*. Lord Palmerston, England und der Kontinendt. Wien, 1852.

Нигде не обнаруживается так ясно, как в этом сочинении, антагонизм между внешней политикой рыцарей Священного союза и политикой английских министров, которые, по словам Фикельмона, «хотят быть одновременно и политическими аристократами, и либеральными промышленниками».

нациями: *«Что касается романтического представления, будто дружба и прочие бог знает какие вещи оказывают на нации большое или длительное влияние, но я утверждаю, что те, которые питают подобные романтические идеи и стремятся применять отношения между отдельными людьми к отношениям между нациями, предаются пустым мечтаниям. Единственное, ради чего одно правительство следует совету другого или принимает его представления, это надежда на награду от этого принятия или опасение дурных последствий, которые будут вызваны отказом».*

Эти именно взгляды Маркс и имел в виду, когда десять лет спустя в Учредительном Манифесте Первого Интернационала бичевал методы тайной дипломатии и выставил требование, чтобы в качестве высшего закона для отношений между нациями были установлены те простые законы нравственности и права, которые управляют отношениями между отдельными лицами[47].

Отсюда также главная ошибка Маркса, изобразившего Пальмерстона *принципиальным* другом России. Наоборот, последний был так же мало принципиальным русофилом, как принципиальным русофобом или принципиальным французофобом, каким его изображает французский биограф Ложель[48]. Вообще непоколебимая верность каким-либо принципам совершенно несовместима с государственной мудростью Пальмерстона. Его верховным «принципом» были интересы английской олигархии. Если сегодня он нуждался в союзнике против Франции и находил его в лице России, то он осыпал своего компаньона самыми преувеличенными комплиментами, не задумываясь о том, что будет завтра. Он вообще совершенно не понимал вопросов о будущем: «Поэтому я говорю, что было бы малодушной политикой предполагать, что та или иная страна предназначена быть вечным союзником или постоянным врагом Англии. У нас нет вечных союзников или постоянных врагов. Вечны и постоянны только наши интересы, и следовать им – наш долг. Если мы видим, что другие страны идут в том же направлении и преследуют ту же цель, что и мы, мы считаем их нашими друзьями и для *данного момента* принимаем, что мы с ними в дружбе; если мы видим, что другие страны становятся на другую точку зрения и становятся нам поперек дороги в нашем стремлении к целям, которые мы преследуем, то наш долг принять в расчет те различные способы, какими они преследуют эту же цель».

Этим объясняется, почему Пальмерстон, говоря словами его «принципиального» противника графа Фикельмона, «поднимая такой шум из-за нескольких кантар серы в Сицилии, из-за пары тысяч драхм в Афинах, из-за мелких торговых и таможенных льгот в Испании и Португалии», находил для «романтических бредней» вроде независимости Польши лишь несколько пустых фраз или, как он это обыкновенно называл, «мнение». Когда оппозиция или необходимость заставляли его считаться с «общественным мнением», он предлагал свое «мнение» русскому или австрийскому правительству, но всегда в такой форме, что государства Священного союза отлично понимали, что это «мнение» почтенного лорда не обязывает их ни к чему другому, кроме быстрого энергичного действия в противоположном духе. По отношению к полякам он остался верен этой политике также впоследствии, и трудно сказать, кто принес польскому восстанию 1863 г. больше вреда, он или Бисмарк. Удивительно только то, что Пальмерстон всегда находил

достаточно наивных людей среди английских «радикалов», польских эмигрантов и континентальных либералов, принимавших всерьез его мнения*. «Угнетенные национальности» и стремления, которые казались деспотам Священного союза и испанским и неаполитанским Бурбонам порождением «революционного духа», а на самом деле были лишь безобидными конституционными упражнениями, служили «либеральному» Пальмерстону средством давления в его дипломатической игре с континентальными правительствами; причем он ради минутных выгод своего отечества самым циническим и бессовестным образом приносил в жертву те самые народы, которые он якобы брал под свою защиту.

Что отличает его от континентальных коллег – лишь в Наполеоне и Морни он имел достойных партнеров, вышедших из той же школы, – так это то, что он внес во внешнюю политику методы биржевой игры и всегда обнаруживал необыкновенно тонкое понимание интересов лондонской биржи. Как ни воинственен он в своих заявлениях, но он постоянно избегал войны, если это не была война против слабого противника или война в надежной компании. Но зато он всегда ценил неопасные конфликты, которые вносят оживление в торговлю, заставляют колебаться биржевые фонды, тем более что его собственные Ротшильды не имели никакого основания жаловаться, подобно парижским, на то, что он не всегда оповещает их заранее о предпринимаемых им действиях. Другим его любимым правилом, особенно превозносимым его секретарем и биографом, было рассматривать каждое дипломатическое дело лишь с точки зрения непосредственно данного момента, под углом тех выгод, которые оно может принести сегодня, немедленно же, не ломая своей головы над тем, какие последствия оно может иметь в будущем. «Довлеет дневи злоба его»[49], а потом уже какой-нибудь выход найдется. «Доктринерство» было ему столь же ненавистно, как и «романтика».

Поэтому, хотя Маркс в общем и целом правильно изображает все противоречия пальмерстоновской политики, он все же постоянно впадает в одну и ту же ошибку, когда пытается то, что он называл «холопством» Пальмерстона по отношению к России, представить в виде непрерывной, *последовательной* русофильской политики. Во всех случаях, когда он, в соответствии с действительными фактами и вопреки господствующей легенде, разоблачает в Пальмерстоне друга России, он забывает спросить себя, не поставлен ли как раз в этот момент на карту какой-либо интерес, непосредственно затрагивающий Англию и заставляющий благородного лорда надевать свою русскую маску. Так, величайшая победа восточной политики России в 1833 г., Ункяр-Искелесийский договор, делавший русского царя протектором Турции[50], объясняется тем обстоятельством, что для Пальмерстона в тот момент на первом плане стоял антагонизм с Францией, действовавшей в высшей степени агрессивно как в Бельгии, так и в Африке. Но зато после, когда он, по словам его поклонников, «создал» «независимую Бельгию» в качестве защитного вала против Франции, он обратился против России. Он поддерживает русофобскую политику Уркарта, тогда секретаря посольства в Константинополе, ратует за целость Турции, против которой он еще несколько лет тому назад так

* Так, Хиллебранд («Zeiten, Völker und Menschen», 3. Band, «Aus und über England», S. 72–86) сообщает нам, что Пальмерстон постоянно защищал дело угнетенных, что он никогда не делал ни одного сомнительного шага, что никто вернее его не следовал высшим принципам чести и истины!

определенно выступал, содействует опубликованию «Портфолио»[51], заигрывает с польской эмиграцией, имея в виду создать для России, демонстративно усиливавшей тогда свой флот на Балтийском и Черном морях, затруднения на Кавказе и в Польше. Но тут снова начались осложнения с Францией из-за испанского вопроса, и Пальмерстон опять делает поворот. Он самым циничным образом выбрасывает за борт Уркарта, нагло отрицает свое участие в «Портфолио» и в других делах, предпринятых Уркартом и поляками с его ведома, как, например, посылка торгового судна «Виксен», и подставляет под удары оппозиции своего помощника Бэкгауза, снимая с себя всякую ответственность за все это. Но в лице Уркарта он натолкнулся не на обычный тип чиновника, которого начальство по миновании надобности может без длинных разговоров выбросить вон, точно выжатый лимон, но на необыкновенно энергичного и талантливого человека, совершенно не склонного подчиниться своей участи без борьбы. Уркарт защищает себя так умело, приводит так много доказательств, что даже «общественное мнение» вынуждено признать, что Пальмерстон сыграл во всей этой истории весьма неприглядную роль (ср. «Мемуары» Гренвилла, IV, с. 121–125, 164, 165[52]) и нанес сильный удар «национальной чести и достоинству английских государственных деятелей».

Вскоре после этого наступает новый конфликт с Францией из-за Египта. Восточный вопрос снова ставится во всем своем политическом объеме, и Пальмерстон превращается в «убежденного» русофила. В союзе с Россией он объединяет «всю Европу», совершенно изолирует Францию и принуждает ее к «позорному» отступлению. На раздающиеся в Нижней палате голоса, что, «если бы Россия имела в британском парламенте человека, исключительно преданного ее интересам, он не мог бы служить ей более старательно», Пальмерстон ответил следующей апологией России: «Долг справедливости и искренности заставляет меня заявить, что ни одна держава ни в одном вопросе не могла бы действовать с большей честностью и большей добросовестностью, чем действовало русское правительство по отношению к другим державам в вопросе о Турции. Я считаю себя обязанным сказать это, ибо точно знаю все обстоятельства настоящего случая. О намерениях России мы можем судить только по ее поведению, и я должен сказать, что несправедливо упрекать эту державу в том, что ее поведение носит характер, враждебный неприкосновенности Турецкой империи».

Эта полоса деятельности Пальмерстона не нашла себе места в сочинении Маркса. Если бы Маркс довел свое изложение еще дальше, если бы он рассмотрел период 1846–1851 гг., когда Пальмерстон был в третий раз министром иностранных дел, он мог бы найти еще больше доказательств в пользу того, что «лорд-поджигатель» был до 1853 г. менее всего русофобом. До революции 1848 г. он ведет яростную борьбу из-за Испании с Францией и из-за Сицилии с Австрией. Во время революции он не ударяет пальцем о палец для того, чтобы выступить против агрессивных действий России; он одобряет продвижение русских войск в придунайские княжества и, несмотря на свою горячую любовь ко всем «угнетенным национальностям», спокойно взирает на то, как Россия усмиряет венгров. Он снова играет роль «либерала» в деле с венгерскими эмигрантами, но лишь после того, как убедился, что Россия уже не поддерживает венского правительства в его главном требовании. В деле Пасифико, где «старый» филэллин, придравшись к плохо обоснованному денежному требованию, выпустил против маленькой Греции весь английский флот для блокады этой страны, он имеет своим противником

опять-таки не Россию, но Францию, с которой доводит дело до разрыва дипломатических сношений, чтобы впоследствии уступить в главном вопросе, а через год после этого приветствовать с энтузиазмом Наполеона как творца государственного переворота.

Маркс, который, как мы видели, уже раньше указывал на контрреволюционную роль Пальмерстона в 1848–1849 гг., был поэтому вполне прав в 1853 г., делая из всей прежней карьеры Пальмерстона тот вывод, что ничто не может быть нелепее взгляда, будто почтенный лорд является непримиримым врагом России. Правда, при этом он впал в противоположную крайность, но именно эта ошибка предохранила его от иллюзий, которые питались другими представителями революционной эмиграции. Если он ошибался во второстепенном вопросе, то зато он оказался правым в главном вопросе, в отличие от Барбеса, Кине, Гюго, Лассаля. Пальмерстон и Наполеон, эти беззастенчивые враги рабочего класса и демократии, ни в какой мере не собирались оказывать какие-либо услуги делу революции или серьезно вести войну против русского деспотизма. Освободительная война под руководством подобных господ могла быть только «показной войною».

[4.] Маркс о падении Карса

I

Если не считать взятия маленькой крепости Кинбурн, последовавшего 17 октября 1855 г., союзники в течение долгих месяцев пребывали в бездеятельности у развалин Севастополя. Русские, потопившие сами остаток Черноморского флота, крепко держали в своих руках почти весь Крым, но не обнаруживали никакого желания считать себя побежденными и просить мира. Моральный вес завоевания Севастополя грозил в значительной степени сойти на нет благодаря прекращению всякого решительного продвижения вперед со стороны союзников и тем паче, что русские развивали энергичное наступление на азиатском театре военных действий и окружили крепость Карс со всех сторон. Русские надеялись взятием этого ключа к Малой Азии отыграться и затем вести с западными державами переговоры о мире не в роли разбитой, а равноправной державы.

Карс был, кроме того, хорошим объектом для обмена в целях получения обратно потерянных пунктов. Если Россия продолжала оставаться «немой», то она, по выражению Горчакова, не была «глухой» в отношении к мирным предложениям.

Франция энергично настаивала на мире. Продолжать войну возможно было, только расширив ее базу. Перенести центр тяжести на Кавказ и в Малую Азию, чего хотели англичане, Наполеон не мог, и тем более что во Франции и без того открыто утверждали, что война в Азии служит только английским интересам, имея своей задачей защиту Индии. Чтобы воодушевить французов в пользу войны, нужны, как Наполеон объяснял английской королеве и ее супругу, более возвышенные военные цели – более французские, более национальные: Польша, Италия, левый берег Рейна. А так как Англия на это не соглашалась, так как там ни под каким видом не думали вести «национальную войну», то не оставалось ничего другого, как искать других союзников, с помощью которых можно было заставить Россию скорее заключить мир. После Сардинии шла Швеция, но в первой линии шли немецкие государства и Австрия. Пруссия продолжала упорно соблюдать

нейтралитет и еще меньше, чем раньше, высказывала охоту принять участие в войне. Напротив, Австрия очень охотно воспользовалась случаем освежить союз с Францией. Четыре пункта после падения Севастополя и полного уничтожения Черноморского флота перестали для России быть неприемлемыми. Больше того: казалось вероятным, что Россия сейчас, будучи сильно ослаблена, под угрозой присоединения Австрии к западным державам, будет вынуждена пойти на уступки. Поэтому решено было дать первому пункту более резкую редакцию. В обмен на крепости и области, которыми завладели союзники, Россия должна была дать свое согласие на «исправление» ее границ с Турцией и, таким образом, уступить придунайским княжествам половину Бессарабии. Третий пункт тоже подвергся изменениям. Вместо ограничения, вместо «точного определения» русских морских сил, было выставлено требование «нейтрализации» Черного моря.

Эти предварительные условия были приняты, причем Англия не принимала участия в переговорах. Когда в Лондоне были получены эти условия мира, их там читали с большим интересом, но, как писала королева Кларендону, «не без тягостного чувства сознания, что в восточном вопросе и в войне наступают большие изменения, которые мы не в состоянии направлять, о которых мы можем даже не иметь точных сведений». Пальмерстон настоял на том, что Англия не может принять предложенные ей условия мира так, как они есть. Ввиду этого третьему пункту была дана более резкая редакция и затем был прибавлен пятый пункт, который за воюющими державами «оставлял право прибавлять в европейских интересах к четырем пунктам особые условия». Под требованиями, которые должны были дать этому пункту реальное содержание, имелись в виду срытие Николаева, запрещение укреплять восточный берег Черного моря, уступки в пользу кавказских горных племен и т. д.

Когда эта редакция была принята в Лондоне и в начале декабря послана в Вену, откуда Австрия должна была передать ее в Петербург в виде ультиматума, в Европе еще не знали о падении Карса. Только 12 декабря падение Карса стало здесь известно. Австрия ввиду этого сочла удобным оставить пятый пункт открытым и не упоминать специальные требования Англии. Между тем Россия отклонила и более мягкие условия. Россия думала, что Карс является достаточной компенсацией, и об «исправлении» границ она и слышать не хотела. Австрия, которая уже не могла идти назад, держалась прочно: Франция оказывала сильное давление на маленькие немецкие государства, заявляя, что Германия будет нести ответственность за исход дела мира. Таким образом, Россия была вынуждена уступить дружескому совету Пруссии и небольших немецких государств и принять 20 января прелиминарный проект. Россия, которая недавно спасла «честь своего оружия» завоеванием Карса, могла заявить, что она не намерена продолжать войну из-за «второстепенных споров» и поэтому «склоняется перед желанием, высказанным всей Европой и коалицией, стремящейся принять все более обширные размеры».

II

Во всем этом Маркс совершенно прав. Без падения Карса не было бы пяти пунктов, не было бы конференции, не было бы Парижского договора[89]. Совсем другое дело, входило ли в планы кабинета Пальмерстона с самого начала падение Карса и проводил ли он его систематически до конца, как Маркс хочет доказать в своих статьях.

«Когда в Лондон прибыло известие, – пишет Либкнехт в корреспонденции для "Allgemeine Zeitung" (2 февраля 1856 г.), лондонским сотрудником которой он являлся с сентября 1855 г., – что Карс взят русскими, "Morning Chronicle" (орган Гладстона) выразила ликование. Она была того мнения, что сейчас нет никаких препятствий для заключения мира. Ее заблуждение длилось недолго. Падение Карса стало скоро опасным оружием в руках партии войны. Народ рассматривал падение Карса как результат дипломатического заговора, и с каждым днем все больше укреплялся в этой вере. Нет никакого сомнения, что здесь, вольно или невольно, а было совершенно большое преступление».

В конце января 1856 г. появилась книжка Хамфри Сандвита (A Narrative of the Siege of Kars. London, 1856)[54], который проделал всю кампанию осады в качестве главного врача медицинского штаба. Это было живое описание всех страданий гарнизона и апология генерала Уильямса. «Нельзя отрицать, что падение Карса является пятном на блестящей военной славе союзников, – писал Сандвит, – и блеск Англии потерпел благодаря этому такой урон, что не может не вызвать общего сожаления. Падение Севастополя было, несомненно, большим триумфом, который должен был оказать огромное влияние на всю Европу и весь Запад, но азиаты вряд ли знали о существовании этой крепости, тогда как толпы странствующих дервишей и факиров из Центральной Азии, Персии и северной Индии неоднократно посещали Карс и убеждены в его большом значении. Эти люди заменяют на Востоке газеты, и распространяемые ими вести должны будут отразиться неблагоприятным образом на престиже Англии» («Die Geschichte der Eroberung von Kars». Braunschweig, 1856, § 333).

Сандвит твердо убежден, что Карс можно было выручить. Сандвит главным образом жалуется на Омера-пашу, который вместо того, чтобы высадиться у Трапезунда, сделал своей операционной базой Сухум-Кале. Другие, напротив, считали виновным или английского посланника в Константинополе, который, как «Times» неоднократно утверждал, не отвечал Уильямсу на его телеграммы, или, как утверждает Маркс, само министерство.

«Измена по отношению к Карсу, – пишет он Энгельсу 5 марта, – становится очевидной при чтении книги известного Сандвита (в переписке он ошибочно назван Сваном), недавно вернувшегося с Востока, измена не в последние дни, а раньше, с целью подготовить нынешнюю ситуацию»[55]. Ибо для Маркса было ясно, что не один Омер-паша виновен в замедлении освободительной экспедиции. Как раз в феврале появился доклад Мак-Нейла и полковника Теллоха, которые руководили обследованием состояния армии в Крыму; доклад снова доказал страшное невежество, небрежность и неспособность большинства офицеров. Дебаты в парламенте превратили военного министра Панмюра в комическую фигуру. Между прочим, доклад Маркса дает нам объяснение, почему он Панмюра называет «Take care of Dowb» Панмюром или Панмюром-шутом.

«Читал ли ты отчет о парламентском заседании в последнюю пятницу, в котором Эванс бросил Пальмерстону упрек, что он еще два с половиной месяца тому назад предупреждал его насчет Карса, но он тогда прикинулся неверящим; в этом заседании он рассказывает, что Панмюр к телеграмме, в которой он пишет Симпсону: "You are nominated successor of Raglan" (Вы назначаетесь преемником Раглана), прибавил: "Take care of Dowb" (обратите внимание на Dowb'a); несчастный Симпсон пишет: "Repeat your despatch" (повторите вашу телеграмму),

и тогда Панмюр – "лорд Карно", как его называет Эванс, - отвечает: "Take care of Dowbiggin" (обратите внимание на Dowbiggin'a), одного из его двоюродных братьев»[56].

С таким министром и такими офицерами, как Эри и Гордон, которые, хотя и были скомпрометированы докладом Мак-Нейла, все же были назначены один – генерал-квартирмейстром, а другой – его заместителем, так как они были «двоюродными братьями», можно было ожидать чего угодно. Поэтому с большим нетерпением ожидали появления Синей книги, которая должна была быть посвященной инциденту с Карсом. Первое издание, появившееся в начале марта[57], было сразу расхватано; спустя восемь дней вышло новое. Как только Маркс получил книгу, он обратился к Энгельсу с просьбой дать ей оценку с военной точки зрения. (В переписке письмо без даты, а было оно написано, очевидно, во вторник 11 марта 1856 г.[58])

«В ближайшем письме я отвечу на твое послание (очевидно, от 7 марта. – *Д. Р.*). Сегодня я ограничусь вопросом, на который попрошу ответить возможно более подробно. Я сегодня не посылал статьи для "Tribune", так как не успел прочесть Синюю книгу о Карсе – я получил ее только вчера поздно вечером. Мою статью я отошлю в пятницу одновременно с той статьей, которую я жду от тебя. Теперь к делу: значительная часть Синей книги военного характера; ты позже увидишь, можно ли что-нибудь с ней сделать. Но по одному пункту я хотел бы знать твое критическое мнение, так как он имеет значение и для политико-дипломатической стороны дела, о чем мне придется писать уже в моей пятничной статье. Турки предложили в конце июня послать в Редут-Кале вспомогательную армию, а оттуда развивать операции на Кутаис и т. д. Английское правительство с своей стороны хотело послать вспомогательные войска в Эрзерум через Трапезунд[59], очевидно, бросив Карс, как незначительный пункт, и считая Эрзерум центральным пунктом сопротивления. Во всяком случае, этим спорным вопросом удалось убить благоприятное для действий время».

Чтобы полностью информировать Энгельса по этому вопросу, Маркс приложил подробные выдержки из телеграмм. «Я признаюсь, – прибавляет он, – что стратегия Кларендона и то тонкое различие, которое лорд Панмюр-Карно делает в пользу севастопольского предприятия перед турецким планом стратегического движения в Грузию, кажутся мне в высшей степени курьезными».

Как статьи показывают, Энгельс был тоже такого мнения, что турецкий план был самым целесообразным или, как говорит Маркс, «он был единственной стратегической идеей, вызванной всей войной»[60]. Что это мнение разделялось не всеми, видно уже из книжки Сандвита. Также и Рюстов («Der Krieg gegen Russland», II, 90–104)[61] самым резким образом критикует мингрельский поход Омера-паши. Но он забывает, что турецкий генерал, как указывает Маркс, натыкаясь со всех сторон на препятствия, был вынужден приводить свой план в исполнение слишком поздно и с недостаточными силами. Из Синей книги самым неопровержимым образом следует, что много времени было истрачено самым бесполезным образом и было сделано все, чтобы лишить Омера-пашу необходимых средств. Для Маркса, как и для остальных критиков, оставался открытым вопрос: кто и зачем был причиной тех промедлений, которые привели к падению Карса?

Загадочное бездействие союзников, которые в течение сентября, октября и ноября не двинулись и с места в Крыму, как будто ожидая зимнего времени, что-

бы потом-то ничего и не делать, являлось и тогда предметом различных подозрений. Некоторые военные писатели объясняли его тем, что Пелисье, завоеватель Севастополя, не был намерен подвергнуть добытую славу риску сражения. Но это объяснение не может быть принято: оно слишком «военного» характера. Это объяснение упускает из вида, что война в последнем счете обусловливается и зависит от «политики», являясь ее продолжением, правда, «с применением других средств». Уже тогда не было сомнения, что между Парижем и Петербургом ведутся за спиной у англичан переговоры, не оставившие следа ни в одной телеграмме. Наполеон, хорошо знавший требования престижа, понимал, что Россия вряд ли будет склонна заключить мир сейчас же после поражения, что она будет ждать успеха, который восстановил бы честь ее оружия. И поэтому не в его интересах было дальше унижать Россию. Этим и объясняется упорное сопротивление, оказываемое им теперь англичанам, которые в заботах о своем престиже требовали энергичного продолжения войны. Ничто не причиняло такого огорчения ангельски доброй королеве, читавшей военные бюллетени «с бьющимся сердцем» и горячими слезами, как мысль о том, что последнее английское военное выступление – штурм Редана – кончилось неудачей. «Она сейчас не может выступить в пользу мира, – писала «корона» [королева Виктория. – *Ред.*] Кларендону, – ибо она убеждена, что наша страна не сможет остаться в глазах у Европы такой, какой она должна и, по мнению королевы, хочет остаться после похода этого года. Честь и славу ее верной армии она принимает к сердцу самым близким образом, и для нее является невыносимой мысль, что неудача у Редана окажется нашим последним военным делом; слова не в состоянии выразить, как тяжело ей будет заключить мир, если этот военный ход так и окажется последним».

Если такого мнения держалась королева Англии, тогда самой прогрессивной страны, чего можно было ожидать от императора варварской России? Заключить мир после такого «последнего военного хода», как Севастополь, означало бы еще больше унизить престиж России, чем это было до сих пор. И поэтому вполне естественно, что Наполеон, поставленный перед выбором вести дальше войну, пока англичане восстановят свой престиж новым военным успехом, предпочел не подвергать больше испытаниям русский престиж. Кроме того, его собственное положение во Франции могло бы только ухудшиться в результате продолжения войны. Это не значит, что Наполеон сознательно содействовал падению Карса; он только делал все, что было в его силах, чтобы как до падения Севастополя, так и после него не оказать активной помощи англичанам, не располагавшим подходящими войсками. Хотя Синяя книга была тщательно средактирована правительством, все же во многих телеграммах остались следы этой политики. Что и в Англии внутри правительства и в особенности среди оппозиции ее величества находились люди, с тревогой относившиеся к новому крупному успеху союзников, который мог бы продлить войну, показывает пример «Morning Chronicle», приветствовавшей падение Карса как серьезный шанс на мир.

Таким образом, есть основание для подозрений, что если падение Карса и *не подготовлялось* систематически с самого начала, как полагает Маркс, то все же Наполеон, для которого оно являлось желательным, *не помешал* ему совершиться. Английское правительство, а главным образом Пальмерстон, который всегда был занят только одним делом, был слишком поглощен Севастополем, чтобы уделить достаточно внимания положению дел в Азии. Значение возможного падения Кар-

са стало ясно правительству позже, но тогда оно было бессильно. Составленная им Синяя книга имела своей задачей взвалить всю вину на турок и на Стратфорда, не оскорбляя «дорогого союзника». Задача была не из легких. Этим и объясняются те многочисленные подделки, которые Маркс констатировал в своих статьях, и заставившие его прийти к заключению, что английское правительство само стремилось не оказывать гарнизону помощи и таким образом благоприятствовало падению Карса.

III

Каким образом он пришел к такому заключению, какого метода он при этом держался, Маркс подробно рассказывает в своем письме к Энгельсу от 10 апреля 1856 г.: «Что касается документов, относящихся к Карсу, то "Times" перечислил в трех пламенных передовицах ту часть из них, которая относится к периоду от августа 1854 г. до февраля 1855 г. и не касается самой интересной и самой важной эпохи. Цель была очевидной. Она заключалась в стремлении взвалить всю ответственность на Редклиффа и турецких пашей в Азии. Самое интересное тут то, что английское правительство, как ты увидишь из сочинения Дестриля[62], насильно удерживало у кормила правления жалкое турецкое министерство Решида[63] и частью поддерживало, частью не обращало внимания на те мерзости, которые вызывали постоянные жалобы Уильямса. Но все это вещи второстепенного характера. Я при помощи способа, который я уже использовал при разоблачении Штибера, т.е. путем указания фальшивых дат и сфабрикованных вставок, доказал, и, по-моему, совершенно неопровержимо, существование у руководителей правительства плана и систематическое его выполнение, – плана не мешать падению Карса, – причем правительству еще посчастливилось и на этот раз выказать себя по сравнению с Наполеоном энергичным сторонником войны. Чисто военной стороны, т.е. защиты Карса, я не касался, все же питаю некоторые сомнения насчет "величия" Уильямса»[64].

Бухер идет еще дальше Маркса. Он полагает, что и Уильямс был посвящен в этот план. «Осенью 1855 г., – рассказывает он, – в главной квартире союзников господствовало сильное стремление к миру; была сделана попытка зондировать почву в Петербурге. Ответ был таков, что Россия не начнет переговоров, пока она не добьется военного успеха. Устроить России успех на французском или английском фронте, конечно, не было охоты, хотя временами это и было возможно. Но как обстоял вопрос с армянским театром военных действий, который очень мало занимал союзников и был очень важен для русских ввиду их престижа в Азии? Муравьев пытался взять Карс штурмом в сентябре, но был отбит. Укрепления были прочны, гарнизон храбрый, только провиант был на исходе. О том, как могло случиться, что Омер-паша, вместо того чтобы идти на выручку Карса, был вынужден предпринять бесполезный поход на Кавказ; о том, что сэр Уильямс Карсский делал и чего не делал в крепости, героем которой он был выставлен; о том, что означают его речи в Англии и его шпага чести, – обо всем этом имеются данные в "Papers Relative to Military Affairs in Asiatic Turkey, and the Defence and Capitulation of Kars". London, 1856. Эта Синяя книга изготовлена с особой тщательностью. "Собирание документов по поводу Карса, – сказал Пальмерстон в заседании от 4 апреля 1856 г., – потребовало большой заботливости и внимательности не только от лиц, занимающих низшее положение в министерстве иностранных дел, но и

со стороны особ, занимающих там высокие посты". Но эти высокопоставленные особы плохо сделали свое дело. В одной телеграмме генерала Симпсона к лорду Стратфорду от 16 июля (приложение к № 70) и в другой телеграмме лорда Стратфорда к графу Кларендону от 8 августа (№ 282) остались места, которые бросают яркий свет на то, что уже при внимательном чтении документов вырисовывается, несмотря на искусственно созданный туман. Посвященная этому вопросу работа, сделанная объективно, юридически, как какой-нибудь криминалистический реферат, не была принята либеральными немецкими газетами, но даром все же не пропала; она была напечатана "Aftonbladet", и какой-нибудь историк ее потом, быть может, и раскопает» (Bucher. Der Parlamentarismus wie er ist, §§ 266, 267). Это место написано Бухером в 1881 г. после пятнадцатилетнего занятия тайнами дипломатического искусства и после его участия в Берлинском конгрессе.

Не подлежит никакому сомнению, что Бухер был знаком с работой Маркса (обе депеши, на которые он ссылается, были Марксом подробно разобраны). Равным образом знал он и другую статью Маркса, которую мы здесь не приводим, написанную для «Free Press», Уркарта (3 мая 1856 г.). В статье под заглавием «Kars Papers Curiosities» Маркс, в отличие от своих статей в «People's Paper», приводит в «объективной, юридической форме, как в криминалистическом реферате», разделив на пять рубрик, все самые замечательные подделки, вставки, обманы, ложь и сказки, встречающиеся в Синей книге[65].

Как велика была сенсация, вызванная статьями Маркса, появившимися до больших парламентских дебатов, посвященных Карсу, и в тех кругах, в которых вращался Бухер, показывают опубликованные в «Free Press» (16 и 19 апреля 1856 г.) протоколы заседаний шеффилдской комиссии по иностранным делам. В обоих заседаниях статьи Маркса читались и подвергались обсуждению. Председатель заявил, что dr. Маркс своим остроумным анализом Синей книги, посвященной Карсу, заслужил благодарность страны. В исполнение этого постановления секретарь комиссии Уильям Сайплс написал 6 мая следующее «комическое послание» Марксу (сообщенное им в письме к Энгельсу от 8 мая 1856 г. и позже отпечатанное в качестве приложения к «Господину Фогту»): «Шеффилдская комиссия по иностранным делам уполномочила меня передать вам выражение ее теплой признательности за ту большую услугу, которую вы оказали общественности своей превосходной критикой документов, относящихся к Карсу, помещенной в "People's Paper".

Остаюсь уважающий Вас»...[66]

Большие дебаты по поводу Карса в Нижней палате, начавшиеся в конце апреля и длившиеся несколько дней, кончились победой правительства только потому, что Пальмерстон открыто заявил, что условия спасения Карса находились в руках «верного союзника». Эти дебаты обнаружили с очевидностью новые доказательства того, как западные державы оскорбляли протежируемую ими Турцию. Они устанавливают, что Порта неоднократно настаивала на спасении Карса, что приведение этого в исполнение кончилось неудачей благодаря сопротивлению и сомнениям западных держав, главным образом французского правительства.

Новые разоблачения бросают также свет и на личность геройского защитника крепости, сверх всяких мер превозносимого генерала Уильямса. Его хвастливые заявления встретили энергичный отпор со стороны венгерского генерала Кмети (Исмаил-паша), а ответ в Синюю книгу, появившийся в Константинополе

(«Карс и генерал Уильямс», «Allgemeine Zeitung» 22 и 26 июля, 12, 14 и 15 августа 1856 г.), показал, что бравый генерал был скорее чиновник-писака, который своими бесчисленными телеграммами приводил, как полководец, в отчаяние также и Стратфорда. Маркс, который и раньше питал сомнения насчет его «величия», позже в «Капитале» посвящает ему презрительное замечание[67].

Хотя эти статьи предназначались для «Tribune» и первая из них, как это вытекает из письма Маркса к Энгельсу[68], являлась обработкой статьи из «Tribune»[69], нам не удалось найти ее. Очень возможно, что, несмотря на утверждения обоих Эвелингов, редакция не поместила этих статей, как и многие другие работы Маркса и Энгельса того времени. В одной передовой статье «New-York Tribune» (25 января 1856 г.) падение Карса ставится исключительно в вину туркам и объясняется их фатализмом и тупоумием. Слабый отзвук статей Маркса мы еще находим в двух больших корреспонденциях, написанных В. Либкнехтом для «Allgemeine Zeitung» (4 и 5 апреля 1856 г., «Синяя книга по поводу Карса»). Чтобы не оскорблять великих государственных людей, редакция, очевидно, вычеркнула самые сильные выражения. Конституционное правительство в роли сознательного фальсификатора официальных документов – это представление было слишком сильным для континентального либерализма. Только четыре года спустя министерство тори доказало, что Синие книги порой содержат больше подделок, чем книги спекулятивных банков. И главным виновником явился тот самый Пальмерстон, который так усердно редактировал для общественного мнения Синюю книгу по поводу Карса.

Примечания

1 Настоящая работа была написана Рязановым на основе его многолетних исследований литературного наследства Маркса и Энгельса 1850-х гг., в особенности их публицистики периода Крымской войны, нашедших отражение в предисловиях и комментариях к изданию «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852–1862» (Hrsg. von D. Rjazanov. Bd. I–II. Stuttgart, 1917), к X и XI томам Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, выпущенных ИМЭ в 1924 г. (в этом издании вышли в 1923–1924 гг. только четыре тома), в других его работах. Рязанов обращает особое внимание на то, что так называемый восточный вопрос рассматривается Марксом и Энгельсом не изолированно, а в тесной связи с европейским развитием. В этом особенность и отличие их позиции от представителей европейской демократии, в частности от туркофила Давида Уркарта. В этом же – ключ к пониманию их подхода ко всем частным аспектам этой проблемы. Статья Рязанова впервые была опубликована в сборнике: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. М., 1923. С. 589–603. Настоящая публикация производится по второму изданию этого сборника (М.; Л., 1928. Т. 2. С. 269–317).

2 *Liebknecht W.* Zur orientalischen Frage oder Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk. Leipzig, 1878.

3 *Schippel M.* Balkanwirren und Demokratie einst und heute // Sozialistische Monatshefte. 1908. Heft 21.

4 Депутат прусского Национального собрания в 1848 г. Лотар Бухер, принадлежавший к левому центру, после поражения революции 1848–1849 гг. эмигрировал в Лондон и в 1850-е гг. являлся корреспондентом берлинской «National Zeitung».

5 *Marx K.* The Eastern Question. A reprint of letters written 1853–1856 dealing with the events of the Crimean War. Ed. by Eleanor Marx Aveling and Edward Aveling. London, 1897.

6 Речь идет о работе Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», выпущенной Э. Маркс-Эвелинг в Лондоне в 1899 г. под заглавием «Secret Diplomatic History of the 18th Century». Русский текст работы Маркса см.: Вопросы истории. 1989 № 1–4.

7 Речь идет о статьях Маркса и Энгельса «Британская политика. - Дизраэли. Эмигранты. – Мадзини в Лондоне. - Турция»; Энгельса «Действительно спорный пункт в Турции», «Турецкий вопрос» и «Что будет с Европейской Турцией?» Ниже в этой же статье Рязанов сам уточняет авторство (см. с. 288–289). См.: МЭС. Т. 9. С. 1–15, 20–26. 31–36. См. также: MEGA² I/12. Berlin: Dietz Verlag, 1984. S. 68–75, 77–80, 84–88, 92–96.

8 Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Британская политика... // МЭС. Т. 9. С. 3–5.

9 Там же. С. 10.

10 *Энгельс Ф.* Действительно спорный пункт в Турции // Там же. С. 13.

11 Там же. С. 14, 15.

12 *Энгельс Ф.* Турецкий вопрос // Там же. С. 24.

13 Там же.

14 Там же. С. 25.

15 Рязанов приводит ниже статью Энгельса «Что будет с Европейской Турцией?», которую он здесь ошибочно приписывает Марксу (см.: МЭС. Т. 9. С. 31–36). Первую публикацию этой статьи Рязанов осуществил в переводе на немецкий язык в журнале «Die Neue Zeit» (Jg. 28. Stuttgart. 1909–1910. Bd. 2. S. 9–12) под заглавием «Was soll aus der Türkei in Europa werden?».

16 Адрианопольский договор – мирный договор, заключенный в сентябре 1829 г. между Турцией и Россией в результате успешной для России войны 1828–1829 гг. По договору к России переходили устье Дуная с островами и значительная часть восточного побережья Черного моря к югу от устья Кубани. Турция должна была признать автономию Молдавии и Валахии, гарантия которой возлагалась на Россию. Правительство Турции обязывалось также признать Грецию самостоятельным государством, связанным с Турцией лишь уплатой ежегодной дани султану, и соблюдать все предыдущие договоры в отношении автономии Сербии.

17 У Рязанова в «Очерках» ошибочно: «классу».

18 У Рязанова в «Очерках» ошибочно: «Будапешту». Объединение двух частей города Буды и Пешта в Будапешт произошло только в 1872 г.

19 Рязанов говорит здесь о младотурецкой революции 1908 г. в Турции, о событиях Иранской революций 1905–1911 гг. и о массовом антиимпериалистическом движении в Китае, получившем название «Движения четвертого мая» в честь студенческой демонстрации, состоявшейся в этот день 1919 г.

20 *Liebknecht W.* Karl Marx zum Gedächtnis. Ein Lebensabriss und Erinnerungen. Nürnberg, 1896. Русский текст с небольшими сокращениями см.: Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. Ч. 1. М., 1988. С. 229–230.

21 Речь идет о предисловии Рязанова к статье Энгельса «Что будет с Европейской Турцией?» (см. примеч. 15). Ниже речь идет об издании «The Eastern Question» (см. примеч. 5).

22 Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Hrsg. von A. Bebel und Ed. Bernstein. Bd. I–IV. Stuttgart, 1913.

23 Здесь и ниже Рязанов цитирует письмо Маркса Энгельсу от 10 марта 1853 г. (Ср.: МЭС. Т. 28. С. 189–190).

24 Здесь и ниже Рязанов цитирует письмо Энгельса Марксу от 9 марта 1853 г. (Ср.: МЭС. Т. 28. С. 186, 187).

25 *Энгельс Ф.* Что будет с Европейской Турцией? // МЭС. Т. 9. С. 34, 32.

26 Статья Энгельса «Демократический панславизм» была опубликована в газете «Neue Rheinische Zeitung» (Кёльн. 1849. № 222 и 223; 15 и 16 февраля). См.: МЭС. Т. 6. С. 289–306).

27 Там же. С. 294.

[28] Речь идет о газете «Allgemeine Zeitung» (Аугсбург). См.: *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 484. Маркс имеет в виду публицистические статьи Г. Гейне, посылавшиеся им из Парижа в 1830–1840-х гг. в «Allgemeine Zeitung», а также очерки немецкого историка, филолога и публициста родом из Тироля Я.Ф. Фальмерайера (1790–1861), изданные отдельной книгой в 2 томах под названием «Fragmente aus dem Orient» («Фрагменты с Востока») в 1845 г.

[29] См.: *Маркс К.* Военный вопрос. – Парламентские дела. – Индия // МЭС. Т. 9. С. 219.

[30] *Маркс К.* Лорд Пальмерстон // МЭС. Т. 9. С. 357–425.

[31] *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 486. Здесь Рязановым допущена неточность: Маркс действительно отдал печатать первую статью из серии «Лорд Пальмерстон» сначала в «Трибуну», а затем в «People's Paper». И первая статья в «Трибуне» появилась 19 октября, а в «People's Paper» 22 октября 1853 г. При этом следует учесть, что рейсы пароходов, с которыми отсылались статьи в Нью-Йорк, в среднем длились около двух недель. Джонс же печатал статьи Маркса сразу после их получения.

[32] «Твоими устами буду судить тебя» (Евангелие от Луки 19:22). Третью статью серии «Лорд Пальмерстон», изданную Такером под названием «Пальмерстон и Россия», см.: МЭС. Т. 9. С. 374–385.

[33] «Ты лукавый раб» (Евангелие от Луки 19:22). Статьи четвертую и пятую серии «Лорд Пальмерстон», которые Такер издал в сокращенном виде в виде брошюры под названием «Пальмерстон, каковы были его прошлые дела?», или «Пальмерстон и Ункяр-Искелесийский договор», см.: МЭС. Т. 9. С. 386–391.

[34] См.: *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 486.

[35] Маркс – Энгельсу, 9 февраля 1854 г. // МЭС. Т. 28. С. 274–275.

[36] Маркс – Энгельсу, 27 июля 1854 г. // Там же. С. 320.

[37] См.: E. Tucker an Karl Marx, 21. November 1855 // MEGA² III/7. S. 526.

[38] См.: Маркс – Н.Ф. Даниельсону, 7 октября 1868 г. // МЭС. Т. 32. С. 471.

[39] См.: Маркс – Энгельсу, 8 октября 1853 г. // МЭС. Т. 28. С. 253.

[40] Маркс – Энгельсу, 12 октября 1853 г. // Там же. С. 255.

[41] Маркс – Энгельсу, 2 ноября 1853 г. // Там же. С. 258–259. О Штибере см. примеч. 64.

[42] *Lassalle F.* Nachgelassene Briefe und Schriften. Band III. Der Briefwechsel zwischen Lassalle und Marx. Stuttgart, Berlin, 1922.

[43] Речь идет о втором томе «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852–1862» (Stuttgart, 1917) и двух статьях «Лорд Пальмерстон», опубликованных в «Neue Oder-Zeitung» 16 и 19 февраля 1855 г. (см.: МЭС. Т. 11. С. 61–67).

[44] В приводимой Рязановым ниже статье Клусу принадлежал, по-видимому, лишь первый абзац, в основу же ее, как это видно из письма Клусса Вейдемейеру от 7 декабря 1853 г., были положены заметки Маркса об Уркарте (см.: *Маркс К.* Давид Уркарт // МЭС. Т. 44. С. 184–185, 614, примеч. 234).

[45] Под псевдонимом А.Р.С. в «New-York Daily Tribune» в 1850-е гг. печатался известный венгерский политический деятель, эмигрант граф А.Ф. Пульский. (См. также с. 55).

[46] См.: *Маркс К.* Лорд Пальмерстон // МЭС. Т. 11. С. 62.

[47] См.: *Маркс К.* Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих // МЭС. Т. 16. С. 11.

[48] *Laugel A.* Lorc. Palmerston et Lord Russel. Paris, 1877.

[49] Библия. Евангелие от Матфея. 6:34.

[50] Имеется в виду Ункяр-Искелесийский договор об оборонительном союзе между Россией и Турцией, заключенный 8 июля 1833 г. в Ункяр-Искелеси, близ Стамбула. Турция обязывалась в случае войны закрыть по требованию России Дарданелльский пролив для прохода иностранных военных судов.

[51] Речь идет об издании дипломатических документов «The Portfolio; or a Collection of State Papers» и «The Portfolio. Diplomatic Review», издававшихся Д. Уркартом в Лондоне в 1835–1837 гг. и 1843–1845 гг. соответственно.

[52] *Grenville R.* Memoirs of the Court and Cabinets of George III. Vols. 1–4. London, 1853–1855.

53 См.: *Маркс К.* Падение Карса // МЭС. Т. 11. С. 635.

54 *Sandwith H.* A Narrative of the Siege of Kars and of the Six Months' Resistance by the Turkish Garrison under General Williams to the Russian Army: together with a Narrative of Travels and Adventures in Armenia and Lazistan; with Remarks on the Present State of Turkey. London, 1856. Рязанов цитирует по немецкому переводу этой работы.

55 Маркс – Энгельсу, 5 марта 1856 г. // МЭС. Т. 29. С. 19.

56 Там же. С. 18; в переводе тома 29 сказано: «позаботьтесь о Даубе», «позаботьтесь о Даубиггине», что точнее передает текст оригинала, чем перевод Рязанова.

57 Papers Relative to Military Affairs in Asiatic Turkey, and the Defence and Capitulation of Kars. Presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. (Supplementary Papers.) London, 1856.

58 Дата этого письма впоследствии не раз уточнялась, в МЭС это письмо датируется 25 марта 1856 г. (см.: Т. 29. С. 25–27); в последней публикации данного письма на языке оригинала (MEGA² III/7. S. 248–250) дается дата 18 марта 1856 г.

59 Современные названия: Эрзурум и Трабзон.

60 *Маркс К.* Падение Карса // МЭС. Т. 11. С. 639.

61 *Rüstow W.* Der Krieg gegen Russland. Bd. 1–2. Zürich, 1855–1856.

62 *Destrilhes M.* Confidences sur la Turquie. Paris, 1855.

63 У Маркса в письме: «паршивое редклиффское турецкое министерство» (см.: МЭС. Т. 29. С. 28; на языке оригинала см.: MEGA² III/8. S. 5). Маркс этим хотел подчеркнуть влияние тогдашнего английского посла в Турции лорда Чарльза Редклиффа на турецкое правительство великого визиря Решида-паши. Рязанов же, по-видимому, решил, что Маркс допустил ошибку, и поэтому он заменил в приводимом русском переводе письма Маркса фамилию «Редклифф» на «Решида».

64 Маркс – Энгельсу, 10 апреля 1856 г. // МЭС. Т. 29. С. 28–29. Говоря о Штибере, Маркс намекает на свою работу «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов» (см.: МЭС. Т. 8. С. 423–491), в которой он путем сличения подложных документов, сфабрикованных прусскими полицейскими агентами Штибером, Флёри и др. против обвиняемых в государственной измене участников Кёльнского процесса коммунистов (4 октября – 12 ноября 1852 г.), с подлинными документами, а также путем сопоставления фальсифицированных прусской полицией дат и событий с действительными, разоблачил провокационные действия непосредственных организаторов процесса и предвзятость прусской юстиции. В работе над статьей «Падение Карса» Маркс использовал аналогичные приемы сличения документов.

65 Статья Маркса «Kars Paper Curiosities» («Любопытные места в карсских документах»), опубликованная 3 мая 1856 г. в газетах «The Sheffield Free Press» и «The Free Press», представляла собой в основном выдержки из второй и третьей статей серии «Падение Карса» в «People's Paper», напечатанных 12 и 19 апреля 1856 г.

66 *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 680; К. Маркс – Ф. Энгельсу, 8 мая 1856 г. // Там же. Т. 29. С. 40.

67 Маркс К. Капитал. Т. 1 // МЭС. Т. 23. С. 135.

68 Здесь, по-видимому, при наборе текста работы Рязанова в «Очерках» выпала часть фразы: «первая из них» – это первая статья из серии «Падение Карса», опубликованная в «People's Paper» 5 апреля 1856 г., она соответствовала статье в «New-York Tribune», напечатанной 8 апреля 1856 г., которая была восстановлена Марксом «по памяти» (см.: К. Маркс – Ф. Энгельсу, 16 апреля 1856 г. МЭС. Т. 29. С. 34).

69 В газете «New-York Daily Tribune» действительно была опубликована лишь первая статья серии «Падение Карса» (см.: МЭС. Т. 11. С. 633 и 635–642).

КАРЛ МАРКС И РУССКИЕ ЛЮДИ СОРОКОВЫХ ГОДОВ[1]

I

Вместе со всей германской демократией сороковых годов Карл Маркс всегда был непримиримым врагом официальной России. Но он очень долго, до конца шестидесятых годов, относился если не враждебно, то очень скептически и недоверчиво также и к оппозиционной России.

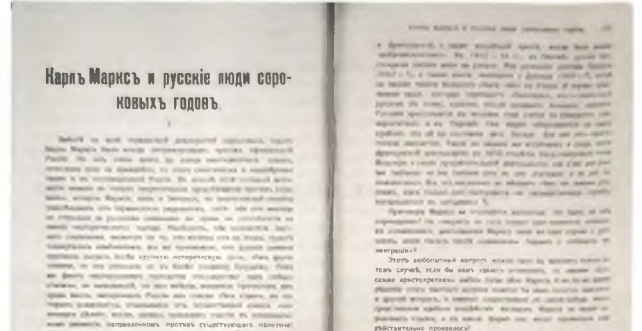
В основе этой глубокой, устойчивой антипатии лежало не только теоретическое предубеждение против «славян», которое Маркс, как и Энгельс, в значительной степени унаследовал от германских радикалов, хотя оба они никогда не отрицали за русскими славянами ни права, ни способности на звание «исторического» народа.

Наоборот, основатели научного социализма, несмотря на то что взгляды их в этом пункте подвергались изменениям, все же признавали, что русские славяне призваны сыграть более крупную историческую роль, чем другие славяне, но они относили ее к более позднему будущему[2].

Пока же в наличной действительности факт несокрушимого господства «государства» над «обществом», не вызывавший, по их мнению, никаких протестов из среды масс, вычеркивал Россию из списка тех стран, в которых коммунисты, отказываясь от осуществления своих «конечных целей», могли, однако, принимать участие в оппозиционном движении, направленном против существующего политического порядка. Представители такой оппозиции в России являлись с этой точки зрения «продуктом чужеядного творчества», переноса задач, выдвинутых западноевропейским развитием, в совершенно чужую им среду.

И личный опыт Маркса и Энгельса, казалось им, только подтверждал это теоретическое предубеждение. Свидетельство самого Маркса показывает, что его недоверие к русским революционерам являлось результатом также личного знакомства с ними и неоднократного разочарования. Так, в одном из писем к другу своему Кугельману Маркс, сообщая ему, что готовится русский перевод «Капитала», вспоминает при этом свои прежние встречи с русскими в Париже:

«По какой-то иронии судьбы именно русские, на которых я в течение 25 лет неустанно нападаю не только в немецкой, но и французской, а также и английской прессе, всегда были моими "доброжелателями". В 1843–1844 гг. в Париже русские аристократы носили меня на руках. Моё сочинение против Прудона



Карлъ Марксъ и русскіе люди сороковыхъ годовъ

Первые страницы работы Д.Б. Рязанова «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» в журнале «Современный мир» за август 1912 г.

(1847 г.)*, а также книга, вышедшая у Дункера (1859 г.)**, нигде не нашли такого большого сбыта, как в России. И первая чужеземная нация, которая переводит "Капитал", – это – опять-таки русские. Но этому, конечно, нельзя придавать большого значения. Русская аристократия в молодые годы учится в немецких университетах и в Париже. Она жадно набрасывается на самое крайнее, что ей в состоянии дать Запад. Для нее это – просто тонкое лакомство. Такое же явление мы встречаем и среди части французской аристократии в XVIII столетии. Как говаривал тогда Вольтер о своей просветительной деятельности, "ce n'est pas pour les tailleurs et les bottiers" («это не для портных и не для сапожников»). Все это нисколько не мешает тем же самым русским, как только они поступают на государственную службу, превращаться в негодяев»***.

Приговор Маркса не отличается мягкостью. Но был ли он справедлив? Не говорит ли тут только одна ненависть «немца» к «славянам», диктовавшая Марксу

---

* Misère de la philosophie. Paris; Bruxelles, 1847.

** Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin, 1859.

*** Письмо от 12 октября 1868 г. (NeueZeit. XX 1902). Band II. P. 224[3].

такие же злые строки о русских, какие писал после «славянин» Герцен о «немцах в эмиграции»?

Этот любопытный вопрос можно было бы выяснить только в том случае, если бы нам удалось установить, с какими «русскими аристократами» имел тогда дело Маркс. И в то же время решение этого частного вопроса помогло бы нам попутно выяснить и другой вопрос, а именно: существовало ли какое-нибудь непосредственное идейное воздействие взглядов Маркса на людей сороковых годов и в какой форме оно могло проявиться или действительно проявилось?

Что Маркс не имел в виду именно Бакунина, тоже принадлежавшего тогда в Париже к «русским аристократам», видно уже из того, что он его не называет, хотя имя его само собой напрашивалось. Маркс, несомненно, не преминул бы сделать это в письме к Кугельману, с которым он охотно делился фактами и впечатлениями из своей деятельности в Интернационале, если бы его суровый приговор относился именно к Бакунину или только хотя бы отчасти к нему. Ни в сороковых годах, ни после наш «апостол разрушения», при всем его почтении к учености и гению Маркса, не принадлежал к числу восторженных поклонников, о которых пишет Маркс. Несомненно, что были другие «русские аристократы», которые в своих поисках за «последним словом» европейского просвещения обращались и к известному тогда среди русских левых гегельянцев и фейербахистов соредактору Арнольда Руге по изданию «Deutsch-Französische Jahrbücher». Мы должны их поэтому искать среди русских эмигрантов и путешественников сороковых годов.

Следует оговориться, однако, что Маркс чересчур суживает хронологический цикл своих знакомств с «русскими аристократами». Они вовсе не относятся только к 1843–1844 гг., как это можно было бы заключить, опираясь на буквальный текст его письма к Кугельману. Напротив, эти встречи и знакомства, начавшись в 1843–1844 гг., продолжались и после изгнания Маркса из Парижа и переезда его в Брюссель. Они поддерживались через посредство Энгельса, подолгу живавшего в Париже, да и вновь завязывались россиянами, проезжавшими через Брюссель.

Если для романтиков двадцатых годов главным пунктом притяжения за границей является Гёттинген, если для «идеалистов тридцатых годов» им служил Берлин, то уже в начале сороковых годов, вместе с протестом против правоверного гегельянства и ослаблением «галлофобии», наиболее активные элементы русской интеллигенции начинают стремиться в Париж, в «страну Сен-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и в особенности Жорж Санд». Пребывание в Берлине становится менее привлекательным и потому еще, что кратковременная «весна» начала сороковых годов в Пруссии очень скоро сменилась новым параксизмом реакции. Не случайность, что тяга в Париж охватывает в это время с особенной силой также и немецкую интеллигенцию.

А для России Париж, долгое время составлявший после Июльской революции запретный плод, вкусить от которого дозволялось только немногим счастливцам, получившим на то специальное разрешение от попечительного начальства, представлял сугубый интерес. На континенте это было тогда единственное место, где можно было наблюдать картину горячей парламентской борьбы в более или менее крупном масштабе, где можно было без особенных внешних помех познакомиться с богатой литературой по социальным вопросам; где можно было не только по книгам, но и на собраниях и в непосредственном личном общении познакомиться с тогдашними корифеями французского социализма. Конечно, известную роль

играло и то обстоятельство, что нигде тогда нельзя было с таким удобством соединять «полезное» с «приятным», а репутация «современного Вавилона», установившаяся за Парижем, только увеличивала тяготение к нему наших «лишних людей».

К сожалению, лишь с большим трудом можно теперь определить личный состав тогдашней русской колонии в Париже. Кое-какие указания может нам дать Анненков, оставивший в своих воспоминаниях столь часто цитируемое описание Маркса. Мы увидим ниже, что в этих воспоминаниях, несмотря на их, повидимому, фотографическую точность, встречается и немало ошибок, и немало неправды. Во всяком случае, данные, приводимые Анненковым, могут послужить для нас отправным пунктом при исследовании вопроса, с какими «русскими аристократами» мог встречаться в Париже Маркс*.

II

«Когда я прибыл в Париж по весне 1846 г., я уже застал там целую русскую колонию с главными и выдающимися ее членами, Б. и С-вым, занятую непрерывным искажением и обсуждением бытовых, исторических, философских и всяких вопросов, какие постоянно возбуждала общественная жизнь Парижа при либеральном короле Людовике-Филиппе»**.

Б. – это Бакунин, С-в – Сазонов. Бакунин переселился в Париж из Швейцарии в июле 1844 г. Сазонов основался там еще раньше.

Кроме показания Анненкова, мы имеем еще свидетельство А.Я. Головачевой-Панаевой, жившей вместе со своим мужем И.И. Панаевым в Париже осенью 1844 г. Она дает нам возможность заглянуть в жизнь русской колонии в Париже в то время, когда там жил еще Маркс.

«Дешевый ресторан, куда мы ходили обедать, сделался сборным пунктом русских путешественников. Часто удостаивал являться туда Сазонов, уже четыре года как поселившийся в Париже. Он *корчил аристократа*, брюзжал на то, что невозможно обедать в таком кабаке, сердился на гарсона за то, что тот плохо ему сервирует обед, заказывал себе всегда дорогие блюда. Между Сазоновым и Бакуниным происходили горячие споры о французской политике»***.

Головачева называет также В.П. Боткина, который в то время был еще в очень близких отношениях с Бакуниным. Во время споров последнего с Сазоновым он, по ее словам, был мучеником. Ему всюду мерещились шпионы, в каждом посетителе, обедающем одиноко за столом, он готов был видеть шпиона и страшно сердился на спорящих. «Его воображение разыгрывалось иногда до того, что он

---

* Специальная глава, посвященная проф. *Emile Haumont* (La culture française en Russie. Paris. 1900. P. 392–403), «русским посетителям Парижа при Луи-Филиппе» не дает ни одного нового указания. В отличие от М. Неттлау, который в своей монументальной биографии Бакунина не ограничился только русскими данными и постарался использовать также французскую и немецкую литературу, Haumont не сделал даже попытки разработать современную французскую литературу и вопрос о русской эмиграции в Париже оставил совершенно в стороне.

** *Анненков П.В.* Литературные воспоминания и критические статьи. Ч. III. СПб., 1881. С. 154.

*** Воспоминания А.Я. Головачевой // Исторический Вестник. 1889. Март. С. 555.

от страха убегал из ресторана». Что Боткин действительно жил тогда в Париже и вращался не только среди русских, но и немцев, видно также из письма Арнольда Руге к Флейшеру (23 ноября 1844 г.), где, говоря об одном немце, он пишет, что последний «не хуже Боткина и лучше большинства других приятелей и собутыльников Бакунина»*.

Показания Головачевой и, в известной степени, также и мужа ее Панаева не всегда отличаются правдивостью. В них чересчур силен элемент сплетни; но, если им нельзя доверять там, где речь идет о содержании идейных разногласий, то чисто внешние черты Головачева хорошо улавливает и запоминает. Кроме названных, Головачевой и Панаева**, указывают еще Николая Гавриловича Фролова, известного переводчика «Космоса». Но он, как и Кудрявцев, жил в Париже затворником и слишком мало интересовался всем, что лежало вне сферы его специальных научных интересов, как это видно и из его писем к Огареву, опубликованных вместе с письмами других приятелей Герцена и Огарева в «Русской мысли».

С помощью этой переписки мы можем установить, что Н.М. Сатин жил в Париже весной 1844 г. (в письме от 3 марта 1844 г. он указывает Боткина, Сазонова, Фролова' и после опять туда приезжал из Берлина в марте 1845 г., что Огарев, которого Головачева якобы видела осенью 1844 г. в Париже, на самом деле попал туда только осенью 1845 г. и в январе 1846 г. уже вернулся в Берлин***. Если прибавить еще Мельгунова и какого-то помещика Клыкова, рассказами о похождениях которого в Париже Панаев смешил после своих московских друзей, то ими, по-видимому, замыкается круг тех лиц, с которыми Маркс мог встречаться в Париже до своей высылки в январе 1845 г.

С кем же именно из этих «русских аристократов» был знаком Маркс?

Вспомним, что он приехал в Париж в ноябре 1843 г.; что первый (двойной) и последний выпуск «Deutsch-Französische Jahrbücher» вышел в марте 1844 г.****; что уже в мае 1844 г. произошел раскол между ним и Руге; что, кроме усиленных работ по истории Конвента, которую он собирался тогда написать, Маркс с головой ушел в занятия по истории социализма и осенью 1844 г. пишет свой большой памфлет против братьев Бауэров[5] и компании*****. Такая интенсивная работа исключала для него возможность принимать слишком деятельное участие в том деловом безделии, которое представляло тогда жизнь «русских аристократов» в Париже.

Весьма вероятно, что с русскими он познакомился у Гервега, бывшего в то время кумиром оппозиционной Германии. А с приездом Бакунина, жившего одно время в редакции «Vorwärts», в котором принимал участие и Маркс, круг этих русских знакомств мог еще больше расшириться.

---

* Arnold Ruge's Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825–1880. [Berlin.] 1886. Band I. P. 375.

** *Панаев И.И.* Литературные воспоминания // Собрание сочинений. Т. 6. СПб. 1888. С. 244–246.

*** Из переписки недавних деятелей // Русская мысль. 1891. Июль и август.

**** *Mehring F.* Literarischer Nachlass etc. Band I. P. 335.

***** А не в Брюсселе, т. е. в 1845 г., как это утверждает *П. Берлин* в своей книге «Карл Маркс и его время». С. 52.

Было бы бесполезно строить теперь догадки, кто из названных выше русских, кроме Анненкова и Бакунина, был знаком с Марксом. В дальнейшем нашем изложении мы будем говорить только о тех «русских аристократах», относительно которых мы имеем несомненные данные, устанавливающие их близкое знакомство с Марксом. Мы начинаем с Сазонова, несколько писем которого мы нашли в бумагах Маркса[6].

III

«Сазонов, Бакунин, Париж – имена эти, люди эти, город этот так и тянут назад... назад – в даль тех лет, в даль пространств, во времена юношеских конспираций, во времена философского культа и революционного идолопоклонства... С Сазоновым я делил в начале тридцатых годов наши отроческие фантазии о заговоре la Риенци; с Бакуниным, десять лет спустя, в поте мозга завоевывал Гегеля».

Так начинается глава о «Русских тенях» в «Былом и думах». Для всех историков русской литературы и интеллигенции сороковых годов, которым приходилось упоминать о Сазонове, воспоминания Герцена служили единственным источником, из которого они черпали без всякой критической проверки свои сведения*. А между тем эта глава «Былого и дум» представляет еще в большей степени смесь Wahrheit und Dichtung [правда и вымысел. – *Ред.*], которая придает мемуарам Герцена такую своеобразную прелесть, но в то же время делает их зачастую крайне ненадежным «историческим документом».

Николай Иванович Сазонов родился в Рязани 17 июня 1815 г. и был, следовательно, моложе Герцена на три года. Они поступили почти одновременно на физико-математический факультет Московского университета.

«На второй год университетского курса, т. е. осенью 1831 г., мы встретили в числе новых товарищей в физико-математической аудитории двоих, с которыми особенно сблизились... Первый товарищ, ясно понявший нас, был Сазонов; мы нашли его совсем готовым (Сазонову было тогда 16 лет. – *Д. Р.*) и тотчас же подружились. Он сознательно подал свою руку и на другой день привел нам еще одного студента (Н.М. Сатина)».

Так сложилось ядро первого кружка русских сенсимонистов. Герцен оставил нам живую характеристику тогдашней студенческой жизни.

Сам Сазонов в 1860 г. в биографическом очерке Герцена следующим образом описывает кружок, в котором он принимал деятельное участие:

«Все, начиная от наших костюмов, указывало на самую причудливую смесь: зимой мы носили черные бархатные береты à la Karl Sand и трехцветные французские шарфы. На собраниях нашего кружка мы декламировали запрещенные стихотворения Рылеева и Пушкина и распевали наполеоновские куплеты Беранже наряду с антифранцузскими песнями Арнда, Уланда и Кёрнера. Наше чтение было еще более разнообразным: мы с одинаковым усердием разыскивали тогда еще очень редкие документы, относившиеся к французской революции, и сочи-

* См., например: *Венгеров С.А.* История новейшей русской литературы. СПб., 1885. С. 6. Или – биографию Сазонова в «Русском биографическом словаре», написанную *Модзалевским* по обычному шаблону, принятому (за немногими исключениями) в этом издании коллежских и статских советников от истории.

нения Шеллинга и Окена по натурфилософии. Начиная от мистических прорицаний Якоба Бёме и вплоть до ямбов Барбье и "Шагреневой кожи" Бальзака – все волновало нас, все интересовало нас и вызывало в нас энтузиазм, иногда монотонный и бесплодный, но всегда искренний!»*

В этой характеристике чувствуется критическое и насмешливое отношение к тому восторженному тону, который, с легкой руки Огарева и Герцена, господствовал в кружке и, вероятно, вызывал протесты со стороны Сазонова. Между молодыми друзьями уже и тогда замечалось соперничество, приводившее нередко к стычкам.

«Сазонов имел редкие дарования и редкое самолюбие. Ему было лет восемнадцать, скорее меньше, но, несмотря на то, он много занимался и читал все на свете. Над товарищами он старался брать верх и никого не ставил на одну доску с собой. Оттого они его больше уважали, чем любили».

На это стремление к первенству указывает в своих воспоминаниях и Константин Аксаков.

«Замечательнее других, – пишет он, – был Сазонов, перешедший из другого отделения и принадлежавший к кружку Герцена, кружку совершенно иного склада, чем кружок Станкевича, – кружку, любившему тогда эффекты и картинность. Сазонов был человек умный, но фразер и эффектер; он старался со мною сблизиться, желая сделать из меня прозелита, чего ему, однако, не удалось... Сазонов считался первым студентом; я, кажется, вторым; насколько справедлива была такая оценка, это – другой вопрос. Сазонов точно был человек очень образованный, очень много читавший, впрочем, преимущественно французских писателей; но в особенности он умел ловко себя держать, умел придавать себе вес. Я помню, случалось, что он не знает того, о чем его спрашивает профессор, отвечает, ошибается, но все это с таким чувством собственного достоинства, с такой уверенностью в себе, что и профессору казалось, что Сазонов прекрасно отвечает»**.

Эта самонадеянность и умение «себя выставить», как видно, сильно шокировали тяжеловесного и простого отца русского славянофильства.

А как разнообразны были умственные интересы молодого Сазонова, видно из того, что он усердно занимался также и по русской истории и, вместе с Аксаковым, отдал дань историческому скептицизму Каченовского. Для него Сазонов написал работу об исторических трудах Миллера, которая была напечатана в «Записках» университета***.

В начале 1834 г. Герцен, Сазонов и Сатин составили программу нового энциклопедического журнала, который должен был «следить за человечеством в главнейших фазах его развития, для сего возвращаться иногда к былому, объяснить некоторые мгновения дивной биографии рода человеческого и из нее вывести свое собственное положение, обратить внимание на свои надежды». В план издания одинаково входили как науки гуманитарные, так и естественные. Интересно распределение между участниками литературной работы: философия истории

---

* *Sasonoff N.* Alexander Herzen // Gazette du Nord. Paris, le 26 mai 1860.

** *Аксаков К.С.* Воспоминания студентства 1832–1835 годов. СПб., 1911. С. 30–33.

*** «По мнению автора, у Миллера не было критических способностей; так, он без возражения доверился летописи Нестора». Заметка Погодина. (См.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. IV. СПб., 1891. С. 218).

была отведена Огареву, Сазонову и Герцену, теория литературы – Огареву, а статистическим отделом, которому они все придавали большое значение, должны были заведовать Лахтин, Герцен и Сазонов*.

Проект остался в области мечтаний. Тяжелая лапа московской полиции раздавила журнал в зародыше. В июле 1834 г. большинство членов кружка было арестовано. После девятимесячного тюремного заключения приговором 34 марта 1835 г. Герцен, Огарев и другие были разосланы по разным губерниям.

«Когда нас арестовали в 1834 г., – пишет Герцен, – и посадили в тюрьму, Сазонов и Кетчер уцелели каким-то чудом. Оба они жили в Москве почти безвыездно, говорили много, но писали мало, их писем ни у кого из нас не было. Нас повезли в ссылку; Сазонову мать выхлопотала заграничный паспорт в Италию».

Отношения между Сазоновым и Герценом были уже и тогда несколько натянуты. На это намекают, между прочим, следующие слова Анненкова: «Вопрос о том, будет ли Герцен служить действительно или только числиться на службе, занимал его самого и его друзей еще при отъезде из Москвы. Один из них, любивший отличаться в среде товарищей противоречиями их вкусам, Н.И. Сазонов, пророчил Герцену, что из него выйдет лихой чиновник, но пророчество его не сбылось»**. Об этом же свидетельствует и цитируемое нами ниже письмо Огарева.

Пробыв в Италии год, Сазонов возвратился в Москву[7]. Там «его встретил мертвый calme plat (штиль), нигде ни тени сочувствия, ни живого слова)... Из старых друзей один Кетчер был налицо, человек, с которым Сазонов, *упорный аристократ по манерам*, всего меньше мог идти рука об руку». Сазонов попробовал устроиться в Петербурге, но он и там не выдержал. Его тянуло за границу, и в начале сороковых годов, вероятно, одновременно с Сатиным и Огаревым, он оставил Россию, но на этот раз устроился в Париже[8].

«Но дела не нашел он и тут. Шумная, веселая праздность заменяла немую, подавленную жизнь. В России он был связан по рукам и ногам, тут – чужой всем и всему. Другой, длинный ряд годов бесцельно волнуемой, раздражаемой жизни начался для него в Париже. Сосредоточиться в себе, отдаться внутренней работе, не ожидая толчка извне, он не мог: это не лежало в его натуре. Объективный интерес науки не был в нем так силен. Он искал иной деятельности и был бы готов на всякий труд, но на виду, но в быстром приложении его, в практическом осуществлении, и притом при громкой обстановке, рукоплесканиях и крике врагов; не находя такой работы, он бросился в парижский разгул».

Сазонов действительно жил и кутил вовсю. Особенной практичностью он никогда не отличался и скоро запутался в долгах. Когда он в конце 1845 г. хотел вернуться вместе с Огаревым и Сатиным в Россию, он должен был остаться, потому что не имел возможности расплатиться со своими кредиторами. К этому времени относится письмо Огарева к Герцену, писанное по возвращении из Парижа в Берлин, 10 (22) января 1846 г. «Надо выручить этого человека, которого "*sauf le respect, que je vous dois*"*** я с гордостью назову своим другом. Раз запутавшись в денежных делах, он просто вернуться не может и от этого не мог с нами уехать».

---

* *Лемке М.* Очерк жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей // Современный мир. 1906. Январь. С. 67–69.

** *Анненков.* Идеалисты тридцатых годов // Вестник Европы. 1883. Март. С. 129.

*** Из переписки недавних деятелей // Русская мысль. 1891. Август. С. 19. Курсив наш. Как видно, Огареву хорошо было известно, что Герцен относился к Сазонову не очень дружелюбно.

И в следующем письме Огарев опять напоминает Герцену о необходимости помочь Сазонову. Но друзья не поспешили на помощь, и Сазонов действительно попал за долги в Клиши. Так как Герцен с каким-то особенным удовольствием расписывает этот эпизод из биографии старого товарища, касаясь самых интимных сторон жизни Сазонова с грубостью, которая может быть объяснена, но не оправдана лишь глубокой ненавистью, то мы считаем необходимым внести некоторые поправки в рассказ Герцена.

Насколько изменила в этом случае автору «Былого и дум» память, видно из того, что он превращает себя в очевидца и свидетеля событий парижской жизни, о которых он мог слышать только от друзей или знать из их писем. Сазонов попал за долги в тюрьму или, вернее, был туда посажен своим соотечественником, неким Меем, в то время, когда Герцен был еще в России. Вот что пишет Анненкову по поводу этой истории Боткин в письме из Петербурга от 26 ноября 1846 г.:

«Скверно сделал, даже больше, нежели скверно, сделал Мей, посадив Сазонова в Clichy за такую пустую сумму. Но так ли это? До меня дошли слухи, будто бы Сазонов писал в Москву к Огареву о своем положении в Clichy, куда посажен за долг в 15 тысяч франков, и просил немедленно прислать эти деньги, грозя застрелиться. На это письмо поехали к нему сестры его, одна вдова, другая девушка, умолять его, чтобы он приехал с ними домой. Дела его по имению будто бы очень плохи, так что, продав его, он будет иметь дохода не более двух тысяч руб. асс. Между тем, кажется, 12 тысяч ему отправлены. Ведь подло радоваться чужому несчастью, но я вам должен признаться, в моих глазах Clichy не несчастье, а Сазонов, делаясь простее и добрее по мере, как карман его становится легче, сделается действительно добрым малым и отстанет от своих аристократических претензий, которых сущность состояла в том, что он мог тратить по 100 франков в день. И все-таки Мей поступил (если известие ваше верно) грубо и дурно»*.

Герцен в это время был в России. Когда он весною 1847 г. приехал в Париж, Сазонов был уже на свободе. В 1853 г. Герцен еще хорошо помнил, что сейчас же по приезде в Париж он «не мог остаться дома»: «Я оделся и пошел бродить зря... искать Бакунина, Сазонова», или, как он выражается в другом месте, с Бакуниным, которого он встретил раньше, «пошел удивлять Сазонова своим приездом». А через десять лет Герцен в «Русских тенях» рисует с чужих слов печальную картину личного падения Сазонова и не находит для него ни одного слова извинения.

Дело в том, что воспоминания Герцена о Сазонове были писаны под свежим впечатлением начавшихся уже столкновений со всякими «желчевиками», российскими и заграничными, и, давая характеристику Сазонова, Герцен преследовал «дидактическую» цель. Герцену «ужасно хотелось спасти молодое поколение от исторической неблагодарности и даже от исторической ошибки». Пример Сазонова и Энгельсона должен был показать, что «реальный смысл и реальное понимание жизни именно и обнаруживаются в остановке перед крайностями». Мы увидим еще, что, кроме этой «дидактической» тенденции, в отношении Герцена к Сазонову играло роль также поведение последнего в одном деле, очень дорогом для Герцена. И все же трудно понять, как мог глубоко чувствовавший и нравственно чуткий Герцен, чуть ли не на другой день после смерти старого друга, при известии о которой, по его собственным словам, у него «стукнуло сердце – будто

* «П.В. Анненков и его друзья». СПб., 1892. С. 524–525.

раскаяньем, что я его так надолго оставил», дать такое дышащее злобой и не только несправедливое, но мало правдивое изображение всей частной жизни Сазонова, какое мы находим в «Русских тенях»*. Жизнь Сазонова так же мало исчерпывалась кутежами и долгами, как и жизнь другого приятеля Герцена – Бакунина. И об этом хорошо знал сам Герцен. Именно с помощью Бакунина и Сазонова он сумел так скоро войти в среду парижской эмиграции разных национальностей и местной революционной оппозиции.

Сазонов к этому времени уже успел окончательно втянуться в круг интересов международной демократии. Вместе с Бакуниным он играл очень заметную роль в начинавшемся тогда сближении русской оппозиции с польской эмиграцией. Из переписки Гервега с женой видно, что он находился в деятельных сношениях и с немецкой эмиграцией. С самим Гервегом Сазонов был очень близок и свое восторженное отношение к певцу свободы передал Герцену, которого, вероятно, именно он познакомил с человеком, сыгравшим такую трагическую роль в жизни обоих Герценов**.

Как и Бакунин, Сазонов в значительной степени успел уже освободиться от того «провинциализма», который привозили с собой в Париж из различных «дворянских гнезд» русские «аристократы». Вместе с Бакуниным он был убежден, что грядущая революция – а она чувствовалась в воздухе – должна будет отразиться и на России, которая неизбежно будет выведена из ее долголетней спячки. Он и Бакунин с жадностью набрасывались на соотечественников, приезжавших из России, чтобы узнать от них, имеются ли там какие-нибудь симптомы этого назревающего переворота. И, по всей вероятности, Герцен разочаровал его так же, как и Бакунина.

«Сазонов и Бакунин были недовольны (как впоследствии Высоцкий и члены польской централизации), что новости, мною привезенные, больше относились к литературному и университетскому миру, чем к политическим сферам. Они ждали рассказов о партиях, обществах, о министерских кризисах, об оппозиции (в 1847 г.), а я им говорил о кафедрах, о публичных лекциях Грановского, о статьях Белинского, о настроении студентов, даже семинаристов. Они слишком разобщились с русской жизнью и слишком вошли в интересы "всемирной революции" и французских вопросов, чтобы помнить, что у нас появление "Мертвых душ" было

---

* Безвременно погибший А. Серно-Соловьевич, наиболее яркий представитель того молодого поколения, в поучение которому Герцен писал «Русские тени», был вполне прав, когда писал в своем памфлете: «Вы говорите, что ваше поколение, правда громко ругавшееся и много пившее, оставляло, однако, "кое-что нетронутым", и этим думаете поразить молодежь, а затем сами рассказываете такие семейные сцены и подробности о своих приятелях, описание которых гадко и омерзительно читать... Называют себя вожаками общества, основателями школ... и наполняют свои непозволительные воспоминания рассказами, достойными московских просвирен, о "любовницах", "спущенных рубахах", "толстых грудях", "шампанском", о том, "как их друзья валяются в одиннадцать часов утра на полу с девками" и т. д. и т. д. (*Серно-Соловьевич А.* Наши домашние дела. Vevey, 1867. С. 17–18. Защищая Сазонова, Серно нисколько не скрывает от себя его недостатков)[9].

** *Fleury Victor.* Le poète Georges Herwegh. Paris, 1911. P. 132. Автор приводит следующую цитату из одного письма Сазонова к Гервегу: «Вы поймете теперь, почему я, варвар, Вас ценю и люблю больше, чем Ваши соотечественники; Вы поймете, почему я сравнивал революцию с мартирологом первых веков христианства; Вы поймете, что только там я мог найти примеры равенства, которые дают мне надежду стать когда-нибудь рядом с Вами», и т. д.

важнее назначения двух Паскевичей фельдмаршалами[10]. Без правильных сообщений, без русских книг и журналов, они относились к России как-то теоретически и по памяти, придающей искусственное освещение всякой дали».

Но если этот рассказ, несмотря на «дидактическую» окраску, делающую его так похожим на письма «положительных» друзей самого Герцена, еще носит на себе печать правдоподобия и показывает только, как далек был Герцен от вопросов, занимавших «неистового Виссариона» в последние годы его жизни, то следующее за ним описание конфликта между Герценом, с одной стороны, Бакуниным и Сазоновым – с другой, опять-таки выдает желание – в лице злосчастного Сазонова – кольнуть лишний раз новую эмиграцию, недостаточно ценившую чисто литературную работу[11]. Вполне понятное замечание Сазонова, что Белинский при других условиях, которые позволили бы ему не ограничиваться только литературными темами, сделал бы гораздо больше, – и никто не сознавал этого с такой горечью, как сам Белинский, – дает Герцену повод обратиться задним числом с филиппикой по адресу Бакунина и Сазонова, направленной, в сущности, против молодых и дерзких «желчевиков» шестидесятых годов*.

Герцен к середине шестидесятых годов позабыл уже, в каком настроении он оставил Россию в 1847 г. и каким провинциалом явился он в Париж. Ту оргию «культа и преклонения перед французскими знаменитостями», в которой он обвиняет своих старых друзей, он сам проделал в первый период пребывания своего за границей и был за это жестоко наказан и личным и идейным разочарованием, наложившим такую мрачную печать на его статьи и письма после 1850 г.

Он забыл также, что если его отношения к Сазонову в России были, как мы видели, довольно холодны, то за границей они значительно улучшились.

В июне 1848 г. он просит Огарева заняться делами Сазонова: «В последнее время я, вообще, гораздо довольнее им»**.

В другом письме Герцен пишет: «Эмиграция очень полезна теперь, но русских дельных очень мало; я могу назвать одного Сазонова, человека даровитого и имеющего вес в европейском движении»***.

В первом издании своей книги «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», разъясняя европейское значение русской эмиграции и доказывая, что «в данный момент эмиграция есть самый крупный оппозиционный акт, который может быть совершен русским», он пишет, между прочим: «Наш друг, Николай Сазонов, изгнанный из Франции в 1849 г., был одним из наиболее энергичных защитников демократии в «Tribune des Peuples» и в «Réforme»****.

---

* Аналогичное замечание Бакунина о Белинском приводит и Анненков.

** *Пассек Т.П.* Из дальних лет. Т. III. С. 116. Любопытна характеристика Сазонова, которую дает кузина Герцена: «Молодой человек с опухшими глазами и выразительным лицом... одно из тех эксцентрических существований, которые были бы исполнены веры, если бы их век имел верования; неспокойный демон, обитающий в их душе, ломает их и сильно клеймит печатью оригинальности» (Т. 1. С. 470–471). Отзыв Н.А. Огаревой-Тучковой (Воспоминания. Москва, 1903. С. 53) повторяет только слова кузины Герцена: «Очень умный, много знающий человек, но весьма несимпатичный и очень уже офранцуженный».

*** *М-ский А.П.* Герцен и его корреспонденты // Русский вестник. 1889. Апрель. С. 137.

**** *Iscander.* Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Paris, 1851. P. 171.

Герцен прав только в одном отношении. Сазонов так же мало, как и Бакунин, был заправским литератором и так же мало был склонен к упорному, систематическому труду.

Талантливый дилетант, как и Бельтов, которого Герцен в значительной степени срисовал с Сазонова, с огромными запросами, с деятельной и живой натурой, гораздо больше человек дела, чем человек мысли, он, как и Бакунин, которому он уступал в диалектических способностях, зачастую без толку тратил свои недюжинные силы на пустяки и прожигал жизнь в ожидании грядущей революции.

Наконец она явилась.

Герцен еще осенью 1847 г. уехал в Италию, где он в Риме и Неаполе присутствовал при пробуждении итальянского народа.

Но, как он сам рассказывает, Сазонов писал ему «в Рим письмо за письмом и звал *домой*, в Париж, в единую и нераздельную республику».

Когда в мае 1848 г. Герцен приехал в Париж, Сазонов уже принимал самое горячее участие в революционном движении.

Все, что рассказывает дальше об этом времени Герцен, больше смахивает на злостную карикатуру, чем на правдивый рассказ. Увлеченный Сазоновым, Бакунин уже уехал в Германию, – он сделал попытку сблизиться с голодной и бунтующей Францией, но пролетарский мир остался ему чужд: он продолжал оставаться посторонним наблюдателем, от внимания которого не ускользает ни одной смешной стороны революционного движения, но которому по той же причине трудно войти в него органически, целиком.

Если верить Герцену, Сазонов «завел» какой-то международный клуб, куда он привлек всяких немцев и мессианистов. За неимением членов, клуб этот скоро, мол, «лопнул».

На самом деле это был известный тогда клуб «Fraternité des peuples» («Братство народов»)[12] который "лопнул" только после июньского поражения французского пролетариата, как одна из первых жертв декрета, направленного против революционных клубов.

Герцен был таким же членом его, как Сазонов и Гервег. Еще в 1851 г. перечисляя европейцам заслуги Головина, с которым он был тогда еще в дружбе, он отмечает, что последний был президентом клуба «Fraternité des peuples»*.

Не более «объективен» и рассказ Герцена о сотрудничестве Сазонова в «Tribune des Peuples» Мицкевича. «Когда устроилась эта газета, – пишет Герцен, – Сазонов занял одно из первых мест в редакции, написал две-три очень хороших статьи... и замолк, а перед падением "Трибуны", т. е. перед 13 июня 1849 г., был уже со всеми в ссоре. Все ему казалось мало, бедно, il se sentais dérogé (он чувствовал себя униженным), досадовал за это, ничего не оканчивал, запускал начатое и бросал вполовину сделанное».

---

* *Iscander.* Du développement etc. P. 171. В докладе комиссии, производившей расследование о событиях 15 мая и восстании 23 июня, президентом клуба назван Rebstock. См.: «Rapport de la commission d'enquête» etc. t. II, p. 102. Люка в своей полицейской истории клубов февральской революции тоже называет Rebstock'a. По его словам, клуб основан был в марте 1848 г. и насчитывал среди своих членов представителей всех европейских национальностей, но больше всего немцев, итальянцев и венгерцев. См.: *Lucas A.* Les clubs et les clubistes. Paris, 1851. P. 154.

А между тем в одной из предыдущих глав «Былого и дум» Герцен дает нам другую версию истории «Tribune des Peuples», которая показывает, что у Сазонова могли быть совершенно другие основания для недовольства и ухода из редакции. Во главе журнала стоял Мицкевич, и его симпатии к Наполеону-дяде ставили в очень затруднительное положение его сотрудников, которым приходилось иметь дело с Наполеоном-племянником. Как говорит сам Герцен – и это показание его, как более раннее, заслуживает больше доверия, – «единства в редакции не могло быть; Мицкевич свертывал половину своего императорского знамени, usé par la gloire; другие не смели развертывать своего; стесненные им и советом, многие через месяц оставили редакцию; я не послал ни разу ни одной строчки. Если бы наполеоновская полиция была умнее, никогда "Tribune des Peuples" не была бы запрещена за несколько строчек о 13 июня. С именем Мицкевича и с поклонением Наполеону, с мистической революционностью и с мечтою о вооруженной демократии, во главе которой – наполеониды, этот журнал мог бы сделаться кладом для президента, чистым органом нечистого дела».

Ясно, что Сазонов имел, во всяком случае, не меньше оснований бросить этот журнал, написав для него несколько «очень хороших статей», чем Герцен, бывший тоже членом редакции, не написать ни одной строчки.

Мы не будем входить в детальный разбор той роли, которую сыграла «Tribune des Peuples» во время февральской революции. Она оставалась преимущественно органом польской эмиграции* и именно поэтому резко подчеркнула необходимость международной революционной пропаганды. Борясь с русским панславизмом, который нашел себе талантливого представителя в лице польского ренегата графа Адама Гуровского, газета в то же время настаивала на необходимости объединения между русским и польским народом. Сазонов, писавший под именем Волкова, – псевдоним, под которым он выступал тогда и в литературе, и на собраниях, пока не потерял своей легальности, – в статьях своих доказывал необходимость восстановления Польши**. Характеризуя партии, существующие в России, – консерваторы крайние (ортодоксы), консерваторы прогрессивные, революционеры и республиканцы, – он дает следующее резюме программы республиканцев, к которым он причисляет Воинова, Головина и Бакунина: «После того как восточная цивилизация Владимира Великого была разрушена татарским нашествием, все идеи прогресса и свободы в России находили свой единственный источник в независимой Польше. Покорив ее, русские опять вернулись к варварству и скрепили свои собственные цепи, так как завоевательная политика только усиливает абсолютную власть. Чтобы спасти Россию, мы должны восстановить Польшу при содействии ее народа и создать две республики, которые заключили бы между собой вечный оборонительный и наступательный союз»***.

А в статье «De la Russie» Сазонов старался растолковать западноевропейским демократам особенности исторического развития России, но, отстаивая общину как основную ячейку общественного строя будущей России, он не видит в ней источника спасения и для Западной Европы.

---

* См.: *Limanowski B.* Historya ruchu spolecznego w XIX stuleciu. Lwow, 1890. P. 308–312. И его же: Historya democracyi polskiej w epoce porozbiorowej. Zürich, 1901. P. 444–448.

** «Tribune des Peuples». 1849. 7 и 8 июня. «Opinion publique en Russie».

*** «Tribune des Peuples». 15 марта 1849 года.

Когда именно вышел Сазонов из состава редакции, можно сказать только приблизительно. Первый номер газеты вышел 15 марта 1849 г. После 13 июня газета была приостановлена до 1 сентября. Преследования, обрушившиеся на польскую эмиграцию, заставили поляков выйти из газеты (16 октября), но и новая редакция, с Карпантье во главе, не могла уже спасти газету.

Совершенно фантастический характер носит рассказ Герцена о дальнейшей литературной деятельности Сазонова.

«В 1849 г. я предложил Прудону передать иностранную часть редакции "Voix du Peuple" Сазонову. С его знанием четырех языков, литературы, политики, истории всех европейских народов, с его знанием партий он мог из этой части журнала сделать чудо для французов. Во внутренний распорядок иностранных новостей Прудон не входил: она была в моих руках, но я из Женевы ничего не мог сделать. Сазонов через месяц передал редакцию Хоецкому и расстался с журналом. Я Прудона глубоко уважаю, – писал он мне в Женеву, – но двум таким личностям, как его и моя, нет места в одном журнале».

Еще хуже, по словам Герцена, кончилось сотрудничество Сазонова в «Réforme».

«Через год Сазонов пристроился к воскрешенной тогда мадзинистами "Реформе". Главной редакцией заведовал Ламенне. И тут не было места двум великим людям. Сазонов поработал месяца три и бросил "Реформу". С Прудоном он, по счастью, расстался мирно, с Ламенне – в ссоре. Сазонов обвинял скупого старика в корыстном употреблении редакционных денег. Ламенне, вспомнив привычки клерикальной юности своей, прибегнул к ultima ratio (последнему доводу) на Западе и пустил насчет Сазонова вопрос, не агент ли он русского правительства».

Во всем этом рассказе о «былом» так сильно смешаны «быль» и «небылица», что его приходится подвергнуть сомнению почти во всех его частях.

Теперь, правда, очень трудно установить вполне точно хронологическую последовательность всех отдельных событий и фактов тогдашней жизни Сазонова и Герцена, но и того, что нам известно, вполне достаточно, чтобы прийти к выводу, что Герцену и на этот раз память изменила самым предательским образом.

Против него свидетельствуют опять его же собственные более ранние показания.

После 13 июня 1849 г. Герцен, которого Сазонов убедил принять участие в демонстрации в защиту Римской республики, – демонстрации, кончившейся полным поражением Горы, – поспешил уехать, во избежание ареста, в Женеву, но уже в декабре опять вернулся, чтобы привести в порядок свои денежные дела, – ему грозила конфискация его имущества, – и оставался в Париже до июля 1850 г.[13]

Выше мы видели, что он сам, в начале 1851 г. указывая на заслуги Сазонова, упоминает о его сотрудничестве в «Tribune des Peuples» и «Réforme», причем прибавляет, что Сазонов был выслан в 1849 г.

К сожалению, нет никакой возможности установить теперь точно дату, когда именно был выслан Сазонов из Парижа. После 13 июня иностранцы высылались десятками и в несколько приемов.

В начале октября 1849 г. выслан был полковник Фраполли, его близкий приятель, мадзинист и представитель Римской республики.

Мы знаем только, что в начале декабря Сазонов был еще в Париже. Всего вероятнее, что он был выслан во второй половине декабря 1849 г., за несколько дней до возвращения туда Герцена.

Первый (пробный) номер «Voix du Peuple» вышел 25 сентября 1849 г., последний – 14 мая 1850 г. Ламенне стал во главе редакции «Réforme», как то видно из заявления в самой газете, 1 октября 1849 г., после того, как в сентябре вынужден был бежать в Англию его предшественник по редакции Рибейроль. Весь 1850 г. и большую часть 1851 г. Сазонов пробыл в Швейцарии: в числе членов комитета европейской эмиграции известный провокатор Шеню называет, вместе с Фраполли, Пиа, Буашо и др., также «русского социалиста Сазонова»*. И его же имя мы встречаем, наряду с Иоганном Филиппом Беккером, Гессом, Зорге, среди швейцарских демократов-социалистов, пославших привет на лондонский банкет 24 февраля 1851 г.**

Итак, Сазонов мог работать в «Réforme» только во второй половине 1849 г.

Но и в «Voix du Peuple» он мог участвовать как редактор опять-таки не позже второй половины 1849 г. Дело в том, что прошло месяца три, пока возобновились закрытые сейчас же после 13 июня главные оппозиционные газеты. Быть одновременно редактором двух таких больших газет, как «Voix du Peuple» и «Réforme», Сазонов, конечно, не мог бы даже в том случае, если бы они были тождественны по направлению.

Поэтому Герцен, смутно помнивший, что Сазонов имел какое-то отношение к «Voix du Peuple», превращает его только *через год* в редактора «Réforme», но, избегнув прегрешения против логики и здравого смысла, он сильно грешит против хронологии и против себя, ибо в 1850 г. он хорошо еще знал, что Сазонов никакого участия в редакции «Voix du Peuple» не принимал и не мог принимать.

В действительности же дело происходило иначе. Когда после закрытия прудоновской газеты «Peuple» нужно было достать залог для ее возобновления, пришлось искать, как рассказывает главный редактор «Voix du Peuple» Альфред Даримон – Прудон сидел в тюрьме – «добрую душу», которая согласилась бы дать 24 000 франков.

«Эта добрая душа нашлась благодаря Шарлю Эдмону, у которого всегда была счастливая рука. Он свел Гильомена (администратор прудоновской газеты. – *Д. Р.*) с одним молодым русским, который был одновременно великим революционером и великим писателем. Герцен, которому удалось спасти свое состояние... согласился открыть нам свой кошелек. Гильомен, который поехал в Женеву вести переговоры об этом займе, говорил, что никогда не видел человека, который так охотно давал бы свои деньги. Казалось, что не мы, а он чувствовал себя обязанным»***.

Мы видим, что участие Сазонова в этом деле Даримону осталось совершенно неизвестным. Сам Герцен рассказывает о своем вкладе на издание «Voix du Peuple» несколько иначе. По-видимому, Шарля Эдмона (псевдоним поляка Хоецкого) направил к Герцену Сазонов. 14 августа 1849 г. был подписан договор, в силу которого Герцен согласился дать 24 000 фр., но на таких условиях, от которых, по его собственным словам, Прудона «покоробило»****.

Никаких других отношений к «Voix du Peuples» Сазонов не имел. Иностранным отделом заведовал Эдмон. Даримон, перечисляя всех близких сотрудников

---

* *Chenu A.* Les chevaliers de la république rouge en 1851. Paris, 1851. P. 139.

** «Banquet des Egaux». Londres, 1851. P. 68.

*** *Darimon Alfred.* A travers une révolution (1847–1855). Paris, 1884. P. 180.

**** *Гершензон М.* Западные друзья Герцена // «Былое». 1907. Апрель. С. 67–69.

и редакторов газеты, называет Герцена, но не упоминает ни одним словом о Сазонове. Вероятно, по той же причине Герцен в 1850 г. говорит о сотрудничестве Сазонова только в «Tribune des Peuples» и «Réforme».

В середине шестидесятых годов Герцен успел забыть не только это, но и то обстоятельство, что если он не принимал деятельного участия в Voix du Peuple, хотя и состоял в числе ее rédacteurs habitués (редакторов отделов), как говорит Даримон, то не потому, что он почти все это время жил в Женеве. Наоборот, из пяти с половиной месяцев, в течение которых существовала «Voix du Peuple», он прожил три месяца в Париже, но писал очень мало, потому что был поглощен устройством своих денежных дел.

Возможно, что Сазонов, помогавший Прудону приискать необходимый залог, думал после прекращения «Tribune des Peuples» устроиться в газете, но перемена, происшедшая в «Réforme», дала ему возможность стать в ней редактором иностранного отдела.

На ведение дел в этой газете начал тогда оказывать влияние названный уже нами Фраполли. Сам Герцен упоминает имя последнего в связи с «Réforme», когда рассказывает в главе XLI, писанной несколькими годами раньше, о системе залогов, введенной после июня 1849 г. и направленной против революционной прессы: Ледрю-Роллен сначала, потом полковник Фраполли как представитель мадзиниевской партии заплатили большие деньги, но не спасли «Реформы».

Мы увидим сейчас, что Сазонов в этой газете успел занять очень влиятельное положение.

Некоторый свет на деятельность его в 1849–1851 гг. бросают письма его к Марксу, к которым мы теперь и обратимся.

IV

С Марксом Сазонов мог познакомиться еще в 1844 г. у Гервегов, с которыми, как мы видели, он был очень близко знаком. Маркс, переживавший тогда кризис в своем идейном развитии, был еще в очень дружеских отношениях с поэтом Молодой Германии, на которого он возлагал большие надежды, не совсем, впрочем, оправдавшиеся. Именно личный конфликт из-за Гервега, никогда не отличавшегося особенной приверженностью к «филистерской» морали, послужил для него главным поводом к окончательному разрыву с Руге, с которым Маркс, по мере превращения своего из «якобинца» в коммуниста, идейно все больше и больше расходился.

Знакомство Маркса и Сазонова в то время не шло дальше случайных встреч у Гервегов или в других местах. Между ними было несравненно меньше точек идейного соприкосновения, чем даже между Марксом и Бакуниным. Сазонов никогда не отличался большой склонностью к философским спекуляциям, и увлечение сначала Гегелем, а после Фейербахом, характерное для его друзей, прошло для него почти бесследно. Типичный просветитель, он тогда больше всего увлекался текущей политической жизнью. От старого сенсимонизма он уже успел освободиться, и в то время как Маркс вырабатывал основы своего коммунистического мировоззрения, Сазонов оставался еще буржуазным демократом и в идейном отношении был ближе всего к группе, издававшей тогда Réforme.

Поэтому Маркс вряд ли мог привлекать его даже в такой степени, как Гервег, и, несмотря на то что по некоторым внешним чертам, на которые единогласно ука-

зывают все его знакомые, Сазонов больше всего подходит к типу «русских аристократов», мы сомневаемся, чтобы он уже в период пребывания Маркса в Париже принадлежал к числу его восторженных поклонников.

Сазонов и Маркс могли еще встречаться в марте и апреле 1848 г. Весьма возможно, что так же, как и Бакунин, Сазонов отнесся сочувственно к романтической затее Гервега, собиравшего тогда легион из немецких эмигрантов, чтобы с оружием в руках внести революцию в Германию, – затея, которая, как известно, окончилась полнейшим фиаско. Маркс, наоборот, самым решительным образом протестовал против революционной авантюры немецких демократов и именно на этой почве разошелся как с Гервегом, так и с защищавшим его Бакуниным.

И, наверное, Сазонов и Маркс опять встретились, на этот раз более дружелюбно, в мае и июне 1849 г. в Париже, куда Маркс попал после закрытия «Neue Rheinische Zeitung» и изгнания из Пруссии и где он, вместе с Сазоновым, принимал участие в демонстрации 13 июня.

Попав в одну из первых групп эмигрантов, подлежавших высылке, Маркс 19 июля получил приказ выехать из Парижа в департамент Морбиан, но предпочел уехать в Лондон.

Первое письмо Сазонова к Марксу относится к декабрю 1849 г. Оно писано на бланке газеты «Réforme» и датировано 6 декабря. Из него видно, что Сазонов считал себя тогда еще хозяином иностранного отдела.

«Мой дорогой Маркс!

Я надеялся, что мне придется писать Вам по более приятному для нас обоих поводу. Дело шло, как Вам объяснит Вольф*, о том, чтобы организовать демократическую корреспонденцию для немецких газет. Вольф должен был быть моим главным сотрудником, и он просил меня написать Вам, чтобы узнать об этом Ваше мнение и попросить Вашего совета. Я думаю, что Вы ничего не имели бы против его участия в таком полезном и нужном деле, но теперь об этом не может быть и речи. *Граждане предполагают, а полиция располагает.* Вольф, сотрудничество которого было бы для меня так драгоценно, вынужден уехать из Парижа, и я, таким образом, предоставлен собственным силам. А так как у меня на руках весь иностранный отдел "Реформы" и, кроме того, специальная корреспонденция для департаментов, то я не в состоянии взять на себя новую работу, тем более что я до сих пор мало писал по-немецки. Я рассчитываю поэтому, что Вы соблаговолите указать мне интеллигентного сотрудника среди немецких демократов, живущих в Париже. Вы, таким образом, окажете услугу хорошему демократу, ибо корреспонденция даст ему от 100 до 150 франков в месяц. Итак, я опять надеюсь на Вашу помощь.

Я надеюсь также, что Вы напишете мне о Ваших работах, которые Вы начали в Лондоне. Я знаю, как Вы много работаете, и слишком высоко ценю Вашу деятельность, чтобы думать, что за это время Вы ничего не сделали. Если Вы что-нибудь уже опубликовали, пришлите мне немедленно, и я дам отчет в "Реформе". Если у Вас есть время, то напишите что-нибудь специально для нас (по германскому вопросу). Мы напечатаем Вашу работу с большим удовольствием. Быть может, Вы пошлете нам также статью о социализме и положении рабочих классов в Англии. Я знаю, как глубоко Вы изучили этот вопрос, и я был бы счастлив, если бы мог

* Фердинанд Вольф, или «Красный Вольф», один из сотрудников «Neue Rheinische Zeitung».

познакомить читателей "Реформы" с английской социальной жизнью при помощи Вашего пера. Вы понимаете, конечно, что если Вы захотите писать статью для "Реформы", то Вам придется, поскольку это возможно, не касаться ни доктрин, ни личностей. Этого требует положение журнала.

Если бы я хотел писать Вам о здешних делах, то я вряд ли мог бы Вам сообщить что-нибудь новое. Вы это видите так же хорошо, как и я, если не лучше, ибо расстояние придает предметам их настоящие размеры. Единственное, что я могу заметить, это то, что, несмотря на весь шум, который производит Прудон и который производят вокруг его имени, число его приверженцев не увеличивается.

Я читаю новый журнал, издаваемый Бланки и его друзьями. До настоящего времени, за исключением одной статьи Туссенеля, он был достаточно бледен, но уже одно вмешательство Бланки в журналистику представляет факт огромной важности. Поживем – увидим.

Располагайте мной, если Вам нужно будет что-нибудь в Париже, и пишите мне на адрес "Реформы".

Братский привет. *Сазонов*»[14].

План, задуманный Сазоновым, не осуществился, так как он скоро был выслан из Парижа, откуда направился в Женеву. Раз отдавшись журналистике, он уже не может сидеть спокойно и замышляет новое литературное предприятие.

Следующее его письмо к Марксу из Женевы (2 мая 1850 г.) дает не только новые данные для биографии этого забытого русского революционера, но и нечто вроде profession de foi [кредо. – *Ред.*] первого русского «марксиста».

Уроки революции 1848–1849 гг. не прошли для него даром, и он старается теперь – мы увидим сейчас, насколько удачно, – познакомиться с новым учением.

В отличие от Герцена, он не посыпает головы пеплом, не обрушивается с проклятиями на старый мир и не ищет спасения на «Востоке».

Революционный демократ, едва только освободившийся от своей национальной «пуповины», делает шаг по направлению к социальной демократии, к пролетарскому коммунизму.

«Женева, 2 мая.

Мой дорогой Маркс.

Это письмо будет передано Вам Форе*, который, как Вы уже, вероятно, знаете из газет, и очень ловко, и очень удачно ушел в Лионе от жандармов. Я очень рад, что имею теперь возможность – в первый раз со времени моей высылки из Парижа – написать Вам без всякой опаски. Вы знаете, что я собирался предпринять в Париже с помощью Рейнхардта, которого Вы мне рекомендовали. Я думаю, что это предприятие, слухи о котором распространились чересчур рано, было одной из причин моей высылки из Парижа. Приехал я в Женеву раздраженный, измученный, истерзанный, но с готовностью продолжать борьбу. Прежде чем я расскажу Вам, что я делал тут, я считаю необходимым изложить Вам в кратких чертах мою теперешнюю точку зрения. Мы знакомы уже давно[16], но мы имели очень мало случаев поделиться нашими мнениями. Вольф, вероятно, уже рассказал Вам, что в последнее время я в оценке людей и событий почти во всем соглашался с ним,

* Известный бас, эмигрировавший в Америку[15].

а следовательно, и с Вами. Внимательное изучение последнего труда Прудона* и чтение его *соглашательских* статей в "Voix du Peuple" заставили меня сделать еще один шаг в Вашем направлении, и так как я думаю, что Вы не изменили своих взглядов, то Вам приятно будет узнать, что я вполне присоединяюсь во всем существенном к тому, что Вы высказали в манифесте, опубликованном Вами в Брюсселе[18]. Да, мой друг, естественный прогресс, непреодолимая сила логики, любовь к свободе и любовь к порядку привели меня к убеждению, что серьезный революционер может быть только коммунистом, и я теперь коммунист. Вот главные основания, которые толкнули меня на этот путь. Я думаю, что современное общество дало все, что мог дать принцип индивидуальной свободы, положенный в его изолированной и исключительной форме в основу общественного порядка; что, следовательно, всякое расширение этого принципа было бы только призрачным и иллюзорным. Я думаю, что европейская цивилизация прогрессирует только в области промышленности; что во всех других отношениях ее деятельность все более атрофируется и что она не в состоянии решить те все более сложные проблемы, которые ее собственное промышленное развитие каждый день ставит перед нею. Я вижу, что варварство, поскольку оно еще не завоевано цивилизацией, имеет свой raison d'être и что не индивидуалистической цивилизации удастся окончательно уничтожить это варварство. Я думаю, наконец, что нет никакой возможности установить рациональное мерило стоимости и что, следовательно, всякий обмен одного индивидуального труда на другой индивидуальный труд может иметь результатом только несправедливость и эксплуатацию с одной или с другой стороны. Вот вкратце ход идей, не совсем ясных и стройных, путем которого я дошел до настоящего убеждения. Я прошу Вас, дорогой учитель, обратить больше внимание на самую мысль и не останавливаться на форме ее выражения, которая не может не быть неполной.

Я должен был изложить Вам это profession de foi; я хочу предложить Вам одно общее дело и поэтому считал необходимым установить основные принципы, прежде чем действовать сообща. С тех пор как я в Женеве, я видел и изучил всех замечательных людей, которые собрались здесь.

Я приехал с проектом демократического журнала, который должен был издаваться в Париже раз в четверть года. Все обещали свое содействие, но в течение четырех месяцев, которые я провел здесь, мое мнение о большинстве этих людей и пользе их сотрудничества сильно изменилось.

Мадзини, к которому я сначала питал наибольшее доверие, оказался не только отсталым человеком, но даже ретроградом. Недавно он напечатал в своем журнале "L'Italia del Popolo" смешную статью под названием "Демократия и системы"[19], в которой доказывает, *что современный мир, несмотря на все противоположные утверждения, жаждет авторитета, власти.* Вся статья написана в духе этой тезы и является ее разбитием.

Феликс Пиа, не имея ни репутации, ни влияния Мадзини, является гораздо более прогрессивным и более революционным деятелем (Вы знаете, что в области коммунизма современное поколение во Франции признает только Кабе и что последний не представляет собой ничего привлекательного для поэтического воображения)»...

---

* «Idée générale de la révolution au XIX siècle»[17].

Сазонов дальше объясняет, почему он остановился на трехмесячном журнале. Для ежедневного органа не хватило бы ни средств, ни людей. Еженедельник давал бы обзор событий за неделю и служил бы только интересам французской политики. Но его разочаровали вожди.

«Я признаю свое ослепление: я рассчитывал, что они могут содействовать прогрессивному предприятию, но я убедился, что они враги прогресса, а следовательно, и наши враги. Они овладели словом "социализм", как они прежде присвоили слово "республика", и оба раза для того, чтобы эскамотировать дело; поэтому я не хочу и слышать об этих вождях. На них надо смотреть как на опасных врагов, которых следует остерегаться.

Так мой план, оставаясь по форме тем же самым, изменился по существу. Долой дряхлых хранителей авторитета! Для нового дела нужны новые люди, необходимо, чтобы люди молодые, люди мужественные, люди серьезной науки и глубоких убеждений выступили в роли централизаторов Европы в пользу великой идеи коммунизма. Нас в настоящее время мало, мы не играем большой роли в литературе, журнализме, политике, но число наше с каждым днем растет, не считая тех партизанов, которых мы имеем среди народов, где слово "коммунизм" никогда еще не было произнесено (народов славянских и народов Центральной Азии).

Кто знает, что он является носителем творческих идей, тот не боится остаться изолированным, в особенности когда он знает средства реализации этих идей при помощи науки и те переходные фазы, через которые должна пройти эта реализация. И задача нашего журнала заключается в том, чтобы создать европейскую силу для реализации коммунизма и указать практические средства для его осуществления.

Здесь нас двое, я и Фраполли (бывший поверенный по делам Ломбардии, Тосканы и Рима в Париже). Последний написал великолепный труд, положив в основу свою дипломатическую корреспонденцию 48 и 49 гг., где доказывает всю несостоятельность национальной политики и формального республиканизма. В предисловии, написанном рукой мастера, где он отрицает принцип национальности, который представляет собой только корреллярий религиозного принципа, он объявляет себя социалистом-пантеистом и таким образом делает то, чего не осмелился публично сделать до сих пор еще ни один итальянец*.

Что касается меня, то я составил детальный план европейской политики, где стараюсь доказать неизбежную необходимость не только союза, но и тесной федерации между тремя народами, которые в течение последних двух лет дали неоднократные доказательства их энергичного стремления к прогрессу: между Францией, Германией и Италией. Таким образом, можно будет создать колоссальную централизованную силу, чтобы осуществить почти без трудностей идеи будущего.

Имеется еще Герцен, брошюру которого "Vom anderen Ufer" Вы, быть может, читали[21]. Он скорее человек увлечений, чем убеждения, и человек воображения больше, чем знания, впрочем, очень преданный и очень способный.

Вот все имеющиеся тут силы. Я не преувеличиваю их размеров. В сравнении с поставленной целью они кажутся ничтожными, но это только по-видимому. Если принимать во внимание только отдельных лиц, то это немного, но при их связях и

* Речь идет о следующей работе: Briefwechsel unserer Zeit von einem revolutionären Diplomaten und politische Studien über die Jahre 1848–1849 in Frankreich und Italien. Basel, 1851[20].

знакомствах влияние их распространяется очень далеко. Фраполли и я располагаем парижской прессой. Организация, которую он устроил в интересах Италии, пока он был посланником, и которую я сохранил, пока оставался в "Реформе", все еще существует и распространяется даже за пределы Франции. Герцен доставляет деньги на издание "Voix du Peuple" и тесно связан с Прудоном и прудонистами. Фраполли, в силу своей дружбы с Мадзини и услуг, оказанных им Италии, располагает всеми силами итальянской организации, которые очень велики. Кроме того, здесь (в Женеве) мы нашли неожиданную помощь, которой нельзя пренебрегать. Это француз, некто Шарпантье, мало известный, но энергичный, преданный, способный и очень прогрессивный. Он предлагает нам помощь могучей и обширной организации, центр которой находится в Лионе, но разветвления которой имеются в Париже и во всей Франции. Вы видите, что это довольно почтенная сила, но, дорогой мой учитель, я считал бы все это очень недостаточным, если бы не рассчитывал на Вас. Именно поэтому я считал необходимым писать Вам так подробно, чтобы познакомить Вас с моим планом, с моей точкой зрения и средствами действия. Я повторяю, что рассчитываю на Вас, и рассчитываю самым положительным образом для немедленного осуществления. Вот что мы решили пустить в первом номере, предполагая Ваше согласие. Будет общая статья, неподписанная, которая будет выражать взгляды, общие всей редакции, и ряд специальных статей с подписями. Что касается этих специальных статей, то мы имеем статью Фраполли об Италии, Герцена – о России, мою – о Венгрии и славянском вопросе, Пиа – о Франции, статью (также о Франции) Массоля, моего друга, вместе со мной редактировавшего "Реформу" (он – прудонист). Я рассчитываю, что Вы нам дадите статью о Германии – в том смысле, который я указал, т. е. резюме какого-нибудь злободневного вопроса, в одно и то же время манифест и программу. В виде общей статьи предполагается мой план европейской политики. Само собой разумеется, что она предварительно будет отослана Вам для прочтения и одобрения. Я послал бы ее Вам вместе с этим письмом, если бы я был уверен, что последнее дойдет; но так как Вы могли переменить адрес или что-нибудь может случиться в дороге, то я не хочу присоединять мой план, которым я очень дорожу. Но напишите мне сейчас же, и я пошлю его на указанный Вами адрес.

Во втором номере придется дать программную статью, т. е. изложение системы переходных мер, которые, ведя прямо к осуществлению наших идей, соответствовали бы потребностям момента. Понятно, что *только* Вы в состоянии выполнить такую работу. Мы предполагали сделать из нее манифест партии для всей Европы, как только она получит одобрение наших друзей в Париже и Лионе. Если Вы дадите себе труд сейчас же набросать основы этой программы, то мы постараемся, чтобы она сейчас же подвергнута была обсуждению и чтобы ее основные идеи были приняты. Для этой работы Вам, вероятно, понадобится месяца три. Что касается Вашей статьи о Германии, то я не только надеюсь, но уверен, что Вы сейчас же за нее возьметесь и что в две недели она будет готова. Вы пошлете ее прямо в Париж Массолю (36, rue Neuve des Petits Champs), который будет заведовать журналом. Издатель, которого мы нашли, обязуется печатать его на свой счет и делить с нами прибыли, если они будут. Чтобы покрыть издержки, необходимо продать 600 экземпляров. Если будет продано 1200, то останется чистых 3000 франков, что составит 50 франков с листа. Это, конечно, мало, но если первый номер будет иметь успех, то мы сможем издать второй за наш счет и получить в два раза больше.

Я рассчитываю не только на Вас, но на всех Ваших друзей. Если бы Вольф не дал мне в Париже доказательства своей неизлечимой лени, я пригласил бы его сотрудничать. Отвечайте же мне сейчас, и самым подробным образом, и обещайте мне написать те две статьи, о которых я прошу. Вы понимаете их значение не меньше, чем я сам... Прощайте, мой друг, я, быть может, никогда уже не буду писать Вам так подробно, но я желал бы иметь возможность писать Вам часто.

С братским приветом *Сазонов*.

P.S. Что касается немцев, имеющихся тут, то лучший из них – молодой Зигель*, последний главнокомандующий баденской армии. Это – человек, исполненный лучших намерений и склоняющийся к нашим взглядам. Если в Вашем письме Вы скажете несколько хороших слов о нем, это будет полезно. Я могу назвать ещё доктора Фридмана, который тоже на хорошем пути»[22].

Как реагировал Маркс на это письмо своего нового прозелита, нам неизвестно. Он был тогда поглощен работой по реорганизации Союза коммунистов и только что (в марте 1850 г.) вместе с Энгельсом составил свое «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Март 1850»[23], в котором подвергает резкой критике демократическую партию. Наряду с этой организационной работой, Маркс должен был еще вместе с Энгельсом нести труды и заботы по части издания «Neue Rheinische Zeitung», для которой он, кроме библиографии[24], написал «Классовую борьбу во Франции» и другие статьи[25]. Взять в такое время на себя новые обязательства было бы рискованно даже в том случае, если бы Маркс с большим доверием относился к редакторским и издательским талантам Сазонова. А он, по всей вероятности, отнесся очень скептически к рвению «русского революционера», который, как это видно и из письма, несмотря на свое желание освободиться из-под власти старой идеологии, все свои расчеты строил на тесном союзе с той самой демократией, с которой Маркс так беспощадно сосчитался в последних книжках «Neue Rheinische Zeitung». Компания, которую хотел сгруппировать Сазонов, была слишком разношерстной, чтобы обещать какую-нибудь плодотворную работу. А тут, на беду, он дал Марксу лишнее доказательство своей политической наивности, рекомендуя ему горячо и прося у него несколько хороших слов о Зигеле, против которого – вместе с другими его товарищами – направлено было второе обращение к Союзу (июнь 1850 г.)**.

Как бы то ни было, из предприятия, задуманного Сазоновым, несмотря на то что он, как казалось ему, предусмотрел все и вся и обставил дело самым «практическим» образом, не вышло ровно ничего. Реакция все усиливалась. Один оппозиционный журнал закрывался за другим. А для «подпольной» литературы Лондон представлял более удобный пункт, чем Женева, где французская полиция чувствовала себя как дома. Сазонов остался в Швейцарии, принимая, как мы видели, участие в эмигрантских делах, и был также членом комитета европейской демократии, о котором так резко отзывается Маркс. Пользуясь своим старым знаком-

* Зигель в «Воспоминаниях» говорит о своём знакомстве с Сазоновым и упоминает, между прочим, о его совместном житье с Форе, который должен был передать это письмо Марксу. (Denkwürdigkeiten des Generals F. Siegel. Herausgegeben von W. Blos. Mannheim, 1902. P. 138–139).

** *Karl Marx.* Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln. Zürich, 1885. P. 83–88[26].

ством с Джемсом Фази, он оказывал различные услуги французским и немецким эмигрантам, но именно эти близкие сношения с женевским диктатором навлекли на него подозрения, оказавшиеся совершенно неосновательными. Он сблизился тогда с Гессом, с которым познакомился еще в Париже, хлопотал даже об издании его «Jugement dernier du vieux monde social» – брошюры, в которой, наряду с признанием огромных теоретических заслуг Маркса и критикой Прудона, подчеркивается, в полном согласии с противниками Маркса – Виллихом и Шаппером, его доктринерство и неспособность к «живому», «практическому» делу*, и, как видно из одного из его письма к Гессу, писал статьи для «Populaire» – органа кабетистов, в котором играл тогда очень влиятельную роль его старый парижский приятель, польский социалист Кроликовский**.

«Париж, 10 сентября.

Мой дорогой Маркс!

Я уже давно не имею от Вас никаких известий и также давно не писал Вам о себе. Дело в том, что я уже давно собирался навестить Вас в Лондоне, но вдруг очутился в Париже, где думаю остаться до тех пор, пока полиции не удастся накрыть меня и выслать. Париж никогда еще не был так интересен, как в настоящий момент. Старый мир находится накануне своего полного разложения. Процесс его гниения до такой степени подвинулся вперед, что составляющие его атомы отделяются друг от друга и превращаются в самостоятельные центры. Только этим можно объяснить возникновение такого множества проектов, надежд, интриг, заговоров, исчезающих так же быстро, как они зарождаются. Это самая причудливая и забавная комедия, какую только можно себе представить. Все устраивают заговоры – легитимисты и орлеанисты, бонапартисты и, soi-disant (так называемые) демократы, – и все они рассчитывают на армию. Бонапарт возлагает свои надежды на войска в Париже, легитимисты – в Лионе, орлеанисты – на африканских солдат, а наши красные – на всех солдат зараз. Для заговоров пускаются в ход все средства: так, лотерея золотых слитков была бонапартистской затеей, чтобы в необходимый момент вооружить пятьдесят тысяч негодяев. Этот заговор, для которого приготовили даже мундиры, якобы посланные герцогом Брауншвейгским, кончился ничем только благодаря хищности бандитов, окружающих Бонапарта и издержавших слишком скоро и чересчур много денег. А предприятие, анонсируемое в газетах под затейливым названием: «Тридцать дней развлечений», представляет орлеанистский заговор, цель которого – пропагандировать кандидатуру герцога Жуанвильского.

Я привожу эти детали, чтобы показать Вам, как близко уже разложение старого общества. С другой стороны, народ все больше освобождается от предрассудков старого мира. Рабочие ассоциации создают людей, знакомых с деловой практикой. Некоторые из этих ассоциаций гораздо более радикальны, чем это можно было бы думать на основании их статутов, которые вообще редактированы не особенно удачно. Недостает только ясной и точной доктрины. Я перевел на французский

* В статье об отношениях между Герценом и Марксом мы еще вернемся к этой совершенно забытой, но очень любопытной брошюре.

** См.: *Prudhommeaux Jules.* Étienne Cabet et son oeuvre. Paris, 1907.

язык половину Вашего Манифеста[27], опубликованного в 1848 г. Дронке* взял на себя перевод другой половины и издание, но он ничего не сделал: он – лентяй и легко поддается влиянию всяких буржуа.

Вы знаете, конечно, что Кабе вместе с П. Леру и Луи Бланом старается объединить коммунистов. Жаль, что за это дело взялся именно Кабе. Вы знаете, насколько этот замечательный человек ограничен во всем, что касается науки и доктрины.

Мне передавали, что Вы и Энгельс хотите воспользоваться всемирной выставкой, чтобы показать буржуазии, как вся ее деятельность, даже в наиболее благородных и прогрессивных ее проявлениях, совлекает ее с традиционного пути и заставляет ее подготовлять наступление коммунизма. Это – прекрасный сюжет, достойный Вашего гения, и я хотел бы, чтобы Вы его разработали à fond...

Пишите мне, дорогой учитель, и примите уверение в постоянной дружбе и преданности Вашего брата *Сазонова*.

Письмо это будет передано Вам гражданином Массолем, одним из моих друзей, а также друзей Прудона. Он Вам сообщит последние новости об этом великом реформаторе, к сожалению, теперь еще более буржуазном, чем когда-либо прежде»[28].

Маркс уже знал в это время о сближении Сазонова с Гессом. Кроме того, Дронке, не поладивший с Сазоновым**, успел написать Марксу, что в швейцарских эмигрантских кругах к «русскому социалисту» относятся с недоверием, так как он играет двусмысленную роль, и что даже Фраполли разошелся с ним. Сазонову, как и Бакунину, пришлось расплачиваться за подвиги русских агентов, о которых мы расскажем ниже. Маркс поэтому отнесся к письму Сазонова несколько скептически, тем более что как раз в это время произведены были массовые аресты среди немецких эмигрантов в Париже. В своем письме к Энгельсу он выражает даже удивление по поводу неожиданного появления Сазонова в Париже. Но это непонятное для Маркса обстоятельство было скоро вполне разъяснено, и в другом письме он уже сам старается разъяснить Энгельсу неосновательность его подозрений против Сазонова. Дальнейшие фантастические сообщения и похождения Дронке показали, как осторожно надо было относиться к его первому письме о Сазонове.

V

Вероятно, после государственного переворота 2 декабря 1851 г. Сазонову пришлось оставить Париж. Ему и на этот раз не удалось уехать в Лондон, и он опять направился в Женеву. Сколько времени пробыл он в Швейцарии, трудно сказать. В «Славянских письмах» Островского*** напечатано письмо его, помеченное 29 ноября 1853 г., но без указания места. В этом письме он горячо протестует против попытки отождествить его и его единомышленников с русским правительством.

---

* Один из сотрудников «Neue Rheinische Zeitung», действительно не отличавшийся большим прилежанием и стойкостью. В конце пятидесятых годов он уже порывает связи со своими старыми товарищами и возвращается в лагерь «ликующих».

** Дело чуть не дошло до дуэли.

*** *Christian Ostrowski.* Lettres slaves (1833–1857). Paris, 1857.

«Как и вы, – пишет он между прочим, – мы также христиане: эта религия, в которой нас воспитали наши матери, научила нас практике христианской свободы».

Является ли эта фраза просто литературной façon de parler [манерой выражаться. – *Ред.*] или отражением мимолетного настроения?

Мы знаем только, что материальное положение Сазонова в это время было ужасно*. Лишенный, согласно приговору сената, прав состояния 14 декабря 1850 г., он, вероятно, перестал получать всякие денежные средства из России. С Герценом он разошелся в 1852 г. «Между нами пробежала кошка, – говорит Герцен, – Сазонов неоткровенно поступил со мной в одном деле, очень дорогом мне. Я не мог перешагнуть через это». Речь идет о трагической истории жены Герцена, пережившей тогда увлечение Гервегом. Вернувшись, разочарованная и душевно разбитая, жена Герцена умерла в мае 1852 г. Перенесший незадолго до этого смерть матери [Гааг Л.И. – *Ред.*] и горячо любимого сына, потонувших 16 ноября 1854 г., Герцен на время потерял душевное равновесие и не в состоянии был хладнокровно относиться ко всякой попытке так или иначе смягчить вину Гервега или оправдать его поступок. Из следующего письма Герцена к Гессу видно, что именно послужило причиной расхождения между ним и Сазоновым**, которому приходилось выбирать между двумя старыми друзьями[29].

«29 мая 1854 г. London, 25, Elton Square

Мой дорогой Гесс!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно показывает, что Вы питаете ко мне большое доверие и даже большую уверенность в доброте моего сердца, чем я, к сожалению, не могу похвастаться.

Было бы слишком долго и еще более неприятно для меня рассказывать Вам в деталях, как и почему я разошелся с Сазоновым. Я абсолютно ничего не могу сказать против него с общей точки зрения. Он ранил во мне не человека, не честь мою, а чувство дружбы. В той страшной истории, которая едва не погубила всю мою семью и оставила после себя раны, не зажившие еще до сих пор, он ровно ничего не понял сердцем.

Презренный человек, на которого я указал Сазонову как на труса и клеветника, писал – и я читал это своими собственными глазами, – что Сазонов – единственный человек, который понял эту историю.

Оставаться в близких отношениях с человеком, заслужившим эту похвалу, было для меня немыслимо тем более, что в письмах ко мне я видел очень хорошо, как поверхностно Сазонов отнесся к истории, где речь шла о жизни и смерти, чести или позоре, оправдании или осуждении женщины.

Она умерла. Я написал Сазонову: "Между нами гроб" – и просил его оставить меня в покое.

---

* Покойный Лафарг, со слов сына Сазонова, офицера французской армии, рассказывал, что Сазонов одно время буквально голодал. На такую же острую нужду указывают его письма к Гессу.

** Письмо это найдено мною в переписке Гесса вместе с письмами Сазонова. Оно принадлежит теперь Архиву немецкой социал-демократической партии.

С тех пор я имел случай оказать ему очень большую услугу. Враги его распространили о нем в Лондоне очень дурные слухи. *Я заставил их замолчать**.

Что касается финансовой стороны вопроса, то я думаю, что она должна быть покончена вместе с другими отношениями. Я никогда не брал на себя обязанности быть поставщиком своих друзей, и тем более странно было бы это при наших отношениях.

Господин Сазонов тратит много, работает мало. Он мне должен около 6000 франков. Да маленькая сумма вряд ли ему поможет. И, конечно, если бы он нуждался в таковой, то Вы, при Ваших средствах, не оставили бы его без помощи.

Я, между прочим, веду здесь очень активную жизнь. Я организовал русскую типографию, издал четыре брошюры и целый том, я работал в газетах и думаю, что все это было не без пользы. Но это потребовало от меня больших расходов, так как типография от матриц до рабочих содержится за мой счет.

Головин – а он, наверное, не талантливее Сазонова – продал здесь в течение последнего года на 4000 франков различных статей и манускриптов.

Почему Вы сами не постараетесь найти какую-нибудь работу для Сазонова?

Мне помнится, Вы мне еще в Ниццу писали, что Вы должны мне маленькую сумму, и предложили даже выдать на Вас вексель. Я предоставляю эти деньги в Ваше полное распоряжение – с условием, чтобы Вы не упоминали обо мне. Вообще, дорогой гражданин, это письмо предназначается только для Вас.

Весь Ваш *Герцен*».

Явные намеки в этом письме на «средства» Гесса, который якобы не желает помочь Сазонову, безусловно несправедливы. Сын очень состоятельных родителей, Гесс давно порвал с ними и перебивался журнальной работой. Все, что было в его силах, он уже для Сазонова сделал, и это подтверждается письмами последнего. Не подлежит никакому сомнению, что он писал Герцену без ведома Сазонова. Возможно, что он сообщил Сазонову о новом предприятии Герцена и об основании русской типографии в Лондоне. Но узнал ли Сазонов об этом другим путем, так или иначе, между Герценом и им произошло примирение, и с 1854 г. начинается сотрудничество Сазонова в «Вольной русской книгопечатне».

Началась Крымская война. Кроме Энгельсона, Герцен не имел никаких сотрудников, и помощь Сазонова могла быть ему только желательной. Первым опытом явилась прокламация: «Родной голос на чужбине. Русским пленным во Франции», датированная 12/24 октября 1854 г.[31] Она несколько более удачна, чем прокламации Энгельсона с их подделкой под народную речь, хотя и снабжена религиозными иллюстрациями, производящими иногда очень странное впечатление в устах «вольтерьянца».

Сазонов обращается к офицерам и солдатам бомарсундского гарнизона, попавшим после сдачи Бомарсунда во Францию. Тоскующим и скучающим по родине пленникам он рисует контраст между «вольной Францией» и рабской Россией и рассказывает, как в 1789 г. французы добились воли для крестьян и отмены палки для солдат. Он объясняет дальше, почему во Франции так сильны симпатии к

* В своих воспоминаниях о Сазонове Герцен не упоминает об этом инциденте. Речь идет, вероятно, о полемике в «Morning Advertiser», где Герцен защищал – якобы против Карла Маркса, на самом же деле против Фрэнсиса Маркса – Бакунина и других русских революционеров[32].

полякам. «Свергнуть иго немецкого правительства», дать всем крестьянам вольность и землю и восстановить независимость поляков – вот, по его мнению, главные задачи, которые стоят перед русскими*.

Но участие Сазонова в изданиях Герцена не ограничилось только этой прокламацией. Уже в первой книжке «Полярной звезды» Искандер сообщает читателям, что «нам обещана статья: "О месте России на всемирной выставке"; зная автора, мы ждем ее с нетерпением»**. Статья эта была напечатана во второй книжке. Сказав несколько слов о русской промышленности и месте, занимаемом ею в Европе, Сазонов набрасывает затем крупными штрихами картину исторического развития России и характеризует ее положение и роль в общем концерте всемирной цивилизации.

Современное западноевропейское общество может быть, по его мнению, характеризовано как деспотизм безответственной собственности, ограниченный лотереей. Другая черта, отличающая западную цивилизацию, – это самодовольство. Буржуазия создала по образу и подобию своему прессу, по наружности – свободную, но на самом деле – порабощенную нисколько не менее, чем в государствах деспотических, и, наконец, образовала так называемое *общественное мнение*, которое прямо или косвенно, но вполне зависит от правительства и от капиталистов. Униженнее и подлее общественного мнения в буржуазной Европе не существовало никогда ничего в мире.

Россия в области цивилизации нисколько не разнится от Западной Европы и отстала в промышленности только потому, что промышленность теперь находится в эпохе буржуазной, а в России буржуазии нет. Главными причинами этого являются прежде всего иное устройство собственности и другие понятия о справедливости. Господство общинной собственности мешало западной юриспруденции пустить у нас корни. А без этой юриспруденции буржуазия нигде существовать не может. У нас этого ничего нет, да и быть не может, следовательно, и промышленность в современном ее развитии сделается для нас только тогда доступной, когда выйдет из буржуазной опеки.

После этих далеко не марксистских рассуждений Сазонов набрасывает очерк развития русской цивилизации. Господствующий ее характер – последовательность, разумная и страстная разом, в которой общественный фатализм участвовал столько же, как и личная свобода. Татарское нашествие разрывает связь русской истории с общеславянской, но в истории Москвы особенно ярко проявляется «характеристическая черта русского национального характера – упругость, которую можно сравнить с геройским постоянством европейского племени». Большую роль, по его мнению, в деле сохранения «национального лица» сыграла славянская библия, которая «была залогом нашей народности». Наряду с *упругостью* Сазонов называет разумность, т. е. преобладание во всех важных случаях народной жизни рассуждения над увлечением, расчета над страстью. Эту разумность, доходящую иногда до геройства, иногда до циничесой расчетливости, он видит во всей политике Москвы и в том, что Россия выбрала себе учителем не Францию, не Англию, а Голландию.

---

* Один из пленных бомарсундских офицеров И.Г. Жуков был после деятельным членом «Земли и Воли» и поплатился многолетней каторгой. Умер 30 сентября 1911 г.

** Полярная звезда. Т. I. С. 232.

Но за разумностью следует еще качество, на первый взгляд ей противоположное, – «нестойкость», которое, в отличие от Чаадаева, «человека необыкновенно умного, но считавшего пороком то, что мы считаем добродетелью», Сазонов считает силой России, обеспечившей для нее возможность самобытной деятельности, которая исчезла бы, если бы мы усвоили себе ту или другую систему преданий из существовавших на Западе в XVII столетии, т. е. подчинились бы католическому единству или присоединились бы к протестантизму.

Из этой «движимости» русского характера в новое время вытекает другое свойство, с ней сродное, именно: возможность, желание и талант над собой самими смеяться. Вместо западного самодовольства, в России господствует самоосмеяние. В виде примера Сазонов приводит! «Недоросля» Фонвизина, «Яведу» Капниста, «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизора» Гоголя, «Свои люди – сочтемся» Островского.

Но почему же соединение таких основательных и блестящих свойств не породило оригинальных, деятельных личностей и той умственной производительности, которая могла бы завоевать себе место в истории развития европейского человечества?

На этот вопрос Сазонов отвечает, что в замечательных личностях недостатка в России нет, но они или находятся в сфере официальной и поглощены там огромностью однообразия и немотой правительственного организма, или проявляют дух, неприязненный правительству, и гибнут, не развившись. Остаются одни только литературные личности, которые могут в известной степени достигать и действительно достигают иногда полного расцвета – Пушкин, Лермонтов, Гоголь.

Сазонов указывает и на другие причины, мешающие развитию замечательных личностей. Между прочим, он объясняет, почему «любовь занимает в жизни русских людей место, несравненно важнейшее и обширнейшее, нежели на Западе». «Там, вследствие долгого и многообразного исторического развития, она принимает вообще ход правильный, наперед предвидимый и как будто размеренный, ограничивает свое влияние одной молодостью и превращается почти в любезную болтовню. У нас силы души, не поглощенные ни страстной деятельностью партий, ни даже чувством долга и необходимостью труда, предаются с полным самозабвением любви, увлекаясь потоком того, что называют русской праздностью и русской леньою. Сколько прекрасных, сколько замечательных личностей гибнут в бурях страсти, навсегда теряя силу участия в какой бы то ни было деятельности, проводя жизнь в безвыходном унынии или предаваясь беспрестанно новой и вечно обманутой надежде отыскать однажды пригрезившийся им идеал»*.

Что Россия все же в состоянии «рождать» замечательных людей, показывает пример Чаадаева, и Сазонов дает подробную характеристику этого западника. Кончается статья следующим прогнозом:

«Все, что я говорю о России и русских, можно, пожалуй, назвать панегириком или, по крайней мере, апологией. Но я сначала объявил, что не имею сатирического расположения. Дело не в названии. Есть ли в моей апологии истина? Вот вопрос, а в том, что я от истины не отступил, убеждает моя научная совесть.

* Ср.: *Милюков П.* Любовь у идеалистов тридцатых годов. В сб.: Из истории русской интеллигенции. СПб., 1903.

Мне также было бы неприятно, если бы приняли за намеренную сатиру описания некоторых частностей западного развития, которыми моя статья начинается. Я нисколько не принадлежу к ненавистникам европейского Запада. Живши долго в разных странах его, я свыкся с его нравами, уважаю и люблю великие национальности, его составляющие, особенно Францию, которую я считаю вторым отечеством.

Франции я повторил в новом виде те укоры, которые она слыхала от любимых сынов своих; но от укоров далеко до проклятия или до приговора. Приговора я не произнесу не только Франции, матери революций, в будущности которой я уверен, но даже ни Англии, эгоистической, но трудолюбивой, ни Германии, тяжелой на подъем, но глубокой и решительной в убеждениях.

Западу предстоит обновление так же, как и нам самим. Перерожденная Россия займет свое место в Европе преобразованной, и тогда примиренные народные массы не будут упрекать одна другую так, как упрекают теперь друг друга привилегированные классы различных наций. Западные европейцы перестанут считать освобожденных русских варварами, а мы не будем более мечтать о скорой гибели гниющего Запада и о всемирном господстве славянского племени.

Для всех племен, для всех идей и для всякого труда есть на земле место. Соединим наши усилия для того, чтобы не было нигде притона, пристанища для рабства, для невежества и для лжи».

Заключение статьи звучит как скрытая полемика против Герцена, окончательно разочаровавшегося в «старом мире». Оно указывает, что между Сазоновым и Герценом продолжали существовать значительные принципиальные разногласия, и что в споре между «лишними людьми» и «желчевиками» первый скорее принял бы сторону Чернышевского, который, несмотря на свое признание спасительной роли русской общины, резко восставал против всех мечтавших «о скорой гибели гниющего Запада» и в статье «О причинах падения Рима» подверг взгляды Герцена беспощадной критике. В отличие от Герцена, Сазонов, вместе с ним переживший годы реакции после 1848 г., не изверился в способности Запада справиться самостоятельно со всеми «проклятыми вопросами», которые ставились на очередь процессом общественной эволюции.

Возникли ли на этой почве опять какие-нибудь разногласия между Герценом и Сазоновым, убедился ли последний, все еще тесно связанный с «марксидами»*, что он не может работать вместе с Герценом, – мы не знаем, но статья, которую мы только что изложили, является последней статьей Сазонова, напечатанной в издании «Вольной русской книгопечатни». На этот раз они разошлись навсегда.

Вообще с 1854 г. Сазонов опять начинает более усердно заниматься литературной деятельностью. Вероятно, обострение отношений между Францией и Россией дало ему возможность вернуться в Париж. Он издает анонимную книгу, посвя-

* В бумагах Маркса мы нашли принадлежащий Сазонову немецкий перевод известного стихотворения «Русский бог», напечатанного во второй книжке «Полярной звезды». Но третья строфа не сходится с оригиналом даже в другом известном варианте этого стихотворения (см.: *Вяземский П.* Полное собрание сочинений. Т. III. С. 451). Вместо «Бог пришельцев, иноземцев, перешедших наш порог, бог в особенности немцев» сказано в обратном переводе на русский: «Бог бездомных, бог бродяг, осаждающих наш порог, бог всех выброшенных на чужбину». Сделано ли это смягчение, чтобы пощадить «немецкий патриотизм» Маркса, или существовал еще третий вариант, нам не известный?

щенную Николаю: «Правда об императоре Николае», которая очень выгодно отличается от наполнявших тогда книжный рынок сочинений о России*. Параллель между грозным вершителем судеб Европы и Хлестаковым проведена не без таланта и оригинальности.

В 1855 г. Сазонов становится одним из редакторов лучшего тогда критического обозрения «Athenaeum français», ставившего себе те же задачи, что английский «Athenaeum»**. Он пишет, между прочим, о «русских и немецких народных сказках», о «чешской литературе», о «русских патронимических именах» и т. д. и помещает там множество критических статей, подписанных то собственным именем, то псевдонимом К. Штахеля (K. Stachel).

С прекращением этого журнала мы опять теряем Сазонова из виду. Мы знаем только, что в 1858 г. он хлопотал о возвращении в Россию. Вероятно, это разрешение было ему выдано на таких условиях, что он предпочел не воспользоваться «милостью». Коммунист для Западной Европы, крайний «западник», Сазонов к этому времени превратился в убежденного «конституционалиста» для России. Он становится «реальным политиком» и сближается с либеральными элементами русского дворянства в Париже. В 1859 г. он является уже главным редактором международного обозрения, выходившего на французском языке, – «La Gazette du Nord», ставившего себе целью знакомить европейцев с жизнью североевропейских стран (России и Скандинавии). Издателем журнала является некий Gabriel de Rumine (Гавриил Рюмин).

Сазонов напечатал в этом журнале ряд статей об освобождении крестьян, в которых он подчеркивает необходимость для России избежать «пролетариата, этой зияющей язвы современных обществ» и доказывает, что если «нам удастся организовать свободный народ, среди которого не будет пролетариев, то нам будут прощены все наши грехи»***. Он посвящает также подробную статью положению евреев в России и высказывается за полное равноправие их****. Кроме того, он написал несколько статей, в которых знакомил иностранцев с русской литературой, в том числе очень интересную статью о Герцене, цитированную нами выше.

В этом журнале, в корреспонденции из Петербурга от 25 апреля 1860 г., мы встречаем совершенно неожиданно имя Маркса*****. Говоря о лекциях Молинари, петербургский корреспондент замечает:

«Вряд ли этот брюссельский писатель сам считает себя очень сильным в области политической экономии, науки, которая насчитывает теперь среди своих

---

* La verité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son règne par un russe. Paris, 1854. Ее упоминает проф. Е. Тарле в статье «Самодержавие Николая I и французское общественное мнение» (Былое. 1906. Октябрь. С. 155–156). Но авторство Сазонова, на которое указывает в своих «Lettres slaves» Островский, осталось ему неизвестным. См. также: *Бурцев В.* За сто лет. Второй отдел. С. 37.

** «L'Athenaeum français. Revue universelle de la science et des beaux arts». Последний номер вышел 26 июня 1855 г.

*** «Gazette du Nord». 1859. 3, 10 и 17 декабря; 1860. 7, 21 и 28 января, 18 февраля, 3 марта.

**** «Gazette du Nord». 1860. 7 апреля.

***** «Gazette du Nord». 1860. 5 мая.

представителей таких оригинальных исследователей, как Карл Маркс, Стюарт Милль, Кэри, Прудон и другие».

Мы видим, что «Критика политической экономии» имела уже читателей в России через несколько месяцев после ее появления.

Несмотря на связи Рюмина*, несмотря на то что в журнале подчеркнута была «великодушная инициатива» нового русского «Галилеянина», старому революционеру пришлось наткнуться на очень неприятное отношение к нему некоторых «русских аристократов», за которыми стояло русское посольство. Сазонов не прерывал сношений с европейской эмиграцией и вместе с «марксидами» – Кугельманом, Гессом, Шили – организовал, между прочим, празднество по поводу столетия со дня рождения Шиллера**. Участие Сазонова в вечере, устроенном русской колонией, вызвало скандал. В написанной по этому поводу статье Сазонов доказывает, что он предпочитает Александра II Ивану Грозному и что если это значит быть революционером, то он действительно революционер. Действовали ли тут какие-нибудь посторонние влияния, напугавшие Рюмина, или нет, но журнал прекратился уже к 1860 г.

К этому времени относится последнее известное нам письмо Сазонова к Марксу. В 1859 г. известный натуралист Карл Фогт выступил против «марксидов», и в особенности против их шефа Карла Маркса, с целым рядом обвинений, гнусность которых могла конкурировать только с их нелепостью. Маркс ответил блестящим памфлетом «Господин Фогт», где доказал всю никчемность обвинений взбелененшегося профессора и его тесные связи с Наполеоном. Именно в этом памфлете мы находим письмо не названного Марксом «известного русского писателя»***:

«Мой дорогой Маркс!

С крайним негодованием узнал я о клеветах, распространяемых на Ваш счет и опубликованных в статье Эдуарда Симона в "Revue Contemporaine". Что меня в особенности удивило, так это то, что Фогт, которого я не считал ни дураком, ни негодяем, в состоянии был так низко пасть, как это свидетельствует его брошюра. Мне не нужно было никаких доказательств, чтобы быть уверенным, что Вы неспособны на низкие и грязные интриги, и мне было тем более неприятно читать все эти инсинуации, что как раз в то время, когда их печатали, Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда, который должен формировать экономическую науку и поставить ее на новые и более солидные основы...

Мой дорогой Маркс, не обращайте внимания на все эти низости; все серьезные и честные люди за Вас, но они ждут от Вас чего-нибудь другого, чем эта бесплодная полемика: им хотелось бы иметь поскорее окончание Вашего прекрасного труда. Ваш успех колоссален среди мыслящих людей, и если Вам приятно будет узнать, какое впечатление произвели Ваши доктрины в России, то я скажу Вам, что в начале этого года профессор...[32] читал в Москве публичный курс по политической экономии, и первая лекция его была парафразом Вашего последнего тру-

* В журнале принимал участие и Жеребцов, которому Добролюбов посвятил свою известную статью «Русская цивилизация, сочинённая г. Жеребцовым».

** «Gazette du Nord». 1859. 12 и 19 ноября.

*** *Карл Маркс.* Herr Vogt. London, 1860. P. 10. К сожалению, нам не удалось найти в бумагах Маркса оригинал этого письма, но все его содержание показывает, что автором его является Сазонов.

да*. Вместе с этим письмом я посылаю Вам номер "Gazette du Nord", из которого Вы можете видеть, с каким уважением относятся к Вам в моей стране**. Прощайте, дорогой Маркс, берегите свое здоровье и работайте, как и прежде, для просвещения мира, не обращая внимания на мелкие глупости и мелкие мерзости. Верьте дружбе преданного Вам...»[33].

В 1860 или 1861 г. Сазонов опять покидает Париж, на этот раз навсегда. Он переехал в Женеву, откуда, как раньше из Парижа, он корреспондировал также в русские журналы. Статья его под именем Штахеля печатались в «Отечественных записках» и «Петербургских ведомостях». Известный библиограф Геннади упоминает также о корреспонденциях, которые Сазонов писал в «Наше время» под именем Феопотала***.

В Женеве Сазонов опять сблизился с Иоганном Филиппом Беккером. В бумагах этого заслуженного ветерана европейской революции, которому пришлось еще двадцать лет спустя в той же самой Женеве познакомиться с основателями русской социал-демократии, я нашел записку, составленную Сазоновым (в апреле 1862 г.), по всей вероятности, для его немецких друзей. Она должна была выяснить значение крестьянской реформы и роль «интеллигенции», для которой Сазонов нашел подходящее имя в словаре XVIII века.

«В последнее время, – пишет Сазонов, – в России замечается моральное и материальное движение, достойное внимания всякого серьезного наблюдателя. Освобождение крестьян, которое давно уже подготовлялось и требовалось общественным мнением, но задерживалось вследствие нелепого упрямства... в настоящее время представляет совершившийся факт. Это – полный экономический переворот в самых основах русского общества. До настоящего времени одна половина земельной площади принадлежала государству, а другая, – сотне тысяч дворянских семейств. Начиная со следующего года 40 000 000 собственников будут делить эту собственность с государством и дворянами. Вся всемирная история не знает другого примера такой колоссальной экономической революции. 1789 год оставлен совершенно в тени.

Вполне понятно, что она повлечет за собой самые серьезные последствия, ибо история учит нас, что экономические изменения необходимо сопровождаются изменениями политическими и социальными.

Русское дворянство в последних своих собраниях в губерниях Тверской, Московской, Петербургской проделало свою ночь 4 августа[34] и потребовало отмены всех классовых привилегий и созыва национального правительства, выбранного всей нацией[35].

В России образовалась группа людей, число которых растет с каждым днем. Ни по своим интересам, ни по своим убеждениям они не принадлежат к определенному классу и скорее представляют и защищают со страстью и энтузиазмом общие тенденции современной цивилизации. Это то, что во Франции в XVIII веке

* Мне не удалось проверить это показание.

** Сазонов говорит о выше цитированной корреспонденции из Петербурга.

*** *Геннади Г.* Краткие сведения о русских писателях и ученых, умерших в 1860–1862 годах // Русский архив. 1864. С. 1099.

называли die Aufklärungspartie (партией просвещения) и что теперь существует только в России.

Будущее этой страны отныне может считаться завоеванным для прогресса, и этот прогресс ляжет огромным весом на весы судеб человечества. Можно опасаться только, чтобы будущее, о котором мы говорим, не было скомпрометировано, с одной стороны, невежеством народных масс, а с другой – легкомыслием и утопическими тенденциями дворян. Во всяком случае, раньше или позже свобода, если только ее сумеют сохранить, восстановит равновесие».

Записка эта является духовным завещанием талантливого неудачника, одного из оригинальнейших представителей русской интеллигенции. В том же 1862 г., 5 ноября, Сазонов умер.

VI

Переходим теперь к другому «русскому аристократу», на этот раз совершенно иного калибра. В русской колонии Парижа были уже и тогда самые разнообразные элементы. Бок о бок с людьми, хотя и безалаберно подчас, но искренно искавшими ответа на всякие «проклятые вопросы», мы находим Репетиловых и Загорецких, встречаем также всякого рода «сотрудников» и «осветителей».

«Не должно думать, – пишет Анненков, – чтобы эта азартная игра со всем содержанием Парижа велась только людьми, литературно и политически развитыми: к ней примешивались часто и такие особы, которые имели совсем иные цели в жизни, – не культурные. Так, по дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к известному Марксу от нашего степного помещика, также известного в своем кругу за отличного певца цыганских песен, ловкого игрока и опытного охотника. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с учителем Лассаля и будущим главой интернационального общества; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу водворения экономического порядка (sic!) в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции. Далее этого увлечение пойти не могло, но я убежден, что, когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед изумленным Марксом, и умер не так давно престарелым, но еще пылким холостяком в Москве. Не мудрено однако же, что после подобных проделок как у самого Маркса, так и у многих других сложилось и долгое время длилось убеждение, что на всякого русского, к ним приходящего, прежде всего должно смотреть как на подосланного шпиона или как на бессовестного обманщика. А дело между тем гораздо проще объясняется, хотя от этого и не становится невиннее!»*

Вот все, что сообщает нам Анненков о «лихом помещике», который так ловко надул доверчивого Маркса. Из всего этого повествования явствует, что если Анненков и воспользовался рекомендательным письмом пылкого прозелита «будущего главы интернационального общества», то он все же и тогда уже очень хорошо знал, с кем имеет дело.

* *Анненков П.В.* Литературные воспоминания и критические статьи. СПб., 1881. С. 155–156.

Конечно, воспоминания Анненкова писаны были чуть ли не тридцать лет спустя после описываемых событий, и неудивительно, что он мог легко спутать и лица, и имена.

Но уже в самом рассказе чувствуется какой-то странный скачок от «лихого помещика» к «подосланным шпионам» или «бессовестным обманщикам». И возникает вопрос, не был ли этот «лихой помещик» в «близких дружеских отношениях» и с самим Анненковым? А если это действительно так, то чем объясняется тенденция Анненкова валить с больной головы на здоровую? Кое-какой свет на этот вопрос бросает то самое письмо, которое обеспечило Анненкову хороший прием у «учителя Лассаля». Я нашел его совершенно случайно в бумагах Маркса. Оно написано по-французски, и я даю его в русском переводе.

«Мой дорогой друг.

Я рекомендую Вам г-на Анненкова. Это человек, который должен понравиться Вам во всех отношениях. Его достаточно увидеть, чтобы полюбить («il suffit de le voir pour l'aimer»).

Он Вам сообщит новости обо мне. Я не имею теперь возможности высказать Вам все, что я хотел бы, так как через несколько минут я уезжаю в Петербург.

Будьте уверены, что дружба, которую я питаю к Вам, вполне искренна. Прощайте, не забывайте Вашего истинного друга

Толстого»[36].

На письме нет ни даты, ни адреса. Но оно, несомненно, писано в начале 1846 г. В ноябре 1845 г. Анненков, как это видно из его письма к Герцену, был еще в Петербурге, хотя уже собирался в Париж*. А он сам рассказывает, что письмо получил по дороге в Европу.

Встретился ли он с Толстым в Берлине или в другом германском городе, теперь нет никакой возможности установить. Но из текста письма, во всяком случае, видно, какие нежные чувства питал к Анненкову наш «лихой помещик», alias Толстой.

Кто же был этот загадочный Толстой, имя которого Анненков не считал нужным назвать, хотя он уже был тогда покойником?

Не подлежит никакому сомнению, что это – тот самый Толстой, о котором Маркс пишет из Брюсселя Гервегу в письме от 26 октября 1847 г.**

«Я хотел тебя еще просить, не можешь ли ты узнать у Бакунина, каким путем, каким образом и каким способом я могу доставить письмо Толстому?»[37]

Издатель писем к Гервегу, со свойственной ему скоропалительностью, указывает в примечании, что это «граф Лев Толстой – известный русский романист». Но автору «Войны и мира» было тогда едва 17 лет, и он находился в это время в Казани. В 1847 г. он «по расстроенному здоровью» оставил университет и переехал в Ясную Поляну, где и пробыл до 1851 г. За границу он в первый раз выехал в 1857 г.

Из писем Маркса вытекает, что с этим Толстым связан был тесно Бакунин. Мы имеем еще одно показание, где оба эти имени называются вместе. Карл Грюн, один

* Из переписки недавних деятелей // Русская мысль». 1892. Июль. С. 100.

** Briefe von und an Georg Herwegh. Herausgegeben von Marcel Herwegh. München, 1896. P. 89.

из главных представителей немецкого «истинного социализма», сейчас же после смерти Бакунина опубликовал свои воспоминания о нем.

«Мы встречались, – пишет он, – не особенно часто. Это объяснялось преимущественно тем, что мы вели прямо противоположный образ жизни. Бакунин и другие русские, из которых я помню еще только какого-то графа Толстого, в сущности, ничем не занимались, кроме чтения газет.

Они обращали ночь в день и день в ночь и вставали обыкновенно не раньше 12 часов, а обедали только в шесть. Пробыв в кафе до 3, 4 или 5 часов утра, они отправлялись на покой, чтобы на другой день вновь начать эту адскую жизнь*.

Неттлау, биограф Бакунина, со своей стороны думает, что это – граф Д. Толстой, бывший от 1866 до 1880 г. министром народного просвещения и от 1882 до 1889 г. министром внутренних дел. Но и это предположение не выдерживает критики. Будущий министр родился в 1823 г. и в 1843 г., по окончании курса в царскосельском лицее, поступил на службу в канцелярию императрицы.

Неттлау ссылается на заметку в «Колоколе» по поводу назначения Д. Толстого министром народного просвещения, в которой якобы сказано, что он был учеником Бакунина. Но Неттлау не понял русского текста. Заметка Герцена озаглавлена «Катков и государь». В ней имеется следующий апостроф по адресу Толстого: «Граф Толстой, Вы эксперт и знаток по этой части, это Ваша специальность... Как Вы насчет искренности обращения старого гегелиста, старого шеллингиста, расцветшего в зловредном обществе Белинского и Бакунина?** Ясно, что речь идет именно о Каткове, а не о Толстом как ученике Белинского и Бакунина. Если у Анненкова могли быть какие-нибудь основания не называть своего старого друга, рекомендовавшего его Марксу в таких восторженных выражениях, то ни Герцену, ни Бакунину не приходилось церемониться с графом Толстым. А между тем они нигде не упоминают о его причастности к их старому кружку.

Но был еще один граф А. Толстой, он тоже занимал после крупный административный пост. «Проезжая через Париж в 1846 г., – пишет Анненков в своих воспоминаниях о Гоголе, – я случайно узнал о прибытии туда же Николая Васильевича, остановившегося вместе с семейством гр. Толстого (впоследствии обер-прокурора синода) в отеле улицы de la Paix»***.

Этот Толстой обер-прокурорствовал от 1852 до 1862 г. Но и он не мог быть нашим Толстым. В начале сороковых годов это был вполне сложившийся человек, крайний аскет, один из трех главных адресатов в переписке Гоголя с друзьями, видевший вещи «не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здравой середины»****.

Итак, ни Лев Толстой, ни Д. Толстой, ни А. Толстой не могли писать вышеприведенное письмо Марксу. Этим Толстым, по нашему предположению, мог быть только другой член тогдашней русской колонии Парижа – Яков Николаевич Толстой, друг Г ушкина и Грибоедова, один из первых русских революционеров и

---

* *Karl Grün.* Michel Bakunin // Die Wage. 1876. 18 August. P. 498.

** Колокол. № 225. 1866. 1 августа. С. 1841.

*** *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 66, или: Воспоминания и критические очерки. Т. 1. [СПб.,] 1877. С. 236.

**** *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. М., 1897. С. 308, 457, 570, 596–611.

эмигрантов, а затем один из первых русских... ренегатов и шпионов, предшественник Рачковского и Гартинга на дипломатическо-полицейской службе в Париже.

Старший из трех сыновей богатого тверского помещика Осташковского уезда, предводителя дворянства, Яков Николаевич Толстой родился в 1791 г.* Воспитывался он в пажеском корпусе. Пробыв короткое время на военной службе, он вышел в отставку, но с началом Отечественной войны опять вступил в ряды армии и принял участие в походах 1812–1814 гг. В 1817 г. он был назначен старшим адъютантом к А. А. Закревскому, тогда дежурному генералу главного штаба, а после прославившемуся на посту московского генерал-губернатора своей энергичной борьбой с язвой просвещения и вольномыслия.

Вероятно, уже в 1818 г. Толстой сделался членом «Союза Благоденствия» и принимал деятельное участие в организованном членами этого союза обществе «Зеленой лампы». Одно время он даже был его президентом. В кружке, собиравшемся у его основателя, Никиты Всеволожского, а после и у Толстого, мы встречаем Каверина, Трубецкого, Улыбышева, Энгельгардта, по другим известиям – и Гнедича. Одним из самых прилежных членов его был Пушкин, который именно тогда близко сошелся с Толстым. За бутылкой вина и вперемежку с рассказами о различных похождениях молодые люди занимались и более серьезным делом. Дебатировали вопросы дня, обменивались мыслями, делились плодами чтения. Это был, как вспоминал после в одном из своих посланий Толстому Пушкин,

...Приют гостеприимный:
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз;
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство;
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
От искр, и шуток, и вина...

«Наиболее ясный намек на оппозиционный элемент в собраниях «Зеленой лампы» (хотя и не упоминая о ней), – по мнению г. В. Семевского** – Пушкин делает в послании к одному из его товарищей по этому кружку – В. В. Энгельгардту; в конце послания (1819 г.) Пушкин говорит:

С тобою пить мы будем снова.
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

---

* *Модзалевский Б.* Я.Н. Толстой // Русская старина. 1899. Сентябрь. С. 587–614; Октябрь. С. 175–190.

** *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 437–438.

Полиция напала на след этого тайного общества после истории в Семеновском полку. Но оно уже начало распадаться в 1819 г. «Минутные друзья минутной молодости» разбрелись в разные стороны. 24 октября 1819 г. Пушкин писал П.Б. Мансурову: «Tolstoy болен... "Зеленая лампа" нагорела, кажется, гаснет, а жаль: масло есть... Но говори мне о себе, о военных поселениях, – это все мне нужно, потому что я люблю тебя и ненавижу деспотизм»*.

Толстой скоро углубился в научные занятия и начал штудировать философию. На это намекают и обращенные к нему «Стансы» Пушкина:

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладной укоризны.
Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета –
Златой горациев фиал.
Поверь, мой друг: она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины, забот
И бесполезных размышлений.
Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки;
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремушки.
Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмелье!
До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен,
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

В 1820 г. Толстой вместе с князем Евг. Оболенским образовал тайное общество в Измайловском полку. С закрытием «Зеленой лампы» его литературные связи не только не прекращаются, но еще более крепнут и расширяются. Он рискует даже выступить на литературное поприще и дебютирует сборником стихотворений под названием «Моё праздное время, или собрание некоторых стихотворений Якова Толстого». Образцы, приводимые г. Модзалевским, подтверждают его вывод, что «стихотворная деятельность Толстого не выходила из рядов скромной посредственности».

В апреле 1823 г. Толстой уезжает за границу для излечения какой-то болезни ног. Он устроился в Париже, но не прерывал сношений с декабристами, как об этом свидетельствует адресованное ему письмо А. Бестужева (Марлинского), в

* У Семевского слова «Tolstoy болен» опущены, а между тем они указывают, какую большую роль он играл в этом кружке.

котором последний сообщает целый ряд литературных и политических новостей, между прочим, и об издании «Полярной звезды»*.

В Париже наш «философ ранний» быстро сбросил с себя оковы «грусти и скуки». После 14 декабря 1825 г. ему так же, как и Николаю Тургеневу, трудно было вернуться в Россию. Имена их упоминались в откровенных показаниях некоторых декабристов. Так, Семенов показал, что именно Николай Тургенев привлек Толстого в тайное общество**. И вместе с Н. Тургеневым он предпочел остаться за границей.

На первых порах он пытался выдержать характер, но нужда – он скоро запутался в долгах – заставила его пойти в Каноссу[30]. Попытка оправдаться во взводимых на него обвинениях ни к чему не привела. А в ответ на просьбу о помиловании он получил суровый приказ вернуться без всяких промедлений на родину. Вполне основательно, не доверяя николаевской «Фемиде», которая тогда слепо и свирепо разила правого и виноватого, он остался в Париже, но благоразумно мотивировал свой отказ невозможностью уехать от своих кредиторов. Ему нужна была не только «гарантия», но и «субсидия».

С этого времени в течение десятилетий, терзаемый «унылыми сожалениями», Толстой старается пристроиться во французской печати «генеральным консулом по русской литературе», как назвал его старый друг его князь П. Вяземский***. Он пишет ряд опровержений, направленных против авторов, писавших о России. С помощью того же Вяземского он находит работу в русских журналах.

Но литературный заработок его был слишком недостаточен. Долги росли, и Толстой, решив добиться казенной субсидии, из кожи лезет, чтобы доказать русскому правительству, что он – верный «патриот своего отечества», и не за страх, а за совесть.

Он берет на себя миссию защищать не русский народ, а «Россию» во французской прессе. «Как видно из его писем, он посылал свои сочинения в Россию, старался распространять их среди сильных мира сего, хлопотал о том, чтобы государю стала известна его ревностная деятельность во славу России».

Его пылкая защита подвигов русской армии в 1828 г. наконец обратила на него благосклонное внимание «сфер». Но он опять «пересолил» в одной брошюре, направленной против султана Махмуда. Он плохо уловил настроение «сфер», и в «субсидии» ему продолжали отказывать. Долги его быстро росли, и к 1830 г. он уже задолжал своим кредиторам свыше 29 000 франков. Наконец в 1835 г. ему улыбнулась фортуна. Брат фельдмаршала Паскевича обратился к нему с просьбой написать биографию покорителя Варшавы. Работу эту он выполнил так удачно, что «отец-командир» сделался отныне его покровителем. В августе 1836 г. Бенкендорф вызвал его в Петербург, причем по приказу Николая ему выдали 10 000 р. в Париже на уплату долгов. В январе 1837 г. он уже был в России, а 29 января 1837 г., в тот самый день, когда друг его молодости – Пушкин – в страданиях доживал свои последние часы, граф А.Х. Бенкендорф писал С.С. Но-

---

* *Бестужев А.* Письмо от 3 марта 1824 // Русская старина. 1889. Ноябрь. С. 375–377.

** Н.И. Тургенев в своем оправдании // Русская старина. 1901. Октябрь. С. 208.

*** *Вяземский.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 245–259. Статья по поводу одной французской брошюры Толстого.

рову, бывшему в то время управляющим министерством народного просвещения, следующее письмо:

«Государь император высочайше повелеть соизволил: отставного гвардии штабс-капитана Якова Толстова назначить корреспондентом министерства народного просвещения в Париже, куда он вслед за сим должен отправиться».

Толстому назначено было жалованье в размере 3800 р. в год, причем, – вероятно, чтобы подчеркнуть истинный характер нового подвижника на поприще народного просвещения, – деньги эти должны были пересылаться главным казначейством в третье отделение, а оттуда Толстому.

«Должность, которую занял Толстой с этого времени и на которой оставался почти до самой своей смерти, – пишет его биограф, – была крайне загадочна и неопределенна. Так, место это не считалось служебным, а между тем он своевременно получал чины и ордена: по министерству народного просвещения он не состоял на службе, однако был с ним в постоянных сношениях, и дело об его определении сохранилось в архиве этого министерства; в то же время он числился "по особым поручениям" при III отделении собственной его величества канцелярии и даже на службу был определен по "отношению" графа Бенкендорфа. По словам Якова Николаевича, место его "было единственное, не определенное никакими штатами", и создано было с целью "защищения России в журналах" и опровержения статей, противных России. Кроме этой, так сказать, литературной стороны, на Толстом лежала еще обязанность иметь постоянные сношения как с министром народного просвещения, так и с управляющим третьим отделением, так как оба одинаково являлись его начальниками. Сверх того, он писал в Петербург, особенно в конце каждого года, официальные депеши и сообщения, содержание которых нам неизвестно. Бывали и еще какие-то неопределенные поручения, входившие в разряд "особых"».

Почтенный биограф почему-то стесняется назвать вещь ее настоящим именем и несколько наивничает в своих стараниях «точностью определить круг обязанностей, лежавших» на Толстом. Тридцать сребреников, которые получал наш «философ ранний», были вещественной мздой за «невещественные», но в то же время довольно земные услуги.

Мы сейчас увидим, какие «особые» поручения выполнял Толстой. Да и сам чиновный биограф отмечает, что «служебные обязанности Толстого заставляли его быть постоянно среди людей самых разнообразных направлений, вслушиваться в их разговоры, наблюдать за ними и тем самым, конечно, навлекать на себя подозрения; к тому же его служебное положение не могло не сделаться известным».

Ему, однако, долго удавалось скрывать свое настоящее положение даже от многочисленных друзей и приятелей. Тем из них, которым казалось странным совмещение должности «correspondant du ministre de l'instruction publique» (корреспондент министра общественного (народного) просвещения) с его радикальными взглядами, он сообщал, что не обязан писать ни о каких частных делах.

Характерно, что Вяземский еще в 1875 г. как будто ничего не подозревает о его настоящей роли. «Все русские, посещавшие Париж, находили в нем усердного и многосведущего путеводителя. Он во многом совершенно опарижился, но оставался русским до сердцевины, до мозга костей своих».

Но другой приятель Толстого, В. Муханов, отмечает в своем дневнике: «При встрече с кем-либо он скорее спрашивает, чем рассказывает сам».

Логика его занятий превратила его из корреспондента в доносчика, в литературного агента-провокатора. Обязанный реферировать не только о развитии французского просвещения, но и об отражении его в умах наезжавших в Париж соотечественников, Толстой, чтобы дать доказательства своей «полезности», вынужден был не только доносить о поступках русских путешественников, но и толкать их по пути «вольномыслия». И если Рачковским и Гартингам нужно было провоцировать террористические акты, то их предшественнику достаточно было вызывать своих соотечественников на разговоры или побуждать их к литературным актам, направленным против главных устоев николаевского режима. Иные времена – иные песни. Но и в старое доброе время нужно было заслужить свои сребреники.

Когда парижский приятель Толстого, князь П.В. Долгоруков, под псевдонимом графа Almagro напечатал в 1843 г. свою книгу о русском дворянстве* наш «сотрудник» сейчас же сообщил в длинной кляузе, что «Долгоруков думает, что его книга может служить пугалом, с помощью которого он добьется всего, что только взбредет ему на ум. На замечание, что правительство, по всей вероятности, предложит ему вернуться в Россию, он ответил, что откажется выполнить такой приказ»** и т. д. и т. д. В результате доноса Долгорукову приказано было немедленно выехать в Россию. По возвращении он был арестован и сослан в Вятку.

В деле с Головиным Толстой держал себя еще гнуснее.

«Перед отъездом моим из Петербурга, – пишет Головин в своих курьезных "Записках", – брат мой просил Уварова, нельзя ли дать мне какое-нибудь занятие за границей. Министр ответил: "У меня только один литературный корреспондент в Париже, но я поищу какое-нибудь занятие". Естественно было, что, приехав в Париж, я осведомился, кто этот счастливец. – Толстой, – говорят мне; показывают его карточку, на ней преважно стоит: "correspondant du ministre de l'instruction publique". Я к нему с визитом.

"Я, – говорит, – Вам скажу откровенно, что я имею обязанностью также опровергать статьи, противные России... – Он прибавил: – Я напишу Уварову, а Вы, со своей стороны, попросите"»***.

Уваров оказался плохим конспиратором. Он забыл, для чего требовалась вывеска министерства народного просвещения, а может быть, и просто хотел избавиться от надоедливого просителя. «Ответ графа Уварова был, что Толстой не у него, а у графа Бенкендорфа под начальством и что он ему обо мне ничего не писал. Выходя раз вместе от князя Петра Долгорукова, Толстой меня спрашивает об решении Уварова. Я докладываю: не знаю, должен ли ему сказать, но так как он одобрил, то я и бухнул. Толстой мой почернел до волос».

И было от чего «почернеть»: ему грозило не только разоблачение его настоящей роли, но и потеря доходного места. Толстой, однако, скоро нашел случай избавиться от опасного конкурента. Когда Головин решил издать свою книгу «Дух политической экономии» по-французски, он для личной безопасности почел долгом отнестись к г-ну Толстому. И только получив от последнего успокоительный ответ, бедный Головин напечатал свою невинную книгу.

---

* Notice sur les principales familles de la Russie. Paris, 1843.

** *Лемке М.* Князь П.В. Долгоруков в России // Былое. 1907. Февраль. С. 145.

*** Записки Ивана Головина. Лейпциг, 1859. С. 76–77.

А в это время Толстой уже строчил новый донос.

22 января 1843 г. Толстой писал Бенкендорфу по-французски:

«Один русский, Головин, готовится издать книгу по политической экономии. Отрывки из нее он читал уже нескольким лицам, в том числе одному литератору, лично мне известному, и тот уверял меня, что это произведение заключает в себе доктрины, подрывающие наши государственные устои. Он даже привел одну фразу приблизительно такого содержания: "Государи неспособны сделать никакой уступки в интересах своих подданных, если она стоит им хоть малейшей жертвы, и, наоборот, охотно жертвуют благосостоянием тысяч своих подданных ради удовлетворения своих страстей и капризов". Этот отрывок показывает, что труд, который собирается издать Головин, в ненадлежащем духе»*.

Толстой знал бесконечную тупость и жестокость своих работодателей.

В третьем отделении поднялась суматоха. Бенкендорф немедленно доложил об этом деле императору Николаю, и Головину послан был приказ сейчас же вернуться в Россию. Он ответил уклончиво.

Новое, еще более грозное послание, на которое Головин ответил ироническим письмом.

«Правительство с трудом могло себе представить, – пишет Герцен, чтобы у него лично хватило смелости отказаться, несмотря на приказ вернуться, и от состояния, и от родины. Отказ Головина до такой степени поразил императора, что он ответил... указом о паспортах**.

Мало того, 12 декабря 1844 г. Николаем утверждено было следующее мнение государственного совета: «Лишив Головина чинов и дворянства, сослать его, в случае явки в Россию, в Сибирь в каторжную работу, а именно его, ежели какое-либо окажется где-либо собственно ему принадлежащим, взять, на основании законов, в секвестр».

Этот, по выражению Герцена, «невероятный, нелепый и неслыханный» приговор государственного совета не мог, конечно, не привлечь к Головину всеобщих симпатий. Только после опубликования этого приговора Сазонов поспешил познакомиться с Головиным. К этому же времени относится его знакомство с Бакуниным, разделившим его судьбу.

А Толстой? Как наивно рассказывает сам Головин, почтенный Яков Николаевич уверял его после, что «ему от Бенкендорфа был выговор, зачем он защищал мою книгу, разве не читал предисловия». Но если Головин так-таки никогда не узнал, какую роль сыграл во всей этой истории Толстой, то все же именно он способствовал – правда, по другим причинам, – разоблачению истинного характера «просветительной» деятельности Толстого.

---

* *Лемке М.* Эмигрант Иван Головин // Былое. 1907. Май. С. 27. Автор вслед за Герценом относится беспощадно к несчастному Головину, эмигранту malgré lui (вопреки своей воле) и не находит достаточно слов, чтобы посмеяться над этой жертвой николаевского режима, хотя даже у жалкого Головина было больше гражданского мужества, чем у многих других «людей сороковых годов». Мы будем еще иметь случай показать, что слова Герцена нельзя принимать и в этом случае на веру без строгой критической проверки.

** *Iscander A.* Du développement des idées révolutionnaires en Russie. Paris, 1851. P. 167. В издании 1853 г. эти страницы были выпущены.

VII

С Марксом Толстой, по всей вероятности, познакомился через посредство Бакунина. На это одинаково указывают и письма Маркса, и воспоминания Грюна. О своем земляке – Толстой был сыном осташковского уездного предводителя дворянства и братом губернского предводителя дворянства Тверской губернии - Бакунин мог слышать рассказы еще в своей семье, так как отец его, А.М. Бакунин, принимавший участие в составлении устава Союза Благоденствия, не мог не знать Толстого*. А встречаться с последним Бакунин мог либо у Николая Тургенева, либо в каком-нибудь салоне Сен-Жерменского предместья. По словам Арнольда Руге, он был там своим человеком не меньше, чем в кафе, в которых собирались революционеры и журналисты всех наций и направлений**. Разборчивостью в знакомствах Бакунин, правда, никогда не отличался, но настоящая роль Толстого ему, наверное, так же мало была известна, как и другим членам парижской колонии. А то обстоятельство, что Толстой был на службе, он так же мало мог ставить ему «в вину», как и другим своим приятелям. Свою литературную деятельность, направленную на «защищение» русского правительства, Толстой мог тем легче скрыть, что свои брошюры он писал или анонимно, или под псевдонимом Яковлева. Да если эта деятельность и была известна Бакунину, он вряд ли видел в ней, как это показывает его жизнь в Сибири, что-нибудь более несовместимое с «радикализмом», чем писание всяких «докладных записок» состоявшими на государственной службе его приятелями из «радикалов».

Что Толстой был не только «отличным певцом цыганских песен», что он мог пустить пыль в глаза даже Бакунину, видно из свидетельств всех его современников. Не говоря уже о репутации старого декабриста и друга Пушкина, его веселость и остроумие, готовность оказать всякие услуги своим соотечественникам, большие связи в литературных салонах могли ввести в заблуждение не только Бакунина.

Знакомство Толстого с Марксом и Энгельсом могло быть только случайным следствием знакомства с Бакуниным. Но Толстой мог преследовать еще и другие цели, поддерживая сношения с немецкой колонией и особенно стараясь проникнуть в редакцию «Vorwärts», который тогда напечатал ряд статей, направленных против России. Он мог узнавать интересные для третьего отделения вещи о польской эмиграции, а русское правительство интересовалось тогда ею, во всяком случае, не меньше, чем русской колонией***.

И точно так же, как его коллега в Германии Швейцер на основах взаимности пользовался услугами прусской полиции, так и Толстой при посредстве Киселева мог находиться в сношениях с прусским посольством в Париже и оказывать в свою очередь услуги «дружественной» тогда державе.

---

* *Корнилов А.* Семейство Бакуниных // Русская мысль. 1909. Май. С. 23–27.

** *A. Ruge's* Briefwechsel und Tagebuchblätter. Berlin, 1886. Band 1. P. 370.

*** «Французское правительство никак не могло удовлетворить нескончаемые жалобы русского правительства по поводу пребывания польской эмиграции во Франции... Нескончаемые жалобы на покровительство и попустительство полякам наконец надоели французскому правительству, и оно перестало принимать их во внимание» (*Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных с иностранными державами. Т. XV. С. 201–202).

Уже тогда возникли некоторые подозрения на его счет. Что он имел отношение к русскому посольству, указывалось уже в одной статье только что упомянутого «Vorwärts'a»*, в котором после принимали участие Маркс и Бакунин. Но как мало значения придавали этим слухам или как легко было снять Толстому с себя подозрение, видно уже из того, что Маркс и Бакунин не придавали им тогда никакого значения и объясняли их, как и Арнольд Руге в своих письмах из Парижа, старой привычкой немцев видеть всюду русских агентов.

Но «ничто не вечно под луной». Головин, которому Толстой создал пьедестал нового «Курбского», в конце 1845 г. опубликовал свое послание к грозному самодержцу всея России. Книга его «La Russie sous Nicolas I» имела большой успех и сейчас же была переведена на английский и немецкий языки. Надо принять во внимание, что это было первое изображение николаевской России, данное не иностранцем, которого, как Кюстина, можно было обвинять в поверхностном знакомстве с Россией и плохом знании русского языка, а русским «боярином», у которого хватило решимости не подчиниться азиатскому произволу. И если Бенкендорф, которого г. Лемке для этой оказии воскресил**, по словам почетного исследователя «николаевских жандармов», сначала приказал Толстому «пренебречь» и не писать возражения, то успех книги вынудил их отказаться от тактики «величественного молчания»***.

У Я. Толстого могли быть еще другие соображения, и вряд ли он с особенной охотой взялся наконец за «литературное» опровержение книги Головина, который в своем предисловии с трогательной наивностью сообщает, что Толстой – он настолько деликатен, что не называет своего защитника, – «получил от Бенкендорфа суровый выговор за защиту его книги»****.

Как только в «Quotidienne» появилась статья, направленная против книги Головина, последний, догадавшись, кто должен быть ее автором, ответил, как он выражается в своих «Записках», Толстому «его анекдотом» и, назвав автора статьи, сообщил все, что знал об его отношениях к русскому правительству*****.

---

* «Vorwärts». 16. März. 1844. «Russisches Wesen und Unwesen».

** Бенкендорф умер в сентябре 1844 г., а книга Головина вышла в 1845 г. Мы констатируем этот факт только «исторической справедливости» ради: негоже умалять заслуги преемников Бенкендорфа перед отечеством.

*** Лемке и в этом случае не находит достаточно сильных выражений, чтобы лишний раз уязвить злосчастного Головина. И книга никуда не годная, да и неизвестно, не приложил ли сам Головин, драпировавшийся в торжественную тогу политического эмигранта, руку и к этим переводам?! Мы нисколько не сомневаемся в гражданском мужестве г. Лемке, которое позволяет ему с таким великолепным презрением смотреть на Головина, но отзыв Герцена об этой книге – данный, правда, до ссоры с Головиным – должен был бы сделать его несколько более осторожным. Конечно, сшитая правительством «тога политического эмигранта» могла украшать более достойные плечи, но это обстоятельство нисколько не устраняет того факта – теперь, после статьи самого г. Лемке, вполне установленного, – что Головин сделался жертвой одной из гнуснейших провокаций и что эмигрантом он сделался не только из одного чувства «страха».

**** *Golowin J.* La Russie sous Nicolas I. Paris, 1845. P. 15, 20.

***** Статья Головина напечатана была в «Corsaire-Satan». К сожалению, даже в парижской Bibliothèque Nationale нет этой газеты за 1846 г., и я не мог проверить все показания Головина в его «Записках».

Это разоблачение произвело огромную сенсацию в Париже. Обошедши все главные парижские газеты, оно перешло и в «Allgemeine Zeitung».

Маркс, как мы знаем, жил тогда в Брюсселе, но Энгельс, незадолго до этого переехавший в Париж, сейчас же написал ему об этой интересной новости (18 сентября 1846 г.)[29].

«А теперь еще одна в высшей степени любопытная история. "Augsburger Allgemeine Zeitung" (21 июля 1846 г.) в корреспонденции из Парижа от 16 июля пишет о русском посольстве в Париже:

"Это – официальное посольство; но вне его или, скорее, над ним стоит некий Толстой: он не занимает определенной должности, но известен как доверенное лицо двора. Прежде чиновник в министерстве народного просвещения, он явился в Париж с литературной миссией, написал здесь несколько мемуаров для своего министерства и доставил несколько обзоров французской прессы. Затем он перестал писать, но тем больше делал.

Он живет на широкую ногу, встречается со всеми, принимает всех, занимается всем, все знает и очень многое устраивает. Мне кажется, что именно он является действительным русским посланником в Париже... Его заступничество производит чудеса (все поляки, которые просили помилования, обращались к нему), в посольстве все склоняется перед ним, и в Петербурге он пользуется большим влиянием!" Этот Толстой и есть не кто иной, как наш Толстой, тот самый благородный рыцарь, навравший нам, что он хочет продать в России свои имения. Кроме квартиры, в которой он нас принимал, он имел еще блестящее помещение на Rue Mathurin, где он принимал дипломатов. Поляки и *многие* французы давно уже знали это, только немецкие радикалы, среди которых он считал более удобным играть роль радикала, ничего не знали. Цитируемая мною статья написана одним поляком, который знает Бернайса, и сейчас же была перепечатана в "Corsaire-Satan" и "National". Когда Толстой прочитал статью, он рассмеялся и пошутил над тем, что он наконец открыт. Он теперь в Лондоне и, так как роль его тут сыграна, попытает свое счастье там. Жаль, что он не вернется, иначе я сыграл бы с ним шутку да представил бы свою визитную карточку в Rue Mathurin. Что после всего этого рекомендованный им Анненков – тоже русский шпион, c'est clair (это очевидно). Даже Бакунин, который *должен был знать* всю историю, так как другие русские знали ее, тоже очень подозрителен». И в заключение Энгельс спрашивает Маркса, не следует ли обо всем этом немедленно сообщить их друзьям в Лондон, так как Толстой мог бы там ссылаться на свое знакомство с Марксом и компрометировать поляков.

И все же Толстому удалось оправдаться и среди русской, и среди немецкой эмиграции. У него было много друзей, а Головину, который за два года перед этим выступил с опровержением книги Кюстина и, как мы видели, хлопотал сам о месте корреспондента министерства народного просвещения, не особенно доверяли. На сторону Толстого стал и Бакунин, вступивший с Головиным в полемику.

Мы увидим сейчас, что и Анненков также горячо заступился за своего «степного помещика». Один лишь Сазонов решительно выступил в защиту Головина.

Только тем, что Толстому удалось оправдаться или свалить вину на другого Толстого, можно объяснить, что уже в письме от 15 января 1847 г. Энгельс пишет Марксу, что Бернайс (Bernays) выдумал всю историю с Толстым или позволил

себя надуть Бернштейну, который, мол, заставляет его верить всему, что угодно*. Тогда является понятным также и письмо Маркса к Гервегу в октябре 1847 г., цитированное выше. Бакунин продолжал быть с Толстым в хороших отношениях.

Только после февральской революции, когда в члены Временного правительства попали старые друзья Маркса и Бакунина, роль Толстого окончательно была разоблачена. У него был произведен обыск, на который Временное правительство могло осмелиться только потому, что он официально не был причислен к посольству**. В довершение беды на него обрушился совершенно неожиданный удар с другой стороны. Бывший наш посланник в Штуттарте и Турине Обрезков, фрондировавший против правительства за недостаточное призвание его заслуг и имевший зуб против Паскевича, воспользовался революцией и в «Journal des Débats» тоже ответил биографу Паскевича «его анекдотом»***.

«Неопределенное» положение Толстого становилось для него опасным. Он переехал на время в Брюссель. Характерно, что он даже от себя старался скрыть действительный смысл своей деятельности.

«Что касается меня, – писал он брату из Парижа 6 (18) ноября 1848 г., – то я нахожусь в ожидании прочного места, которое мне было обещано; но, ожидая, я все стою на одной точке, причем в глазах моих соотечественников слыву за подозрительного поверенного, а в глазах некоторых французов – даже за тайного агента. Это ложное положение составляет одно из мучений моей жизни».

Сентиментальность так же характерна для шпионов, как склонность к этическим размышлениям для предателей.

Высокие покровители Толстого скоро вывели его из этого ложного положения. Как он сам подчеркивает, его депеши очень нравились, и в такое время, когда, после кровавого подавления июньского восстания, на защиту собственности, религии, семьи и общества сбежались под общее знамя «монархисты и республиканцы», «попы и свободные мыслители, молодые потаскушки и старые монахини», – было бы безумием отказываться от человека, который обладал не только прекрасными «ушами и глазами», но и искусным пером****.

29 декабря 1848 г. он был назначен советником посольства и оставался на этом посту почти до самой смерти, последовавшей 15 (27) февраля 1867 г.

Вот кто был, по нашему предположению, тот «степной помещик», который дал Анненкову такое теплое рекомендательное письмо к Марксу. Только таким об-

---

* Бернайс вместе с Бёрнштейном, корреспондентом «Allgemeine Zeitung», издавал в Париже в течение 1844 г. упомянутый уже нами «Vorwärts», в котором сотрудничали Бакунин, Маркс и Энгельс. В начале 1845 г. Бёрнштейн вынужден был прекратить газету, а некоторые сотрудники его, в том числе Маркс, были высланы. Возможно, что Бёрнштейн, после обрушившегося на него несчастия, сам заподозрил Толстого, который, вероятно, посещал Бакунина, жившего в редакции «Vorwärts'а» (См: *Bernstein H.* 75 Jahre in der alten und neuen Welt. Leipzig, 1884. P. 332–338).

** Об этом обыске упоминает Герцен в связи с рассказом о Головине, но, не говоря ни слова об истинной роли Толстого, он прибавляет, что именно Головин навлек на последнего этот обыск. Можно подумать, что у Головина не было для этого никакого основания.

*** Русские достопамятные люди // Русская старина. 1892. Октябрь. С. 36–37.

**** Профессор Мартенс расхваливает депеши Н.Д. Киселева, относящиеся к этому времени (*Мартенс Ф.* Цит. соч. Т. XV. С. 223–235). К сожалению, они напечатаны только в отрывках. Несомненно, что автором их является не бездарный брат «либерального» царедворца, а наш Толстой.

разом можно объяснить многое в отношениях Маркса и в особенности Энгельса к русским. Уже неожиданный вывод, который Анненков делает из своего рассказа о Марксе и «степном помещике», показывает, что в его памяти воспоминание о «певце цыганских песен» боролось с другим воспоминанием – об агенте и шпионе. Мы увидим еще ниже, когда могла завязаться тесная дружба между Толстым и Анненковым.

Уже в приведенном выше письме Энгельс сейчас же умозаключает от Толстого к Анненкову и Бакунину. Понятно, что после окончательного разоблачения Толстого недоверие Маркса и Энгельса к русским должно было возрасти, хотя они вовсе не видели во всяком русском «подосланного шпиона» или «бессовестного обманщика». Это, конечно, делало их более подозрительными и по отношению к старым друзьям Толстого, и это же отчасти объясняет сближение с Сазоновым, который так решительно выступил сразу же против Толстого, с кем он, как самый старый член русской колонии, мог столкнуться еще раньше. Можно также с немалой долей вероятности утверждать, что в распространении слухов, компрометирующих Бакунина как после его высылки из Парижа, так и в особенности весной и летом 1848 г., принимал самое деятельное участие Толстой: он мог надеяться, таким образом, отвести подозрения от себя. Во всяком случае, эта гипотеза имеет за себя больше оснований, чем курьезная попытка известного анархиста Виктора Дава взвалить на Маркса ответственность даже за высылку Бакунина из Парижа на том основании, что Киселев был в коротких сношениях с Вестфаленом, братом жены Маркса!

VIII

До сих пор мы говорили об Анненкове лишь постольку, поскольку в его воспоминаниях мы находили указания, с помощью которых мы могли установить круг русских «людей сороковых годов», так или иначе связанных с Марксом. Но в этих же воспоминаниях мы наталкиваемся на факты, свидетельствующие о близком знакомстве самого Анненкова с Марксом. И само собой напрашивается вопрос: не принадлежал ли и Анненков к числу тех русских идейных «сластен», восторженное «обожание» которых запечатлелось так сильно в памяти Маркса.

Мы не будем подробно останавливаться на личности скучного критика пятидесятых годов. Биография его в общих чертах известна, и репутация его теперь уже прочно установлена. Специалист по части эстетической критики в пятидесятых годах, поклонник «искусства для искусства»[40] он, в разгар нашего Sturm und Drang (бури и натиска) периода, написал апологию «слабых людей», вызвавшую отповедь Чернышевского[41], расхвалил «Взбаломученное море» и пописывал благодушно в «Русском вестнике»[42], пока не нашел нового приюта в «Вестнике Европы» первой формации. Но если его слава литературного критика совершенно померкла, если развитие научного «пушкиноведения» превратило его главные работы о Пушкине в груду материалов, требующих тщательной критической проверки[43], то за ним все еще прочно сохраняется репутация одного из лучших наших мемуаристов, основывающаяся главным образом на его «Замечательном десятилетии».

А между тем кто внимательно читал все мемуары Анненкова, тот не мог не заметить, как метко и правдиво схватил их основной характер Гоголь в одном из своих писем к Анненкову: «Много наблюдательности и точности, но точности

дагерротипной. В письмах не видно, зачем написаны письма, как будто вы не задавали самому себе серьезного вопроса. У вас, как мне кажется, нет пристрастия и сильной уверенности в истине своих выводов и заключений»*.

Действительно, в воспоминаниях и письмах Анненкова можно найти много мелочей, интересных для историка, но и только. Его характеристики, наблюдения и впечатления выдают на каждом шагу человека, который сегодня интересуется одним, а завтра другим, так же легко отказывается от своего мнения, как его высказывает, и сегодня изливается перед Гоголем и его друзьями, чтобы завтра побежать на собрание Бакунина и его друзей". Это типичный «турист сороковых годов», «турист-эстетик», как удачно окрестил его в забытых теперь статьях П. Лавров.

«Надо быть в жизни, в мыслях, в деятельности *туристом*... Они не сидни – избави боже! Какая отсталость быть сиднем на какой-нибудь засиженной идее! Они смеются от всей души над этой невежественной односторонностью. Их, напротив, ничто удовлетворить не может: их природа требует передвижения с одной ноги на другую, точнее, с одного подобия маленькой идейки на другое такое же подобие. Они объезжают весь мир, заглядывают во все классы общества, знакомятся с биржевиками и с пролетариями, с ученым мыслителем и с завсегдатаем модного кафе на парижских бульварах, с секретарем Наполеона III и с сподвижником Гарибальди и из всего этого изучения, из всех этих знакомств выходят довольные, веселые, розовые, без малейших морщин на лице, без малейшей заботы в сердце, без лишнего вопроса в голове»**.

Не составляют исключения и воспоминания Анненкова о «Замечательном десятилетии». Строгий критический разбор вскроет в них много фальши, надуманного и просто выдуманного. Написанные под непосредственным впечатлением только что появившейся биографии Белинского, составленной Пыпиным, и воспоминаний Т.П. Пассек, они на каждом шагу выдают бессильные потуги человека, у которого никогда не было «пристрастия и сильной уверенности в истине своих выводов и заключений», передать нам историю идейных мук и терзаний русских и западноевропейских людей сороковых годов. Вместо откровенной исповеди – старание скрыть «ошибки молодости» и боязнь признать, даже через тридцать лет, что он когда-то увлекался «запрещенной религией польского дела». В результате – неискренняя повесть о старых знакомствах, в которой на каждом шагу просвечивает безмятежное сознание своего превосходства – конечно, превосходства «туриста» – над такими «сиднями», как Бакунин, Герцен или Маркс.

Мы уже указывали на неожиданный вывод, сделанный Анненковым из рассказа о «степном помещике». Письмо Толстого – кто бы он ни был – показывает, что с Анненковым его связывала тесная дружба. И все же Анненков пишет о своем бывшем друге так, как будто он уже тогда насквозь видел Толстого, как будто только такой кабинетный человек, как Маркс, да к тому же и немец, мог доверчиво отнестись к нашему «отличному певцу цыганских песен».

«Я воспользовался, *однако же*, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился в энтузиастическом настроении, и был принят Марксом

---

* Из письма Гоголя от 12 августа 1847 г. (Анненков и его друзья. СПб., 1892. С. 501–502).

** Турист-эстетик // Дело. 1879. Октябрь. С. 2–3. См. также: Русский турист сороковых годов // Дело. 1877. Август. Статьи подписаны инициалами П. Э.

в Брюсселе очень дружелюбно», – настолько дружелюбно, что Маркс пригласил Анненкова на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с Вильгельмом Вейтлингом[45].

Дальше следует часто цитировавшееся описание беседы между Марксом и Вейтлингом, свидетелем которой был Анненков. Она происходила, как видно из письма Вейтлинга к Гессу, 31 марта 1846 г.* Уже одна попытка вложить на манер Фукидида в уста действующих лиц якобы действительно произнесенные речи заставляет отнестись с большим недоверием к повествованию Анненкова. Особенно курьезен упрек со стороны Маркса Вейтлингу, что он своими коммунистическими проповедями привлек к себе столько работников, лишив их места и куска хлеба, что «Вейтлинг, видимо, хотел удержать совещание на общих местах либерального разглагольствования».

«Пораженный всем виденным и слышанным», наш новый Анахарсис плохо понимал, в чем дело, и, несмотря на уверение, что он «очень хорошо помнит даже самую форму резкого вопроса Маркса», уловил только, что Маркс настаивал на необходимости «строго научной идеи» и возмущался «пустой и бесчестной игрой в проповедника, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой – допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот». «Вот, – прибавил он, указывая на меня резким жестом, – между нами есть один русский. В его стране, Вейтлинг, ваша роль могла бы быть у места: там, действительно, только и могут удачно составляться и работать союзы между нелепыми пророками и нелепыми последователями». Анненкову тем легче было воспроизвести этот пункт беседы, что у Маркса был однородный конфликт с Бакуниным, которого также возмущало желание Маркса превращать рабочих в резонеров и портить их, как писал Анненкову Бакунин в письме от 28 декабря 1847 г. из Брюсселя**.

Анненков скоро уехал из Брюсселя, но сношения его с Марксом не прекращались и после. «Я встретил Маркса еще, – пишет он, – вместе с Энгельсом в 1848 г. в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции, намереваясь изучать движение французского социализма, очутившегося теперь на просторе. Они скоро оставили свое намерение, потому что над социализмом этим господствовали всецело чисто местные, политические вопросы, и у него была уже программа, от которой он не хотел отвлекаться – программа добиваться с оружием в руках господствующего положения в государстве для работника».

Всю эту галиматью можно объяснить лишь тем, что Анненков забыл или вычеркнул из своей памяти решительно все, что относилось к этой новой встрече. Иначе он вспомнил бы, каким вынужденным образом попал в Париж Маркс и как немецкая колония раскололась на два лагеря, во главе одного из которых стояли Гервег и *симпатизировавшие* ему Герцен и Бакунин, а во главе другого – Маркс и Энгельс, скоро «оставившие» не свое «намерение», а Париж, чтобы принять участие в немецкой революции.

«Но и до этой эпохи были минуты заочной беседы с Марксом, весьма любопытные для меня: одна такая выпала на мою долю в 1846 г., когда по поводу известной

---

* *Kaler E.* Wilhelm Weitling. Zürich, 1887. P. 72–73.

** Анненков и его друзья. СПб., 1892. В «Замечательном десятилетии» Анненков относит это письмо к октябрю и, выбросив обращение к себе, превращает его в письмо к «друзьям в Париже». Мы еще вернемся к этому письму.

книги Прудона "Système des contradictions économiques" Маркс написал мне по-французски пространное письмо, где излагал свой взгляд на теорию Прудона»[46].

Именно это письмо Анненков приводит в своих воспоминаниях[47]. К сожалению, издатели книги «Анненков и его друзья», напечатавшие письма Бакунина к Анненкову, почему-то сделали исключение для письма или, вернее, для писем Маркса, так как их было, как мы сейчас увидим, несколько. В переводе Анненкова или, вернее, и в его изложении письмо Маркса вызывает сомнения, укрепляемые напечатанными г. С. Ан-ским[48] примечаниями Маркса к этому письму*. Так, по поводу отождествления критики Прудона и Фурье, которое приписывает ему Анненков, Маркс замечает, что «я писал прямо обратное тому, что он приписывает мне: ведь именно Фурье первый осмеял идеализацию мелкой буржуазии». В остальных частях своих письмо представляет только конспект некоторых глав «Нищеты философии», над которой в то время работал Маркс. Анненков так основательно забыл об этой когда-то хорошо известной ему книге, что смешивает ее с будущим «Капиталом». Что же касается впечатления, произведенного на него критикой Маркса, то он его так резюмирует: «Признаюсь, я не поверил тогда, как и многие со мной, разоблачающему письму Маркса, будучи увлечен вместе с большинством публики пафосом и диалектическими качествами прудоновского творения».

Мы сейчас увидим, что «минуты заочной беседы» с Марксом не ограничивались одним письмом и что было время, когда Анненков находился в таком же «энтузиастическом настроении», как и его загадочный приятель. Уже 8 мая (1846 г.) он пишет Марксу из Парижа:

«Mon cher monsieur Marx!

Вот уже месяц, как я здесь. Я часто думал о Вас, но не мог найти свободной минуты, чтобы написать Вам. Не без основания говорят, что праздные люди – самые занятые люди во всем мире. Письмо к Гейне, которое Вы любезно дали мне, я передал вместе со своей карточкой, но так как я забыл прибавить к этому просьбу о свидании, то Гейне не ответил мне, и я остался ни с чем. Что касается Эвербека, то никто не знает здесь его адрес – ни Гервег, ни Бакунин, но я надеюсь скоро найти его. На днях я рассчитываю сделать визит Бернайсу в его убежище.

Париж был сильно взволнован выстрелом, направленным в короля. Зато много занимаются почетными крестами, которые были распределены в день св. Филиппа. Полемика двух консервативных журналов по вопросу о том, какой король предпочтительнее: дурак или интриган, явилась очень кстати, чтобы развеселить парижскую публику, которой наскучили речи в палате и Тюильри. В ожидании приближающихся выборов мы болтаем и спорим с нашими друзьями о разных вещах: о Польше, о прусском кронпринце [Вильгельм I. – *Ред.*], коммунизме, Берне,

* «К характеристике Маркса» [Примечания К. Маркса к «Замечательному десятилетию» П. Анненкова (Русская мысль. 1903. Август). Эти примечания найдены были мною в книжках «Вестника Европы», принадлежавших Марксу и после смерти переданных вместе со многими другими русскими книгами Энгельсом Лаврову. Статьи Анненкова были переплетены со статьями Пыпина в тот «небольшой томик», который был в руках С. Ан-ского, но исчез теперь, так как его нет ни в Лавровской, ни в Тургеневской библиотеках, куда после смерти Лаврова была передана часть книг Маркса. А между тем кроме примечаний, напечатанных С. Ан-ским, на полях были еще и другие пометки. (Письмо Маркса к Анненкову напечатано теперь в переписке Стасюлевича, изданной М. Лемке)][49].

Gattung (категории) выставке и т. п. Недавно я был на собрании редакторов-рабочих газеты "Union". Они тоже говорили и спорили, но они отнимали у своего сна время, чтобы отдаваться этому интеллектуальному наслаждению, и в результате их дебатов, при закрытых дверях, – всегда новый номер журнала, который они все редактируют. Во всяком случае, эти дебаты были небесполезны!

*Я только что получил известие, что Толстой принял решение продать все имения, которые ему принадлежат в России. Нетрудно догадаться, с какой целью**.

Передайте привет Энгельсу и всем, кто еще помнит о скифе.

Мой дорогой Маркс, если Вы напишите мне несколько слов по-немецки или как угодно, адресуя письмо Ваше rue Caumartin, 41, то Вы прибавите еще новую услугу ко многим другим, которые Вы мне оказали и которые я так сильно ценю.

Париж, 8 мая.

Весь Ваш *П. Анненков*[59].

Итак, наш пострел везде поспел. Он успел заручиться рекомендательным письмом к Гейне, хотя не сумел использовать его, он должен познакомиться с Эвербеком, тогда одним из лидеров парижской общины Союза справедливых, и с Бернайсом, бывшим редактором «Vorwärts'a», он попал даже на собрание редакторов газеты «Union» и, зная, с кем имеет дело, ехидно противопоставляет в письме к Марксу бесплодные словопрения «интеллигентов» и «небесполезные» дебаты «рабочих». Но интереснее всего то обстоятельство, что именно он сообщает Марксу о решении Толстого продать все имения, принадлежащие ему в России. А из воспоминаний Анненкова следует, что «степной помещик» уверил Маркса, что «бросит свой капитал в жерло предстоящей революции» еще до знакомства Анненкова с Марксом. Возможно, что именно этим несоответствием с действительностью в рассказе Анненкова объясняется сердитое примечание Маркса: «Ложь! Ничего подобного он не говорил. Напротив, он уверял, что вернется к себе домой для вящего блага своих крестьян. Он даже был настолько наивен, что приглашал меня с собой». В свою очередь, Маркс забыл, что именно Анненков сообщил ему о плане Толстого, хотя и в неопределенных выражениях.

Ответ Маркса на письмо Анненкова нам неизвестен. Возможно, что его письмо вместе с другими хранится еще в бумагах Анненкова.

Следующее письмо последнего является ответом на письмо Маркса из Брюсселя от 27 мая. Оно помечено 2 июня и написано в еще более «нежном» тоне.

« Mon cher monsieur Marx!

Получив Ваше письмо от 27 мая, я поспешил передать Бернайсу, через посредство Эвербека, 140 франков, так как непредвиденные обстоятельства помешали мне передать ему их лично. Я надеюсь еще иметь это удовольствие, когда поеду посмотреть Монморанси.

Что касается Вашей *угрозы* послать мне большое письмо, то это такая угроза, которая меня мало пугает и исполнения которой я больше всего желал бы. Сделайте это, мой дорогой Маркс, пишите мне и рассчитывайте на мою благодарность и взаимность.

Спор между Гизо и Тьером закончился на парламентской трибуне. Странное дело! В своей последней речи Тьер выступил как представитель революции, про-

* Курсив наш.

гресса. Говорят, что это на руку герцогу Немурскому, который может теперь совершить очень мужественный, даже смелый политический акт, пригласив Тьера в министры.

Кроме того, ничего нового, если не считать пришедшего из Германии известия, что сейм запретил перепечатку и продажу сочинений Фейербаха.

2 июня, Париж.

Весь Ваш *П. Анненков*[51].

Вскоре после этого письма Анненков уезжает из Парижа. Летом он совершил путешествие – вместе с Боткиным – по Тиролю и Ломбардии. Оно продолжалось три месяца. По возвращении в Париж он нашел у себя дома письмо Маркса с запросом по поводу Толстого.

И мы сейчас увидим, с какой горячностью заступился Анненков за «нашего степного помещика». Следует заметить, что известие, переданное Энгельсом, о пребывании Толстого в Лондоне подтверждается и с другой стороны: Головин рассказывает в своих «Записках», что он и Сазонов встретили совершенно неожиданно Толстого в Лондоне. Прибавим к этому, что в 1845 г. – месяц, к сожалению, не указан – Толстой выбыл в Россию.

Вот что пишет Анненков Марксу:

«Mon cher monsieur Marx!

Я приехал только вчера из Италии и нашел у себя дома Ваше письмо. Толстой, о котором пишут в "Allgemeine Zeitung", совсем другое лицо, чем тот, которого мы знаем, и имеет с ним общего только имя. Толстой (из газет) – действительно русский агент, донесший на Долгорукова, Головина и многих других, признанный шпион русской полиции и одинаково презираемый как теми, которым он служит, так и теми, которых он предает. Он принял участие в восстании 1825 г., бежал, когда оно кончилось поражением, и, чтобы добиться прощения, унизился до того, что стал самым низким из куртизанов и самым подлым из шпионов... О, боже! И наш честный, простой, прямой Толстой, который думает теперь в России только о том, чтобы продать все свои имения и поселиться в Европе! И я благодарю Вас, мой дорогой Маркс, от его имени за то, что Вы усомнились, читая статью в "Allgemeine", и обратились ко мне за разъяснениями.

Я продолжаю жить на rue Caumartin, 41, где и ожидаю новостей от Вас и Ваших друзей и главным образом о Вашей книге.

2 октября. Париж.

Весь Ваш *П. Анненков*[52].

«Честный, прямой, простой» Толстой, а через тридцать лет – не то бессовестный обманщик, не то подосланный шпион! Уже одно это внезапное превращение, которое трудно объяснить только забывчивостью, вызывает подозрение. Странно и то, что в этом письме Анненков доподлинно знает такие вещи, о которых не знал тогда даже Головин, одна из жертв Толстого. А у нас имеются еще и другие доказательства, что Анненков наверное был знаком с Яковом Толстым, с которым его связывал еще другой общий интерес. Мы видели выше, что Толстой принимал очень деятельное участие в «Зеленой лампе». Выпрашивая себе помилование, он сугубо старался изобразить это общество кружком кутил и развратников. И так же решительно превращает «Зеленую лампу» в «оргаическое общество» Аннен-

ков, глухо ссылаясь на какие-то «разыскания и расспросы»*. Вспомним, что наш турист не в первый раз попал в Париж в 1846 г. Он жил уже там с ноября 1841 г. до осени 1843 г., т. е. до приезда туда Маркса и Бакунина, и в качестве *чиновника министерства финансов* не преминул уже тогда познакомиться с «корреспондентом министерства народного просвещения». Во всяком случае, этот Толстой не принимал никакого участия в восстании 14 декабря и не бежал после его неудачи, как это так обстоятельно сообщает Марксу Анненков.

Мы уже упомянули выше об одном письме Бакунина из Брюсселя, отрывок из которого приведен в воспоминаниях Анненкова. Оно писано Бакуниным после его высылки из Парижа за речь на банкете 29 ноября 1847 г. Как дата, так и адресат указаны Анненковым неверно. Бакунин пишет между прочим: «Я, вероятно, скоро должен буду снова ораторствовать; покамест не говорите об этом, кроме Т., никому; я боюсь, чтоб через Сазонова не узнали об этом славянщики, а дело еще не совсем решено». Анненков, который и является адресатом, не называет Т., но в сборнике «Анненков и его друзья», где письмо Бакунина напечатано как одно из писем к Анненкову, вместо Т., назван Тургенев. А между тем это сообщение нуждается в проверке[53]. Тургенев в то время поглощен был совершенно другими интересами, и сомнительно даже, чтобы он мог тогда часто встречаться с Бакуниным. Он приехал в Париж в 1847 г., после того как так внезапно покинул Белинского в Зальцбрунне. Сам Анненков в другом месте сообщает нам, что «дела его (Тургенева) были в плохом состоянии: он не мог жить в Париже, поселился в пустом замке, предоставленном ему Жорж Санд где-то на юге, и наезжал по временам в Париж, обегал своих знакомых и скрывался опять»**. Непонятно, почему Бакунин делает это исключение именно для Тургенева, и в то же время, при том антагонизме, который, несомненно, существовал между ним и Сазоновым, решительно выступившим против Толстого, вполне естественно, что он просит Анненкова, чтобы тот не сообщал о его сношениях с поляками в Брюсселе именно *Сазонову*.

И, несмотря на категорическое утверждение Анненкова – вспомним письма друзей Азефа – мы все же останемся при нашем предположении, что таинственный Толстой – «честный, прямой, простой» энтузиаст, закадычный друг Бакунина, до такой степени влюбленный в Анненкова, что, по его словам, достаточно было посмотреть на нашего туриста, чтобы полюбить его, – может быть только бывшим президентом общества «Зеленой лампы». И если Анненков после рассказывает, что «друг» Маркса умер «престарелым холостяком в Москве еще в середине семидесятых годов», то мы и к этому известию относимся так же скептически, как и к другим его сообщениям о нашем степном помещике: в лучшем случае они свидетельствуют только о совершенно ослабевшей памяти***.

---

* *Анненков П.* А. Пушкин в александровскую эпоху // Вестник Европы. 1873. Ноябрь. С. 47.

** *Анненков П.* Молодость И.С. Тургенева // Вестник Европы. 1884. Февраль. С. 467–468.

*** В «Московском Некрополе» (издание великого князя Николая Михайловича, СПб., 1908. С. 213–215) названо несколько Толстых, умерших в Москве в семидесятых годах, но ни об одном из них мы не нашли каких-либо сведений, указывающих на знакомство с Бакуниным или Анненковым. Остается ждать, пока какой-нибудь исследователь не получит доступа к бумагам Анненкова. Несомненно также, что и в бумагах Николая Тургенева, переданных теперь в Академию, найдены будут письма Толстого.

Горячее письмо Анненкова, вероятно, рассеяло сомнения Маркса. В ответ ли на это письмо или на другое, писанное позже, Анненков получил от Маркса то большое письмо, которое он цитирует в своих воспоминаниях[34]. И мы сейчас увидим, сколько правды в его словах, когда он уверяет нас, что письмо это не оказало на него никакого влияния.

«Вы мне оказали истинную услугу, мой дорогой Маркс, написав Ваше хорошее письмо от 28 декабря. Ваше мнение о сочинении Прудона своей точностью, ясностью, а главное – тенденцией к действительности доставило мне большое наслаждение. Мы так часто склонны теряться в ложном блеске абстрактной мысли, мы так часто подвергаемся искушению рассматривать мишурные создания мозга, поглощенного исключительно собой, как последнее слово науки и философии! И дружеский голос, раздающийся тогда над вами и приводящий вас опять к экономическим и историческим *фактам*, показывающий их вам в их *действительном* развитии, – развитии, имеющем совсем другое значение, чем фиктивное развитие чистых категорий и логических противоречий, – голос, подрывающий в самых его основах сложное здание системы вне жизни, истории и настоящей науки, – такой голос заслуживает всей нашей благодарности за то целительное действие, которое он производит. Вы совершенно искупили свое долгое молчание, мой дорогой Маркс. Я все время перечитываю Ваше последнее письмо. Но Ваша снисходительность, с которой Вы мне ответили на первые мои вопросы, дает мне смелость обратиться к Вам еще с другими вопросами. Во-первых, признавая всю произвольность прудоновской классификации экономической эволюции, считая совершенно иллюзорным его способ побивать практику теорией и vice versa (заколдованный круг, от которого можно заболеть), – мне все же хотелось бы знать, не заслуживает ли критическая часть его сочинения гораздо большего внимания. Разбор некоторых положений официальной политико-экономической школы отличается такой доказательностью и силой, что значение его прекрасно сознается всеми, на кого Прудон напал. Так, удары, которые он нанес доктрине Л. Блана, произвели здесь сильное впечатление и дискредитируют ее навсегда. Уже этого одного достаточно, чтобы признать его книгу очень полезным делом по отношению к Франции, но он сделал еще больше: он осмелился сказать нации, которая в своих самых революционных мечтах не идет дальше 93 года и режима Робеспьера, что всякое правительство, изолирующееся в государстве, безнравственно. Именно этим объясняется *conspiration de silence* (*заговором молчания*), жертвой которого Прудон теперь является. В силу молчаливого соглашения все партии сговорились не упоминать ни одним словом о его труде, но ненависть и ярость прорываются даже в стараниях скрыть их. В этом одиночестве Прудона есть своего рода величие. Вы знаете, мой дорогой Маркс, что нужно иметь права, и очень большие, чтобы быть ненавидимым. Из этого я делаю вывод, что книга Прудона, не представляя ничего крупного в области прогресса экономических идей, имеет все же значение в области политики, воспитания и тенденций буржуазии во Франции.

Мне нечего повторять Вам, с каким нетерпением я жду Вашего сочинения. Только с большим трудом я могу побороть в себе желание предложить Вам несколько вопросов о коммунизме. Правда, для меня они имеют экстраординарное значение и важность. Чаще, чем когда-либо, я задаю себе вопрос, не предполагает ли коммунизм принесения в жертву некоторых выгод, доставляемых цивилизацией, отречения от некоторых прерогатив личности, приобретенных с таким тру-

дом, наконец, высокого уровня всеобщей этики, трудно достижимого. Он, правда, хорош даже и в этом смысле, но он перестает тогда быть необходимым продуктом человеческого развития. Его нужно прививать, и он, таким образом, подвергается всем рискам, с которыми сопряжены всякие опыты, всякое новшество, принудительно вводимое в данном обществе. Некоторые возражения Прудона все еще всплывают в моей памяти, но я чувствую, что все это мелочно... Я предоставляю вполне на Ваше усмотрение – дать или не дать мне объяснения по этому поводу.

Простите милостиво эту длинную нелепицу и примите еще раз мою горячую благодарность за драгоценные указания в Вашем последнем письме.

6 января 1847 г., Париж.

Весь Ваш *П. Анненков*[35].

И подумать, что это восторженное письмо – Анненков не хочет мириться даже на Робеспьере! – писано тем самым автором, который с презрительным сожалением писал после о Сазонове, что он «разделял эксцентрические планы заграничных партий и их несбыточные надежды»*. Ясно, что именно такие письма дали Марксу повод писать, что русские аристократы носили его на руках. Но, чтобы оценить по достоинству легкость, с которой наш «турист» порхал с одного принципа на другой, нужно прочитать еще его письма, писанные им в промежуток от 8 ноября 1846 г. до 23 декабря 1847 г. для своих соотечественников**. Правда, уже и в письме к Марксу, в котором Анненков так смакует новое «лакомство», в заключение ясно выглядывает убогий филистер. Еще более льстивый характер носит последнее письмо Анненкова к Марксу.

«Я уже несколько раз хотел Вам писать, но, потеряв Ваш адрес, не мог сделать этого. Наконец мне удалось получить его от Гервега, который теперь болен и просит меня передать Вам, чтобы Вы ему простили его долгое молчание. Я также рассчитываю на Ваше великодушие, и оба мы надеемся на Вашу доброту: как говорят, прощать другим очень приятно.

Я возвратился в Париж через Франкфурт, Страсбург и т. д., и это лишило меня удовольствия вновь повидать Вас в Брюсселе.

Устроившись в Париже, я принялся за свои обычные труды, т. е. тяжкие поиски какого-нибудь занятия. Иногда мне удается заполнить эту пустоту честно, но чаще всего я, после напрасных стараний, опускаю руки. Не правда ли, мой дорогой Маркс, гений современной цивилизации очень беден и очень скуп, если он не в состоянии дать мне ответа, когда я прошу у него развлечений. Иногда он внушает мне жалость

Именно в эти моменты душевного упадка и скуки я думаю о тех моих друзьях, которые умеют так хорошо, как Вы, мой дорогой Маркс, заполнять свое существование. И я объясняю свою леность их деятельностью: природа хотела равновесия, компенсации. И я тогда становлюсь в своих глазах таким же необходимым и почтенным существом, каким действительно являются все выдающиеся люди. Без слабости нет силы, и без бездельников нет воздаяния за услуги труда. Я приглашаю Вас не лишать меня подобного утешения и работать много, много, мой дорогой Маркс.

---

* Идеалисты тридцатых годов // Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 85.

** Они перепечатаны в сборнике «Анненков и его друзья». СПб., 1892.

Я еще не имел Вашей брошюры о Прудоне и его доктрине, ибо единственный экземпляр, известный мне в Париже, принадлежит Гервегу и гуляет по рукам. Когда придет моя очередь, я прочту ее самым внимательным образом.

Мой дорогой Маркс, будьте так добры передать госпоже Маркс чувства глубокого почтения и уважения, которые она внушает всем, имевшим счастье познакомиться с ней и видеть ее хотя бы один раз.

Жму Вам руки. В ожидании ответа, остаюсь весь Ваш

8 декабря, Париж.

П. Анненков[56].

Если в 1847 г. «слабые люди» играют еще служебную роль в экономии природы, если они играют роль рамки для «сильных» людей, то в 1859 г. наш «русский человек на rendez-vous» возводит их в перл создания. Но уже и в 1847 г. он любуется на свою «слабость» и кокетничает ею, хотя и в шутку жалуется, что «гений современной цивилизации» доставляет ему слишком мало развлечений, слишком мало щекочет его притупленные нервы.

Судьба сжалилась над ним. Грянула февральская буря, но наш любитель сильных ощущений после целого ряда неприятностей – в том числе и обыска, произведенного у него по подозрению в том, что он состоит агентом русского правительства, – предпочел вернуться под сень родных пенатов и выкинуть всякие бредни из своей головы.

«С возвращением моим в Россию, в октябре 1848 г., прекратились и мои сношения с Марксом и уже не возобновлялись более. Время надежд, гаданий и всяческих *аспираций* тогда уже прошло, а практическая деятельность, выбранная затем (!) Марксом, так далеко убегала от русской жизни вообще, что, оставаясь на почве последней, нельзя было следить за первой иначе, как издали, посредственно и неполно, путем газет и журналов»[57].

Во всех этих «жалких» словах верно только одно: сношения Анненкова с Марксом никогда более не возобновлялись. Мы выше уже высказали предположение, что еще весной 1848 г. Маркс должен был разойтись с Анненковым, но последний предпочитает валить с больной головы на здоровую. Его «коммунистический» экстаз связан был с «временем надежд и аспираций». Новое время – новые песни, и Анненков, с непринужденностью тех политических фреголи, которых русская земля «являет» и «рождает» в таком огромном количестве, совлек с себя новый костюм, чтобы опять облечься в старые ризы. Что именно «делал» Анненков на «почве русской жизни», мы уже знаем и можем ему верить, что у него не было тогда никакого побуждения возобновить «заочную беседу» со старым другом. Но то обстоятельство, что ни в одну из своих позднейших поездок за границу (в 1858, 1860 и 1862 гг.), ни в течение 15 лет (1867–1883), проведенных им в Дрездене*, эти «заочные беседы» ни разу не повторялись, показывает, что были еще другие причины, в силу которых сношения его с Марксом прекратились. Вспомним, что только Тургенев, ценивший в Анненкове его бесспорное эстетическое чутье,

* Маркс умер 14 марта 1883 г., Анненков – 20 (8) марта 1887 г.(58).

оставался с ним в дружеских отношениях*, что так же «далеко убегала от русской жизни» нашего сибарита и практическая деятельность, выбранная остальными героями «замечательного десятилетия». Могли быть и другие причины, на которые намекает необыкновенно резкий тон примечаний Маркса. Но о них можно только догадываться. Анненков, правда, никогда не скатывался так низко по наклонной плоскости, как его закадычный друг В.П. Боткин, но он вполне заслужил приговор Маркса. В шестидесятых годах всякие «аспирации» были уже совершенно чужды ему и даже «заочные» беседы с «сильными» людьми могли бы только нарушить безмятежную жизнь нашего «слабого» человека.

IX

Мы только что упомянули о Боткине. Еще в 1897 г., когда г. Струве занимался «оправданием» нашего капитализма и приглашал к нему на «выучку», он, в поисках за «легальными» предшественниками своего «легального» марксизма, наткнулся на письма В. Боткина к Анненкову и, опираясь, между прочим, на показания этого «достоверного и добросовестного свидетеля», сделал попытку превратить Боткина в родоначальника русского марксизма.

«С удивительной научной прозорливостью – без особого напряжения работы мысли, а скорее благодаря какой-то гениальной интуиции – он частью, быть может, предвосхищал, частью схватывал на лету важнейшие социологические обобщения, до которых дорабатывалась европейская наука в лице французских социалистов (Сен-Симона и сенсимонистов) и французских историков (Тьерри и др.) и великих немецких теоретиков социологии, Штейна и Маркса**.

Что же именно привело г. Струве в такой восторг? Несколько мест в «Письмах из Испании»[39] и в особенности в письмах Боткина к Анненкову, в которых указывается на значение «экономического фактора» и защищается западноевропейская буржуазия «против нападок наших славянофилов и Герцена». В восклицании Боткина: «Дай бог, чтобы у нас была буржуазия» – г. Струве, этот классический «турист» нашей публицистики, с радостью узнал свое «пойдем на выучку к капитализму». Сердце сердцу весть дает, и Струве поспешил, от имени «легального» марксизма, «родными счесться» с действительным предком нынешних Гучковых. Чувствуя, однако, что «гениальные прозрения» Боткина как-то мало вяжутся со всей духовной физиономией этого писателя, он уже на следующей странице отнимает у Боткина «удивительную научную прозорливость» и старается объяснить «гениальную интуицию» своего духовного прадеда более простым путем.

---

* Некрасов посвятил этой дружбе следующую эпиграмму:

За то, что ходит он в фуражке
И крепко бьет себя по ляжке,
В нем наш Тургенев все замашки
Социалиста отыскал.
Но не хотел он верить слуху,
Что демократ сей черств по духу,
Что только к собственному брюху
Он уважение питал.

Русский архив. 1884. Март. С. 235.

** *Струве П.* На разные темы. СПб., 1902. С. 106.

«Быть может, гениальные прозрения Боткина не были самостоятельными проблесками его критической мысли, а являлись навеянными личным общением со знаменитым немецким социологом (или его литературными произведениями), с именем которого они связаны в истории европейской науки. Кто знает? Об отношениях Боткина к Марксу нам ничего не известно».

Мы уже приводили выше слова Руге о Боткине и его отношениях к немцам. Но Боткин бывал в Париже и до 1844 г. В первый раз он попал в Париж еще в 1835 г.[60] Тогда пылкий романтик, он не замедлил посетить Виктора Гюго, от которого даже получил бумажку с надписью: «Qui sperat vivit» [«кто надеется – живёт». – *Ред.*]. Италия окончательно убедила его, что «средние времена ближе его сердцу». Характерно, что свои воспоминания о Риме он написал после появления «Рима» Гоголя. В 1842 г. он уже вступает в борьбу с «романтикой» и становится на сторону «духа нового времени». Он принимает на себя обзор текущей германской литературы. 29 декабря 1842 г. он жалуется Краевскому: «Вот, например, теперь читаю я немецкое сочинение чрезвычайно умного немца Штейна о социализме и коммунизме нынешней Франции[61]. Книга во всех отношениях превосходная. С удивительным вниманием наблюдает он биение внутреннего пульса нового французского общества, анализирует и излагает его с глубиною и тактом человека, стоящего на вершине современной цивилизации, – и, несмотря на все мое желание, на новость предмета для русской публики, нельзя сказать ничего об этой книге»[***].

Итак, знакомство Боткина с творением soi-disant [так сказать. – *Ред.*] «великого» теоретика социологии Лоренца Штейна засвидетельствовано им самим. Ни о какой «удивительной научной прозорливости» тут не может быть и речи, и Боткин мог «без особенно напряженной работы мысли» заимствовать «социологические обобщения», которые, правда, и у Штейна являлись водянистым и многословным парафразом идей французских социалистов. Что же касается несомненных следов влияния Маркса, то они, по нашему мнению, объясняются лучше всего посредничеством Анненкова, который и был главным проводником этого влияния[62], мимолетного, как и многие другие увлечения «такого, по очень резкому выражению Герцена, вечного мастурбатора идей, искусства, политики и пр., как Боткин»[****].

В 1844 г., после своего неудачного романа, описанного Герценом в очерке «Базиль и Арманс», Боткин опять попал в Париж, когда там жил еще Маркс, и мог, конечно, встречаться с последним, но это знакомство было совершенно мимолетным, шляпочным. Весь образ его жизни в Париже исключал возможность сближения между ними. По словам Анненкова, Боткин тогда пустился во все тяжкие. Он «предался весь сексуальной жизни, окунулся в самый омут парижских любовных и всяческих приключений, дополняя их раздражающими впечатлениями искусства, в котором кропотливо рылся, отыскивая тончайшие черты произведений, что было видоизменением того же культа сексуализма, которому он предался. Он отрывался от него по временам, чтобы освежить голову от хмеля одуряющих на-

[***] *Ветринский Ч.* В.П. Боткин // Новое слово. 1894. Декабрь.

[****] Из письма Герцена к Тургеневу. См.: Письма Кавелина и Тургенева к Герцену. Женева, 1892. С. 189. Герцен прибавляет: «Они смотрят на мир, как старик на похабные изображения, и влекутся к силе, как все слабое, дряблое».

слаждений, и возвращался к ним с еще большей энергией. Плодом таких *гигиенических* перерывов» (так Анненков называет неприятные последствия эротической «тревоги», которой охвачен был тогда Боткин) «была его поездка в Испанию и прекрасная книга, за ней последовавшая».

«Из того же источника, – прибавляет глубокомысленно Анненков, – проистекали и его занятия социальными и политическими вопросами, в которых он с изумительной прозорливостью открывал и потом преследовал малейшие черты скрытого идеализма, замаскированной чувствительности и мечтательности, сделавшихся теперь предметом его ожесточенной ненависти».

Таким же «гигиеническим перерывом» послужило для Боткина трехмесячное путешествие, летом 1846 г., по Тиролю и Ломбардии, совершенное им вместе с Анненковым, который тогда находился еще в периоде восторженного увлечения Марксом. Новый прозелит марксизма не преминул, конечно, рассказать своему другу о последнем откровении, о борьбе Маркса с немецкими «истинными социалистами», не понимавшими значения буржуазии, промышленных кризисов и т. д., и т. д. Достаточно сравнить раздел третий главы о социалистической и коммунистической литературе в «Манифесте» Маркса и Энгельса, чтобы узнать все «гениальные прозрения» Боткина: все цитаты из его писем относятся ко времени *после* этого путешествия и понятны только как отголосок и продолжение бесед с Анненковым. «Схваченную на лету» новую премудрость, перевирая ее и подменяя плоскими афоризмами из Штейна, он преподносит теперь с апломбом своим московским и питерским друзьям. Из «того же источника» ведут свое происхождение его критические замечания по поводу писем Герцена из avenue Marigny, этой новой вариации на старые темы немецких «истинных социалистов» с их традиционными анафемами против либерализма, против представительного государства, против буржуазной конкуренции, буржуазной свободы печати, буржуазного права и т. д., и т. д. И это же отраженное и преломленное в мозгу Анненкова влияние Маркса мы встречаем в замечаниях Белинского, с которым Анненков провел почти все время его заграничного путешествия в 1847 г., с той только разницей, что у Боткина оно уже к концу 1847 г. совершенно улетучивается и превращается в такую же пародию на марксизм, как и «глубокие», прозрения многих наших «легальных марксистов» девяностых годов. Новое «практическое направление» Боткина и его вражда ко всему противоположному – то, что Анненков называет его враждой против «скрытого новализма», – вызывает отвращение еще у Белинского. А затем Боткин начинает «смаковать» Карлейля[63] и Шопенгауэра, пишет после доносы на «Современник» и «Русское слово», обещает Фету иллюстрировать его разбор «Что делать» рядом «коммунистических эпизодов»[64], «коих он был свидетелем в 1848 г.»*, и, наконец, умирает в экстазе гастрономической «тревоги».

В начале статьи мы сказали, что попытка определить круг тех «русских аристократов», с которыми мог встречаться Маркс в сороковых годах, дала бы также материалы для решения вопроса, существовало ли еще в сороковых годах какое-нибудь непосредственное воздействие идей Маркса на эволюцию нашей общественной мысли.

Мы можем теперь ответить, что такое влияние действительно имело место, но оно оставалось чисто индивидуальным и кристаллизовалось только в случайных

* Боткин в 1848 г. не был в Париже.

заявлениях. Оно не вошло определенным звеном в дальнейшее развитие русской общественной мысли, и никакой идейной преемственности между «марксизмом» Анненкова и Боткина и современным нет и не может быть. И если существует несомненное духовное сходство между этими «вечными мастурбаторами политики, идей, искусства» и современными Струве, то это, скорее, сходство, отличающее всех «туристов» как сороковых, так и девяностых годов.

Родоначальником русского марксизма нельзя назвать и Сазонова, несмотря на то, что это единственный представитель сороковых годов, на которого «Манифест Коммунистической партии» оказал влияние уже в 1848–1849 гг. Его «подпольная» деятельность протекала далеко от русла российской действительности и вряд ли оказала какое-нибудь воздействие на людей шестидесятых годов*.

Знакомство Маркса с людьми сороковых годов остается только любопытным эпизодом в истории «западного влияния в русской литературе».

Понадобились еще долгие годы мучительной общественной и политической эволюции, пока в России созрели условия для восприятия основных идей марксизма. Прошло также немало лет, пока сам марксизм вышел из стадии, в которой эти основные идеи только намечались как руководящая нить теоретической и практический деятельности, пока он превратился в стройную систему научного социализма и дал, с одной стороны, в «Капитале», а с другой – в Интернационале решение главных вопросов теории и практики социальной революции.

Но, кроме материальных элементов, созданных только после 1861 г., со времени «освобождения» крестьян, для акклиматизации такого «чужеядного» растения, как марксизм, необходимы были интеллектуальные предпосылки, подготовленные эволюцией русской общественной мысли. Белинский и Герцен *сороковых годов*, никогда не встречавшиеся с Марксом, но прошедшие вместе с ним общую приготовительную школу, Чернышевский и Добролюбов, побывавшие с ним в школе Фейербаха, Фурье и Оуэна, Бакунин второго периода своей деятельности и «народники» семидесятых годов, – все они теоретически и практически приближали время, когда развившееся в условиях «гнилого Запада» учение «немецкого еврея» стало знаменем величайшей эпохи в историческом развитии «самобытного» русского народа.

Примечания

[1] Очерк «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» был впервые опубликован на русском языке в журнале «Современный мир» (СПб., 1912, № 8–9, 11–12), а затем на немецком языке в «Neue Zeit» (Stuttgart. 1913. Jg. XXXI. Bd. 1. S. 715–721, 757–766. Под тем же названием, с некоторыми дополнениями и исправлениями он вышел отдельной брошюрой (Пг., 1918; М., 1919) – оба издания имелись в библиотеке В.И. Ленина в Кремле. Последняя до настоящего времени публикация в: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 21–106; по ней данный текст воспроизводится в настоящем издании.

Очерк явился первой попыткой выяснить личные контакты Маркса с представителями русской интеллигенции 1840–1850-х гг. и определить степень и формы возможного

* Встречались ли с Сазоновым в конце пятидесятых годов в Париже Шелгунов, Благосветлов, Колбасин, М. Михайлов? Опубликованные мемуары не дают ответа на этот вопрос.

идейного воздействия марксизма на их взгляды. Впервые здесь использовались письма русских деятелей П.Н. Анненкова, П.И. Сазонова к К. Марксу.

Среди русских знакомых К. Маркса автор ошибочно называет Я.Н. Толстого, вместо Григория Михайловича Толстого. (См.: *Чуковский К.И.* Григорий Толстой и Некрасов // Литературное наследство. Т. 49/50. М.: Наука, 1946. С. 365–396), а также эту статью в сб.: *Чуковский К.И.* Люди и книги. М., 1958. С. 7–51; см. также: *Чуковский К.И.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М., 1965.) Историю возникновения и исправления этой ошибки сам Рязанов изложил во втором издании «Очерков» (см.: Приложение к очерку «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» // Очерки. Т. 2. С. 411–423).

Многие выводы и наблюдения Д. Рязанова использовались в литературе без ссылок на него, которые в период 1930–1950-х гг. были невозможны, если не носили критического характера. Это относится, в частности, ко всем дальнейшим публикациям переписки К. Маркса с русскими общественными деятелями 1840–1850-х гг.

Автор дает героям своего очерка односторонние, если не сказать жесткие, оценки идейных гурманов, набросившихся на передовую социалистическую мысль Запада от скуки, в погоне за острыми ощущениями. В современной научной литературе все глубже раскрывается роль русских знакомых К. Маркса этого периода как посредников между ним и передовой интеллигенцией России, признается их вклад в развитие русской общественной мысли (см.: *Кулешов В.И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. М., 1965). Еще ранее оценки Д. Рязанова опровергали П.Н. Сакулин и К.И. Чуковский.

Разумеется, Д. Рязанов был прав, когда отказывался видеть в Н. Сазонове, П. Анненкове, В. Боткине сколько-нибудь последовательных марксистов. Однако его заключение, что влияние идей К. Маркса на эту плеяду 1840-х гг. «не вошло определенным звеном в дальнейшее развитие русской общественной мысли» в настоящее время опровергнуто исследованиями, основывающимися на значительно более широком круге источников, чем имелись в распоряжении автора.

Рязанов искал следы влияния марксизма в непосредственном усвоении достижений передовой мысли. Современные исследователи видят его не только в обогащении русской мысли рядом важных положений (в частности, о роли экономического фактора в общественном развитии), но и в стимулирующем воздействии передовой теории на более отсталую, заставляющем пересмотреть многие старые стереотипы, опереться на новую методологию в подходе к общественным явлениям (см.: *Конобеевская И.Н., Смирнова В.А.* К. Маркс, Ф. Энгельс и П.В. Анненков // *Анненков П.В.* Парижские письма. М., 1983. С. 464–498; *Егоров Б.Ф.* П.В. Анненков – литератор и критик 1840–50-х гг. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 11. Тарту, 1968.). Материалы очерка Д. Рязанова, вступающие в противоречие с его авторской концепцией, дают дополнительную пищу для размышления на эту тему.

2 Такое мнение не находит подтверждения в литературном и эпистолярном наследии К. Маркса и Ф. Энгельса (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М.: Изд-во политической литературы, 1967).

3 Ср.: МЭС. Т. 32. С. 472.

4 Речь идет о географе и общественном деятеле Николае Григорьевиче Фролове, переводчике труда А. Гумбольдта «Космос (физика мира)». В воспоминаниях А.Я. Панаевой (Головачевой) он не упоминается.

5 Имеется в виду работа «Святое семейство, или Критика критической критики», написанная К. Марксом совместно с Ф. Энгельсом (см.: МЭС. Т. 2. С. 3–230).

6 См. письма Сазонова Марксу в издании: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 146–155.

7 1835–1836 гг. Н. Сазонов провел в путешествии по Германии, Швейцарии и Италии. Осенью 1836 г. он вернулся в Москву.

8 Сазонов уехал за границу в конце 1830-х гг. Побывав в России в 1842–1843 гг., более на родину не возвращался.

[9] Односторонность этой оценки Н.А. Серно-Соловьевичем Герцена, данной в пылу полемики, показана в: *Козьмин Б.П.* А.И. Герцен, Н.П. Огарев и «молодая эмиграция» // Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 488–577.

[10] Неточная цитата из «Былого и дум» А.И. Герцена. У Герцена: «о министерских кризисах (при Николае I)», «об оппозиции (в 1847 г.!)». После слов: «двух Паскевичей фельдмаршалами» пропущено: «двух Филаретов митрополитами» (см.: *Герцен А.И.* Соч.: В 30 т. Т. 10. М., 1956. С. 323).

[11] Об отношении А.И. Герцена к новому поколению революционеров см.: *Козьмин Б.П.* А.И. Герцен, Н.И. Огарев и «молодая эмиграция».

[12] Сазонов не был ни основателем, ни главой клуба «Fraternité des Peuples», созданного представителями революционной эмиграции разных стран.

[13] Герцен уехал в Женеву 20 июня 1849 г., 26 декабря вернулся в Париж; 17 июня 1850 г. выехал из Парижа в Ниццу (См.: Летопись жизни и творчества А.И. Герцена, 1812–1850. М., 1974. С. 434, 563; далее – Летопись).

[14] Сазонов – Марксу, 6 декабря 1849 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 146–147.

[15] Вероятее всего, имеется в виду французский журналист Эмиль Форе, редактор издававшейся в Лионе газеты «Le Républicain» и участник лионского восстания 15 июня 1849 г. (См. Claude Latta. L'insurrection de juin 1849 à Lyon. Barricades et insurgés. Collection: Village de Forez, supplément, octobre 1998. P. 75–76). Ссылка Рязанова на «известного баса, эмигрировавшего в Америку», не находит документального подтверждения.

[16] Сазонов познакомился с Марксом, вероятно, в 1844 г. в Париже.

[17] Рязанов ошибается. Работа П.-Ж. Прудона «Idée générale de la révolution au XIX siècle» была опубликована в 1851 г. и не могла упоминаться Сазоновым в письме Марксу от 2 мая 1850 г. На самом деле Сазонов, вероятно, имел в виду работу Прудона «Idées révolutionnaires», вышедшую в Париже в 1849 г.

[18] Сазонов имеет в виду, по-видимому, «Манифест Коммунистической партии» (см.: МЭС. Т. 4. С. 419–459), написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в Брюсселе, но опубликованный в феврале 1848 г. в Лондоне.

[19] *Mazzini G.* I sistemi e la democrazia. Pensieri // L'Italia del Popolo. Losanna. Vol. 2. 1850. № 10–12. Март–июль; серия 2. 1850. № 1. Ноябрь. Сазонов имеет в виду номер журнала за март 1850 г.

[20] Рязанов ошибается. Речь идет о следующей работе: *Frapolli L.* Système national et système social. Paris, 1850.

[21] Брошюра А.И. Герцена «С того берега» вышла вначале на немецком языке в Гамбурге в 1850 г. и на русском языке в Лондоне в 1855 г.

[22] Ср.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 147–153; см. также: MEGA² III/3. S. 525–529.

[23] См.: МЭС. Т. 7. С. 257–267.

[24] Рязанов имеет в виду рецензии Маркса и Энгельса на книги Г. Фр. Даумера, Л. Симона, Ф. Гизо, Т. Карлейля и др., опубликованные в № 2 и 4 «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue. 1850» (см.: МЭС. Т. 7. С. 208–223, 268–307).

[25] См.: Там же. С. 5–110.

[26] См.: Там же. С. 322–328. В издании, указанном Рязановым, «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Июнь 1850 г.» опубликовано в качестве приложения.

[27] Речь идет о «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса (см.: МЭС. Т. 4. С. 419–459).

[28] Ср.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 153–154.

[29] Позиция Н. Сазонова в конфликте Герцена с Гервегом была более сложной. В феврале 1852 г. Сазонов писал Г. Гервегу: «Вы поступили нехорошо. Герцен совершенно не виноват перед Вами, если не считать виной его излишнюю доверчивость... С сильнейшим огорчением узнал я новость о бессмысленном вызове, который вы направили Герцену...

Не срывайте зло на Герцене, ибо на его стороне Вы найдете всех общих друзей, начиная с меня...» (Цит. по: Летопись. 1851–1859. С. 68).

30 См. настоящее издание, с. 379–386.

31 Брошюра «Родной голос на чужбине» была издана Герценом в январе 1855 г.

32 Речь идет, вероятно, о лекции профессора Московского университета И.К. Бабста. Открывая его курс публичных лекций, он, в частности, утверждал: «Не в наше ли время по преимуществу материальных интересов понято, что в юридических формах известного народа выражается его хозяйственная жизнь, что нельзя понять историю народа, не зная его хозяйственных отношений, и что законодательство необходимо должно изменяться рука об руку с изменением народного хозяйства (Московские ведомости. 1860. 24 января).

33 Сазонов – Марксу, 10 мая 1860 г. // МЭС. Т. 14. С. 415–416.

34 Сазонов имеет в виду одно из самых значимых событий Великой французской революции конца XVIII в.: в ходе проводившегося в ночь на 4 августа 1789 г. заседания Учредительного Собрания были отменены привилегии духовенства и дворянства, что по существу означало конец феодального строя.

35 Радикальность требований либерального дворянства сильно преувеличена Н. Сазоновым. Даже наиболее оппозиционная его группировка, принадлежавшая Тверскому земству, говорила лишь о выборном земском самоуправлении, наделении крестьян землей при вознаграждении помещиков правительством (см. подробнее: *Пирумова Н.М* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977).

36 Ср.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 127.

37 Ср.: МЭС. Т. 27. С. 418–419.

38 Хождение в Каноссу, или каносское унижение – эпизод из истории средневековой Европы, связанный с борьбой римского папы Григория VII с императором Священной Римской империи Генрихом IV и закончившийся победой папы. Отлученный от церкви и низложенный император три дня и три ночи простоял на коленях во дворе замка Каносса, вымаливая прощение. Под хождением в Каноссу понимают путешествие императора из Шпейера в Каноссу и связанные с ними события 1077 г.

39 Официально это письмо было направлено Энгельсом Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету (см.: МЭС. Т. 27. С. 42).

40 В программной статье «О значении художественных произведений для общества (Русский вестник. 1856. № 4) П.В. Анненков говорил о художественности как лучшем способе влиять на общественную жизнь. Назначение литературы он видел в помощи общественному образованию.

41 Имеется в виду статья: *Анненков П.В.* О литературном типе слабого человека (По поводу рассказа г-на Тургенева «Ася») // Атеней. 1858. № 32; она явилась полемическим откликом на статью: *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous. Дворянский либерализм утверждался в ней как орудие прогресса.

42 Речь, по-видимому, идет о статье: *Анненков П.В.* Современная беллетристика // С.-Петербургские ведомости. 1863. 16 января; 9 ноября. П.В. Анненков печатался в «Русском вестнике» в 1856–1862 гг., когда его редактор-издатель М.Н. Катков слыл еще либералом-англоманом. С переходом Каткова на реакционные позиции Анненков порывает с его журналом, печатаясь исключительно в либеральных изданиях, с 1867 г. – в «Вестнике Европы».

43 Современные пушкинисты признают важный вклад П. Анненкова в пушкиноведение, считая его работы первым серьезным опытом историко-литературного анализа творчества поэта (см.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М., 1966).

44 Спорная оценка мемуаров П. Анненкова, которые продолжают активно использоваться историками и литературоведами и ценятся за точность сведений, богатство личных впечатлений, сочетающееся с исследовательским анализом.

[45] Речь идет о заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета 30 марта 1846 г., на котором К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали уравнительный коммунизм В. Вейтлинга.

[46] Анненков имеет в виду письмо К. Маркса от 28 декабря 1846 г. (см.: МЭС. Т. 27. С. 401–412).

[47] *Анненков П.В.* Из очерка «Замечательное десятилетие» // Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 3-е изд., доп. Ч. 2. М., 1988. С. 8.

[48] Речь идет о секретаре П.Л. Лаврова С. Раппопорте (псевдоним С. Ан-ский), который обнаружил и частично издал заметки К. Маркса на полях воспоминаний П.В. Анненкова, опубликованных в 1880 г. в «Вестнике Европы» (см.: Русская мысль. 1903. № 8. С. 61–63).

[49] См.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. М.К. Лемке. Т. 3. СПб., 1912. С. 455–465 (письмо Анненкова опубликовано на языке оригинала – по-французски) и 465–475 (русский перевод).

[50] Ср.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 127–128.

[51] Ср.: Там же. С. 128–129.

[52] Ср.: Там же. С. 129–130.

[53] Вероятнее всего, что в письме М.А. Бакунина речь шла именно о И.С. Тургеневе. Тургенев в мае, а П. Анненков в июне–июле 1847 г. сопровождали Белинского В.Г. в его поездке на германские курорты. В июле–августе Белинский и Анненков, приехав в Париж, часто встречались с Бакуниным, Сазоновым, Тургеневым. Между Бакуниным и Тургеневым существовали дружеские отношения, сохранившиеся и в 1860-е гг., а вовсе не антагонизм.

[54] См. примеч. 47.

[55] Ср.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 142–144.

[56] Там же. С. 144–145.

[57] *Анненков П.В.* Из очерка «Замечательное десятилетие»... С. 10.

[58] П.В. Анненков скончался 8 (20) марта 1887 г. в Дрездене, он надеялся, что его прах перевезут на родину.

[59] Б.Ф. Егоров считает, что в «Письмах об Испании» заметно ослабление радикальных и усиление либеральных тенденций во взглядах Б.П. Боткина (см.: *Боткин В.П.* Письма об Испании / предисл. и примеч. Б.Ф. Егорова. Л., 1976. С. 268–275).

[60] См.: *Боткин В.П.* Русский в Париже... Из путевых заметок // Телескоп. 1836. № 14.

[61] Речь идет о кн.: *Stein L.* Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs. Leipzig, 1842.

[62] К этому соображению Рязанова следует добавить также, что Боткин мог быть знаком с уже опубликованными работами Маркса и Энгельса. Так, установлено, что в статье В. Боткина «Германская литература» (Отечественные записки. 1843. № 1, 2, 4) кратко изложено начало брошюры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение», опубликованной анонимно в 1842 г. в Лейпциге (*Егоров Б.Ф.* В.П. Боткин – литератор и критик // Ученые записки Тартуского ун-та. 1963. Вып. 139).

[63] В.П. Боткин опубликовал перевод из цикла очерков Т. Карлейля «Герои, культ героев и героическое в искусстве» (Современник. 1855. № 10).

[64] Совместно с *А.А.* Фетом В.П. Боткин написал резко отрицательную рецензию на роман «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, предназначенную для «Русского вестника», но так и не напечатанную М.Н. Катковым.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ (ГЕРЦЕН ПРОТИВ МАРКСА)[1]

В своей статье «Karl Marx und Michael Bakunin»* Эдуард Бернштейн вновь поднимает вопрос об их личных отношениях. Он указывает на причины, в силу которых Бакунин был уже в годы, предшествовавшие революции 1848 г., несимпатичен Марксу. Именно этой глубокой антипатией, которую Маркс питал к Бакунину, объясняется, по его мнению, и то обстоятельство, что в 1848 г. Бакунин мог быть объявлен русским шпионом в органе Маркса и Энгельса «Neue Rheinische Zeitung».

«Ясно, что если кто-либо подхватывает столь тяжкое обвинение против лично известного ему человека и публикует его без предварительной проверки, то это одно указывает на очень сильное нерасположение или неуважение к этому человеку».

Мы не будем теперь подробно разбирать историю заметки в «Новой Рейнской газете», в которой против Бакунина было выдвинуто обвинение, что он является агентом русского правительства. Как это видно будет из письма Маркса, которое мы дальше печатаем, он лично во всей этой истории совершенно неповинен, да и вина Энгельса, на которого, как и на остальных членов редакции, падает ответственность за помещение этой заметки, сводится к минимальным размерам: слух этот дошел до редакции из совершенно различных источников, и она сейчас же поспешила поправить свою оплошность.

Даже у Нетглау сомнение в искренности соответственно заявления Маркса основано только на уверенности, что именно Маркс является главным автором тех обвинений и клевет, которые с 1853 г. систематически направляются против Бакунина. Тому, кто не стеснялся самым циническим образом взводить на Бакунина обвинение в шпионстве тогда, когда последний изнывал и томился в казематах Шлиссельбурга, – тому, конечно, нельзя верить, несмотря на все его уверения, того остается только заклеймить как клеветника и лицемера. И этот вывод делают и Нетглау, и Гильом, и Виктор Дав[2].

I

Разница между ними и Бернштейном заключается только в следующем: что для названных анархистов является несомненным, вполне установленным фак-

* «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1910.

том, то у Бернштейна превращается в весьма *вероятный* факт, для которого он старается подыскать психологическое объяснение. Он не дает себе даже труда проверить инцидент в 1848 г., он принимает за *данное* личную вину именно *Маркса*, в котором указанные им выше психологические причины развили «склонность принимать на веру всякие подозрения, касавшиеся политического характера Бакунина».

Поэтому Бернштейн принимает без всякой критики и самое злостное обвинение, выдвигаемое против Маркса биографом Бакунина Неттлау. Но предоставим слово самому Бернштейну:

«Эта склонность не ослабела, по-видимому, и за то время, пока Бакунин пребывал политическим узником в России. В своей полемической брошюре "Политическая теология Мадзини", Женева, 1874 год, Бакунин рассказывает, что когда он в 1862 г. впервые явился в Лондон после своего побега из Сибири, то Герцен и Мадзини сообщили ему о клеветнических подозрениях, распускавшихся там на его счет, в числе прочих и Марксом, вследствие чего он воздержался от посещения Маркса. Но когда он в 1864 г. вторично приехал в Лондон, то, по его словам, Маркс сам пришел к нему и уверял его, что он никогда не высказывал про него таких подозрений и даже прямо называл их гнусными. Мы должны поэтому принять, что все, рассказанное Бакунину Герценом и Мадзини, было дутой историей. *Отпираться от сделанного когда-либо было не в характере Маркса. Из этого, впрочем, вовсе не следует, что эти слухи были нахватаны просто с ветра.* Биограф Бакунина Неттлау, говоря о лондонском периоде его жизни, упоминает о «клеветах клики Уркарта, который стоял также близко к Марксу». *Поэтому дело было, по всей вероятности, так, что хотя Маркс и не повторял* прямо подозрений Уркарта, но заявлял, что оно не совсем лишено основания».

Итак, с одной стороны, нельзя не признать, но с другой – все же должно сознаться, что Маркс был «склонен» клеветать на Бакунина. Так как Бернштейн немного иначе, но все же повторяет обвинение, формулированное Неттлау, то мы предпочитаем обратиться к первоисточнику, чтобы убедиться, действительно ли Маркс не стеснялся направлять против Бакунина другие клеветы и за то время, пока последний пребывал политическим узником в России.

II

Неттлау останавливается очень подробно на этом эпизоде в 20-й главе первого тома своей монументальной биографии Бакунина «Русские тюрьмы 1851–1857 годов».

«В течение этих лет тяжкого тюремного заключения в Лондоне развертывалась форменная клеветническая кампания против Бакунина. Она продолжалась от 23 августа до 3 октября 1853 г. и началась статьей, подписанной инициалами Ф.М. "Русский агент Бакунин", в "Morning Advertiser" от 23 августа 1853 г. На другой день появился протест, подписанный Герценом, Головиным и Ворцелем, 29 августа к этому протесту присоединился Мадзини. Маркс оказался вынужденным рассказать историю с "Новой Рейнской газетой" и счел целесообразным заявить претензию на дружбу Бакунина. Указав на похвалы по адресу последнего, напечатанные им в "Нью-Йоркской трибуне"[3], он выставил себя до известной сте-

пени ангелом-хранителем Бакунина. Он говорил даже о своей "тесной дружбе" с Бакуниным, что, вероятно, далось ему не без большого труда»*.

Неттлау ненавидит Маркса так же страстно, как любит Бакунина. И эта страсть иногда совершенно ослепляет его. С поразительным, поистине пчелиным прилежанием собирает он все сплетни против Маркса, чтобы изобразить его во всей его моральной испорченности. Чем гнуснее сплетня, чем менее она вероятна, тем более она пригодна для достижения главной цели. Характерно, что Неттлау, отвергающий всякие показания каких-нибудь свидетелей, направленные против Бакунина, как заведомо ложные, принимает за вполне достоверные показания тех же самых лиц, раз они направлены против Маркса.

Так и в этом случае. Главным источником служили для Неттлау воспоминания Герцена и Головина, которые он одинаково использует, несмотря на то что они далеко не тождественны и не равноценны.

Головин играл в русской эмиграции сороковых и пятидесятых годов весьма жалкую роль. Бакунин в своих письмах характеризует его как «настоящего chevalier d'industrie, escroc et hâbleur de bonne maison» [проходимца, мошенника и слуги-плута. – *Ред.*]. Приговор чересчур суровый. Только с большим трудом можно отыскать зерно истины в тех сплетнях, бессознательной, а иногда и заведомой лжи, которыми наполнены все статьи и воспоминания этой несчастной жертвы гнусного николаевского режима.

Герцен, наоборот, даже тогда, когда он пишет о ненавистных ему «немцах в эмиграции», остается на свой манер искренним летописцем. Он просто *органически* не в состоянии разобраться в тех фракционных разногласиях, которые раздирали немецкую эмиграцию в пятидесятых годах. Трагически окончившийся роман его жены с немецким поэтом Гервегом, который сыграл в этом случае далеко не завидную роль, определил отношения Герцена к тем, кого он считал солидарным с Гервегом, т. е. к «марксидам». А затем личные отношения к семье Фогтов, в свою очередь, усиливали его антипатию к Марксу. Неудивительно, что глава из «Былого и дум», напечатанная его наследниками в «Сборнике посмертных статей» и написанная после конфликта между Марксом и Фогтом (в середине шестидесятых годов), не говоря уже о явной несправедливости по отношению к немецкой эмиграции, изобилует массой ошибок.

«Через год после моего приезда в Лондон шайка (термин, заимствованный у Фогта. – *Д. Р.*) еще раз возвратилась к гнусной клевете против Бакунина, тогда погребенного в Алексеевском равелине».

Человеком, с помощью которого был предпринят этот поход, был Давид Уркарт. Герцен дает характеристику этого «оригинала» и продолжает:

«Человек, думавший и открыто говоривший, что от Гизо и Дерби до Эспартеро, Кобдена и Мадзини, все – русские агенты, был клад для шайки непризнанных немецких государственных людей, окружавших неузнанного гения первой величины – Маркса. Они из своего неудачного патриотизма и странных притязаний сделали какую-то Hochschule [высшую школу. – *Ред.*] клеветы и заподозривания всех людей, выступавших на сцену с бо́льшим успехом, чем они сами. Им недоставало честного имени (!). Уркарт его дал. С Уркартом и публикой питейных домов вошли в "Morning Advertiser" марксиды и их друзья. Где пиво, там и немцы. Од-

* *Nettlau M.* Band. 1. P. 138.

ним добрым утром "Morning Advertiser" вдруг поднял вопрос: "Был ли Бакунин русский агент или нет?" Само собой разумеется, отвечал на него положительно. Поступок этот был до того гнусен, что возмутил даже таких людей, которые не принимали особенного участия в Бакунине. Оставить это дело так было невозможно. Как ни досадно было, что приходилось подписать коллективную протестацию с Головиным, но выбора не было. Я пригласил Ворцеля и Мадзини присоединиться к нашему протесту. Они тотчас согласились. Казалось бы, что после свидетельства председателя польской Демократической централизации и такого человека, как Мадзини, все кончено. Но немцы не остановились на этом. Они затянули скучнейшую полемику с Головиным, который, со своей стороны, поддерживал ее для того, чтобы собою занимать публику лондонских кабаков».

Все это весьма сильно компрометирует «шайку Маркса», но, при ближайшем рассмотрении все, что сказано здесь так категорически Герценом о Марксе, оказывается сплошным qui pro quo [здесь – путаница. – *Ред.*]. Ни Маркс, ни «марксиды» не имели в это время никакого отношения к «Morning Advertiser».

Сам Маркс познакомился с Уркартом только в 1854 г. В «Morning Advertiser» он до того времени поместил – 30 октября 1852 г. – только протест против отношения «Times'a» к кёльнским коммунистам вместе с Энгельсом, Фрейлигратом и Вольфом. Герцен к середине шестидесятых годов успел забыть, какую роль играл «Morning Advertiser» в пятидесятых годах как самая радикальная и оппозиционная из ежедневных газет, дававшая гостеприимство всем континентальным эмигрантам для их заявлений. Именно поэтому ее не было «ни в клубах, ни у больших стэшионеров, ни на столе у порядочных людей», как довольно неожиданно прибавляет Герцен. Зато ее можно было встретить в демократических трактирах. Герцен забыл даже, что сам делал попытку поместить в ней свои статьи.

Из русских эмигрантов больше всего был связан с газетой Головин. Ни Уркарт, ни его последователи не пользовались в газете монопольным положением. Сама редакция, как мы еще увидим, во всем этом инциденте держалась вполне нейтрально и предоставила свои столбцы обеим сторонам в интересах выяснения истины.

Мало того, весь сыр-бор загорелся из-за статьи Головина, который в номере от 19 августа 1853 г., в статье, посвященной императору Николаю, упомянул об одной его жертве – о Бакунине.

В ответ на эту статью 23 августа 1853 г. в «Morning Advertiser» появилось письмо к редактору: «The russian agent Bakunin» Мы приводим это письмо целиком.

«Уважаемый сэр!

Одно обстоятельство, о котором упоминает ваш корреспондент "Русский в Лондоне" в вашей газете от 19 августа, заставляет меня усомниться в точности сведений, прив одимых в этой статье. Автор говорит: "...теперь Николай удовлетворяет свою месть на Бакунине, которого он обязался перед Австрией держать в тюрьме". Так вот, я вообще имею основание думать, что Бакунин вовсе не сидит в тюрьме; он, скорее, служит в армии на Кавказе или находится на царской службе в турецких провинциях. Он слишком ценное орудие, чтобы держать его в тюрьме. Царю стоило больших усилий спасти его от заслуженной казни, еще большего труда – освободить сначала из саксонской, а после из богемской крепости.

Ваш покорный слуга Ф. М.

20 августа 1853 г.»[4].

На следующий день появился, как уже выше было упомянуто, протест, подписанный Головиным и Герценом, к которому присоединился и Станислав Ворцель от имени центрального польского демократического комитета. Уже в этом письме сквозит убеждение, что Ф. М. – немец. Авторы указывают, что клевета Ф. М. не является новостью, что она уже раньше появилась в одной немецкой газете, сославшейся на Жорж Санд. В заключение они требуют, чтобы Ф. М. назвал себя[5].

Но аноним упорно отказывался сделать это. 27 августа, рядом с апологией Бакунина, появляется опять-таки письмо Ф. М. в ответ на протест Головина и Герцена, где аноним доказывает, что Россия, сама застрахованная от революционных идей, всюду сеет через своих агентов семена революции.

29 августа Головин и Герцен отвечают ему. Мадзини опять присоединился к их протесту. Между прочим, они пишут: «Защитники Бакунина называют себя; его обвинитель продолжает скрываться под инициалами, *которые, возможно, даже не принадлежат ему*» («accuser continues to conceal himself behind initials which possibly may not be his own»)[6].

31 августа помещен был протест Арнольда Руге, а 2 сентября появилось следующее письмо Маркса.

«Издательство "Morning Advertiser".

Уважаемый сэр!

Господа Герцен и Головин впутали в полемику, завязавшуюся между ними и Ф. М. по поводу личности Бакунина, издававшуюся мною в 1848–1849 гг. "Новую Рейнскую газету". Они рассказывают английской публике, что клевета против Бакунина имеет своим исходным пунктом эту газету, которая даже "осмелилась" сослаться на свидетельство Жорж Санд. Я не придаю никакого значения инсинуациям Герцена и Головина. Но так как это может послужить к выяснению вопроса о личности Бакунина, то Вы позволите мне изложить здесь действительные факты.

5 июля 1848 г. "Новая Рейнская газета" получила два письма из Парижа. Одно письмо – литографированная корреспонденция агентства Гавас, другое – частное сообщение одного польского эмигранта, не имевшего ничего общего с первым источником. Оба утверждали, что Жорж Санд имела в своем владении бумаги, которые доказывали, что Бакунин недавно вступил в сношения с русским правительством. "Новая Рейнская газета" опубликовала 6 июля письмо своего парижского корреспондента[7].

Бакунин, со своей стороны, заявил в "Новой одерской газете"[8], что еще *до появления* парижской корреспонденции в "Новой Рейнской газете" такие слухи тайно циркулировали в Бреславле, что они шли из русского посольства и что он лучше всего может ответить на них, апеллируя к Жорж Санд.

Его письмо к последней было опубликовано одновременно с его заявлением. Как одно, так и другое были сейчас же опубликованы в "Новой Рейнской газете" ("Neue Rheinische Zeitung", Juli 1848).

3 августа 1848 г. "Новая Рейнская газета" получила через посредство Косцельского от Бакунина письмо Жорж Санд, адресованное редакции, которое было напечатано в тот же день со следующими сопроводительными замечаниями:

"В № 36 нашей газеты мы сообщили циркулировавший в Париже слух, согласно которому Жорж Санд имеет в своем распоряжении бумаги, разоблачающие русского эмигранта Бакунина как агента императора Николая. Мы опубликовали

это сообщение, так как получили его одновременно от двух независимых друг от друга корреспондентов. Мы выполнили таким образом долг политической печати, которая обязана зорко следить за общественными деятелями, и далее, таким образом, повод Бакунину опровергнуть подозрение, которое поднято было против него в известных парижских кругах. Мы также перепечатали из "Новой одерской газеты" заявление Бакунина и его письмо к Жорж Санд, не ожидая с его стороны просьбы об этом. Ниже мы приводим буквальный перевод письма, адресованного Жорж Санд редактору "Новой Рейнской газеты". Это письмо вполне улаживает все это дело" ("Neue Rheinische Zeitung", 3 августа 1848 г.).

В конце августа я был проездом в Берлине, встретился там с Бакуниным и возобновил тесную дружбу с ним, которая нас связывала до взрыва февральской революции.

В № от 13 октября 1848 г. "Новая Рейнская газета" напала на прусское министерство за то, что оно изгнало Бакунина и пригрозило ему выдачей России, если он осмелится еще раз вернуться в Пруссию.

В № от 14 февраля 1848 г. "Новая Рейнская газета" поместила передовую статью о брошюре Бакунина "Воззвание к славянам".

Статья эта начиналась следующими словами: "*Бакунин – наш друг*, но это не должно нас удержать от того, чтобы подвергнуть его брошюру строгой критике".

В моих письмах в "Нью-йоркскую трибуну" о "Революции и контрреволюции в Германии"[9] я, насколько мне известно, был первым немецким писателем, который воздал Бакунину должную справедливость за его участие в нашей революции и в особенности в дрезденском восстании. Вместе с тем я выразил свое негодование и против немецкой прессы, и против немецкого народа за тот крайне трусливый способ, каким они выдали Бакунина его и своим врагам.

Так как Ф. М. одержим навязчивой идеей, что революции на континенте способствуют успеху тайных планов России, то он должен, если только он претендует на какую-нибудь логическую последовательность, объявить не только Бакунина, но и всякого континентального революционера русским агентом. В его глазах сама революция есть русский агент; почему же не Бакунин?

Преданный вам *Карл Маркс*.
Лондон, 30 августа 1853 г.»[10].

Утверждать после этого письма, что Маркс был инициатором клеветнической кампании против Бакунина, можно только в том случае, если мы примем, что Ф. М. был сам Маркс, как это предполагает Герцен и как это категорически заявляет Виктор Дав, или его фактотум, за которым скрывался Маркс, как это думает Неттлау.

«Маркс, следовательно, выступает, как это вытекает из этих документов, не непосредственно как клеветник против Бакунина».

И со всей проницательностью белоснежной голубицы Неттлау, прибавляет:

«Основываясь на его позднейшем образе действий, я вижу причину этого главным образом в том, что Маркс был слишком умен, чтобы так себя компрометировать».

Трудно найти более характерное доказательство той научной беспомощности и отсутствия всякой критики, с которыми Неттлау составил из собранных им ото-

всюду неизданных статей, писем и воспоминаний Бакунина свой колоссальный труд.

Ф. М. есть Карл Маркс или его фактотум! Действительно, нужно быть очень «умным», чтобы анонимно пустить в обращение клевету, публично ее опровергнуть и затем дальше продолжать свою клеветническую кампанию! Разве не ясно после этого, что бедный Бакунин был жертвой этого мастера клеветы и вероломства?

Мы сейчас увидим, кто был этот загадочный Ф. М., а пока вернемся к полемике на столбцах «Morning Advertiser». 24 сентября 1853 г. в этой газете появилась статья «Russian agency and intrigues in cabinets and clubs», которая, несомненно, принадлежит Уркарту.

Здесь вопрос ставится на принципиальную почву. Именно страх перед революцией укрепляет зависимость всех континентальных государств от России. Таким образом, революция является главным орудием России, которая для этой цели содержит всюду своих агентов. Поэтому возражение, что Бакунин не агент, потому что он революционер, не выдерживает никакой критики. Он не может быть русским агентом, потому что он революционер, а между тем именно это и утверждает противная сторона: он русский агент, потому что он революционер.

Эта статья вызвала негодующий ответ со стороны Альфреда Б. Ричардса*: «Михаил Бакунин и его обвинитель». Несмотря на то, пишет он, между прочим, что «Арнольд Руге, Карл Маркс, Ворцель, Герцен, Иван Головин засвидетельствовали не только честность, но и тюремное мученичество Бакунина», аноним продолжает упорно стоять на своем и отказывается раскрыть свои инициалы.

Читатель видит, что для Ричардса Карл Маркс и Герцен одинаково являются защитниками чести Бакунина.

Таинственный Ф. М., однако, ограничился только повторением, что Бакунин сидит не в тюрьме, а наслаждается горным воздухом на Кавказе, на возражение же Маркса, что Бакунин принял деятельное участие в дрезденском восстании, победоносно ответил, что именно дрезденское восстание нанесло смертельный удар германской свободе и, быть может, навсегда скрепило узы, в которых Россия держит Германию.

Неттлау пропустил этот ответ, иначе бы он, не находящий достаточно резких негодующих слов по адресу редакции «Morning Advertiser», заметил бы следующую редакционную заметку:

«Мы вынуждены закрыть наши столбцы для дальнейших писем на эту тему. Лично мы совершенно незнакомы с тем, кто является предметом этого спора, но все презумпции – мы должны это признать – говорят в его пользу, если столько лиц, без всякого предварительного соглашения, сходятся в его защите»**.

Так кончилась клеветническая кампания, затеянная Марксом против Бакунина в «Morning Advertiser». Мы видим, что кампанию против Бакунина вели во всяком случае не *немцы*, как утверждает Герцен, что Маркс так же энергично протестовал против Ф. М., как и другие авторы писем в «Morning Advertisers»[11].

---

* Известный писатель по военным вопросам, с 1870 г. ставший редактором «Morning Advertiser» вместо Джемса Гранта, редактировавшего газету и в 1853 г.

** «But the presumptions, we must say, are in his favour, when so many persons, without concert, come forward in his vindication».

III

Но чем же объясняется в таком случае убеждение Герцена и других, что за инициалами «Ф. М.» скрывался Маркс?

Дело в том, что за инициалами «Ф. М.» скрывался действительно Маркс, но только не Карл. Поистине Федот, да не тот. Через посредство Головина, тесно связанного с редакцией «Morning Advertiser», Герцен, вероятно, после узнал, что за «Ф. М.» скрывался тоже какой-то Маркс, и к середине шестидесятых годов, когда он писал свои воспоминания, под впечатлением «клеветнической кампании» главаря шайки марксидов против К. Фогта[12], он совершенно забыл, что за «Ф. М.» скрывался действительно Маркс, но другой. Наоборот, Головин в своей книге «Русский нигилизм и мои отношения к Герцену и Бакунину» рассказывает об этом инциденте, нисколько не смешивая этих двух Марксов, хотя тоже совершенно забыл, кто был второй Маркс. Именно это обстоятельство дает Неттлау возможность подвергнуть сомнению показание Головина и сделать свое глубокомысленное предположение.

«Кто был этот Ф. М., – пишет он, – из "Morning Advertiser'a" установить нельзя. Головин в "Русском нигилизме" говорит, что это был лошадиный барышник Ф. Маркс; в своих "Записках", однако, он уже пишет о "Ф. Максе, а не Карле" там, где речь должна идти тоже о Ф. Марксе, иначе его замечание "не Карл" не имеет никакого смысла»*.

Бедный Неттлау! Его мозг настолько находится во власти все той же навязчивой идеи, что ему даже не приходит в голову мысль, что во втором случае у Головина назван *Макс*, а не *Маркс* просто потому, что вмешалась всесильная «опечатка». Мы можем теперь сообщить ему точно, кто был этот таинственный Ф. М.

Это был действительно Маркс, но не немец, а чистокровный англичанин, занесенный даже в дворянскую родословную книгу. Это был Francis Joseph Peter Marx, Esquire of Arle Bury. Фрэнсис Джозеф Питер Маркс, эсквайр из Эрль Бюри, состоятельный землевладелец, следовательно, имевший, несомненно, лошадей, родившийся в 1816 г. и умерший в 1876 г.** Не подлежит сомнению, что Маркс (Фрэнсис, не Карл) вращался и очень хорошо себя чувствовал в кружке Уркарта. Как показывает его некролог в органе Уркарта «Diplomatic Review» (1877, January), он в течение более сорока лет был одним из ближайших сотрудников Уркарта и принадлежал к числу самых близких друзей его и его семьи. Имеется указание, что он доставлял часть средств на издание тех органов, в которых Уркарт вел свою полемику против Пальмерстона и России. Но он был и литератором. Ему принадлежат, между прочим, памфлеты, направленные против России, как, например, «Тихий океан и Амур» (Лондон, 1861 г.) и «Крепостной и казак» («Очерк положения русского народа») (Лондон, 1854 г.) (по Гакстгаузену). Он же перевел на английский язык известный памфлет Фишеля «Деспоты как революционеры», который приписывали тогда герцогу Кобургскому.

Что Маркс (Фрэнсис, а не Карл) находился в близких сношениях и с немцами, тоже не подлежит сомнению. С весны 1853 г. начинается тесное сближение Лота-

---

* *Nettlau*. Band. 1. Kapitel 20, примечание № 825.

** *Bernard Burke*. A genealogical and heraldic history or the landed gentry of Great Britain and Ireland. T. II. London, 1886. P. 1238.

ра Бухера, будущего друга и душеприказчика Лассаля, а затем агента Бисмарка, с кружком Уркарта, и очень скоро автор книги «Парламентаризм как он есть», в которой заметно такое сильное влияние идей Уркарта, становится к последнему в такие же близкие отношения, как и Маркс (Фрэнсис, а не Карл)*.

Что в кружке Уркарта еще в 1859 г. были твердо убеждены, что Бакунин не сидел в тюрьме, что русское правительство распространяло этот слух для отвода глаз, что на самом деле Бакунин наслаждался жизнью на Кавказе, видно из воспоминаний Юлиуса Фрёбеля**, который хвастливо рассказывает, как ему удалось в Лондоне у подвыпивших Герцена и Огарева выведать, что Бакунин проделал только фиктивное тюремное заключение.

Если бы Неттлау дал себе труд более внимательно просмотреть «Free Press» и «Diplomatic Review», он нашел бы там «Письма об Интернационале» («Diplomatic Review», January 1872), из которых он увидел бы, что Уркарт и в 1872 г. был так же твердо убежден, что Бакунин – русский агент, как и в 1853 г. Правда, для него и весь Интернационал, как и чартизм тридцатых и сороковых годов, был делом рук тех же русских агентов. А так как в его безумии был метод, то он вполне последовательно считал тогда русским агентом и столь ненавистного нашему Неттлау Утина, главного противника Бакунина.

Правда, если бы Неттлау знал все это, он все же задумался бы немного прежде, чем повторить слова Герцена, который так безбожно перепутал все факты. В подтверждение слов Герцена, что Маркс (Карл, а не Фрэнсис) был чуть не alter ego Уркарта, Неттлау приводит две цитаты.

Первое доказательство – ссылка на «Herr Vogt», именно на то примечание, в котором Маркс (Карл, а не Фрэнсис) касается своих отношений к Уркарту:

«Сочинения Уркарта о России и против Пальмерстона заинтересовали меня, но не убедили. Чтобы составить себе определенное мнение, я подверг отчеты Хансарда о парламентских прениях и Синие книги от 1807 до 1850 г. внимательному анализу. Первым плодом этих занятий явился ряд передовиц в "New-York Tribune" (конец 1853 г.), в которых я доказал связь Пальмерстона с петербургским кабинетом на основании его действий по отношению к полякам, туркам, черкесам и т. д. Вскоре после того я перепечатал эти статьи в "People's Paper", в органе чартистов, выходившем под редакцией Эрнеста Джонса, и прибавил к ним новые главы о деятельности Пальмерстона[13]. Тем временем "Glasgow Sentinel" перепечатал одну из этих статей ("Пальмерстон и Польша"), которая привлекла внимание Д. Уркарта. После свидания, которое я имел с ним, он предложил г. Такеру в Лондоне издать часть моих статей в форме памфлетов»[14].

Итак, до и во время «клеветнической кампании» Маркс еще не был знаком с Уркартом. Только в 1856 и в 1857 гг. он напечатал в «Free Press» свои статьи о дипломатической истории XIX столетия[15].

Но не потому, что Уркарт «убедил» его, а потому, что «Free Press» – орган, посвященный изучению внешней политики, – был единственным органом, который

---

* Ср.: Note of Lothar Bucher // Diplomatic Review. October. 1873.

** *Julius Fröbel.* Ein Lebenslauf. Band II. P. 140–141. Когда-то большой радикал, приятель Гервега, издатель демократических газет и поставщик нелегальной литературы для Германии, Ю. Фрёбель закончил свою карьеру вполне «образумившимся» человеком (1805–1893).

согласен был поместить эти статьи, направленные против внешней политики английского правительства.

Второе доказательство: Энгельс *восхваляет* Уркарта! Следует указание на известную статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма» в английском журнале «Time» (Лондон, 1890 г.)[16]. Так как параграф, на который указывает Неттлау, отсутствует в немецком тексте*, то мы приводим его целиком. Читатель увидит, как Энгельс *восхваляет* Уркарта, и вместе с тем получит яркую характеристику Уркарта, принадлежащую самому близкому другу Маркса.

«Нет никакой возможности писать в Англии о русской внешней политике, не упоминая при этом имени Давида Уркарта. В течение пятидесяти лет он неустанно работал над тем, чтобы познакомить своих соотечественников с целями и путями русской дипломатии. Хотя он до совершенства овладел своим предметом, он, однако, за все свои труды пожал только насмешки и приобрел репутацию невыносимо скучного человека. Так, впрочем, филистер называет всякого человека, который упрямо держится за неинтересные, хотя и очень важные вещи. Во всяком случае, Уркарт, ненавидевший филистера, хотя он и не понимал его исторической неизбежности, должен был потерпеть неудачу. Он был тори старой школы и стоял перед лицом того очевидного факта, что в Англии до того времени одни только тори оказывали действительное сопротивление России, тогда как тактика либералов в Англии, как и за границей, включая все революционное движение на континенте, регулярно вела к дальнейшему укреплению России. Он был убежден поэтому, что всякий, кто хочет оказать серьезное сопротивление захватнической политике России, должен прежде всего быть тори (или турком) и что каждый либерал и революционер, сознательно или нет, является орудием русской политики.

Постоянное занятие русской дипломатией привело к тому, что он видел в ней нечто всемогущее, единственную действенную в современной истории силу, в руках которой все остальные правительства являются только пассивными орудиями. Трудно было бы поэтому понять, каким образом, если бы не было сопротивления Турции, о силах которой он имел такое же преувеличенное представление, всемогущая русская дипломатия уже давно не овладела Константинополем. Чтобы свести таким образом всю современную историю со времени французской революции к дипломатическому шахматному турниру между Россией и Турцией, в котором все остальные государства играли роль шахматных фигур в руках России, сам Уркарт должен был разыгрывать из себя что-то вроде восточного пророка, который не только сообщал простые исторические факты, но еще возвещал на таинственном, сверхдипломатическом языке свое эзотерическое учение с намеками на факты, не всем известные и даже вообще с трудом устанавливаемые, и, как безошибочное средство против превосходства русской дипломатии над английской, рекомендовал восстановление старого суда над министрами и замену кабинета министров тайным советом. Уркарт был человеком с большими заслугами и, кроме того, типичным англичанином старого образца, но русские дипломаты могли бы сказать: если бы Уркарта не было, его надо было бы изобрести!»[17]

Так восхваляет Энгельс Уркарта!

Мы будем иметь случай более подробно коснуться отношений между Уркартом и Марксом (Карлом, а не Фрэнсисом)[18]. Личное их знакомство было совер-

* А также в русском, который был помещен в плехановском «Социал-демократе».

шенно мимолетным, они слишком резко расходились во всех своих взглядах, да и трудно было бы Марксу, другу Джонса и других чартистов, сойтись с человеком, который был убежден, что весь чартизм тоже продукт деятельности русских агентов. Но как Энгельс, так и Маркс не могли из-за чудачеств Уркарта просмотреть его крупные заслуги в области разоблачения русского царизма и решительные выступления в защиту Польши, Кавказа, Ост-Индии и других стран.

Мы приходим теперь к развязке этой «комедии ошибок», автором которой с таким успехом выступил, используя данный ему Герценом сюжет, наш добросовестный, но и весьма фантастический летописец анархизма. Мы видим, как неосторожно поступил Бернштейн, приняв на веру обвинения Неттлау и Виктора Дава. Вся история, с таким треском и шумом состряпанная «серьезными» историками анархизма, целиком нахватана с ветра. И Маркс – Карл, а не Фрэнсис – был вполне искренен, когда в 1864 г. уверял Бакунина, что «никогда не высказывал про него таких подозрений, и даже прямо называл их гнусными»[19].

Примечания

1 Очерк Рязанова «По поводу одной легенды (Герцен против Маркса)» – первая попытка анализа взаимоотношений К. Маркса с А.И. Герценом и М.А. Бакуниным. Автор впервые вводит в литературу ряд ранее неизвестных источников эпистолярного и публицистического жанров, используя зарубежные исследования и западноевропейскую прессу. Д. Рязанов убедительно доказывает непричастность К. Маркса к провокационным выпадам в социалистической печати против М. Бакунина (эти доказательства до сих пор в ходу в современных работах, касающихся данной темы). Статья впервые была опубликована под названием «Marx als Verleumder» в «Neue Zeit» (Stuttgart. Bd. XXIX. 1910. S. 278–286), печатается по тексту: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма. Т. 2. 2-е изд., доп. М.; Л., 1928. С. 5–20.

2 См. с. 392, 395.

3 Речь идет о статье XVIII работы «Революция и контрреволюция в Германии», в которой Энгельс писал: «Они *нашли способного и хладнокровного командира в лице русского эмигранта Михаила Бакунина*» (МЭС. Т. 8. С. 106). Об авторстве данной работы см. примеч. 9.

4 14 августа 1853 г. в «Morning Advertiser» появилась статья И.Г. Головина о Бакунине, 19 августа в той же газете напечатана заметка за подписью «Русский, живущий в Лондоне», принадлежащая, по-видимому, также Головину, где он упомянул о Бакунине как жертве самодержавного произвола. Ответ F. M. (Фрэнсиса Маркса) в той же газете относился к этим выступлениям.

5 24 августа газета опубликовала открытое письмо за подписями А.И. Герцена, И.Г. Головина и С. Ворцеля «Русский агент Бакунин» (см.: *Герцен А.И.* Соч. в 30 т. Т. 12. С. 118–119, 120–121). 25 августа в «Morning Advertiser» напечатано опровержение клеветы против Бакунина за подписью «Русский, живущий в Лондоне».

6 27 августа в «Morning Advertiser» была опубликована вторая статья F. M. с обвинениями против Бакунина. В тот же день Герцен и Головин пишут новое опровержение, напечатанное 29 августа («Кто такой Ф. М.?»), подписанное и Мадзини.

7 Письмо George Sand – Marx, 20. Juli 1848, а также историю с публикацией материалов о Бакунине в «Neue Rheinische Zeitung» см.: MEGA² III/2. S. 466, 1005–1007.

8 «Neue Oder-Zeitung» (1846–1855), с 1846 по март 1849 г. выходила под названием «Allgemeine Oder-Zeitung».

9 См. примеч. 3. Данная серия статей, написанных Энгельсом, публиковалась в «New-York Daily Tribune» под именем Маркса (см.: МЭС. Т. 8. С. 3–113).

10 Ср.: МЭС. Т. 9. С. 296–298; см также: MEGA²I/12. S. 310–311, 941–944.

[11] 3 сентября в «Morning Advertiser» появилась анонимная заметка И.Г. Головина «Как следует писать историю» с новыми нападками на К. Маркса, как будто бы недостаточно твердо отмежевавшегося от клеветы на Бакунина в 1848 г. Текст этой заметки Маркс привел в письме к Ф. Энгельсу 3 сентября 1853 г. (см.: МЭС. Т. 28. С. 240–241). Излагая полемику вокруг Бакунина в газете «объединенных трактирщиков», он приводит текст своего ответа, в котором объявляет о своем решении прекратить полемику и просит Энгельса его отредактировать. Этот ответ публикуется 10 сентября 1853 г. в чартистской газете «People's Paper» № 71 (см.: МЭС. Т. 28. С. 239–242; Т. 9. С. 302–303).

[12] Намек на работу Маркса «Господин Фогт» (см.: МЭС. Т. 14. С. 395–691).

[13] Речь идет о работе Маркса «Лорд Пальмерстон» (см.: МЭС. Т. 9. С. 357–425).

[14] См.: МЭС. Т. 14. С. 486.

[15] *Маркс К.* «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (об этой работе см. настоящее издание, с. 212–261).

[16] См.: МЭС. Т. 22. С. 11–52.

[17] См. там же. С. 13–14.

[18] См. с. 390–455.

[19] Речь идет о встрече Маркса с Бакуниным 3 ноября 1864 г. (см.: Маркс – Энгельсу, 4 ноября 1864 г. // МЭС. Т. 31. С. 13–14).

АНАРХИСТСКИЙ ТОВАР ПОД ФЛАГОМ МАРКСИЗМА (МАРКС И БАКУНИН В ШЕСТИДЕСЯТЫХ ГОДАХ)[1]

I

Несколько недель тому назад в «Neue Zeit» напечатаны были две рецензии о книге Брупбахера «Marx und Bakunin»*. Мы не намерены писать третью рецензию, но считаем своим долгом выступить против создания новой легенды, которая может внести новую путаницу в вопрос об отношениях между Марксом и Бакуниным. Нам теперь угрожает опасность, что под партийным флагом в марксистскую литературу будут проведены контрабандою все те обвинения, которые до сих пор раздавались против Энгельса и Маркса, Бебеля и Либкнехта с анархистской стороны, – обвинения в злостном клеветничестве, в бесстыдной лживости, в подлогах и утайках, в неслыханных извращениях нравственного чувства. А что этот флаг может прикрывать даже самый гнилой товар, видно лучше всего из рецензии Ф. Меринга. Достаточно было появиться в партийном издании некритической компиляции, опирающейся в первую голову на столь «объективное» произведение, как книга Гильома об Интернационале[3], чтобы такой тонкий критик, как Ф. Меринг, усмотрел в анархисте, которому чуждо всякое понимание современного рабочего движения, товарища, который «исправляет несправедливость или помогает исправить несправедливость, исправление которой должно интересовать и марксистскую литературу в более узком смысле слова».

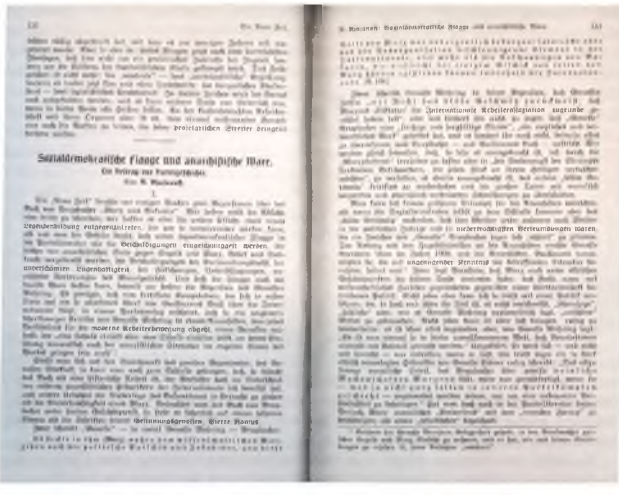
Если же стать на точку зрения второго рецензента – Ю. Стеклова, то можно прийти к выводу, что как ни плоха книга Брупбахера в качестве исторического сочинения, все же ее автор, в отличие от других анархистских историков Интернационала, постарался обратить внимание и на другие причины поражения бакунизма, кроме низости Маркса.

С этой точки зрения книга Брупбахера отличается, конечно, более высоким уровнем, чем писания его единомышленника Пьера Рамю[4].

Правда, «товарищ», как полагает Ф. Меринг, Брупбахер пишет:

«В нем (Марксе. – *Д. Р.*), *наряду с ученым марксистом, скрывался еще вспыльчивый копускатель и якобинец, и эта особенность Маркса представляла дезорганизаторский или усиливающий дезорганизацию элемент в Интернационале гораздо более, чем взгляды Бакунина, которые, при некотором искусстве со стороны Маркса, могли бы, быть может, существовать внутри Интернационала»* (с. 109).

* Речь идет о рецензиях Стеклова и Меринга[2].



Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware.

Начальная страница первой публикации работы Д.Б. Рязанова «Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware» («Анархистский товар под флагом марксизма. Маркс и Бакунин в шестидесятых годах») в журнале «Die Neue Zeit» за 1913 г.

Правда, Ф. Меринг пишет в своей рецензии, что К. Цеткин «правильно отвергает нелепые россказни, будто «диктатура» Маркса погубила Международное Товарищество Рабочих». Но это нисколько не мешает ему сказать, что «товарищ» Брупбахер написал «прилежное и тщательное исследование», «полезную и заслуженную книгу»; это же не мешает ему воспринять почти все то, что Брупбахер преподносит, черпая из книги Гильома. Мы скоро покажем, что как ни плохо следовать за «марксовыми попами» и уподобляться «ханже, которая сидит за чулком и хотела бы скрыть малейшее пятнышко на своем святом», но так же плохо повторять без критики «нелепые россказни» и осыпать великих мертвецов оскорблениями, прикрашенными пошлой моралью и фарисейскими ламентациями.

Трудно представить себе больший триумф для анархистов, чем когда сами марксисты придут к выводу или начнут повторять «нелепые россказни» о том, будто их учителя, эти великие мастера, были также мастерами в области гнусной лжи и злостных клевет, которые исследователю вроде Брупбахера даже «стыдно» цитировать. Первые такие уступки анархистам начал делать Э. Бернштейн еще в 1908 г.[5], и анархисты, прежде всего Гильом, немедленно использовали эти уступки, основанные на недостаточном знакомстве с соответствующей литерату-

рой*.[6] Правда, Бернштейн говорит, что Маркс даже с этической точки зрения защищал правое дело: он защищал права политики, основанной на научном исследовании, против политики, которая делается дилетантским образом. Но не всякий так легко примирится с политикой, которая при всей своей высокой и прекрасной цели не отказывается от применения «грязных», «отвратительных», или – как, смягчая свои выражения, говорит Ф. Мерinг, – «некрасивых» средств. Не всякий решится спокойно повторять: так было – так будет, или, как говорит Мерinг: «так уж всегда ведется в нашем несовершенном мире, что революции никогда не делаются при помощи розового масла». Наоборот. Он будет лишь возмущаться – и не без права, – видя, что даже историк, столь склонный к этике, как Эйснер, спокойно пишет: «Слишком строгий моральный приговор, который Брупбахер высказывает о *махинациях Маркса*, был бы справедлив только в том случае, если бы они – *как то весьма нередко бывает во внутренней партийной борьбе* – были направлены только к устранению неудобной личности». Ведь даже в партийной литературе эта попытка прикрасить нравственную «испорченность» Маркса «давлением, сбивающим с правильного пути», была названа «иезуитской».

«Изворачивайтесь, как вам угодно», – скажет им всем – Бернштейну, Мерингу, Эйснеру – старый Гильом, который твердо убежден, что Маркс был нравственным уродом, «ясно, что с точки зрения простой человеческой этики, которая в написанных Марксом статутах Интернационала была провозглашена обязанностью каждого члена, Маркс всегда действовал по отношению к невинному Бакунину как наглый, низкий клеветник».

Старый ненавистник Маркса, со своей точки зрения, вполне прав. Спор между Бакуниным и Марксом нельзя решать по известной формуле: «с одной стороны – с другой стороны» или по еще более нелепой формуле: «Маркс, правда, стоит выше в научном отношении, но Бакунин симпатичнее его». Как бы «объективно» ни изучать человеческую историю, остается тот факт, что земная история делается не *отвлеченными* людьми, людьми «в себе», а *определенными* людьми, и кто хочет исследовать определенный период этой земной, конкретной истории, тот должен подвергнуть беспощадному анализу и «субъективный фактор» этой истории – как «массы» и «классы», так и персональных носителей этих классовых отношений. Как ни необходима была франко-прусская война 1870 г., как ни необходимо вытекала победа пруссаков над французами из тогдашних отношений, но историк также не может уклониться от критического освещения «субъективной» деятельности Бисмарка: он не может, например, признать историю с эмской депешей безразличной с «высшей точки зрения». А что правильно по отношению к «победителю» Бисмарку, остается правильным и по отношению к Марксу.

Всякий историк старого Интернационала обязан подвергнуть тщательному анализу и высказать свое суждение не только об объективных условиях, в которых протекала – в общем виде и отдельно в каждой стране – борьба между Бакуниным и Марксом, но также о внутреннем принципиальном содержании и «внешней» форме, в которой она велась обеими сторонами. Для рабочего движения важно не только понять историческую необходимость и обусловленность своей борьбы,

* С тех пор Бернштейн имел возможность познакомиться с перепиской Энгельса-Маркса и, как видно из его введения к ней, произвел «ревизию» своих взглядов[6].

но и рассмотреть также методы, средства этой борьбы и избрать только те из них, которые соответствуют ее великой цели.

К сожалению, последнее обстоятельство в марксистской литературе легко забывается. Правда, в ней считается общепризнанной «догма», согласно которой Бакунин и Маркс воплощали в себе столь резко отличные принципы, что раньше или позже они должны были столкнуться, – чего анархисты не понимают до сих пор, – но обыкновенно в марксистской литературе проявляется склонность искать эти принципы в области чистой теории, в области программы. Однако, как ни существенно было различие в оценке политической деятельности рабочего класса и «конечной цели», гораздо важнее было различие в оценке средств, которыми можно пользоваться для осуществления этой конечной цели. При этом упускают из виду, что, когда Бакунин *наконец* после двадцати пяти лет революционной деятельности *впервые* решил отдать всю свою энергию рабочему движению, специфических требований которого он совершенно не понимал, – он не мог не стремиться втиснуть это новое движение в узкое одеяние конспиративной тайной кружковщины. Забывают, что Бакунин был рьяным сторонником тактики, сознательно пользовавшейся всеми средствами, которые не только не соответствуют «естественному правосознанию народа», пользуясь выражением гайнфельдской программы[6], но прямо оскорбляют его; что Бакунин был последовательнейшим защитником двойной морали, которая считает дозволенным по отношению к «буржуазному» миру все то, что является преступлением в узком кругу «единомышленников»; что Бакунин, так много распространявшийся о суверенной воле «народа» и «массы», считал не только дозволенным, но даже рекомендовал по отношению к этой массе все средства, действующие на «фантазию». Борьба между Бакуниным и Марксом была поэтому борьбой не только за ту или иную форму организации, за ту или иную форму будущего общества, – это была, в полном смысле этого слова, также *этическая борьба*, борьба двух этических принципов. Только благодаря победе этики Маркса над этикой Бакунина сделалось раз навсегда невозможным, чтобы рабочее движение, «подчинившее стремление» к «свободе в погоне за хлебом» и массы, «широкие массы» «морально неразвитого пролетариата», страдающего «недостаточным развитием воли» и т. п., – об этом можно прочесть в «полезном и заслуженном труде» «товарища» Брупбахера, – использовалось «только как средство» даже революционерами, действующими *из самых чистых побуждений*. Только победа этики Маркса над этикой Бакунина сделала возможным, что постулаты индивидуальной свободы и понятие свободной солидарности, – выражаясь языком «этических» анархистов, – превратились в «освященный нравами закон» величайшего в истории массового движения, а не оставались только постулатами отдельных индивидуумов, претендовавших на роль «ясновидящих». Только победа этики Маркса над этикой Бакунина сделала возможным, что уже в настоящее время, несмотря на страшное давление повседневной борьбы за хлеб, «морально неразвитой» пролетариат, страдающий «недостаточным развитием воли», дал такое множество «умных, активных» людей, как это не удавалось еще ни одному революционному движению, даже под руководством таких революционных гигантов, как Бакунин.

Но, как ни превосходила бы этика Маркса этику Бакунина, никакое «давление, сбивающее с правильного пути», не могло бы оправдать методы борьбы Маркса против Бакунина, если бы они были действительно такими «бесчестными», как утверждают это анархисты вот уже много лет. Действительно, не надо вовсе быть

«марксовым попом» для того, чтобы требовать для Маркса такого же права, какого требуют со столь сильным моральным негодованием для Бакунина.

Уже одно то обстоятельство, что Маркс, – который гораздо более, чем Бакунин, заслуживает имя «наиболее оклеветанного человека» XIX столетия, – лишь в очень редких случаях считал необходимым реагировать на личные нападки, должно было бы заставить даже тех писателей, которые не страдают недугами «марксовых попов», более осторожно повторять нападки сторонников Бакунина. Согласно действующим до сих пор законам исторической критики, показания всякого свидетеля, защищающего свое собственное дело, – хотя бы он клятвенно уверял в своей любви к истине и действительно *субъективно* не был лжецом, – должны быть подвергнуты такому же строгому расследованию, как и показания его противника. Такая осторожность тем более уместна, что Ф. Меринг уже имел случай убедиться, как сильно раздуты были некоторые истории бакунистами. В последующем мы ему покажем, что многие факты, которые он считает достоверными, оказываются ложными, «ввиду чего, как он очень правильно заметил в своей блестящей критике статьи Онкена*, согласно действующим до сих пор законам исторической критики, это (бакунинское) положение оказывается несостоятельным также в тех пунктах, в которых оно еще не поддается или уже не поддается проверке».

II

Анархисты, как известно, изображают дело таким образом, что, когда Бакунин неожиданно появился в Интернационале, «вероломный» Маркс, вместо того чтобы вступить с ним в теоретическую или принципиальную борьбу, немедленно обратился к своим старым испытанным средствам, которые он столь успешно применял уже в сороковых и пятидесятых годах.

«В этой борьбе, – говорит биограф Бакунина Неттлау, – Маркс пользовался или злоупотреблял находившейся в его распоряжении официальной властью и совершенно не препятствовал самым низким выходкам своих сторонников и друзей; он уклонялся от всякой теоретической дискуссии по основным вопросам – о свободе, авторитете, революции, политике и т. п., и интернациональных конгрессов, гласность и публичные прения которых не благоприятствовали ему, в 1870 и 1871 гг. совсем не происходило, а в 1872 г. имела место карикатура конгресса»**.

Или, по словам вновь открытого Ф. Мерингом «товарища» Брупбахера:

«Марксу необходимо было доказать, что его противники погрешают против конституции, основных законов и святая святых Интернационала и что, кроме того, они негодяи. *На этом был, очевидно, построен его военный план. Ему были ненавистны идеи Бакунина и его личность. Но по каким-то причинам Маркс не хотел вступать в борьбу именно с идеями Бакунина*»***.

«Какими-нибудь причинами» необходимо объяснить и эту предубежденность против Маркса, которая в своих выводах не останавливается даже перед тем, что-

---

* *Mehring F.* Noch einige Beiträge zur Parteigeschichte // Neue Zeit. Feuilleton. Nr. 66 P. 822.

** *Nettlau.* M[ichel] Bakunin. Berlin, 1901. P. 30.

*** *Brupbacher.* Marx und Bakunin. P. 129[8].

бы изобразить Маркса – открыто, как Неттлау, или «стыдливо», как «товарищ» Брупбахер, – трусом, уклоняющимся от всякой дискуссии.

Причина этого очень проста. Неттлау был глубоко убежден, что Маркс был способен по чистой злобе клеветать на Бакунина и до 1868 г. Тем более должен был он проявлять эту злобу клеветника, что он якобы боролся за свое личное господство в Интернационале. Снова и снова повторяется старая история о заметке в «Новой Рейнской газете», в которой Бакунин в 1848 г. был назван русским агентом. А между тем всякий серьезный историк, который не гонится за сенсациями, должен был бы давным-давно отказаться от этой истории, якобы доказывающей вероломство Маркса. Эта история была бы совершенно забыта, – скоро мы увидим, что сам Бакунин считал ее ликвидированной, – если бы Герцен не выкопал ее тогда, когда он выдумал, без всяких оснований, новую клеветническую выходку, которую Маркс якобы пустил в ход в пятидесятых годах против Бакунина, сидевшего в тюрьме.

Несколько лет тому назад я привел в «Neue Zeit» доказательство, что, поскольку речь идет о Марксе, во всей этой истории нет ни одного слова правды; Герцен сделался жертвой своей забывчивости и смешения различных фактов*.

Опубликованная теперь переписка между Марксом и Энгельсом доставляет еще другие доказательства. Теперь мы видим, что и сам Маркс, лишь спустя несколько месяцев после этой клеветнической выходки, узнал о существовании «очень глупого сторонника Уркарта, по имени Маркс», который действительно ославил Бакунина русским шпионом (письмо к Энгельсу от 22 апреля 1854 г.)[9].

Теперь мы узнаем также, что уже тогда Маркс энергично протестовал против всех «глупых друзей» Бакунина, которые – теперь не все они это делают – делали попытку использовать против него эту старую историю. «Morning Advertiser» не напечатал разъяснения Маркса. Мы не знаем, было ли оно напечатано – по словам Маркса, в измененной форме – в «Peoples Paper». Но и в той форме, которую Маркс предлагал в своем письме к Энгельсу, это разъяснение дает убедительный ответ не только на статью Головина, выступавшего заодно с Герценом, но и на все другие статьи, появившиеся с тех пор, вплоть до книги «товарища» Брупбахера.

Маркс предполагал написать в «Morning Advertiser» следующее:

«"Лучше иметь дело с умным врагом, чем с глупым другом", – воскликнул бы Бакунин, если бы он увидел когда-нибудь письмо "заграничного" Санчо Панса, – который в вашем субботнем номере разливается в общеизвестных банальных фразах...

Когда "Новая Рейнская газета" напечатала парижское письмо (в котором Бакунин обвинялся, что он русский шпион. – *Д. Р.*), Бакунин находился на свободе. Если он поступил в 1848 году правильно, удовлетворившись публичными разъяснениями "Новой Рейнской газеты", то разве это не "глупый друг", который в 1853 году находит их недостаточными? Если же он поступил неправильно, возобновив свои дружеские отношения с редактором "Новой Рейнской газеты", то не "глупо" ли со стороны мнимого друга разоблачать перед публикой его слабость?

Разве это не "глупый друг", который не может понять, почему консервативные газеты не *опубликовали* клеветы, *тайно* распространявшейся против Бакунина по-

* См. статью «По поводу одной легенды» (настоящий том, с. 378–389).

всюду в Германии, в то время как революционная немецкая газета была обязана ее опубликовать?

Разве это не "глупый друг", который не знает, что "революционное чувство" на высшей ступени своего развития создало "законы о подозрительных" и обезглавило Дантона, Демулена, Анахарсиса Клоотса?

Разве это не "глупый друг", который не решился выступить против "Morning Advertiser" за напечатание письма Ф. М. во время заключения Бакунина в тюрьме в С.-Петербурге и который в то же время выступает против "Новой Рейнской газеты" за печатание подобного же письма в 1848 году, когда Бакунин находился на свободе и не подвергался достойной сожаления участи иметь своим защитником глупого друга?»*[10].

Это не только самозащита, – *лично* Маркс не несет никакой ответственности во всей этой истории с «Новой Рейнской газетой», – но и защита всей ее редакционной коллегии, в том числе прежде всего Энгельса.

Факт тот, что и впоследствии сам Бакунин считал этот эпизод с «Новой Рейнской газетой» ликвидированным. Он уже не возвращался к нему много лет спустя, в эпоху Интернационала, когда борьба между ним и Марксом приняла самые резкие формы и опять всплыла история с клеветническими выпадами, опубликованными в английской прессе в 1853 г. Бакунин всегда отзывался об объяснении Маркса в «Новой Рейнской газете» как о «вполне удовлетворительном» («tout à fait satisfaisante»).

Факт тот, что еще в пятидесятых годах немало «немецких эмигрантов» – и не только буржуазных – были убеждены в том, что «Бакунин – русский шпион», который предавал польских революционеров, вел себя очень подозрительно также во время дрезденского восстания и, вместо того чтобы томиться в русской Бастилии, вел роскошный образ жизни на Кавказе. В то время именно Маркс и Энгельс изображали Бакунина в «Нью-йоркской трибуне» как самого выдающегося вождя дрезденского восстания:

«*Они* (восставшие. – *Д. Р.*) *нашли способного и хладнокровного вождя в лице русского эмигранта Михаила Бакунина*» («Революция и контрреволюция в Германии», с. 123 немецкого издания)[11].

Можно сказать, что они переоценивают роль Бакунина, что их отзыв не совпадает с отзывами других лиц, что некоторые из числа «немцев», непосредственно участвовавших в дрезденском восстании, совсем иначе оценивают Бакунина**. Но верить, что Маркс был способен написать цитированные строки в октябре 1852 г., а через несколько месяцев, в августе 1853 г., ославить Бакунина русским шпионом, – верить этому в настоящее время, после опубликования в 1896 г. в немецком

---

* Письмо Маркса к Энгельсу от 2 сентября 1853 г.

** Борн, например, пишет в своих воспоминаниях: «Этот русский, который абсолютно ничего не смыслил в условиях окружавшей его Германии, не оказывал, конечно, в Дрездене ни малейшего влияния на ход событий. Он ел, пил и спал в ратуше – и это все». Борн – что должно быть известно Неттлау – принадлежал к числу тех «немецких эмигрантов», которые еще в пятидесятых годах сильно подозревали Бакунина[12].

переводе вышеуказанных статей, раньше неизвестных, мог только такой чуждый манерам «марксовых попов» исследователь, как Неттлау*.

III

До сих пор мы предполагали, что Маркс и Энгельс были вероломны. Бакунин же вполне «простодушен». При этом оказалось, что даже с самой строгой моральной точки зрения оба они достаточно исправили свою погрешность. Мы не пытались оправдывать Маркса и Энгельса с «психологической» точки зрения. Мы даже принимали, что Бакунин не подавал обоим друзьям ни малейшего повода «оклеветать» его, что он «по каким-то причинам» был им обоим «несимпатичен». Правда, Меринг пишет, что еще до 1848 г. Бакунин, как показывают его письма Гервегу из Брюсселя от 1847 г., «относился *весьма враждебно* к Марксу», что, следовательно, Маркс и Энгельс были «несимпатичны» Бакунину. Пока ограничимся констатированием того факта, что, вопреки утверждению Бернштейна о «склонности Маркса принимать на веру всевозможные обвинения насчет политического характера Бакунина», не только Маркс, но и Энгельс защищали или, по выражению Мерингa, «рыцарски защищали» Бакунина против всех этих подозрений в то время, когда он в России был лишен свободы. Даже Бернштейн, который еще в 1908 г. верил, что Маркс «считал не совсем безосновательными высказанные Ф. М. подозрения», понимает теперь свою глубокую ошибку. Также не оправдывается, по крайней мере в данном случае, его утверждение, что «примирения Маркса с Бакуниным также никогда не были безусловными». Более того. Все, что Маркс сообщал до сих пор о своем конфликте с Бакуниным, соответствует действительности, и остается только прибавить, что, по вполне понятным причинам, он не рассказывал всего того, что вполне оправдывало *лично его***. Следовательно, в своей беседе с Бакуниным в 1864 г. он был вполне искренен.

Иначе обстоит дело с Бакуниным. Как известно, он убежал в 1861 г. из Сибири и в декабре того же года прибыл через Японию и Америку в Лондон; здесь он счел излишним посетить Маркса, хотя отлично знал о его пребывании в Лондоне. Почему? Герцен и Мадзини рассказывали ему, что во время его отсутствия Маркс выставил его в «Morning Advertiser» русским шпионом, и Бакунин поверил им на слово. Сюда присоединилось еще то обстоятельство, что немедленно после того, как приезд Бакунина стал известен, в одной «небольшой английской газете» опять появились старые сплетни.

Мы считаем теперь излишним доказывать, что Маркс был в этом так же мало повинен, как и в 1853 г. То был опять пресловутый Ф. Маркс, а помогал ему Карл Блинд, друг Мадзини, но враг Герцена и Бакунина.

---

* Как сильно вредит личная предубежденность этому историку, научная серьезность и искренность которого, вне всякого сомнения, показывает то обстоятельство, что он, желая согласовать между собою все эти взаимно противоречащие факты, был вынужден изображать Маркса человеком, который хвалил Бакунина *против своей воли*; одной рукою Маркс якобы содействовал оклеветанию Бакунина автором, писавшим под инициалами Ф. М., другой – он писал свой протест в той же газете.

** Я еще вернусь к этой истории. В найденном мной письме Маркса к Лассалю имеется также место о Бакунине, которое, однако, может быть вполне понятно только в соответствующем контексте[13].

Как мало были предубеждены тогда против Бакунина не только Маркс, но и Энгельс, показывают следующие места из их переписки[14].

27 ноября 1861 г. Энгельс пишет Марксу:

«Бегство Бакунина доставило мне большую радость. С беднягой, вероятно, ужасно обращались. Совершить, таким образом, кругосветное путешествие!»

25 февраля 1862 г. Маркс пишет Энгельсу:

«Что касается газет со статьями Уркарта, то мне не удалось до сих пор получить полного комплекта. Сообщи, начиная с *какого номера*, и тогда Коллет сделает, что нужно. Прилагаю при сем донос подлеца против Бакунина, с которым я не виделся. Он живет у Герцена».

Из этих строк легко видеть, что Маркс восхищался поведением Бакунина. Лаконическая прибавка, что «Бакунин живет у Герцена», представляла объяснение, достаточно понятное и для Энгельса. Действительно, Герцен передал Бакунину всю эту историю в таком свете, в каком она была опубликована впоследствии, после его смерти, и с тех пор всеми повторялась.

Лишь в 1864 г. Маркс и Бакунин имели свидание. Последний рассказывает, что Маркс разыскал его и заверил, что он никогда не высказывал против него упомянутых подозрений, а, наоборот, объявил их бесчестными. «Я должен был поверить ему», – прибавляет Бакунин. Ясно, что в 1871 г., когда он писал об этом, он Марксу уже не верил. В другой версии, опубликованной Неттлау, он прямо заявляет, что знал, что Маркс лжет.

Но у нас есть также показание Маркса. Передаем его словами Бернштейна.

«В известном под названием "Конфиденциальное сообщение"[15] циркуляре, который Маркс 28 марта 1870 г. передал через Л. Кугельмана видным представителям дружественного ему крыла германской социал-демократии, он сам возвращается к этой беседе. По его словам, вскоре после основания Интернационала между ними произошло тогда, во всяком случае, нечто вроде заключения мира, и когда-нибудь, быть может, удастся узнать, кто был при этом посредником. Но этот мир не был продолжительным. В указанном циркуляре Маркс далее говорит, что Бакунин, уехавший тогда в Италию, прислал ему оттуда "восторженное" письмо по поводу посланных ему статута и вступительного адреса Интернационала; но вместе с тем он "ничего не делал" и не давал о себе знать, пока через несколько лет не появился опять в Швейцарии и вместо того, чтобы вступить в Интернационал, вступил в "Лигу мира и свободы", *последнее, разумеется, верно*».

Так говорил Бернштейн. Сейчас мы увидим, что «разумеется, верно» не только последнее и что для Маркса можно найти гораздо более уважительные оправдания, чем то объяснение, которое Бернштейн, повторяя слова Неттлау, дает поведению Бакунина.

Действительно, Бакунин после своей второй поездки в Швецию прибыл в Лондон в октябре 1864 г., т. е. после основания Интернационала.

Мне удалось открыть, кто был таинственным посредником между Марксом и Бакуниным. То был старый добрый Ф. Лесснер, по своей профессии портной; поводом послужил новый костюм, который Лесснер, бывший в то же время доброжелательным «кредитором» Маркса, шил для Бакунина. Среди писем Лесснера к Марксу имеется следующее письмо, приобретающее теперь в известном смысле историческое значение:

«Дорогой Маркс! Мы шьем теперь костюм для великана Бакунина, который, по моим сведениям, останется здесь лишь короткое время. Если тебе нужен его адрес, я достану его.

В случае желания получить адрес, черкни мне о том пару слов.

Лондон, 26 октября 1864 г.

Твой друг *Фред. Лесснер*»[16].

Нам не известно, кто это «мы». Возможно, что также Эккариус. Весьма вероятно, что увлекающийся Лесснер воспользовался этим случаем для того, чтобы в восторженных тонах рассказать Бакунину подробности о новоосновании Интернационале и о роли, которую играл при этом Маркс. Эккариус мог также рассказать Бакунину, что Маркс не принимал никакого участия в обоих клеветнических выпадах против него. Этим, быть может, объясняется дружественный тон, которым проникнуто следующее письмо Бакунина к Марксу*.

«Дорогой Маркс! Я с большим удовольствием повидаюсь со старым знакомым. До часа дня я постоянно дома. – Я помню хорошо, что два года назад встретил некоего доктора Роде, раза два или три, но не могу припомнить, чтобы сказал ему что-нибудь, кроме общих мест. Итак, до свидания.

27 октября 1864 г.

Твой *М. Бакунин*»[17].

Письмо Маркса нам не известно, и мы не можем понять, какую роль играл в этой истории д-р Роде. Но теперь мы имеем новый отчет о последовавшем свидании, исходящий от Маркса и имеющий уже то преимущество, помимо всех других, что он написан через несколько дней после свидания, и притом написан Энгельсу, следовательно, «без задних мыслей» и без «вероломства» (письмо от 4 ноября 1864 г.)[18]:

«Бакунин кланяется тебе. Он уехал сегодня в Италию, где живет (во Флоренции). Я вчера опять увидел его, впервые после шестнадцати лет. Должен сказать, что он мне понравился и лучше прежнего. О польском движении он сказал следующее: русскому правительству это движение нужно было для того, чтобы держать в спокойствии самое Россию, но оно никоим образом не рассчитывало на восемнадцатимесячную борьбу. Поэтому оно провоцировало эту историю в Польше. Польшу погубили две вещи: во-первых, влияние Бонапарта и, во-вторых, нежелание польской аристократии провозгласить с самого начала открыто и недвусмысленно *крестьянский социализм*. Теперь, после крушения польского дела, он (Бакунин) будет участвовать только в социалистическом движении. В общем, он один из немногих людей, которого я, по прошествии шестнадцати лет, нашел ушедшим не назад, а вперед. Мы поговорили с ним также о доносах сторонников Уркарта... Он очень осведомлялся о тебе и о Лупусе. Когда я сообщил ему о смерти последнего, он сказал, что движение потеряло незаменимого человека».

Так писал «вероломный» Маркс, которого, по глубокому психологическому замечанию Неттлау, к этому свиданию побудила «лишь гордыня: он хотел показать доставшуюся ему в Интернационале власть своему прежнему товарищу, который шел своим собственным путем!». Вообще, анархистам очень везет в их

* Найдено в бумагах Маркса. Написано по-немецки.

психологических экскурсах. Так, «товарищ» Брупбахер, который, по словам Меринга, «умело пользуется своим психологическим зондом», делает замечательное открытие, что Маркс мыслил рассудком, Бакунин же – всем своим организмом. Тем не менее, уверяет нас Брупбахер, «Бакунин не имел всяких задних мыслей».

Мы не знаем, доказал ли Маркс Бакунину также *документально*, что во всем рассказе Герцена не было ни слова правды и что он представлял собой недоразумение. Мы предпочитаем – в интересах Бакунина – думать, что он лишь *рассказал* Бакунину всю эту историю.

Как бы то ни было, но Маркс немедленно послал в Италию Учредительный Манифест и Уставы Интернационала*. Какое значение придавал он содействию Бакунина, видно из того, что, не дожидаясь выхода Манифеста в форме брошюры, он послал ему оттиск из «Bee-Hive»**. Бакунин обещал позаботиться о переводе на итальянский язык. Правда, он сам не говорит об этом ни одного слова ни в своем ответе Мадзини (1871 г.)[19], где он пишет, что *должен* был поверить Марксу, ни в часто цитируемой Неттлау рукописи (около 1871 г.), где он говорит, что определенно знал, что Маркс лжет. Но мы имеем отличное показание, которое опять-таки доказывает, как слаба была в определенных пунктах память Бакунина – черточка, которая была прекрасно известна всем его личным друзьям, в особенности русским. К сожалению, не Неттлау!

Показание исходит от самого Бакунина. 7 февраля 1865 г. он написал Марксу из Флоренции следующее письмо, на этот раз по-французски[20]:

«7 февраля 1865 г., Флоренция
13, via dei Rucci, 2 piano.

Carissimo (милейший)! *Формально* ты имеешь право сердиться на меня, так как я оставил без ответа твое второе письмо и до сих пор не ответил еще на третье.

Вот причина моего молчания: согласно твоему желанию, я послал Гарибальди один экземпляр Манифеста интернационального комитета и до сих пор ожидаю его ответа. Кроме того, я жду, пока будет решено печатание итальянского перевода, чтобы послать его тебе.

Ты вряд ли сумеешь представить себе, как медлительны и нерешительны люди в этой стране. Отсутствие денег, эта основная и первичная, впрочем, весьма естественная, болезнь всех демократических организаций в Европе, задерживает всякую активную работу. Более того, деморализованным – вследствие полного фиаско и ошибок демократической партии – нейтралистской, политической, унитарной – большинством в Италии овладели теперь в сильнейшей степени скептицизм и пресыщенность. Только социалистическая пропаганда – последовательная, энергичная и страстная – может еще вернуть этой стране жизнь и волю. Но для всего этого необходимо время, ибо все тут приходится начинать сначала.

В Англии вы, по-видимому, идете вперед на всех парусах, что же касается нас, то мы едва осмеливаемся их росо à росо (понемногу) развернуть.

---

* Неттлау сомневается в этом, как и в других показаниях Маркса, относящихся к этому свиданию. В другом месте я покажу, что и здесь с ним приключилось такое же несчастье, как и в истории с «Morning Advertiser».

** Это именно обстоятельство подало Неттлау повод утверждать о существовании нового, до сих пор неизвестного издания Манифеста.

Я посылаю тебе стихотворение флорентийского производства. Надеюсь, оно тебе понравится.

К сожалению, организация представляет более трудное дело, чем стихи. Она, правда, тоже подвигается, но очень медленно. Ее успехи замедляются скептическим индифферентизмом, взаимным недоверием, невежеством и неспособностью так называемых шефов, так называемой демократии, деморализованной и сбившейся с пути. В Италии должна сорганизоваться новая демократия, основанная на абсолютном праве и едином культе труда. Элементы для этого имеются – Италия кишит ими. Поэтому не следует приходить в отчаяние. Но терпение! – как тут любят говорить. И этого терпения нужно много.

Мадзини сильно ошибается, продолжая думать, что инициатива нового движения придет из Италии. Англия, Франция, быть может, Германия, если говорить только о Европе, и эта великолепная Северная Америка – вот настоящий интеллектуальный и действительный центр человечества. Остальные пойдут на буксире.

А теперь, carissimo amico, прости меня за долгое молчание, которое больше не повторится, и поцелуй почтительно от моего имени прекрасные руки твоей жены и твоей дочери.

Преданный тебе *М. Бакунин*.

P. S. – Как только я получу фотографии моей жены и свою собственную, я пошлю их Вам, но взамен я попрошу у Вас фотографию всей "святейшей семьи" (la sanctissima famiglia)»*.

Э. Бернштейн может теперь убедиться, что весь *рассказ* Маркса, «разумеется, верен». А Неттлау, Гильом, как и без всякой критики повторяющий их слова, только что открытый Мерингом «товарищ» Брупбахер, которые хотят уверить нас, что Бакунин был «человеком без задних мыслей» и что все написанное им в его письмах верно также *объективно*, – могут удостовериться, как следует быть осторожным тогда, когда из *умолчания* Бакунина хотят сделать вывод, что Маркс *лгал*. Вообще, конструировать доказательства *из умолчания* источников – очень опасный метод, не менее опасный, чем считать достоверными факты, о которых известные «источники» неоднократно *разглагольствуют*.

Подобное нарушение – по первому замечанию Меринга – «действующих до сих пор законов исторической критики» никогда не проходит безнаказанно.

После того как все до единого факты, сообщенные о Марксе Неттлау, Гильомом и «товарищем» Брупбахером, при проверке их другими несомненными фактами оказались ложными, изложение всех наших «точных» источников, согласно «действующим до сих пор законам исторической критики», является несостоятельным также и «в тех пунктах, в которых оно еще не поддается или уже не поддается проверке». Не правда ли, тов. Меринг?

В следующей главе мы покажем, что изложение «товарища» Брупбахера оказывается несостоятельным также там, где его легко мог бы проверить сам Меринг.

---

* Письмо это мной напечатано в оригинале в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung» Грюнберга.

IV

Мы видели, что в своем отчете об отношениях к Бакунину Маркс вполне точно констатирует те факты, сообщение о которых до сих пор склонны были считать если не «ложью», – как то делают анархисты, – то «lapsus memoriae» [ошибка памяти. – *Ред.*] Маркса*.

Дело обстоит как раз наоборот.

Вся конструкция, с таким трудом воздвигнутая Неттлау в его обширной биографии и недавно повторенная им в его большой статье о Бакунине в Италии**, сразу падает.

Если бы мы хотели последовать его примеру и всякий раз, когда в письмах, циркулярах или конфиденциальных сообщениях Бакунина встречается какая-нибудь ошибка или погрешность, стали бы немедленно подозревать ложь, утайку, вероломство, бедному Бакунину пришлось бы очень плохо. Покажем это на одном примере.

Мы уже упоминали, что от Бакунина остались две версии о встрече его с Марксом в Лондоне. Одна из них была опубликована уже в конце 1871 г. Но в ней ничего не говорится о том, что последовало после этой встречи. Из нее лишь видно, что в 1871 г. Бакунин был опять глубоко уверен в том, что именно Маркс и его друзья оклеветали его в 1853 г. русским шпионом***.

Гораздо подробнее говорит он об этом в своей, цитируемой у Неттлау рукописи «Мои личные отношения к Марксу» (около 1871 г.):

«В октябре 1864 г. я опять приехал в Лондон. Я получил тогда от Маркса письмо, которое еще сохраняю и в котором он запрашивал, может ли он посетить меня на следующий день. Я ответил утвердительно, и он пришел ко мне. Мы объяснились, он клятвенно уверял, что ничего не говорил и не делал против меня, а, напротив, всегда сохранял по отношению ко мне искреннюю дружбу и большое уважение. Я знал, что все сказанное им неверно, но я, действительно, уже давно простил ему это. Вообще, возобновление знакомства с ним очень интересовало меня с другой точки зрения. Я знал, что он принимал выдающееся участие в основании Интернационала. Я уже прочел Манифест, составленный им от имени Генерального Совета, Манифест, который, как все, что выходит из-под его пера, – если только это не личная полемика, – был замечателен, серьезен и глубок. С внешней стороны мы расстались лучшими друзьями; однако ответного визита я ему не нанес... Я обменялся с Марксом несколькими письмами. Потом мы потеряли друг друга из виду»****.

---

* Сюда присоединилось еще утверждение в «Neue Zeit». XIX Band, «Ein Brief Bakunins an Marx», – что это письмо (от 22 декабря 1868 г.), «насколько нам известно, единственное письмо Бакунина, имеющееся в бумагах Маркса».

** *Nettlau M.* Bakunin und die Internationale in Italien bis zum Herbst 1872 // Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Zweiter Jahrgang, 1912.

*** «Но в 1864 году, когда я опять приехал в Лондон, он (Маркс) посетил меня и заверял, что никогда не принимал ни прямого, ни косвенного участия во всех этих клеветнических выпадах, которые он назвал бесчестными. Я должен был поверить ему» (*Bakunin M.* La theorie politique de Mazzini et l'Internationale. Neuchâtel, 1871. P. 46).

**** *Nettlau M.* Ibid. P. 282.

Если бы мы хотели характеризовать ставшее нам теперь известным поведение Бакунина словами Неттлау, Гильома и открытого Мерингом «товарища» Брупбахера, то мы легко могли бы говорить о «наглой лжи», содержащейся в показаниях Бакунина, о «вероломстве» этого «человека без задних мыслей», который был способен написать Марксу такое письмо, как цитированное нами. Всякий человек бывает в своей жизни подчас вынужден говорить не всю правду, в том числе и в письмах, и никто, действительно, не обязан грубо преподносить каждому свое мнение. Но если бы Бакунин думал, что Маркс «формально и по существу лгал», то все его поведение представляло бы новую «психологическую загадку»... если бы Бакунин на самом деле не забыл к 1871 г. действительного хода событий и если бы он был действительно тем лукавым Макиавелли, каким изображает его Неттлау:

«Бакунин отлично знал, что дело необходимо идет к борьбе между авторитарным и свободным направлениями, и своей многолетней частной деятельностью он мощно подготовлял будущую победу свободного направления». Или, как Неттлау говорит в своей новой статье: «Этим объясняется, почему Бакунин, который при иных условиях приветствовал бы Интернационал с радостью, много лет стоял в стороне от него; это произошло именно потому, что Маркс, лояльности которого он никогда не доверял, горячо рекомендовал ему Интернационал, а не вопреки советам Маркса»*.

Теперь, отлично зная, что Маркс не «наклеветал» на Бакунина, Неттлау не считает нужным исправить в своем новом изложении ошибку Бакунина.

Сейчас Неттлау узнает, что, наоборот, Бакунин «лгал», упорно, всегда «утаивая» свое вступление в Интернационал и свое обещание работать для него.

В своем «Конфиденциальном сообщении» 1870 г. Маркс писал[21]:

«Русский Бакунин... вскоре после основания Интернационала имел в Лондоне свидание с Марксом. Последний принял его в Товарищество, для которого Бакунин обещал работать по мере сил. Бакунин уехал в Италию, получил там от Маркса Временные статуты и "Адрес к рабочему классу", ответил "очень восторженно", но ничего не сделал».

Достаточно сравнить этот лаконический рассказ Маркса с рассказом Бакунина, чтобы убедиться в бесспорном преимуществе сухого мышления при помощи рассудка над сочным мышлением, в котором принимает участие весь организм.

Но и Маркс о чем-то «умолчал». Возможно, что он «стыдился» еще ярче обнаружить свое «легковерие». Ведь в апреле 1865 г. он надеялся «заложить во Флоренции через Бакунина контрмины** против Мадзини». И когда продолжался спор с итальянскими делегатами в Генеральном Совете, он еще в мае 1865 г. надеялся, что Бакунин позаботится доставить других итальянцев. Прошло еще несколько месяцев, а итальянский перевод Учредительного Манифеста, якобы сданный уже в печать, все еще не появлялся.

Бакунин молчал. Конечно, по «каким-то причинам». Но, быть может, он работал для Интернационала иным образом? Нет, Генеральный Совет или, если угодно, Маркс никогда ничего не узнал об этом. Что делал он до сентября 1867 г., для нас теперь неважно. Для Интернационала он ничего не делал. Правда, в настоя-

* *Nettlau M.* Bakunin... Cap. XXXI. P. 199 и «Archiv...» P. 284.

** «Слушайте! Слушайте! – восклицает Гильом. – В этом слове весь Маркс».

щее время, много лет спустя после смерти Маркса, мы, благодаря неутомимому усердию Неттлау и появившимся в печати письмам знаем, что Бакунин «делал» в течение этих трех лет; теперь мы понимаем, почему в течение этих трех лет ни Женевский, ни Лозаннский конгрессы Интернационала не могли вызвать его из Италии. Но то обстоятельство, что Бакунин, отсутствовавший на тех конгрессах, при первом же известии о конгрессе буржуазной Лиги мира и свободы в Женеве поспешил на этот конгресс, должно было поразить даже «легковерного» Маркса, который помнил, как еще в 1864 г. Бакунин уверял его, что теперь, после неудачи польского восстания, он будет участвовать только в социалистическом движении, и повторил снова это обещание в своем письме от февраля 1865 г.

«По прошествии нескольких лет, в течение которых о нем ничего не было слышно, он появляется опять в Швейцарии, – пишет далее Маркс. – Но он примыкает не к Интернационалу, а к Лиге мира и свободы».

Маркс опять о чем-то «умалчивает». Он не хочет обнаружить перед немецкими «практиками» свое неисправимое легковерие. Ведь Бакунин был одним из немногих людей, которых «я по прошествии шестнадцати лет нашел ушедшими не назад, а вперед». Но что поделаешь с русским? Может быть, его еще удастся, несмотря ни на что, привлечь к «делу».

Маркс, только что опубликовавший «Капитал», обратился – через свою жену – к Беккеру с просьбой узнать адрес Бакунина.

«Я убеждена, – пишет госпожа Маркс, – что Вы легко узнаете его в Женеве, может быть, через Герцена. Он (Маркс) хочет послать ему книгу и написать о других делах»*.

Мы не знаем, действительно ли написал Маркс письмо. Но установлено, что он послал Бакунину «Капитал». Это подтверждает и Бакунин.

Прошли опять три месяца. Бакунин опять молчит. К этому времени относится следующее место из другого письма госпожи Маркс к Беккеру. Это письмо уже напечатано в «Neue Zeit», к сожалению, не без ошибок**.

«Не знаете ли чего-нибудь о Бакунине? Мой муж послал*** ему, как старому гегельянцу, свою книгу – от него ни ответа ни привета. Получил ли он ее?**** На русских ведь нельзя особенно полагаться; если они не держатся "царя-батюшки" в России, то держатся батюшки-*Герцена* или он их держит, а, в конце концов, это приводит к одному и тому же. Это одно и то же»[24].

Неттлау возмущается этим местом. Какой тон! Он саркастически замечает, что это письмо написано «в стиле, который со стороны образованной дамы поистине поражает». «Образованная дама», которая не соблюдает в письме всех правил хорошего тона и подчас употребляет слова, какие «благовоспитанная» английская мисс может найти «шокирующими»! Вообще, во всей исторической литературе, не исключая и придворной историографии, трудно найти историков, которые своим «хорошим тоном» могли бы поспорить с биографами Бакунина. Так, например, «товарищ» Брупбахер не хочет повторить в своей книге ругательств, которыми Утин и компания осыпали «юрцев», так как, по его словам, они «не могут быть

---

* Из напечатанного письма к И.Ф. Беккеру. Письмо написано в октябре 1867 г.[22]

** *Rüegg R.* Aus Briefen an J.P. Becker // Neue Zeit. 1888. P. 507[23].

*** В «Neue Zeit» напечатано: «schenkte» вместо «schickte».

**** В «Neue Zeit» напечатано: «hat was bekommen?» вместо «hat er's bekommen?».

воспроизведены в приличной книге». Ниже мы будем иметь еще случай познакомиться со стилистическими красотами и ругательствами «юрцев», которые обнаруживают весьма своеобразный хороший тон. «Товарищ» Брупбахер замалчивает их, чтобы таким дешевым способом сделать свою книгу более «приличной».

Но одно ясно из письма госпожи Маркс. И она, и Маркс могли объяснить себе странное молчание Бакунина только влиянием Герцена. Поведение Бакунина действительно не могло укрепить веру в надежность «русских».

Но и после этого Бакунин молчал. Теперь, однако, дела обстояли иначе, чем раньше. Деятельность Бакунина в Лиге мира и свободы не могла остаться неизвестной Марксу[25]. Даже Гильом и «товарищ» Брупбахер признают, что «иллюзии Бакунина по отношению к буржуазным демократам еще не исчезли». Кроме того, Бакунин попал теперь опять в такую среду, где серьезно принимали на веру и повторяли писания «благородного» Фогта о Марксе, где меньше сомневались в существовании «шайки поджигателей», руководимой Марксом, чем в честности принца Наполеона.

Новые иллюзии Бакунина скоро рассеялись. Сделанная по его инициативе попытка превратить Интернационал в придаток Лиги была почти единогласно отвергнута на Брюссельском конгрессе Интернационала. Это было полным поражением. Ничто не характерно так для Бакунина, как манера, с которой он в письме к Густаву Фогту защищает себя и одновременно объясняет свое поражение интригами невидимого главы «шайки поджигателей», столь хорошо известной его адресату. Ничто не помогло. На Бернском конгрессе Лиги дело дошло до разрыва с «буржуа».

Что же делает после этого Бакунин? Вместо того чтобы работать в рамках Интернационала, он основывает новое общество, которое, по-видимому, преследует ту же цель, что Интернационал, но тем не менее хочет остаться самостоятельной организацией, со своими собственными конгрессами. Новооснованный «Альянс» обратился к Генеральному Совету с просьбой принять его в Интернационал. Ответ, как известно, был отрицательный.

Мы считаем излишним разъяснять здесь Бернштейну и Мерингу, что уже с этого времени конфликт стал неизбежным. Они отлично знают, что все разглагольствования «товарища» Брупбахера о «простодушии» Бакунина и о «дезорганизаторской» деятельности Маркса представляют лишь «нелепые россказни». Не будем мы также заниматься здесь вопросом о том, *не скрывалось ли с самого начала* за официальным «Альянсом», основанным Бакуниным, тайное общество*[26]. Для нас важно только констатировать, что до сих пор мы не нашли у Маркса ни малейшего следа «склонности принимать на веру всевозможные подозрения насчет политического характера Бакунина».

Правда, наши «точные» историки и глубокомысленные психологи имеют в своем распоряжении еще один факт, который должен объяснить «личную неприязнь» Маркса к Бакунину. Маркс послал Бакунину авторский экземпляр «Капи-

* В письме в редакцию «Berliner Volks-Tribüne» по поводу статьи «Юрская федерация и М. Бакунин», Энгельс писал: «Автор, точно невинный младенец – или притворяясь таковым, – во всем верит на слово бедной оклеветанной анархистской овечке. То, о чем эти господа считали нужным не говорить, ему совершенно неизвестно; поэтому ему неизвестно и то, что скрывалось за всем спором». Гильом и Неттлау отрицают это.

тала», но не получил никакого ответа. Этого «мстительный» Маркс никогда не мог забыть Бакунину.

Хотя эти россказни еще абсурднее, чем порицаемые Рингом россказни «товарища» Брупбахера, тем не менее даже это «психологическое объяснение», столь характерное для всего уровня бакунистской литературы, было воспринято... Бернштейном и Рингом.

«Правда, Маркс через дружественно расположенного к нему Иоганна Филиппа Беккера послал Бакунину в Женеву экземпляр "Капитала", но его недоверие к Бакунину тем более укрепилось, что последний – как он утверждает, по забывчивости – не написал Марксу ни одной строчки об этой книге»*.

Меринг также нисколько не сомневается в том, что Маркса это должно было очень рассердить: «Но Бакунин, как он сам показывает», – о показаниях Маркса Меринг забывает, – «не ответил на визит, а также ничего не написал, когда Маркс в 1867 г. послал ему в Швейцарию авторский экземпляр "Капитала"».

А Маркс, как «показывает сам» Бакунин, был «мстителен, как его бог Иегова». «Но, – пишет далее Меринг, защищая Бакунина, – хотя последний ни одним словом не уведомил о получении книги, спустя год, в декабре 1868 года, он подробно написал Марксу».

Что же Бакунин написал?

Меринг, надеемся, не посетует на нас, если мы будем цитировать письмо Бакунина несколько подробнее, чем он это делает, ибо в его передаче оно не совсем понятно[27]:

«Серно сообщил мне ту часть твоего письма, которая относится ко мне. Ты спрашиваешь его, продолжаю ли я оставаться твоим другом. Да, более, чем когда-либо, дорогой Маркс, ибо лучше, чем когда-либо прежде, я понимаю теперь, как был ты прав, выбрав, – и нас приглашая за тобой следовать, – большую дорогу экономической революции и осмеивая тех из нас, которые блуждали по тропинкам национальных или чисто политических предприятий. Я делаю теперь то дело, которое ты начал более двадцати лет назад. Со времени торжественного и публичного прости, которое я сказал буржуа на Бернском конгрессе, я не знаю теперь другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. – Моим отечеством будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Ты видишь, следовательно, дорогой друг, что я – твой ученик, и я горжусь этим. – Вот все, что я считаю необходимым сказать, чтобы объяснить тебе мои личные чувства и отношения»**.

Продолжение читатель может найти в «Neue Zeit». Далее Бакунин пишет об отвергаемом Марксом «уравнении классов» и, как бы желая ответить на подозрение, высказанное в письме госпожи Маркс к Беккеру, – подозрение, что он опять солидарен с Герценом, – он уверяет Маркса, что теперь между Герценом и им прерваны даже личные отношения***.

---

* См.: *Bernstein*. Marx und Bakunin // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Band XXX. P. 15.

** «Neue Zeit». Band XIX. P. 6.

*** Беккер, дружественно расположенный тогда к Бакунину, вероятно, сообщил ему содержание письма госпожи Маркс, а также ее вопрос, получил ли он «Капитал».

На это письмо Бакунин не получил никакого ответа. Почему? Мы не считаем нужным заниматься психологией. Но достаточно сравнить письмо от февраля 1865 г. с письмом от декабря 1868 г., достаточно вспомнить, что еще до последнего письма Маркс имел в своих руках программу «Альянса», содержавшую то самое требование уравнения классов, формулировка которого, как пишет Бакунин в первом письме, была навязана ему и его друзьям, в предложенной ими лиге революции, глупостью буржуазной публики. Это писал тот же Бакунин, который заявлял, что отныне он не будет знать другого общества, кроме мира рабочих! И этому миру рабочих он хотел теперь преподнести в статутах «Альянса» как новую истину то самое требование, которое, по его же словам, было навязано ему глупостью буржуазной публики!

Вспомнив это, можно легко понять Маркса, не делая из него мстительного злодея.

Меринг ищет объяснения в «социологическом факторе», который, правда, не объясняет истории народов и классов, но играет роль во многих «историях» отдельных индивидуумов, а именно в нашептываниях. В одном отношении Меринг, однако, отличается от Гильома и Неттлау. Последние видели до сих пор в Марксе «ябедника», нашептывающего Гессу, Боркхейму, Либкнехту, Бебелю все те клеветы, которыми они осыпали бедного Бакунина; Меринг же открывает теперь дьявольского «ябедника», который так сильно восстановил Маркса против Бакунина, проникнутого глубоким дружеским чувством. – Кто же был этим гением клеветы, который провел «хитрого и холодного», – ведь Штибер пользовался своим психологическим зондом не хуже «товарища» Брупбахера – Маркса, как одряхлевшего, слабоумного Полония? – Об этом пусть расскажет нам сам Меринг:

«Нет ни малейшего основания предполагать, – пишет Меринг, – что Бакунин был в этом письме неискренен и хотел обмануть Маркса. Если он обманывал кого-нибудь, то только самого себя. Но Маркс отнесся к письму не без недоверия. Мы можем оставить здесь в стороне вопрос о том, насколько играли при этом роль личные нашептывания; что они играли роль, этого, к сожалению, нельзя отрицать. Главным виновником этого был некий Утин – Брупбахер называет его сыном водочного откупщика, – который по каким-то личным причинам ненавидел Бакунина и преследовал его ядовитыми клеветами».

«Согласно действующим до сих пор законам исторической критики»... всякое изложение оказывается несостоятельным во всех пунктах, где его утверждения основываются лишь на вопиющем анахронизме или обнаруживают слепое доверие к «нелепым россказням».

Если даже Утин был очень плох* и Маркс доверял ему не меньше, чем Меринг – «товарищу» Брупбахеру, тем не менее вся эта страшная история, которая должна объяснять недоверие Маркса уже в декабре 1868 г., ни на чем не основана. Мы сошлемся не на «какие-то причины», а на одну очень простую причину: *Маркс не имел тогда об Утине ни малейшего представления.* Как мало влияния мог Утин оказывать на Маркса и Энгельса еще в 1870 г., показывает следующее место из одного письма Энгельса к Марксу. Последнее должно быть хорошо из-

* «Приличие» не мешает Брупбахеру подчеркивать, что Утин был рантье-еврей. Для этого «товарища» крещение так же мало значит, как для русских погромщиков, требующих, чтобы даже дети крещеных евреев не уравнивались в правах с христианами. «Товарищу» Брупбахеру мало того, что Утин пользовался благами христианства с первого дня своего рождения!

вестно Мерингу, как и другие места из переписки Маркса с Энгельсом, которые также – даже без найденного мною письма Бакунина к Марксу – достаточно выясняют, как осторожно надо относиться к «собственным показаниям» Бакунина. Еще бо́льшая осторожность требуется, когда имеешь дело с «точным» историком вроде «товарища» Брупбахера. Энгельс писал[28]:

«Святая Русь будет ежегодно выплевывать некоторое число этих "безработных" русских; под предлогом principe international они повсюду будут втираться в среду рабочих, они будут добиваться роли вожаков, они внесут в секции неизбежные у русских личные интриги и дрязги, и тогда Генеральному Совету придется с этим достаточно возиться. Мне сейчас же бросилось в глаза, что Утин сумел уже создать себе положение у женевцев. И эти русские еще жалуются, что у них дома все места заняты немцами!»

Так писал Энгельс 29 апреля 1870 г. после того, как он узнал от Маркса, что Утин и его друзья, разорвав с Бакуниным, основали Русскую секцию Интернационала и просили Маркса быть ее представителем в Генеральном Совете. Письмо, написанное тогда (12 марта 1870 г.) Утиным по этому поводу, было вообще первым письмом, которое он послал Марксу[29].

Бакунин «сам показывает», что Утин начал свою клеветническую кампанию *лишь после октября 1869 г.* Что же касается разногласий между Бакуниным и Утиным, то даже Неттлау пишет, что они «не имели никакого отношения к Марксу и Интернационалу, а объяснялись личной... антипатией».

Вся эта психологическая и хронологическая неразбериха взята Мерингом из «полезного и заслуженного труда» открытого им «товарища» Брупбахера, хотя в качестве одного из редакторов переписки Маркса с Энгельсом он, наверное, уже усердно читал эту переписку.

«Утин приехал в Женеву с прямым намерением выступить против Бакунина и собрать для Маркса материал, которым последний мог бы воспользоваться против Бакунина» (Брупбахер, с. 71).

Откуда Утин приехал? Из Лондона? В 1867 г., или в 1868 г., или в 1869 г.? Все эти вопросы остаются без ответа. Брупбахер лишь знает досконально – его психологический зонд не имеет никаких хронологических границ и географических расстояний, – что Маркс «прямо поручил Утину помочь ему в собирании материалов для *уничтожения* Бакунина». И Меринг, убежденный, что «товарищ» Брупбахер «в сущности доказал свои положения, хотя о некоторых частностях с ним можно спорить», дополняет эту историю об «уничтожении» Бакунина из «каких-то» источников, которых он, к сожалению, не называет и которые до сих пор всем историкам остаются неизвестными.

Пример «товарища» Брупбахера оказался заразительным. Если «товарищ» Брупбахер открыл, что Маркс «по каким-то причинам» уклонялся от теоретической дискуссии со страшным Бакуниным, который мыслил всем своим организмом, то Меринг открывает теперь, что Утин «по каким-то причинам» преследовал клеветами безобидного Бакунина.

Во имя науки, во имя исторической критики сообщите нам наконец все эти таинственные причины!

V

Но у Меринга имеются еще «какие-то» другие обвинения против Маркса. Правда, он сам вынужден признать, что, несмотря на все нашептывания злокоз-

ненного Утина, якобы ославившего Бакунина подкупленным агентом царизма, Маркс «никогда не верил этим обвинениям», хотя «не возражал, когда они распространялись столь близкими ему политиками, как Боркхейм и Либкнехт».

Мы не намерены спорить с Мерингом о том, насколько «близок» был Боркхейм Марксу в качестве политика и насколько можно возлагать на Маркса ответственность за все статьи Боркхейма и поступки Либкнехта. Ведь именно Меринг доказал, что Маркса никоим образом нельзя считать ответственным за все то, что Либкнехт делал в 1866–1870 гг.

Мы не будем доказывать всю смехотворность обвинения, требующую от Маркса, чтобы он, немедленно же после появления каждой из бесчисленных статей, в которых его ложно истолковывали или от его имени «позволяли себе безобразия», писал в соответствующую редакцию опровержение. Ниже мы увидим, что и в этом отношении Маркс делал больше, чем это было в человеческих силах, хотя ко времени Интернационала положение было совсем другим, чем в пятидесятых годах, когда, по словам самого же Меринга, Маркс рыцарски защищал Бакунина в английской прессе против подозрения, что он царский агент. Теперь Бакунин уже не томился в русских тюрьмах, он был на свободе; что он не был слабым, беззащитным существом, видно из его ответа пресловутому Марксу – не Карлу Марксу, а Френсису Марксу, – когда последний, сейчас же за возвращением Бакунина из Сибири, поднял старое обвинение: Бакунин немедленно заявил в другой английской «небольшой газете», что на подобные обвинения отвечают «не с пером в руке, а рукою без пера». Более того. У Бакунина было много гораздо более интимных друзей, чем Маркс, и все же, когда Боркхейм летом 1865 г. якобы назвал Бакунина в одной буржуазной газете русским агентом, *никто из них* не счел нужным выступить в его защиту. Далее, мы увидим, почему они действовали так «подло».

Несмотря на сказанное, мы можем все-таки стать на ригористическую точку зрения анархистов и Меринга. Предположим, что если бы Бакунин и в шестидесятых годах действительно подвергался обвинению, что он подкупленный агент русского царизма, Маркс был бы нравственно обязан немедленно сделать то, чего не сделали самые интимные друзья русского революционера. Но, при всем уважении к ригоризму анархистов «товарища» Брупбахера и Меринга, мы не забываем того, что, кроме «законов этики», существуют «действующие еще до сих пор законы исторической критики». Поистине не надо страдать болезнью «марксовых попов» – открыто сознаемся, что мы не так застрахованы от опасности этой заразы, как Меринг, – чтобы спросить: верно ли, что Боркхейм и Либкнехт повсюду распространяли, что Бакунин – русский агент и что Маркс не опровергал этого? Кто утверждает это? На каких фактах, сообщениях, статьях основывается это обвинение? Были ли все подобные предположения сопоставлены с фактами, как то требуется «действующими до сих пор законами исторической критики»?

Теперь дело принимает скверный для Маркса оборот. Ведь речь идет о фактах, касающихся Либкнехта, Бебеля и германской социал-демократии. Тем хуже для Маркса, что Эйснер – талантливый биограф «Солдата революции», Меринг – автор классической истории германской социал-демократии, основанной на несравненном знании всей соответствующей литературы, Бернштейн – автор подробной «Истории рабочего движения в Берлине» и биографии Игнаца Ауэра[30], – что все эти товарищи не только не опровергают, но даже подтверждают эту страшную историю, оскорбляющую тонкое нравственное чувство не одного только «товари-

ща» Брупбахера. Даже слепой почитатель Маркса мог бы прийти к заключению, что, как говорит автор «заслуженного и полезного труда» о Бакунине и Марксе, «на всем земном шаре не найдется ни одного человека, кроме нескольких фанатиков», который не признал бы поведения Маркса «позорным пятном на его характере, пятном, которое никогда не будет смыто и в лучшем случае сможет быть объяснено психологически».

Правда, Меринг в качестве старого ментора проливает немного елея на возмущенное серьезное нравственное чувство нового швейцарского ригориста:

«Так уже всегда ведется в нашем несовершенном мире, что революции никогда не делаются при помощи розового масла. Не думайте только, что всякий, кто не является "образцом катоновской строгости нравов", уже заслуживает подозрения, что он отъявленный негодяй. Осторожнее, товарищ Брупбахер!»

Возможно, что с годами «товарищ» Брупбахер также смягчит свою строгость к бедному Марксу. Но теперь он может с полным правом ссылаться на то, что не только «виднейший представитель германской социал-демократии», как Бернштейн, но и самый выдающийся, талантливый и блестящий ее историк признали правильными все факты, «усердно и тщательно» списанные им из «самой точной» истории Интернационала!

Мне жаль, что я должен несколько испортить эту радость. Вопреки Мерингу, Бернштейну и Эйснеру, я покажу, что и эти истории, при первом же сопоставлении их с реальными фактами, рассеиваются как дым, что в лучшем случае их можно объяснить с психиатрической точки зрения как результат невменяемости, вызванной манией преследования, – как результат полнейшей неспособности передать самые простые факты не то что «объективно» – это невозможно, – но хотя бы приблизительно верно. Но мы должны просить читателя запастись небольшим терпением. Мы имеем теперь против себя не только авторитет несведущего компилятора, но и авторитет Меринга. Поэтому мы должны строить наши доказательства с «немецкой основательностью». Меринг не откажется признать, что «реабилитация» Бебеля, Либкнехта, Маркса или Энгельса не менее важна, чем «реабилитация» Швейцера. Этот эпизод заслуживает подробного анализа и по другой причине: он представляет настоящий исходный пункт «личной» борьбы между бедной овечкой – Бакуниным и его безобидным стадом, с одной стороны, и Вельзевулом-Марксом и его шайкой поджигателей – с другой. Именно поэтому наиболее добросовестный из биографов Бакунина – Неттлау – говорит о «начале интриг Маркса» только в связи с этой историей.

VI

Что же, собственно, преступного распространяли Либкнехт и Бебель и что Маркс оставлял без опровержения?

Послушаем первого свидетеля, «товарища» Брупбахера:

«Вообще незадолго до (Базельского. – *Д. Р.*) конгресса распространились опять слухи, что Бакунин – полицейский шпион. По-видимому, уже в это время в определенных кругах Бакуниным были не совсем довольны. Бакунин узнал, что его подозревают в том, что он полицейский шпион. Либкнехт в кругу друзей, в полупубличном собрании, сказал, что Бакунин, несомненно, очень опасный агент русского правительства и что он, Либкнехт, имеет в своих руках все доказатель-

ства этого; основанием "Альянса" Бакунин хочет разрушить Интернационал; он лукав и дипломатичен, как все русские, благодаря чему ему удалось обмануть старого Филиппа Беккера. Кроме того, Либкнехт утверждал, что русское правительство содействовало бегству Бакунина из Сибири. Бебель тоже написал Беккеру, что Бакунин, вероятно, полицейский шпион и, вероятно, действует заодно со Швейцером, агентом Бисмарка. Бакунин, считая Либкнехта автором клеветнических слухов, потребовал от него предъявления доказательств на Базельском конгрессе. В Базеле был устроен по этому поводу суд чести, который решил: *Либкнехт действовал с преступным легкомыслием, распространяя подобные клеветы на основании статьи буржуазной газеты.* Это решение было выдано Бакунину в письменной форме, Либкнехт протянул ему руку. Бакунин сжег это решение в присутствии всего суда. Вскоре после этой истории Либкнехт напечатал в своей газете ту же клевету».

Так пишет автор «полезного и заслуженного труда», изданного «мюнхенским партийным издательством, за что – следует прибавить – оно *заслуживает признательности*»*. Мы знаем, что в глазах Меринга Либкнехт и Бебель весьма подозрительны. Считали же они «полицейским шпионом» Швейцера, почему им не считать шпионом русского Бакунина? Возможно, что по этой причине он находит излишним сверять это обвинение с фактами. Тем более что вся эта история уже подтверждена Бернштейном, вычитавшим ее из книги, на которую «товарищ» Брупбахер «опирается в первую голову».

Бернштейн рассказывал эту историю еще в 1908 и в 1910 гг., в первый раз русским читателям, во второй раз – немецким.

«Взаимное недоверие все более усиливалось. Вильгельм Либкнехт в Лейпциге, которого считали тогда *рупором* Маркса, заявлял в то время различным лицам, что он имеет в своих руках доказательства того, что Бакунин – агент русского правительства. На Базельском конгрессе суд чести, которого потребовал Бакунин и перед которым предстали Бакунин и Либкнехт, решил, по словам Бакунина, единогласно, что факты, на которые Либкнехт ссылался, не оправдывали никаких подозрений, и Либкнехт отказался в Базеле от своего обвинения. Но так как (!!) он был по-прежнему (?!?) убежден в правильности своего обвинения, то он уклонился от публичного извинения перед Бакуниным. С.Л. Борххейм также вел подобную же обвинительную кампанию против Бакунина в демократической газете "Zukunft" и в "Volksstaat", редактируемом Либкнехтом органе недавно основанной социал-демократической рабочей партии эйзенахского направления»**.

Отнюдь не надо быть пригористом и приверженцем кантовой этики, чтобы удивиться тому невозмутимому спокойствию, с которым Бернштейн рассказывает о возмутительных фактах, не сопровождая рассказа ни одним словом негодования. Либкнехт объявляет Бакунина шпионом, вследствие угроз Бакунина отказывается в Базеле от своего обвинения, но «так как он был по-прежнему убежден в правильности своего обвинения», то начинает ту же кампанию сначала!

---

* В этом пункте мы согласны с Мерингом. Мюнхенское партийное издательство раз навсегда покончило с анархистской легендой, гласящей, что германская социал-демократия нетерпима. Пусть укажут нам хоть одно анархистское издательство во всем мире, которое с такой готовностью издало бы книгу, содержащую самую низкую клевету против лучших умов анархизма.

** Bernstein, I, p. 20, 21.

Нет! Что касается нас, то при виде такого «падения» мы должны повторить слова, сказанные Бернштейном в той же статье о Марксе и Бакунине: «С чисто человеческой точки зрения, Бакунин выступает в этой борьбе в гораздо более благоприятном свете, чем его противник».

Мы вполне понимаем Гильома, который, рассказав в 1873 г. эту историю вероломства и трусости, написал следующие слова, где сильное моральное возмущение этим неслыханным моральным падением обрушивается, точно гром, на голову трусливого «солдата революции»:

«Неужели Либкнехт действовал бы с таким же вероломством в том случае, если бы он был господином своей воли и своих чувств? Это невозможно. Единственно возможная причина, единственно возможное объяснение заключается в том, что, по возвращении Либкнехта в Лейпциг диктатор убедил его в том, что его поведение в Базеле и его обещание Бакунину – сентиментальная слабость, и запретил ему сдержать свое обещание».

Если принять во внимание, что эти громовые раскаты исходят от, как говорит «товарищ» Брупбахер, «замечательно чистого человека, который по ошибке попал в политику», от человека, который «ни в ком, с кем он ни говорил, не предполагал ни малейшего следа низких инстинктов», – то нам поистине становится страшно за Маркса, Энгельса, Либкнехта и Бебеля.

Сдержим, однако, на минуту наше моральное негодование. Допустим, что Гильом – «замечательно чистый человек», что Бакунин – «человек без задних мыслей», и, как всегда, предположим, что оба они рассказывают субъективно чистейшую правду. Но ведь и самая невинная овечка, с каким бы нравственным возмущением она ни блеяла, не всегда дает шерсть безукоризненного качества.

Меринг опирается, в первую голову, на «товарища» Брупбахера, который, со своей стороны, опирается, в первую голову, на Гильома и, во-вторых, на Бернштейна; последний, в свою очередь, опирается, в первую голову, на Гильома и, во-вторых, на Неттлау. Но в последнем счете все они опираются на Бакунина. Хотя Гильом был делегатом на Базельском конгрессе, но и он опирается в первом и последнем счете на Бакунина. То, что он сам добавляет, относится к событиям, происходившим после конгресса. К сожалению, мы не имеем ни одного слова от Либкнехта, Бебеля и Беккера, которое могло бы объяснить нам эту историю. Мы вынуждены поэтому анализировать ее при помощи показаний одной только стороны.

Итак, послушаем Бакунина. Уже Неттлау в своей большой биографии Бакунина напечатал письмо его к Беккеру, где он обвиняет Либкнехта и Бебеля. Это – то же самое письмо, которое Гильом напечатал впоследствии во французском переводе в своей «Истории Интернационала» и которое, по-видимому, произвело на Бернштейна сильное впечатление. Неттлау имел в своем распоряжении копию этого письма. Мы воспроизводим письмо по оригиналу, найденному нами в бумагах Беккера[31]:

«14 августа 1869 года. Женева,
123. Montbrillant

Мой дорогой Беккер. Наш друг Вертгейм сказал мне, и еще вчера вечером подтвердил в твоем присутствии, что господину Либкнехту, немецкому социал-демократу и честному человеку, угодно самым низким образом клеветать на меня. Он публично, в присутствии Вертгейма, утверждал:

1) что я русский агент; он якобы имеет неопровержимые доказательства этого;

2) что русское правительство благоприятствовало моему бегству из Сибири;

3) что основанием Альянса я со злым умыслом вбил клин в Международное Товарищество Рабочих;

4) что *одряхлевший* Беккер дал лукавому Бакунину себя провести.

Я опускаю прочие *мелочи*, из которых каждая, однако, заслуживает пощечины.

С другой стороны, тот же друг Вертгейм показал мне обращенное к тебе письмо господина Бебеля, где господин Бебель ясно высказывает предположение, что я, *вероятно*, агент России и, *вероятно*, действую заодно с господином Ю. Швейцером как агентом Бисмарка[32].

Я имею, конечно, полное право привлечь к ответу и господина Бебеля, ибо ни один честный человек не должен позволять себе легкомысленным образом, по одним только слухам, распространять позорящие вещи о другом человеке, ему совершенно незнакомом. Но так как я имею основание предполагать, что духовным отцом всех этих низостей является также совершенно незнакомый мне господин Либкнехт, то на этот раз я хочу ограничиться им.

Я прошу тебя, дорогой Беккер, как друга и партийного товарища, я требую от тебя, как от брата нашего Альянса, в основании которого ты принимал столь живое участие, чтобы ты заявил от моего имени господину Либкнехту, что я вправе, по крайней мере, ожидать от него, что если он почему-нибудь находит удовольствие в том, чтобы оклеветать другого, то он должен иметь также мужество отвечать за это и что прежде всего всякий обязан подтвердить свои слова достоверными доказательствами.

Теперь я даю ему месяц сроку, чтобы собрать против меня все возможные доказательства. На Базельском конгрессе он либо должен будет публично доказать мою низость, либо же я, в присутствии всех, объявлю его бесчестным каналье́й или, выражаясь по-немецки, низким негодяем.

Твой друг *М. Бакунин*.

NB. Я настаиваю, дорогой друг, чтобы это письмо было сообщено не только господам Либкнехту и Бебелю, но и всем участникам Эйзенахского конгресса и, по возможности, было прочитано в публичном заседании конгресса».

Копия, напечатанная у Неттлау, сходится с подлинником слово в слово; французский перевод, сделанный Гильомом, отличается буквальной точностью, свойственной лишь старым профессорам филологии. В этом отношении оба наших историка заслуживают величайшей похвалы с точки зрения «всех действующих до сих пор законов исторической критики».

Но всякий документ, при всей своей подлинности, имеет, кроме филологической оболочки, также и содержание, и точность его передачи нисколько не гарантирует правильности сообщаемых им фактов.

Мы не намерены заниматься психологией. Выше мы уже видели, что Бакунин имел очень «слабую память», что он не замечал вопиющих противоречий в письме. И в настоящем письме он негодует, что Либкнехт оклеветал его «по одним только слухам», и не замечает, что и он сам «по одним только слухам» готов назвать Либкнехта «низким негодяем». Его единственный источник – это рассказ

Верттейма. А насколько Верттейм был неиадежным свидетелем*, он узнал в тот же самый день.

Мы не знаем, что происходило раньше, какие переговоры имел Бакунин со старым Беккером – с «одряхлевшим Беккером», как Бакунин, с особенной деликатностью и, конечно, без всяких задних мыслей, счел нужным сообщить ему, «по одним только слухам». Старый щеточник Беккер, хоть и настоящий немец**, имел с Бакуниным не только то общее, что и его «ревность пропагандиста подчас увлекала за пределы здравого смысла». Подобно Бакунину, он носил «дьявола в своем теле» и, кроме того, доказал гораздо основательнее, чем Бакунин, что он одинаково готов манипулировать как рукой без пера, так и с пером в руке. Вероятно также, что оба старика – физически они не уступали друг другу – долго спорили и препирались. Очень вероятно также, что «папаша Беккер» – быть может, благодаря тому, что он мыслил только здравым рассудком, – указывал Бакунину на удивительное противоречие в его письме, не замеченное Бернштейном в 1908 г. Либкнехт якобы категорически объявил Бакунина *заведомым* агентом России, чему он имел в своих руках все доказательства. Каким же образом мог тот же Либкнехт быть «духовным отцом» «клеветнических выпадов» Бебеля, которые, ведь говорили лишь о «вероятном» агенте?***

Как бы то ни было, Бакунин был вынужден написать новое письмо. Последнее датировано «Le 5 Août 1869», т. е. следующим днем.

Здесь излишне перепечатывать его. Оно идентично с первым почти во всех частях, за одним только исключением. *Все, касающееся Бебеля, в этом письме опущено*****. Это письмо, как и первая версия, написано на случай возможного «публичного» оглашения, но не в том смысле, как понимает это слово Бакунин в первом письме. Там он отождествляет «публичность» с «присутствием Верттейма». Даже «товарищ» Брупбахер чувствует это и осторожно говорит: Либкнехт обвинял Бакунина в кругу друзей, на «полупубличном собрании», которое, конечно, происходило «где-то и когда-то». К сожалению, даже Неттлау не «указал» до сих пор протокола этого собрания, не говоря уже о его месте и времени. Бернштейн превратил друзей в «различных лиц», а Меринг смело пишет: Либкнехт *распространял*! На этот раз «товарищу» Брупбахеру с его психологическим зондом больше повезло.

Исполнил ли Беккер желание Бакунина? Мы не знаем этого, но очень вероятно, что он не показал письма Либкнехту. Публично оно в Эйзенахе не было прочитано.

---

* К письму Бакунина к Беккеру было приложено письмо Верттейма, датированное также 4 августа 1869 г.

** «Маркс был великим психологом западных европейцев; лучше всего знал он немцев своего времени, а последние не представляли для революционера ничего утешительного». Таково одно из тонких психологических замечаний «товарища» Брупбахера. К сожалению, мы не знаем, показалось ли оно Мерингу столь же «поучительным», как и другие столь же глубокие и тонкие «открытия» нового психолога.

*** К другим вероятным предположениям я еще вернусь ниже. Пока необходимо отметить, что до сих пор я нашел только одно письмо Бебеля к Беккеру шестидесятых годов.

**** Начиная со слов «с другой стороны, тот же друг» и кончая словами «ограничиться им». Остальные различия представляют лишь стилистические изменения, не имеющие никакого значения.

Нельзя было оказать Бакунину лучшей услуги.

Либкнехт был избран делегатом на Базельский конгресс, и через несколько недель ему предстояло лично встретиться с Бакуниным в Базеле.

Итак, сам Бакунин перестал считать Бебеля «клеветником». В дальнейшем его имя уже не упоминается.

Мы надеемся, что в новом издании своего большого труда Неттлау откажется от своих любезных замечаний о Бебеле, сделанных им по этому поводу. Вряд ли можем мы ожидать того же от Гильома и от «товарища» Брупбахера.

Перейдем теперь к «реабилитации» Либкнехта.

VII

Базельский конгресс происходил, как известно, с 5 по 11 сентября 1869 г. К этому времени относится суд чести по делу Бакунина – Либкнехта. Но с самого начала мы должны отметить одно новое недоразумение, жертвой которого сделался Бернштейн.

Суд чести, о котором он говорит, был не судом чести *Базельского конгресса*, а просто судом чести в *Базеле*. Это не придирка к словам. Далекому от практической жизни ученому вроде Неттлау позволительно смешивать обе эти вещи, но всякий политик, который хоть немного разбирается и в организационных вопросах, легко поймет важность этого различия. Поэтому Гильом никогда не говорит о суде чести Базельского конгресса, и «товарищ» Брупбахер, списывающий у Гильома, говорит на этот раз вполне правильно: «суд чести в Базеле». Этим объясняется, почему мы не находим в подробном протоколе конгресса ни одного слова об этом суде чести.

Вся эта история известна нам исключительно со слов самого Бакунина. На него опирался Гильом, впервые опубликовавший ее в 1873 г. Либкнехт сидел тогда в тюрьме. Гильом, подобно Неттлау, не находил достаточно резких слов для порицания поведения Маркса в 1853 г., когда он якобы бесстыдно поднял против Бакунина тяжелые обвинения, хотя тот сидел в тюрьме. Гильом, конечно, не поступил бы таким же образом по отношению к Либкнехту, если бы не имел в своих руках всех доказательств против него.

В 1904 г. Гильом рассказывает ту же историю, сопровождая ее столь же сильным моральным негодованием. Но на этот раз он излагает ее с одним существенным изменением, которое еще усугубляет моральную неразборчивость «солдата революции».

В 1873 г. Гильом сообщал, что Либкнехт якобы не напечатал статьи Бакунина, а немедленно после этого напечатал вместо нее корреспонденции из Парижа М. Гесса, в которых были повторены те же клеветы, объявленные судом чести бесчестными. В 1904 г. Гильом рассказывает, что Либкнехт был так вероломен, что скрыл от своих читателей решение суда чести. Конечно, он это сделал «по каким-то причинам».

Согласно «действующим до сих пор законам исторической критики», из двух показаний одного и того же свидетеля об одном и том же событии то показание, которое сделано через четыре года после события, является «более правдоподобным», чем другое, сделанное спустя 35 лет. Само собой разумеется, – caeteris

paribus [при прочих равных условиях (*лат.*). - *Ред.*]*. Если свидетель изменил за это время свои взгляды, было бы в высшей степени несправедливо уличать его на основании его прежних показаний. Но в данном случае это не имеет места. В 1904 г. Гильом так же страстно ненавидит Маркса и Энгельса, как и в 1873 г. Кроме того, его главный источник остался тем же самым.

Этим источником является по-прежнему одно только показание Бакунина. К счастью, мы имеем теперь, благодаря неутомимому усердию Неттлау, аутентический рассказ самого Бакунина.

Рассказ этот, очень подробный, имеет большое преимущество уже потому, что написан в первой половине октября 1869 г., т. е. спустя один месяц после Базельского конгресса.

2 октября 1869 г. во французской газете «Réveil», редактировавшейся Делеклюзом, впоследствии участником Коммуны**, появилась статья М. Гесса «Коммунисты и коллективисты на Базельском конгрессе», направленная против Бакунина и Швейцера.

Вне себя от ярости, Бакунин написал в редакцию длинное письмо... о махинациях евреев вообще и немецких евреев в частности:

«Я отлично знаю, что, открыто высказывая свои интимные мысли о евреях, я подвергаюсь величайшим опасностям. Многие разделяют мое мнение, но немногие достаточно смелы для того, чтобы публично высказывать его, ибо секта гораздо более опасная, чем секта католических и протестантских иезуитов, представляет ныне в Европе настоящую державу.

Она деспотически господствует в торговле и банковском деле, она командует тремя четвертями немецкой журналистики и очень значительной частью журналистики других стран. Горе тому, кто имеет несчастье не угодить ей».

Но Бакунин так смел, что выступает и против этой державы. Правда, он делает исключение для Иисуса, для апостола Павла и еще для двух еврейских гигантов (juife géants), Маркса и Лассаля. Но тем хуже достается еврейским пигмеям (juifs pigmées) Гессу и Борккейму. Он снова рассказывает историю с клеветническими обвинениями в английских газетах – о «Новой Рейнской газете» он не говорит здесь ни слова*** – и уверяет редакцию, что во всем виноваты немецкие евреи. Он идет еще дальше. Им же приписывает он также то, что и во время его пребывания в Италии его изображали шпионом и фальшивомонетчиком. *«Его друзья верили и верят еще, что все эти клеветники подкуплены русской дипломатией. В этом нет ничего невозможного».* Однако он настолько милостив, что не предпо-

---

* «Товарищ» Брупбахер усмотрит в этом недостаток. «Маркс изолировал абстрагированные (!) элементы жизни и говорил: "caeteris paribus"». Это одно из тех многочисленных замечаний, которые, по уверению Меринга, «всегда поучительны».

** « Он (Делеклюз) жил только для одной правды; она была его талантом, его наукой, путеводной звездой его жизни. Ее он призывал, ее он исповедовал 30 лет, во время изгнания, тюрем, оскорблений, с презрением встречая преследования, которые разбили его тело. Его наградой было умереть за нее свободным, под прощальными лучами солнца, вовремя, не оскорбленным в последнюю минуту видом палача» (Лиссагаре. История Коммуны 1871 года. Русский пер., изд. Глаголева. С. 296–297)[39].

*** Мы подчеркиваем это еще раз. Бакунин никогда – даже в минуты сильнейшего озлобления – не прибегал к этой истории, которую давно считал ликвидированной. *Он предоставил это своим «глупым друзьям».*

лагает того же о Боркхейме и Гессе. «Их инспирируют только их вероломство и глупость, voilà tout!»

Письмо продолжается дальше в том же «стиле, который со стороны образованного человека поистине поражает», как сказала бы благовоспитанная мисс или даже «ограниченный марксист», если бы он отличался хорошим тоном «товарища» Брупбахера*.

Но я чувствую, что Мерингa начинает охватывать – и вполне справедливо – нетерпение.

«Какое отношение имеет ко всему этому Маркс! На каком основании можно возлагать на него ответственность за статью Гесса во французской газете? Разве эти господа не имеют никакого представления об отношениях между ними? Разве они никогда не читали "Социал-демократа", издававшегося в шестидесятых годах одним из наиболее талантливых немецких журналистов – Швейцером? Разве они не знают, что Гесс сохранил верность этому человеку еще тогда, когда все остальные – не только переметная сума[24] вроде Рейше, но и Маркс, Энгельс, Гервег, Иоганн Филипп Беккер – давно уже от него отступились? Разве они не знают, что в своих корреспонденциях из Парижа Гесс нападал всегда на Интернационал и особенно на Маркса? Разве они не знают, что Гесс порвал со Швейцером только в конце 1868 г.? На каком же основании они изображают Гесса верным учеником Маркса, пишущим свои статьи по его приказам из Лондона или представляющим их ему до напечатания? Это нелепые россказни!»

Нам понятно негодование Мерингa, этого, несомненно, лучшего знатока «Социал-демократа» Швейцера. Но, в оправдание Гильома, Нетглау и автора «прилежного и тщательного труда» – «товарища» Брупбахера, мы должны указать на смягчающие вину обстоятельства: подобно младенцам, они не ведают, что говорят, или говорят только то, что им известно. Конечно, это происходит «по каким-то причинам»!

Как бы то ни было, но Герцен, которому Бакунин прислал свое письмо, был немало поражен – хотя достаточно знал Бакунина, – прочитав это его новейшее, «лучшее» произведение. Он категорически отказался передать письмо в этой форме в редакцию «*Réveil*». Во-первых, он никак не мог понять, какое отношение имеет еврейский вопрос ко всей этой истории. (Нетглау, быть может, объяснит это: Герцен-де был вульгарным филосемитом.) Во-вторых, он был тогда еще твердо убежден в том, что Маркс – духовный отец всего этого зла, а Гесс – его послушное орудие, – ему казалось странным, что Бакунин оставляет в покое главного виновника, этого еврейского гиганта, и нападает лишь на еврейских пигмеев, играющих роль стрелочников.

Нам очень жаль, что мы не можем воспроизвести здесь полностью ответ Бакунина и должны ограничиться отдельными выдержками из него. Мы только просим читателя запомнить, что он был написан *28 октября 1869 года*.

«Насчет Маркса вот мой ответ: я знаю так же хорошо, как и ты, что Маркс точно так же виноват против нас, как и все другие, и даже – что он был зачинщиком и подстрекателем всех гадостей, взводимых на нас».

---

* Старик Гильом восхищается этим письмом. Бакунин «рассердился – на что имел полное право – и взялся за перо, чтобы написать один из лучших своих ответов».

Бернштейн может теперь видеть, с чьей стороны примирение было не вполне безусловным – со стороны ли Маркса или Бакунина.

22 декабря 1868 г. Бакунин писал Марксу о Герцене:

«Но прошу тебя поверить мне, что между им и мною нет *абсолютно* никакой солидарности. С 1863 года между нами порваны все политические отношения, а теперь даже личные».

Конечно, Бакунин был «человеком без задних мыслей». А в справедливости он не уступал Соломону, несмотря на то или именно потому, что не был евреем:

«Почему же я его пощадил и даже похвалил, назвал великаном? По двум причинам, Герцен. *Первая* причина – *справедливость*».

Маркс верно, умно и энергично служит делу социализма вот уже двадцать пять лет и является одним из главных основателей, если не главным основателем, Интернационала, – так говорит Бакунин. Гильом, Неттлау, «товарищ» Брупбахер, а равно Бернштейн и Меринг видят в этих словах доказательство свойственного Бакунину чувства справедливости, которое не могла затемнить никакая личная предубежденность. Верно и то, что Маркс был глух ко всем этим «комплиментам». Разумеется, если не по злобе, то «по каким-то причинам»!

«Вторая же причина, – пишет дальше Бакунин, – *политика* и, по-моему, совершенно верная *тактика*. Ты меня считаешь, я знаю, весьма плохим политиком».

Далее следует доказательство того, что это неверно. Как ни интересны эти признания для характеристики Бакунина, в особенности для его теории двойной морали, мы проходим мимо них. Мы не даем здесь портрета великого революционера.

«Я признал и превознес его (Маркса) также из тактики, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе? Наши враги составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты ученее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал: divide et impera [разделяй и властвуй. – *Ред.*]. Если бы я пошел теперь открытой войной против Маркса, три четверти интернационального мира обратились бы против меня и я был бы в наклоне, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять. Начавши войну нападением на его сволочь, я буду иметь за себя большинство, да и сам Маркс, в котором, как тебе известно, злостной радости, Schadenfreude, – тьма тьмущая, будет очень доволен, что я задел и отделал его друзей. Ну а когда я ошибусь в расчете и он за них вступится, то ведь он первый начнет открытую войну, – ну тогда и я покачусь назад et j'aurai le beau rôle»*.

Мы не знаем, читал ли это письмо так рано умерший Иекк. Если он принял слова Бакунина всерьез, то о действительно мог открыть в нем «чудовищную патологически-преступную натуру».

Но дело не так страшно.

Правда, все это можно только «в лучшем случае объяснить психологически», и «на всем земном шаре не найдется, кроме нескольких фанатиков, ни одного человека», – за исключением, быть может, нескольких глупых друзей, – который после всего изложенного продолжал бы утверждать, что Бакунин был «человеком без задних мыслей».

«Поэтому мы нисколько ни обижаем Маркса, утверждая, что он начал выступать против Бакунина *вскоре после Базельского конгресса*. Но мы можем только

* «Письма Бакунина к Герцену и Огареву» (Женева, 1896).

сожалеть, что это не происходило открыто и не в области идей» (*Brupbacher.* Marx und Bakunin. S. 71).

А когда именно Бакунин начал «выступать» против Маркса, почтеннейший «товарищ» Брупбахер? Обижаем ли мы Бакунина, констатируя – тоже с сожалением, – что «это не происходило открыто и не в области идей»? «Человека предают только его собственные друзья», – заметил как-то насмешливо «товарищ» Брупбахер. Это сказано в слишком общей форме. Правда, это бывает, но, в виде правила, была бы верна только следующая формулировка:

– Человека предают только его «глупые друзья».

Мы должны взять Бакунина под свою защиту против этих поклонников. Если его тактика представляла настоящий макиавеллизм, то весьма безобидный. Хотя бы потому, что основывалась на полнейшем *непонимании места и времени*, которое, соединяясь с *навязчивыми представлениями*, может иной раз иметь очень опасные последствия, но никогда не может быть вменено данному лицу в качестве моральной вины.

К сожалению, не все друзья Бакунина были так разумны, как Герцен, который по мере всех своих сил старался помешать опубликованию этого письма.

Можно легко представить себе, какое впечатление оно произвело бы в то время – в конце 1869 г.!

К счастью для Бакунина, письмо тогда не появилось. Герцен нашел слишком резким даже короткое письмо, в котором Бакунин выражался несколько мягче и ограничивался уведомлением о предстоящем выходе брошюры о немецких евреях*; Герцен написал для Бакунина письмо, появившееся в «Réveil». Конечно, с примечанием от редакции. Что же писала редакция? Извинялась ли она? Ни одним словом – и по очень простой причине. Как ни слаба была, *с нашей точки зрения*, статья Гесса, но в ней нет ни одного слова о Бакунине как об агенте или шпионе русского правительства. Она обвиняет *Бакунина и Швейцера* в том, что первый работает в пользу панславизма, а второй – в пользу пангерманизма. Кроме того, она содержит некоторые критические замечания о взглядах Бакунина и о его тактике *на конгрессе*. Как бы ни неосновательны были все эти обвинения, но нет ничего неожиданнее того вывода, который делает из них Бакунин. По его словам, они означают и могут означать только следующее: Бакунин – agent-provocateur русского правительства, шпион**. А между тем Гесс, который только что имел в Базеле возможность убедиться, как чувствителен был Бакунин в этом пункте, даже подчеркивает, что ни в малейшей степени не сомневается «в революционной честности» Бакунина, чего не говорит о Швейцере.

Теперь нам понятно, почему Делеклюз подумал, что он имеет дело с ненормальными людьми. Чтобы отвязаться от них, он напечатал наконец письмо Герцена, снабдив его примечанием, что редакция так же мало, как и Гесс, сомневается в политической честности Бакунина, хотя она борется и будет в *дальнейшем бороться* с его политическими взглядами. Да не подумает читатель, что Бакунин остался недоволен этим заявлением. Напротив, он нашел его вполне лояльным!

---

* Под заглавием, которое даже Гильом находит «весьма странным»: «Символ веры русского социал-демократа, с приложением очерка о немецких евреях».

** Ср.: *Bakunin M.* Oeuvres. Paris, 1911. [T.] V. P. 263–265.

Но при чем тут Либкнехт? Может быть, он имел к статье Гесса такое же отношение, как и Маркс?

Во всем этом письме Либкнехт ни разу не назван по имени. Он фигурирует только в качестве одного из вождей новой германской социал-демократической партии.

Вся история с так называемым судом чести рассказана Бакуниным не для того, чтобы задеть Либкнехта, – с ним Бакунин вполне помирился и считал его благородным противником, – а для того, чтобы показать редакции «Réveil» всю моральную нечистоплотность «маленького немецкого еврея» М. Гесса, который был якобы одним из членов суда чести.

Правда, сам Бакунин говорит: «...я не вполне точно помню, был ли М. Гесс одним из них, но мне кажется, что был».

И далее он говорит еще раз:

«Я не могу точно сказать, был ли М. Гесс членом суда чести, но я, во всяком случае, почти уверен и знаю наверное, что ему было известно все то, что я Вам рассказываю. Теперь Вы можете судить о морали этого человека».

Теперь мы знаем, что если Гесс в чем-нибудь провинился, так это только в критике «русского коммунизма» Бакунина.

Мы имеем сейчас новое доказательство того, какой слабой памятью отличался Бакунин.

Несмотря на это, предположим, что в деле с Либкнехтом он вполне точно излагал факты.

Правда, Бакунин говорит теперь, что Либкнехт обвинял его не публично, а в «полупубличном собрании своих друзей». Правда, он говорит, что Либкнехт отрицал этот факт. Но он утверждает, что, несмотря на это отрицание, суд чести, в котором было пять друзей Либкнехта, решил *единогласно*, что Либкнехт действовал легкомысленно, обвиняя Бакунина – на основании нескольких статей буржуазной газеты – в том, что он агент русского правительства. Как ни кажется невероятной эта история, примем, что она происходила именно таким образом.

«Это решение, – писал далее Бакунин, – было выдано мне в письменной форме. Я должен, однако, сказать, что противник мой был *так благороден*, что перед лицом судей заявил, что он был введен в заблуждение относительно меня. Он протянул мне руку, и я сжег решение, написанное и подписанное судом чести».

После этого примирения он дал Либкнехту копию своей речи на конгрессе Лиги свободы и мира, а также своих итальянских статей, в которых он будто бы писал против панславизма в 1867 г. Два дня спустя Либкнехт пришел к нему и сказал:

«Я вижу, что имел о Вас совершенно ложное представление. Вы прудонист, ибо хотите уничтожить государство. Я буду бороться с Вами в своей газете, так как мои взгляды совершенно противоположны Вашим. Но я прошу Вас оставить мне Ваши статьи. Я их опубликую, это мой долг по отношению к Вам»*.

---

* Гильом, который еще на конгрессе в Ла-Шо-де-Фоне (апрель 1870 г.) имел неосторожность назвать имя Либкнехта, – он был тогда еще очень молодым и увлекающимся человеком, – цитирует эту речь в своих знаменитых воспоминаниях следующим образом: «*Я заблуждался, – сказал он, – я не понимал, что Вы – прудонист. Я содействовал распространению против вас клеветнических обвинений, я должен дать Вам удовлетворение*». Мы не станем негодующе

И Бакунин прибавляет: «Я поверил этому обещанию и жду еще по сей день».

Теперь мы знаем, в чем состояла вина Либкнехта. Бакунин не требовал, чтобы его противник напечатал в своей газете решение суда.

Он не был так «глуп», как некоторые его друзья. Ведь он сам сжег это решение в присутствии суда чести – его друзья еще теперь восхищаются этим «красивым жестом», – не сняв с него предварительно копии.

Последнее обстоятельство видно из того, что Неттлау до сих пор не нашел этой копии. При всех его усилиях ему удалось только установить – Кропоткин слышал об этом от Элизе Реклю, а последний от самого Бакунина, – что Бакунин не просто сжег это решение, но зажег им папироску*. Это аутодафе вызывает в нас сожаление, ибо благодаря ему мы никогда не узнаем – если только нам не поможет счастливый случай, – в чем, собственно, Либкнехт провинился и что, собственно, суд чести констатировал.

Одно только подозрительно: в 1873 г. Гильом ни одним словом не обвинил Либкнехта за то, что он не напечатал уже несуществовавшего решения, которое Бакунин великодушно уничтожил в знак полного примирения со своим благородным противником. Неттлау, который выдвигает немало обвинений против Либкнехта, также ничего не говорит об этом «нарушении слова»**. Впервые Гильом открыл его в 1904 г. Конечно, он опирался при этом на «какие-то» источники, известные только ему одному.

Даже «товарищ» Брупбахер, при всем своем уважении к Гильому, чувствует, что здесь что-то неладно, и «замалчивает» это первое нарушение слова, допущенное Либкнехтом. Только Бернштейн не заметил этого и осудил своего старого товарища по борьбе, и без того подвергавшегося тяжелым обвинениям, за то, что он не напечатал навсегда уничтоженного решения суда чести.

Прежде чем перейти к разбору других преступлений вероломного и трусливого «солдата революции», мы приглашаем читателя слегка ознакомиться с тем миром, где бесчестные клеветы против Бакунина принимались за чистую монету и опубликовывались в печати.

Если Либкнехт действовал с «преступным легкомыслием», «распространяя», как выражается Меринг, эти клеветы, то люди, печатавшие их, действовали, конечно, с еще более преступным вероломством.

Но кто же были все эти субъекты, лишенные всякой морали, кто были все эти бессовестные Яго, оклеветавшие Бакунина, эту невинную Дездемону?

Что это была за шантажная «буржуазная газета», столь бесчестная и подлая?

кричать, что это наглая фальсификация и т. п. Человеку свойственно ошибаться, но нехорошо, если, убедившись в своей ошибке, он все-таки упорствует в ней. Не забудем, что, по словам Неттлау, воспоминания Гильома представляют *«важнейший исторический вклад в историю Интернационала, – это образец спокойного, делового изложения»*! Наоборот, рассказывает нам тот же Неттлау, известная брошюра о бакунинском «Альянсе» «совершенно лжива в самом своем существе и кишит неправильностями и фальсификациями в частностях; ни одну цитату нельзя взять из нее без проверки». А ведь Неттлау, несомненно, почтенный человек!

* «Когда Бакунину было передано решение, он не думал опубликовывать его, а протянул Либкнехту руку и, сжигая документ, закурил от него папиросу. Известно, как отплатил ему Либкнехт за это великодушие: оно только усилило его ненависть к Бакунину». Какая черная душа!

** См. большое сочинение Неттлау, примечание № 1882.

VIII

«Товарищ» Брупбахер, отличающийся таким хорошим тоном, «стыдится» назвать «буржуазную газету», которая положила начало «оклеветанию» Бакунина, хотя ему, наверное, не известно, что в числе этой банды преступников находился и его благожелательный критик, – вернее сказать, тот, кто открыл его*, – Ф. Меринг. Как ни кажется невероятным этот факт, но он так же установлен, как и различные другие факты, удостоверенные «согласно всем действующим до сих пор законам исторической критики».

Яркую картину деятельности этой банды преступников, столь же бессовестной, как и ославленная «банда поджигателей», дает нам не кто иной, как Август Бебель. Это одно из немногих мест, где великий мастер классовой борьбы выступает в роли полного юмора и непритязательного рассказчика и рисует хорошую жанровую картину из богатого запаса своих личных воспоминаний.

«В Берлине тогда существовала довольно значительная группа, большею частью состоятельных людей, которые видели свой идеал в Иоганне Якоби и симпатизировали нам. Они группировались вокруг доктора Гвидо Вейса, редактора большой демократической газеты "Будущее", основанной в 1867 г. богатыми "якобитами" – как мы тогда называли приверженцев Якоби, – но прекратившейся уже весной 1871 г., так как она требовала слишком больших финансовых жертв... К ним же принадлежал тогда еще очень молодой Франц Меринг, с которым меня познакомил Роберт Швейхель. Если Либкнехт и я оставались в Берлине на воскресенье, то мы со многими из названных – среди которых часто бывал и Пауль Зингер – встречались обязательно в ресторане, где беседовали за стаканом дешевого мозельского вина. Нередко наша беседа продолжалась еще в какой-нибудь пивной. Я лично не умел много пить, но Швейхель, Либкнехт, Гвидо Вейс, Меринг могли постоять за троих. И очень часто мы возвращались, все еще крепко держась на ногах, домой, когда солнце уже давно сияло на небе»**.

Насколько нам известно, Меринг, который весьма критически относится к Бебелю как историку, никогда не высказывал сомнений насчет этого рассказа. Кроме того, он сам рассказывает нам кое-что обо всей этой компании и о «Zukunft».

«Якоби не имел за собой ничего, кроме кучки буржуазных идеологов, располагавшей собственным органом в виде вновь основанной "Zukunft" ("Будущее") Гвидо Вейса, – самой *честной и остроумной*, но в то же время и наименее читавшейся газеты либеральной прессы»***.

Но, быть может, Якоби – тоже еврейский гигант – был так же вероломен, как его соплеменник Маркс?

«У Якоби, как у всякого цельного человека, все его сильные стороны и все его слабости вытекали из одного принципа, – пишет Меринг, – он представлял собой

---

* До сих пор «товарищ» Брупбахер был известен немецким товарищам только как автор брошюры «Kindersegen und kein Ende». Теперь, с легкой руки Меринга, он – светило исторической науки, одна из лучших надежд не «окостеневшего» марксизма!

** *Bebel A.* Aus meinem Leben. Teil II. P. 241–242. Цитировано по русскому переводу: *Бебель А.* Мемуары / Пер. Д. Рязанова, 1912. Ч. II, вып. 2. С. 45–46[45].

*** *Mehring F.* Geschichte der deutschen Sozialdemocratie. Zweite Auflage. III Band. P. 312. Цитировано по русскому изданию: *Меринг Ф.* История германской социал-демократии / Пер. М. Ландау, [М.: «Гранат».] 1906. Т. III. С. 328.

воплощенную этику Канта, который следовал в жизни еще чище и строже, чем тому учил сам учитель. Якоби никогда не пытался доказывать всеми правдами и неправдами, что учитель может проповедовать с кафедры учение, в которое он не верит. Таков истинный смысл жизни Якоби, и этому смыслу никто... не откажет в своем признании и восхищении»*.

Но, быть может, фактический редактор «Zukunft» Гвидо Вейс, *этот*, подобно Борхгейму, «маленький немецкий еврей», был способен подло оклеветать старого революционера?

Правда, Меринг считает Вейса лучшим политиком, чем Якоби, но утверждает, что Вейс был человеком такого же нравственного закала, как «добродетельный и мудрый» прусский демократ.

«Вообще, все некрологи периодической печати правильно указывают, что Вейс не имел ни одного личного врага. Это высокая и заслуженная, хотя для борющегося политика отчасти сомнительная, похвала»**.

Несколько труднее обстоит дело с «тогда еще очень молодым Францем Мерингом». Мы не знаем, как велико было его влияние в газете. Он сам рассказывает, что вступил в редакцию «молодым парнем»***. Если припомнить еще, что, по его собственным словам, «первое, что он прочитал о Лассале», была статья в «Wanderer», появившаяся летом 1869 г., то вряд ли можно предполагать, что этот молодой парень, 23 лет, пользовался большим влиянием в редакции газеты, которая больше всех других буржуазных газет посвящала места социализму и рабочему движению. Он мог быть только доволен, что суждено было заслужить свои литературные шпоры в школе такого превосходного журналиста и стилиста, как Гвидо Вейс, «последним учеником» которого его с полным правом называют.

Ввиду этого мы склонны предполагать, что «тогда еще очень молодой» Франц Меринг ничем не виноват во всей клеветнической кампании «Zukunft» против Бакунина. В революционную эпоху, когда волны рабочего движения уже высоко поднимались, когда Лассаль был известен даже любой благовоспитанной девице, хотя бы из романа Шпильгагена[36], Меринг был, по его собственным словам, еще так оторван от жизни и наивен, что первой статьей, прочитанной им о Лассале, была глупая статья в одной клерикальной газете. Даже беспощадный в своем мальтузианском ригоризме Брупбахер поймет, что такой зеленый юноша не в состоянии был протестовать, когда его коллеги по редакции клеветали на бедного Бакунина.

Но мы опасаемся, что Гильом и Неттлау, которые отличаются необычайным остроумием, когда приходится проверять показания Маркса и его учеников****, скажут, что это только «жалкая уловка» со стороны Меринга, что у него не хва-

---

* *Mehring F.* Johann Jacoby // Neue Zeit. XXIII, 2. P. 171. Насколько нам известно, Меринг с тех пор не изменил этого мнения.

** *Mehring F.* Zwei Nachrufe // Neue Zeit. XVII, 1. P. 546. Нам не известно, чтобы Меринг изменил с тех пор свое мнение.

*** *Mehring F.* Johann Jacoby und die wissenschaftlichen Sozialisten // Archiv für die Geschichte des Sozialismus usw., 1911. P. 454.

**** Гильом по сей день еще убежден, что ученики так же невежественны, как их учитель; Неттлау убежден в том, что все марксисты «ограниченные», а «товарищ» Брупбахер – в том, что только анархисты имеют царя в голове.

тает духу открыто сознаться в своем преступлении. Вместе пойманы – вместе и повешены!

Возвратимся, однако, к Якоби. Если припомнить, что он был старым другом Бакунина, что они имели целый ряд общих друзей, что еще в апреле 1868 г. Бакунин писал Якоби* такое же лестное письмо, как в декабре 1868 г. Марксу, то поведение редакции «Zukunft» и Якоби становится действительно непонятным.

Человек, которому Бакунин пишет, что он в течение двадцати лет «убежденно, твердо и непоколебимо стоит на своем посту», что человек, подобный Якоби, «стóит иной раз целой армии», – этот самый человек принимает в свою газету статьи, где черным по белому написано: Бакунин – русский шпион. Чем объяснить такое неслыханное «моральное извращение» этого, – пользуясь словами «товарища» Брупбахера о Гильоме, которые гораздо больше подходят к Якоби, – «замечательно чистого человека, по ошибке попавшего в политику»?

Бакунин, который, по словам Неттлау, уже в 1864 г. точно знал, что в 1869 г. дело дойдет до борьбы между ним и Марксом, а по словам «товарища» Брупбахера, обладал «художническим или инстинктивным зрением» и «созерцал мир одновременно глазами, руками и мыслями», – легко разрешил и эту психологическую загадку:

«Обрати внимание, что все эти враги, все эти шавки, выступающие против нас: Маркс, Гесс, Боркхейм, Либкнехт, Якоби, Вейс, Кон, Утин и многие другие – евреи. Все они принадлежат к этой предприимчивой, интриганской, эксплуататорской, насквозь буржуазной нации отчасти по традиции, отчасти по инстинкту».

Это, поистине, сущее счастье, что «тогда еще очень молодой Франц Меринг» остался неизвестен Бакунину. В противном случае он с таким же правом, как Либкнехт**, попал бы в группу «маленьких немецких евреев». А так как немало людей еще твердо верят, подобно Рингу, всему тому, что «показывает сам» Бакунин, то мне пришлось бы «реабилитировать» Меринга не только от участия в безбожной банде, но и от обвинения, что он «маленький немецкий еврей». Вместе пойманы – вместе и повешены! Поистине, порядочный человек может попасть в отвратительное положение, если он водится с людьми, которые, подобно «товарищу» Брупбахеру, не могут по сей день простить Утину его еврейское происхождение.

Когда же написал Бакунин это письмо, отличающееся «действительно поражающим стилем»? *1 апреля 1870 г.* Мы покорнейше просим Меринга запомнить эту дату.

Читатель уже знаком с юдофобством Бакунина. Он видит, что это – не минутное настроение, а твердое убеждение. Здесь не место психологически объяснять эту особенность великого русского интернационалиста, мало известную европейским читателям. Достаточно сказать, что «по каким-то причинам» Бакунин встретил в этом пункте сочувствие у юрцев, что впоследствии он перещеголял самого себя и в 1873 г. в длинном послании к юрцам[37] разразился памфлетом

---

* Briefe von A. Herzen und M. Bakunin an J. Jacoby // Archiv für die Geschichte des Sozialismus usw. Leipzig, 1911. Эти письма сообщены известным биографом Швейцера – Густавом Майером.

** Я очень рад констатировать, что Неттлау не во всем верит Бакунину на слово. «Бедный Либкнехт, – говорит он, – попал в плохую категорию евреев не без своей собственной вины, но все же неправильно». Среди немцев или славян не существует, как известно, никаких «плохих категорий».

против евреев, который вызвал бы крокодиловы слезы восторга всех Дрюмонов[38], немецких антисемитов и русских черносотенцев*. А что Бакунин создал целую школу, доказывают лучше всего Гильом** и антисемитское течение во французском синдикализме.

Но при всем нашем преклонении перед «художническим зрением» Бакунина мы вынуждены, тем не менее, искать другого объяснения для поведения берлинской банды преступников. Уже то обстоятельство, что к этой банде принадлежали арийцы, которые легко выдержали бы перекрестный допрос не только «товарища» Брупбахера, но даже киевского прокурора Виппера, выступавшего в деле Бейлиса, – каковы Швейхель, Либкнехт, Бебель, не говоря уже о «тогда еще очень молодом Франце Меринге», – заставляет нас отбросить гипотезу или, как сказал бы Мерингг, «нелепые россказни» Бакунина.

Но, быть может, мы найдем объяснение в «нашептывателях»? Нельзя ли думать, что Маркс через свое послушное орудие, Либкнехта, навязал инспирированную им статью Боркхейма редакции «Zukunft? Не случилось ли этого в такой час, когда даже эти люди, умевшие в пивной «постоять за троих», шли домой нетвердо, чертя по земле мыслете?[39]

К сожалению, и эта гипотеза не выдерживает критики, что должно быть хорошо известно Мерингу, как редактору переписки Маркса-Энгельса. Так как нас подозревают в чрезмерном поклонении Марксу, то мы предоставляем слово Бернштейну. В своем введении к четвертому тому переписки он говорит:

«Что касается Бакунина, то еще в ноябре 1868 г. Маркс и Энгельс отклонили попытку С.Л. Боркхейма снова использовать против Бакунина статьи Энгельса в «Новой Рейнской газете» по поводу Славянского манифеста Бакунина от 1848 г.[40] (письмо от 6 и 7 ноября 1868 г.)***. Лишь после того, как сделалась известной попытка Бакунина ввести свой «социал-демократический Альянс» в качестве организации в Интернационал, тон, в котором о нем говорят, изменяется к худшему... Что они для этой цели (т. е. для защиты жизненных интересов великого движения против разлагающего вмешательства) пустили в ход все свое влияние, может быть, тем не менее, поставлено им в упрек; что они всегда старались вести борьбу на почве статутов Интернационала. Это доказывается с неопровержимой убедительностью этими письмами. Борьба, по существу, носила вполне принципиальный характер, она сделалась озлобленной лишь благодаря привнесению

---

* Наиболее яркое доказательство научной добросовестности Неттлау я получил тогда, когда прочел это послание в его большом труде, к сожалению, так мало доступном. «Я так подробно привел эти слова Бакунина о евреях, дабы они не были когда-нибудь открыты и использованы противниками» (с. 374). Напрасно только Неттлау думает, что доказательство приходится искать в «тайной» бакунистской литературе. В русских сочинениях Бакунина их можно найти в изобилии.

** Так, в своих знаменитых мемуарах он пишет: «Эта хорошо образованная особа была госпожа Дмитриева, приятельница Утина, русская и – прибавим, ибо это характерная деталь, – еврейка, подобно ему, Марксу, Боркхейму, Мозесу Гессу, Геннеру, редактору "Volksstaat", Франкелю, члену Парижской Коммуны». Конечно! Что за странных людей находим мы иногда среди интернационалистов!

*** Несмотря на то, что Бакунин не счел нужным поблагодарить Маркса за авторский экземпляр «Капитала». И случилось это за месяц до получения письма Бакунина, в котором он, после почти четырехлетнего молчания, неожиданно объявил себя учеником и верным другом Маркса.

других моментов, как местное и национальное соперничество, личные сплетни и тому подобное. И, как ни резко высказывались с тех пор Маркс и Энгельс о Бакунине, – они, правда, упрекали его в панславистских тенденциях, которые могли встречаться даже у решительного противника царизма, – но они никогда не позволяли себе заподозревать его политическую независимость. Это необходимо подчеркнуть, ибо бакунисты возлагают на Маркса и Энгельса ответственность за обвинения, распространявшиеся тогда С.Л. Борххеймом и, – вероятно, на основании его писем – Либкнехтом.

«Для не разрешенного еще спора об отношении Маркса и Энгельса к Бакунину и наоборот настоящая переписка заключает материал, который не только освещает дело, но и вносит примиряющую струю. Почти все, кто писал до сих пор об этом, должны будут исправить свои взгляды».

Итак, благодаря переписке, Бернштейн пересмотрел свои прежние взгляды «влево». Зато Меринг, под гипнотизирующим впечатлением «усердного и тщательного труда» «товарища» Брупбахера, готов пойти вправо или даже назад. Бернштейн правильно передает впечатление от переписки Маркса – Энгельса, но и на этот раз он ошибается в двух существенных пунктах.

Во-первых, неверно, что в 1864–1869 гг. Маркс и Энгельс ставили Бакунину в упрек его «панславистские тенденции». Наоборот, весь спор между Марксом и храбрым, но упрямым каноником баденского восстания, действительным вождем прославленной «шайки поджигателей», «маленьким немецким евреем» С.Л. Борххеймом – весь этот спор, так ярко выступающий в переписке, объясняется именно тем, что Маркс питал слишком много доверия к Бакунину и слишком мало доверия к Борххейму.

Мы видели, как «легковерный» Маркс был восхищен Бакуниным. Ведь последний был «одним из немногих людей», кого Маркс «по прошествии шестнадцати лет нашел ушедшим не назад, а вперед». Конечно, легковерие Маркса подвергалось тяжелому испытанию. Но ему трудно было понять, как можно так быстро и так часто менять свои взгляды, точно перчатки*. Ведь в *политическом* отношении Бакунин порвал с Герценом с 1863 г., а Маркс нисколько не сомневался в том, что Герцен – «панславист». Для этого ему не нужно было изучать русский язык. Что касается Бакунина, то, кроме его старых вещей, Маркс знал о нем только с его собственных слов, литературная же деятельность Бакунина в годы 1862–1863 осталась ему тогда совершенно неизвестной. Что Бакунин не был другом русского правительства, Маркс мог видеть из итальянской газеты «Liberta e Giustizia»[42], где была помещена статья против Мадзини, автором которой Маркс считал Бакунина**.

Дело происходило в сентябре 1867 г. К этому времени относится первая встреча между «маленьким немецким евреем» и великим русским. Борххейм, подобно

---

* «Товарищ» Брупбахер, который может в этом отношении смело выдержать конкуренцию с Фреголи[41], говорит, что Маркс относился к своим идеям, как к своим живым детям: *«...если кто-нибудь нападал на них, он начинал нервничать, как любящая своих котят кошка, если кто-нибудь обижает их»*. Брупбахеру, конечно, симпатичнее лукавая кукушка, которая с легким сердцем кладет свои яйца в чужие гнезда.

** Этим отчасти объясняется также, почему Маркс, несмотря на непонятное молчание Бакунина, послал ему «Капитал» и старался узнать его адрес. Интересы «дела» всегда стояли для него выше мелких личных соображений.

Бакунину, был делегатом на конгресс Лиги свободы и мира в Женеве и держал громовую речь против России, этого столпа европейской реакции[43].

Мы не намерены останавливаться на этой речи. Из писем Маркса к Кугельману известно, что Маркс был не очень доволен выступлением Боркхейма*. По возвращению Боркхейма в Лондон между ними разгорелся горячий спор, ясные следы которого мы находим в переписке Маркса – Энгельса[44]. Как ни покажется странным всем друзьям Бакунина наше утверждение, но в действительности Маркс, в своем пристрастии к Бакунину, заходил так далеко, что не хотел верить Боркхейму даже тогда, когда тот был безусловно прав и основывался на более близком знакомстве с обстоятельствами дела.

Боркхейм имел тогда большое преимущество перед обоими друзьями. Хотя Энгельс в начале пятидесятых годов приступил к изучению русского языка – очевидно, с «вероломным» намерением использовать знание его против Бакунина во время ближайшей возможности революции, – но впоследствии он забросил эти занятия. Напротив, Боркхейм во время Крымской войны, когда он поставлял различные предметы для английской армии, имел возможность еще более углубить свое знание русского языка, которым он, быть может, обязан был своему другу из «банды поджигателей»**. Впоследствии он взялся за изучение русского языка со всей страстью, которая была ему свойственна и трогательную картину которой Маркс дает нам в своих письмах к Энгельсу.

Но он имел перед обоими друзьями и другое преимущество. В Женеве он встретился с «настоящим русским», от которого он узнал, что в России существуют также «республиканцы и социалисты», которые не только не имеют ничего общего с Герценом, но являются даже его противниками. От него услышал он впервые имена *Чернышевского, Добролюбова* и одного из их учеников – *Серно-Соловьевича*. После этого он нашел брошюру последнего против Герцена и немедленно же решил перевести ее на немецкий язык[45]. Эту брошюру он еще в рукописи прочитал Марксу[46]. Несмотря на все это, его друг не хотел понять, почему нападки против славянофильства Герцена направлены также и против Бакунина. Не помогло и то, что Боркхейм сообщил Марксу письмо Серно, в котором тот передавал слова Бакунина, что Серно за свою брошюру должен быть избит палками.

Ничего не помогло Боркхейму. В 1868 г. он напечатал в редактировавшемся Либкнехтом «Демократическом еженедельнике» («Demokratisches Wochenblatt») некоторые статьи против Герцена***. Но они произвели так мало впечатления на Маркса, Энгельса и Беккера, что все трое продолжали «интриговать» против Боркхейма и «подкапываться» под него. Чем больше упорствовал Боркхейм, чем больше разоблачал он панславизм Бакунина, тем меньше веры находил он у Маркса и Энгельса. Возможно, что это было недоверием «литераторов» к «практику», которого они считали неспособным правильно понять и оценить русские

---

* Neue Zeit. XX, 2. P. 93–96. Каутский правильно замечает: «Формально эта речь в некоторых своих оборотах обнаруживает претензию на остроумие и смелость, но не заслуживает строгого приговора, произнесенного Марксом».

** То был немец Эдуард Розенблюм, уроженец Одессы, один из повстанцев. Весьма подозрителен, понеже был, кажется, немецким евреем!

*** Russische politische Flüchtlinge in Westeuropa. *S. B.* (Demokratisches Wochenblatt, №5, 6, 17, 20. Февраль, апрель, май 1868 года).

произведения Бакунина. Так же мало доверия питали они к Серно, совершенно неизвестному им русскому, хотя в своих письмах к Боркхейму он решительно выступал *против* Бакунина. Более того, Маркс и Энгельс не только категорически воспротивились использованию Боркхеймом их старых статей против Бакунина, – так твердо были они убеждены в том, что Бакунин теперь уже не панславист и не имеет с Герценом ничего общего, – но делали все возможное для того, чтобы помешать появлению статей против Бакунина. Этим объясняется *отсутствие продолжения* статей Боркхейма в «Демократическом еженедельнике», этим же объясняется и отказ Беккера напечатать статьи Боркхейма в «Предвестнике» («Vorbote»)*. Но справиться с упрямым канониром было нелегко. Если для него закрывали «Демократический еженедельник» и «Предвестник», то он находил дорогу в «Будущее» («Zukunft»). Что он имел там хорошие связи, помимо Либкнехта, известно Мерингу лучше, чем мне.

Но прежде чем перейти к этим статьям, мы должны сказать, что в основном вопросе оказался правым «практик», а не «литераторы» Маркс и Энгельс. О «нашептываниях» здесь не может быть и речи. Источником Боркхейму служили писания Бакунина 1862–1863 гг. и сообщения Серно.

Я отлично знаю, что раз и навсегда подрываю добрую репутацию Серно у всех друзей Бакунина. Достаточно почитать все похвальные отзывы о нем у Гильома и Неттлау. Нам очень приятно, что в этом пункте мы сходимся с упомянутыми историками. Серно был действительно одним из наиболее талантливых и деятельных представителей молодой русской эмиграции, и даже «товарищ» Брупбахер не открыл бы в нем ни одной капли еврейской крови. Несмотря на это, он выступал против Бакунина. Почему? Разумеется, по «каким-то причинам».

В своем пристрастии к Бакунину Маркс и Энгельс были очень несправедливы к молодому Серно. Лишь впоследствии они узнали, что прошли почти безучастно мимо одного из лучших представителей русской революционной интеллигенции и что этот, по ироническому выражению Маркса, открытый Боркхеймом русский вполне заслуживал их доверия**.

Но Боркхейм был прав и в другом пункте. Бакунин был, если угодно, революционным панславистом не только в 1848–1849, но и в 1862–1863 гг. Если бы Маркс имел хотя бы слабое представление о том, что Бакунин писал в эти годы, он питал бы к нему менее доверия и никогда не возлагал бы на него таких надежд. Он избежал бы также последующего разочарования с его естественной реакцией.

Но мы должны предостеречь против того, чтобы видеть в Серно виновника всех несчастий, начиная с 1868 г. Наоборот. Именно то обстоятельство, что информатором Боркхейма был Серно, должно вызвать сомнение в том, чтобы Боркхейм обвинял когда-нибудь Бакунина в шпионстве. Против этого говорит также поведение Маркса и Энгельса. К сожалению, Бернштейн все еще ищет виновника поблизости от Маркса, и, убедившись, что Маркс и Энгельс свободны от всяких подозрений, он сваливает всю вину на Боркхейма и Либкнехта:

---

* В бумагах Беккера я нашел статью Энгельса против Бакунина, переписанную Боркхеймом, с его же вступлением. Как негодовал последний на поведение Беккера, видно из письма Маркса от 24 октября 1868 г.[47]

** Серно покончил самоубийством осенью 1869 г.

«Это необходимо подчеркнуть, – продолжает он в своем введении, - ибо бакунисты возлагают на Маркса и Энгельса ответственность за обвинения, распространявшиеся тогда С.Л. Боркхеймом и – вероятно, на основании его писем – Либкнехтом».

Одно только обстоятельство может говорить в пользу этой гипотезы. Как видно из переписки Маркса – Энгельса, Боркхейм, в отличие от обоих друзей, не был такого высокого мнения о Бакунине как революционере. Но и это он узнал от Серно, который, подобно своему великому учителю Чернышевскому, никогда не мог помириться с методами политической деятельности и поведением Бакунина в Сибири. Впоследствии оба друга узнали, что они были неправы, и это опять-таки повело у обоих к слишком сильной реакции.

Но одно дело – доказывать, что Бакунин не был образцом революционной добродетели, и совсем другое дело – низкая клевета, что он был агентом русского правительства. Если бы Бернштейн и Меринг внимательно прочитали переписку Маркса – Энгельса, они должны были бы спросить себя: как это могло случиться, что Маркс и Энгельс при всем своем влиянии на Либкнехта не могли убедить его в том, что, как теперь неопровержимо доказано, было их *глубочайшим* убеждением, в таком вопросе, который не имел отношения к *германским* делам, а затрагивал честь старого революционера? А Меринг мог бы поставить себе еще один вопрос: мыслимо ли, чтобы старые друзья Бакунина Иоганн Якоби и Гвидо Вейс приняли в свою газету такое бесчестное обвинение?

Если поставить вопрос таким образом, – а все действующие до сих пор законы исторической критики требуют, чтобы мы проверяли всякий факт *со всех* сторон, – и если дать на него гипотетический ответ: нет, это невероятно, – ведь речь идет о таких людях, как Маркс, Энгельс, Либкнехт, Якоби, Гвидо Вейс, не говоря уже о Меринге, – тогда останется одна только гипотеза.

Не является ли вся эта история вымышленной, хотя бы без всякого злого умысла? Не есть ли она продукт болезненной фантазии, который никогда не подвергался серьезной проверке и, как бы передаваясь от одного больного к другому, захватил наконец и совершенно здоровых людей? Не есть ли это массовый психоз, заразивший, однако, не суеверных средневековых крестьян и мелких буржуа, а образованных людей, отлично знакомых со всеми до сих пор действующими законами исторической критики?

Ведь вопрос разрешается очень просто. Достаточно для этого пойти в берлинскую королевскую библиотеку или в библиотеку партийного Архива (германской социал-демократической партии), где любезный библиотекарь немедленно предоставит в ваше распоряжение экземпляр «Zukunft».

Мы берем толстый том in folio за 1869 г., ищем, как Нетлау, при помощи Бакунина, все бесчестные статьи «маленького немецкого еврея», находим их наконец и, как ни тяжело теперь перечитывать эти сильно устаревшие статьи в стиле барокко, так хорошо охарактеризованном у Маркса, – мы читаем их строчку за строчкой.

В первом же письме мы находим ссылку на статью Энгельса. Итак, Марксу, Энгельсу и Беккеру не удалось переубедить упрямого канонира, который был твердо уверен в том, что Бакунин панславист. Мы читаем дальше, наталкиваемся на восьмой абзац и тут-то видим страшное слово, правда, не *агент* (Spitzel), а *шпион* (Spion).

Это ужасно. Последняя надежда потеряна. Но, овладев собою, мы с замиранием сердца прочитываем весь абзац, слово за словом:

«Как видим, сам Бакунин выставляя себя защитником панславизма. Лишь непонимание славянских дел и ненависть ко всякому движению могли и могли бы считать его русским "шпионом", состоящим на жалованье у петербургского правительства».

Одно слово меняет весь смысл. Мы протираем себе глаза: итак, все было ложью и вымыслом.

Но продолжим чтение дальше. Быть может, Боркхейм «оплевывает» поведение Бакунина во время дрезденского восстания и трактует его так, как Борн.

«Если даже предположить, что на суде строители саксонских баррикад выдвигали русского на передний план, дабы прикрыться за его спиною, то все-таки нельзя сомневаться ни в физическом, ни в моральном мужестве Бакунина».

Теперь Мерингу поймет, почему Маркс «не опровергал», когда близкие ему политики, как Боркхейм и Либкнехт, «распространяли» обвинение, что Бакунин – подкупленный агент русского правительства. Маркс поступал так не «по каким-то причинам», а по очень простой причине: *потому, что он действительно читал статьи Боркхейма**. И это отличает Маркса не только от Мерингa, но и от Нетлау, как мы сейчас увидим.

Во всех трех упоминаемых Бакуниным статьях имеется только критика – подчас очень резкая – панславизма и иллюзий, приписывающих русской земельной общине чудодейственную силу. Аргументы Боркхейма не всегда удачны, но в споре с Марксом он вполне прав, считая Бакунина, на основании всех его писаний, *в том числе вышедших после его возвращения из Сибири*, панславистом; отрицать это может только тот, кто не имеет ни малейшего представления об этом вопросе и готов усматривать в такой квалификации «наглую клевету».

Я только что сказал: во всех трех упоминаемых Бакуниным статьях. Теперь читатель не удивится, что сам Бакунин мог вычитать из этих статей то, чего в них не было. Но странно, что это же мог вычитать Неттлау. Если не предполагать, что он не знает немецкого языка или знает его не лучше русского, то остается только одно объяснение: он настолько верит словам Бакунина, что счел излишним читать эти статьи.

Более того. Он никогда не видал их. Как он сам говорит в примечании № 1869 своего монументального труда, ему знакомы «лишь выдержки из них в лассальянском "Социал-демократе" от 4 августа 1869 г., который в приличной форме отвергает эти низкие обвинения»**.

---

* В бумагах Маркса и Энгельса я нашел первую статью Боркхейма в виде отдельного оттиска, вторую и третью статьи – в виде вырезок. Они снабжены поправками Боркхейма. Кроме того, одно зачеркнутое место доказывает, что редакция очень внимательно прочитывала статьи. Но выпущенные слова не имеют никакого отношения к Бакунину. Я намерен опубликовать вскоре статьи Боркхейма с его исправлениями, дабы дать любому читателю возможность контролировать меня. Но для этого требуется время.

** К сведению Мерингa: он может убедиться, что взаимные симпатии друг к другу швейцарианцев и бакунистов проявляются еще до Базельского конгресса. Ничего не может быть интереснее этого союза между крайними русскими централистами и аморфными автономистами. Мы еще вернемся к этому явлению, бросающему свет на судьбы Интернационала в Германии.

К счастью для Неттлау, Бакунин правильно указывает номера «Zukunft». Из «Социал-демократа» же Неттлау известно, что статьи появились летом. Вот и все, что дало возможность этому, несомненно, «лучшему немецкому знатоку Бакунина» сообщить нам об этих статьях и что дало ему право написать о Боркхейме следующее:

«Бесчестные обвинения против Бакунина исходили от некоего С.Л. Боркхейма, который, благодаря своей интимной близости к кругам, группировавшимся вокруг Маркса, не может быть предан вполне заслуженному им забвению... Свою деятельность он продолжал в берлинской "Zukunft", органе прусской демократии, основанном И. Якоби, № 167, 187, 189 за 1869 год»*.

Можно только удивляться этому «образцу спокойного и делового изложения» и «преступному легкомыслию», с каким столь суровый приговор произносится на основании непрочитанных статей.

Мы, как любезно называет нас Неттлау, «ограниченные марксисты», отличаемся большим недоверием даже по отношению к нашим учителям, которые, по словам «самого» Гильома, столь же невежественны, как мы. Правда, мы нашли в их бумагах все три статьи: правда, на третьей статье (№ 189) написано: «конец», но нам кажется, что и третья статья обрывается неожиданно. И нам приходит в голову мысль: не существует ли еще одной статьи, не напечатал ли все-таки Боркхейм своих «бесчестных обвинений» где-нибудь после Базельского конгресса**. В «Демократическом еженедельнике» мы не находим никаких следов этого. В настоящее время мы знаем, что Маркс делал все возможное для того, чтобы помешать появлению этих статей в газете Либкнехта***. В «Vorboten» также не находим ни малейшего следа. Таким образом, нам не остается ничего другого, как продолжать наши поиски в «Zukunft».

Мы долго ничего не находим. Последняя или третья статья появилась 15 августа 1869 г. Мы перелистываем дальше. В сентябре ничего не находим, также – в октябре. Лишь в № 256 от 2 ноября 1869 г. мы «открыли» еще одну статью о Бакунине. На этот раз мы приступили к чтению ее более спокойно. Мы знали, что вряд ли найдем что-либо худшее, чем те три статьи, за «легкомысленное распространение» которых Либкнехт подвергся на Базельском конгрессе такому тяжелому наказанию.

Но мы можем заверить Неттлау, который будет нам, наверное, благодарен за наше открытие, что и в этой статье нет ни одного слова о Бакунине как о шпионе. Правда, теперь, после Базельского конгресса, тон статьи более резок – Боркхейм никогда не был таким «образцом спокойного и делового изложения», как Неттлау и Гильом, – правда, помимо панславизма Бакунина, в статье «оплевываются» также его неожиданное превращение из ученика Прудона в «коллективиста», равно

---

* *Nettlau M.* Ibid. P. 360.

** «После Базельского конгресса Маркс был очень сердит на Бакунина. И, быть может, это не случайность, что из-под пера друзей Маркса появились самые клеветнические статьи против Бакунина». Так говорит «товарищ» Брупбахер (на с. 71), «точность» которого произвела на Меринга такое огромное впечатление.

*** Неттлау никогда не видал и «Демократического еженедельника». Но это не мешает ему утверждать, что в этом органе имеются в 1869 г. «позорные статьи» опороченного Боркхейма, где автор «официозным образом» клевещет на Бакунина. Это тоже нечто вроде пророческого зрения.

как его трансформация из друга Герцена в его врага и обратно; но и в этой статье наш фанатический враг России нигде не позволяет себе заподозривать политическую честность Бакунина. Конечно, еще одна черта отличает эту статью от прежних статей. Боркхейм пишет теперь более уверенно и, как бы желая подчеркнуть свою победу над обоими «литераторами» – Марксом и Энгельсом, так долго веривши, что Бакунин действительно «один из немногих людей, которые за шестнадцать лет ушли не назад, а вперед», он читает лекцию Генеральному Совету или, если угодно, Марксу:

«Как только "Интернациональная ассоциация труда" займется прямыми, чисто политическими интернациональными отношениями и официально признает это одной из своих важнейших работ – *что она должна сделать, если захочет продолжать жить*, – цели панславистской пропаганды, дружественно расположенной к рабочим, яснее выступят наружу. Наблюдать за нею есть прежде всего, из соображений самой простой стратегии, долг немцев».

Как видим, «маленький немецкий еврей», несмотря на свои антирусские чудачества и несмотря на то, что он никогда не был «марксистом», не был так глуп, как хотят изобразить его, на основании никогда не прочитанных им статей, Бакунин и его друзья.

Боркхейм не только не «оплевывал» *всех* русских революционеров, но ему мы обязаны признательностью за то, что он обратил внимание Маркса на «великого русского ученого и критика» Чернышевского; он же побудил Маркса заняться зимой 1869 г. изучением русского языка, дабы составить себе самостоятельное суждение о Бакунине и о его русских противниках.

Теперь нам остается сделать некоторые выводы. Прежде всего мы можем снять обвинение с тогдашних друзей Бакунина. Теперь мы понимаем, почему никто из них, и прежде всего Герцен, не заявил протеста против «бесчестных обвинений», на которые жаловался Бакунин. Как бы резко ни относиться к критике Боркхейма, направленной против бакунистского панславизма, но ничего другого не оставалось, как написать возражение на нее, а это, конечно, должен был сделать сам Бакунин. Почему же он предпочел и в этом случае выдвинуть вперед Герцена? Лучший ответ на это дает опубликованное Густавом Майером письмо Бакунина к Якоби, в котором он «отныне» рекомендует себя противником панславизма*.

И если Герцен отказался протестовать против статей Боркхейма, то он сделает это не только потому, что видел в них – теперь мы знаем, было ли это правильно, – «старые махинации Маркса», но также потому, что, как опытный журналист, не столь болезненно чувствительный ко всякой критике, как Бакунин, он не хотел оскандалиться перед Якоби.

Во-вторых, мы очень рады констатировать, что вся берлинская банда преступников так же невинна, как открытая Фогтом «банда поджигателей». И больше всего рады мы тому, что нам удалось вполне «реабилитировать» «тогда еще очень молодого Франца Меринга» от подозрения в том, что он был укрывателем и со-

* Очень жаль, такой серьезный исследователь, как Густав Майер, тоже без критики считает установленными фактами все то, что сообщил ему Неттлау. Теперь он увидит, что все указания «лучшего немецкого знатока Бакунина», поскольку они опираются на показания Бакунина, совершенно беспочвенны. Он увидит также, что его гипотеза, будто Якоби не читал этих статей до их напечатания, совершенно излишня.

участником, хотя бы несколько наивным, этой «бесчестной клеветнической кампании» против Бакунина. Ведь он последний могикан этой старой демократической гвардии!*

В-третьих, мы можем теперь смело сказать, что вся история с мнимым судом чести в Базеле происходила, вероятно, совсем иначе, чем изображает ее Бакунин.

Что Вертгейм был вздорным сплетником, видно уже из письма его к Беккеру. Статьи Боркхейма обратили на себя внимание и служили предметом разговоров в партийных кругах. Когда-нибудь удастся, быть может, установить, где именно происходило это «полупубличное собрание друзей», на котором Либкнехт якобы назвал Бакунина шпионом, – в Берлине или в Вене. Первая статья Боркхейма появилась 21 июля, а вторая – 23 июля 1869 г., а Либкнехт был тогда в Вене, где он выступал на собрании: поэтому очень вероятно, что свое «преступление» он совершил в Вене, и Вертгейм, приехавший немедленно после этого в Женеву, рассказал там всю эту историю.

Но Бакунин хотел во что бы то ни стало примерно наказать Либкнехта. Суд чести приступил к разбору дела. Нетрудно представить себе, что, вероятно, сказал Либкнехт членам суда чести, в числе которых было пять его друзей, не считая Беккера, который тоже присутствовал. Он мог сказать приблизительно следующее:

«Вертгейм – неисправимый идиот и дурак, который не способен даже придать сплетне видимость правдоподобия. Никогда я и мой друг Боркхейм не называли Бакунина шпионом. Но я был того мнения, что Бакунин – панславист. Если это не так, для него остается всегда открытым путь литературной борьбы. Верно также и то, что я считаю основание "Альянса" вредным для Интернационала».

Пусть читатель прочтет в письме Бакунина его собственные слова о речи Либкнехта на суде чести**, и он убедится, что я сделал лишь ничтожные изменения. Нельзя же быть, подобно Бакунину и Гильому, столь наивными, чтобы думать, что Либкнехт, желая спасти себя, в присутствии Беккера приписывал Боркхейму то, чего не было в его статьях.

Этим объясняется также и то, почему Бакунин так легко помирился с Либкнехтом. Только глупые друзья могут думать, что Бакунин требовал, чтобы суд чести удостоверил, что он не шпион русского правительства. В результате всех переговоров дело было, вероятно, ликвидировано в виде резолюции, и Бакунин был настолько умен – в данном случае, где ему нечего было прощать, говорить о благородстве не приходится, – что сжег ее. Тот факт, что Бакунин зажег папиросу о решение суда, – факт, установленный Неттлау после нескольких лет старательных изысканий, – имеет, конечно, большое значение для этого биографа, еще более *добросовестного*, чем известный биограф Гёте – Дюнцер. Мы, со своей стороны, охотно готовы признать, что этот факт установлен по всем действующим до сих пор законам исторической критики. Аминь!

---

* Откровенно говоря, мне с трудом верится, что Мерингдействительно так поздно познакомился с Лассалем, как он «сам показывает». Я предполагаю здесь lapsus memoriae [ошибку памяти (*лат.*). – *Ред.*], который может случиться не только с Бебелем. Я готов даже сделать следующее предположение: статья «Wanderer», появившаяся летом 1869 г., произвела на Меринга такое сильное впечатление не потому, что в ней он впервые прочитал о Лассале, а потому, что первой статьей, написанной им, тогда еще «молодым парнем», в «Zukunft», был отчет об этой статье в «Wanderer». Перечитайте ее, товарищ Мерингг. Вы найдете ее в № 145 от 25 июня 1869 г.

** *Bakunin M.* Oeuvres. Tome V. P. 274.

Но по какому случаю такой шум из-за одной папиросы?

Как и Маркс, Шекспир тоже имел своих предшественников, которые подготовили его появление. В их числе был Мессинджер. Последний создал образ сэра Overreach [Оверрича. – *Ред.*] (Попадай-мимо), который, чтобы доказать свое утверждение, вытаскивает из кармана важный документ. Этот «документ» оказывается, однако, куском пергамента без текста и печати[48].

«Что за чудо! – восклицает он с негодованием. – Я безмерно удивлен. Какой вероломный дух стер письмена!»

Пусть после этого говорят, что не следует верить в чудеса!

IX

Рассмотрим теперь поведение Либкнехта после Базельского конгресса. В том же письме в редакцию «Réveil», из которого Гильом и Неттлау взяли фантастический рассказ о так называемом суде чести, Бакунин пишет 1 октября 1869 г., что Либкнехт обещал опубликовать его статьи.

Как же поступил Либкнехт? «Я не имел возможности поискать в "Volksstaat", – рассказывает нам Неттлау, – но ответ дает "Мемуар" (т. е. Гильом. – *Д. Р.*). Что же сделал Либкнехт? Он не напечатал статей Бакунина, а вместо них напечатал корреспонденции из Парижа М. Гесса, где повторяются те же обвинения, которые базельский суд чести признал бесчестными и клеветническими».

Итак, Неттлау никогда не видал в глаза «Zukunft», и до 1898 г. он не имел еще в своих руках «Volksstaat», но... если это была неправда, мог ли бы Гильом так категорически утверждать!

Но факт тот, что вся эта история не имеет никаких оснований.

Мы знаем уже, что в «Réveil» нельзя найти ни одного «бесчестного» слова о Бакунине. Также не найдем мы ни малейшего следа «подобных же клевет» в корреспонденциях Гесса в «Volksstaat». Это не удалось даже Неттлау. Более того. Так как первый номер «Volksstaat» вышел лишь 2 октября 1869 г., то не исключена была возможность, что Либкнехт еще в своем прежнем органе, «Демократическом еженедельнике», напечатал статью Гесса, содержавшую «подобные же клеветы». Но и там мы не нашли ничего подобного, а то, что мы нашли, доказывает лишь, что Либкнехт поступил по отношению к Бакунину действительно благородно. Первая корреспонденция была напечатана в «Демократическом еженедельнике» 25 сентября 1869 г., в ней нет ничего, интересующего нас теперь. Лишь во второй корреспонденции, появившейся в *последнем* номере, Гесс делает попытку рассказать «подобную же историю» Базельского конгресса. При этом он ссылается на Эккариуса, который был впоследствии большим другом Гильома и состоял также членом суда чести. Между прочим, он сообщает, что на конгрессе среди большинства, голосовавшего за известную резолюцию, было также незначительное меньшинство – бакунистское, которое можно назвать «коммунистическим в грубом смысле слова».

Но на этом «клевета» и кончается. Все то, что Гесс рассказывал в своей статье в «Réveil», зачеркнуто здесь редакционным карандашом Либкнехта. Пробел заполнен следующими словами редакции в круглых скобках:

«Наш корреспондент дает здесь некоторые детали, которые мы не печатаем из партийных соображений».

Но нам не нужен лучший свидетель, чем сам Бакунин. В цитированном нами уже письме от 4 апреля 1870 г. мы читаем:

«Господин Либкнехт продолжает самым вероломным образом выступать против меня и вообще против всех русских революционеров. *Правда, он напечатал мое воззвание к русской молодежи и письмо Нечаева*, но одновременно опубликовывает против меня статью, столь же нелепую, как и бесчестную. Статью, написанную неким субъектом по имени Боркхейм, маленьким евреем, орудием Маркса... Я начал ряд писем в ответ всем этим еврейским и немецким шавкам. Скоро я думаю их закончить; первое письмо уже готово и переводится на немецкий язык. Оно будет послано в "Volksstaat", орган социал-демократии германских рабочих, издаваемый Либкнехтом».

Читатель, быть может, удивится, что Бакунин, констатировав все вероломство Либкнехта по отношению к русским революционерам, все же считал возможным обратиться к редакции «Volksstaat».

И, однако, это невозможное стало фактом. Мы берем «Volksstaat» и находим там – представьте себе – статью, в виде больших писем, *Михаила Бакунина* «Briefe über die revolutionäre Bewegung in Russland. An die Redaktion des "Volksstaat". Датирована: «Женева, 8 апреля 1870 года»*.

И о чем же пишет «простодушный» Бакунин «вероломному» Либкнехту? Он жалуется, наверное, на вновь причиненную ему тяжелую обиду и на оплевывание русского революционного движения?

Нет. Не желчью – медом дышат слова Бакунина:

«Гражданин редактор! *Прежде всего примите мою благодарность за напечатание воззвания к русской молодежи и письма моего соотечественника Нечаева, а еще более за вашу сочувственную оценку происходящего ныне в России революционного движения. Это признание со стороны Германии представляется нам новым событием*».

Это – то самое письмо, которое Энгельс в письме к Марксу от 29 апреля 1870 г. находит «действительно очень наивным»[49], причем Энгельс не порицает самого *факта* опубликования этого письма.

Почитаем теперь статью Боркхейма. Она называется «Der Brief Netschajeffs» и направлена против Нечаева. О Бакунине мы находим только следующие строки:

«Герцен мертв**; в Германии с Бакуниным покончили в берлинской "Zukunft"; и тем самым его влияние во Франции и Англии сведено к нулю. Его интриги в Италии и Испании не имеют значения».

И что же пишет Боркхейм дальше? Он ставит Нечаеву несколько вопросов, обращаясь к нему с покорнейшей просьбой выяснить некоторые неясные пункты в его письме, и кончает следующим протестом, который мы цитируем дословно, так как здесь упоминается и Бакунин:

«Мы протестуем наконец против обозначения господином Нечаевым русского правительства как татаро-немецкого»***. Это обозначение имеет целью ввести в

---

* «Der Volksstaat». 1870 от 16. IV и № 32 от 20.IV.

** Он умер незадолго до этого, 21 января 1870 г.

*** В том, что статьи Боркхейма были написаны не только против Бакунина как представителя России, но и против Маркса как представителя Англии, легко может убедиться всякий, кто прочтет исследования Маркса в области русской истории. Эти исследования были подвергнуты

обман, и мы повторяем господину Нечаеву то, что мы уже сказали господину Бакунину в «Zukunft» от 13 августа 1869 г.: «Привычка ставить русскую каторжную жизнь в вину немцам не только подогревает взаимную "расовую любовь" славян, но и щекочет их самолюбие по отношению к западным нациям. Петербургское правительство не татарское, не немецкое и не татаро-немецкое, – оно *русское*».

Мы повторяем, что маленький немецкий еврей далеко не был так «глуп», как «показывает сам» Бакунин.

Но почему был так возмущен Бакунин, почему Неттлау, читавший, по-видимому, эту статью Боркхейма, тоже говорит, что она содержит низкую клевету против Бакунина?

Причина этого очень проста. Ее, быть может, знал и лукавый Боркхейм. В *марте* 1870 г. Бакунин и Нечаев составляли если не одно тело, то, во всяком случае, одну душу. Так называемое «письмо Нечаева» было на самом деле письмом *Бакунина*, и всякий выпад против Нечаева означал нападение на Бакунина.

Кто был Нечаев, мы сейчас увидим. Но что Либкнехт, даже спустя шесть месяцев после «лекции», отнюдь не давал Боркхейму полной «свободы действий», видно уже из того, что он предоставлял страницы «Volksstaat» к услугам всех противников Боркхейма и друзей Бакунина и Нечаева.

Приведем только несколько выдержек из ответа Нечаева, который является вместе с тем и ответом Бакунина:

«Я не мог скрыть, гражданин редактор, что я был очень неприятно поражен, встретив в вашей уважаемой газете и в вашей партии подобного урода или софиста. Я дал себе труд прочесть эти "Русские письма", и все, что я могу сказать о них, – это, что они столь же нелепы, как отвратительны, полны клевет, лжи, нелепостей и в каждой строчке обнаруживают большое невежество и бессильную злобу».

Так писал в «Volksstaat» Нечаев против Боркхейма. А Неттлау называет это «давать Боркхейму полную свободу действий»!

– Да, – скажет, может быть, Неттлау, – но в номере от *16 июля* Либкнехт открыто принимает сторону Боркхейма, он пишет, что все, рассказанное Боркхеймом о Нечаеве, было ему «подтверждено с самой компетентной и заслуживающей доверия стороны и что Боркхейм оказал демократии большую услугу, раскрыв это скандальное надувательство».

Но кто же был на этот раз самым компетентным и заслуживающим доверия свидетелем? Не еврей ли опять, немецкий или русский, маленький или большой, подобно Боркхейму или Утину?

Нет, то был даже не купец или сын водочного откупщика, а, подобно Бакунину, дворянин*.

мной критике еще в 1908 г. Ср.: «Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa», глава 5: «Das Tatarenjoch und der Absolutismus in Russland» (Ergänzungshefte zur Neuen Zeit, № 5). (Напечатано во втором томе этих «Очерков». Что Маркс еще в шестидесятых годах сильно переоценивал татарское влияние, видно теперь из его писем к Энгельсу в 1867 г.)

* Читатель уже знаком с хорошим тоном Гильома, Неттлау и «товарища» Брупбахера. Они вообще очень аристократичны. Так, например, говоря об Утине, они никогда не забывают прибавить: «сын еврея – водочного откупщика». Меринг «утаивает» слово «еврей», но придает значение тому, что Утин, видимо, по испорченности характера избрал себе в отцы водочного от-

Теперь это был *Лопатин*, приехавший к Марксу с рекомендательным письмом от Лафарга и вскоре же ставший членом Генерального Совета. *Этот* свидетель тем важнее для нас, что все – Маркс, Энгельс, Лафарг, Гильом, Бернштейн – отзываются о нем с большим уважением*.

Читатель, наверное, не посетует на нас за то, что мы несколько подробнее будем цитировать сообщение Лопатина. 5 июля 1870 г. Маркс писал своему другу Энгельсу следующее[50]:

«Лафарг известил меня, что молодой русский Лопатин привезет рекомендательное письмо от него...

Он еще очень молод, два года провел в тюрьме, а потом восемь месяцев в крепости на Кавказе, откуда убежал. Он сын бедного дворянина и, будучи студентом Петербургского университета, зарабатывал себе на жизнь уроками. Теперь он живет, очень нуждаясь, переводами на русский язык...

У него очень живой, *критический* ум, веселый характер, стоический, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет. Его слабый пункт – *Польша*. О ней он говорит точь-в-точь, как англичанин – вернее, как английский чартист старой школы – об Ирландии.

Он рассказал мне, что вся история о Нечаеве (23 года) – наглая ложь. Нечаев *никогда* не сидел в русских тюрьмах, русское правительство никогда не устраивало покушения на него и т. д.

Дело было так: Нечаев (один из немногих агентов Бакунина в России) принадлежал к одному тайному обществу. Другой молодой человек Х., богатый и увлекающийся, оказывал этому обществу денежную поддержку через Нечаева. В один прекрасный день Х. заявил Нечаеву, что не даст больше ни одной копейки, так как он не знает, куда деньги деваются. После этого господин Нечаев (может быть, потому, что он не мог представить отчет в деньгах) предложил своим сотоварищам по тайному обществу убить Х., ибо он может в *будущем* изменить свои убеждения и стать предателем. *Он действительно убил его*. Русское правительство преследовало его как *простого убийцу*.

В Женеве Лопатин прежде всего потребовал объяснений лично у Нечаева (по поводу его лживых россказней); тот оправдывался тем, что эти политические сенсации полезны для так называемого дела. Потом Лопатин рассказал эту историю Бакунину, который сказал ему, что он, "добродушный старик , всему этому поверил. Бакунин потребовал от Лопатина повторить это в присутствии Нечаева. Лопатин немедленно отправился вместе с Бакуниным к Нечаеву, где повторилась та же сцена, Нечаев молчал. Пока Лопатин оставался в Женеве, Нечаев держался очень скромно, точно воды в рот набрал.

Но едва только Лопатин уехал в Париж, как снова началась эта безобразная комедия.

Вскоре после этого Лопатин получил от Бакунина оскорбительное письмо по поводу этого дела.

Он ответил ему в еще более оскорбительном тоне.

купщика. Не считает ли он доказательством возвышенного образа мыслей Бакунина, что он был сыном русского рабовладельца, безжалостно эксплуатировавшего и мучившего своих крестьян?

* О нем см.: *Lawroff P.L.* Hermann Alexandrowitsch Lopatin // Neue Zeit. 1898. Русская революция 1905 г. освободила его после более чем двадцатилетнего заключения.

Результат: Бакунин написал «Pater, peccavi» – письмо (оно *здесь*, в руках у Лопатина), но il est un bon vieillard crédule (он легковерный, добродушный старик)».

Послушаем теперь другого свидетеля. В мае Нечаев отправился в Лондон с теплым рекомендательным письмом Бакунина к Таландье.

24 июля тот же Бакунин писал тому же Таландье[51]:

«Он (Нечаев) пришел к убеждению, что необходимо основать серьезное и несокрушимое общество, взять за основу политику Макиавелли и принять без всяких оговорок систему иезуитов: для тела – одно насилие, для души – ложь. Если Вы представите его Вашему другу, он немедленно постарается посеять между вами раздоры, сплетни и интриги, – словом, рассорить Вас. Если Ваш друг имеет жену или дочь, он постарается прежде всего соблазнить ее и добиться того, чтобы она родила ребенка, с целью вырвать ее из круга официальной морали и толкнуть на революционный протест против общества... Его последней попыткой было не что иное, как основание в Швейцарии банды воров и разбойников, разумеется, для того, чтобы достать деньги для революционных целей».

Так пишет Бакунин о том самом человеке, с которым он в течение более года действовал во всем заодно, несмотря на все предостережения с различных сторон, и для которого он еще за несколько месяцев до этого, как не без оснований полагает и Гильом, редактировал и послал Либкнехту цитированное выше и полное лжи письмо от 8 апреля, которое Нечаев оправдывал тем, что политические сенсации полезны для дела.

Между прочим, Нечаев отнюдь не был отбросом рода человеческого.

Свою несокрушимую смелость и силу убеждений он достаточно доказал во время своего процесса и заключения в тюрьме.

Мы не будем теперь заниматься вопросом, насколько Бакунин несет ответственность за «нечаевщину». Достаточно констатировать, что молодой Нечаев, при всей своей сверхчеловеческой энергии, никогда не мог бы играть такую роль, если бы за ним не стоял Бакунин, в качестве агента которого он действовал. В умственном отношении он не представлял ничего особенно выдающегося.

Бакунин порвал с Нечаевым не из-за *принципиальных* разногласий, не из-за проектированной Нечаевым революционной экспроприации*, а потому, что, как он убедился, этот «юноша», как называл он Нечаева, не хотел служить его орудием, а, наоборот, хотел использовать его же в качестве орудия. Повод к разрыву дал так называемый революционный фонд Бахметьева, игравший в русском революционном движении подобную же роль, как революционный фонд Кинкеля, находившийся в распоряжении Ладендорфа. Бакунин употребил все средства для того, чтобы Огарев, заведывавший этим фондом вместе с сыном Герцена, передал

* Так, на упрек одного из членов тайного «Альянса» Бакунину, что он впал в противоречие с самим собой, препятствуя Нечаеву осуществить его план, Бакунин отвечает следующим образом: «Что касается его последнего предприятия в Швейцарии, то ты, мой дорогой друг, ошибаешься, полагая, что я впал в противоречие с принципами и планами, которые некогда я сам защищал против Моншаля. Я никогда не отказывался от них и скоро представлю этому достаточные доказательства. Но важно, чтобы все это было проделано, во-первых, с самой полной солидарностью, во-вторых, со знанием места, обстоятельств, людей и с величайшим благоразумием. Нечаев же хотел действовать за нашей спиной, причем он пользовался нашими людьми, как, например, Анри, и действовал так глупо, что эта история покрыла бы нас всех позором и погубила бы. Именно потому препятствовал я его плану». – Это написано 19 августа 1870 г.[52]

деньги Нечаеву. Через несколько дней после этого произошел разрыв между Бакуниным и Нечаевым.

Но Бакунину, который публично так полно отождествил себя с Нечаевым, трудно было публично порвать с ним. В том же письме к Таландье, в котором он предостерегает его против Нечаева, он настоятельно просит его не давать этого заметить Нечаеву*. В дальнейшем Бакунин также предпочитал молчать об этом. «Украденные» Нечаевым бумаги он и друзья его получили только после того, как Нечаев был выдан русскому правительству.

Теперь остается только удивляться доброму Нетлау и всем столь же добрым господам, которые в первом и в последнем счете опираются на него же, когда он со всем пафосом глубочайшего морального возмущения обрушивается на бедного Либкнехта за то, что он якобы предоставил Боркхейму полную «свободу действий» для «оплевывания» всех (?!) русских революционеров, в том числе Нечаева!

Дело обстоит как раз наоборот. Если Либкнехт встречал часто с недоверием русских революционеров следующего поколения и в каждом из них подозревал маленького Нечаева, то это было только вполне естественной, подчас очень сильной реакцией против того большого доверия, которое он питал раньше к Бакунину и Нечаеву. Последние сами вызвали в Либкнехте недоверие к русским, а не нашли его в готовом виде.

Так обстоит дело в свете исторической критики со всеми «такими же клеветами», которые Либкнехт будто бы «вновь опубликовал» «вскоре» после Базельского конгресса.

Дабы «товарищ» Брупбахер не мог сказать, что я «утаил» самое «точное» из приведенных им доказательств, удостоверяющих низость Маркса и Либкнехта, я приведу читателю из его «заслуженного и полезного труда» конец рассказа о «некрасивых» и «непривлекательных» махинациях Бебеля, Либкнехта и Маркса.

«Они (т. е. уже известные нам "такие же клеветы") *появились также в одной американской* газете. *Когда друзья Бакунина протестовали против этого, редактор заявил: "Я получил эту информацию от моего друга Карла Маркса, сообщившего мне ее из Лондона"; он обещал напечатать опровержение, которое, однако, не появилось*».

Может ли быть более «точное» доказательство? В «какой-то» газете, «какие-то друзья», «какой-то» редактор, «какие-то» клеветы!

«Cacatum est, non pictum [нагажено – не нарисовано (*лат.*), т. е. не одно и то же. – *Ред.*]» – сказал по «какому-то» поводу на Готском конгрессе в 1896 г. старый грубовато-резкий «солдат революции»[53]; «Cacatum est, non scriptum [нагажено – не написано (*лат.*). – *Ред.*]», – сказал бы он об этом «образце спокойного и делового обсуждения».

---

* «По многим причинам нам нежелательно, чтобы они (Нечаев и его друг [Серебренников В.И. – *Ред.*]) *теперь* узнали, что мы ведем против них войну по всем пунктам. Необходимо, чтобы они думали, что эти предостережения исходят из лагеря моих противников, что, впрочем, будет соответствовать истине, ибо, как мне известно, о них написали в очень энергичном тоне в Лондон Генеральному Совету. Не разоблачайте нас преждевременно в их глазах. Они украли у нас бумаги, и их-то мы должны сперва получить обратно». Разумеется, Бакунин был «человеком без задних мыслей»!

Разные Штиберы и Фогты нередко забрасывали наших великих мертвецов грязью. Но последних это ничуть не трогало. «Кто шествует по пути истории, – повторил однажды Маркс слова Чернышевского, которому также приходилось достаточно терпеть от русских Штиберов и Фогтов, – не должен пугаться грязи»[54].

Но поистине наши великие мертвецы не заслужили того, чтобы любой «сентиментальный осел», как выразился бы Бакунин, безнаказанно оскорблял их память, да еще под защитой партийного флага!

X

Но, скажут нам, вы забываете знаменитое «Конфиденциальное сообщение», которое Маркс послал своим немецким сторонникам 28 марта 1870 г. и где он, бесстыдно злоупотребляя именем Генерального Совета, предательски оклеветал Бакунина.

Это – то самое «Конфиденциальное сообщение», которое «товарищ» Брупбахер перепечатал для того, чтобы «лучше осветить всю степень простодушия Бакунина», и которое он признает позорным пятном на характере Маркса; по его мнению, это пятно «никогда не будет смыто и в лучшем случае сможет быть объяснено психологически».

Вот уже сорок лет это «Конфиденциальное сообщение» выдвигается против Маркса. Правда, в течение *тридцати* лет авторы этого обвинения не имели ни малейшего представления о содержании этого сообщения; они упорно повторяли слово «конфиденциальное», а ведь известно, что повторение является самой сильной риторической фигурой, огромной гипнотизирующей силой.

Indignatio facit poëtam[55]. И в данном случае нарисовали себе яркую картину, которая действует на читателя гораздо сильнее, чем самое убедительное логическое доказательство.

Согласно этой картине в Лондоне сидел вероломный Маркс и рассылал свое «Конфиденциальное сообщение» если не всему миру, то, во всяком случае, Либкнехту и компании; в Локарно же сидел простодушный Бакунин и, ничего не подозревая, корпел над переводом приведшего его в восхищение «Капитала», этого сочинения высоко ценимого им учителя, с которым он горячо желал жить в полном согласии.

Подобным же образом в Берлине сидел оклеветанный Швейцер и писал свою блестящую статью о «Капитале», а в Лейпциге сидел агент Маркса Либкнехт и объявлял его агентом Бисмарка.

Эта картина была слишком соблазнительна, чтобы Мерингмог устоять против нее. Он писал:

«В марте 1870 года, когда Маркс отправил из Лондона свой первый циркуляр (т. е. "Конфиденциальное сообщение") против "крайне опасного интригана", Бакунин потел в Локарно над попыткою перевести "Капитал" на русский язык».

Как известно, Меринг – принципиальный враг кавычек. Но на этот раз он делает исключение, дабы еще сильнее оттенить привлекательность простодушного Бакунина.

Мы видели, что́ писал Бакунин о малых и великих немецких евреях в *октябре 1869 г.*, теперь мы знаем, почему он в то время «щадил» и «любил» Маркса; теперь

мы знаем его хитрый план кампании против Маркса, сообщенный им Герцену *вскоре* после Базельского конгресса.

К этому времени относится его попытка перевести «Капитал»[56]. Уже из статьи Бернштейна читатель мог узнать, что Бакунин предпринял эту работу не «из уважения к научной ценности» «Капитала». Лишь в декабре приступил он к этой работе. Верно только то, что он над ней «потел». И уже в *феврале* 1870 г. он ее прервал.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, почему это произошло. *3 марта 1870 г.* лицо, доставившее эту работу Бакунину (то был один русский[57]), получило знаменитый «аутентический документ», при помощи которого Маркс будто бы хотел на Гаагском конгрессе «доказать мошенничество Бакунина» на том основании, что Бакунин «не вернул своему издателю аванса». До того времени было лишь известно, что Нечаев, по поручению Бакунина, будто бы сообщил, что последний от работы отказывается[58].

Мерингу рассказывает нам, что этот документ опубликован Бернштейном, но что он нисколько не порочит чести Бакунина. Возможно, что это так. Но мы убеждены, что не только Гильом, Неттлау и все находящиеся еще в живых друзья Бакунина, но и Бернштейн, якобы опубликовавший этот документ, были бы весьма признательны Мерингу, если бы он указал, в каком именно журнале и когда именно опубликован этот «аутентический документ», о котором он говорит столь категорически.

Пока же мне остается предположить, что Меринг взял свои новые сведения из тех же «каких-то» источников, из которых он узнал также, что Бакунин не закончил перевода потому, что «вскоре вспыхнула франко-прусская война; она и последствия ее увлекли Бакунина в водоворот страстной агитации».

Тов. Меринг может успокоиться. Каким бы злобным характером ни отличался Маркс, но никогда не делал он попытки «лишить Бакунина его честного имени» на том основании, что «он не вернул своему издателю аванса в 300 рублей». И это по очень простой причине. Маркс был тоже «литератором» и отлично знал, что «немало писателей», и в том числе знаменитейшие имена, «нередко не возвращали аванса своим издателям». Филистером и мещанином Маркс никоим образом не был. Но он был не только «литератором», а также духовным вождем и советником если не самой многочисленной, то самой разветвленной и развитой из существовавших тогда рабочих организаций. И он отличался высоким чувством моральной ответственности перед рабочим классом и перед историей!

Но если и новое утверждение Меринга также не выдерживает соприкосновения с суровыми фактами, то оно все же имеет бесспорное преимущество. Оно не является «плагиатом». Честь объяснения гаагского инцидента филистерскими и мещанскими мотивами принадлежит исключительно Мерингу!

XI

Посмотрим теперь на другую половину картины, вернемся к Марксу, который «украл и скрыл прекрасную корону».

Немногие оставшиеся еще в живых старые партийные товарищи, современники той исторической эпохи – в их числе, может быть, и Меринг – помнят, что «Конфиденциальное сообщение» уже сыграло однажды роковую роль в истории германской социал-демократии. Оно послужило тем дальнобойным орудием, ко-

торое прокуратура выдвинула, чтобы доказать «подпольные действия» Интернационала и солидарной с ним германской социал-демократии (разумеется, только «эйзенахцев»). Один раз это прокуратуре не удалось, а второй раз удалось как нельзя лучше.

Начнем с последнего, с так называемого процесса по обвинению в государственной измене.

В отчете о шестом дне заседаний суда (16 марта 1872 г.), напечатанном в «Volksstaat» (№ 23 от 20 марта 1872 г.), мы читаем следующее:

«Далее следует чтение "Конфиденциального сообщения" Генерального Совета Интернационала из Лондона от 28 марта 1870 года относительно русского Бакунина и происков его внутри Интернационала. К этому документу, составленному на немецком языке, присоединен другой, французский документ, перевод которого также оглашается...

Из указанного сообщения Генерального Совета председатель извлекает, как особо существенные, следующие три пункта: 1) в нем говорится, что Генеральный Совет держит непосредственно в своих руках великий *рычаг пролетарской революции*, откуда господин председатель заключает, что Генеральный Совет рассматривает самого себя как верховный революционный комитет, а подчиненные ему организации – как *подчиненные революционные комитеты*; 2) во французском документе идет речь о "серьезной *подпольной* деятельности" Генерального Совета, т. е., как полагает председатель, о такой деятельности, которая имеет все основания *прятаться от лица* закона; 3) в документе сказано: "эйзенахская социал-демократическая партия принадлежит к Интернационалу, партия Швейцера не принадлежит", откуда председатель опять-таки делает вывод об официальной принадлежности этой партии к Интернационалу как его группы».

Со стороны председателя – господина Мюке, хорошо известного теперь всем по воспоминаниям Бебеля[39], – это был ловкий удар, подготовленный при помощи какого-нибудь Штибера или прокурора. Правда, обвиняемые знали, что «Конфиденциальное сообщение» попало в руки полиции еще 9 сентября 1870 г., при обыске у Шпира, члена Брауншвейгского комитета; они знали, что оно, вместе с другими письмами, приобщено к огромному обвинительному материалу; но по причинам, которые мы после узнаем, они считали этот вопрос ликвидированным.

Лишь это обстоятельство объясняет нам, почему, как видно из ответа Либкнехта, эти вопросы были неприятны для обвиняемых. Наиболее неприятным был вопрос второй. Либкнехт, очень умело показав нелепость первого вопроса, продолжал:

«Далее: выражение "серьезная подпольная деятельность", как то видно из его буквального смысла, употребляется в противоположность шарлатанской поверхностной рекламе и означает серьезное воздействие на базисе экономических отношений, в отличие от напыщенных фраз Бакунина, которые недавно подверглись осуждению. Итак, я понимаю слово "подпольный", в соответствии с самым строгим смыслом этого слова, как противоположность слову "поверхностный". Если бы слово "подпольный" было равнозначаще "тайному", – а я должен признать, что *само по себе* это выражение может быть понимаемо таким образом, – то Генеральный Совет допустил бы нарушение статутов Интернационала, согласно которым он должен действовать лишь *публично*. Вообще, я не могу верить, что "Конфиденциальное сообщение" исходит от Маркса. Маркс – секретарь для Германии, а не

для Швейцарии; между тем нет сомнения, что секретарь для Швейцарии должен был составить документ, предназначенный прежде всего для Швейцарии. Во всяком случае, никто не имеет права подсовывать Марксу заговорщические тенденции, так как он был всегда противником заговоров и часто самым резким образом заявлял это».

«Отговорки» Либкнехта нисколько не помогли ему. Прокурор Гофман заявил: «В то время как раньше коммунисты действовали тайным образом, Интернационал изменил программу в том смысле, что проповедовал публичность. Но этой открыто выражаемой тенденции к публичности противоречит факт, указанный самим Генеральным Советом в "Конфиденциальном сообщении": его деятельность *подпольная* – он держит в своих руках рычаг революции: Генеральный Совет выступит в решающей роли в случае возможных революций».

Но «на далеком юге», в Швейцарии, сидел гораздо более опасный обвинитель, столь же молодой, сентиментальный и беспощадный, как Сен-Жюст: то был Гильом.

В своем «Мемуаре» он писал:

«Председатель суда присяжных говорит, что в "Конфиденциальном сообщении" Генерального Совета сказано о "серьезной подпольной деятельности" Генерального Совета, и спрашивает Либкнехта, что следует понимать под этим выражением. Что же ответил Либкнехт?»

Далее у Гильома следует «уничтожающий» анализ всех отговорок Либкнехта. Они развиваются, рассеиваются, уничтожаются слово за словом. Гильом доказывает, как дважды два – четыре, что председатель и прокурор имели полное право говорить о серьезной подпольной деятельности Генерального Совета. Да, Маркс был конспиратор, занимавшийся «подпольной деятельностью». Но председатель и прокурор неправильно поняли эти слова. В этом таинственном «Конфиденциальном сообщении» идет речь не о «подпольной деятельности» против буржуазного общества, – ведь «мы, анархисты, также смертельные враги этого общества, и гораздо более радикальные», – а о «подпольной деятельности» марксовой клики, направленной против всего Интернационала.

«Тайная, безличная и диктаторская организация, руководимая исключительно своекорыстными интересами, извращающая моральное чувство тех, кто служит ей в качестве орудия, беспощадно сокрушающая все, что стоит на ее пути; такая организация способна на все, и все бесчестные действия, которые возмущали бы нас, если бы их совершал человек, взгляды и дела которого свободны, не удивляют нас со стороны этой иезуитской организации».

«*Первое вещественное и неопровержимое доказательство подпольной деятельности марксовой котерии*» этот новый Сен-Жюст – последний также быстро открыл за спиною Дантона лондонского Питта – нашел в двух словах председателя лейпцигского суда*.

Это не мистификация, и мы не в доме сумасшедших. Но если это безумие, то в нем есть своя система.

Подобно Гильому, Неттлау также не имел ни малейшего представления о содержании «Конфиденциального сообщения». Правда, в свет вышло отдельное из-

* Mémoire de la Fédération Jurassienne. Sonvillier, 1873. P. 82, 83, 241–244.

дание «Процесса по обвинению в государственной измене», но Либкнехт и Бебель были так вероломны, что все еще скрывали упомянутое сообщение...

«Нам не удалось нигде достать копию "Конфиденциального сообщения", – пишет Неттлау, – а судебная копия была бы слишком дорога».

Ввиду этого Неттлау не оставалось ничего другого, как строить «гипотезу». Опираясь на «какие-то» источники, он «установил», что весь собранный Утиным для Маркса материал о Бакунине и Нечаеве «содержался в так называемом "Конфиденциальном сообщении", *оставшемся до сих пор неизвестным*».

К счастью, существует еще правда на земле. Маркс был разоблачен одним из его же окостеневших учеников. 7 января 1899 г. Неттлау выразил горячее пожелание, чтобы какой-нибудь «случай раскрыл» «глубокую тайну» «Конфиденциального сообщения», и через три года, 12 июля 1902 г., эта «глубокая тайна» была раскрыта Каутским, который извлек «Конфиденциальное сообщение» на свет божий.

И что же оказалось? Оказалось, что таинственное «Конфиденциальное сообщение» есть не что иное, как циркуляр от 16 января: «Communication privée», по-немецки «Konfidentielle Mitteilung», который Неттлау собственной рукой поместил в своем монументальном труде в тот же день, 7 января 1899 г., когда выражал страстное желание, чтобы тайна была раскрыта: это «страстное желание» выражено на странице 379, а «Communication privée» напечатано на страницах 375–377!

И где же нашел Неттлау этот таинственный документ? В бумагах интимного друга Бакунина, русского Жуковского, который вместе с Гильомом был делегирован бакунистами на Гаагский конгресс.

Что же сказал после этого Гильом? Узнал ли он в «Конфиденциальном сообщении», напечатанном в «Neue Zeit», тот самый циркуляр, который он читал у Неттлау в 1900 г. и которого он до того времени будто бы не видел?

Конечно, да. Достаточно почитать следующий рассказ. Нельзя представить себе более уничтожающую критику этого «образца спокойного и делового изложения», как называет Неттлау «Мемуар» Гильома. Этот рассказ, как самокритика, заслуживал бы величайшей похвалы, если бы автор его не настаивал на всех своих выводах, хотя он мог убедиться в том, что его факты ни на чем не основаны*.

«На лейпцигском процессе (заседание 16 марта 1872 года) председатель суда говорил о "Конфиденциальном сообщении" Генерального Совета, датированном 28 марта 1870 года и редактированном частью на немецком, частью на французском языке. Во французской части (представлявшей не что иное, как "Конфиденциальное сообщение" от 1 января 1870 года), по словам председателя, шла речь о "серьезной подпольной работе" Генерального Совета. В то время весь контекст был мне неизвестен, и я *полагал, что это выхваченное из текста выражение о "подпольной работе" относится к тайной диктаторской организации, посредством которой котерия Маркса пыталась руководить Интернационалом; в таком смысле я комментировал это выражение в своем Мемуаре*»**.

---

* Во избежание недоразумений заметим следующее: смешно было бы видеть в «Мемуаре» значительный исторический вклад в историю Интернационала, но нет сомнения, что это один из важнейших документов этой истории. Подобно всякому другому документу, он должен быть использован и подвергнут критическому рассмотрению.

** *Guillaume*. L'Internationale. Tome premier, p. 265–266.

Читатель видит, что я его не мистифицировал. Если мог ошибаться такой гигант, как Маркс, почему не ошибиться и Гильому?

Но дело в том, что этот «образец спокойного и делового изложения» составляет еще по сей день тот источник, из которого все немарксисты и даже все марксисты, не страдающие манерами «марксовых попов», черпают, прямо или косвенно, свои сведения по истории Интернационала.

XII

Но как же происходила вся эта история в действительности? Носило ли «Конфиденциальное сообщение» действительно столь «конфиденциальный» характер, как хотят нас уверить Гильом и Неттлау?

Дело гораздо проще. «Вскоре» после Базельского конгресса газета «Egalité», руководимая в то время бакунистами, открыла поход против Генерального Совета. Это произошло, как думали, под влиянием Бакунина. Так думали в Женеве, так же думали и в Лондоне. Даже Гильом вынужден сказать, что Генеральный Совет имел основание так думать, и теперь находит весьма резкие слова для редакции, испортившей дело несвоевременным усердием.

От Генерального совета требовали, между прочим, чтобы он официально и публично высказался о деле Либкнехта – Швейцера; порицали Генеральный Совет за превышение им полномочий в резолюциях об арестованных фениях, так как он не должен был заниматься политическими вопросами местного характера; требовали, чтобы он отказался от непосредственного контроля над Англией и учредил, рядом с собой, особый центральный комитет для Англии.

«Egalité» была органом Романской федерации. Если Генеральный совет мог игнорировать нападки газеты «Progrès» в Локле, – выходившей «под редакцией фанатического приверженца Бакунина – Гильома», – то он не мог сделать того же по отношению к центральному органу швейцарских членов Интернационала, говоривших на французском языке.

Все эти вопросы подверглись обсуждению уже в заседании Генерального Совета 14 декабря*. Решено было ответить на вопросы в ряде резолюций, которые, как то имело место почти всегда, составлялись подкомиссией из всех секретарей для отдельных стран или, если угодно, Марксом. Так как Генеральный Совет – или, если угодно, Маркс – держался того мнения, что ответы на эти вопросы не подлежат опубликованию, а должны быть сообщены лишь секциям Интернационала, то решено было – это был первый случай – послать ответ Генерального Совета Федеральному совету Романской Швейцарии в Женеве в форме «communication privée» (по-немецки «konfidentielle Mitteilung»), т. е. как сообщение, которое, подобно всем сообщениям Генерального Совета, предназначается *для всех секций* Интернационала, но не подлежит опубликованию.

Юнг послал указанное сообщение швейцарским комитетам, Дюпон, секретарь для Франции, – французским, Маркс же, в качестве секретаря для Германии, «отправил» «Конфиденциальное сообщение» Брауншвейгскому комитету. Но он находился в гораздо более затруднительном положении, чем его коллеги, секретари для Швейцарии, Бельгии и Франции. Как открыто заявил Либкнехт на процессе

* Согласно неопубликованным протоколам Генерального Совета[60].

по обвинению в государственной измене, эйзенахцы принадлежали к Интернационалу *«идейно и фактически, но не официально и формально»*. До тех пор они могли узнавать все постановления Генерального Совета из газет. Но теперь дело обстояло иначе. Впервые Генеральный Совет как *таковой* был вынужден послать сообщение, не предназначенное для печати. Маркс избрал поэтому следующий путь: он допустил «фальсификацию», превратив сообщение Генерального Совета в частное сообщение, писал в нем о себе в третьем лице, «утаил» все официальные формулы, как, например, фразу: «Подлежит сообщению только всем комитетам Международного Товарищества Рабочих», а также не подписался под ним в качестве секретаря для Германии. Документу он предпослал некоторые объяснения, как то делали все секретари, и добавил в конце кое-какие новые факты, которые стали ему известны недавно.

Маркс, считавший себя очень ловким заговорщиком, полагал, что даже прусская полиция не сможет теперь сделать из «Конфиденциального сообщения» улику против эйзенахцев.

Хотя Маркс не принимал в своих расчетах во внимание франко-прусской войны и Фогеля фон Фалькенштейна[61], тем не менее мог убедиться, что он и Кугельман, который был адресатом, действовали очень благоразумно. Сделанная Кугельманом копия не носила ни малейших следов происхождения от Генерального Совета. И когда она была забрана полицией у Шпира (9 сентября 1870 г.), она не оказала никакого влияния на процесс брауншвейгского комитета, происходивший в *ноябре 1871 г.**

Достаточно прочесть следующие строки из отчета о процессе:

«Далее предъявляется найденная у Шпира копия "Конфиденциального сообщения о русском Бакунине", датированного: Лондон, 28 марта 1870 года.

Прокурор замечает по этому поводу, что сообщение о Бакунине исходит, по-видимому, от Шпира, Шпир говорит, что получил это сообщение для прочтения через Бракке и больше ничего о нем не знает. На предположение прокурора, что сообщение исходит от "Egalité", Шпир возражает, что ведь "Egalité" есть орган Бакунина».

«Конфиденциальное сообщение» было «сфальсифицировано» так умело, что прокурор даже не заподозрил его происхождения от Генерального Совета.

Незадолго до падения второй империи во Франции, именно в Лионе и Париже, были предприняты массовые аресты, направленные против Интернационала. Среди забранных полицией бумаг находились также несколько экземпляров «Communication privée», т. е. «Конфиденциального сообщения», из которых видно было, что Генеральный Совет рассылал также частные конфиденциальные циркуляры. Кто мог бы поручиться, что этот циркуляр первый или единственный? Одновременно были найдены многочисленные документы бакунистского «Альянса». Французские прокуроры валили все это в одну кучу. Правда, Генеральный Совет протестовал в публичном заявлении против попытки изображать Интернационал обществом заговорщиков. Но это нисколько не помогло.

---

* *Bracke W.* Der Braunschweiger Ausschuss der sozialdemokratischen Partei in Lötzen und vor dem Gericht. Braunschweig, 1872. P. 155, 156.

Пользуясь всеми забранными полицией бумагами, Тестю написал свое известное клеветническое сочинение об Интернационале. Напечатанное уже в мае 1870 г., оно предназначалось для прокуроров и полицейских комиссаров и оказало также «ценные услуги» во время третьего процесса Интернационала в Париже. Но лишь в 1871 г. это полицейское произведение приобрело европейскую известность.

Я предполагаю, что здесь кроется объяснение того загадочного факта, что прокурор Гофман догадался о происхождении «Конфиденциального сообщения» от Генерального Совета. Достаточно только обратить внимание на его радость, когда он в выдержках из «частного сообщения» Генерального Совета опознал то самое «Конфиденциальное сообщение», мимо которого беззаботно прошел легковерный прокурор Кох. А у Тестю он нашел все то, что ему нужно было: рычаг пролетарской революции, серьезную подпольную деятельность и прочие революционные жупелы. Достаточно сравнить «выдержки из "Конфиденциального сообщения, адресованного Генеральным Советом Интернационала в Лондоне Федеральному совету Романской Швейцарии" (резолюции, принятые в заседании Генерального Совета 1 января 1870 года)», с выдержками, напечатанными уже в первом издании «Процесса по обвинению в государственной измене» – последние представляют собой лишь перевод первых, – чтобы сразу узнать источник, из которого черпали свою премудрость как прокурор Гофман, так и Гильом, хотя они использовали эти сведения самым различным образом*.

Уже на третьем процессе Интернационала в Париже была доказана правильность предположения Либкнехта, что слово «подпольная» исходит не от Маркса, что перевод «Конфиденционального сообщения» сделан французом, – ведь с января по март 1870 г. Маркс был опасно и почти смертельно болен**; на указанном процессе обнаружилось из письма секретаря для Франции, что переводчик был Дюпон. А из текста сообщения можно было легко увидеть, как мало страшного содержал он в себе, несмотря на слово «подпольная», произведшее такое большое впечатление на все полицейские умы, а также на Гильома. Именно поэтому Каутский, который к тому времени совершенно, по-видимому, забыл, что «Конфиденциональное сообщение» играло такую важную роль в процессе по обвинению в государственной измене***, перевел соответствующее место следующим образом:

---

* *Testut.* L'Internationale. 1-е издание, с. 260–262, или 3-е издание, также 1871 г., с. 237–238, и «Hochverrathsprozeß» (Leipzig, 1872. P. 226–228). Гильом доставляет себе теперь удовольствие, переводя «Konfidentielle Mitteilung» словами «Communication confidentielle» с целью провести хоть некоторое отличие от «Communication privée». Было бы жестоко с нашей стороны лишить его этого невинного развлечения.

** За время с 4 января по 15 марта 1870 г. он из-за болезни отсутствовал на заседаниях. Этим объясняется также, почему он с таким опозданием выполнил свои обязанности секретаря для Германии.

*** «Это верно. Я читал брошюру о процессе по обвинению в государственной измене в 1875 г. и с тех пор пользовался ею лишь для справок». – Примечание *Каутского*, сделанное им к моей статье в «Neue Zeit».

КАУТСКИЙ	ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
– Если бы мы предпочитали на место *серьезной и незаметной* работы поставить шумную рекламу, мы, может быть, допустили бы ошибку и дали публичный ответ на вопрос «Egalité» о том, почему «Генеральный Совет допускает столь обременительное совмещение функций».	– Если бы Генеральный Совет имел желание на место *серьезной и подпольной* деятельности поставить шумиху рекламы, он, быть может, допустил бы ошибку и дал бы публичный ответ на вопрос «Egalité», почему Генеральный Совет терпит такое совмещение своих функций.

Теперь надо представить себе тогдашнее политическое положение: Парижскую Коммуну с ее «позорными деяниями», травлю против Интернационала, который постоянно смешивали – не всегда, быть может, умышленно – с «Альянсом», инсценированный русским правительством осенью 1871 г. так называемый нечаевский процесс, которому был придан нарочито публичный характер. Припомнив все это, легко понять, почему германская полиция и юстиция думали, как выразился следственный судья при допросе Гепнера, что эйзенахская программа есть лишь *мнимая программа*, а партийная организация – лишь *мнимая организация*. Ведь Тестю неопровержимо доказал, что за спиной официальной организации Интернационала скрывается *тайная, подпольная*. Правда, он ставил в вину Генеральному Совету все послания «Альянса», но ведь он нашел также «Конфиденциальное сообщение» Генерального Совета, и это особенно «важное» доказательство они имели теперь в своих руках, как Гильом имел в своих руках это «первое вещественное и неопровержимое доказательство» существования *подпольной* марксистской организации.

Итак, Либкнехту и Бебелю приходилось отдуваться, между прочим, и за дела бакунинского «Альянса».

Никто не станет оспаривать того, что Маркс имел такое же право писать «конфиденциально» о Бакунине, как и Бакунин о нем. Против этого может спорить разве только «товарищ» Брупбахер, установивший с «точностью», что Бакунин никогда не писал ни одного оскорбительного слова о Марксе без того, чтобы не послать ему заранее копию в Лондон.

Но здесь появляется Гильом и со свойственной только ему «фатальной основательностью» исправляет мои неправильные указания. Он торжественно указывает мне на слова: «International Working Mens Association. Central Council. London», помещенные в «Neue Zeit» в начале «Конфиденциального сообщения»: разве это не доказывает, что Маркс посылал свои сообщения о Бакунине под фирмой Генерального Совета?

Да, здесь действительно было злоупотребление... почтовыми бланками Генерального Совета. Это злоупотребление – а быть может, и другие – допускали все секретари Генерального Совета: Кример, Эккариус, Юнг, Дюпон, Лафарг, Маркс и даже «богатый фабрикант» Энгельс! Как мало значения придавали этому даже суды, видно из того, что они никогда не пытались доказывать более близкое отношение некоторых документов к Генеральному Совету на том основании, что они написаны на бумаге с его печатью. Такой глупости не обнаруживали даже прокуроры!

Что касается специально интересующего нас сейчас случая, то Кугельман отлично знал, что письмо Маркса к нему отнюдь еще не было письмом Генерального Совета; поэтому, сделав копию для Бракке, он «утаил» эту излишнюю надпись.

К сожалению, Каутский этого не заметил.

Некоторые другие письма к Кугельману также писаны на бланках Генерального Совета. Например, письмо от 12 декабря 1868 г., на котором Каутский «утаил» надпись.

Но что письма Маркса отнюдь не становились письмами Генерального Совета благодаря тому, что он употребил бумагу с «официальным» штемпелем, видно из письма госпожи Маркс к Беккеру, также написанного на официальном бланке.

Теперь мы намерены, для разнообразия, показать читателю нижеследующее «Конфиденциальное сообщение», однако не Маркса о Бакунине, а Бакунина о Марксе. До сих пор оно оставалось «неизвестным» даже Марксу и тем лицам, которых оно касалось; но мы не совершим никакого акта предательства, если сообщим его теперь широкой публике.

«Но вообще следует сказать, в интимном кругу Маркса можно заметить страшно мало братского чистосердечия. Напротив, там широко распространены скрытность и дипломатическое лукавство; между различными эгоизмами существует нечто вроде тайной борьбы и немого компромисса. А где вмешивается тщеславие, там для братства не остается уже никакого места. Всякий настороже, ибо в противном случае он опасается быть принесенным в жертву и подавленным.

Весь круг Маркса состоит из взаимного согласования образующих его различных тщеславий. Марксу, как верховному вождю, приходится раздавать почетные должности, но одновременно он ведет травлю – всегда низким и тайным образом, никогда открыто и честно – против всех тех, которые имели несчастье проявить к нему меньше почтительности, чем он привык встречать со стороны других.

Если он только начал против кого-нибудь травлю, он уже ни перед чем не остановится, даже перед низостью и подлостью. Сам еврей, он собирает вокруг себя в Лондоне и во Франции, особенно в Германии, кучу маленьких еврейчиков, более или менее интеллигентных, проворных, интригующих и спекулирующих, какими евреи являются повсюду, – торговых и банковских служащих, беллетристов, политиков, газетных репортеров всех направлений и всех цветов, – словом, как литературных, так и биржевых маклеров. Одной ногой они стоят в банке, другой – в социалистическом движении, а задом сидят в немецкой периодической прессе. Все газеты в их руках, и легко представить себе, как тошнит от литературы, возникающей таким образом.

Итак, весь этот еврейский мир – эта эксплуататорская секта, этот народ-кровопийца, эти жадные, тощие паразиты, сплоченная и крепкая организация которых преодолевает не только все государственные границы, но даже все противоположности политических верований, – этот еврейский мир в большей своей части находится в настоящее время, с одной стороны, в руках Маркса, а с другой стороны – в руках Ротшильда. Я глубоко убежден, что Ротшильд высоко ценит заслуги Маркса, а Маркс, с другой стороны, питает инстинктивное влечение и глубокое уважение к Ротшильду.

Это может показаться странным. Что общего между коммунизмом и высшим финансовым миром? А вот что. Коммунизм Маркса стремится к мощной централизации государства, а всюду, где идет речь о централизации государства, в настоящее время необходимо должен существовать центральный государственный банк, а где существует подобный банк, там всегда найдет себе средства существования и паразитический еврейский народ, спекулирующий на народном труде.

Но, как бы то ни было, факт тот, что большая часть этого еврейства в руках Маркса, особенно в Германии. Достаточно ему только начать против кого-нибудь травлю, как немедленно против последнего поднимается целая буря оскорблений, самых низких подозрений, смехотворства и подлых клевет во всех социалистических и несоциалистических, республиканских и монархических газетах».

Читатель видит теперь, кому действительно принадлежит честь открытия подпольной деятельности Маркса. Незадолго до описанных событий молодой и талантливый ученый Брентано разрушил все здание «Капитала», представив «первое вещественное и неопровержимое доказательство» того, что вся ученость Маркса – лишь пыль, которую он пускает в глаза[62]. Подобно этому, молодой и талантливый ученик Бакунина Гильом представил «первое вещественное и неопровержимое доказательство» того, что Интернационал Маркса служил только ширмой, за которой скрывалась безбожная банда бессовестных и морально неразборчивых иезуитов. И оба они разглашали свое открытие на весь мир, и оба с одинаковым успехом!

Теперь послушаем «товарища» Брупбахера:

«В отзывах Маркса о Бакунине и бакунистах мы найдем всякого рода ругательные выражения и инсинуации, но не встретим никаких аргументов по существу насчет федерализма. Маркс слишком презирал не только ненавистного ему Бакунина, но и публику вообще, чтобы метать бисер перед свиньями».

И к такой-то грязи, от которой, по выражению Неттлау, «тошнит», доверчиво отнесся блестящий историк германской социал-демократии, редактор литературного наследства Маркса и Энгельса! Одно, правда, верно: «товарищ» Брупбахер – «рядовой фанатик» и питает к «марксистским формулам» не большее почтение, чем известный персонаж крыловской басни, подрывающий корни того дуба, желудями которого сам же питается![63]

Примечания

1 Данная работа под названием «Социал-демократический флаг и анархистский товар. К истории партии» была опубликована Рязановым в журнале «Die Neue Zeit» в 1913 г. (См.: *Rjasanoff N.* Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware. Ein Beitrag zur Parteigeschichte // Die Neue Zeit. Jg. 32. Stuttgart. 1913. Bd. 1. S. 150–161, 226–239, 265–272, 320–333, 360–376.) Данная работа относится к циклу работ Рязанова, посвященных проблеме взаимоотношений Маркса и Бакунина в 1860-х гг., которая достаточно превратно толковались анархистскими историками I Интернационала, в частности известным биографом Бакунина Максом Неттлау, а также приверженцами Бакунина Джеймсом Гийомом, Фрицем Брупбахером и др. (См.: *Rjasanoff N.* Marx als Verleumder (M. Nettlau und M. Bakunin // Die Neue Zeit. Jg. 29. Stuttgart. 1910. Bd. 1. S. 278–286; Bakuniana. I. Bakunin und Karl Marx. II. Bakunin und J. Ph. Becker. III. Programm der Allianz. Mitgeteilt und erl. von N. Rjasanoff // Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Hrsg. von Carl Grünberg (Grünberg's Archiv). Leipzig. 1915. Jg. 5. S. 182–187.) Последняя работа состояла из вводных пояснений к первой публикации Рязановым писем Бакунина Марксу, И.Ф. Беккеру, а также программных документов бакунинского Альянса социалистической демократии.

Публикуемая в настоящем издании работа была впервые полностью опубликована на русском языке под заголовком «Анархистский товар под флагом марксизма. Маркс и Бакунин в шестидесятых годах» в сборнике: *Рязанов Д.* Очерки по истории марксизма.

М., 1923. С. 187–279). В основу настоящей публикации положено 2-е издание «Очерков» (М.; Л., 1928. Т. 1. С. 321–408).

2 *Stieckloff G.* Fritz Brupbacher. Marx und Bakunin // Die Neue Zeit. Jg. 31. Stuttgart. 1912–1913. Bd. 2; *Mehring Fr.* Neue Schriften über Marx // Die Neue Zeit. Stuttgart. 1913. Feuilleton. Nr. 67. 19. September.

3 *Guillaume J.* L'Internationale. Documents et Souvenirs (1864–1878). T. 1. Paris, 1905; T. 2. Paris, 1907; T. 3. Paris, 1909; T. 4. Paris, 1910.

4 Пьер Рамю (Ramus) – анархист, автор целого ряда антимарксистских памфлетов, в том числе «Friedrich Engels als Plagiator» (Die Urheberschaft des Kommunistischen Manifests. Brl., 1906; Die Irrlehre des Marxismus im Bereich des Sozialismus und Proletariats. Wien, 1927; и др.).

5 Речь идет о статье Э. Бернштейна «Карл Маркс и русские революционеры. Маркс и Бакунин», опубликованной впервые на русском языке в журнале «Минувшие годы» (С.-Петербург. 1908. № 10. Октябрь. С. 1–24).

6 В сноске Рязанов имеет в виду предисловие Э. Бернштейна к изданию: Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx. 1844 bis 1883. Bd. 1–4. Stuttgart, 1913.

7 Имеется в виду программа Социал-демократической партии Австрии, принятая на учредительном съезде партии, состоявшемся в Хайнфельде (Гайнфельде) 30 декабря 1888 – 4 января 1889 г.

8 *Brupbacher F.* Marx und Bakunin. Ein Beitrag zur Geschichte der Internationalen Arbeiterassoziation. Berlin-Wilmersdorf: Verlag der Wochenschrift «Die Aktion» (Franz Pfemfert), 1922.

9 См.: МЭС. Т. 28. С. 293.

10 В письме Маркса Энгельсу от 3 сентября 1853 г. (ошибочно датированном самим Марксом 2 сентября; см.: МЭС. Т. 28. С. 238–242, цит.: с. 241–242) речь идет о заметке И.Г. Головина «Как следует писать историю», опубликованной в «Morning Advertiser» 3 сентября 1853 г. Ответное Заявление Маркса было опубликовано в «People's Paper», № 71 от 10 сентября 1853 г. (см.: МЭС. Т. 9. С. 302–303).

11 См.: МЭС. Т. 8. С. 106 (статьи «Революция и контрреволюция в Германии» были написаны Ф. Энгельсом).

12 См.: *Born S.* Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig, 1898. S. 171–176.

13 Речь идет о письме Маркса Лассалю от 3 марта 1860 г. (см.: МЭС. Т. 30. С. 409). Это письмо было впервые опубликовано Г. Майером в т. 3 «Nachgelassene Briefe und Schriften von F. Lassalle» в 1922 г. (См.: *Lassalle F.* Nachgelassene Briefe und Schriften. Hrsg. Von Gustav Mayer. Bd. 3: Der Briefwechsel zwischen Lassalle und Marx nebst Briefen von Friedrich Engels und Jenny Marx an Lassalle und von Karl Marx an Gräfin Sophie Hatzfeldt. Berlin, 1922. S. 279–283; MEGA² Bd. III/10. S. 333–336.)

14 Цит. места см.: МЭС. Т. 30. С. 164, 175.

15 Впервые полный текст «Конфиденциального сообщения» был опубликован в «Die Neue Zeit» 12 июля 1902 г. (Bd. 2, № 15. S. 472–480). См.: МЭС. Т. 16. С. 429–441.

16 Рязанов впервые опубликовал данное письмо Фридриха Лесснера Марксу в немецком издании публикуемой работы. См.: *Rjasanoff N.* Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware... S. 158; см. также: MEGA² Bd. III/13. S. 22.

17 Рязанов впервые опубликовал данное письмо Бакунина Марксу, которое, возможно, было ответом на несохранившееся письмо Маркса Бакунину от 27 октября 1864 г. в немецком издании публикуемой работы. (См.: *Rjasanoff N.* Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware... S. 159.) На русском языке это письмо Бакунина было опубликовано Рязановым в журнале «Современный мир» в 1914 г. См.: *Рязанов Н.* В России и на Западе. (Материалы по истории общественных движений.) Письма М. Бакунина к К. Марксу // Современный мир. Санкт-Петербург. 1914. № 1. С. 150. См. также: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 156; MEGA² Bd. III/13. S. 25 и 701.

18 Ср.: МЭС. Т. 31. С. 13–14.

[19] *Bakunin M.* La theorie politique de Mazzini et l'Internationale. Neuchâtel, 1871.

[20] Впервые письмо Бакунина Марксу от 7 февраля 1865 г. было опубликовано Рязановым по-русски в журнале «Современный мир» (1914. № 1. С. 150–152). В 1915 г. он опубликовал это письмо на языке оригинала в «Архиве» К. Грюнберга. См.: Bakuniana... Mitgeteilt und erl. von N. Rjasanoff. S. 187–188 (см. примеч. 1). См. также: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. С. 157–158; MEGA² Bd. III/13. S. 214–215 и 906.

[21] См.: МЭС. Т. 16. С. 429, цит. ниже место см. там же.

[22] Письмо Женни Маркс Иоганну Филиппу Беккеру датируется 5 октября 1867 г. (см.: МЭС. Т. 31. С. 498–499). Беккер ответил 7 октября и сообщил адрес Бакунина в Женеве: «rue Pradier N° 3 à Genève» (Becker, Johann Philipp to Jenny Marx, 7 October 1867 // *Hecker R., Limmroth A.* (Hrsg.). Jenny Marx. Briefe. Berlin: Karl Dietz Verlag, 2014. S. 409).

[23] Рязанов допускает неточность. В журнале «Die Neue Zeit» за 1888 г. не Арнольд Руге, а Райнхольд Рюег (Rüegg) опубликовал, допустив при этом существенные ошибки в расшифровке текста письма, лишь две небольшие выдержки из недатированного письма Женни Маркс Иоганну Филиппу Беккеру, написанного, как было установлено позднее, при первой полной публикации данного письма в томе 32 второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (см.: МЭС. Т. 32. С. 577–580), по-видимому, после 10 января 1868 г. Один из опубликованных Рюегом фрагментов письма Женни Маркс касался истории с посланным Марксом Бакунину в октябре 1867 г. экземпляром первого тома «Капитала», вероятно, содержавшим по аналогии с другими отправленными Марксом в это же время своим друзьям экземплярами книги дарственную надпись Маркса. См.: *Rüegg R.* Aus Briefen an Johann Philipp Becker // Die Neue Zeit. Stuttgart. Jg. 6. 1888. S. 449–463, 505–518, 558–569. Приводимый Рязановым фрагмент находится на с. 507 данной публикации. Бакунин никак не отреагировал на полученный подарок. Данный экземпляр первого издания первого тома «Капитала» Маркса с дарственной надписью М.И. Бакунину, по-видимому, безвозвратно утрачен.

[24] См.: Женни Маркс – Иоганну Филиппу Беккеру [после 10 января 1868 г.] // МЭС. Т. 32. С. 579. Бакунин, по свидетельству Джеймса Гийома, полагал, что именно то, что он просто забыл поблагодарить Маркса за полученный в подарок экземпляр первого тома «Капитала», называя это своей «ужасной ошибкой», послужило в дальнейшем основанием для мести ему со стороны Маркса, выразившейся в исключении Бакунина и Гийома из I Интернационала на Гаагском конгрессе МТР в 1872 г. (См.: *Guillaume J.* L'Internationale. Documents et Souvenirs. (1864–1878). T. 1. Paris, 1905. P. 260).

[25] Бакунин от имени Лиги мира и свободы (см. примеч. 43) направил обращение Брюссельскому конгрессу МТР с предложением принять участие в предстоящем конгрессе Лиги в Берне. Предложение было отвергнуто делегатами конгресса (см.: Troisième congrès de l'Association Internationale des Travailleurs. Compte-rendu officiel. P. 40).
Еще до этого обращения Бакунин подробно обосновывал этот шаг в письме президенту Лиги Густаву Фогту, а после ответа конгресса вынужден был оправдываться в своих действиях (письма Бакунина Густаву Фогту Рязанов цитирует по кн.: *Guillaume J.* L'Internationale. T. 1. Paris, 1905. P. 71–76).

[26] Ср.: МЭС. Т. 22. С. 363.

[27] Письмо датировано 22 декабря 1868 г. (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 166–167). Упоминаемое письмо Маркса Серно-Соловьевичу не сохранилось.

[28] См.: МЭС. Т. 32. С. 404.

[29] Речь идет о письме Комитета Русской секции I Интернационала К. Марксу, подписанном Н. Утиным, В. Нетовым (В. Бартенев) и А. Трусовым. Впервые опубликовано в сб.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947. С. 26–28.

[30] *Eisner K.* Wilhelm Liebknecht. Sein Leben und Wirken. Berlin, 1900; *Mehring F.* Geschichte der deutschen Socialdemokratie. Bd. 1–4. Stuttgart, 1906; *Bernstein E.* Die Geschichte der Berliner Arbeiter-Bewegung. Bd. 1–3. Berlin, 1907–1910; *Bernstein E.* Ignaz Auer. Eine Gedenkschrift. Berlin, 1907.

[31] *Guillaume J.* L'Internationale... T. 1. Paris, 1905. P. 210–211.

[32] По-видимому, имеется в виду Иоганн Баптист Швейцер.

[33] Рязанов цитирует издание: *Лиссагаре П.О.* История Коммуны 1871 г. С прил. очерка Станислава Мендельсона «Причины и внутренние движущие силы Коммуны» / Полный пер. с фр. В. Иванова. Санкт-Петербург: Н. Глаголев, [1906].

[34] Переметная сума – непостоянный человек (*устар.*)

[35] См. также: *Бебель А.* Из моей жизни. М., 1963. С. 426–427.

[36] В романе Ф. Шпильгагена «In Reih' und Glied» («Один в поле не воин») (Brl., 1866) прообразом главного героя Лео был Ф. Лассаль. Основная идея романа состояла в том, что выдающаяся личность не может достигнуть успеха в преобразовании общества без опоры на массы.

[37] Вероятно, Рязанов имеет в виду письмо: *Bakounine M.* Aux Compagnons de la Fédération jurassienne // Bulletin de la Fédération jurassienne de l'Association internationale des Travailleurs. Supplément du 12 octobre 1873.

[38] Имеется в виду Э.А. Дрюмон – французский публицист, автор ряда антисемитских памфлетов (La France juive. P., 1886; La fin l'un monde. P., 1888; Le secret de Fourmies. P., 1892).

[39] «мысле́те» – кириллическая буква М, четырнадцатая буква в церковной азбуке или тринадцатая в русском алфавите (буква М); в переносном смысле «метать петли», «закидывать крюки», т. е. «быть пьяным», зд.: «чертя по земле кренделя».

[40] См.: МЭС. Т. 32. С. 157, 158. Речь идет о статье Энгельса «Демократический панславизм».

[41] Рязанов делает сравнение с известным итальянским актером-комиком Леопольдо Фреголи (1867–1936), ставшего знаменитым благодаря своему таланту перевоплощения.

[42] Речь идет о статье «La Questione romana» в № 2 «Liberta e Guistizia» от 24 августа 1867 г., который был переслан редакцией Марксу. Маркс в письме Энгельсу 4 сентября 1867 г. (МЭС. Т. 31. С. 288) расценил ее как выступление Бакунина.

[43] Речь идет об учредительном конгрессе Лиги мира и свободы – пацифистской организации, созданной европейскими республиканцами и либералами, который состоялся в Женеве 9–12 сентября 1867. На конгресс были приглашены делегаты Лозаннского конгресса I Интернационала, проходившего 2–8 сентября. По предложению Маркса Генеральный Совет Интернационала принял решение не участвовать официально в конгрессе Лиги, но рекомендовал членам Интернационала принять в нем участие в индивидуальном порядке. С.Л. Боркхейм выступил на конгрессе Лиги 10 сентября 1867 г. с обличительной речью, в которой обвинял Европу в подчинении «реакционной» России. Наброски тезисов своей речи Боркхейм посылал Марксу, который отнесся к ней достаточно критически. Речь Боркхейма получила скандальную известность, хотя и мало кем была понята, поскольку большинство делегатов не знали немецкого языка. Речь была вскоре опубликована во французском переводе под названием «Мой бисер перед Женевским конгрессом» («Ma perle devant le congrès de Genève»), в 1868 г. вышла на немецком языке.

[44] См.: Маркс – Луи Кугельману, 11 и 15 октября 1867 (МЭС. Т. 31. С. 468–469, 472–473). См. также: Маркс – Энгельсу, 4 октября 1867 г. (Там же. С. 300–301). О том, что речь Боркхейма якобы была написана Марксом, заявил Густав Фогт в статье о работе конгресса Лиги мира и свободы в Женеве, напечатанной в газете «Neue Zürcher-Zeitung» (№ 254 от 13 сентября 1867 г.).

[45] *Серно-Соловьевич А.* Наши домашние дела. Ответ г. Герцену на статью «Порядок торжествует» (III. Колокол № 233). Vevey, 1867. 14 октября 1867 г. Боркхейм переслал брошюру Серно-Соловьевича Энгельсу, который владел русским языком, сообщив, что планирует перевести брошюру на немецкий язык. Перевод Боркхейма брошюры Серно-Соловьевича вышел в 1871 г.

[46] В конце ноября 1867 г. Боркхейм в письме Марксу подробно изложил основные идеи своей брошюры (см.: S.L. Borkheim an Marx, 24. November 1867; РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1772).

47 См.: Маркс – Энгельсу, 24 октября 1868 г. // МЭС. Т. 32. С. 152.

48 Рязанов имеет в виду героя пьесы «Новый способ платить старые долги» английского драматурга Филиппа Мэссинджера сэра Джайлза Оверрича (Sir Giles Over-reach, от *англ.* «overreach» – достичь чего-либо незаконным, мошенническим путем) – помеси «льва и лисицы».

49 См.: Энгельс – Марксу, 29 апреля 1870 г. // Там же. С. 404.

50 Ср.: Маркс – Энгельсу, 5 июля 1870 г. // Там же. С. 430–431.

51 Рязанов цитирует письмо Бакунина Таландье от 24 июля 1870 г. Друг Нечаева – В. Серебрянников.

52 Цитируется письмо Бакунина В. Мрочковскому (Mroczkowski) от 19 августа 1870 г. Член тайного Альянса – Н. Жуковский.

53 Перефразировано латинское выражение «Cacatum non est pictum»: «Нагажено – не нарисовано». О Готском конгрессе см.: Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der SPD. Abgehalten zu Gotha von 11. bis 16. Oktober 1896. S. 103.

54 См.: МЭС. Т. 34. С. 142.

55 «Негодование делает поэтом» (*лат.*).

56 Предложение поручить Бакунину перевод на русский язык первого тома «Капитала» К. Маркса исходило от Н.Н. Любавина, который по окончании химического факультета Петербургского университета находился в 1868–1870 гг. в Германии для продолжения своего образования. Узнав от своего друга М. Негрескула, что проживавший с 1862 г. в эмиграции в Швейцарии Бакунин испытывает острую материальную нужду, Любавин через своего друга в Петербурге Н.Ф. Даниельсона предложил издателю Н.П. Полякову поручить перевод «Капитала» Бакунину. Бакунину был предложен гонорар в сумме 1200 руб. и по его просьбе треть суммы – 300 руб. – была выплачена ему вперед через Любавина в виде аванса. До конца декабря 1869 г. Бакунин переслал Любавину, а тот – Полякову – около двух печатных листов перевода. Этот перевод, по позднейшей оценке Даниельсона, оказался столь «плох», что воспользоваться им «так и не пришлось» (см.: [*Даниельсон Н.Ф.*] Объяснительная заметка [к публикации:] Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю–ону // Минувшие годы. Журнал, посвященный истории и литературе. СПб., 1908. № 1. С. 38).

57 Имеется в виду Н.Н. Любавин. Историю с бакунинским переводом «Капитала» Любавин впоследствии изложил Марксу по его просьбе в письме от 8 (20) августа 1872 г. (См.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 257–260.)

58 Речь идет об угрожающем письме, написанном от имени мифического общества «Народная расправа» С. Нечаевым Н.Н. Любавину, с требованием не настаивать на продолжении работы Бакунина по переводу «Капитала» (см.: Гаагский конгресс Первого Интернационала, 2–7 сентября 1872: Протоколы и документы. М., 1970. С. 320–321). Приехавший к Бакунину около 20 января 1870 г. Нечаев убедил Бакунина отказаться от работы над переводом и посвятить себя полностью революционной пропаганде ввиду близкой революции в России, которую Нечаев ожидал весной 1870 г. После этого работа Бакунина над переводом «Капитала» не возобновлялась, а полученный аванс возвращен не был.

История с невыполненным переводом и невозвращенным Бакуниным авансом послужила по инициативе Маркса основанием для обвинения Бакунина на Гаагском конгрессе I Интернационала в сентябре 1872 г. в мошенничестве при обосновании его исключения из Интернационала. Маркс настаивал на конфиденциальности информации, полученной им от Любавина, однако после конгресса сторонники Бакунина сделали эту информацию достоянием печати. Фрагмент письма Любавина Марксу был опубликован Э. Бернштейном в переводе на русский язык в журнале «Минувшие годы» в 1908 г. (*Бернштейн Э.* Карл Маркс и русские революционеры. Маркс и Бакунин // Минувшие годы. СПб. 1908. № 11. Ноябрь. С. 5–8.)

59 См. главу «Лейпцигский процесс по обвинению в государственной измене» в воспоминаниях А. Бебеля: *Бебель А.* Из моей жизни. М., 1963. С. 430–436.

60 См.: Генеральный Совет Первого Интернационала, 1868–1870: Протоколы. М., 1964. С. 137.

61 Фогель фон Фалькенштейн во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. был генерал-губернатором приморских областей Германии. Отдал приказ об аресте членов Брауншвейгского комитета Социал-демократической партии Германии.

62 Речь идет о статьях Л. Брентано «Как цитирует Карл Маркс» и «Как защищается Карл Маркс», появившихся в журнале «Concordia» 7 марта, 4 и 11 июля 1872 г.

63 *Крылов И.А.* Свинья под дубом.

МАРКС И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ[1]

Товарищи!

Мне не удалось найти ни писем Маркса к Чернышевскому, ни писем Чернышевского к Марксу. Мне не удалось найти никаких рукописей Чернышевского, в которых он говорил бы о Марксе.

Тов. Алексеев, несмотря на положительное обещание выкопать что-нибудь в этом роде, тоже оставил нас без всяких новых данных.

Один из товарищей спрашивает меня в записке: «Маркс, несомненно, читал Чернышевского. Как же это Чернышевский не читал Маркса?»

Маркс чрезвычайно высоко ценил Чернышевского, которого он в предисловии ко второму изданию «Капитала» называет «великим русским ученым и критиком, мастерски осветившим банкротство "буржуазной" экономии»[2]. Маркс хотел «напечатать что-нибудь о жизни и деятельности Чернышевского, чтобы вызвать сочувствие к нему в Западной Европе»[3]. Он перевел на немецкий язык «Письма без адреса» Чернышевского[4]. Маркс внимательнейшим образом читал не только «Примечания к Миллю», но и другие сочинения Чернышевского. Это видно из его многочисленных пометок[5].

Другое дело – Чернышевский. Мы не имеем никаких достоверных свидетельств. Существуют только легенды. В сочинениях и письмах Чернышевского мы не находим ни одной ссылки, которая бы позволила нам утверждать, что он читал какие-либо произведения Маркса и даже Энгельса. Правда, Чернышевский очень редко цитирует авторов, которых он – как, например, Фейербаха – больше всего ценил и изучал. И, наоборот, он часто упоминает таких авторов, имена которых могли действовать успокоительно на цензоров и уж во всяком случае не настораживали их внимание.

В 1848–1849 гг. Чернышевский был, правда, еще совсем зеленым юношей, но из него уже вырабатывался революционер. Из дневника его видно, как внимательно следил он за тогдашними революционными событиями, и все же мы не встречаем никаких следов знакомства с «Neue Rheinische Zeitung», органом Маркса и Энгельса. Главным источником для Чернышевского служили французские газеты, пропускавшиеся николаевской цензурой.

В библиотеке петрашевцев имелась «Нищета философии»[6] Маркса, но в дневнике Чернышевского нет никаких указаний, которые свидетельствовали бы, что кто-нибудь указал ему на эту книгу. «Коммунистический манифест» вряд ли кому-нибудь был известен в то время в России, да и в Германию он попал только летом 1848 г. в весьма незначительном числе экземпляров. Из русских знали Маркса только эмигранты, как Бакунин и Сазонов, или «туристы» вроде Аннен-

кова. После 1849–1850 гг. имя Маркса надолго исчезает со страниц немецкой и европейской печати.

Вообще в тот период, когда складывалось миросозерцание Чернышевского, т. е. в 1849–1853 гг., нельзя говорить о влиянии марксизма не только на Россию, но и на Западную Европу. Сомнительно, чтобы хотя один экземпляр не только газеты «Neue Rheinische Zeitung», но и политико-экономического обозрения, выходившего под тем же названием, попали в тогдашнюю Россию. О «18-м брюмера», напечатанном в Соединенных Штатах[7], и говорить нечего.

Положение несколько изменилось к 1859 г. После долгого перерыва Маркс выступил с [работой] «К критике политической экономии», в предисловии к которой он впервые формулировал основные принципы материалистического понимания истории[8]. А в 1860 г. он выпустил свой блестящий памфлет против Фогта[9].

Чернышевский к этому времени был вполне самостоятельным мыслителем. Достаточно напомнить, что в 1858 и 1859 гг. появились уже такие работы его, как «Кавеньяк», «Борьба партий во Франции», «Тюрго» или «Экономическая деятельность и законодательство» и «Капитал и труд», и что даже напечатанные в 1860 г. «Антропологический принцип в философии» и «Примечания к Миллю» относятся к тому же кульминационному периоду в духовной жизни Чернышевского, когда он вряд ли мог познакомиться с названной работой Маркса и уже наверное не успел ее «переварить».

Наоборот. Можно с уверенностью сказать, что в статьях Чернышевского за этот период (1857–1862 гг.) мы не находим никаких следов знакомства его с [работой] «К критике политической экономии» или другими произведениями Маркса. Несомненно только одно: Чернышевский не мог не знать имени Энгельса как автора книги о «Положении рабочего класса в Англии»[10]. Книга Бруно Гильдебранда[11], в которой было отведено немало места полемике с Энгельсом, была ему известна, а напечатанные в 1861 г. в «Современнике» статьи Шелгунова о «Рабочем пролетариате в Англии и Франции», в которых использована была работа «одного из лучших и благороднейших немцев», прошли через его редакцию. Но Энгельс в 1845 г. не был «марксистом». Да и сам Шелгунов не имел никакого представления об отношениях Энгельса к Марксу.

Как мало были известны основоположники научного социализма в то время, лучше всего показывает тот же «Современник». Автор статьи о Лассале[12], напечатанной в этом журнале в 1863 г., через полтора года после Чернышевского, упоминает в своем очерке историю социализма в Германии, «Rheinische Zeitung» и Вейтлинга, но ни разу не называет ни имени Маркса, ни имени Энгельса как предшественников Лассаля. Только через два года, когда Чернышевский уже ушел на каторгу, тот же автор (Ватсон) в новой статье ссылается на «живущего в Англии немецкого полі тико-экономa Карла Маркса»[13], но не указывает, что приводимая им цитата взята из плохо понятого им Учредительного Манифеста Международного Товарищества Рабочих. Вообще только после основания I Интернационала и в особенности после Брюссельского конгресса имя Маркса – как руководителя международного движения рабочих и автора «Капитала» – стало известным в Европе.

Как бы то ни было, мы не рискуем ошибиться, если скажем, что Чернышевский до 1864 г. не имел случая познакомиться ни с сочинениями, ни с политической деятельностью Маркса. Возьмем «Примечания к Миллю». Несмотря на всю

их оригинальность и самостоятельность, они стоят ниже, поскольку речь идет об их месте в истории развития экономической мысли, не только «Критики политической экономии», но и «Нищеты философии». А последняя является первым крупным произведением («Немецкая идеология» осталась в рукописи), в котором Маркс впервые выступает в качестве «марксиста». Если бы Чернышевский действительно читал «Нищету философии» и усвоил себе ее основные мысли, он был бы тоже «марксистом». Но «Примечания к Миллю», скорее, надо сравнить с первыми работами Маркса по политической экономии в 1844–1845 гг. и с «Набросками к критике политической экономии» Энгельса[14]. Чернышевский точно так же, как Маркс и Энгельс, в этих работах «домарксистского периода» опирается, с одной стороны, на критику великих утопистов, в особенности Фурье, а с другой – на философию Гегеля и Фейербаха. Этим объясняется, что Чернышевский вполне самостоятельно пришел в своей критике Милля – на это обратил уже внимание в своем докладе т. Рубин[15] – к некоторым выводам и формулировкам, которые заставляют нас вспомнить аналогичные вывода и формулировки Маркса.

Поэтому вопрос о том, читал ли Чернышевский «Капитал» и в какой степени усвоил себе его значение, имеет, с нашей точки зрения, второстепенное значение. Для нас важно определить, имело ли место непосредственное влияние Маркса на Чернышевского в тот период, когда складывалось миросозерцание «великого русского ученого и критика». Как оригинальный мыслитель, Чернышевский закончил свою жизнь в день гражданской смерти – 19 (31) мая 1864 г. И если мы не можем сказать, что Маркс повлиял хотя бы в малейшей степени на развитие взглядов Чернышевского, то остается только решить другой вопрос, сильно занимающий наших товарищей: можно ли сравнивать Чернышевского с Марксом или в какой степени Чернышевский до 1862 г. был «марксистом»? Так поставлен был этот вопрос Плехановым в его первых статьях о Чернышевском[16].

Так вот, для решения этого вопроса все статьи и работы, написанные Чернышевским после 1864 г., не имеют решающего значения. Т. Фридлянд только что цитировал[17] вступительные статьи, которые были написаны Чернышевским для предпринятого им перевода «Всеобщей истории» Вебера. Все они не дают ничего нового по сравнению со статьями периода 1857–1862 гг. То же самое приходится сказать о философских статьях, написанных после возвращения из ссылки. Они остаются на уровне «Антропологического принципа в философии», когда Чернышевский считал философию Фейербаха «самым последним звеном в ряду философских систем», «действительно последней, вышедшей из гегелевской философии», когда он знал и Бруно Бауэра, и Штирнера, когда он прекрасно понимал отличие материализма Бюхнера, Молешотта и Фогта от материализма Фейербаха, но не имел никакого представления ни о Марксе, ни о том, что именно Маркс является «самым последним звеном» в развитии философии Гегеля и Фейербаха. Иначе – я, к сожалению, опоздал на доклад т. Деборина[18], – Чернышевский не остался бы до конца дней своих фейербахианцем. Будучи вполне последовательным материалистом, прошедшим школу Гегеля, – я не скажу механическим, ибо Чернышевский был далек от пошлостей вульгарного материализма, – он все-таки не был диалектическим материалистом.

Но не только в философских и экономических статьях Чернышевского вы встречаете зачастую мысли и тезисы, от которых «отдает» марксизмом. Не менее часто встречаем мы такие мысли в тех статьях, в которых Чернышевский выступает в качестве историка, повествующего о прошлом или о «текущем моменте».

Т. Фридлянд приводил в своей речи эпизод с известной статьей Чернышевского «О причинах падения Рима». Эту статью толковали на разные лады. А между тем эта статья, в сущности, является не чем иным, как подробным развитием одного резкого замечания в первом издании «Капитала»[19], замечания, в котором Маркс обвиняет Герцена, что он хочет омолодить Европу при помощи кнута и переливания калмыцкой крови. В своей блестящей статье Чернышевский не менее резко критикует «вздорные мечтания» Герцена, что «Западная Европа отжила свой век», что она «может возобновиться падением западных народов и заменой их новыми, свежими племенами».

Кто внимательно прочитал эту статью, тот поймет, что Чернышевский стоял неизмеримо выше не только Герцена, но и Бакунина, и вообще всех наших, в большей или меньшей степени славянофильствовавших, народников. Такую статью мог написать только русский марксист, совершенно освободившийся от всяких следов «великорусской или славянской гордости». И вполне понятно, почему Маркс видел в Чернышевском своего союзника, почему он, не выносивший Герцена и весьма мало выносивший Бакунина (поскольку последний является исправленным, а иногда и не исправленным изданием Герцена), так высоко ценил Чернышевского. При тех условиях, в которых жил «великий русский ученый и критик», только марксист мог быть таким последовательным интернационалистом.

Возьмите Западную Европу конца 50-х гг. Попробуйте найти в публицистике любой страны того времени кого-нибудь, кто мог бы сравниться с Чернышевским по остроте и силе анализа «текущего момента», кто соединял бы в себе такое огромное богатство философских, экономических и исторических познаний, кто обладал бы такой самостоятельностью и оригинальностью творческой мысли, какая отличает статьи Чернышевского по истории и политике.

Конечно, в Лондоне жил тогда Маркс, в Манчестере – Энгельс, но со времени «Новой Рейнской газеты» прошло уже несколько лет, а попытка основать новую газету в Лондоне окончилась неудачей[20]. Правда, Маркс тогда еще – вместе с Энгельсом – работал для «Нью-йоркской трибуны», но только в качестве гостя, а не хозяина, сотрудника, но не редактора. Марксу приходилось считаться с цензурой американских редакторов, которые печатали его статьи лишь постольку, поскольку это диктовалось потребностями «текущего момента», американской «злобы дня». Чернышевский должен был считаться с царской цензурой, но он писал в своем журнале, и потому, несмотря на всяческие препятствия, превратил его в трибуну, с которой раздавался голос последовательного революционера, разделявшегося со всеми предрассудками политического либерализма и буржуазной демократии.

Позвольте мне обратиться к моим воспоминаниям. Не все первые русские марксисты – в том числе и ваш покорный слуга – соглашались с плехановской оценкой Чернышевского[21], в особенности с первыми статьями Плеханова в «Социал-демократе». Позднее основоположник русского марксизма изменил свои взгляды на Чернышевского. В старое время, когда он сам переходил на социал-демократическую точку зрения, он прекрасно знал, что одним из его главных учителей является Чернышевский. В эпоху Казанской демонстрации Плеханов преклонялся перед ним как величайшим учителем русской революционной молодежи. В эпоху зарождения группы «Освобождение труда», когда он писал ее программную брошюру, Плеханов считал Чернышевского «родоначальником русской социальной демократии»[22].

Это часто случалось с молодыми людьми. В поисках истины они переходили от одного «апостола правды и науки» к другому, сегодня увлекались Писаревым, завтра – Добролюбовым и Чернышевским и послезавтра – Михайловским; судьба подбрасывала все новые откровения, в голове образовывалась эклектическая смесь, происходила борьба различных точек зрения, и, в конце концов, в зависимости и от определенной комбинации объективных условий, в результате такой борьбы устанавливалось то или другое определенное миросозерцание. И если мы спросим себя, кто именно из русских мыслителей и публицистов ближе всего подводил нас к марксизму, то возможен только один ответ: этим мыслителем был Чернышевский.

Я бы сказал, если мне позволено будет употребить знакомое вам из нашего политического жаргона выражение, что Чернышевский был без пяти или десяти минут марксист (о количестве минут, конечно, спорить не будем).

В области философии, в истории русской философской мысли, до учеников Маркса нет более оригинального философа-мыслителя, чем Чернышевский. Вместе с Марксом и Энгельсом он является продолжателем Фейербаха, развивавшим его основные мысли в таких областях, в которых его учителю не удалось это сделать. Но философия Чернышевского является только «количественным» развитием философии Фейербаха. Хронологически она остается на уровне «Святого семейства». Чернышевскому не удалось, в силу определенных социальных условий, сделать еще один шаг вперед и «снять» философию Фейербаха так, как это удалось Марксу и Энгельсу в «Немецкой идеологии».

Несколько слабее Чернышевский в области политической экономии. «Эстетические отношения искусства к действительности» по своей оригинальности стоят выше «Примечаний к Миллю». Я уже сказал, что экономические работы Чернышевского можно сравнивать только с «Набросками к критике политической экономии» Энгельса и с первыми, не опубликованными еще работами Маркса, в которых последний, так же как и Чернышевский, особенно усердно занимается вопросом о «трехчленном делении продукта», о ренте, прибыли и заработной плате. Чернышевский – я воспользуюсь тем же выражением – «отстал на десять минут» не только от «Капитала», но и от «Нищеты философии». Но все же Чернышевский формулирует основной вопрос планового хозяйства – в какой пропорции выгоднее всего для нас распределять рабочее время и рабочие силы между разными производствами на удовлетворение разных своих потребностей? – почти в тех же самых терминах, как и Маркс в «Нищете философии». Если Маркс отвечает, что этим критерием будет полезность, то Чернышевский доказывает, что «основанием расчета будет служить классификация надобностей с соображением того, какая доля труда может быть обращена на удовлетворение известной надобности без вреда для других надобностей, не менее или более настоятельных»[2].

Чернышевский в области политической экономии является одним из наиболее непосредственных предшественников Маркса. Среди социалистов, сделавших «эгалитарные» выводы из теории Рикардо, он занимает первое место, потому что вместе с Марксом и Энгельсом, он в своей критике буржуазной политической экономии опирался не только на Сен-Симона, Оуэна и Фурье, но и на Гегеля и Фейербаха.

В истории русской экономической мысли Чернышевский занимает, бесспорно, первое место как самый оригинальный русский экономист. И когда почтенный проф. Железнов, которого немецкие профессора политической экономии считают

«марксистом», но который на самом деле беспомощно шатается между различными полюсами экономической мысли, в своем очерке развития политической экономии в России[24] не находит места для Чернышевского, то он лишний раз показывает неспособность вульгарных катедер-экономистов уловить действительный прогресс экономической теории, если она выступает не в «профессорском» мундире.

Что касается русской революционной молодежи, то можно смело сказать, что, начиная с Плеханова и кончая Лениным, «Примечания к Миллю» Чернышевского служили для нее лучшей подготовительной школой к изучению «Капитала». Мастерская критика буржуазной политической экономии, которую она нашла в работах Чернышевского, научила ее относиться критически ко всякому новому «прогрессу» в области буржуазной экономической мысли.

В области исторической науки Чернышевский, как уже указывал т. Фридлянд, не являлся специалистом. Ему не удалось написать ни одного исторического труда. Правда, ни одного исторического труда не удалось написать ни Марксу, ни Энгельсу, – конечно, такого исторического труда, за который человек может попасть в какую-нибудь Академию наук. У нас и теперь есть такие ученые, которые «научность» определяют числом примечаний.

В другом месте, в Обществе историков-марксистов[25] я уже доказывал, что работы Чернышевского по истории Франции изобилуют замечаниями и оценками, которые поразительно напоминают высказывания Маркса в параллельных работах. Я сказал там, что во всей литературе о революции 1848 г. нет ничего, что можно было бы поставить в сравнение со статьей «Кавеньяк», за исключением «Классовой борьбы во Франции» и «18 брюмера Луи Бонапарта». Я указал там, что мы можем найти еще только одного человека, который тоже не был марксистом, но был таким же революционным коммунистом, который по резкости оценки событий 1848 г. так же сходится с Марксом, как и Чернышевский: этого революционера звали Огюстом Бланки. Против этого спорили, но в тезисах комиссии под председательством М. Покровского мы читаем теперь, что «исторические работы Чернышевского дали такой классовый анализ 1848 г. во Франции и его подготовки, который уступает только анализу Маркса».

Когда труды Чернышевского станут предметом исследования не только Коммунистической академии, но Всесоюзной академии наук, то придется поставить и вопрос о влиянии Чернышевского на русскую историографию как в области русской истории, так и всеобщей. Меня уже давно интересует этот вопрос, и не только в связи с Чернышевским.

Нужно исследовать, каким образом идейные споры, борьба и полемика в революционных кружках XIX столетия определяли и устанавливали главные вехи в развитии русской исторической литературы. Для этого необходимо проследить развитие основ тых идей русской историографии и сравнить с соответствующим развитием основных идей подпольной и «надпольной» журналистики. И тогда нетрудно будет установить непосредственное влияние «Современника» на русских историков – Щапова и Ключевского в первую очередь. Если в русской исторической литературе мы замечаем уже с [18]60-х гг. выдвигание на первый план «экономического фактора», усиленный интерес к изучению социальной истории и истории сословий, то это в значительной степени объясняется влиянием Чернышевского и его самого талантливого ученика – Добролюбова, которые в области изучения истории подводили нас к «историческому материализму».

Конечно, Чернышевский не марксист. Но он остановился в своем развитии, вернее, был раздавлен жестокой судьбой, когда шел по верному пути, по которому шел и развивался Маркс. В русской литературе он не имел никаких учителей, но и в западноевропейской литературе он не имел тогда учителей, у которых он мог бы учиться непосредственно. Ему приходилось – правда, опираясь на Гегеля и Фейербаха, на великих утопистов – доходить до всего «своим умом». На примере Лассаля мы видим, что даже знакомство с «Коммунистическим манифестом», с работами Маркса до «Капитала» еще не делало марксистом. Лассаль остался самым закоренелым идеалистом в области истории и философии, а как политик он выступил слишком поздно, чтобы иметь какое-нибудь влияние на Чернышевского.

Революционное движение конца [18]50-х и начала 60-х гг., роль, которую сыграл в нем Чернышевский, еще мало изучены. Видеть в нем только революционного буржуазного демократа можно лишь сквозь очки вульгарнейшего «экономического материализма».

Если в области политической деятельности, если в области революционного действия Чернышевский не мог быть «марксистом», то только Бланки с его жестокой критикой всей политики либеральных, радикальных и демократических деятелей 1848 г. стоит на том же уровне, что и Чернышевский, в критике либералов и буржуазных демократов российского происхождения. И Чернышевский, и Бланки своей решительной критикой всех иллюзий буржуазной демократии толкали своих читателей и последователей на тот путь, который Плеханов в статье для «Вестника народной воли» назвал «социально-демократическим»[26]. Когда говорят о «народничестве» Чернышевского, то не надо упускать из виду, что это – «народничество» особого типа, что это то самое народничество, которое в наиболее чистой и яркой своей форме выявилось в «Народной воле», в наиболее якобинском и бланкистском течении нашего революционного движения, которое тоже опиралось на «простолюдинов» и явилось непосредственным прологом русского революционного рабочего движения.

В истории не только русской, но и западноевропейской литературы (ибо «Рейнская газета» в 1842–1843 гг. находилась в более благоприятных условиях) мы не найдем другого такого примера, когда при наличии нелегального, свободного от цензуры журнала – мы говорим о «Колоколе» Герцена – настоящим революционным, неизмеримо более крайним органом печати является выходящий под надзором царской цензуры журнал и когда вместе с тем революционная пропаганда велась бы так последовательно, как это делали в «Современнике» Чернышевский и Добролюбов. Только бестактная полемика, которую Герцен затеял против «Современника», показала властям предержащим, что журнал, выходящий в Петербурге, несравненно опаснее нелегального журнала, печатающегося в лондонской «Вольной типографии». Непримиримость и революционная последовательность Чернышевского пугала Герцена не меньше, чем непримиримость и революционная последовательность Бланки и Маркса – бланкистов и «марксидов».

В последнее время в связи с юбилеем Чернышевского сравнивали с различными революционерами. Вспомним о Бакунине. А между тем «апостол разрушения», несмотря на более крупный масштаб исторического действия, является, как революционный характер, маленькой фигурой не только в сравнении с Чернышевским, но даже Нечаевым. Только у другого «вечного узника», только у Бланки, можно найти ту непреклонную вражду против «царующего зла», ту революю-

ционную ненависть ко всякому угнетению, которая отличает Чернышевского и которая так ярко светила революционному поколению [18]60-х и [18]70-х гг.

Марксу, который всегда жестоко бичевал революционную бесхарактерность, который когда-то сурово клеймил революционную дряблость Кинкеля, Чернышевский внушал уважение не только как «великий ученый и критик»[27], но и как непреклонный революционер.

Не случайно, что в первой же своей крупной работе Маркс подчеркнул значение характера, непреклонности и непримиримости в борьбе с существующим злом. Самым великим и святым мучеником в философском календаре является для него Прометей, в котором легенда и поэзия воплотили яркий образ мыслителя и борца[28]. В Чернышевском он увидел тот же образ, то же соединение революционной мысли и непримиримости. И действительно, в истории русского революционного движения нет ни одной фигуры, в которой так гармонически слились бы революционный мыслитель и революционный деятель, как в Чернышевском.

Вот почему он ближе, чем кто-либо другой, стоит к великим учителям пролетариата – Марксу, Энгельсу, Ленину.

Примечания

1 «Маркс и Чернышевский» – доклад, сделанный Д.Б. Рязановым 13 декабря 1928 г. на юбилейном заседании в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященном 100-летней годовщине со дня рождения Н.Г. Чернышевского. Опубликован в: Летописи марксизма. М.; Л., 1928. № 7–8. С. 46–53. Публикуется по тексту журнала.

2 Речь идет о «Предисловии» ко второму изданию «Капитала» (см.: МЭС. Т. 23. С. 17–18).

3 Из письма К. Маркса Н.Ф. Даниельсону от 12 декабря 1872 г. (см.: МЭС. Т. 33. С. 458).

4 Маркс перевел на немецкий язык первое письмо (РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2215. Л. 132–152).

5 В библиотеке Маркса имелись следующие работы Н.Г. Чернышевского: «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X» (Женева, 1875); «Кавеньяк» (Женева, 1874); «О поземельной собственности» (Современник. 1857. № 9); «Письма без адреса» (Цюрих, 1874); «Пролог» (Лондон, 1877); «Рецензия на книгу Кэри "Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов"» (Современник. Т. 85. Отд. II. 1861. Январь); Чернышевский Н. Соч. 1-е полн. изд. Т. 3–4. Женева, 1869–1870. Т. 3: Дополнения и примечания на первую книгу Политической экономии Джона Стюарта Милля. 1869; Т. 4: Очерки из политической экономии (по Миллю), 1870; «Статьи об общинном владении землею» (Женева, 1872); «Труден ли выкуп земли». Б. м., б. г. (см.: Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Политиздат, 1979. С. 189–197; MEGA² IV/32. S. 184–187).

6 Речь идет о первом издании книги «Misère de la philosophie. Reponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Par Karl Marx». Paris; Bruxelles, 1847.

7 Имеется в виду изданная в 1852 г. Й. Вейдемейером в Нью-Йорке работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» в виде первого (и единственного) выпуска журнала «Die Revolution» (см.: МЭС. Т. 8. С. 115–217).

8 См.: МЭС. Т. 13. С. 1–167.

9 *Marx, K.* Herr Vogt. London 1860. (см.: *Маркс К.* Господин Фогт // МЭС. Т. 14. С. 395–691).

10 Помимо данных, приведенных ниже Рязановым, следует также упомянуть о том, что книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (*Engels F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig, 1845, см.: МЭС. Т. 2. С. 231–517) была выписана для библиотеки М.В. Петрашевского.

11 Речь идет о книге Б. Гильдебранда «Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft» (1 Bd. Frankfurt a/M., 1848.) (рус. пер.: Политическая экономия настоящего и будущего. М., 1860).

12 *Ватсон Э.К.* Вопрос об улучшении быта рабочих в Германии // Современник. СПб., 1863. № 8. 9. Во второй части статьи (№ 9. С. 251–291) содержались данные о жизни и деятельности Ф. Лассаля.

13 *Ватсон Э.К.* Стачки рабочих во Франции и в Англии // Современник. СПб., 1865. № 6. С. 472.

14 Имеются в виду работы Маркса: «Наемный труд и капитал» и «Заработная плата» (см.: МЭС. Т. 6. С. 428–459, 579–602), а также работа Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (см.: МЭС. Т. 1. С. 544–571).

15 Имеется в виду доклад И. Рубина «Чернышевский как экономист», сделанный им на том же заседании (см.: Летописи марксизма. 1928. № 7–8. С. 22–32).

16 Речь идет о статьях Г.В. Плеханова о Чернышевском, опубликованных в обозрении «Социал-демократ» (1890; 1892). Рязанов включил эти статьи в сочинения Плеханова. См.: *Плеханов Г.В.* Соч. / под ред. Д. Рязанова. Т. V, VI. М.; Пг., 1924.

17 Имеется в виду доклад Ц. Фридланда «Н.Г. Чернышевский как историк», сделанный им на том же заседании (см.: Летописи марксизма. 1928. № 7–8. С. 33–45).

18 Доклад А. Деборина «Философские взгляды Н.Г. Чернышевского» сделан на том же заседании (см.: Летописи марксизма. 1928. № 7–8. С. 3–21).

19 Речь идет о примечании, сделанном Марксом в первом немецком издании 1867 г. первого тома «Капитала» (MEGA² Bd. II/5. S. 625). В последующие издания первого тома это место не вошло. На русском языке это примечание см.: *Маркс К.* Капитал. Т. 1. М.: Изд-во ЦК ВКП(б), 1934. С. 810.

20 Речь идет, по-видимому, о газете «Das Volk», выходившей в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 г.

21 См. предисловие Д. Рязанова к пятому тому сочинений Плеханова (*Плеханов Г.В.* Соч. Т. 5. М.; Пг., 1924).

22 *Плеханов Г.В.* А.П. Щапов // Соч. Т. 2. М.; Пг., 1922. С. 19.

23 Чернышевский Н. Соч. Т. 4: Очерки из политической экономии (по Миллю). Изд. Михаила Элпидина. Genève, Bâle, 1870. С. 89. Книга была в личной библиотеке Маркса и содержит его многочисленные пометки на полях. (См.: MEGA² IV/32. S. 186. № 218.)

24 См.: *Железнов В.Я.* Очерки политической экономии. Вып. 1–2. М., 1918–1919.

25 РГАСПИ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 83. Л. 27 и след.

26 *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба // Соч. М.; Пг., 1922. Т. 2. С. 69, 71.

27 *Маркс К.* Письмо в редакцию «Отечественных записок» // МЭС. Т. 19. С. 116–119.

28 Имеется в виду докторская диссертация К. Маркса «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» (см.: МЭС. Т. 40. С. 153–154).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аалеви (Halévy), Даниель (1872–1962) 145
Абердин (Aberdeen), Джордж Гордон, граф (1784–1860) 284
Август II Сильный (August der Starke) (1670–1733) 255
Адан (Адам) (Adam) 43, 44
Аддлер (Adler), Фридрих (1879–1960) 23, 154, 157, 176, 186, 189, 190
Аким – см. Аккема, Тилман
Аккема, Тилман (Филимон Филем) (?–1676) 241, 277
Аксаков, Константин Сергеевич (1817–1860) 321
Аксельрод, Любовь Исааковна (1868–1946) 13
Александер (Alexander, урожд. Gaugin), Гертруд (1882–1967) 27
Александр I (1777–1825) 281
Александр II (1818–1881) 69, 74, 159, 165, 207, 270, 345
Алексеев, Н.А. 456
Алексей Михайлович (1629–1676) 239, 243
Аллан (Allan), Уильям (1813–1874) 136
Альберони (Alberoni), Джулио (1664–1752) 256
Альгаротти (Algarotti), Франческо, граф (1712–1764) 227
Андерсон (Anderson), Адам (ок. 1692–1765) 244, 277
Андрей Боголюбский (Суздальский) (ок. 1111–1174) 221, 222
Анна Иоанновна (Ивановна) (1693–1740) 218, 263
Анна Петровна (1708–1728) 278
Анна Стюарт (Anne Stuart) (1665–1714) 250, 252
Анненков, Павел Васильевич (1812–1887) 35, 318, 320, 322, 323, 325, 347–349, 358–374, 376, 377, 456, 457
Анри (Henri) 180, 438
Ан-ский, Семён Акимович – см. Раппопорт, Соломон
Ансти (Anstey), Томас Чизолм (1816–1875) 300
Анфантен (Enfantin), Бартелеми Проспер (1796–1864) 142
Аплгарт (Applegarth), Роберт (1833 или 1834–1924 или 1925) 86, 104, 106, 107, 111, 134–136, 147, 193
Араго (Arago), Этьенн (1803–1892) 115, 149
Арескин (Эрскин) (Erskine), Роберт Карлович (1674–1718) 257
Арлес-Дюфур (Arlès-Dufour), Франсуа Бартелеми (1797–1872) 97, 142
Арндт (Арнд) (Arndt), Эрнст Мориц (1769–1860) 320
Арсеньева, Александра Юрьевна (1899–?) 28
Арундел (Arundel), Генри Фицалан, 19-й граф, 3-й барон Мальтраверс (1512–1580) 244
Асквит (Asquit), Герберт Генри, 1-й граф Оксфорда и Асквита (1852–1928) 212
Атвуд (Attwood), Томас (1783–1856) 298
Ауэр (Auer), Игнац (1846–1907) 409

Бабёф (Babeuf), Гракх (наст. имя Франсуа Ноэль) (1760–1797) 24, 38
Бабст, Иван Кондратьевич (1824–1881) 376
Бадден (Budden), Олив Е. (1902–?) 27
Байрон (Byron), Джордж (1788–1824) 288
Бакунин, Михаил Александрович (1814–1876) 8, 9, 29–32, 35, 63, 64, 121, 151,

158, 165, 187, 231, 317–320, 323–327, 330, 331, 338, 340, 348, 349, 355–363, 366, 373, 377–386, 388–442, 444–446, 448–454, 456, 459, 462
Бакунина, Антонина Ксаверьевна (урожд. Квятковская) (1840 или 1841 – до 1887 г.) 401
Бальзак (Balzac), Оноре де (1799–1850) 321
Бансель (Bancel), Батист Франсуа Дезире (1822–1871) 115, 149
Бараге (Baraguet), Ашиль Шарль (1817–?) 95, 96, 142
Барбес (Barbès), Арман (1809–1870) 304
Барбье (Barbier), Огюст (1805–1882) 142, 321
Барест 141
Барри (Barry), Михаэль 105
Барсуков, Николай Платонович (1838–1906) 321
Бартелеми (Barthélemy) 141
Баульсом (Baulsom), Т. 86
Бауэр (Bauer), Бруно (1809–1882) 52, 54, 68, 76, 458, 319
Бауэр (Bauer), Отто (псевдоним Вебер, Генрих) (1881 или 1882–1938) 154, 157, 158, 186, 187
Бауэр (Bauer), Стефан 36
Бауэр (Bauer), Эдгар (1820–1886) 319
Бахметев, Павел Александрович (1828–?) 438
Баязид II (Bayezid) (1447–1512) 224
Бебель (Bebel), Август (1840–1913) 15, 16, 24, 46, 53, 187, 202, 203, 275, 312, 390, 407, 409–415, 422, 425, 433, 439, 442, 444, 448, 453, 454
Бедфорд (Bedford) – см. Рассел, Джон, 1-й граф Бедфорт
Беер (Beer), Макс (1864–1943) 122, 131, 135, 151, 299
Бейлис, Менахем Мендель (1874–1934) 425
Бекингемшир (Buckinghamshire) (Бекингамшайр) – см. Хобарт, Джон
Беккер (Becker), Иоганн Филипп (1809–1886) 162–164, 172, 174, 176–185, 188, 196, 329, 346, 404, 406, 411–414, 417, 427–429, 433, 449, 450, 452
Белинский, Виссарион Григорьевич (1811–1848) 162–164, 172, 174, 176–185, 188, 196, 329, 346, 404, 406, 411–414, 417, 427–429, 433, 449, 450, 452
Бельтов, Владимир (герой романа А.И. Герцена «Кто виноват?») 326
Бёме (Böhme), Якоб (1575–1624) 321
Бенкендорф, Александр Христофорович, граф (1782–1844) 352–355, 357
Беннет (Bennet), Томас Рэндел 135
Бераже (Béranger), Пьер Жан (1780–1857) 281, 320
Берви, Василий Васильевич (псевд. Н. Флеровский) (1829–1918) 35
Берджес (Burgess), Фред 135
Беркхольц (Berkholz), Георг (1817–1886) 276
Берлин, Павел Абрамович (1878–1962) 319
Бернайс (Bernays), Карл Людвиг (1815–1879) 358, 359, 363, 346
Бернар (Bernard), Симон Франсуа (1817–1862) 45, 46, 91
Берне (Börne), Людвиг (наст. имя Иуда Лейб Барух) (1786–1837) 363
Бёрнс (Burns), Джон Эллиот (1858–1943)
Бернс 134, 135
Бернфельд (Bernfeld-Schmückle, урожд. Solomon), Анна (1892–1941) 27
Бернштейн (Bernstein), Леон Борисович 23
Бернштейн (Bernstein), Эдуард (1850–1932) 15, 16, 23, 42, 45, 46, 136, 275, 312, 378, 379, 388, 391, 392, 397, 398, 401, 405, 406, 409–412, 414, 415, 418, 421, 425, 426, 428, 429, 437, 441, 451, 452, 454
Бернштейн (Börnstein), Генрих (1805–1892) 359
Бестужев-Марлинский, Александр Александрович (1797–1837) 351, 352
Бетлер (правильно: Батлер) (Butler), Д. 106, 123
Беттлер (Buttler) 135
Бибаль (Bibal) 106, 149
Бибикова, Людмила Борисовна (род. в 1934 г.) 45
Бизли (Beesly), Эдуард Спенсер (1831–1915) 82, 86, 89, 104, 106, 112, 118, 122, 123, 129, 135, 134, 148, 158
Билс (Beales), Эдмонд (1803–1881) 112
Бисмарк (Bismarck), Отто, фон Шёнгаузен, князь (1815–1898) 32, 158, 166, 170, 171, 301, 386, 392, 411, 413, 440
Бихан (Biehahn), Вальтер (1894–?) 27
Бихан (Biehahn, урожд. Kunze), Гертруд (1896–?) 27

Благосветлов, Григорий Евлампиевич (1824–1880) 373
Блан (Blanc), Луи (1811–1882) 42, 44, 45, 121, 135, 147, 149, 151, 317, 338, 367
Бланки (Blanqui), Жером Адольф (1798–1854) 96
Бланки (Blanqui), Луи Огюст (1805–1881) 42, 44, 45, 46, 96, 97, 103, 143, 332, 461, 462
Блинд (Blind), Карл (1826–1907) 397
Блэкмор (Blackmore), У. 90, 129, 137
Бобчинский (Bobczyński), Константин (1817–1893) 160, 170, 171
Богдань (Матейко-Богдань), Роза Семеновна (1903–1951) 28
Бодрильяр (Baudrillar) 149
Бокке (Bocquet), Жан Батист 117, 129
Болеславы 152
Боллетер (Bolleter) 151
Бонапарт (Bonaparte), Жозеф Шарль Поль, принц Наполеон (1822–1891) 94, 95, 96, 97, 98, 102, 142, 143, 145, 405
Боркхейм (Borkheim), Сигизмунд Людвиг (1825–1885) 186, 190, 407, 409, 411, 416, 417, 423–433, 435, 436, 439, 453
Борн (Born), Стефан (наст. имя Симон Буттермильх) (1824–1898) 396, 430
Борн (Burn), В. 85
Боткин, Василий Петрович (1811–1869) 318, 319, 323, 365, 370–374, 377
Брайт (Bright), Джон (1811–1889) 119, 147, 293
Бракке (Bracke), Вильгельм (1842–1880) 446, 448
Брановер, Лев (? – до 1896) 11
Браун (Braun), Адольф (1862–1929) 23
Браун (Brown), Джон (1800–1859) 72
Браун (Braun), Отто (1872–1955) 15
Брауншвейгский (Brauschweig), Карл II, герцог фон (1804–1873) 337
Брентано (Brentano), Людвиг Иосиф (Луйо) (1844–1931) 132, 151, 450, 455
Брисбейн (Brisbane), Альберт (1809–1890) 48, 49
Бродгед 134
Брокгауз (Brockhaus), Фридрих Арнольд (1772–1823) 63
Бруннов, Филипп Иванович, барон (1797–1875) 212
Брупбахер (Brupbacher), Фриц (ок. 1875–?) 390–395, 400, 401, 403–412, 414–419, 421–426, 428, 431, 436, 439, 440, 448, 450
Буателль (Boittelle), Сенфорьен (1813–1897) 98
Буашо (Boichot), Жаи-Батист (1820–1889) 329
Бунзен (Bunsen), Христиан Карл Йозиас, барон (1791–1860) 261
Бурцев, Владимир Львович (1862–1942) 344
Бухарин, Николай Иванович (1888–1938) 78
Бухер (Bucher), Лотар (1817–1892) 75, 279, 288, 309, 310, 311, 386
Бьюкенен (Buchanan), Джемс (1791–1868) 61
Бьют (Bute) – см. Стюарт, Джон
Бэкгауз (Backhouse), John (1772–1845) 303
Бэкон (Bacon), Фрэнсис (1561–1626) 217
Бюркли (Bürkli), Карл (1823–1901) 174, 196
Бюттер (Bütter), Фридрих 196
Бюхнер (Büchner), Людвиг (1824–1899) 176, 458

Вайнкоп (Wijnkoop), Давид (1877–1941) 24
Вайян (Vaillant), Эдуар Мари (1840–1915) 167
Валера (Valera), Паоло (1850–1926) 123, 151
Ваншоотен (Wanschooten) 95, 98, 103, 142
Варлен (Varlin), Луи Эжен (1839–1871) 177
Васина, Людмила Леонидовна (род. в 1950 г.) 10, 16, 18, 27, 35, 37, 40
Вассёр (Vasseur), Жан (1835–1868) 98, 102, 142, 145
Ватсон, Эрнест Карлович (1839–1891) 457, 464
Ватто (Watteau), Луи (псевд. Денонвиль) (род. в 1824 г.) 44–46
Вебб (Webb) (урожд. Поттер), Беатриса (1858–1943) 88, 89, 90, 111, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 146, 148, 149, 151
Вебб (Webb), Сидней Джеймс, барон Пассфилд (1859–1947) 88, 89, 90, 111, 132, 133, 134, 135, 136, 148, 149, 151
Вебер (Weber), Генрих – см. Бауэр, Отто
Вебер (Weber), Георг (1808–1888) 107, 458
Везинье (Vésinier), Пьер (1826–1902) 118, 160, 161, 188
Вейдемейер (Weydemeyer), Иосиф (1818–1866) 48, 52, 53, 54, 75, 297, 313, 463

Вейль (Weill), Георг (1865–1944) 138, 140–142, 149
Вейс (Weiß), Гвидо (1822–1899) 422–424, 429
Вейтлинг (Weitling), Вильгельм (1808–1871) 362, 377, 457
Веллер, Павел Лазаревич (1903–1941) 28
Веллингтон (Wellington), Артур Уэлсли, герцог (1769–1852) 212
Вельзевул 410
Венгеров, Семён Афанасьевич (1855–1920) 320
Венсар (Vinçard), Пьер Дени (1820–1882) 96, 141
Вертгейм (Wertheim), Густав 412–414, 433
Вестфален (Westphalen), Эдгар фон (1819–1890) 360
Ветринский Ч. – см. Чешихин, Василий Евграфович
Вигье (Viguier) 95, 141, 142
Видиль (Vidil), Жюль 43, 44
Викери (Vickery) 135
Виктория (Victoria) (1819–1901) 308
Виллих (Willich), Август (1810–1878) 43, 44, 337
Вильгельм (Wilhelm) I (1797–1888) 204, 207, 260, 261
Вильгельм (Wilhelm) III Оранский (1650–1702) 249, 250
Вильдхабер 28
Виниус, Андрей (Андриес) Денисович (1605–1662) 241
Винчестер (Winchester) – см. Поулет, Уильям
Виппер, Оскар Юрьевич (1817–1920?) 425
Владимир Святославович (960–1015) 225, 327
Воден, Алексей Михайлович (1870–1939) 26
Воинов 327
Волгин, Вячеслав Петрович (1879–1962) 11, 26
Волков – см. Сазонов Николай Иванович
Вольтер (Voltaire) (наст. фам. Аруэ), Франсуа Мари (1694–1778) 152, 316
Вольф (Wolff), Вильгельм (Лупус) (1809–1864) 381
Вольф (Wolff), Луиджи, (умер после 1871 г.) 120, 123, 128, 151
Вольф (Wolff), Фердинанд (1812–1895) 331, 332, 336
Воронцов Александр Романович, граф (1741–1805) 266, 269
Воронцов, Михаил Семёнович, граф (1782–1856) 207
Воронцов Семен Романович, граф (1744–1832) 269
Ворцель (Worcell), Станислав (1799–1857) 379, 381, 382, 384, 388
Всеволожский, Никита Всеволодович (1799–1862) 350
Вяземский, Пётр Андреевич (1792–1878) 343, 352, 353

Гааг (Haag), Луиза Ивановна (наст. имя Генриетта-Вильгельмина) (1795–1851) 339
Габсбурги 67, 234, 245, 248, 251
Гаврильченко, Светлана Анатольевна (род. в 1948 г.) 10
Гайс (Hayes) 85
Гакстгаузен (Haxthausen), Август (1792–1866) 385
Гамбетта (Gambetta), Леон (1838–1882) 149
Гамильтоны 241
Гарибальди (Garibaldi), Джузеппе (1807–1882) 92, 108, 111, 116, 117, 119, 120, 123, 138, 147, 149–151, 170, 193, 361, 400
Гарни (Harney), Джордж Джулиан (1817–1897) 43, 138, 280, 298, 299
Гарнье (Garnier), Жан 144
Гартвиг, Николай Генрихович (1857–1914) 212
Гартинг, Аркадий Михайлович (наст. имя Авраам Мойшевич Геккельман) (1861–?) 350, 354
Гацфельдт (Hatzfeldt), Софья (1805–1881) 44, 45, 46
Гацфельдт-Вильденбург (Hatzfeldt-Wildenburg), Эдмунд (род. в 1798 г.) 45
Гвайль (Guile), Д. 136
Гегель (Hegel), Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) 25, 320, 330, 458, 460, 462
Гейне (Heine), Генрих (1797–1856) 63, 76, 291, 313, 363, 364
Гейнцен (Heinzen), Карл (1809–1880) 53
Гексли (Huxley), Томас Генри (1825–1895) 82
Гелигон (Héligon), Ф. 102, 143, 145, 146
Геннади, Григорий, Николаевич (1826–1880) 346
Генриетта (Henrietta), Питер 134
Генрих IV (Heinrich) (1050–1106) 376

Георг (George) I (1660–1727) 255, 256, 259–261, 263
Георг (George) II (1683–1760) 265
Георг (George) III (1738–1820) 268
Геппнер (Hepner), Адольф (1846–1923) 425, 448
Герберт (Herbert), Уильям, 1-й граф Пемброк (1501–1570) 244, 249
Гервег (Herwegh), Георг (1817–1875) 24, 319, 324, 326, 330, 331, 339, 348, 359, 362, 363, 368, 369, 380, 386, 397, 417
Гервег (Herwegh), Эмма (1817–1904) 324
Геру (Guéroult), Адольф (1810–1872) 95, 141
Гёрц (Goertz, Görtz), Георг Генрих, барон фон (1668–1719) 256, 257, 258
Герцен, Александр Александрович (1839–1906) 438
Герцен, Александр Иванович (псевд. Искандер) (1812–1870) 8, 9, 29, 35, 63, 64, 121, 149, 317, 319–330, 332, 334, 335, 337, 339–341, 343, 344, 348, 349, 355, 357, 359, 361, 362, 370–373, 375, 376, 378–386, 388, 395, 397, 398, 400, 404–406, 417–419, 426–428, 432, 435, 441, 453, 459, 462
Герцен, Наталия Александровна (1817–1852) 339
Герцен, Николай Александрович (?–1851) 324
Гершензон, Михаил Осипович (1869–1925) 329
Гесс (Неß), Мозес 337
Гёте (Goethe), Иоганн Вольфганг (1749–1832) 190, 433
Гизо (Guizot), Франсуа (1787–1874) 283, 284, 364, 375, 380
Гийемен (Гильомен) (Guillemin), А. 329
Гийен (Гиллен) (Guillain), Аликс (1876–1951) 24
Гийом (Гильом) (Guillaume), Джеймс (1844–1916) 32, 131, 151, 177, 190, 378, 390, 391, 392, 401, 403, 405, 407, 412, 413, 415–421, 423, 424, 425, 428, 431, 433, 434, 436–438, 441, 443, 444, 445, 447, 448, 450–452
Гильдебранд (Hildebrand), Бруно (1812–1878) 457, 464
Гильом – см. Гийом (Гильом) (Guillaume), Джеймс
Гильфердинг (Hilferding), Рудольф (1877–1941) 15, 23
Гинзбург (лит. псевд. Д. Кольцов), Борис Абрамович (1863–1919) 13
Гинс (Hins), Эжен (1839–1923) 182
Гиоева, Татьяна Тотрадзовна (род. в 1948 г.) 10
Гирш 190
Глаголев, Н. 416, 453
Гладстон (Gladstone), Уильям Юарт (1809–1898) 58, 111, 149, 306
Гловер (Glover), Мельвиль 101
Гнедич, Николай Иванович (1784–1833) 350
Говард (Howard), Чарльз, 1-й граф Карлайл (1629–1685) 277
Гогенцоллерны 231, 234, 261
Гоголь, Николай Васильевич (1809–1852) 342, 344, 349, 360, 361, 371
Годдард (Goddard), Чарлз 105, 106, 107, 109, 110, 129
Годольфин (Godolphin), Сидней, граф (1645–1712) 251
Годунов, Борис Федорович (ок. 1551–1605) 239
Голицын, Александр Михайлович (1718–1783) 262
Головин, Иван Гаврилович (1816–1890) 67, 326, 327, 340, 354, 355, 357–359, 365, 379–382, 384, 385, 388, 389, 395, 451
Головина (Golovina), Галина Даниловна (род. в 1943 г.) 24, 27
Гольдшайд (Goldscheid), Рудольф (1870–1831) 157
Гольц (Гольтц) (Goltz von der), Бернгард Вильгельм, граф фон дер (1736–1795) 266
Гомер 288
Гордон (Gordon), Джон Уильям (1814–1870) 307
Гордон (Gordon), Патрик Леонард (Пётр Иванович) (1635–1699) 241
Горчаков, Александр Михайлович, князь (1798–1883) 304
Готье (Gauthier), Пьер Мишель 96
Гофман (Hoffmann), Карл Теодор (? – после 1891) 443, 447
Грановский, Тимофей Николаевич (1813–1855) 324
Грант (Grant), Джемс (1802–1879) 384
Грантам (Grantham), Томас Робинсон, барон (1738–1786) 214, 215
Грей (Gray), Роджер У. 129
Грей (Grey), Эдуард (1862–1933) 212
Гренвилл (Grenville), Ричард, герцог Бакингем и Чандос (1797–1861) 303, 313

Грехем (Graham), Давид 107
Грибоедов, Александр Сергеевич (1795–1829) 342, 349
Григорий VII (Гильдебранд) (ок. 1020–1085) 376
Грили (Greeley), Хорас (1811–1872) 48–53, 59, 61, 62, 65, 67, 69, 72, 74
Грэхамы 241
Грюн (Grün), Карл (1817–1887) 348, 349, 356
Грюнберг (Grünberg), Карл (1861–1940) 16, 21, 23, 131, 151, 161, 202, 401, 450, 452
Гудрик (Goodrick), Джон, баронет (1708–1789) 268
Гумбольдт (Humboldt), Александр (1769–1859) 374
Гуревич (лит. псевд. Е. Смирнов), Эмануил Львович (1866–1952) 12
Гуровский (Gurowski), Адам, граф (1805–1866) 63–76, 327
Густав (Gustav), Васа (1496–1560) 237, 238
Густав-Адольф (Gustavus Adolphus) (1594–1632) 251
Гучков, Александр Иванович (1862–1936) 370
Гуэ 142
Гюго (Hugo), Виктор (1802–1885) 304, 371

Д'Арси Коллиер (D'Arcy Collyer), Аделаида 214, 247
Дав (Dave), Виктор (1845–1922) 360, 378, 383, 388
Даво (Davaud), Абель (1828–1898) 94
Далейль (Дальциель), Томас Томасович (1599–1685) 241
Далин, Виктор Моисеевич (1902–1985) 24
Дана (Dana), Чарлз Андерсон (1819–1897) 48–57, 59–62, 65, 67, 69–77, 289, 293
Даниельс (Daniels), Роланд (1819–1855) 24
Даниельсон, Николай Францевич (1844–1918) 24, 313, 454, 463
Даннинг (Dunning), Томас Джозеф (1799–1873) 89, 110, 136
Дантон (Danton), Жорж Жак (1759–1794) 396, 443
Дарвин (Darwin), Чарлз (1809–1882) 6
Даримон (Darimont), Альфред (1819–1902) 329, 330
Даттон (Dutton) 171
Даубиггин (Dowbiggin) 307, 314
Даумер (Daumer), Георг Фридрих (1800–1875) 375
Де Пан (De Paepe), Сезар (1842–1890) 160, 175, 176, 180–182, 188
Деборин (наст. фам. Иоффе), Абрам Моисеевич (1881–1963) 26, 458, 464
Девелин (Develin), Д. 85
Дездемона 421
Делеклюз (Delescluse), Луи Шарль (1809–1871) 115, 416, 419
Делл (Dell), Уильям 104, 111, 118, 128, 188
Демосфен (384–322 до н. э.) 269
Демулен (Desmoulins), Камиль (1760–1794) 396
Дени (Denis), Гектор (1842–1913) 160
Денонвиль – см. Ватто, Луи
Денуаль (Denoual), Жюль 116, 129, 138, 150
Дерби (Derby), Эдвард Джорж, граф (1799–1869) 380
Деруар (Derouard) 95
Дестриль (Destrilhes), М. 309
Джарвис, Генри 135
Дженкинсон (Jenkinson), Энтони (1529–1610) 237, 238
Джонс (Jones) (Мезон Джонс), Ллойд (1811–1886) 298
Джонс (Jones), Томас 86
Джонс (Jones), Эрнест Чарлз (1819–1869) 45, 81, 104, 193, 210, 280, 290–293, 299, 313, 386, 388
Джонстон (Johnston), Томас (1881–1965) 134
Дибич, Иван Иванович, граф (1785–1831) 284
Дизраэли (Disraeli), Бенджамин, граф Биконсфилд (1804–1881) 76, 212, 312
Дик (Dick), Александр 90, 137
Диц (Dietz), Иоганн Генрих Вильгельм (Генрих) (1843–1922) 15
Дмитриева Елизавета – см. Томановская, Елизавета Лукинична
Дмитрий Донской (1350–1389) 233
Добролюбов, Николай Александрович (1836–1861) 138, 345, 373, 427, 460–462
Долгоруков, Пётр Владимирович (1816–1868) 354, 365
Доманже (Domenget) 99
Доманико (Domanico), Джованни (1855–1919) 123, 151
Дохерти (Doherty), Хью (Hugh) (Хьюго) (?–1891) 54, 66
Драммонд (Дрюмонд) (Drummond of Cromlix), Уильям, 1-й виконт

Стреттелан, 1-й барон Кромликс (1617–1688) 241
Дран (Drahn), Эрнст (1873–1944) 23
Дройзен (Droysen), Иоганн Густав (1808–1884) 261
Дронке (Dronke), Эрнст (1822–1891) 338
Дрюмон (Drumont), Эдуард Адольф (1844–1917) 425, 453
Дутлас (Douglas), Стивен Арнольд (1813–1861) 61, 62
Дункер (Duncker), Александр (1813–1897) 316
Духинский (Duchiński), Франтишек (1817–1893) 159, 160, 166, 188
Дэвис (Davis) 112
Дювель (Düwell), Фрида (1884–1962) 27
Дюнцер (Düntzer), Генрих (1813–1901) 433
Дюпле (Dupleix), Жан-Батист 163, 176
Дюпон (Dupont), Эжен (ок. 1831–1881) 102, 105, 145, 146, 148, 169, 174, 175, 181, 445, 447, 448

Егоров, Борис Фёдорович (род. в 1926 г.) 374, 377
Екатерина I (1684–1727) 218, 266
Екатерина II (1729–1796) 151, 215, 235, 246, 248, 267–269, 271, 272, 284
Елизавета (Elizabeth) I (1533–1603) 237, 238, 245
Елизавета Петровна (1709–1761) 265

Железнов, Владимир Яковлевич (1869–1933) 460, 464
Жеребцов, Николай Арсеньевич (1807–1868) 345
Жиль Блаз (Gil Blas) 257
Жирарден (Girardin), Эмиль де (1806–1881) 96
Жуанвиль (Joinville), Франсуа Фердинанд, принц де (1818–1900) 337
Жуков, Илья Григорьевич (1830–1911) 341
Жуковский, Николай Иванович (1833–1895) 444, 454
Журден (Jourdain), Гюстав (наст. имя Анне Жан-Мари) (1823–1899) 106, 112, 116, 117, 149

Закревский, Арсений Андреевич (1783–1865) 350
Засулич, Вера Ивановна (1851–1919) 11, 35, 272

Зауер (Sauer), Фриц (1904–1938) 27
Зевс 351
Зеленов, Михаил Владимирович (род. в 1964 г.) 37
Зибель (Siebel), Карл (1836–1868) 24
Зигель (Sigel), Франц (1824–1902) 336
Зингер (Singer), Пауль (1844–1911) 15, 422
Зоммерхаузен (Sommerhausen), Люк 24
Зорге (Sorge), Рихард (1895–1944) 26
Зорге (Sorge), Фридрих Адольф (1828–1906) 6, 24, 26, 329
Зубков, Александр Юльевич (род. в 1943 г.) 34, 274

И.К. – см. Конопасевич, Иван Александрович
Ибрагим I Безумный (Ibrahim) (1615–1648) 244
Иван I Данилович Калита (1283 или 1288–1340) 222, 223, 225, 226, 234, 260
Иван III (1440–1505) 222–226, 229, 231, 234
Иван IV Грозный (1530–1584) 237, 345
Иванов, Иван Иванович (?–1869) 437
Иегова 406
Иекк (Jaeckh), Густав (1866–1907) 136, 154, 176, 187, 189, 418
Иисус 416
Иосиф I (Joseph) (1678–1711) 254
Искандер – см. Герцен Александр Иванович
Исмаил-паша – см. Кмети, Дьёрдь

Кабе (Cabet), Этьен (1788–1856) 317, 333, 338
Кавелин, Константин Дмитриевич (1818–1885) 371
Каверин, Пётр Павлович (1794–1855) 350
Кавур (Cavour), Камилло Бенсо ди (1810–1861) 138
Казимиры 152
Калита – см. Иван I Данилович Калита
Камелина (Camélinat), Зефирен (1840–1932) 149
Каменский, Гавриил Павлович (1824–1898) 137
Камерон (Cameron), Джеймс 110
Каннинг (Canning), Джордж (1770–1827) 210
Кант (Kant), Иммануил (1724–1804) 6, 423

Капнист, Василий Васильевич (1758–1823) 342
Кара-Георгий (Георгий Петрович) (1752–1817) 287
Кард – см. Цверчакевич (Cwierczakiewicz), Юзеф
Карев, Николай Афанасьевич (1901–1936) 26
Карл Великий (Carolus Magnus) (ок. 742 или 748–814) 221
Карл Фридрих Гольштейн Готторпский (Karl Friedrich zu Holstein-Gottorp) (1700–1739) 278
Карл I (1600–1649) 239, 240, 244
Карл II (1630–1685) 240
Карл VI (1685–1740) 254
Карл XI (1655–1697) 249
Карл XII (1682–1718) 247, 251–254, 256, 257, 259
Карлайл (Карлейль) (Carlisle) – см. Говард, Чарльз 249, 277
Карлейль (Carlyle), Томас (1795–1881) 298, 372, 375, 377
Карпантье (Carpentier) 328
Картер (Carter) 160, 162, 170, 171
Картерет (Carteret), Джон , 2-й граф Гренвиль (1690–1763) 265
Каталан (Catalan), Адольф 179, 180
Катков, Михаил Никифорович (1818–1887) 349, 376, 377
Кауб (Kaub), Карл 91
Кауниц-Ритбург (Kaunitz-Rietburg), Венцель Антон, князь (1711–1794) 262
Каутская (Freiberger-Kautsky, урожд. Штрассер), Луиза (1860–1950) 17
Каутский (Kautsky), Карл (1854–1938) 13–15, 17, 42, 54, 166, 184, 188, 202, 203, 241, 427, 444, 447–449
Качановский, Михаил Трофимович (1775–1842) 321
Кейт (Keith), Роберт Мюррей старший (ок. 1697–1774) 266
Кёрнер (Körner), Теодор (1791–1813) 320
Кетрик (Kethrik) 129
Кетчер, Николай Христофорович (1809–1886) 322
Кин (Keane), Август Генри (1833–1912) 269
Кин (Kin) 103
Кинг (King), Лок 112
Кингсли (Kingsley), Чарльз (1819–1875) 131
Кине (Quinet), Эдгар (1803–1875) 304
Кинкель (Kinkel), Готфрид Иоганн (1815–1882) 53, 166, 189, 438, 463
Киннеар (Kinnear), Джон Бойд (1828–1920) 138
Кирхоф (Kirchhof), Герман (1851–1932) 246
Киселев, Николай Дмитриевич (1800–1869) 356, 359, 360
Кларендон (Clarendon), Джордж Уильям Фредерик Вильямс, граф (1800–1870) 285, 305, 307, 308, 310
Клей (Clay), Генри (1777–1852) 51, 62
Клейн (Klein), Карл Вильгельм (род. ок. 1823 г.) 174
Клифтон (Cliffon), Р. 100
Клоотс (Cloots), Анархасис (1755–1794) 169, 396
Клусс (Clu8), Адольф (1825–1905) 68, 297, 313
Клыков 319
Клэ (Clay), У.С. 100
Ключевский, Василий Осипович (1841–1911) 241, 461
Кмети (Kmety), Дьёрдь (Георг) (1810–1865) 310
Коадон (Cohadon), Антуан (1824 или 1825–1910) 106
Кобден (Cobden), Ричард (1804–1865) 142, 207, 380
Козьмин, Борис Павлович (1883–1958) 375
Кокар (Coquard), А. 95, 98, 99, 141, 142, 144, 145
Кокс (Coxe), Уильям (1747–1828) 33
Колбасин, Елисей Яковлевич (1831–1885) 373
Колевиль де (Colleville de) 173
Колле (Collet), Жозеф 100, 105, 148
Коллет (Collet), Коллет Добсон (1813–1898) 398
Кольцов, Д. – см. Гинзбург, Борис Абрамович
Кон (Cohn), Джеймс 424
Конноли (Коннолли) (Connolly), Томас 104, 105, 147
Конобеевская, Ирина Николаевна (? – после 1983) 374
Конопасевич, Иван Александрович (псевд. И.К.) 131
Коулсон (Coulson), Эдвин (ок. 1828–1893) 88, 106, 111, 136
Корнилов, Александр Александрович (1862–1925) 356

Косвен, Марк Осипович (1885–1967) 26
Косминский, Евгений Александрович (1886–1959) 24, 26
Костомаров, Николай Иванович (1817–1885) 232, 233, 238, 240
Коустон (Cawston), Джордж 269
Коуэн (Cowen) 138
Кох (Koch) 447
Кошут (Kossuth), Лайош (1802–1894) 53, 55
Краевский, Андрей Александрович (1810–1885) 371
Крауфорд (Crawford), Александр 241
Крауфорд (Crawford), Даниэль 241
Кример (Cremer), Уильям Рандал (1838–1908) 84, 85, 88, 92, 103–105, 107, 109, 111, 112, 119, 120, 129, 132, 133, 136, 137, 147, 148, 151, 170, 171, 193–195, 199, 448
Кроликовский (Krolikowski), Людвиг (1799–1878) 337
Кромвель (Cromwell), Оливер (1599–1658) 128, 240, 241, 243, 245
Кропоткин, Петр Алексеевич, князь (1842–1921) 421
Крупская, Надежда Константиновна (1869–1939) 19
Крылов, Иван Андреевич (1769–1844) 455
Кутельман (Kugelmann), Луи (Людвиг) (1828–1902) 166, 186, 188–190, 315, 317, 345, 398, 427, 446, 448, 449, 453
Кудрявцев, Пётр Николаевич (1816–1858) 319
Кулешов, Василий Иванович (1920–2006) 374
Куллери (Coullery), Пьер (1819–1903) 176
Кун (Kun), Бела (1886–1939) 27
Кун, Ирина Самуиловна (1890–1974) 27, 28
Кунина, Валерия Эммануиловна (1912 – ок. 2007) 45
Куракин, Борис Иванович (1676–1727) 256, 258, 259
Кутан (Coutant) Жан-Батист 94, 95, 98, 99, 102, 103, t i2, 144
Кэмпбелл (Campbell), Александр (1796–1870 или 1871) 134
Кэри (Carey), Генри Чарлз (1793–1879) 134
Кюстин (Custine), Астольф де (1790–1857) 357, 358

Лавров, Пётр Лаврович (1823–1900) 11, 29, 35, 361, 363, 377
Ладендорф (Ladendorf), Август Иоганн Фридрих (1814–1886) 438
Лакамбр (Lacambre), Сириль 44, 46
Лама (Lama), Доменико 123, 129
Ламартин (Lamartine), Альфонс (1790–1869) 44
Ламберти (наст. имя Джиовани Ламберти де Сен-Лео) (Lamberty), Гийом де (ок. 1660–1733 или 1742) 257, 258
Ламенне (Lamennais), Фелисите Робер де (1782–1854) 328, 329
Лампрехт, (Lamprecht), Карл (1856–1915) 230
Лапинский (Lapiński), Теофиль (1827–1886) 159, 188
Ларрок (Larroque), Патрис (1801–1879) 182
Ласи (Ласси) (Lacy), Пётр Петрович (1678–1751) 264
Лассаль (Lassalle), Фердинанд (1825–1864) 13, 44–46, 203, 211, 292, 295, 296, 304, 347, 348, 386, 397, 416, 423, 433, 451, 453, 457, 462, 464
Лассаси (Lassassie, Lassasie), Ф., де 160
Лауери (Lauery) 298
Лафарг, Лаура – см. Маркс, Лаура
Лафарг (Lafargue), Поль (1842–1911) 15–17, 49, 149, 164, 167–170, 202, 339, 437, 448
Лахтин, Алексей Кузьмич (1808–1838) 322
Лашатр (Lachâtre), Морис (1814–1900) 141
Ле Любе (Le Lubez), Петер Эмабль Виктор (1834 – после 1894) 115–121, 124, 126, 129, 150, 160, 169
Левенгаупт (Lewenhaupt), Адам-Людовик, граф (1659–1719) 252
Леви (Lévy), Арман (1827–1891) 94–98, 103, 141–143, 145
Ледлоу (Людлоу) (Ludlow), Джон Малколм Форбс (1821–1911) 131, 135
Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin), Александр Огюст (1807–1874) 44, 121, 141, 330
Лекрафт (Lecraft, Lucraft), Бенджамин (1809–1897) 129, 182
Лексис (Lexis), Вильгельм (1837–1914) 95, 102, 140–142, 144, 145, 149, 150
Лемке, Михаил Константинович (1872–1923) 149, 322, 354, 355, 357, 363, 377
Ленин, Владимир Ильич (1870–1924) 12, 18, 19, 23, 25, 37, 373, 461, 463
Лено (Leno), Джон Бедфорт (1826–1895) 112, 129

Лео 453
Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814–1841) 342
Леру (Leroux), Пьер (1797–1871) 338
Леруа (Leroy) 141, 142
Лесаж (Lesage), Ален Рене (1668–1747) 278
Лесли (Leslie), Александр Ульянович (1568–1663) 241
Лесснер (Lessner), Фридрих (1825–1910) 91, 106, 120–122, 134, 148, 150, 151, 169, 181, 193, 194, 398, 399, 451
Лестер – см. Сидни, Роберт
Лефор (Lefort), Анри (1835–1917) 112, 115–118, 126, 130, 138, 149, 150
Лешевалье (Lechevalier), Андре Луи Жюль (1800–1871) 55
Лешингтон (Leshington), Годфри 135
Ли (Lea), С. 135
Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм (1826–1900) 132, 153, 187, 202, 203, 279, 288–290, 306, 311, 312, 390, 407, 409–415, 420–422, 424–431, 433–436, 438–440, 442–445, 447, 448, 452
Ливен, Христофор Андреевич, князь (1774–1839) 208
Лимузен (Limousin), Антуан 118, 121, 142, 143, 149
Лимузен (Limousin), Шарль Матье (1840–1909) 143
Линкольн (Lincoln), Авраам (1809–1865) 52, 103, 104, 147
Лиссагаре (Lissagaray), Проспер Оливье (1838–1901) 416, 453
Ловетт (Lovett), Уильям (1800–1877) 89
Ложель (Laugel), Огюст (1830–1914) 301
Лонге (Longuet), Шарль (1839–1903) 183
Лонгмейд (Longmaid), Джон 129
Лопатин, Герман Александрович (1845–1918) 35, 138, 437, 438
Лоренс (Laurence, правильно – Lawrence), Мэтью (ок. 1835–1869) 134
Лохнер (Lochner), Георг (род. ок. 1824 г.) 91
Луи (Louis), Поль 143, 146
Луи Орлеанский (Louis d'Orlean), герцог Немурский (1814–1890) 365
Луи-Бонапарт – см. Наполеон III
Луи-Филипп I (Louis-Philippe) (1773–1850) 318
Лука 293, 313
Лукач (Lukács), Георг (Дьёрдь) (1885–1971) 27
Луначарский, Анатолий Васильевич (1875–1933) 19
Луппол, Иван Капитонович (1896–1943) 26
Лурье (псевд. Александр Эмель), Моисей Ильич (1897–1936) 23
Любавин, Николай Николаевич (1845–1918) 454
Любименко, Инна Ивановна (1878–1959) 203, 275
Людовик XIV (1638–1715) 245, 247, 251, 262
Люка (Lucas), Альфонс 326
Люксембург (нем. Luxemburg, польск. Luksemburg), Роза (1871–1919) 23, 202
Лютер (Luther), Мартин (1483–1546) 243
Ляхов, Владимир Платонович (1869–1920) 212, 274

Мадзини (Mazzini), Джузеппе (1805–1872) 76, 121, 123, 138, 151, 170, 312, 333, 335, 375, 379–382, 388, 397, 400–403, 426, 452
Майер (Meyer), Густав (1871–1948) 17, 23, 424, 432, 451
Майкесон (Mickeson), В. 85
Майская (урожд. Скипина, по первому браку Скалерова), Агния Александровна (1895–1987) 24
Макартни (Macartney), Джордж, 1-й граф Макартни (1737–1806) 214, 215, 267
Макиавелли (Machiavelli), Никколо (1469–1527) 403, 438
Мак-Куллох (MacCulloch, McCulloch), Джон Рамси (1789–1864) 269
Мак-Нейл (McNeill), Джон (1795–1883) 291, 306, 307
Максимилиан (Maximilian) (1459–1519) 225, 235, 245
Мак-Элрат (McElrath), Томас (1807–1888) 48, 50–53, 61, 74
Малмсбери – см. Харрис, Джеймс
Малон (Malon), Бенуа (1841–1893) 147, 149
Мальборо – см. Черчилль, Джон
Мальшинский (М-ский), Аркадий Павлович (1840–1899) 325
Мансуров, Павел Борисович (1795–1881) 351
Маньен (Magnin), Фабиан 91, 138
Мария Терезия (1717–1780) 152, 265, 268
Маркс (Marx), Женни (дочь) (1844–1883) 121

Маркс (Marx) (урожд. фон Вестфален), Женни (1814–1881) 52, 75, 121, 369, 404, 406, 449, 452
Маркс (Marx), Карл (1818–1883) 6–10, 12–40, 42–49, 51–54, 56–62, 65, 68–79, 81, 82, 84, 119–123, 129, 131–133, 135–137, 139–141, 144, 145, 150, 151, 153, 155–161, 164–166, 169–173, 177, 181, 185–195, 197, 199–203, 206–220, 222, 224, 225, 227, 229, 232–237, 242, 243, 245–247, 249, 253, 255, 257–260, 262–264, 266, 267, 269–284, 287–320, 330–332, 336–338, 340, 343–349, 356–412, 414–420, 422–432, 434–437, 439–464
Маркс (Marx), Лаура, в замужестве Лафарг (1845–1911) 15–17, 121, 202
Маркс (Marx), Фрэнсис Йозеф Петер (1816–1876) 340, 385–388, 397
Маркс (Marx), Эдгар (1847–1855) 70
Маркс-Эвелинг (Marx Aveling), Элеонора (1855–1898) 17, 33, 47, 54, 71, 121, 202, 210, 211, 213, 277, 280, 288, 311, 312
Марселис, Пётр Гаврилович (1602–1672) 241
Мартен (Martin), Бон Луи Анри (1810–1883) 166
Мартенс, Федор Федорович (Фридрих Фромгольц) (1845–1909) 208, 212, 247, 250–253, 277, 278, 356, 359
Мартин (Martin), Генри 88
Масе (Macé), Жан 115
Массоль (Massol), Марк Александр (1805–1875) 335, 338
Матвеев, Андрей Артамонович, граф (1666–1728) 251–253, 258
Матвей I Корвин (Mátyás) (1443–1490) 225
Матфей 313
Маутнер (Mauthner), Теодор (1855–1922) 21
Махмуд II (1785–1839) 352
Мезон (Mason), Джон Юнг (1799–1859) 61
Мезон Джонс (Mason Jones) – см. Джонс, Ллойд
Мей 323
Мельгунов, Николай Александрович (1804–1867) 319
Менгер (Menger), Антон (1841–1906) 13, 15
Менгли-Герай (Гирей) (Menli Geray) (1445–1515) 225
Меншиков, Александр Сергеевич, князь (1787–1869) 253
Меринг (Mehring), Франц (1846–1919) 13, 15, 23, 24, 75, 202, 203, 211, 266, 275, 319, 390–392, 394, 397, 400, 401, 403, 405–412, 414, 416–418, 421–426, 428–433, 436, 440, 441, 451, 452
Мермиллод, Фр. 184
Меррей (Murray), Чарлз 92, 101, 104
Меррик (Merrick, Meyrick), Джон (ок. 1559–1638/39) 243
Мёрчисон (Murchison), Родерик Импи (1792–1871) 160
Меттерних (Metternich), Клеменс, князь (1772–1859) 284
Мехмет-Али (Mehmet Ali) (1769–1849) 63
Мечников (Metchnikoff), Лев Ильич (1838–1888) 138
Миллер, (Miller), Уильям (Вильям) (1864–1945) 254
Миллер, Фёдор Иванович (наст. имя Müller, Gerhard Friedrich) (1705–1783) 321
Милль (Mill), Джон Стюарт (1806–1873) 345, 456–458, 460, 461, 463, 464
Милош Обренович (1780–1860) 287
Мильсан (Milcent) 99
Милюков, Павел Николаевич (1856–1943) 230, 231, 342
Миних, Бурхард Христоф (Христофор Антонович) (1683–1767) 264
Михайлов, Михаил Ларионович (1829–1865) 373
Михайловский, Николай Константинович (1842–1904) 149, 460
Мицкевич (Mickiewicz), Адам (1797–1855) 77, 94, 326, 327
Модзалевский, Борис Львович (1874–1928) 320, 350, 351
Молешотт (Moleschott), Якоб (1822–1893) 458
Молинари (Molinari), Гюстав (1819–1912) 149, 152, 344
Моне (Monet), Жан Мари (1822 или 1825–?) 99
Монтегю (Montagu), Джон, 4-й граф Сэндвич (1744–1814) 214, 215
Монтескьё (Montesquieu), Шарль (1689–1755) 182
Моншаль (Monchal), Жюль 438

Морис (Maurice), Джон Фредерик Денисон (1805–1872) 131
Морли (Morley) 129
Морни (Morny), Шарль Огюст Луи Жозеф, граф де (1811–1865) 302
Мохаммед Али-шах (1810–1848) 212
Мрочковский (Mroczkowski), Валерий (1840–1889) 454
Мулине (Mouliner) 96
Муравьев, Николай Николаевич (1794–1866) 309
Муханов, Владимир Алексеевич (1805–1876) 353
Мэссинджер (Мессинджер) (Messinger), Филипп (1584–1640) 434, 454
Мюке (Mücke), Александр Эдуард фон (1815–1883) 442
Мюллер (Müller), Райнхард (род. в 1946 г.) 27
Мюллер, (Müller), Вильгельм (1794–1827) 288
Мюллер-Теллеринг (Müller-Tellering) (наст. фам. Мюллер), Пауль Эдуард (1811– после 1853) 53
Мюральт (Muralt), Эдуард де (1808–1895) 276
Мюрат (Murat), Пьер-Андре (1833–1893) 144, 145, 146, 149

Найасс (Nieass), Джон 88, 107, 111, 129
Наполеон (Napoléon) I Бонапарт (1769–1821) 205, 278, 281, 327
Наполеон (Napoléon) III (Наполеон Луи Бонапарт) (1808–1873) 45, 67, 91, 92, 110, 143, 152, 158, 165, 209, 213, 302, 304, 308, 309, 327, 337, 345, 361, 399
Негрескул, Михаил Федорович (ок. 1843–1871) 454
Некрасов, Николай Алексеевич (1821–1877) 370, 374
Непея, Осип Григорьевич (?–1570) 237
Непомнящая, Нина Ильинична (1895–1977) 28
Нессельроде, Карл Васильевич, граф (1780–1862) 204, 207, 208, 275
Нестор (Летописец) (1056–1114) 321
Нетов (наст. фам. Бартенев), Виктор Иванович (1838–1918) 452
Неттлау (Nettlau), Макс (1865–1944) 32, 35, 116, 118, 121, 130, 148, 150, 151, 318, 349, 378–380, 383–388, 394–405, 407, 408, 410, 412–418, 421, 423–425, 428–434, 436, 439, 441, 443–445, 450
Нечаев, Сергей Геннадиевич (1847–1882) 435–439, 441, 444, 454, 462
Николаевский, Борис Иванович (1887–1966) 23, 25
Николай I (1796–1855) 62, 63, 74, 204, 205, 207, 271, 275, 281, 344, 352, 355, 375, 381, 382
Николай Михайлович, великий князь (1859–1919) 366
Николей (Николэй) (Nicholay), Дж. А. 100
Никсдорф (Nixdorf), Курт Оттович (1903–1937) 27
Ниль (Neale), Эдвард Ванситтарт (1810–1892) 131
Нобл (Нобль) (Noble), Г.А. 129, 134
Норов, Авраам Сергеевич (1795–1869) 352, 353
Норрис (Norris), Джон (ок. 1660–1749) 259
Норт (North), Фредерик (1732–1792) 268
Ньютон (Newton), Исаак (1642–1727) 6

О'Коннор (O'Connor), Фергюс (1794–1855) 298
Обер (Aubert) 106
Оболенский, Евгений Петрович (1796–1865) 351
Обресков (Обрезков), Александр Михайлович (1789–1885) 359
Оверрич (Overreach), Джайльс 434, 454
Огарев, Николай Платонович (1813–1877) 319, 321–323, 325, 375, 386, 418, 438
Оджер (Odger), Джордж (1820–1877) 85, 88, 89, 90, 92, 103–107, 109–112, 115, 116, 118–121, 124, 129, 132, 135, 136, 145, 147, 148, 150, 160, 162, 193, 195, 196
Одиссей 255
Окен (Oken), Лоренц (1779–1851) 321
Олеарий (Olarius), Адам (1603–1671) 241
Олег (Вещий), князь Киевский (?–912) 221
Олмстед, Фредерик Ло (1822–1903) 73, 74
Омер-паша (наст. имя Михаил Латас) (1806–1871) 306, 309
Онкен (Oncken), Герман (1869–1946) 394
Орсини (Orsini), Феличе (1819–1858) 91, 94
Осборн (Osborne), Джон 129
Остерман, Андрей Иванович (1686–1747) 265

Островский (Ostrowski), Кристиан (Крыштын) (1811–1882) 338, 344
Островский, Александр Николаевич (1823–1886) 342
Оттоны (962–1002) 233
Оуэн (Owen), Роберт (1771–1858) 81, 195, 373, 460

Павел (апостол) 416
Павел I (1754–1801) 252
Павсаний (480–467 ? до н. э.) 291
Пакстон (Paxton), Джозеф (1801–1865) 100
Пальмерстон (Palmerston), Генри Джон Темпл, виконт (1784–1865) 17, 58, 91, 92, 100, 101, 104, 106, 111, 112, 147, 158, 205, 209–212, 215, 279, 280, 284, 285, 288, 289, 292–306, 308–310, 385, 386
Панаев, Иван Иванович (1812–1862) 318, 319
Панаева-Головачева, Авдотья Яковлевна (1820–1893) 318, 374
Панмюр (Panmure), Фокс Мол, барон (1801–1874) 306, 307
Паппенгейм (Pappenheim), Вильгельм (1860–1939) 21
Парро (Parrot) 94, 96
Парфе (Parfait), Ноэль (1813–1898) 115
Пасифико (Pacifico), Давид (1784–1854) 58, 303
Паскевич, Степан Фёдорович (1785–1840) 352, 375
Паскевич-Эриванский, Иван Фёдорович (1782–1856) 63, 325, 352, 359, 375
Паскевич-Эриванский, Фёдор Иванович (1823–1903) 325
Пассек, Татьяна Петровна (1810–1889) 361
Пелисье (Pelissier), Жан Жак (1794–1864) 308
Пеллеринг (Pellering), Жан (1817–1877) 182
Пелузо (Peluso), Эдмондо (1882–1942) 27
Пемброк (Pembruck) – см. Герберт, Уильям
Перейра (Péreire), Эмиль (1800–1875) 140
Перлман (Perlman), Селиг (1888–1959) 24
Перрашон (Perrachon), Жозеф Этьен (1829–1878) 98, 103, 106, 117, 118, 142, 149
Перрон (Perron), Шарль Эжен (1837–1919) 176
Петр I (1672–1725) 33, 163, 212, 214, 216–220, 226–229, 233, 235, 236, 241, 242, 245–261, 263–266, 270–272, 276
Петр III (1728–1762) 266
Петрашевский, Михаил Васильевич (1821–1866) 463
Пиа (Pyat), Феликс (1810–1889) 329, 333, 335
Пиджин (Pidgeon), У. 129
Пиль (Peel), Роберт (1788–1850) 270
Пипер (Pieper), Вильгельм (ок. 1826 – 1899) 295
Пирумова, Наталия Михайловна (1923–1997) 376
Писарев, Дмитрий Иванович (1840–1868) 460
Пито (Peto), Самюэль Мортон (1809–1889) 100, 135
Питт (Pitt), Уильям, Младший (1759–1806) 270, 443
Питт (Pitt), Уильям, Старший, граф Чатам (1708–1778) 265, 269
Пишо (Pichat), Лоран 115
Плеханов, Георгий Валентинович (1856–1918) 11, 12, 22, 29, 458, 459, 461, 462, 464
Плиний Старший (Гай Плиний Секунд) (23/24–79) 291
Погодин (Pogodine), Михаил Петрович (1800–1875) 188, 321
Покровский, Михаил Николаевич (1868–1932) 19, 21, 461
Полиевктов, Д.М. – см. Полиевктов, Михаил Александрович
Полиевктов, Михаил Александрович (1872–1942) 203, 275
Полифем 255
Полоний 407
Поляков, Николай Петрович (ок. 1841–1905) 454
Понятовские 152
Порошин, Виктор Степанович 188
Портер (Porter), Джордж (1792–1852) 211
Потемкин, Федор Васильевич (1895–1973) 24, 26
Поттер (Potter), Беатриса – см. Вебб, Беатриса 131
Поттер (Potter), Джордж (1832–1893) 84–90, 92, 104–107, 110, 111, 116, 117, 135–137, 148, 149
Поулет (Paulet), Уильям, 1-й маркиз Винчестер (1483 или 1485–1572) 244

Поццо-ди-Борго, Карл (Карл-Андрей) Осипович (1764–1842) 215
Поэрио (Poerio), Карло (1803–1867) 138
Преображенский, Евгений Алексеевич (1886–1937) 26
Принц Наполеон – см. Бонапарт (Bonaparte), Жозеф Шарль Поль
Прудон (Proudhon), Пьер Жозеф (1809–1865) 114, 115, 129, 141, 149, 152, 159–161, 176, 187, 189, 214, 276, 315, 328–330, 332, 333, 335, 337, 338, 345, 363, 367, 368, 369, 375, 431, 463
Пульский (Pulszky), Аврелий Ференц (Францишек) (1814–1897) 55, 298, 313
Пушкин, Александр Сергеевич (1799–1837) 320, 342, 349–352, 356, 360, 366, 376
Пфендер (Pfänder), Карл (1818–1876) 91
Пыпин, Александр Николаевич (1833–1904) 361, 363
Пюеш (Puech), С.Л. 144

Раглан (Raglan), Фицрой Джемс Генри Сомерсет, барон (1788–1855) 306
Рамю (Ramus), Пьер (наст. имя Рудольф Гроссман) (1882–1942) 390, 451
Ранке (Ranke), Леопольд фон (1795–1886) 252, 260
Раппопорт, Шлойме Залман (Соломон) (1863–1920) 363, 377
Рассел (Russell), Джон (1485–1555), 1-й граф Бедфорд 244
Рассел (Russell), Джон (1792–1878) 70
Раумер (Raumer), Фридрих (1781–1873) 214
Рачковский, Пётр Иванович (1859–1911) 350, 354
Редклифф – см. Стратфорд де Редклифф, Стратфорд Каннинг, виконт
Рейнхардт (Reinhardt), Рихард (1829–1898) 332
Рейснер, Михаил Андреевич (1868–1928) 19
Рейше (Reusche), Фридрих 417
Реклю, Жан Жак Элизе (1830–1905) 421
Реньо (Regnault), Элиас Жорж Суланж Олива (1801–1868) 159, 188
Решид-паша (1802–1858) 309, 314
Рибейроль (Ribeyrolles), Шарль (1812–1861) 329
Рибо (Ribot), Александр Феликс Жозеф (1842–1923) 174
Риенцо (Риенци) (Rienzo), Кола ди (1313–1354) 320
Рикардо (Ricardo), Давид (1772–1823) 460
Рипли (Ripley), Джорж (1802–1880) 48, 49, 52
Ричардс (Richards), Альфред Бейт (1820–1876) 298, 384
Ричардсон (Richardson) 129
Ришар (Richard), Эмиль (1843–1886) 99
Робеспьер (Robespierre), Максимилиан (1758–1794) 367, 368
Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow), Иоганн Карл (1805–1875) 292
Роде (Rode) 399
Роздольский (Rosdolsky), Роман (1898–1967) 24
Розенберг, Давид Иохелевич (1879–1950) 26
Розенблюм, Эдуард 427
Розенвассер (Rosenwasser), Йозеф (Иосиф) 23
Рокитянский, Яков Гершкович (1940–2013) 8, 11, 12, 18, 27, 37
Романов, Михаил Федорович (1596–1645) 239
Романовы (1613–1917) 220, 231, 232, 261
Рондо (Rondeau), Клавдий (Клод) (1695–1739) 214, 215, 263, 264
Ротшильд (Rothschild), Лайонел, барон (1808–1879) 449
Ротшильды 302
Ротштейн (Rothstein), Федор Аронович (1871–1953) 26, 135, 138, 299
Роян (Rojahn), Юрген (род. в 1941 г.) 7, 14, 15
Рубин, Исаак Ильич (1886–1937) 26, 37, 458, 464
Руге (Ruge), Арнольд (1802–1880) 52, 317, 319, 330, 356, 357, 371, 382, 384, 452
Рудольф II (Rudolph) (1552–1612) 237
Руэ (Rouher), Эжен (1814–1884) 97
Рылеев, Кондратий Фёдорович (1795–1826) 320
Рэ (Rae), Джон (1845–1915) 145
Рюег (Rüegg) P. 452
Рюмин, Гавриил Васильевич (Rumine, Gabriel de) (1841–1871) 344, 345
Рюрик (ум. 879) 220, 221
Рюриковичи 220, 221, 231, 232, 234
Рюстов (Rüstow), Фридрих Вильгельм (1821–1878) 307
Рязанова (урожд. Брановер), Анна Львовна (1878–1971) 11

Савл 252
Сазонов, Николай Иванович (псевд. Волков, К. Штахель) (1815–1862) 35, 318–332, 334, 336, 338–347, 355, 358, 360, 365, 366, 368, 373–377, 456
Сайплс (Cyples), Уильям (1831–1882) 310
Сакулин, Павел Никитич (1868–1930) 374
Самнер (Sumner), Чарлз (1811–1874) 72
Санд (Sand), Жорж (наст. имя Аврора Дюдеван) (1804–1876) 317, 366, 382, 383
Сандвит (Sandwith), Хамфри (1822–1881) 306, 307
Санчо Панса 297, 395
Сатин, Николай Михайлович (1814–1873) 319–322
Св. Филипп (апостол) 363
Сван 306
Свифт (Swift), Линдсей (1856–1921) 49, 52, 75
Святослав Игоревич (ок. 942–972) 221
Сегюр (Ségur), Филипп-Поль де (1780–1873) 276, 277
Сеймур, Дж. Т. 275
Семевский, Василий Иванович (1848–1916) 350, 351
Семенов, Степан Михайлович (1789–1852) 352
Семирамида (Шаммурамат) (806–810 до н. э.) 267
Сен-Жюст (Saint-Just), Луи (1767–1794) 443
Сен-Симон (Saint-Simon), Анри де (1760–1825) 140, 141, 215, 317, 370, 460
Сеньобос (Seignobos), Шарль (1854–1942) 147
Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra), Мигель (1547–1616) 297, 395
Серебренников, Владимир Иванович (ок. 1850–?) 439
Серно-Соловьевич, Александр Александрович (1838–1869) 324, 406, 427, 428, 452, 453
Серно-Соловьевич, Николай Александрович (1834–1866) 375
Сигизмунды 152
Сидни (Sidney), Роберт, 2-й граф Лестер (1595–1671) 243, 277
Симон (Simon), Людвиг (1810–1872) 52, 375
Симон (Simon), Эдуар (1824–1897) 345
Симпсон (Simpson), Джемс (1792–1868) 306, 310
Скворцов-Степанов (наст. фам. Скворцов, лит. псевд. И. Степанов), Иван Иванович (1870–1928) 19
Скотт (Scott), Уильям Роберт 203
Скотт (Scott), Уинфилд (1786–1866) 59
Слепцов, Василий Алексеевич (1836–1878) 12
Смирнов, Е. – см. Гуревич, Эмануил Львович
Смирнова, Валентина Акимовна (1927–1990) 7–10, 13, 16, 26, 28, 29, 31, 34, 35, 37, 274, 374
Соловьев, Сергей Михайлович (1820–1879) 188, 224, 230, 246, 251, 252, 265, 268
Соломон (X в. до н. э.) 418
Соутер 134
Софья Палеолог (ок. 1455–1503) 225
Спарго (Spargo), Джон (1876–1966) 121, 122, 151
Сталин (наст. фам. Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1879–1953) 37
Станкевич, Николай Владимирович (1813–1840) 321
Стасюлевич, Михаил Матвеевич (1826–1911) 363, 377
Стейнсби (Stainsby), Д.Д. 104, 105, 129
Стеклов (наст. фам. Нахамкис), Юрий Михайлович (1873–1941) 11, 12, 19, 26, 144, 390
Стельс (Stales) 252
Стенсфелд 138
Стефан III Великий (Штефан) (1426–1504) 225
Стефан Баторий (Stefan Batory) (1533–1586) 238
Стефенсон (Stephenson), Нэш 82
Стивенс (Stevens), Гарри (1896–1972) 24
Стратфорд де Редклифф (Stratford de Redcliff), Стратфорд Каннинг, виконт (1786–1880) 309–311
Струве, Пётр Бернгардович (1870–1944) 370, 373
Стэн, Ян Эрнестович (1899–1937) 26
Стэнхоуп (Stanhope), Джеймс, граф (1673–1721) 217
Стюарт (Steuart), Джон, 3-й граф Бьют (1713–1792) 262
Стюарт (Stuart), лорд Далли Кутс (1803–1854) 212
Стюарты 241, 257

Суварин (Souvarine), Борис (1895–1984) 23
Суле (Soulé), Пьер (1801–1870) 61, 62
Сульт (Soult) Никола Жан (1769–1851) 215
Сэндвич (Sandwich) – см. Монтегю, Джон

Такер (Tucker), Э. 210, 293, 294, 313, 386
Таландье (Talandier), Пьер Теодор Альфред (1822–1890) 100, 438, 439, 454
Тальгеймер (Thalheimer), Август (1884–1964) 23, 27
Танеев, Владимир Иванович (1840–1921) 21
Таппер (Tapper), Джемс 135
Тарле, Евгений Викторович (1874–1955) 24, 344
Тартаковский Борис Григорьевич (1911–2002) 34, 274
Тауншенд (Townshend), Чарльз, 2-й виконт (1674–1738) 217, 258
Тейлор, Питер 138
Теллеринг – см. Мюллер-Теллеринг, Пауль Эдуард
Теллох (Telloch) 306
Тестю (Testut), Оскар (1845–?) 447, 448
Тиндаль (Tyndall), Джон (1820–1893) 82
Ткачев, Петр Никитич (1844–1885) 231, 272
Толен (Tolain), Анри Луи (1828–1897) 90, 97–99, 102, 104–106, 112, 115–119, 121, 124, 129, 130, 138, 143–145, 147–150, 158, 176, 182–185, 193
Толстой, Александр Петрович (1801–1873) 349
Толстой, Григорий Михайлович (1808–1871) 74, 77, 349, 359, 374
Толстой, Дмитрий Александрович (1823–1891) 349
Толстой, Лев Николаевич (1828–1910) 348, 349
Толстой, Яков Николаевич (1791–1867) 77, 349, 350, 351, 352–361, 364–366, 374, 384
Тома (Thomas), Альберт 139, 140–145, 146, 147, 150
Томановская, Елизавета Лукинична (псевд. Е. Дмитриева) (1851–1898) 425
Трахтенберг (Trachtenberg), Александр (1884–1966) 24
Трепп (Trupp), Джордж 88
Трименхир (Tremenheeres), Хью Сеймур (1804–1893) 136
Тримлетт (Trimlett), В. 92, 129
Троллоп (Trollope) 84
Трубецкой, Сергей Петрович (1790–1860) 350
Трусов, Антон Данилович (1835–1886) 452
Туган-Барановский, Михаил Иванович (1865–1919) 147
Тургенев, Иван Сергеевич (1818–1883) 366, 371, 377
Тургенев, Николай Иванович (1789–1871) 352, 356, 366, 369, 370
Турн-Таксис 120
Туссенель (Toussenel), Альфонс (1803–1885) 332
Тьер (Thiers), Адольф (1897–1877) 364, 365
Тьерри (Thierry), Огюстен (1795–1856) 370

Уваров, Сергей Семёнович (1786–1855) 354
Удальцов, Александр Дмитриевич (1883–1958) 26
Узбек-хан (ок. 1282–1341) 222
Уилер (Wheeler), Джордж Уильям 112, 128, 129, 160
Уилкс (Wilks), Вашингтон (ок. 1826–1864) 299
Уиллоугби (Willoughby), Хью (1495–1554) 236
Уильямс (Williams), Уильям Фенунк, баронет Карсский (1800–1883) 306, 309–311
Уинстенли (Winstanley), Джемс 91
Уитворт (Whitworth), Чарльз (1752–1825) 250–253, 261, 278
Уитлок (Whitlock), Джон 118, 129
Украинцев, Емельян Игнатьевич (1641–1708) 253
Уланд (Uhland), Людвиг (1787–1862) 320
Улыбышев, Александр Дмитриевич (1794–1858) 350
Уоллэрдж (Wallarge) 107
Уолпол (Walpole), Уолпол (Walpole), Роберт, 1-й граф Орфорд (1676–1745) 214, 215, 217
Уорли (Worley), Уильям 112
Уркарт (Urquhart), Давид (1805–1877) 33, 65, 67, 209–211, 213, 216, 252, 276, 279, 280, 283, 284, 288–300, 302, 303, 310,

311, 313, 379–381, 384– 388, 395, 398, 399
Утин, Николай Исаакович (1841–1883) 386, 404, 407–409, 424, 425, 436, 444, 452
Уэстон (Weston), Джон 112, 117, 118, 129, 160

Фальмерайер (Fallmerayer), Якоб Филипп (1790–1861) 220, 276, 290, 291, 313
Фаукенер (Fawkener), Эверард (1694–1758) 265
Фейербах (Feuerbach), Людвиг (1804–1872) 30, 330, 365, 373, 456, 458, 460
Фейси (Facey), Томас Грант 104–106, 109, 112, 129
Феоктистов, Евгений Михайлович (1828–1898) 137
Фернивелл (Furnivall), Фредерик Джемс (1825–1910) 82, 131
Фет (наст. фам. Шеншин), Афанасий Афанасьевич (1820–1892) 271, 372, 377
Фикельмон (Ficquelmont), Карл Людвиг граф фон (1777–1857) 300, 301
Филипс (Philips), Лион (1794–1866) 187
Фиркс, Федор Иванович (псевд. Schédo-Ferroti, D.K.) (1812–1872) 188
Флери (Fleury) 149
Флёри (Fleury), Чарлз (наст. имя Карл Фридрих Август Краузе) (1824–?) 314
Флеровский, Н. – см. Берви, Василий Васильевич
Флоке (Floquet), Шарль Тома (1828–1896) 165
Флуранс (Flourenc), Гюстав (1838–1871) 151
Фогель фон Фалькенштейн (Vogel von Falckenstein), Эдуард (Эдуард Эрнст Фридрих Ганнибал) (1797–1885) 446, 455
Фогт (Vogt), Густав (1829–1901) 405, 440, 452, 453
Фогт (Vogt), Карл (1817–1895) 94, 211, 262, 270, 290, 345, 380, 385, 405, 432, 440 457, 458
Фокс (Fox), Ральф (1900–1937) 27
Фокс (Fox), Чарлз Джеймс (1749–1806) 268, 269
Фокс (наст. фам. Фокс Андре) (Fox André), Питер (1831 или 1832–1869) 129, 169–171, 188, 197
Фомичев, Валерий Николаевич (род. в 1946 г.) 78
Фонвизин, Денис Иванович (1745–1792) 342
Фонтана (Fontana), Джулеппе (1840–1876) 10
Фонтен (Fontaine), Леон (1834–1895) 183
Фор (Faure), Жозеф 99
Форбс (Forbes) 129
Форе (Faurès), Эмиль 332, 336, 375
Франкель (Frankel), Лео (1844–1896) 425
Франполли (Frapolli), Лодовико (1815–1878) 328–330, 334, 335, 338
Фрёбель (Fröbel), Юлиус (1805–1893) 52, 386
Фреголи (Fregoli), Леопольдо (1867–1936) 426, 453
Фредерик IV (Frederik) (1671–1730) 252
Фрейлиграт (Freiligrath), Фердинанд (1810–1876) 47, 49, 52, 381
Фрибур (Fribourg), Эрнест Эдуар 105, 106, 121, 142, 143, 148, 162, 196
Фриллянд (Цви), Григорий Самойлович (1897–1937) 26, 458, 459, 461
Фридман 336
Фридрих II Великий (1712–1786) 152, 245, 262, 266–268
Фридрих-Вильгельм I (1688–1740) 260, 261
Фролов, Николай Гаврилович (1812–1855) 319, 374
Фрэнсис (Francis), Джордж Генри 300
Фукс (Fuchs), Эдуард (1870–1940) 23
Фуллер (Fuller), Маргарита (1810–1850) 48
Фурье (Fourier) Шарль (1772–1837) 48, 63, 170, 363, 373, 458, 460

Х. – см. Иванов, Иван Иванович
Хаммер-Пургшталь (Hammer-Purgstall), Йозеф, барон фон (1774–1856) 291
Хансард (Hansard), Томас Керзон (1776–1833) 210, 275, 295, 300, 386
Харрис (Harris), Джеймс, 1-й граф Малмсбери (1746–1820) 214–216, 267, 268
Харрис (Harris), Джеймс, 3-й граф Малмсбери (1807–1889) 214
Харрис (Harris), Джордж Эдвин (1819–1890) 100
Харрисон (Harrison), Фредерик (1831–1923) 82, 86, 89, 131, 134, 135
Хартуэл (Hartwell), Роберт 88, 89, 92, 129, 135, 136

Хауэлл (Howell), Джордж (1833–1910) 88, 90, 92, 104, 105, 112, 129, 134, 138, 139, 147, 151
Хафнер (Hafner), И.А. 174, 175
Хеделер (Hedeler), Владислав (род. в 1953 г.) 27
Хеккер (Hecker), Рольф (род. в 1953 г.) 7, 26. 452
Хемфри (Humphrey), А.В. 135, 147
Хилквит (Hillquit), Моррис (1869–1933) 197, 200
Хиллебранд (Hillebrand), Карл (1829–1884) 302
Хлестаков, Александр Иванович (персонаж комедии «Ревизор» Н.В. Гоголя) 344
Хобарт (Hobart), Джон, 2-й граф Бекингемшир (1723–1793) 214
Хоецкий (Chojecki), Эдмунд (псевд. Шарль Эдмон) (1822–1899) 328, 329
Холиок (Holyoake), Джордж Джекоб (1817–1906) 131
Хомяков, Алексей Степанович (1804–1860) 64
Хоуторн (Hawthorne), Натанаил (Натаниель) (1804–1864) 48

Цверчакевич (Cwierczakiewicz), (псевд. Кард) Юзеф (1822–1869) 162, 188
Цвидинек-Зюденгорст (Zwiedineck-Südenhorst), Отто Вильгельм Хельмут, фон (1871–1957) 199
Цеткин (Zetkin), Клара (1857–1933) 37, 391
Цицерон (Марк Туллий Цицерон) (106–43 до н. э.) 269
Цобель (Czóbel), Эрнест Осипович (Эрнё) (1886–1953) 14, 78

Чаадаев, Пётр Яковлевич (1794–1856) 342
Чайльд (Child), Джозая (1630–1699) 242
Чаннинг (Channing), Уильям Эллери (1780–1842) 48
Ченс (Чэнс) (Chance), Джеймс Ф. 203, 260, 275
Ченслер (Ченслор) (Chancelor), Ричард (1521–1556) 236, 237, 261
Чернов (Tchernoff), Иуда (1872–1950) 116, 118, 141, 149, 150
Чернышевский, Николай Гаврилович (1828–1884) 29, 35, 85, 137, 138, 141, 232, 343, 360, 373, 376, 377, 427, 429, 432, 440, 456–464
Черчилль (Churchill), Джон, 1-й герцог Мальборо (1650–1722) 243, 251
Чешихин, Василий Евграфович (псевд. Ч. Ветринский) (1867–1923) 371
Чингис-хан (ок. 1155–1227) 222, 226, 235
Чиприани (Cipriani), Амилькаре (1845–1918) 123, 151
Чуковский, Корней Иванович (1882–1969) 374

Шабо (Chabaud) 95, 98, 99, 103, 141, 142, 144, 145
Шаппер (Schapper), Карл (1812–1870) 44, 337
Шарпантье (Charpentier) 335
Швейхель (Schweichel), Роберт (1821–1907) 422, 425
Швейцер (Schweitzer), Иоганн Баптист фон (1834–1875) 187, 203, 276, 356, 410, 411, 413, 416, 417, 419, 424, 440, 442, 445, 453
Швейцер, Ю. – см. Швейцер (Schweitzer), Иоганн Баптист фон
Шевалье (Chevalier), Мишель (1806–1879) 142
Шекспир (Shakespeare), Вильям (1564–1616) 111, 434
Шелгунов, Николай Васильевич (1824–1891) 373, 457
Шелли (Shelley), Джон Вилльерс (1808–1867) 104
Шеллинг (Schelling), Фридрих Вильгельм (1775–1854) 321, 377
Шенрок, Владимир Иванович (1853–1910) 349
Шеню (Chenu), Адольф (1816–?) 329
Шеридан (Sheridan), Генри Бринсли (1820–1906) 100
Шерман (Shearman), Чарлз 129, 134
Шили (Schily), Виктор (1810–1875) 345
Шиллер (Schiller), Фридрих фон (1759–1805) 345
Шиппель (Schippel), Макс (1859–1928) 279
Шлютер (Schlüter), Фридрих Герман (1851–1919) 24
Шмоллер (Schmoller), Густав фон (1838–1917) 269
Шмюкле (Schmückle), Карл (1898–1938) 27, 28
Шо (Shaw), Роберт (ок. 1829–1869) 104, 129, 169

Шопенгауэр (Schopenhauer), Артур (1788–1860) 372
Шпильгаген (Spielhagen), Фридрих (1829–1911) 423, 453
Шпир (Spier), Самуэль (1838–1903) 442, 446
Штахель, К. – см. Сазонов, Николай Иванович
Штейн (Stein) А. 274
Штейн (Stein), Ганс (1894–1941) 23
Штейн (Stein), Лоренц (1815–1890) 370–372
Штибер (Stieber), Вильгельм (1818–1882) 295, 309, 313, 314, 407, 440, 442
Штирнер (Stirner), Макс (наст. имя Каспар Шмидт) (1806–1856) 458
Штраусберг (Strousberg), Бетель Генри (1823–1884) 144
Шульц (Schulz), Альфред (1905–1967) 23

Щапов, Афанасий Прокофьевич (1831–1876) 461, 464
Щелкалов, Андрей Яковлевич (?–1598) 238

Эванс (Evans), Джордж де Лейси (1787–1870) 306, 307
Эвелинг (Aveling), Эдуард (1851–1898) 17, 71, 311
Эвелинг, Элеонора – см. Маркс-Эвелинг, Элеонора
Эвербек (Ewerbeck), Август (1816–1860) 363, 364
Эглинтон (Eglinton), Джон 107, 109
Эдмон, Шарль – см. Хоецкий, Эдмунд
Эйнштейн (Einstein), Альберт (1879–1955) 6
Эйснер (Eisner), Курт (1867–1919) 392, 409, 410
Эйххоф (Eichhoff), Карл Вильгельм (1833–1895) 155, 176, 189
Эккариус (Eccarius), Иоганн Георг (1818–1889) 91, 106, 118–122, 128–130, 132–134, 136, 148, 151, 162, 169, 172, 176, 180–182, 184, 185, 190, 193, 194, 197, 399, 434, 448
Эккрилл (Ackrill) 107
Элпидин, Михаил Константинович (1835–1908) 464
Эльснер (Elsner), Карл Фридрих Мориц (1809–1894) 76
Эмерсон (Emerson) Ральф Уолдо (1803–1882) 48
Энгельгардт, Василий Васильевич (1785–1837) 350
Энгельс (Engels), Фридрих, отец (1796–1860) 47
Энгельс (Engels), Фридрих (1820–1895) 6–10, 12–33, 35–40, 42–47, 49, 53–55, 57–59, 68–79, 119, 121, 123, 132, 138, 150, 153, 157, 158, 159, 161, 165, 166, 169, 172, 181, 185–190, 199, 202, 206, 211, 271–276, 278–281, 288–299, 306, 307, 309–315, 317, 336, 338, 340, 356, 358, 359, 360, 362, 363, 364, 365, 372, 374–378, 381, 387–390, 392, 395–399, 405, 407, 408, 410, 412, 416, 417, 425–430, 432, 435–437, 448, 450–454, 456–461, 463, 464
Энгельсон, Владимир Аристович (1821–1857) 323, 340
Эпиктет (ок. 50–13 до н. э.) 351
Эрве (Hervé), Эдуар (1835–1899) 183
Эри (Airey), Ричард (1803–1881) 307
Эспартеро (Espartero), Бальдомеро (1793–1879) 380
Эшли Купер (Ashley Cooper), Энтони, 1-й граф Шефтсбери (1621–1683) 243

Юз (Хью) (Hughes), Томас 135
Юлленборг (Gyllenborg), Карл (1671–1730) 256–258
Юиг (Jung), Герман (1830–1901) 121, 131, 151, 169, 170, 445, 448
Юрий Данилович (1281–1325) 222, 276, 277
Юхан (Johan) III (1537–1592) 277

Яго 421
Якоби (Jacoby), Иоганн (1805–1877) 422–424, 429, 431, 432
Янаш (Jannasch), Роберт (1845–1919) 137
Ярослав Мудрый (978–1054) 221, 231

Adler F. – см. Адлер Фридрих
A.P.C. – см. Пульский (Pulszky), Аврелий Ференц (Францишек)
Ashley – см. Эшли Купер (Ashley Cooper), Антони, 1-й граф Шефтсбери
Ashley, Anthony Evelin Melbourne (1836–1907) 138

Baernreiter, Josef Maria (1845–1925) 131
Bakounine, M. – см. Бакунин, Михаил Александрович
Ball, John 132
Bauer, Bruno – см. Бауэр, Бруно

Bebel, August – см. Бебель, Август
Beer, Max – см. Беер, Макс
Beesly, Edward Spencer – см. Бизли, Эдуард Спенсер
Bennet, Thomas 132
Bernstein, Eduard – см. Бернштейн, Эдуард
Blanc, Louis – см. Блан, Луи
Borkheim – см. Боркхейм, Сигизмунд Людвиг
Brentano, Lujo – см. Брентано, Людвиг Иосиф (Луйо)
Bucher, Lothar – см. Бухер, Лотар
Burke, Bernard (1814–1892) 385

Cassau, Theodor Otto (род. в 1884 г.) 131
Chabaud – см. Шабо
Charléty, Sebastien 140, 142
Chenu, Adolph – см. Шеню, Адольф
Clémence, Adolphe (1838–1889) 142
Coquard – см. Кокар, А.
Coutant – см. Кутан, Жан-Батист

Da Costa, Charles 143
Dana, Ch. A. – см. Дана, Чарлз Андерсон
Darimon, Alfred – см. Даримон, Альфред
Delord, Taxile (1815–1877) 141
Denis, Hector (1842–1913) 188
Dobbs, Archibald Edward (1882–?) 131
Domanico, Giovanni – см. Доманико, Джованни
Droysen – см. Дройзен, Иоганн Густав
Duchêne, G. 139
Duchinski (Duchiński), Franciszek – см. Духинский, Франтишек
Dunning, Thomas Joseph – см. Даннинг, Томас Джозеф

Earl of Leicester – см. Лестер
Eccarius, Johann Georg – см. Эккариус, Иоганн Георг
Eichhoff, Karl Wilhelm – см. Эйххоф, Карл Вильгельм
Evans, Howard (1839–1915) 133, 147, 151

Faust, Albert Bernhardt (1870–1951) 50
Fleury, Victor (1875–1957) 324
Fribourg, Ernest Eduard – см. Фрибур, Эрнест Эдуард
Fröbel, Julius – см. Фрёбель, Юлиус
Furnivall, Frederick James (1825–1910)
Fay, Charles Ryle (1884–?) 131

Gammage, Robert George (ок. 1820–1888) 135
Goldscheid, Rudolf (1870–1931) 187
Golowin, Jean – см. Головин, Иван Гаврилович
Goodrick – см. Гудрик, Джон, баронет
Grün, Karl – см. Грюн, Карл
Grünberg, Carl – см. Грюнберг, Карл
Guillaume, James – см. Гийом (Гильом), Джеймс

Harrison, Frederic – см. Харрисон, Фредерик
Hasbach, Wilhelm (1849–1920) 131
Haumont, Emile (1859–1942) 318
Héligon, F. – см. Гелигон, Ф.
Hepner, Adolf (1846–1923) 187
Héritier, Louis (1863–1898) 45
Herwegh, Georg – см. Гервег, Георг
Herwegh, Marcel (1858–1937) 348
Heß (Hess), Moses – см. Гесс, Мозес
Hillquit, Morris – см. Хилквит, Моррис
Holyoake, George Jacob – см. Холиок, Джордж Джекоб
Howell, George – см. Хауэлл, Джордж
Hughes, Томас (1822–1896) 132
Humphrey, A.W. –см. Хемфри, А.В.
Hyndmann, Henry Mayers (1842–1921) 138

Irving, Joseph (1830–1891) 147
Iscander – см. Герцен Александр Иванович

Jaeckh, Gustav – см. Иекк, Густав
Jannasch, Robert – см. Яннаш, Роберт
Jeffroy, L. 143
Johnston, Thomas (Tom) – см. Джонстон, Томас
Jones, Thomas (1822–1916) 134

Kaeber, Ernst (1882–1961) 248
Kaler (Kaler-Reinthal), Emil (1850–1897) 362
Kaufmann, M. 131, 132
Keyserling, Alexander, Graf von (1815–1891) 188
Kinkel, Gottfried Johann – см. Кинкель, Готфрид Иоганн
Kirchhof – см. Кирхоф, Герман

La Gorce, Pierre de (1846–1934) 139
Lafargue, Paul – см. Лафарг, Поль

Lapinski (Lapiński), Teofil – см. Лапинский, Теофиль
Latta, Claude (род. в 1938 г.) 375
Laurence, Matthew – см. Лоренс, Мэтью
Leroy, Maxime (1873–1957) 150
Lessner, Friedrich – см. Лесснер, Фридрих
Levasseur, Pierre Émile (1828–1911) 139, 140
Lévy, Armand – см. Леви, Арман
Lexis, Wilhelm – см. Лексис, Вильгельм
Liebknecht, Wilhelm – см. Либкнехт, Вильгельм
Limanowski, Boleslav (1835–1935) 327
Limousin, Antoine – см. Лимузен, Антуан
Louis, Paul – см. Луи, Поль
Lovett, William (1800–1877) 135
Lucas, Alphons – см. Люка, Альфонс

Mac Carthy (McCarthy), Justin (1830–1912) 147
Malon, Benoît – см. Малон, Бенуа
Martin, H. 189
Martinuzzi, Giuseppina (1844–1925) 151
Marx Aveling, Eleanor – см. Маркс-Эвелинг, Элеонора
Marx, Karl – см. Маркс, Карл
Mazzini, Giuseppe – см. Мадзини, Джузеппе
Mehring, Franz – см. Меринг, Франц
Meyer, Rudolf Hermann (1839–1899) 148
Moin, H. 149
Murchison, Roderick Impey (1792–1871) 188

Nettlau, Max – см. Неттлау, Макс
Noble, H. – см. Нобл (Нобль) Г.А.

Ostrowski, Christian – см. Островский, Кристиан
Overreach– см. Оверрич, Джайльс

Plenge, Johann (1874–1963) 139
Pogodine – см. Погодин, Михаил Петрович
Porochine – см. Порошин, Виктор Степанович 188
Potter, George – см. Поттер, Джордж
Proudhon, P.J – см. Прудон, Пьер Жозеф
Prudhommeaux, Jules (1869–1950) 337

Raven, Charles Earle (1885–1964) 131
Rae, John – см. Рэ, Джон
Rebstock 326
Redfern, Percy (1875–1958) 131
Régnault, Élias Georges Soulange Olive (1801–1868) – см. Реньо (Regnault), Элиас Жорж Суланж Олива
Richards, Cicely 134
Ruge, Arnold – см. Руге, Арнольд
Rumine Gabriel de – см. Рюмин, Гавриил Васильевич

Sand, Karl Ludwig (1795–1820) 320
Schaw-Lefevre, George John (1831–1928) 132
Schédo-Ferroti D.K. – см. Фиркс, Федор Иванович
Schlüter, Hermann (?–1919) 147
Schnitzler, Johann Heinrich (1802–1871) 188
Schulze-Gaevernitz (Schulze-Gävernitz), Gerhard von (1864–1943) 131
Schultze, Ernst (1874–1943) 131
Shearman, C. – см. Шерман, С.
Solowiew – см. Соловьев, Сергей Михайлович
Spargo, John – см. Спарго, Джон
Swift, Lindsdey – см. Свифт, Линдсей
Seignobos, Charles – см. Сеньобос, Шарль

Tartaret, Eugène (1820–1881) 142
Tchernoff, Iouda – см. Чернов, Иуда
Testut – см. Тестю, Оскар
Thomas, Albert – см. Тома, Альберт
Tolain, Henri Louis – см. Толен, Анри Луи

Valera, Paolo – см. Валера, Паоло
Verneuil, Philippe Édouard Poulletier (1805–1873) 188
Vésinier, Pierre – см. Везинье, Пьер
Villetard, Edmond (1828–1889) 143, 144
Vulliamy, Colwin Edward (1886–1971) 131

Wallon, Maurice 140
Watts, John (1818–1887) 146
Webb, Beatrice – см. Вебб, Беатриса
Webb, Sidney James – см. Вебб, Сидней Джеймс
Weber, Heinrich – см. Бауэр, Отто
Weill, Georges – см. Вейль, Георг
West, Julius (1891–1918) 135
Weydemeyer, Josef – см. Вейдемейер, Иосиф
Wilson, James Harrison (1837–1925) 49

Zwiedineck-Südenhorst – см. Цвидинек-Зюденгорст, Отто

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	Вопросы истории. Ежемесячный журнал. М., 1989. № 1–4.
ГС 1864–1866	Генеральный совет Первого Интернационала 1864–1866. Лондонская конференция 1865 года. Протоколы. М., 1961.
ГС 1866–1868	Генеральный совет Первого Интернационала 1866–1868. Протоколы. М., 1963.
ГС 1868–1870	Генеральный совет Первого Интернационала 1868–1870. Протоколы. М., 1964
МЭС	Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1–50. М., 1955–1981.
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
нар.	народное
устар.	устаревшее
MEGA²	Marx, Karl, Engels, Friedrich. Gesamtausgabe (MEGA). Hrsg. von der Internationalen Marx-Engels-Stiftung Amsterdam (IMES). Berlin 1975– (издание продолжается)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Маркс, Карл. Фотопортрет в полный рост. [Конец июля – начало августа 1863 г.] Лондон

Обложка журнала „Die Neue Zeit" (Штутгарт), в котором Д.Б. Рязанов публиковался в 1904–1916-е гг.

Д.Б. Рязанов в Вене. 1910-е гг.

Обложка первого тома изданного Д.Б. Рязановым «Собрания сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса за 1852–1862 гг.» («Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862». Bd. 1. Stuttgart, 1917)

Открытка художника Н. Андреева «Д. Рязанов». 1922 г.

Д.Б. Рязанов (в центре) с сотрудниками Института К. Маркса и Ф. Энгельса на фоне здания Института на Знаменке. [1925 г.]

Приветственный адрес сотрудников Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанову в связи с 5-летием Института

Академик Д.Б. Рязанов. Фотография, сделанная к 60-летнему юбилею Рязанова в марте 1930 г.

Титульный лист первого тома второго издания работы Д. Рязанова «Очерки по истории марксизма» (М.; Л., 1928)

Титульный лист первой книги «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», основанного Д.Б. Рязановым

Первая страница работы Д.Б. Рязанова «Возникновение Первого Интернационала»

Первая страница работы Д.Б. Рязанова «Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa», опубликованной в № 5 от 5 марта 1909 г. в журнале «Ergänzungshefte zur Neuen Zeit»

Титульный лист первого русского издания работы Д. Рязанова «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» (Петроград, 1918).

Первые страницы работы Д.Б. Рязанова «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» в журнале «Современный мир» за август 1912 г.

Начальная страница первой публикации работы Д.Б. Рязанова «Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware» («Анархистский товар под флагом марксизма. Маркс и Бакунин в шестидесятых годах») в журнале «Die Neue Zeit» за 1913 г.

Научное издание

Рязанов Д. Б.

Вчитываясь в Маркса...
Избранные работы по марксоведению

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *Е. Л. Бородина*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Н. Н. Першакова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 31.10.2018.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 30,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 5773.

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, ком. 11
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com